

ТРУДЫ

**Белорусского
государственного
технологического
университета**

*Издается с июля 1993 года
Выходит один раз в год*

Серия V

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ**

ВЫПУСК XVIII

Учредитель – учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

УДК [32.01+1+93/94+80] (062.552)
Б43

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом университета.

Главный редактор научного журнала «Труды БГТУ»
ректор, профессор И. М. Жарский

Редакционная коллегия:

- И. В. Полуян, проф., д-р ист. наук, проф. (главный редактор серии);
- П. А. Водопьянов, зав. кафедрой, д-р филос. наук, проф. (зам. главного редактора серии);
- Н. М. Забавский, проф. БГПУ им. Максима Танка, д-р ист. наук;
- Л. Е. Земляков, проф. Академии управления при Президенте Республики Беларусь, д-р полит. наук;
- Т. П. Короткая, проф. БГЭУ, д-р филос. наук;
- А. Е. Михневич, проф. БГУ, д-р филол. наук;
- Н. И. Мищенчук, чл.-кор. БелАО, проф. БрГУ им. А. С. Пушкина, д-р филол. наук;
- С. В. Решетников, проф. Академии управления при Президенте Республики Беларусь, д-р полит. наук;
- А. В. Посох, доц., канд. филол. наук;
- В. М. Острога, доц., канд. ист. наук (секретарь)

Данный выпуск содержит 68 статей, посвященных различным проблемам политологии, истории Беларуси, философии, права, филологии и педагогики.

На его страницах отражены проблемы политической идеологии, постмарксистской теории гегемонии, стратегии развития человечества, экологии, концепции устойчивого развития, этноцентризма в политике Запада, терроризма, модернизации образования.

В материалах, посвященных философии и праву, исследуются методологические основы синтеза естественнонаучного и социогуманитарного познания, особенности диалога православной церкви с другими конфессиями, современные тенденции развития уголовного наказания.

В статьях, посвященных истории Беларуси, много внимания уделено различным проблемам исторического прошлого нашего народа, в частности революционным событиям 1917 года, политике белорусизации, развитию народного образования и науки.

Ряд статей посвящен вопросам языкознания и литературоведения, методике обучения иностранным языкам, эволюционным процессам в современном белорусском языке, формированию познавательной деятельности в условиях модульно-рейтинговой системы контроля.

В материалах журнала отражено авторское видение тех или иных проблем, и уже по этой причине не все из приведенных оценок и выводов могут рассматриваться как бесспорные.

ИСТОРИЯ

УДК 502.11:327

И. В. Полуян, профессор (БГТУ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Одной из отличительных особенностей современности является возрастание роли политики и идеологии в жизни общества и государства. Объективная основа такого явления – усложнение и углубление процессов общественного развития. Идеология и политика представляют собой определенный род деятельности в системе субъективно-объективных отношений и являются тесно взаимосвязанными, наиболее активными компонентами надстройки.

Increase of the role of politics and ideology in the life of our society and state is a peculiar feature of modern life. The complexity of processes of social development serves as the basis for such a phenomenon. Ideology and politics is a certain activity in the system of subjective-objective relations and is closely related to the most active components of the superstructure.

Введение. Одной из отличительных особенностей современности является возрастание роли политики и идеологии в жизни общества. Объективной основой такого явления служит усложнение и углубление процессов общественного развития.

Идеология и политика представляют собой определенный род деятельности в системе субъективно-объективных отношений и являются тесно взаимосвязанными, наиболее активными компонентами надстройки. В зависимости от конкретного содержания идеология может быть истинным или ложным, извращенным отражением реальной действительности, научной или ненаучной. Она оказывает активное влияние на общество, ускоряя или тормозя его развитие.

Основная часть. Идеология представляет собой определенную систему политических, правовых, философских, нравственных, эстетических, религиозных взглядов и идей [1].

Идеология – это теоретическое осмысление политического бытия с точки зрения интересов господствующего класса. Система ценностей, закрепленных в идеологии, создает ориентиры для социального действия. Эти ориентиры мобилизуют людей, определяют их общественную активность. Без идеологии, понятной, принимаемой и реализуемой большинством народа, невозможно обеспечить стабильное развитие общества, динамичное развитие государства как свободного и суверенного субъекта мирового сообщества. Государство без идеологии подобно кораблю без навигационного оборудования. Она превалирует над чувствами и верованиями людей, их прозрениями и заблуждениями, рожденными повседневной жизнью.

В политической идеологии отражаются и получают идейно-теоретическое оформление социальные проблемы и противоречия общества. Овладев сознанием, идеи организуют и сплачивают большие массы людей. В конечном счете побеждают те общественные силы, которые выигрывают борьбу за умы людей и оказываются способными вести за собой большинство [2].

Теснейшая взаимная связь между политической идеологией и политикой состоит в том, что первая является теоретическим обоснованием второй, а вторая, со своей стороны, есть практическое воплощение первой. Короче говоря, идеология – это теоретическое обоснование политики, а политика есть практическое воплощение идеологии.

Для каждого крупного этапа истории человечества характерен свой тип политической идеологии. Соответственно основными историческими типами ее являются: рабовладельческая, феодальная, буржуазная и социалистическая. При этом буржуазное общество в сравнении с предыдущими формациями отличается большее идеологическое разнообразие, что обусловлено, прежде всего, более широкой его социальной дифференциацией. Наряду с собственно буржуазными в нем функционируют и не буржуазные идеологии, выражающие интересы рабочего класса, крестьянства, трудовой интеллигенции.

Среди множества существующих в современном мире идеологий выделяются как наиболее распространенные и влиятельные две буржуазные – 1) консерватизм и неоконсерватизм; 2) либерализм и неолиберализм – и две социалистические – 1) марксистско-ленинская (коммунистическая) и 2) социал-демократическая.

Кратко остановимся здесь на наиболее радикальной из этих идеологий – марксистско-ленинской (коммунистической), вокруг сущности, места, роли и исторической перспективы которой продолжается острая полемика. При этом суждения высказываются часто взаимоисключающие. Ныне этой идеологией руководствуются страны, идущие по пути социалистического строительства (Китай, Вьетнам, Куба и др.), а также около ста коммунистических партий.

Социализм в марксистском понимании – это социальный строй, основанный на общественной собственности на основные средства производства, где отсутствуют эксплуататорские классы и эксплуатация человека человеком, ликвидированы социальный гнет и национальное неравенство, противоположность между городом и деревней, умственным и физическим трудом. На основе общественной собственности обеспечивается планомерное развитие народного хозяйства. Распределение материальных благ осуществляется по принципу: от каждого – по способностям, каждому – по труду. Основопологающими принципами социализма являются также социальная справедливость, свобода личности, подлинная демократия (народовластие), гуманизм [3].

Нельзя не признать, что коммунисты внесли немаловажный вклад в преобразование мира в XX в. Что бы сегодня не говорили об Октябрьской революции, она явилась одним из крупнейших событий российской и мировой истории. Коммунисты самоотверженно сражались с фашизмом и внесли неоценимый вклад в его разгром. В послевоенный период они были в первых рядах тех, кто отстаивал социально-экономические и политические интересы трудящихся, кто боролся за мир на Земле.

Под их руководством народы социалистических стран за несколько послевоенных десятилетий добились значительных успехов в различных областях жизни. Ряд социалистических стран в сжатые сроки превратились из аграрных в индустриальные. Практически повсеместно были обеспечены важнейшие социальные права людей: на труд, отдых, бесплатное образование и лечение, получение жилья, пенсионное обеспечение. В результате значительно повысился жизненный уровень людей, были ликвидированы голод и нищета. Основы советского опыта социально ориентированного планирования экономики, организации образования, здравоохранения и социального обеспечения были затем восприняты развитыми капиталистическими странами. Было бы несправедливо отрицать все это.

Правда, ярые критики советской действительности, как и реалии других бывших социалистических стран, делают вид, что будто бы ничего такого не было. Закрывая глаза на все позитивное своего недалекого прошлого, они всецело акцентируют внимание на имевших место негативах. Однако такой прием говорит лишь о беспомощности и несостоятельности самих этих критиков.

Никто не отрицает, что в процессе социалистического строительства правящими коммунистическими партиями, и особенно их руководством, были допущены крупные просчеты и ошибки. Объективности ради отметим, что это было обусловлено не только субъективными просчетами в области теории, в частности догматизмом мышления. Имелись для того и серьезные объективные основания.

Прибегая к таким действиям, компартии исходили из исторического опыта борьбы молодой буржуазии с феодальной аристократией, а также из учета жесткого противодействия буржуазии справедливым требованиям рабочих, других слоев трудящихся. Сыграл в этом серьезную роль и такой фактор, как резкое обострение на рубеже XIX–XX вв. внутренних противоречий капитализма, выражением которых стали две мировые войны и мировой экономический кризис 1929–1933 гг., принесшие наибольшие страдания и лишения именно народным массам.

Все это послужило питательной почвой леворадикальных настроений среди значительной части рабочих и интеллигенции, что не могло не отразиться на представлявших их интересы коммунистических и других левых партиях и организациях. Следовательно, определенный экстремизм в коммунистическом движении в значительной, если не в решающей, степени был спровоцирован экстремизмом господствующей буржуазии. Подобно тому, как на заре капитализма экстремизм буржуазный провоцировался феодальным экстремизмом. Вспомним о кровавых событиях периода буржуазных революций, диктатуре О. Кромвеля и якобинской диктатуре соответственно в середине XVII в. в Англии и в конце XVIII в. во Франции. История повторяется.

Вызванные революционными потрясениями новые исторические реалии просто вынудили буржуазию пойти на столь далеко идущие общественные перемены. Отсюда рассматривать эти уступки как свидетельства доброй воли буржуазии нет никаких оснований. Вместе с тем нельзя не заметить, что осуществление этих неординарных мер позволило буржуазии сохранить за собой основные стратегические позиции. Уступив сравнительно в немногом и

сбив тем самым накал революционного движения, она укрепила свои властные устои.

Тем временем упоенные несомненными успехами в борьбе за власть коммунистические партии допустили ряд непростительных теоретических просчетов и грубых ошибок: догматическая интерпретация марксизма, абсолютизация одних и игнорирование других его положений, извращение диалектического метода. При этом предпринималась попытка придать теории несвойственную ей функцию, превратив из средства объяснения мира в инструмент его преобразования и удержания власти. Перекосы и грубые теоретические ошибки не могли не сказаться негативно на социально-экономической и политической практике. Здесь утверждаются субъективизм и волюнтаризм, стремление обойти естественные этапы исторического развития, форсировать с помощью силовых методов построение идеализированного нового общества, заставить жизнь двигаться по умозрительно заданной схеме, вопреки объективным законам истории.

Это нанесло непоправимый ущерб марксистской теории, социально-экономической и политической практике, чем не преминула воспользоваться внимательно следившая за всем происходящим зарубежная буржуазия. При этом она не ограничивалась ролью стороннего наблюдателя, а энергично поощряла (в том числе и материально) заблуждение и ошибки руководителей-коммунистов, настойчиво насаждая в их среде свою агентуру. И добилась в этом деле немалых успехов, особенно среди случайных в коммунистическом движении людей – карьеристов, мошенников и проходимцев, которых в его рядах к началу 90-х гг. XX в. оказалось немало и которые уже давно обогатились и не имели ничего общего с идеалами социализма. Фактически произошло перерождение партийной верхушки, ее обуржуазивание. Значительная ее часть, накопившая незаконными путями богатство и превратившаяся в бюрократическую буржуазию, внутренне отреклась от социалистического идеала. Социализм ей стал излишним. Партийная номенклатура оторвалась от народа, более того, она оторвалась и от партийных низов, превратившись в самодавляющую структуру, тем самым самоизолировалась. Не удивительно, что ее попытки апелляции к массам в момент падения не были услышаны.

С помощью такой «пятой колонны», действовавшей изнутри, и пользуясь сознательным или подсознательным попустительством со стороны заблудшего руководства компартий соцстран, пребывавшего на закате своего правления в некоем трансе (помрачении) от пресло-

взвутаго «нового мышления», на поверку оказавшегося духовной капитуляцией перед капитализмом, международная буржуазия преуспела в разрушении Советского Союза и других стран европейской части социалистической системы [4].

Выработка нового видения социализма предполагает всесторонний и объективный анализ прошлого опыта – и теории, и практики. Необходим строгий историзм в оценке марксистской концепции социализма и всей мировой социалистической мысли. Марксистская теория не устарела, но нуждается в освобождении от догматической абсолютизации.

Однако, если не сводить судьбы социализма к судьбам европейской части системы социалистических государств, то на социалистическом направлении общественного прогресса рано ставить крест. Это особенно очевидно сегодня, когда в условиях глубокого экономического и духовно-нравственного кризиса капиталистической цивилизации социалистические страны, особенно КНР – цитадель современного социализма, демонстрируют высокие темпы развития народного хозяйства и культуры. По оценкам многих аналитиков, из нынешнего мирового кризиса Китайская Народная Республика выйдет ведущей державой, оттеснив на второй план США.

Что же касается самого коммунистического движения, то оно, вопреки ожиданиям ярых антикоммунистов, не погибло, не ушло в небытие. После тяжелого удара, нанесенного ему распадом СССР и полураспадом социалистической системы в начале 90-х гг. XX в., это движение постепенно выходит из шока. Критически оценивая пройденный путь, компартии пересматривают прежние теоретические установки, организационные принципы, свою стратегию и тактику.

Из своих программных документов они исключают устаревшие теоретические положения, в том числе связанные с переоценкой места и роли рабочего класса и соответственно недооценкой интеллигенции и крестьянства, с абсолютизацией насильственных форм борьбы и др. Коммунизм рассматривается ими как весьма отдаленная перспектива естественно-исторического прогресса цивилизации. В качестве своих непосредственных задач коммунисты выдвигают защиту насущных интересов людей наемного труда. Если говорить об общем векторе эволюции современного коммунистического движения, то он направлен в сторону сближения с социал-демократическим движением.

Сегодня в мире насчитывается около 100 партий коммунистической направленности

сти. Многие из них находятся на нелегальном или полунелегальном положении. Они объединяют в своих рядах свыше 70 млн. человек, правда около 66 млн. из них приходится на Компартию Китая. Компартии действуют в большинстве стран мира, в том числе во всех постсоветских и постсоциалистических государствах, правда, в ряде случаев они изменили свое название.

Заключение. Таким образом, коммунистическое движение постепенно выходит из глубокого кризиса, обретая второе дыхание. В условиях, когда капитализм обнаруживает неспособность вывести из глубокой отсталости и нищеты две трети человечества (развивающиеся страны), неспособность и нежелание решать глобальные проблемы, своими агрессивными действиями подрывает и без того неустойчивый и хрупкий мир, тем самым провоцируя кризис

цивилизации, коммунистическое движение зовет все здоровые силы планеты к новому единству и прогрессу. Как гласит библейская мудрость, «время разбрасывать камни и время собирать камни...».

Литература

1. Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – С. 481.
2. Тавадов, Г. Т. Политология / Г. Т. Тавадов. – М.: Гранд, 2000. – С. 34–35.
3. Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке / Ф. Энгельс, К. Маркс // Полное собр. соч.: в 50 т. – М.: Госполитиздат, 1964. – Т. 19. – С. 227–229.
4. Полуян, И. В. Политология: учеб. пособие / И. В. Полуян. – Минск: БГТУ, 2005. – 215 с.

Поступила 02.04.2010

УДК: 316.455:316.32

А. В. Денисов, ассистент (БГТУ)

**ЭТНОЦЕНТРИЗМ В ПОЛИТИКЕ ЗАПАДА:
НЕГАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

В данной статье раскрывается сущность такого многогранного явления, как этноцентризм, а также выявлены различные элементы этноцентризма в современной политике западных государств. Приводятся отрицательные последствия разновидностей данного явления и возможные варианты преодоления его негативных тенденций.

A scientific article reveals such an important and little studied phenomenon as ethnocentrism. This problem is widely studied in sociology, psychology and cultural studies, but for political science theme ethnocentrism is studied in a lesser degree. Ethnocentrism is treated as a preference for individual or collective level of their ethnic group, as reflected in the perception and evaluation of the phenomena of life through the prism of its traditions and values. However, in modern politics in the West, especially the U.S., the elements of ethnocentrism manifest in various forms. The main goal of Western policy is now to build a unipolar world order, where the United States and its allies are at the center, and the rest (especially the countries of the East) are on the outskirts. This memoir offers a new look at the phenomenon of ethnocentrism in the context of globalization and Westernization.

Введение. В связи с усилением однополярных тенденций все более характерным явлением становятся постмодернистские стратегии развития: наличие и рост саморасширяющихся глобальных сетей; десоверенизация национальных государств и выход на первый план негосударственных акторов* (финансовых корпораций, религиозных объединений, этносов, НПО); повсеместное распространение локальной рациональности. Вместе с тем имеет место и усиление роли «хаотических процессов» в технических, экономических и социальных областях; становление новой планетарной информационной среды; стирание и изменение национальных границ и установление границ нового типа: этнических, цивилизационных, религиозных и т. д.

Тем не менее, многие архаические черты, свойственные цивилизациям на ранних этапах развития, либо сохранились, либо присутствуют в политике Запада в завуалированном виде. Среди этих черт можно выделить этноцентризм. Данное явление рассматривалось многими исследователями в русле социологии, психологии и культурологии. Для политической науки его исследование также представляет определенный интерес.

Основная часть. В современной науке (прежде всего, в социологии) *этноцентризм* трактуется как предпочтение на индивидуальном или коллективном уровне своей этнической группы, проявляющееся в восприятии и оценке жизненных явлений сквозь призму ее традиций и ценностей. Термин этноцентризм ввел в 1906 г. исследователь У. Самнер, полагавший, что люди имеют тенденцию видеть мир

таким образом, чтобы своя группа оказывалась в центре всего, а все другие соизмерялись с ней или оценивались со ссылкой на нее [1].

Выделяются следующие показатели этноцентризма:

1) восприятие элементов своей культуры (норм, ролей и ценностей) как естественных и правильных, а элементов других культур – как неестественных и неправильных;

2) рассмотрение обычаев своей группы в качестве универсальных;

3) представление о том, что для человека естественно сотрудничать с членами своей группы, оказывать им помощь, предпочитать свою группу, гордиться ею и не доверять (и даже враждовать) членам других групп [1].

Конечно, этноцентризм не всегда может выступать сугубо негативным явлением. Сама его степень у разных членов одной группы может варьироваться. С другой стороны, межэтническое сравнение может выражаться в форме противопоставления, что предполагает, по меньшей мере, предвзятость по отношению к другим группам. Индикатором такого сравнения являются полярные образы: члены этнической группы приписывают себе только позитивные качества, а «чужакам» – только негативные. Наиболее ярко противопоставление проявляется в зеркальном восприятии, при котором члены двух конфликтующих групп приписывают идентичные положительные черты себе, а идентичные пороки – соперникам [2, с. 81–82].

Например, своя группа воспринимается как высокоморальная и миролюбивая, ее действия объясняются альтруистическими мотивами, а чужая группа – как агрессивная «империя зла», преследующая свои эгоистические интересы. Именно феномен зеркального отражения был

* Актор – участник преобразований, движимый собственными мотивами и обладающий для этого соответствующим опытом.

обнаружен в период «холодной войны» в искаженном восприятии американцами и русскими друг друга. Встречается и более наивная форма *абсолютного этноцентризма*: когда его носители убеждены, что «их» традиции и обычаи универсальны для всех людей на Земле. Такая форма этноцентризма встречается у многих архаичных племен и народов в разных уголках Земли. Исследователи и участники этнографических экспедиций отмечали, что представители того или иного племени не воспринимали пришельца как полноценного «человека» (носителя родной традиции) и отказывались общаться с ним на равных [3, с. 55].

Однако путешественники все же находили способ получить доверие племени и приобрести «человеческий» статус. Для этого они проходили *обряд инициации* – посвящения в обычаи и традиции племени или группы, после чего новый человек получал признание и допускался внутрь общности. Зачастую процедуры и сложности инициации были различными, но неизменным оставалось одно – частичный или полный отказ от своей культурной идентичности и принятие культуры, обычаев группы [4, с. 89].

Нередко граждане разных стран, носители различных культур в процессе взаимного общения могут проявлять так называемый *гибкий этноцентризм*, при котором достаточно объективно оцениваются качества своей группы и предпринимаются попытки понять различия другой.

Именно принятие и признание различий можно считать наиболее приемлемой формой социального восприятия при взаимодействии этнических общностей и культур на современном этапе истории человечества.

При наличии конфликта между этническими общностями и в других неблагоприятных социальных условиях этноцентризм может проявляться в очень ярких формах и, хотя и способствует поддержанию позитивной этнической идентичности, становится дисфункциональным для индивида и социума. При таком этноцентризме, который получил наименование *воинственного*, или *негибкого*, люди не только судят о чужих ценностях исходя из собственных, но и навязывают их другим.

Воинственный этноцентризм выражается в ненависти, недоверии, страхе и обвинении других групп за собственные неудачи. Он используется в доктринах, санкционирующих захват и угнетение других народов.

Крайняя форма воинственного этноцентризма – *делегитимизация* (рассмотрение группы или групп в качестве сверхнегативных социальных категорий, исключаемых из реальности приемлемых норм и ценностей). Делегити-

мизация максимизирует межгрупповые различия и включает в себя осознание подавляющего превосходства своей группы. Облегчают делегитимизацию различия во внешности, а также в нормах, языке, религии и других аспектах культуры. Ее целью является полное разделение своей и чужой групп, вплоть до исключения последней из рода человеческого. Членов чужой группы называют змеями, паразитами, крысами, представляют ведьмами, вампирами, демонами. Все это переводит их в категорию «нелюдей» и позволяет не чувствовать себя аморальными, поступая с ними так, как запрещено поступать с себе подобными людьми: издеваться, превращать в рабов или даже убивать [5, с. 211].

Примеры этноцентристской делегитимизации хорошо известны – это отношение первых европейских поселенцев к коренным жителям Америки и отношение к «неарийским» народам в нацистской Германии.

Если посмотреть на современную стратегию политики западных государств, в первую очередь Соединенных Штатов Америки и стран Европейского союза, с точки зрения элементов этноцентризма, то можно обнаружить в тех или иных формах практически все его виды (наивный, гибкий, воинственный и делегитимизация). США по-прежнему стремятся установить однополярную картину мира.

Одну из версий стратегической картины будущей глобальной безопасности предлагают аналитики и стратеги США. Согласно их видению, мы движемся к однополярному миру, состоящему из центра (ядра) и периферии. К ядру относятся страны НАТО (США, Европа и их союзники). На противоположном краю – слабо развитые и недостаточно вестернизированные страны Азии, Африки, Латинской Америки. Между этими границами (центром и периферией) располагаются промежуточные страны – достаточно состоятельные экономически, но с ярко выраженной цивилизационной самобытностью, специфическими политическими режимами и культурными особенностями, представляющими собой определенные препятствия для полной интеграции в ядро. Это, в первую очередь, страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), а также ряд бурно развивающихся экономик Тихоокеанского региона [6].

Новая модель глобальной безопасности в однополярном мире строится на следующих фундаментальных принципах.

1. Главным приоритетом глобальной безопасности является безопасность центра, сохранение, укрепление и расширение его планетарного контроля. Этот приоритет должен быть учрежден, утвержден и признан глобально:

«Что хорошо для США, хорошо для всего человечества».

2. Главным вызовом этой системе безопасности являются спорадические попытки периферии атаковать центр (яркий пример – события 11 сентября 2001 г.).

Именно по отношению к населению периферии, а также к промежуточным странам ярче всего демонстрируется этноцентризм, особенно в крайней форме делегитимизации. Население этих стран воспринимается как некультурное и отсталое, их религиозные и культурные традиции как архаические, а политическая система как антидемократическая. Соответственно, ведение нормального полноценного диалога Западом с этими странами, в первую очередь, с их легитимным (избранным на основе этнокультурных или экономических особенностей) руководством не предусматривается. Лидеры этих стран воспринимаются западной общественностью, с подачи СМИ и политиков, как «диктаторы», «узурпаторы» и «враги человечества». Яркий пример – имидж президентов Венесуэлы или Ирана в глазах Запада.

Стратегия общения с такими «неполноценными» представителями «неправильных» этнических групп – либо прямое силовое вмешательство, либо постепенное экономическое и информационное давление с применением новых сетевых технологий. Право считаться полноценными получают лишь те субъекты, которые пройдут «инициацию» – вестернизацию (приведение своей политической, социально-экономической и культурной жизни в соответствие с поставленными перед ними запросами, отказ от своей культурной идентичности). Причем для Запада не является целью глобальная вестернизация. Для поддержания однополярного порядка «полноценными» должны быть небольшие группы элит, на которые можно будет опираться для поддержания так называемого управляемого хаоса.

США и страны НАТО в настоящее время занимаются перестройкой глобальной системы безопасности именно в таком ключе, тестируя новые подходы, отлаживая сетевые структуры, проверяя эффективность основных механизмов глобального контроля в версии постмодерна [6].

Заключение. Анализ проблемы показывает, что этноцентризм – неизбежная часть нашей жизни, нормальное следствие социализации и приобщения индивида или группы к культуре.

Более того, как и любое другое социально-психологическое явление, этноцентризм не может рассматриваться как нечто только положительное или только отрицательное. Однако в глобальном масштабе этноцентризм одной культурной группы (Запад), имеющий крайние черты, и положенный в основу современной политики по отношению к цивилизациям, выступает как негативное явление, угрожающее, в первую очередь, наличием культурной идентичности других групп, стран, народов, региональных держав, в прямом смысле лишает их права на наличие собственного этноцентризма. Альтернативой однополярному этноцентризму может стать лишь создание многополярной картины мира. В первую очередь, это создание военно-политического союза на базе БРИК, Шанхайской организации сотрудничества и иных региональных интеграционных объединений. Этот союз должен активно проводить совместные учения, отлаживать управление вооруженными силами в случае военных действий, апробировать координацию, соучаствовать в развитии экономического и военнотехнического потенциала друг друга, применять гибкий этноцентризм как адекватный ответ этноцентризму Запада.

Литература

1. Стефаненко, Т. Этноцентризм / Т. Стефаненко // Гуманитарные науки: Социология. Кругосвет. Онлайн энциклопедия [Электронный ресурс] // <http://www.krugosvet.ru/index.php?sec/>.
2. Стефаненко, Т. Этнопсихология / Т. Стефаненко. – М.: Институт психологии РАН, 1999. – 191 с.
3. Обычай и фольклор Мадагаскара: пер. с малазийского. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. – 284 с.
4. Лич, Э. Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. Использование структурного анализа в социальной антропологии / Э. Лич. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 144 с.
5. Мацумото, Д. Психология и культура: совр. исслед.; пер. с англ. / Д. Мацумото. – 3-е междунар. изд. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. – 416.
6. Дугин, А. Г. Глобальная безопасность / А. Г. Дугин // Евразия. Информационный портал [Электронный ресурс] // <http://evrazia.org/article/1263/>.

Поступила 02.04.2010

УДК 502.12

А. Р. Борисевич, доцент (БГПУ)

**ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ
КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

В статье рассматриваются основные направления становления и развития экологического образования как педагогической проблемы. Автор анализирует труды известных российских ученых И. Д. Зверева, А. Н. Захлебного, И. Т. Суравегиной, А. П. Сидельковского, Н. Н. Моисеева, А. Д. Урсула, которые внесли существенный вклад в разработку данной проблемы. Раскрывает концепцию устойчивого развития, которую следует понимать как стратегию коэволюции общества и природы. В свете современных требований перед педагогом выдвигается задача формирования личности, обладающей независимостью в своих мнениях, поступках, строящей свои отношения с окружающей средой на основе понимания ее целостности, обладающей опережающим мышлением и ноосферным интеллектом. В статье раскрыт многовекторный характер понятия «экологическое образование и воспитание».

The article considers the main directions of creation and development of ecological education as a pedagogical problem. The author analyses the works of famous Russian scholars, who contributed to the development of this problem. The article dwells upon the concept of stable development as a strategy of coevolution of society and nature. It sets the task for a teacher to educate the personality free in his thoughts and deeds, dealing with nature on the basis of understanding, possessing perspective thinking and noospheric intellect. It reveals a multivector character of the notion «ecological education and up-bringing».

Введение. Проблема экологического образования и воспитания является достаточно актуальной в педагогике.

Основная часть. Понятие «экологическое образование и воспитание» вошло в педагогическую теорию и практику к концу XX ст. Огромный вклад в наполнение содержания данного понятия внесли известные российские ученые: И. Д. Зверев, И. Т. Суравегина, А. Н. Захлебный, Л. П. Салеева, А. П. Сидельковский и др. [1, 2, 6, 7, 8].

Так, по мнению И. Д. Зверева, «целью экологического образования и воспитания является формирование у учащихся системы научных знаний, взглядов, убеждений, обеспечивающих становление ответственности и деятельностного отношения к окружающей среде» [2]. А. Н. Захлебный рассматривает это понятие как «формирование экологической культуры, в основе которой лежит ответственное отношение к окружающей среде, вытекающее из моральных принципов и правовых норм общества» [1]. В 1991 г. И. Т. Суравегина, И. Д. Зверев вносят некоторые поправки в определение данного понятия, которые делают его более глубоким по содержанию: «экологическое образование и воспитание – непрерывный процесс обучения, воспитания и развития личности, направленный на формирование системы научных знаний и практических умений, ценностных ориентаций, поведения и деятельности, обеспечивающих ответственное отношение к окружающей социально-природной среде» [8, с. 5].

Проведенный анализ литературы позволяет выделить основные задачи экологического об-

разования и воспитания, которые решались педагогами в конце XX ст.: усвоение ведущих идей, основных экологических понятий, на базе которых достигается оптимальное воздействие человека на природу сообразно ее законам; понимание многообразной ценности природы как одного из основных источников развития производства и культуры; овладение прикладными знаниями, практическими умениями и навыками рационального природопользования, развитие способности оценивать состояние окружающей среды, принимать правильные решения по ее улучшению и устранению негативных воздействий в общественно-трудовой деятельности; сознательное соблюдение норм воздействия на природу, исключающее нанесение ей вреда, загрязнения или разрушения природной среды; развитие духовной потребности у человека к общению с природой, осознание ее облагораживающего воздействия, стремление к познанию закономерностей природы; активизация деятельности по улучшению природной и преобразованной среды, нетерпимое отношение к действиям людей, причиняющим ей вред, пропаганда природоохранительных идей.

Огромное влияние на содержание экологического образования и воспитания оказала Межправительственная конференция по образованию по вопросам окружающей среды, созванная ЮНЕСКО в сотрудничестве с ЮНЕП, которая проходила в 1977 г. в г. Тбилиси. На конференции были четко выделены и детально рассмотрены принципы, специфические для экологического образования и воспитания:

единство познания, переживания, действия; прогностичность; взаимосвязь глобального, национального и локального уровней экологической проблемы; междисциплинарный подход; целенаправленность общения учащихся с окружающей средой [12].

Конференция закрепила приоритет экологического образования в системах просвещения, а Московский международный конгресс (1987 г.) подтвердил основной круг вопросов и проблем, считающихся достаточным фундаментом экологической подготовки населения. Эти вопросы касаются преимущественно основ учения В. И. Вернадского о биосфере, функций в ней живого вещества, понятий биологического круговорота веществ и потоков энергии, элементарных сведений о пищевых цепях и экологических пирамидах и представлений об условиях среды, экологических и антропогенных факторах.

Эффективность экологического образования и воспитания в 1980–1990-х гг. определяется не только разработанным содержанием, но и подбором адекватных методов и приемов, форм организации учебно-воспитательного процесса, особенностью которого являлась направленность на достижение двуединого результата – усвоение учащимися содержания и ценностных ориентаций и экологических норм и правил поведения. Достижение первой части результатов обеспечивала классно-урочная система, особенно тех дисциплин, в которые были включены экологические знания (биология, химия, география). Усвоение экологических ценностей и норм происходило главным образом в процессе осуществления каждым учеником различных видов деятельности. Большое распространение получили разнообразные формы внеклассной воспитательной работы экологического характера: «День птиц», «Праздник урожая», «Экологические тропы», «Малая лесная заочная академия», «Опытническая работа по заданию ученых», «Школьные лесничества». Школьники принимали активное участие в коллективных творческих делах (КТД): «Родничок», «Ольха», «Тропинка», «Молодые посадки», «Гроздь рябины», «Муравей» и др. Анализ работы по данному периоду показал, что внеклассная и внешкольная работа открывает широкие возможности для апробации полученных знаний на практике, моделирования возможных способов деятельности и поведения учащихся в природе.

Процесс становления экологической ответственности протекает в условиях активной познавательной и практической деятельности учащихся. Условно его можно разделить на четыре этапа.

Первый этап – накопление чувственно-эмоциональных восприятий и овладение отдельными видами деятельности, формирующими направленность интересов ребенка к современным экологическим проблемам; усвоение экологических норм как регулятора поведения и поступков каждого современного человека.

Второй этап – углубление и развитие чувственно-эмоциональной сферы отношения школьников к окружающей среде. Первичная систематизация знаний, овладение простейшими практическими умениями по изучению и оценке состояния окружающей среды, поведение в ней людей, включая личное и своих друзей (одноклассников). Оперирование знаниями и умениями, выражение личных оценочных суждений преимущественно в игровой деятельности с учетом реальных ситуаций. Углубление интереса к экологическим проблемам на основе развития представлений об их личной значимости. Формирование общих представлений о путях решения экологических проблем, включая личное участие в практических делах.

Третий этап – накопление представлений об экологическом состоянии окружающей среды; обогащение видов деятельности за счет экологических знаний, формирование интеллектуальных и практических умений; использование инструментов и приборов по изучению, оценке, защите и улучшению окружающей среды и здоровья путем личного участия преимущественно в конкретных реальных ситуациях. Прогностические расчеты, включая компьютерное моделирование о состоянии изучаемой среды, овладение эколого-нормативными умениями поведения в окружающей среде на основе перестройки ценностных ориентаций, приобретенных в личном опыте, на новые общественно-значимые мотивы деятельности.

Четвертый этап – формирование идеалов отношения к окружающей среде. Способность организовать свою деятельность на основе углубления экологических знаний, ценностных ориентаций, совершенствования умений, развитие положительных чувственно-эмоциональных потребностей в экологически здоровой и эстетически привлекательной среде; участие в пропаганде экологических знаний, утверждение психоэмоциональной, волевой среды ребенка в отстаивании своих экологических убеждений, противодействие безответственным поступкам.

Значительное влияние на методологическую основу экологического образования и воспитания оказала Конференция ООН по ок-

ружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.), на которой была принята концепция устойчивого развития. Переход к устойчивому развитию требует выработки особой «стратегии разума», более высокие, чем локальные или национальные, интересы. Этот форум расширил рамки Тбилисской конференции. Было принято решение содействовать просвещению, информированию населения и подготовке кадров, чтобы превратить концепцию устойчивого развития в систему духовных и профессиональных установок человечества. Идея перехода мирового сообщества к устойчивому развитию широко обсуждалась на международных форумах в Индии (2005 г.) «Образование для устойчивого будущего»; Киеве (2005 г.) «Окружающая среда для Европы», Минске (2006 г.) «Экологическое образование как условие устойчивого развития» и др.

Как отмечалось на вышеуказанных форумах, основной целью стратегии устойчивого развития является сохранение биосферы.

Концепция устойчивого развития общества созвучна идее становления ноосферы (сферы разума) и выступает как бы начальным этапом ее развертывания. В понимании термина «ноосфера» мы придерживаемся определения, данного А. Д. Урсулом: «под ноосферой (ноосферной цивилизацией) следует понимать грядущее состояние общества, когда оно перейдет на интенсивно-коэволюционный способ взаимодействия с природой, где гуманизированный коллективный разум сможет обеспечить выживание человечества, устойчивое, безопасное во всех отношениях развитие цивилизации в земных и космических масштабах и в наиболее полной мере реализовать стремление человека к счастью» [9]. Однако для глубокого нравственного и осознанного понимания такого взаимодействия необходимо активизировать весь потенциал культуры, произвести кардинальную реконструкцию всей системы ценностных ориентаций, раскрыть человеку универсальную значимость природы и ее непреходящую ценность, имеющую для человеческого существования фундаментальное значение.

Необходимость выживания человека через устойчивое развитие ставит перед образованием XXI ст. задачу довести до сознания людей то, что уже абсолютно ясно объективно, но не принимается основной массой людей: «Наше будущее состоит лишь в том случае, если мы усвоим аксиому: “человек – элемент биосферы и может развиваться только в развивающейся биосфере”». Этот принцип академик Н. Н. Моисеев назвал принципом коэволюции человека и биосферы [4, с. 172].

Концепцию устойчивого развития следует понимать как стратегию коэволюции общества и природы, что является серьезным вызовом антропоцентризму, признающим самого человека абсолютom [4, с. 173].

Личность, владея экологическим знанием, заново открывает окружающий мир, начинает понимать значение многих, раньше казавшихся второстепенными, связей и отношений в природе. Знание экологических закономерностей меняет представление о порядке в земной природе. Человек начинает понимать, что этот порядок не случаен, он необходим для существования и развития человека, продолжения человеческого рода.

Осознание того, что люди не просто существуют на Земле ради самих себя, а что они должны выполнить определенную биосферную функцию, составляет главную парадигму экологического мировоззрения [3, с. 76].

Экологическое образование в контексте концепции устойчивого развития приобретает статус интегрирующего фактора образования в целом, определяет его стратегическую цель и ведущие направления, к которым мы относим получение глубоких знаний об основах устойчивого развития общества и природы и формирование на их основе ноосферного интеллекта; формирование эколого-ноосферного сознания личности, соответствующего установкам концепции устойчивого развития; воспитание потребности в экологической деятельности, ответственном отношении к природе; утверждение самоценности живой природы; формирование и непрерывное совершенствование позитивных (ноосферных) качеств личности, соответствующих новым ценностям социума.

Каждое из названных направлений имеет как мировоззренческую, так и познавательную сторону и требует выражения в виде конкретных установок к деятельности обучающихся. Имеется в виду определение минимума необходимых экологических знаний, определенных умений и навыков и адекватной оценки результатов обучения.

Процесс образования должен способствовать не только лучшему усвоению знаний, умений и навыков, но и личностному росту учащихся: проявлению личностных качеств, творческих способностей, стремления к знаниям, сотрудничеству в достижении цели, активизации мышления, социальной активности. Педагог создает гуманистическую образовательную среду – среду для построения собственного «Я», самоактуализации (стремление к возможно более полному выявлению и развитию своих способностей и возможностей). В центре внимания находится личность учащегося.

Из этого следует, что в свете концепции устойчивого развития идеалом образовательных систем становится формирование личности, обладающей независимостью в своих мнениях, поступках, строящей свои отношения с окружающей средой на основе понимания ее целостности, обладающей опережающим мышлением, ноосферным интеллектом.

Важная роль в подготовке такой личности отводится учителю. Человечество, как считал Н. Н. Моисеев, подошло к порогу, за которым нужны и новая нравственность, и новые знания, новый менталитет, новая система ценностей. Кто их будет создавать? Это учитель, который становится «центральной фигурой истории людей» [4, с. 173]. Ученый отмечает, что у нас нет опыта перехода к новой, нам еще малоизвестной цивилизации. Значит, система «Учитель» и, прежде всего, университеты должны готовить специалистов, не просто владеющих экстрактом опыта предыдущих поколений, но готовых ко встрече с неизвестным, к непрерывной учебе и поиску во всех сферах деятельности. Сущность системы «Учитель» состоит в том, что лидером XXI ст. станет не та страна, где сегодня самый высокий уровень жизни и самая совершенная электроника, а тот народ, который сумеет обеспечить передачу эстафеты знаний и культуры и который сумеет найти то взаимоотношение с окружающей природой, которое отвечает современным потребностям [5].

Таким образом, при переходе к устойчивому развитию наука и образование должны стать единым научно-образовательным процессом, цель которого – созидание сферы разума. Начало этому процессу, как свидетельствуют решения всемирных форумов ООН, посвященных проблемам устойчивого развития, уже положено. Так, в Йоханнесбурге было объявлено, что с 2005 г. начнется не только всемирный переход к устойчивому будущему, но и реализация рекомендаций Генеральной Ассамблеи ООН об объявлении Десятилетия образования в интересах устойчивого развития. А это означает, что: а) образование для устойчивого развития должно носить опережающий характер (оно должно включать информацию не только о прошлом, но и будущем); б) необходимым в такой системе образования является углубление знаний человека о самом себе, своей противоречивой природе (старая парадигма безграничности человеческих возможностей воздействия на природу изжила себя, а новая коэволюционная, или экоцентрическая, еще не сложилась); в) одна из задач образования – создание творческой личности; в творчестве воплощается все лучшее, что есть в человеке.

Рассматривая с этих позиций понятие «экологическое образование и воспитание», следует обратить внимание на его качественное изменение. Оно стало столь многовекторно, что может быть охарактеризовано с разных позиций [3, 10, 11]: *научное*, так как базируется на современных достижениях естественных, гуманитарных наук и гуманитарных практик; *системное*, так как рассматривает подсистему «Человек – Общество» в системах «Природа» и «Космос»; *биосферное*, так как не ставит целью подчинение природы человеком (антропоцентризм), ориентируя на соразвитие природы, человека, космоса; *креативное*, так как реализует творческие возможности преподавателей и учеников; *биоритмическое* (релаксационно-активное) по форме организации занятий (чередование отдыха и активности); *гармоничное*, так как обеспечивает радость познания, самореализацию по всем уровням развития человека (физический, творческий, межличностный, социальный и другие уровни); *гуманное* по целям, методам и средствам; *инструментальное*, так как дает человеку инструмент мышления и дальнейшего самостоятельного познания без созависимости с преподавателем; *опережающее*, так как готовит людей, владеющих опережающим целостным мышлением; *инновационное* – по основным и вспомогательным предписаниям; *прогрессивное* – существенно продвигает человека в знаниях собственной природы и постепенно «отводит» от экологического кризиса; *оптимальное*, так как исключает необязательные шаги в процессе познания.

Заключение. Необходимость перехода к устойчивому развитию цивилизации и коэволюционному взаимодействию с природой ставит вопрос о кардинальных изменениях в существующей системе образования, направленных на формирование экологического сознания личности, соответствующего концепции устойчивого развития; воспитание творческой активности личности, способной решать задачи опережающего характера; экологизацию учебных дисциплин с учетом их возможностей; внедрение в учебный процесс современных инновационных педагогических технологий, способствующих подготовке будущих учителей к эколого-педагогической деятельности.

Следует отметить, что в Республике Беларусь проводятся серьезные исследования, посвященные этой важной педагогической проблеме, – совершенствованию экологического образования и воспитания. Так, за последние 40 лет в стране проведено 25 научных изысканий по данному направлению и защищено 25 диссертационных работ.

Литература

1. Захлебный, А. Н. Отношение школьников к природе / А. Н. Захлебный, И. Д. Зверев, Е. М. Кудрявцева. – М.: Педагогика, 1988. – 127 с.
2. Зверев, И. Д. Межпредметные связи в современной школе / И. Д. Зверев, В. Н. Максимова. – М.: Педагогика, 1981. – 159 с.
3. Маслова, Н. В. Ноосферное образование: монография. – М.: Инст. холодинамики, 2002. – 338 с.
4. Моисеев, Н. Н. Время определять национальные цели: в 3 т. / Н. Н. Моисеев. – М., 1997. – Т. 3. – С. 172–173.
5. Моисеев, Н. Н. Историческое развитие и экологическое образование / Н. Н. Моисеев. – М.: МНЭПУ, 1995. – 242 с.
6. Салеева, Л. П. Формирование бережного отношения младших школьников к природе: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Л. П. Салеева; Моск. гос. пед. ин-т. – М., 1978. – 22 с.
7. Сидельковский, А. П. Психологические основы отношений школьников к природе: учеб. пособие / А. П. Сидельковский. – Ставрополь: Ставропольский пед. ин-т, 1988. – 87 с.
8. Суравегина, И. Т. Отношение школьников к природе / И. Т. Суравегина, И. Д. Зверев. – М.: Педагогика, 1988. – 183 с.
9. Урсул, А. Д. Российское образование для устойчивого развития: первые шаги в будущее / А. Д. Урсул // Альма Матер. – 2008. – № 8. – С. 4.
10. Циолковский, К. Э. Космическая философия: сб. трудов / К. Э. Циолковский. – М.: ИДЛи, 2004. – 685 с.
11. Цыркун, И. И. Инновационное образование педагога: на пути к профессиональному творчеству: пособие / И. И. Цыркун, Е. И. Карпович. – Минск: БГПУ, 2006. – 311 с.
12. Strategy for Environmental Protection and Rational Use of Natural Resources in ECE Member Countries Covering the Period up to the Year 2000 and Beyond. – N.Y., 1986. – P. 1. – 133 p.

Поступила 02.04.2010

УДК.159.942.53:316.62

А. П. Александрович, канд. психол. наук (БГТУ)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТА

В данной статье отражаются некоторые особенности личности террориста. В частности, показаны три психологические модели личности: психопат-романтик, фрустрированный человек, человек из ущербной семьи. На основе научных исследований в статье дается сравнительная характеристика преступника и террориста, отчетливо выделяются шесть базовых качеств, таких, как 1) преданность своему делу; 2) готовность к самопожертвованию; 3) выдержанность, дисциплинированность; 4) «конспиративность»; 5) повиновение; 6) коллективизм – способность поддерживать хорошие отношения со всеми членами своей боевой группы.

The article reveals some peculiar features of the terrorist personality. It shows three psychological patterns of the personality: psychic fan, frustrated person, member of a detrimental family. On the basis of scientific investigations the article presents a comparative analysis of a criminal and a terrorist, distinguishes six basic characteristics: 1) loyalty to this deeds (terror) and organization; 2) readiness to sacrifice; 3) discipline; 4) uncommunicativeness; 5) obedience; 6) friendliness to the members of his group.

Введение. Именно личность террориста всегда привлекала к себе внимание исследователей. Считалось, что стоит изучить это сложноорганизованное целое, как все станет понятным в психологии террориста и проблема борьбы с ними получит надежную научную базу. Однако именно это оказалось самой сложной, до сих пор не разрешимой задачей.

Основная часть. С. Рощин предлагал три психологические модели личности. Первая модель – *психопат-фанатик*. Она расширялась следующим образом: это «человек, который руководствуется своими убеждениями (религиозными, идеологическими, политическими) и искренне считает, что его действия, независимо от их конкретных результатов, полезны для общества. Человек, у которого сфера сознания крайне сужена теми или иными доктринами, и им же подчинена его эмоциональная сфера, поэтому он оказывается способным совершить все что угодно. На политическом языке – это фанатик, психологическом – психопат. Психопат может совершить великие и добрые дела, если его устремления и установки совпадают с потребностями общества, но он же способен сотворить огромное зло, если мотивы его действий носят объективно антиобщественный характер. Любой психопат-фанатик может стать террористом». Это верно, но объясняет только часть проблемы.

Вторая модель, *фрустрированного человека*, базируется на бихевиористской теории фрустрации-агрессивности: «чувство фрустрации, порожденное невозможностью для человека по каким-то причинам достичь жизненно важных для него целей, неизбежно порождает у него тенденцию к агрессивным действиям. Сознание в этом случае может сыграть роль инструмента в рационализации этих действий, то есть в подборе тех или иных поводов для их

оправдания. Если не абсолютизировать названную концепцию как единственный и универсальный способ объяснения агрессивного поведения человека, то можно признать, что в отдельных случаях она применима для понимания склонности человека к террористическим актам». Отчасти и это верно.

Третья модель – *человек из ущербной семьи*. «Жестокое обращение родителей с ребенком, его социальная изоляция, дефицит добрых отношений могут привести к формированию озлобленной личности с антисоциальными наклонностями. При определенных условиях люди такого психологического склада легко могут стать инструментами террористической организации» [1]. В целом и это верно. Однако единой четкой и целостной картины не возникает.

С. Ениколопов вообще считает, что, несмотря на наличие определенного числа общих психологических характеристик, говорить о существовании единого личностного террористического комплекса нет оснований. Он выделяет два относительно явных психологических типа, часто встречающихся среди террористов. «Первые отличаются высоким интеллектом, уверенностью в себе, высокой самооценкой, стремлением к самоутверждению, вторые – не уверены в себе, неудачники со слабым “Я” и низкой самооценкой. Но как для первых, так и для вторых характерны высокая агрессивность, постоянная готовность защитить свое “Я”, стремление самоутвердиться, чрезмерная поглощенность собой, незначительное внимание к чувствам и желаниям других людей, фанатизм. Для большинства террористов характерна тенденция к экстернализации, поиску источников своих личных проблем вовне. Они проецируют низкооцениваемые составляющие своего “Я” на “истеблишмент”, который воспринимается как источник угрозы» [2].

Соглашаясь с перечислением таких отдельных признаков и качеств личности, придется признать, однако, недостаточную продуктивность и этого пути. Из сказанного следует одно: понимание личности должно быть сложнее. Ключ к ее пониманию – не поиск умозрительных моделей и не бесконечный перечень качеств, а мотивационный анализ структуры деятельности личности.

Именно личность в целом внутренне преобразует мотив как предмет потребности в тот или иной вариант деятельности и поведения, направленный на достижение этого мотива, то есть на удовлетворение потребности. В социально-психологическом плане связь нормальных потребностей с обычными правонарушениями часто объясняется тем, что даже нормальная (недеформированная) потребность человека, признаваемая и гарантируемая обществом и государством, может встретить препятствие при своем осуществлении в конкретной жизненной ситуации, в малой социальной группе. Тем более верно и другое: неудовлетворенность сложившимися отношениями неизбежно порождает у человека представление о несоответствии той жизненной ситуации, в которой он находится, его самооценке, претензиям, желаниям, вызывает конфликты и состояние фрустрации.

Достаточно сказать, что даже в случаях совершения тяжких насильственных преступлений 14% лиц, их совершавших, в сложившейся конфликтной ситуации стремились к установлению отношений равенства и взаимопонимания со своими близкими, чему препятствовали потерпевшие. В таких случаях ведущие интересы субъектов нередко состоят всего лишь в том, чтобы «содействовать сохранению условий, благоприятных для жизни... и бороться с условиями, затрудняющими их существование». «Однако для этого указанные лица в силу разных причин не находят (а часто и не особенно стремятся найти) подходящие средства, допускаемые законом». То есть, помимо мотива (который может быть и обычным, нормальным «правильным»), важнейшую роль играют способности его достижения [3].

В отличие от мотива, который далеко не всегда контролируется сознанием, выбор способов и средств его достижения уже носит вполне произвольный характер, представляя собой акт принятия решения. Стадия планирования и принятия решения в террористической деятельности включает оценку реальной возможности удовлетворения потребностей и интересов, выбор объектов, постановку на основе сложившейся мотивации конкретной цели действия, поступка и выбор средств ее достиже-

ния, решение практических задач. На каждом из этих этапов возможны определенные деформации линии поведения, что в итоге может привести к правонарушению вместо правомерного поступка.

Решение совершить террористический акт представляет собой комплекс нескольких решений личности: о цели, объекте, средствах, времени и месте акта, побочных обстоятельствах, способных содействовать или воспрепятствовать задуманному. Применительно к каждому такому вопросу из множества вариантов поведения террорист должен выбрать оптимальный, с его точки зрения. Такой выбор связан с личностными свойствами, к которым обычно относятся направленность личности, ее мировоззрение, опыт, установки, ценности и ценностные ориентации, внутренняя система нравственного и социального контроля. Связан выбор и с оценкой внешней среды, оценкой наличной и предвидением будущей ситуации, в которой осуществится террористический акт, а также представления об отношении к действию и его результатам со стороны микросреды или общества в целом, в том числе и в связи с существующими социальными, нравственными, правовыми нормами поведения.

Мы исходим из того, что террорист адекватно оценивает внешнюю среду, в которой он действует. Современного террориста никак нельзя сравнить с героем чеховского «Злоумышленника», не соображающего, каков вред от отвинчивания гаек на железнодорожных рельсах. Однако, как и этот персонаж, террорист неверно оценивает отношение к своим действиям и его результатам со стороны общества, прежде всего в связи с социальными, нравственными нормами. «Искаженное представление о нравственном или социальном значении происходящих событий, с которыми связан планируемый поступок, порождается либо особенностями сложившейся ситуации, ее напряженностью, конфликтностью, либо особенностями личности (низкий интеллектуальный уровень, слабый самоконтроль, переоценка личных свойств, болезненная обидчивость, излишняя самоуверенность и др.). В результате ситуация оценивается совсем не так, как она должна быть оценена с объективных позиций».

Любопытно сравнить психологию личности обычного, уголовного преступника с личностью террориста. Так, по данным О. Дубовик, только около 20% лиц, совершивших убийство, расценивали ситуацию перед преступлением как безвыходную (хотя для этого и не было достаточных оснований). Среди террористов

так оценивают ситуацию более 80%. Среди обычных преступников, совершивших тяжкие преступления, свыше 45% уверены, что в трудных жизненных ситуациях преступление совершили бы большинство людей. Тем самым этими лицами явно переоценивалось значение трудных, конфликтных ситуаций и недооценивались возможности волевых усилий человека по их преодолению. В отличие от обычных преступников, практически никто из террористов не считал, что на террористический акт способны большинство людей. Напротив, каждый из них был убежден, что только он и его товарищи в состоянии его совершить, что это превышает способности большинства обычных людей. Здесь также переоценивались как трудность ситуаций, так и собственные личностные качества.

Справедливо указывал А. Ратинов: «Принципиально различают преступников и не преступников и отдельные категории преступников между собой не одно какое-то свойство или их сумма, а качественно неповторимое сочетание и особый при этом «удельный вес» каждого, то есть пока еще недостаточно изученный комплекс личностных особенностей, который имеет характер системы». Так считают криминологи. В отличие от них, организаторы террора давно на практике «изучили» необходимые для террористической деятельности «комплекс личностных особенностей» [4].

В общем виде основные качества личности террориста известны достаточно хорошо. Обычно они выступают как требования к членам террористических организаций и одновременно ожидания организации от них. Как правило, такие требования носят вполне формализованный (зафиксированный в каких-либо документах), значительно реже – неформализованный характер (при понятной абсолютной конспиративности террористической группы или организации, когда принципиально не формализуется ничего в ее деятельности). Приведем перечень основных требований к члену Боевой организации партии социалистов-революционеров начала XX в., как они были сформулированы в проекте ее устава, который составлял сам Б. Савинков – человек, много лет лично занимавшийся, как он часто определял, «террористической работой» («работал в терроре») и явно знавший, какие именно качества в первую очередь нужны террористу:

«Особые условия деятельности боевой организации делают необходимым предъявление к членам особо строгих требований:

а) член боевой организации должен быть человеком, обладающим безграничной пре-

данностью делу организации, доходящей до готовности пожертвовать своей жизнью в каждую минуту;

б) он должен быть человеком выдержанным, дисциплинированным и конспиративным;

в) он должен дать обязательство безусловно повиноваться постановлениям общего собрания распорядительной комиссии, если он член или агент комиссии, и распоряжениям комиссии или районного представителя комиссии, если он член местной боевой организации;

г) прием в члены какого-либо из отделов боевой организации допускается лишь при согласии на то всех членов данной группы».

Спустя десятилетия, уже в конце XX в., исламское движение «Хамаз» приводит почти аналогичные требования теперь уже к членам своих террористических отрядов:

«Воин Аллаха и борец с неверными обязан безгранично верить в наше общее дело, борьбу за истинную веру и освобождение нашей земли; он готов стать шахэдом и в любую минуту отдать свою жизнь ради победы.

Послушание старших – святая обязанность воина Аллаха.

Тайна организации, подчинение ее решениям, дисциплина – святые обязанности воина Аллаха.

Воин Аллаха должен стараться расширить ряды нашей организации, но всякий раз на это нужно получить согласие своих товарищей и руководителей».

Таким образом, несмотря на всю разницу во времени, отчетливо выделяются шесть базовых качеств, таких, как: 1) преданность своему делу (террору) и своей организации; 2) готовность к самопожертвованию; 3) выдержанность, дисциплинированность; 4) «конспиративность»; 5) повиновение; 6) коллективизм – способность поддерживать хорошие отношения со всеми членами своей боевой группы.

Если укрупнить эти качества, то возникнет одно основное и два «технических». Основным качеством выступает преданность: преданность своему делу, своей организации и своим товарищам, включающая готовность к самопожертвованию. С данным основным качеством связаны качества «технические», производные – прежде всего, дисциплинированность и «конспиративность».

Преданность подразумевает высокую степень цельности, целостности личности, ее «растворенности» в деятельности и организации. Не случайно, принимая в террористическую организацию, от людей требуют самоотверженности, самоотдачи, способности отказаться от «всего личного» ради достижения общей цели организации. В конечном

счете это требование относиться к себе всего лишь как к «материалу», средству достижения такой цели.

Таким образом, целостность личности террориста подразумевает ее деиндивидуализацию. В этом содержится серьезный парадокс. С одной стороны, активно противопоставляя себя другим людям, государству, всему миру, террористы подчеркивают свою выраженную индивидуальность, достигающую надличностного уровня.

С другой стороны, предельная деиндивидуализация возможна только для террориста-одиночки, что практически неосуществимо в современном мире. Деятельность террориста-одиночки редко бывает эффективной. Обычно она обречена на провал. Непонимание этого со стороны террориста-одиночки заставляет усомниться в его психической адекватности. Так, например, явно неадекватное впечатление производил капитан С. Ильин, попытавшийся в свое время осуществить одиночное покушение на высшее руководство СССР во главе с Л. И. Брежневым. Только исходя из этого он не был подвергнут репрессиям, а всего лишь отправлен в психиатрическую больницу в связи с явной неадекватностью даже не суждений, а, прежде всего, своих непосредственных действий.

Современный терроризм так или иначе является групповым действием. Для обеспечения его эффективности в подготовку и осуществление террористического акта должны быть вовлечены несколько человек. Понятно, что по техническим причинам (прежде всего, по соображениям конспиративности) совершенно не обязательно, чтобы они действовали группой как на завершающей стадии, так и на подготовительных этапах. То есть физические сборы террористической группы не всегда являются обязательными. Однако с точки зрения психологии присутствие стоящей за террористом группы, организации, если даже не реальное, то виртуальное, является почти обязательным для претендующей на эффективность террористической деятельности. Это определяется тем, что террорист всегда противопоставит не отдельному человеку, а группе, организации, в том числе и такой мощной, как государство или даже межгосударственные организации. Для противодействия сложно организованной групповой деятельности людей, естественно, необходима аналогичная организация террористической деятельности. Потому она и приобретает групповой характер, налагая соответствующие требования на личность террориста.

Для такой личности весь мир замыкается на своей группе, своей организации, на целях своей деятельности. Поэтому, разумеется, такая цельность и целостность личности ограничивают ее, прежде всего накладывая жесткие ограничения на индивидуальность человека и свободу его выбора. «Вступая в организацию, человек перестает принадлежать себе, своей семье, своим родителям – он принадлежит только Аллаху и своей организации», – говорится в одной из памяток для боевиков исламской террористической организации «Хамаз». Естественно, что все личные мнения, идеи, мысли и соображения человека, вступившего в такую организацию, достаточно быстро отходят далеко на задний план. Вот для чего нужна строжайшая дисциплина – прежде всего для того, чтобы не было дурной самодеятельности. Отдавая себя организации, человек отдает и свое сознание целиком во власть идеям организации или даже еще шире, куда более высоким идеям надорганизационного уровня. Например, идеям победы мировой революции или, скажем, в современном варианте, установлению мирового исламского порядка (различие в содержании идей в данном случае не имеет принципиального значения).

Для террориста весь мир сосредоточен только – и именно – на терроре, на террористической деятельности.

С точки зрения психологии, помимо, условно говоря, статичных характеристик (особого рода «целостность») личности террориста, не меньший интерес представляют и ее динамические характеристики. Они же прямо противоположны статичным. В динамике личность террориста – непрерывное колебание по синусоиде с широчайшей амплитудой, от демонстрируемой абсолютной веры в свою правоту до ее внутреннего отрицания или, по крайней мере, достаточно частых сомнений. Это метание между абстрактными глобальными идеями, «великими мотивами» и, чаще мотивировками, и конкретными акциями, скучной, рутинной работой. Это постоянно неустойчивая самооценка, которую приходится подтверждать все новыми террористическими действиями. Именно нестабильность самооценки представляет собой важнейший фактор экстремального поведения. И здесь неважно, завышенная она (до ощущения себя сверхчеловеком, решающим судьбы других людей) или, напротив, заниженная (нуждающаяся в подтверждении за счет этих людей). Важно, что она неадекватная и, как правило, неустойчивая.

Заключение. Личность террориста – это постоянное, непрерывное психологическое движение. Такие внешние характеристики, как целостность или целеустремленность, – всего лишь фиксированные моменты психологической неустойчивости, подчас достигающей даже уровня ненормальности.

Литература

1. Александрович, А. П. Психологи о терроризме («круглый стол») / А. П. Александрович // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 4. – С. 44–45.

2. Джекебаев, У. С. О социально-психологических аспектах преступного поведения / У. С. Джекебаев. – Алма-Ата: Респ. книжн. изд-во, 1971. – С. 67.

3. Кудрявцев, В. Н. Правовое поведение: норма и патология / В. Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1982. – С. 166, 168.

4. Ратинов, А. Р. Личность преступника: Психологические аспекты / А. Р. Ратинов // Новая Конституция и актуальные вопросы борьбы с преступностью. – Тбилиси: Мцниереба, 1979. – С. 162.

Поступила 02.04.2010

УДК 930(043.3)

В. Н. Сергеев, ассистент (БГТУ)

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ КОНЦЕПТА «ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ»

Статья посвящена детальному рассмотрению такого фундаментального понятия науки о прошлом, как «историческая реконструкция». Исследуется структура указанного феномена и выделяются такие его необходимые составляющие, как аксиоматика и гипотетика. Особое внимание уделяется взаимодействию этих элементов в процессе исторического исследования, а также тому вызову, который был брошен традиционному пониманию исторической реконструкции в связи с увеличением роли междисциплинарности в современной исторической науке. Рассматривается характер данного вызова и те проблемные области, которые он породил.

The article provides the detailed analysis of one of the fundamental concepts of sciences investigating the past, the «historical reconstruction». The structure of this phenomenon is investigated, and its necessary components, axiomatics and hypothetics, are described. Special attention is paid to the interrelation of these components in the processes of historical studies, and to the challenge for the traditional interpretation of historical reconstruction, resulting from increasing role of interdisciplinary studies in history. The nature of this challenge and the problem areas, caused by it, are considered.

Введение. Основной задачей публикации является обозначение сущности идеи исторической реконструкции, ее составляющих и артикуляция тех областей описываемого феномена, которые сегодня можно считать проблемными. Главная мысль работы заключается в том, что традиционное, устоявшееся понимание исторической реконструкции подвергается на современном этапе серьезным испытаниям, что в дальнейшем может привести к ее трансформации.

Основная часть. Смысл идеи исторической реконструкции заключается в том, что, применяя различные методологические процедуры, историк нацелен на восстановление прошлого в его изначальном виде. Иными словами, построения историка в значительной мере должны соответствовать прошлому. Идею реконструкции мы можем понимать, как минимум, двояко.

1. *Реконструкция как идеал* – раскрытие большинства основных параметров прошлого. Этот идеал поддерживается установкой на инвариантный, непроцессуальный характер прошлого (оно уже случилось и измениться не может). Однако логика развития исторической науки подсказывает, что усложнение методологии и гносеологии ведет к диверсификации исследований, дроблению предмета, т. е. речь идет о парадоксе – чем больше усложняется и совершенствуется историческая наука, тем дальше она от идеала реконструкции.

2. *Реконструкция как элемент исторического объяснения.* Речь идет о том, что некое теоретическое построение, аргументированное фактурой, может претендовать на «финальное» объяснение определенной проблемной области истории. Качество реконструкции может тогда оцениваться через критерий рефлексии – чем меньше рефлексия над соответствующей тема-

тикой и аргументацией, тем более завершена реконструкция.

Сложности на пути реконструкции уже давно являются предметом рассмотрения историков-методологов. Например, А. Я. Гуревич отметил, что для исторической науки традиционен такой подход: «Под объектом принято подразумевать внеположный нашему сознанию фрагмент мира. Это историческое прошлое, “каким оно, собственно, было”... Восстановить картину того фрагмента прошлого, который мы исследуем, во всей полноте и бесконечном многообразии, во всех его бесчисленных связях и переплетениях нам не дано. То, что мы, историки, изучаем, есть именно предмет» [1]. Он же подчеркивает, что «историческая реконструкция есть конструкция историка, он возводит ее из сложного сплава сообщений источников и собственных представлений об историческом процессе» [2, с. 437].

Особенно рельефно данная проблема проявляется в вопросе об объективности построенной исторической науки. Невозможность непосредственного взаимодействия историка и исследуемого им объекта может вызвать сомнения в объективности исторического знания. Многие историки вынуждены констатировать двойственное положение собственной науки. Этот факт демонстрируют, например, А. Нысанбаев [3], А. Я. Гуревич [1], Е. Топольский [4], В. А. и С. В. Любичанковские [5] и другие, которые, с одной стороны, говорят о том, что история имеет право претендовать на объективность, а с другой – не могут избежать оговорки о роли личности историка в воссоздании прошлого. Столь явное противоречие лишь подчеркивает неоднозначность концепта «историческая реконструкция» в современной науке.

В самом упрощенном виде **процесс построения реконструкции** базируется на взаи-

модействии двух полюсов – *исторической аксиоматики* и *исторической гипотетики*.

1. К **аксиоматике** можно отнести набор тех посылок, которые историком в процессе исследования воспринимаются как сами собой разумеющиеся, не подлежащие сомнению. Более того, сами по себе эти посылки историком, как правило, критически не разбираются, а иногда находятся как бы за пределами видимости. Наиболее очевидными составляющими аксиоматики являются, во-первых, те познавательные установки, которые диктуются историку научной традицией, парадигмой, в рамках которой он находится. Сюда входят общие представления о том, что такое история, каковы ее движущие силы, в чем суть исторического процесса и т. д. В большинстве прикладных исторических исследований эти вопросы лежат вне рамок научной рефлексии. Они выступают как опора для исследователя в изучении конкретной темы. Например, для сторонников марксистской традиции история представляет вполне определенный процесс с известными смыслом и целями. Для последователей психоистории прошлое преломляется иным образом и т. д.

2. Второй элемент исторической аксиоматики – та сумма фактов, которой оперирует историческая наука. И если мы не говорим об открытии принципиально новых событий, правомерность очень многих известных науке фактов тоже под сомнение не ставится.

Таким образом, аксиоматикой является то, что историк в процессе своего исследования не «видит», но то, на что он опирается и из чего исходит как из отправной точки.

Вторым элементом, присутствующим в процессе исторической реконструкции событий, является **набор гипотез и предположений**. Приступая к изучению предмета, историк выдвигает гипотезы, удостоверяет их фактами. Он использует набор методов и т. д. Один из ведущих мотивов всей деятельности историка – претензия на то, что его исследование является достаточно точным воспроизведением того, каким на самом деле была изучаемая им часть прошлого. Речь идет о **репрезентации** (понимаемой как отражение) прошлого в исторической реконструкции. В противном случае исследование теряет всякий смысл.

В процессе создания реконструкции гипотетическая часть постепенно утрачивает свой сослагательный статус, поскольку научные предположения либо отбрасываются как неподтвержденные, либо, наоборот, обретают роль удостоверенного знания, непротиворечащего аксиоматике, и в дальнейшем могут перейти в ряд аксиом. Таким образом, появляется **историческая реконструкция как результат**.

Следует подчеркнуть, что до сравнительно недавнего времени историческая реконструкция вообще не являлась научной проблемой. Она фактически сама была аксиомой любого исследования. Да и в настоящее время ситуация изменилась не столь значительно, несмотря на появление многообразия подходов, противоречащих «традиционному».

Традиционное (т. н. «позитивистское») понимание реконструкции основано на той идее, что объект исследования полностью внеположен историку, это тем более легко удостоверяться, если вспомнить, что любой историк разминаясь со своим предметом на десятки и сотни лет. Историк смотрит на объект со стороны и воспроизводит его, насколько хватает способностей, знаний и методов. Корректность построенной регулируется принципами верификации и фальсификации. И на наш взгляд, такой подход к исследованию все еще доминирует в белорусской гуманитарной науке, пусть и не процветает. Сложно согласиться с точкой зрения, что такой подход к историческому познанию наивен и уже себя изжил. Все еще нельзя говорить о существовании более-менее серьезного корпуса текстов, исследований, которые изначально исходили бы из других позиций и формировали бы альтернативную историографическую базу.

С середины XIX в. был всецело поставлен вопрос о степени участия историка в создании реконструкции в роли едва ли не субъекта исторического процесса, т. е. параметра, который может исторический процесс изменять и влиять на него. И этот вопрос будет актуальным еще очень долго. Не вдаваясь в конкретику, подчеркнем, что сумма точек зрения по этому поводу колеблется по своеобразной шкале, на одном полюсе которой находится «историк как человек, живущий в современном контексте, реконструирует прошлое, не реплицируя, а дублируя его, насколько можно близко к оригиналу», а на другом – «историк реконструирует не прошлое, а сводит воедино сумму упоминания и оценки этого прошлого в документах и источниках».

Именно в том случае, если мы становимся на вторую позицию, которую разделяют представители т. н. теории исторического нарратива, интеллектуальной истории и т. п., мы способны всецело поставить под сомнение существующую идею исторической реконструкции, причем за счет того, что, в отличие от всех других ранее упомянутых точек зрения, всецело посягает уже на историческую аксиоматику. И не ограничивается областью исторической гипотетики, как это было ранее, когда под вопрос могла ставиться степень соответствия реконструкции и самого прошлого. Теперь же речь идет о критике основных составляющих

аксиоматики – познавательных установок, на которые историк изначально опирается, статуса категории «исторический факт» и др.

Что касается *познавательных установок* историка, то они, как утверждается, полностью диктуются современным контекстом, т. е. не являются более-менее универсальными и неизменными во времени, они во-многом идеологизированы, т. е. абсолютно зависимы от текущей общественной ситуации. Основой для критики универсальности познавательных предпосылок гуманитарного знания (в т. ч. исторического) стала модификация категории «репрезентация».

В рамках исторической науки понимание репрезентации на данный момент перестало быть однозначным. Под постмодернистским влиянием понимание репрезентации модернизируется и происходит постепенное усвоение идеи *различения*. Прежде всего, приведено высказывание нарратора Ф. Анкерсмита: «Репрезентация вновь *делает присутствующим*... объект, который *отсутствует*», – констатирует он. И далее: «Историческое повествование делает то же самое: оно выступает заменителем... отсутствующего прошлого» [6, с. 9]. Соответственно, «(историческое) повествование можно понять только в рамках логики репрезентации» [Там же]. То есть, применительно к историческому повествованию, понимаемому как репрезентация, акцент переносится с *presentatio* (представления) на его «повторность» (приставка *re-*). И на этой основе нередко кажутся убедительными идеи Х. Уайта и других представителей «интеллектуальной истории» о том, что история есть прежде всего повествование историка, выстроенное в соответствии с определенными лингвистическими фигурами (тропами), а не отражение самой сути прошлого. Как подчеркивает Х. Уайт, историк завершает историю, собирает ее из аморфных событий [7, с. 27]. Репрезентация в соответствии с постмодернистскими идеями осмысливается теперь не через призму категории «тождества» (прошлого и реконструкции), а в рамках понятия «различия». Получает также дальнейшее развитие и возводится в принцип идея непрозрачности источника [8].

Сомнения в (традиционно понимаемой) репрезентативности гуманитарного знания прямо способствовали и критике еще одной важнейшей составляющей аксиоматики исторической реконструкции – понятия «*исторический факт*». С целью демонстрации нетождественности прошлого и реконструкции особый акцент был сделан на различении «историческое событие»/ «исторический факт» (терминология может быть и иной, в дальнейшем мы опираемся на понимание Х. Уайта [7]).

С точки зрения «классической» истории историческое событие и исторический факт различаются мало. Событие – нечто произошедшее в истории, факт – знание историка об этом, причем степень соответствия факта событию расценивается как высокая, особенно в случае корректного применения методологии исследования. С учетом этого речь идет о возможности осуществления исторической реконструкции. Однако подобная установка, с позиций постнеклассических течений выглядит весьма уязвимой для критики. Аспект, на который мы должны в этой связи обратить внимание, заключается в следующем: идея *реконструкции* зачастую выступает не столько как категория гносеологии, сколько как *онтологическая категория*.

Проиллюстрировать данный аспект можно на основе различия «*онтология* / *эпистемология*» в истории, хотя предложенную дифференцию можно назвать естественной для большинства наук. Ведь считается, что исследование направлено на познание реальности в ее «чистом» виде.

Как отмечает Е. А. Мамчур, в историческом познании критерием научности принято считать степень совпадения научных конструкций с реальным миром [9]. И в данном случае у исторического познания по определению могут быть сложности, поскольку оно начинается с ощущения необходимости реконструировать то, что уже *было*. В этой ситуации сложно избежать предпосылки научного поиска, которая исходит из того, что уже *до изучения* объекту присущи все его свойства. Как выразился И. Д. Ковальченко, «все, что было в прошлом, уже совершилось и поэтому является *инвариантным*» [10, с. 238].

Трудности возникают тогда, когда историческая теория при поддержке методологии «сливается» с исторической онтологией. Ж. Ревель характеризует подобную ситуацию следующим образом: «Все больше и больше проявлялась тенденция принимать гипотезы, с которыми, по существу, имели дело историки, за реальные объекты» [11, с. 238]. Тем самым историческая эпистемология подменялась исторической онтологией. На наш взгляд, данный путь практически закономерен в случае с любой методологией в силу наличия в любой научной сфере т. н. «дисциплинарных онтологий» (В. Степин) [12]. Последние, с одной стороны, основываются на приписывании реальности некоторых свойств, а с другой – выступают в качестве контекста исследования той же реальности.

Подобное положение дел с очевидностью вытекает из репрезентационистского подхода к «действительности вообще» и из идеи репре-

зентации-отражения. Одной из причин подобной ситуации является тот факт, что в ходе исследований осуществляется проекция актуального понимания объективной действительности в прошлое, причем в двойном смысле. В первых, историческим персонажам приписывается аналогичное преломление действительности (они репрезентируют «свою» действительность так же как историк, актуальную ему), а во-вторых, исторической реальности приписываются свойства, аналогичные актуальной. Соответственно, реализация принципа историзма (познание «тех» условий) может быть существенно аналогичной познанию актуальных общественных условий. Как отмечает Л. П. Репина, «умозаключения историков обычно идут от результата события, от следствия к причинам ..., что создает впечатление неизбежности, жесткой детерминированности, запрограммированности этого результата» [13, с. 89]. Особенно четко это прослеживается в описанном случае слияния эпистемологии и онтологии. Теория в таком случае выступает уже готовой моделью исторических условий, в результате чего формируется «ретроспективная каузация».

В таком случае нередко происходит уравнивание способа и инструментов объяснения с предметом объяснения (в стиле высказываний о том, что исторический процесс *и есть* противостояние социальных групп).

Заключение. Вывод из этого скорее плачевен для исторической реконструкции и выглядит следующим образом: «Историк способен лишь свести воедино сумму упоминаний и оценок неких событий, упомянутых в документах. При этом предпосылки, определяющие научную позицию и совокупность методов, диктуются той актуальной, не обязательно политической идеологией, которую он исповедует. Чем в таком случае построения историка-социалиста Иванова ценнее для науки, чем работы историка-либерала Сидорова или историка-клерикала Петрова». С позиций такого подхода очевидно, что ничем, т. е. никто из данных историков не ближе к истине, чем любой другой. Однако и данный вывод не является однозначным, поскольку не дает ответов на ряд важных вопросов исторического познания, один из которых заключается в следующем: «Если истории как науки быть не может, то почему она существует?».

Литература

1. Гуревич, А. Я. Территория историка / А. Я. Гуревич // История – нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. – М.: РГГУ, 2005. – С. 562–600.
2. Гуревич, А. Я. О кризисе современной исторической науки / А. Я. Гуревич // История –

нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. – М.: РГГУ, 2005. – С. 427–455.

3. Нысанбаев, А. Проблема объективности в историческом познании / А. Нысанбаев // Ин-т истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.unesco.kz/kazhistory/indexnews.php?subaction=showfull&id=1101716841&archive=&start_from=&ucat=3&. – Дата доступа: 13.04.2005.

4. Топольский, Е. Исторические источники и подход историков к исторической реальности / Е. Топольский // Проблемы исторического познания. – М.: Наука, 1999. – С. 24–30.

5. Любичанковский, В. А. Принцип объективности в историографическом анализе / В. А. Любичанковский, С. В. Любичанковский // CREDO NEW: теоретический журнал [Электронный ресурс]. – 2004. – № 1. – Режим доступа: <http://www.credonew.ru>. – Дата доступа: 02.07.2005.

6. Анкерсмит, Ф. Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / Ф. Р. Анкерсмит. – М.: Идея-Пресс, 2003. – 360 с.

7. Уайт, Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт; пер. с англ. Е. Г. Трубиной, В. В. Харитоновой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.

8. Гуревич, А. Я. «Новая историческая наука» во Франции: достижения и трудности: критические заметки медиевиста / А. Я. Гуревич // История – нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. – М.: РГГУ, 2005. – С. 185–222.

9. Мамчур, Е. А. Релятивизм в трактовке научного знания и критерии научной рациональности / Е. А. Мамчур // Философия науки [Электронный ресурс]. – М.: ИФРАН, 1999. – Вып. 5. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/phnauk5/mamchur.htm>. – Дата доступа: 12.04.2006.

10. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003. – 486 с.

11. Ревель, Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального / Ж. Ревель // Одиссей. Человек в истории / Рос. АН, Ин-т всеобщ. истории. – М.: Coda, 1996. – С. 110–127.

12. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин // Кафедра философии и методологии науки Киевского нац. ун-та им. Шевченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/stepin.html>. – Дата доступа: 03.11.2005.

13. Репина, Л. П. Социальная история в историографии XX столетия: курс лекций / Л. П. Репина. – М.: ИВИРАН, 2001. – 128 с.

Поступила 02.04.2010

УДК 94(476)«14/15»

А. У. Казакоў, асістэнт (БДТУ)

ЗНАЦЬ З РУСКІХ ЗЯМЕЛЬ НА СЛУЖБЕ Ё ВЯЛІКІХ КНЯЗЁЎ ЛІТОЎСКІХ (80-Я ГГ. XV – СЯРЭДЗІНА XVI СТ.)

Артыкул прысвечаны пытанню дзяржаўнай службы знаці з рускіх зямель у Вялікім княстве Літоўскім у 80-я гг. XV – сярэдзіне XVI ст. Служба манарху разам з маёмасным становішчам і шлюбнымі адносінамі з мясцовым набліжэтам з’яўляецца адным з асноўных паказчыкаў ступені інтэграванасці эмігрантаў у прывілеяванае саслоўе ВКЛ. Даследаванне заснавана на звестках пра дзяржаўную службу прадстаўнікоў княскіх фамілій і баярскай арыстакратыі, якія змяшчаюцца ў нарматыўных і дакументальных гістарычных крыніцах. Аналізуецца служба эмігрантаў з рускіх зямель у вайсковай, дыпламатычнай і адміністрацыйнай сферах.

The article deals with the matters of the state service of nobles from Russian lands in the Grand Duchy of Lithuania during the period from 80th, XV century, to the middle of XVI century. The service for the monarch, along with the property status and conjugal relations with local nobles, is one of the most important indicators of the level of immigrants integration into the privileged part of society of the Grand Duchy of Lithuania. The study is based on data from narrative and documental historical sources, describing the state service of the members of princely dynasties and boyar nobles. The subject of investigation is the state service of immigrants from Russian lands for Grand Dukes of Lithuania in military, diplomatic and administrative (managerial) areas.

Уводзіны. Спарадычнае пранікненне знаці з рускіх княстваў у Вялікае княства Літоўскае (ВКЛ) пачалося яшчэ на досвітку гэтай дзяржавы. Адною з набліжаных да князя Міндоўга асоб быў Яўстафі Канстанцінавіч, які паходзіў з Разані [1, стб. 855]. Але толькі з сярэдзіны XV ст. эміграцыя знаці з рускіх зямель становіцца пастаяннай з’явай, якая знайшла адлюстраванне ў крыніцах. У 1446 г. у ВКЛ прыбыла група васалаў пазбаўленага ўлады вялікага князя маскоўскага Васіля II на чале з князем Бораўскім і Серпухоўскім Васілём Яраславічам, які атрымаў тут вялікія зямельныя ўладанні. З гэтага часу ВКЛ стала традыцыйным прытулкам для апальнай арыстакратыі з Маскоўскай дзяржавы і яе атачэння.

З сярэдзіны XV і да канца 30-х гг. XVI ст. у ВКЛ перасяліліся прадстаўнікі розных пластоў прывілеяванага саслоўя рускіх зямель – ад вялікіх (цвярскі і разанскі) і ўдзельных князёў да дробнай служылай знаці. Маса эмігрантаў можна падзяліць на дзве вялікія катэгорыі: арыстакратыю і драбнейшую знаць. Першая, колькасна меншая, складалася з трох груп – вялікіх і ўдзельных князёў, служылых князёў і баярскай арыстакратыі. У другую ўваходзіла дробная знаць («дзеці баярскія»). Правесці больш дакладную дыферэнцыяцыю апошняй з названых груп не дазваляюць крыніцы. Краінай паходжання абсалютнай большасці эмігрантаў было Вялікае княства Маскоўскае.

Знаць, якая прыбыла ў ВКЛ, насуперак юрыдычна замацаванай забароне атрымлівала з рук вялікіх князёў літоўскіх (гаспадароў) зямельныя ўладанні і станавілася абывацелямі Княства. Яшчэ адным паказчыкам інтэграванасці эмігрантаў у прывілеяванае саслоўе ВКЛ выступае іх дзяржаўная служба. Мэта дадзенай працы – вызначыць, як прадстаўнікі знаці з рус-

кіх зямель (а таксама іх нашчадкі) праявілі сябе на службе ў вялікіх князёў літоўскіх і наколькі дзяржаўныя пасады былі для іх даступныя.

Пытанне эміграцыі знаці з рускіх зямель у ВКЛ трапіла ў поле зроку гісторыкаў яшчэ ў XIX ст., але знаходзілася на перыферыі тэматыкі іх даследаванняў. Становіцца эмігрантаў з рускіх зямель у ВКЛ, у прыватнасці іх служба ў вялікіх князёў літоўскіх, да апошняга часу не становілася прадметам спецыяльнага вывучэння, хоць пэўныя аспекты дзейнасці некаторых эмігрантаў траплялі пад пільную ўвагу даследчыкаў.

Асноўная частка. Звесткі пра становішча ў ВКЛ эмігрантаў і іх нашчадкаў за другую палову XV ст. нельга назваць вычарпальнымі. Наяўныя даныя дазваляюць зрабіць пэўныя высновы галоўным чынам адносна эмігрантаў у другім – трэцім пакаленні. Трэба адзначыць, што Іван Андрэевіч Мажайскі прыбыў у ВКЛ «з детми», г. зн. з сынамі Андрэем і Сямёнам, якія на той момант, верагодна, не дасягнулі сталагадовага ўзросту, а значыць, не з’яўляліся самастойнымі суб’ектамі грамадскіх адносін. Але фактычна яны былі эмігрантамі ў першым пакаленні.

Перш за ўсё, служба арыстакратыі з рускіх зямель ў вялікіх князёў літоўскіх праявілася ў вайсковай сферы. Адзін з князёў Шамячычаў прымаў удзел (верагодна, на чале свайго ўзброенага атрада) у паходзе пад камандаваннем трэцяга ваяводы супраць татараў, якія захапілі Кіеў у 1484 г. Сямён Іванавіч Мажайскі разам з уласнымі сіламі ўдзельнічаў ў вайне з Маскоўскай дзяржавай у 1492–1494 гг., дапамагаючы абараняць Сярпейск і Мезецк. У 1497 г. Васіль Іванавіч Шамячыч і С. І. Мажайскі падтрымалі сумесную вайсковую акцыю Польшчы і ВКЛ супраць Малдавіі [2, с. 210; 3, с. 165].

Акрамя таго, Сямён і Васіль Шамячычы трымаі Абалецкую воласць, відаць, выконваючы там функцыі гаспадарскіх намеснікаў [4, с. 298–299]. Ю. Вольф лічыць, што яны рабілі гэта сумесна. Больш верагодным уяўляецца тое, што Васіль стаў спадкаемцам брата ў якасці абалецкага дзяржаўцы пасля яго смерці. Пазней мясцовыя шляхціцы, выступаючы сведкамі ў судах, неаднаразова прыгадваюць час «за князя Ошемячича», але ніколі не называюць яго імя [5, с. 89–91, 92–93, 95].

Эмігрант у другім пакаленні Фёдар Іванавіч Яраславіч удзельнічаў у абароне краю ад татарскіх нападаў. Вядома, што ў 1503 г. войска, якое ён узначальваў разам з князямі Ю. Дубровіцкім і Р. Глінскім, дало няўдалы бой татарам на р. Уша пад Оўручам. Важна, што Яраславіч выступае тут не як статыст, а як адзін з ваеначальнікаў, прычым крыніца ставіць яго імя на першае месца сярод трох правадыроў войска [3, с. 169]. Верагодна, Фёдар Іванавіч прымаў удзел у акцыі супраць татар і ў 1506 г., якая скончылася пераможнай бітвай пад Клецкам. Прынамсі, тады ён быў асабіста зацікаўлены ў абароне ад крымчакоў, якія спусташалі яго ўласныя ўладанні.

Удалую кар’еру на дзяржаўнай службе зрабіў князь Глеб Юр’евіч Пронскі. Пад 1501 г. ён прыгадваецца ў якасці намесніка астрынскага, пад 1504 г. – бабруйскага [6, с. 97, 267]. У 1508 і 1510 гг. ён займаў пасаду намесніка майшагольскага і адначасова дубінскага. Да адміністрацыйнай рэформы 60-х гг. XVI ст. Майшагола была цэнтрам павета, Дубінкі – цэнтрам воласці Віленскага ваяводства. А. Банецкі бачыць Г. Ю. Пронскага на майшагольскім намесніцтве яшчэ раней – у 1493–1494 гг. [7, с. 260].

У 1504 г. князь Пронскі вызначыўся і на дыпламатычнай службе: ён узначальваў пасольства вялікага князя літоўскага Аляксандра ў Арду. У тым жа годзе яго адправілі сустракаць татарскага пасланніка Бахтыяра мурзу [6, с. 95–97]. Глеб Юр’евіч таксама згадваецца ў перапісе дваран вялікага князя літоўскага Жыгімонта Старога 1509 г. [8, с. 163–166]. У адну з рубрык перапісу занесены імёны тых, хто «служы сваі сламі на ласку гаспадарскую к Волохом» [8, с. 165–166]. Сярод іх асобную групу ўтвараюць некалькі імёнаў пад загалоўкам «А то которые с Пронским были ездили до Волох».

Відаць, Глеб Юр’евіч узначальваў вайсковы атрад, які прымаў удзел у паходзе ў Малдавію. У пачатку XVI ст. Польшча ваявала з гэтай дзяржавай, але ВКЛ, нягледзячы на персанальную унію, падтрымлівала з Малдаўскім княствам мірныя адносіны. Імкнучыся іх захаваць, Рада адмовіла Аляксандру ў вайскавай дапамозе палякам супраць малдаван. Гэта, аднак, не выключала магчымасці для шляхты паўдзельні-

чаць у польска-малдаўскім канфлікце не ад імя ВКЛ, а ў якасці гаспадарскіх слуг, што і зрабіў Г. Ю. Пронскі. Такое меркаванне пацвярджаецца фармулёўкай «на ласку гаспадарскаму» (г. зн. добраахвотна, а не паводле абавязку) у перапісе дваран 1509 г., а таксама іншым дакументам з Метрыкі ВКЛ. Гэта запіс аб выплатах тым, «которыи служили господару ...у Волосах» [8, с. 415–416], датаваны 23 кастрычніка 1509 г. Тут зноў у групу вылучаны асобы, якія «с Пронским ездили». Гэты спіс змяшчае амаль усе імёны, што і адпаведны яму ў перапісе дваран. Вядома, што якраз у 1509 г. адбываліся баявы дзеянні паміж польскімі і малдаўскімі войскамі ў Пакуці. За ўдзел у іх Г. Ю. Пронскі атрымаў 40 кап. грошай з вялікакняскага скарбу.

Прадстаўнікі знаці з рускіх зямель, якія эмігравалі ў ВКЛ у канцы XV – 30-х гг. XVI ст., таксама праявілі сябе на службе ў вялікіх князёў літоўскіх. Багаты дакументальны матэрыял за першую палову XVI ст. адлюстроўвае, перш за ўсё, дзейнасць эмігрантаў у адміністрацыйнай сферы.

Даволі паспяховую кар’еру ўрадніка зрабіў князь Мацвей Мікіцініч. У 1502 г. ён згадваецца ў якасці намесніка вялікай княгіні літоўскай Алены Іванаўны ў Княжычах і Цяцерыне. Алена атрымала ад Аляксандра гэтыя ўладанні ў 1501 г. [9, с. 176–177]. Відаць, князь Мацвей з самага пачатку быў прызначаны іх адміністратарам. На 1507 г. ён ужо трымаў ад Алены Іванаўны Магілёў і Бірштаны (Ковенскі павет). Гэтыя населеныя пункты дасталіся ёй у 1503 г. [9, с. 175–176]. У 1507 г. пры пацвярджэнні правоў Мікіцініча на двары Езна, Ганусоўскі і Шлягероўскі Жыгімонт Стары назваў яго яшчэ і намеснікам Алены ў Анікштах [9, с. 181–182].

Блізкасць да вялікай княгіні літоўскай дазволіла М. Мікіцінічу зрабіць кар’еру дзяржаўцы, займаючы пасады намесніка княжыцкага, цяцерынскага, магілёўскага, анікшценскага і бірштанскага. Аднак пазбаўленне пратэкцыі Алены Іванаўны па прычыне яе смерці не спрыяла далейшым поспехам у гэтым накірунку. Тым не менш Мікіцініч быў пакінуты на пасадзе намесніка спалых на гаспадара Бірштан, які знаходзіліся побач з яго Езненскім дваром [10, с. 154]. Варта адзначыць, што статус Мікіцініча як трымальніка Бірштан быў своеасаблівым. З аднаго боку, ён з’яўляўся арандатарам гэтага маёнтка. З іншага боку, князь Мацвей фігуруе ў крыніцах як бірштанскі намеснік, што было пасадай [10, с. 154]. Гэту пасаду, нягледзячы на ўсе цяжкасці, ён здолеў захаваць да канца жыцця.

На дзяржаўнай службе вызначыўся эмігрант пачатку XVI ст. Іван Цімафеевіч Юрлоў, які паходзіў з маскоўскага баярскага роду Пляшчэвых. Пад 1514 г. ён упершыню згадваецца ў

якасці намесніка Ясваінскай воласці (Жамойць) [10, с. 232]. Яго кар’ера ўрадніка складвалася няпроста. Апошні раз у якасці ясваінскага намесніка ён фігуруе ў 1520 г., а ў 1525 г. гэту пасаду ўжо займаў князь Міхаіл Асавіцкі [11, с. 72]. У дакументах 20-х гг. XVI ст. Іван Цімафеевіч называецца толькі панам і гаспадарскім дваранінам. Юрлоў пазбавіўся ўрада, відаць, па прычыне недахопу грошай у скарбе – Ясваінь была пакінута на жамойцкага біскупа. Жыгімонт Стары, аднак, планаваў пана Івана «лепшим держаньем осмотрети и пожаловати», але нічога адпаведнага не знайшлося. Пазней Ясваінь была аддадзена эзулянту Асавіцкаму замест адабраных у яго спачатку Дарсунішак, а потым Скерстамоні. Каб неяк кампенсаваць Юрлову страту ўрада «без причины», вялікі князь у 1525 г. выдаў яму «экспектаыву» – прывілей на тое ж ясваінскае намесніцтва, якое павінна было дастацца Івану Цімафеевічу пасля смерці Асавіцкага, а таксама даў яму права мець у сваіх маёнтках чатыры карчмы «з волным шинком ...без плачєня капцизны» [12, с. 388]. Застаецца невядомым, ці вярнуў Юрлоў пасаду да сваёй смерці (апошні раз ён прыгадваецца пад 1528 г. [13, с. 52]). Такім чынам, кар’ера Юрлова як адміністратара складвалася супярэчліва па суб’ектыўнай прычыне – неспалучэнні палітыцы Жыгімонта Старога па размеркаванні ўрадаў.

Вялікакняскім дзяржаўцам быў апошні вялікі князь разанскі Іван Іванавіч, які знайшоў прытулак у ВКЛ. Ён атрымаў ад Жыгімонта Старога маёнтак Стоклішкі [14, с. 136; 15, с. 105]. Трэба адзначыць, што статус дзяржаўцы, з аднаго боку, павінен быў забяспечваць даход. З іншага, дзяржаўца мусіў ажыццяўляць адміністратарскія функцыі ў тых гаспадарскіх маёнтках, якія знаходзіліся ў яго трыманні; у гэтым сэнсе ён выступаў намеснікам вялікага князя ў даручаных яму ўладаннях.

Дзяржаўцам у шэрагу маёнткаў – Кармялаве, Жыжморах і тых жа Стоклішках пасля смерці І. І. Разанскага – быў князь Сямён Фёдаравіч Бельскі [16, с. 398; 17, прил., с. 34]. Аднак больш удалую кар’еру ўрадніка зрабіў яго таварыш па ўцёках з Маскоўскай дзяржавы Іван Васільевіч Лядскі – былы акольнічы маскоўскага вялікага князя Васіля III. Праз 10 гадоў пасля атрымання пасады намесніка высакадворскага і жалудоцкага, у 1546 г., ён прыгадваецца ў якасці намесніка медніцкага, што стала павышэннем на дзяржаўнай службе [18, с. 71]. У спісе дзяржаўцаў Віленскага і Троцкага ваяводстваў 1536 г. намеснік высакадворскі і жалудоцкі знаходзіўся на 13-м месцы, а намеснік медніцкі – на першым [17, прил., с. 33]! Такім чынам, Лядскі заняў першае месца ў іерархіі павятовых ураднікаў Віленскага ваяводства. Двойчы, у

1536 і 1538 г., ён атрымліваў ад вялікага князя ўзнагароду за службу ў выглядзе грошай і матэрыяльных каштоўнасцей [19, арк. 37 адв., 38 адв. – 39]. Такім жа чынам быў пажалаваны і яго сын Іван [19, арк. 37 адв.; 20, арк. 125 адв.].

Іншай сферай дзейнасці, у якой вызначыліся выхадцы з рускіх зямель, была вайсковая.

У прывілеі 1526 г. І. Ц. Юрлову на ясваінскае намесніцтва былі адзначаны яго заслугі. Ён неаднаразова прымаў удзел у баявых дзеяннях супраць Маскоўскай дзяржавы, у тым ліку ў бітве пад Оршай 1514 г. [12, с. 468]. Падчас сваёй вайскавай дзейнасці на карысць ВКЛ ён нават патрапіў у маскоўскі палон, адкуль вызваліўся пры нявысветленых абставінах [21, арк. 310].

Наступным прыкладам удзелу эмігрантаў у войнах на баку ВКЛ супраць сваіх учарашніх гаспадароў з’яўляецца выпадак Бельскага і Лядскага. І той, і іншы аказалі дапамогу ВКЛ у паспяховай кампаніі 1535 г. падчас Старадубскай вайны (1534–1537 гг.). Паказальна, што яны атрымалі персанальнае паведамленне аб скліканні войска; рабілася гэта, як правіла, у адносінах да буйной шляхты [15, с. 181]. Простым удзелам у баявых дзеяннях іх заслугі, аднак, не абмяжоўваліся. Як былыя маскоўскія ваеначальнікі Бельскі і Лядскі паслужылі важнай крыніцай інфармацыі аб непрыяцельскіх сілах і аб становішчы ў Маскоўскай дзяржаве. Сам Жыгімонт Стары быў вельмі ўзрадаваны, калі даведаўся аб пераходзе гэтых асоб на бок ВКЛ [22, с. 108, 110].

Варта асобна ўзгадаць аб крымскай авантуры С. Ф. Бельскага. Нягледзячы на тое, што яго ад’езд з мэтай ажыццяўлення ўласных планаў не быў санкцыянаваны Жыгімонтам Старым, падчас знаходжання ў Крыме ён дзейнічаў і на карысць ВКЛ, за што атрымаў ад вялікага князя літоўскага падзяку і падтрымку. Пікам гэтай дзейнасці стаў удзел у паходзе супраць Масквы 1541 г., які, як уяўляецца, і быў інспіраваны Бельскім.

За час знаходжання ў Крыме С. Ф. Бельскі, безумоўна, стаў носьбітам важнай інфармацыі аб стане спраў у тамтэйшым ханстве, якая магла спатрэбіцца кіруючым колам ВКЛ. Менавіта гэтым можна патлумачыць тое, што Бельскі ў 1542 г. атрымаў ад Жыгімонта Старога распараджэнне з’явіцца на сойм «до панов рад наших». Верагодна, ён быў прыцягнуты да пасяджэнняў вялікакняскай Рады ў якасці кансультанта. Меркаванне аб тым, што Бельскі ўваходзіў у гаспадарскую Раду, не мае дастатковых доказаў.

Заклучэнне. Эмігранты з рускіх зямель, а таксама іх нашчадкі, праявілі сябе на службе ў вялікіх князёў літоўскіх, вызначыўшыся ў вайскавай, дыпламатычнай і адміністрацыйнай сферах. Несумненна тое, што, нягледзячы на іншаземнае паходжанне, чужынцы мелі магчымасці зрабіць кар’еры ў ВКЛ. Удзел ва ўзброе-

ных канфліктах быў для эмігрантаў не толькі абавязкам, які ляжаў на ўсіх землеўладальніках краіны, і не толькі сродкам атрымання пажалаванняў, але і праяўленнем лаяльнасці новай уладзе, асабліва калі справа тычылася войнаў супраць іх ранейшага гаспадара – вялікага князя маскоўскага. Удзел некаторых эмігрантаў (Шамячычаў, І. Ц. Юрлова, І. І. Разанскага, С. Ф. Бельскага, І. В. Лядскага) у мясцовым кіраванні сведчыць пра тое, што дзяржаўныя пасады таксама былі для іх даступныя. Прычым атрымання гэтых пасадаў адбывалася насуперак афіцыйнай забароне: іншаземцы не мелі права іх займаць. Дзейнасць эмігрантаў на дзяржаўнай службе сведчыць аб іх паспяховай інтэграцыі ў прывіляванае саслоўе ВКЛ.

Літаратура

1. Полное собрание русских летописей. – СПб.: Археогр. комис., 1843. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – IX, 377, [4] с.
2. Полное собрание русских летописей. – Петроград: 2-я гос. тип., 1921. – Т. 24: Типографская летопись. – XI, 271 с.
3. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1975. – Т. 32: Хроники: Литовская и Жомойтская и Быховца; летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного / отв. ред. Б. А. Рыбаков; сост. и ред. тома Н. Н. Улащик. – 233 с.
4. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией: в 15 т. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1863–1892. – Т. 1 / ред. Н. И. Костомаров, Г. Ф. Карпов. – 1863. – 301, 15 с.
5. Беларускі архіў. – Мінск: Археогр. каміс. – Т. 2 (XV–XVI). Літоўская метрыка / Ін-т бел. культуры, аддз. гуманітарных навук; уступ. арт. З. Даўгялы. – L, 341 с.
6. Lithuanian Metrica. Литовская Метрика. Lietuvos Metrica: Kn. 6 (1494–1506) / Parengė A. Baliulis. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2007. – 516 p.
7. Boniecki, A. Poczet rodów w Wielkim Księstwie Litewskim w XV i XVI w. / A. Boniecki. – Warszawa: Druk J. Bergera, 1887. – XVI, 426, L s.
8. Lithuanian Metrica. Литовская Метрика. Lietuvos Metrica: Kn. 8 (1499–1514) / Parengė A. Baliulis [ir kt.]. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų liedybos institutas, 1994. – 649 p.
9. Lithuanian Metrica. Литовская Метрика. Lietuvos Metrica: Kn. 25 (1387–1546) / Parengė D. Antanavičius, A. Baliulis. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų liedybos institutas, 1998. – 460 p.
10. Lithuanian Metrica. Литовская Метрика. Lietuvos Metrica: Kn. 9 (1511–1518) / K. Pietkiewicz. – Vilnius: Žara, 2002. – 615 p.
11. Lithuanian Metrica. Литовская Метрика. Lietuvos Metrica: Kn. 10 (1440–1523) / Parengė E. Banionis, A. Baliulis. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų liedybos institutas, 1997. – 178 p.
12. Lithuanian Metrica. Литовская Метрика. Lietuvos Metrica: Kn. 12 (1522–1529) / Parengė D. Antanavičius, A. Baliulis. – Vilnius: Žara, 2001. – 854 p.
13. Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага: Кн. 523; Кн. Публічных спраў 1 / падрыхт. А. І. Груша, М. Ф. Спірыдонаў, М. А. Вайтовіч; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Бел. навука, 2003. – 444 с.
14. Lithuanian Metrica. Литовская Метрика. Lietuvos Metrica: Kn. 224 (1522–1530) / I. Valikonitė, S. Lazutka [ir kt.]. – Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 1997. – 664 p.
15. Lithuanian Metrica. Литовская Метрика. Lietuvos Metrica: Kn. 227 (1533–1535) / I. Valikonitė, S. Lazutka [ir kt.]. – Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 1999. – 400 p.
16. Kronika Polska, Litewska, Zmudzka i Wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Wydanie nowe, będące dokładnem powtorzeniem wydania pierwotnego krolewieckiego z roku 1582. – Warszawa: Nakł. G. L. Glucksberga, 1846. – Т. 2. – 563 s.
17. Любавский, М. К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства / М. К. Любавский. – М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1900. – 850, 232, LXXII с.
18. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy: [w 10 t.] / Inst. Historii Pol. Akad. Nauk. – Warszawa: Wydaw. DiG, 2003–2004. – Т. 1: Województwo Wileńskie XIV–XVIII wiek / pod red. A. Rachuby; oprac.: H. Lulewicz [i inne]. – 2004. – 764 s.
19. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Фонд. КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 21. «Тые справы початы у книги вписаваны быти приехавши королю его милости и великому князю Жикгимонту до Кракова з ВКЛ лета 1536, мца ноября 22 дня, инд. 10 за пана Михайла, писара». Перапісана. 1536–1537 гг.
20. НГАБ. – Фонд. КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 23. Прывілеі, пажалаванні і судовыя рашэнні. Перапісана. 1538–1540 гг.
21. НГАБ. – Фонд. КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 7. «Книга справ поселских, так теж данин и иных листов поточных за панования короля его милости Жикгамонта Старога» 1444–1549 гг.
22. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVI вв. – Т. VI. Радзивилловские акты из собрания Российской Национальной библиотеки. Первая половина XVI в. / сост. М. М. Кром; редкол.: И. Граля [и др.]. – М.; Варшава: Древлехранилище, 2002. – 267 с.

УДК 947.6.045

А. А. Дамарад, асістэнт (БДТУ)

ЭВАЛЮЦЫЯ ПРАВОЎ ШЛЯХТЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ё XVI СТ.

Артыкул раскрывае прычыны, ход і наступствы эвалюцыі палітычных і маёмасных правоў наблітэту Вялікага княства Літоўскага. Шляхта настойліва дамагалася пашырэння правоў па польскім прыкладзе. Улады ВКЛ вымушаны былі пагадзіцца з гэтым па прычыне працяглай вайны. Ход дадзенага працэсу паказаў імкненне наблітэту да кансалідацыі і рэфармавання заканадаўства. Асноўнай прычынай апошняга было нежаданне плаціць і залежаць ад мясцовых уладаў. Асноўны закон ВКЛ – Статут – быў перагледжаны і зменены ў сярэдзіне XVI ст. Бяднейшая частка вышэйшага саслоўя (шляхта) атрымала магчымасць удзельнічаць у агульным і мясцовым соймах.

The article reveals the causes, course and consequences of the nobility political and property rights evolution in Grand Duchy of Lithuania. The nobility persistently demanded expansion of the rights because of example of Poland. And authorities of GDL had to agree with requirements as well as waging of war continued. Events of this process showed nobility aiming to consolidation and to reforming legal proceedings system. The main reason of last was unwillingness to pay and depend on local authorities which often supposed infringements. That's why main law code Statute of GDL was revised and reconsidered in the middle of XVI centuries. The poorest part of the nobility (called shlachta) had an opportunity to participate in work of country and local parliament (sejm).

Уводзіны. Саслоўная структура сярэднявечнага Вялікага княства Літоўскага была тыповай для свайго часу. Вышэйшае становішча ў грамадстве займалі феадальныя землеўласнікі, якія на працягу XIV–XVI стст. аформіліся ў адзіную групу шляхты. Працэс гэты зацягнуўся на такі час па прычыне паступовага развіцця дзяржавы ў цэлым і агульназемскага заканадаўства ў прыватнасці.

Шляхта займала пануючае становішча ў Вялікім княстве Літоўскім, але па сваім складзе была неаднародная, як па заможнасці, так і па паходжанню. Першапачаткова асноўную масу федалаў складалі нашчадкі старажытнарускіх князёў, баяр, дружыннікаў. У XIV ст. пасля атрымання зямельных уладанняў да іх далучыліся прадстаўнікі літоўскага наблітэту і дружыннікі. Ужо да канца XIV ст. асноўная маса федалаў у Вялікім княстве Літоўскім называлася баярамі. Гэты тэрмін захоўваўся да XVI ст. Пачынаючы з прывілея 1413 г. побач з тэрмінам «баяры» ўсё часцей ужываецца тэрмін «шляхта» ці «баяры-шляхта». У XV–XVI стст. на Падляшшы і Валыні іх называлі таксама зямлянамі, што даследчыкі тлумачаць польскім уплывам і перасяленнем пэўнай колькасці палякаў на гэтыя землі. Рознасць у тэрміналогіі прасочваецца ва ўсім комплексе пісьмовых крыніц.

У другой палове XVI ст. вышэйшы слой землеўласнікаў (паны, князі, княжата) склаў адзіную магнацкую групоўку з адзінымі інтарэсамі, без залежнасці ад нацыянальнай, рэлігійнай ці іншай прыналежнасці. Становішча і значэнне той ці іншай магнацкай сям'і, перш за ўсё, было заснавана на яе ма-

тэрыяльнай і вайскавай сіле. Вялікія князі падзялялі з магнатамі ўладу, бо, як трапна заўважыў М. К. Любаўскі, без іх дапамогі не маглі «решить основные политические задачи государства» [1, с. 361]. Натуральна, што ніжэйшыя пласты шляхецкага саслоўя імкнуліся наблізіцца па сваім становішчы да магнатаў, і таму пачынаюць настойліва патрабаваць ад уладаў пашырэння свайго ўплыву.

Выданнем прывілея 1506 г. завяршыўся першы этап фармавання шляхецкіх правоў у Вялікім княстве Літоўскім. Наступныя прывілеі, выдадзеныя ў 1522, 1529, 1547, 1551 гг., толькі паўтаралі законнасць папярэдніх. Далейшае пашырэнне правоў шляхты праходзіла ў новых сацыяльна-эканамічных і палітычных умовах, звязаных з больш цеснай кансалідацыяй ваенна-служылага саслоўя ў закрытую прывілеяваную групу, а таксама з новым узроўнем яе палітычнай актыўнасці і як вынік – новай ступенню пашырэння правоў дадзенага стану. З пачатку XVI ст. адносна землеўласнікаў можна прасачыць дзве тэндэнцыі: далейшае пашырэнне правоў шляхты і паступовая яе нівеліроўка.

Асноўная частка. У канцы XV – пачатку XVI ст. рэальнае становішча шляхты ў Вялікім княстве Літоўскім было непадобна да сітуацыі, што склалася ў Польшчы. На землях Вялікага княства сацыяльнае і эканамічнае жыццё кантралявала невялікае кола асоб, якія валодалі вялікімі маёнткамі-латыфундыямі і трымалі ў сваіх руках галоўныя дзяржаўныя пасады. Асноўная ж маса шляхты была адхілена ад удзелу ў дзяржаўным жыцці. Інакш было ў суседняй Польшчы, дзе раней шляхта

дамаглася пэўнай дэмакратызацыі дзяржаўнага ладу і ўмацавала свае пазіцыі. Ужо на Мельніцкім сойме 1501 г. была абмежавана судовая ўлада караля, яго права прызначаць уряднікаў. З паслоў шляхецкіх соймаў утварылася пасольская палата кароннага сойма. У 1505 г. канстытуцыя *Nihil novi* пастанавіла, што згода паслоў шляхты стала абавязковай умовай ухвалення новых пастаноў. Сойм 1504 г. забараніў раздаваць панам ва ўладанне дзяржаўныя землі. У 20-я гг. XVI ст. польская шляхта пачынае так званы экзекуцыйны рух, што ставіў на мэце поўную рэалізацыю на справе прынятых пастаноў [1, с. 422]. Сярод галоўных задач было ўраўнанне правоў і абавязкаў заможных родаў з усім рыцарствам, адміністрацыйнага, судовая, вайсковая рэформы і г. д. [2, с. 57].

Дасягненні кароннага рыцарства сталі добрым прыкладам для шляхты ВКЛ. Атрымаўшы ў пачатку XVI ст. доступ да сойма, яна ўсё больш настойліва пачынае дабівацца пашырэння сваіх правоў. Ужо ў 1514 і 1522 гг. вялікі князь атрымлівае прапановы аб тым, каб падданыя Вялікага княства Літоўскага атрымалі пісанае права і законы. Падтрымаўшы гэтую ідэю, манарх і паны-рада ствараюць камісію на чале з канцлерам ВКЛ А. Гаштольдам, якая распрацоўвае праект будучага Статута. Гэты праект абмяркоўваўся паартыкулярна на Вялікім Вальным сойме, пакуль не быў прыняты ўсімі станами сойма. Статут павінен быў не толькі замацаваць каліфікацыю законаў, але і дапоўніць прабелы ў заканадаўстве.

Спецыяльным прывілеем 29 верасня 1529 г. першы Статут ВКЛ быў уведзены ў дзеянне. Як лічаць вучоныя, Статут 1529 г. грунтаваўся ў асноўным на звычайным праве, аднак, выкарыстоўваючы вопыт іншых краін, змяшчаў шмат новых норм розных галін права. З гэтага часу пачынаецца новы этап у развіцці права Вялікага княства Літоўскага ў цэлым і шляхецкіх правоў у прыватнасці. Таму толькі часткова можна пагадзіцца з М. Ясінскім, што, калі Статут 1529 г. сваім з'яўленнем паклаў канец «тому беспарадку, который царил раньше в ВКЛ вследствие действия множества разнообразных законов – то отсюда еще не следует, что появление Статута положило предел силе и значению уставных грамот, уничтожило всякий смысл их бытия» [3, с. 97]. Сапраўды, агульназемскія прывілеі выдаваліся вялікімі князямі і пазней (у 1547, 1563, 1568 гг.), аднак яны ў асноўным паўтаралі ранейшыя палажэнні. Значэнне Статута ў тым, што ў ім былі аб'яднаны ўсе ранейшыя правы шляхты, якая была пастаўлена на вызначальнае месца ў дзяржаве [4, арт. 10 р. III].

Значная ўвага ў Статуце 1529 г. надавала правам шляхецкага саслоўя. Найперш, вялікі князь абавязваўся і надалей захоўваць у цэласці шляхецкія вольнасці. Замацоўваліся і маёмасныя правы землеўласнікаў. Але да вырашэння важнейшых дзяржаўных праблем былі дапушчаны толькі найбольш знакамітыя заможныя прадстаўнікі саслоўя ў складзе паноў-рады [4]. Акрамя таго, шляхта не атрымала свайго незалежнага суда. Таму Статутам 1529 г. землеўласнікі задаволіліся не ў поўнай ступені.

У наступныя гады на соймах усё больш настойліва гучаць патрабаванні аб далейшым пашырэнні правоў шляхты. Улада Вялікага княства Літоўскага пакуль не задавальняе такіх просьбаў. Адначасова пачынаюць з'яўляцца патрабаванні з боку сойма аб «паправе статута», што стала галоўнай мэтай станаў сойма [5, с. 232]. Яшчэ на Бельскім сойме 1544 г. была прынята пастанова пра прызначэнне для гэтага спецыяльнай камісіі. Аднак вялікі князь не згадзіўся забяспечыць яе фінансаванне за ўласны кошт і таму на сойме ў Вільні ў 1547 г. прапанаваў дэпутатам самім вызначыць склад камісіі і забяспечыць яе членаў грашыма са сваіх маёнткаў. У выніку справа аб функцыянаванні камісіі была вырашана толькі ў 1551 г. кампрамісам: вялікі князь і паны-рада прызначылі яе членаў, а шляхта аплаціла іх працу [1, с. 516].

Безумоўна, шляхта дабівалася выпраўлення Статута, зыходзячы са сваіх карпаратыўных інтарэсаў. Разам з тым, не чакаючы зацвярджэння новай яе рэдакцыі, землеўласнікі вылучылі цэлы шэраг хадайніцтваў, якія былі накіраваны на пашырэнне палітычных, саслоўных і эканамічных прывілеяў. У прыватнасці, галоўным патрабаваннем на сойме 1547 г. стала пацвярджэнне ранейшых правоў і прывілеяў новым манархам Жыгімонтам Аўгустам. Апошні пагадзіўся з гэтым, загадаў паказаць і зачытаць перад соймам ранейшыя агульназемскія прывілеі і абяцаў, згодна старажытнаму звычайу, зацвердзіць іх сваім лістом. У выніку ў 1551 г. ён сапраўды выдаў такі дакумент.

Вельмі важным было таксама пытанне пра выбарныя земскія суды. Нягледзячы на тое, што на Берасцейскім сойме вялікі князь адмовіўся задаволіць просьбу шляхты, у 1547 г. гэтая праблема зноў была ўзнята. Сярод прычын, якія выклікалі незадаволенасць судовымі ладам, трэба назваць, перш за ўсё, тое, што суд быў дарагім. Паводле сведчанняў сучасніка гэтых падзей Міхалона Літвіна, калі справа вялася за невялікі надзел зямлі, то суддзя атрымлівае не дзесятую частку маёмасці, якая аспрэчваецца,

а 100 грошаў, нават калі гэты надзел каштуе менш. Тлумачыць гэта аўтар трактата сквапнасцю суддзяў [6, с. 80]. Акрамя таго, паколькі судовыя функцыі выконвалі службовыя асобы, якія мелі іншыя абавязкі, справы разглядаліся вельмі марудна, не было пастаяннага месцазнаходжання суда. Да таго ж, найбольш уплывовыя паны карысталіся пэўным прыкрытэтам і ільготамі пры вырашэнні судовых спраў. Усё гэта незадавальняла асноўную частку шляхецтва.

З патрабаванняў шляхты можна зрабіць выснову, што нават парадак ажыццяўлення правосуддзя, устаноўлены Статутам 1529 г., не прыжыўся. Прадугледжвалася, што шляхту будучы судзіць ваяводы, старасты, маршалкі тых павеятаў, дзе знаходзяцца шляхецкія маёнткі, ці намеснікі гэтых ураднікаў з абавязковымі прадстаўнікамі ад мясцовай шляхты. Але ўзнятае пытанне сойма 1547 г. сведчыць, што справа не пайшла. Прадстаўнікі ад шляхты не прызначаліся, і суд вяршылі ваяводы, дзяржаўцы і іншыя асобы, што выпадкова знаходзіліся пры іх [7, с. 33]. Гэта прыводзіла да канцэнтрацыі судовай улады ў руках нешматлікай групы службовых асоб, што часта не дазваляла дабіцца справядлівасці без вялікіх грошай.

Было шмат іншых патрабаванняў, якія вылучала шляхта на соймах у 1547, 1551, 1554 гг., але толькі нязначная іх колькасць задавальнялася да пачатку Лівонскай вайны 1558–1583 гг. Працяглая і напружаная вайна (што цягнулася палову праўлення Жыгімонта Аўгуста) вычарпала ўсе рэсурсы гаспадарскага скарба і прымусіла яго звяртацца за матэрыяльнай падтрымкай да землеўласнікаў Вялікага княства Літоўскага. Таму ў адносінах да саслоўных і палітычных памкненняў шляхты ўлада становіцца больш лаяльнай, што ў рэшце рэшт прывяло да здзяйснення ўсіх жаданняў апошняй.

У сваім сцвярджэнні, што вайна паскорыла ажыццяўленне рэформаў на карысць шляхты, М. К. Любаўскі мае рацыю [5, с. 276]. Дзякуючы таму, што ў сярэдзіне XVI ст. шляхта кансалідавалася ў адзінае саслоўе, больш адцягваць задавальненне яе патрэбаў вярхоўная ўлада не магла. Да гэтага часу была выпрацавана цэлая праграма, выканання якой шляхта дабівалася на соймах. Яна жадала вызвалення ад усіх, у тым ліку і ўскосных, падаткаў, ураўнання ў правах з зямельнай арыстакратыяй, стварэння выбарнага суда, якому былі б падсудны землеўладальнікі без усякіх выключэнняў.

Ужо на сойме 1559 г., калі вырашалася пытанне пра прыняцце Лівоніі пад абарону Вялікага княства Літоўскага, была задаволена адна з гэтых просьбаў. Вялікі князь вызваліў ад

мытных плацяжоў лясныя тавары, збожжа і жывёлу, якія будуць вывозіцца са шляхецкіх маёнткаў за мяжу. У далейшым Статут 1566 г. пацвердзіў гэтыя права і нават пашырыў яго ў тым сэнсе, што вызваліў прадукты шляхецкіх гаспадарак ад мыта на ўнутраных мытнях, а вазы з асабістымі рэчамі – ад уплаты «маставога» [8, с. 344].

Вельмі важным для землеўладальнікаў было і рэлігійнае пытанне. Вядома, што з XV ст. правы праваслаўных феадалаў абмяжоўваліся ў агульназемскіх прывілеях. Нягледзячы на тое, што ў большасці гэтых установаў не прытрымліваліся, існавала пэўная традыцыя прыніжэння некатоликаў, якая захавалася і ў XVI ст. (прывілеі 1547, 1551 гг.). Відаць, у адносінах да праваслаўных гэтая тэндэнцыя захоўвалася больш як стаўленне да «схізматыкаў маскавіцян» [9, с. 12], чым непасрэдна да самой шляхты ВКЛ. Аднак літаральна праз дванаццаць гадоў пасля 1551 г. стаўленне да гэтага пытання змяняецца. Калі раней літоўская арыстакратыя не хацела губляць свае пасады на карысць праваслаўных, то цяпер агульная тэндэнцыяй стаў адыход ад каталіцтва ў пратэстантызм і пошук саюзу з праваслаўнымі ў барацьбе з рыма-каталіцкім уплывам. Акрамя таго, трэба ўлічваць і факт далейшай кансалідацыі шляхты як саслоўя: агульная інтарэсы паставілі на другі план рэлігійныя праблемы. У выніку, на сойме 1563 г. шляхта дамаглася фармальнай ліквідацыі тых абмежаванняў, якія накладаліся раней на некатоликаў. У спецыяльным прывілеі Жыгімонта Аўгуста гаварылася пра стан рыцарскі ўвогуле, «одно бы были веры христианское», а наконт праваслаўных адзначалася, што не толькі «Римского костела послушные, але и Грецкого», паказвалі сваю вернасць вялікім князям і дзяржаве [10, с. 55].

Праз пяць гадоў, напярэдадні Люблінскай уніі, калі «Великое княжество Литовское было озабочено полным уяснением и признанием прав своей государственности», адмена рэлігійнай дыскрымінацыі зноў была паўторана Жыгімонтам Аўгустам у прывілеі ад 1 ліпеня 1568 г. [11, с. 202].

Асабліва настойліва ў першай палове 60-х гг. XVI ст. дабівалася шляхта стварэння выбарнага земскага суда, які б сваёй юрысдыкцыяй ахопліваў усіх землеўласнікаў, у тым ліку паноў і князёў. Неабходна адзначыць, што, акрамя прыкладу Польшчы, у Вялікім княстве Літоўскім земскія «ўрады» існавалі ў заходнім Падляшшы (землях Дарагічанскай з сярэдзіны XV ст. і Бельскай з 1501 г.). Ды ўвогуле, польскі прыклад, які «клонился к выгодам шляхетства» [12, с. 147], схіляў паступова дробную

шляхту да уніі з Польшчай. Цяпер ужо ні ма-нарх, ні магнаты не маглі супраціўляцца жа-данню сойма мець новы Статут і свой выбар-ны земскі суд паводле польскага ўзору. Ціка-вую аргументацыю дзеянняў вышэйназваных асоб прыводзіць М. К. Любаўскі. Паводле яго слоў, «король [падтрымаў шляхту – Д. А.], что-бы не лишится союзніка в деле установления унии с Польшею, а магнаты, чтобы не толкать еще более рыцарство-шляхту в объятия Польши и не заставляют ее искать новых прав и вольностей в подданстве новому государст-ву» [1, с. 678].

Адсюль зразумела, чаму на Бельскім сойме 1564 г., калі стала вядома, што праект новага Статута падрыхтаваны, паны-рада і ўраднікі за-явілі аб адмове ад сваёй судовай улады. Затым усе станы сойма абвясцілі, што ўсе яны без выключэння аб'ядноўваюцца ў адзінае роўнае права і ў адзіны суд. Са свайго боку вялікі князь пайшоў насустрач сойму і 1 ліпеня 1564 г. выдаў прывілей, якім зацвердзіў утварэнне вы-барных шляхецкіх судов, іх аддзяленне на мес-цах ад вялікакняжскай адміністрацыі. Абвясча-лася роўнасць усіх землеўласнікаў перад зако-нам, гарантавалася неўмяшанне адміністрацыі ў судовыя справы шляхты і абяцалася хутка вы-даць новы Статут.

Новая рэдакцыя Статута не ўвайшла ў дзе-янне так хутка, як абяцаў гэта вялікі князь. Пер-шапачаткова неабходна было вызначыць пара-дак абрання новых суддзяў, выбраць іх, визна-чыць межы судовых акруг і прызначыць месца захоўвання судовых кніг. Натуральна, што вы-рашыць такое кола пытанняў на Бельскім сойме было немагчыма. Таму меркавалася склікаць новы з'езд шляхты пазней, але, паколькі ішлі баявыя дзеянні, сустрэча адбылася толькі ў на-ступным годзе ў Вільні.

Сойм 1565–1566 гг. увайшоў у гісторыю як рэфарматарскі. Акрама судовай, была праведзе-на тэрытарыяльна-адміністрацыйная рэформа і ўведзены ў дзеянне Статут 1566 г.

З гэтага часу персанал земскага суда, у якім разглядаліся грамадзянскія справы, складаўся з суддзі, падсудка і пісара. Кандыдатаў на гэтыя пасады абіралі на павятовых соймах, а вялікі князь зацвярджаў аднаго з іх пажыццёва. Вы-бранымі маглі быць толькі ўраджэнцы ВКЛ, шляхцічы, хрысціяне. Справы ў земскім судзе разбіраліся пасесійна, тры разы ў год. Пад час судовых сесій у судовыя кнігі заносіліся ўсе прыватныя акты (тэстаменты, пераход права ўласнасці і г. д.) [13, с. 152].

Другім судом для шляхты стаў падкаморскі суд, створаны для разгляду зямельных спрэчак, якіх было вельмі шмат. Вырашэнне справы ад-

бывалася на месцы межаў землеўладанняў, та-му суд называлі «межавым» [7, с. 23]. Існаваў і пастаянна дзеючы гродскі суд па крымінальных злачынствах.

Не менш важнай для дзяржавы ў цэлым ста-ла павятовая рэформа. Звязана яна з увядзеннем мясцовых павятовых соймаў, на якіх абмяр-коўваліся пытанні, што выносіліся на вальны сойм, і з абраннем двух паслоў ад павета. Ця-пер на вальны сойм не абавязкова было збірац-ца ўсёй шляхце, што лічылася вельмі важным для абароназдольнасці Вялікага княства Літоў-скага, паколькі не адрывава ваенна-служылае са-слоўе ад удзелу ў вайне. Практыка прадстаўніч-ва была вядома таксама і да рэформаў 1560-х гг. Напрыклад, у 1512 г. асцерагаючыся нападу во-рага, на сойм выклікаліся дэпутаты ад памеж-ных паветаў (па два ад кожнага), прычым вы-бар паслоў пакідаўся за мясцовай шляхтай [10, с. 41–42]. У некаторых выпадках абранне прад-стаўнікоў адбывалася па жаданню самой шлях-ты. Строга вызначанага парадку гэтага не існа-вала. Толькі ў паветах Падляшша (Бельскім, Дарагічынскім, Мельніцкім) прасочваецца тэн-дэнцыя выбару двух паслоў, а з 1547 г. – адна-го, паколькі павятовы харунжы выконваў ролю другога. Увогуле, паўсюднае ўвядзенне інсты-тута павятовых соймаў дазволіла шляхце зай-мацца мясцовымі справамі, не губляючы час і грошы на паездкі ў сталіцу.

Заклучэнне. Такім чынам, шляхце ВКЛ удаецца цалкам вылучыцца і адмежавацца ад астатніх групаў грамадства. Карыстаючыся сва-ёй важнасцю, шляхта як ваенная сіла дабіваец-ца пашырэння палітычных і маёмасных правоў, стварэння саслоўнага суда, незалежнага ад ад-міністрацыі. Стварэнне выбарных судов, павя-товая рэформа сведчылі пра новы этап у развіц-ці прававой культуры грамадства. З гэтага часу шляхта ўяўляла сабой саслоўе, усе групы якога былі заканадаўча роўныя, што спрыяла яе кан-салідацыі і канчатковаму афармленню. Галоў-ным вынікам эвалюцыі правоў феадалаў стала тое, што ніжэйшыя пласты шляхты пачалі рух за дасягненне правоў, якія мела шляхта поль-ская, што, безумоўна, наблізіла час заключэння Люблінскай уніі.

Літаратура

1. Любавский, М. К. Литовско-русский сейм. Опыт из истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства / М. К. Любавский. – М.: Об-во исто-рии и древностей рос. при Моск. ун-те, 1900. – 850 с.
2. Maciszewski, J. Szlachta Polska i jej panstwo / J. Maciszewski. – Warszawa, 1986. – 574 s.

3. Ясинский, М. Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства / М. Н. Ясинский. – Киев: Унив. тип., 1898. – 210 с.
4. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Текст, перевод и словарь / под ред. К. И. Ябловкиса. – Минск: Из-во АН БССР, 1960. – 253 с.
5. Любавский, М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский. – М.: Об-во истории и древностей рос., 1915. – 401 с.
6. Литвин, М. О нравах татар, литовцев и москвитян / М. Литвин; пер. В. И. Матузовой. – М.: МГУ, 1994. – 151 с.
7. Лаппо, И. И. Земский суд в Великом княжестве Литовском во второй половине XVI в. / И. И. Лаппо. – Спб., 1897. – 751 с.
8. Любавский, М. К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовско-го статута / М. К. Любавский. – М.: Унив. тип., 1892. – 884 с.
9. Любавский, М. К. К вопросу об ограничении прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии / М. К. Любавский. – М., 1909. – 17 с.
10. Акты, относящиеся к истории западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – СПб.: 1846–1850. – Т. 3. – 279 с.
11. Лаппо, И. И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI ст. Литовско-русский повет и его сеймик / И. И. Лаппо. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1911. – 624 с.
12. Дашкевич, Н. Заметки по истории Литовско-русского государства / Н. Дашкевич. – Киев: Унив. тип., 1885. – 246 с.
13. Довнар-Запольский, М. В. История Белоруссии / М. В. Довнар-Запольский. – Минск: Беларусь, 2003. – 680 с.

Пастуніў 02.04.2010

УДК 930(476)«1850/19»-028.79

П. С. Кручак, дацэнт (БДГУ)

МІНУЛАЕ БЕЛАРУСІ Ў ПРАЦАХ БЕЛАРУСКІХ НАРОДНІКАЎ

У артыкуле разглядаецца працэс станаўлення беларускай гістарычнай навукі ў другой палове XIX ст. Пасля падаўлення паўстання 1863 г. на беларускіх землях узмацнілася палітыка русіфікацыі. У гістарычнай навучы ў дадзены перыяд панавала тэорыя «заходнерусізму». Яе прыхільнікі не прызнавалі існавання самастойнага беларускага этнасу. У гэтых умовах менавіта беларускія народнікі першымі звярнуліся да вывучэння мінулага Беларусі і абгрунтавалі права беларускага народа на самастойнае існаванне.

The article covers the process of origination of Belarusian historical science in the second half of XIX century. After suppression of 1863–1867 uprising, the policy of Russification was increased in Belarus. The theory of «Western Russism», denying the existence of separate Belarusian nation and considering the history of Belarus as a part of Russian history, dominated in historical science. Under these conditions, the Belarusian Narodniks (Peopleists) were the first who began to study the history of their nation and, on the basis of analysis of historical sources, has asserted its right for independent existence.

Уводзіны. Беларускі нацыянальны рух развіваўся ў другой палове XIX ст. у даволі складаных умовах. У гэты перыяд яшчэ не існавала адзінай назвы для беларускага этнасу і тэрыторыі яго пражывання. Назва «Беларусь» замацавалася толькі за ўсходнімі губернямі – Магілёўскай, Віцебскай і часткай Смаленскай, сярод насельніцтва якіх была шырока распаўсюджана саманазва «беларусы». Заходнія рэгіёны – Мінская, Гродзенская і Віленская губерні (разам з Ковенскай) называліся «Літвой», а іх насельніцтва – «літвінамі».

У грамадска-культурным жыцці панавала польская мова. На развіццё этнічнай самасвядомасці беларусаў пасля ліквідацыі ўніяцкай царквы ў 1839 г. адмоўна ўплываў раскол па веравызнанні на праваслаўных і каталікоў. Прычым праваслаўе ўспрымалася як «руская вера», а каталіцызм – як «польская». Расійская афіцыйная навукка разглядала Беларуска-літоўскі край як «ісконна рускія землі», а беларусаў як сапсаваную палякамі частку рускага народа. З іншага боку, шэраг польскіх навукоўцаў імкнуліся давесці, што беларуска-літоўскія землі з'яўляюцца часткай Польшчы, а іх славянскія быхары – этнаграфічнай групай польскага этнасу. У такіх складаных умовах у другой палове XIX ст. і адбываўся працэс станаўлення беларускай гістарычнай навукі.

У беларускай гістарыяграфіі дадзенага перыяду можна вызначыць тры асноўныя накірункі – афіцыйна-клерыкальны, ліберальны і нацыянальна-дэмакратычны. Прадстаўнікі першага з іх наогул не прызнавалі існавання самастойнага беларускага этнасу. Усю гісторыю Беларусі да канца XVIII ст. яны разглядалі як перыяд цемры і масавай паланізацыі. І цяпер, пасля ўз'яднання з Расіяй, беларусы, на іх думку, павінны як мага хутчэй зліцца з брацкім рускім народам. Прадстаўнікі нацыянальна-дэмакратычнага накірунку, наадварот, адстойвалі сама-

бытнасць беларускага народа і яго права на нацыянальнае самавызначэнне. Прадстаўнікі ліберальнага накірунку займалі ў гэтых пытаннях больш памяркоўныя пазіцыі.

Першыя буйныя публікацыі, прысвечаныя Беларусі, з'явіліся ў расійскім друку ў 50-я гг. XIX ст. Іх аўтарам быў Павел Шпілеўскі. У большасці артыкулаў ён паўтараў тэзісы расійскай афіцыйнай прапаганды (у т. л. тэзіс пра «ісконна рускія землі»), але ўсё ж такі лічыў Беларусь асобным этнаграфічным рэгіёнам.

Сітуацыя змянілася пасля падаўлення паўстання 1863–1864 гг. Царскі ўрад перайшоў да актыўнага вынішчэння ўсяго польскага ў краі. Пад удар трапілі і любыя праяўленні беларускасці.

У 60–70-я гг. XIX ст. пры актыўным удзеле афіцыйных колаў была распрацавана т. зв. «тэорыя заходнерусізму». Паводле яе, Беларусь з'яўлялася культурнай і дзяржаўнай часткай Расіі, а беларусы – адгалінаваннем рускага этнасу. Гісторык Міхаіл Каяловіч у сваіх працах даказваў, што Украіна, Беларусь і Літва гістарычна ўяўляюць сабой адно цэлае і з'яўляюцца неад'емнай часткай Расіі як тэрытарыяльна, так і этнічна. Этнаграфічныя асаблівасці Беларусі тлумачыліся польскімі ўплывамі і падлягалі ліквідацыі. Умацаванню заходнерусізму павінны былі спрыяць шматлікія навуковыя даследаванні народнай культуры беларусаў, якія пры падтрымцы ўрада шырока разгарнуліся ў 60–70-я гг. XIX ст. Навукоўцы (Іван Насовіч, Міхал Дзмітрыеў, Юльян Крачкоўскі, Аляксандр Семянтоўскі і інш.) і сапраўды імкнуліся гэта зрабіць. Аднак фактычна іх даследаванні толькі пацвярджалі існаванне самастойнага беларускага этнасу.

Асноўная частка. У гэтых умовах, у пачатку 80-х гг. XIX ст., сярод часткі беларускай інтэлігенцыі, якая прытрымлівалася народніцкіх поглядаў, узнік інтарэс да нацыянальнай праблематыкі. Гэты інтарэс праявіўся ў выпуску ў 1882 г. брашуры пад назвай «Пісьмы аб Беларусі» за подпі-

сам Данілы Баравіка. Галоўнай мэтай выдання абвяшчалася прыцягненне ўвагі грамадскасці да вывучэння беларускага народа і самабытнасці беларускай вобласці. У прадмове да выдання яго аўтары заяўлялі аб намеры выдаць цэлы цыкл лістоў, прысвечаных вывучэнню мінулага Беларусі. Але выканаць свой намер яны так і не здолелі. Першы ліст так і застаўся адзіным.

У пачатку свайго ліста аўтар крытыкуе беларускую інтэлігенцыю за слабае веданне мінулага свайго краю і заклікае яе браць прыклад з інтэлігенцыі Расіі, Украіны і Польшчы, якая дасягнула вялікіх поспехаў па вывучэнні сваіх народаў, павышэнні іх нацыянальнай самасвядомасці [1, с. 24]. Праводзячы агляд літаратуры пра мінулае Беларусі, Д. Баравік дае цікавую ацэнку яе гісторыі з народніцкіх пазіцый. Галоўныя цяжкасці ў развіцці беларускай культуры і беларускай самасвядомасці бачыць у гістарычным мінулым беларускага народа. Пачатак ім быў пакладзены ў XV ст., калі Беларусь трапіла пад моцны палітычна-рэлігійны ўплыў Польшчы. У выніку вышэйшы клас беларускага грамадства хутка пераняў польскую культуру як больш моцную і больш гістарычна развітую. Аднак гэта тычылася толькі вышэйшага класа. Просты народ з дапамогай праваслаўных брацтваў здолеў захаваць сваю самабытнасць, свае звычаі, песні і казкі. І, нягледзячы на пэўныя змены ў рэлігійным жыцці, якія адбыліся ў выніку распаўсюджвання ўніяцтва, беларускі народ застаўся такім жа, як і ў пачатку свайго гістарычнага жыцця. У такім выглядзе ён і перайшоў у канцы XVI ст. пад уладу Расіі [1, с. 26].

Уключэнне Беларусі ў склад Расіі не прынесла беларускаму народу лепшай долі. Аўтар адзначае, што наўрад можна знайсці ў Расіі больш бедны, прыніжаны і забіты народ, чым беларусы. Адмоўную характарыстыку ён дае і адмене царкоўнай уніі, бо за два стагоддзі частка народа паспела зжыцца з уніяй і прымусовае вяртанне ў праваслаўе з'явілася новым здзекам над народнай душой.

Пасля падзей 1863 г. сітуацыя ў Беларусі толькі пагоршылася. Дваццацігадовае ваеннае становішча спыніла любую асветніцкую працу ў краі. Пачалася сістэматычная русіфікацыя з дапамогай школы і шматлікіх чыноўнікаў, якія запрашаліся з цэнтральных раёнаў Расіі. Усё гэта робіць любя, нават самыя нязначныя, рэформы немагчымымі.

Разгледзеўшы ў агульных рысах мінулае і сучасны стан Беларусі, аўтар прыходзіць да высновы, што пазбаўлены самастойнасці і перажыўшы моцную эксплуатацыю, беларускі народ у значнай ступені страціў сваю духоўную энергію. У гэтых умовах аўтар ліста бачыць выхад у разгортванні арганічнай працы на ка-

рысць Радзімы, у тым ліку і ў вывучэнні яе мінулага. Пры гэтым, перш за ўсё, неабходна вывучаць жыццё і быт простага народа, які, нягледзячы на ўсе цяжкасці, здолеў захаваць самабытныя рысы беларускай культуры. Вырашэнне гэтай задачы і павінна ўзяць на сябе мясцовая інтэлігенцыя і тым самым разбудзіць народ ад сну. Гэта была тыповая праграма ліберальнага народніцтва.

Зусім з іншых пазіцый падыходзілі да вырашэння нацыянальнага пытання прадстаўнікі рэвалюцыйнага народніцтва Беларусі. Сярод іх на гэты конт існавалі два пункты гледжання. Адна частка народнікаў прытрымлівалася традыцыйных народніцкіх поглядаў і лічыла нацыянальнае пытанне другасным. Галоўнай сваёй задачай яны бачылі рэвалюцыйную барацьбу з мэтай звяржэння самаўладдзя, а гэта, ў сваю чаргу, дасць магчымасць справядліва вырашыць нацыянальнае пытанне і забяспечыць свабоднае развіццё беларускага народа [2, с. 158]. З гэтага асяродка выйшла «Пасланне да землякоў-беларусаў» у пачатку 1884 г. за подпісам Шчыры беларус. Яно стала своеасаблівым водгукам на ліст Данілы Баравіка. Шчыры беларус не адмаўляў, а нават адобраваў імкненне вывучаць мінулае роднага краю і тым самым садзейнічаць ажыўленню грамадскага жыцця ў Беларусі. Аднак, на яго думку, у першую чаргу неабходна вывучаць народныя хваляванні і бунты, сацыяльную структуру грамадства і сацыяльныя адносіны ў ім. Пры гэтым аўтары зусім па-рознаму ўяўлялі сабе беларускі народ. Калі Даніла Баравік бачыў яго як народ, які спіць і ў значнай ступені страціў сваю духоўную энергію, то Шчыры беларус знаходзіў у мінулым Беларусі шмат фактаў, якія сведчаць пра наяўнасць у беларусаў моцнай рэвалюцыйнай сілы, паказваюць на іх імкненне скінуць з сябе цяжкія ланцугі сучаснага грамадства і запрыгоньвання [1, с. 112].

Па-рознаму бачылі аўтары і задачы інтэлігенцыі. Калі Даніла Баравік лічыў магчымым асветніцкую працу на карысць народа пры тым рэжыме, які існаваў, то Шчыры беларус цалкам адваргаў гэтую магчымасць. Да той пары, пакуль не будзе знішчаны дэспатызм, немагчыма ніякая мірная праца на карысць народа.

Другая група беларускіх народнікаў, наадварот, прапаноўвала падняць нацыянальнае пытанне як сцяг рэвалюцыйнай барацьбы. Іх погляды былі выкладзены ў часопісе беларускіх студэнтаў-нарадавольцаў «Гоман». Звярнуўшыся да нацыянальнай праблематыкі, гоманаўцы ў значнай ступені садзейнічалі абуджэнню нацыянальнай самасвядомасці беларусаў.

Ужо ў першым нумары часопіса аўтары заявілі, што бачаць сваю галоўную задачу ў абаро-

не інтарэсаў Беларусі як ад польскага, так і ад вялікарускага ўціску, які часта падаецца пад шыльдай культурнай дапамогі з боку больш высокаразвітых роднасных культур.

Аўтары падкрэслівалі, што Беларусь мае свае арыгінальныя асаблівасці, якія дазваляюць лічыць яе самастойным славянскім племенем са сваёй самастойнай гісторыяй, этнаграфічнымі і кліматычнымі асаблівасцямі, якія рэзка адрозніваюць яе ад суседзяў – Польшчы, Украіны і Расіі. Пры гэтым, па іх меркаванні, дзякуючы непрахадзімасці балот і лясоў беларускі народ захаваў самую чыстую асаблівасці славянскага племені, а беларуская мова большую частку асаблівасцей старажытнай славянскай гаворкі. Такі пункт погляду з цягам часу знайшоў сваё развіццё ў працах пачынальнікаў беларускай нацыянальнай гістарыяграфіі М. Доўнар-Запольскага і В. Ластоўскага.

Усе гэтыя асаблівасці Беларусі даюць ёй права на аўтаномную федэратыўную самастойнасць сярод іншых народнасцей Расіі. Пры гэтым гоманаўцы выступілі з рэзкай крытыкай асобных прадстаўнікоў украінскай і рускай інтэлігенцыі, якія лічылі, што беларускі народ не мае свайго гістарычнага мінулага і яму лепш застацца пад апекай якой-небудзь больш культурнай народнасці. Такія ідэі з'яўляюцца па прычыне няведання Беларусі і яе гісторыі. Самастойнае жыццё Беларусі групавалася спачатку вакол Полацка, Мінска, Слуцка і іншых гарадоў, дзе былі свае князі і сваё веча, якое было своеасаблівай формай народаўладдзя. У далейшым Беларусь аб'ядналася на федэратыўных умовах з Польшчай і доўгі час яшчэ захоўвала сваю самастойнасць. І толькі пазней, калі Польшча сваім шляхецтвам «разбэсціла» беларускую інтэлігенцыю і падавіла беларускі народ, Беларусь страціла сваю гістарычную самастойнасць. Аднак усе размовы аб забітасці беларусаў моцна перабольшаны і не адпавядаюць фактам мінулага і сучаснага жыцця народа. Беларусы неаднойчы ўздымаліся на барацьбу ў абарону сваёй рэлігіі і супраць прыгнёту. Пры гэтым яны ніколі не з'яўляліся сепаратыстамі. Усе ўмовы іх жыцця робяць любыя сепаратысцкія імкненні немагчымымі. Таму пры іншым стане Беларусь абавязкова адраджалася да самастойнага жыцця сярод іншых народаў Расіі на ўмовах свабоднай дамовы з імі.

Ідэя культурнай нацыянальнай аўтаноміі Беларусі ў межах дэмакратычнай Расійскай федэрацыі ў вельмі памяркоўнай форме праводзілася і прадстаўнікамі беларускага ліберальнага народніцтва на старонках легальнага перыядычнага друку імперыі. Для прапаганды гэтай ідэі ўмовы былі вельмі неспрыяльнымі. Таму прадстаўнікі беларускай нацыянальнай інтэлігенцыі

80–90-х гг. XIX ст. маглі праводзіць яе ў жыццё толькі ў форме вывучэння гісторыі і этнаграфіі Беларусі. Асабліва важнае значэнне ў гэтым плане мелі публікацыі ў газеце «Мінскі лісток» цэлага шэрага артыкулаў М. Доўнар-Запольскага, Я. Ляцкага, У. Завітневіча, А. Слупскага. Дадзеныя публікацыі, у якіх праўдзіва апісваліся быт, погляды і гісторыя беларускага народа, абуджалі ў жыхароў Беларусі цікавасць да гісторыі і культуры свёй Айчыны.

У 1889–1990 гг. пад рэдакцыяй М. Доўнар-Запольскага і пры актыўным удзеле У. Завітневіча і М. Шахава былі выдадзены два нумары «Календара Паўночна-Заходняга краю». У выданні змяшчаўся цэлы шэраг артыкулаў па гісторыі і этнаграфіі Беларусі, друкаваліся беларускія песні і вершы. Беларусь паўставала ў іх як цікавы самабытны край са сваёй шматвекавой гісторыяй, культурай і моцным духоўным патэнцыялам. Дзякуючы кемлівасці і таленту яго выдаўцоў, «Каляндар Паўночна-Заходняга краю» дайшоў да шырокай грамадскасці і карыстаўся сярод яе вялікай папулярнасцю [3, с. 8].

Значны ўплыў на фармаванне беларускай нацыянальнай ідэі аказала і этнаграфічнае вывучэнне беларускіх зямель, якое актывізавалася ў 70–80-я гг. XIX ст. Публікацыі М. Нікіфароўскага, І. Сербавы, М. Янчука Я. Раманава і іншых далейшых сталі падмуркам для стварэння менавіта нацыянальнай канцэпцыі гісторыі Беларусі.

Заклучэнне. Такім чынам, нелегальныя публікацыі беларускіх рэвалюцыйных народнікаў, а таксама публікацыі ў легальным друку прадстаўнікоў беларускай ліберальнай інтэлігенцыі, погляды якой былі блізкімі да народніцкіх, зрабілі велізарны ўплыў на абуджэнне ў беларускім грамадстве цікавасці да мінулага роднага краю і залажылі падмурак для фармавання гістарычнага і палітычнага менталітэту наступнага пакалення беларускай інтэлігенцыі, якая ўзняла сцяг беларускага адраджэння ў пачатку XX ст. Іх погляды на мінулае Беларусі сталі асновай для беларускай нацыянальнай гістарыяграфіі, якая фармавалася ў гэты перыяд.

Літаратура

1. Публицистика белорусских народников: нелегальные издания белорусских народников (1881–1884) / сост. С. Х. Александрович, И. С. Александрович. – Минск: БГУ, 1983. – 133 с.
2. Лосинский, Н. Революционно-народническое движение в Белоруссии, 1870–1884 гг. / Н. Лосинский. – Минск: Наука и техника, 1983. – 223 с.
3. Гануш, А. Мітрафан Доўнар-Запольскі / А. Гануш, П. Кручак. – Мінск: Выд-ва «Геронт А», 1995. – 31 с.

Паступіў 02.04.2010

УДК 94(476):37.091.12«18/19»

В. М. Астрога, дацэнт (БДТУ)

САЦЫЯЛЬНЫ СТАТУС ВЫКЛАДЧЫКАЎ ГАРАДСКІХ НАВУЧАЛЬНЫХ УСТАНОЎ БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ.

У артыкуле аўтар разглядае сацыяльны статус выкладчыкаў гарадскіх навучальных устаноў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Падкрэсліваецца, што прававое становішча педагогаў рэгулявала шырокая нарматыўна-прававая база: законы, пастановы, цыркуляры і г. д. У пэўнай ступені разгледжаны праблемы падбора кадраў, матэрыяльнае становішча выкладчыкаў. Даецца параўнальны аналіз сацыяльнага становішча выкладчыкаў вяскоўных народных школ і павятовых гарадскіх вучылішчаў, гімназій. Паказаны некаторыя станоўчыя тэндэнцыі ў рэфармаванні сістэмы народнай адукацыі пасля Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г.

The article examines social status of the teaching staff of urban educational institutions in Belarus in the second half of XIX century and in the beginning of XX century. The article points out that the legal status of teachers was regulated by rather wide normative legal base, including laws, regulations, directives etc. Also, the article outlines the problems of staffing, level of teachers' wellbeing. The investigation includes the comparative analysis of social status of teachers of rural people schools, district urban schools and gymnasiums. Several positive trends in reformation of popular education system after the February Revolution in 1917 are pointed out. At the same time, it is demonstrated that the problem of improvement of legal and material status of teachers of urban educational institutions was not resolved.

Уводзіны. Сацыяльны статус – гэта становішча, якое займае індывід ці сацыяльная група ў грамадстве ці асобнай падсістэме грамадства. Вызначаецца ён па спецыфічных для канкрэтнага грамадства прыкметах, у якасці якіх могуць выступаць прававыя, эканамічныя, нацыянальныя, узроставыя і іншыя.

Спынімся на прававым і матэрыяльным становішчы настаўніцтва Беларусі азначанага перыяду. Прававое становішча гэтай часткі інтэлігенцыі рэгулявала шырокая нарматыўна-прававая база. Гэта былі законы, пастановы, цыркуляры, свабоды, абавязкі, дадатковыя ільготы, перавагі, законныя інтарэсы настаўнікаў. Менавіта прававы статус асобы быў і застаецца адным з вызначальных паказчыкаў узроўню дэмакратызацыі грамадства.

Асноўная частка. Фармальнае права выбару кандыдатаў на пасаду настаўніка школ Расійскай імперыі належала іх заснавальнікам (земствам, гарадскім і сельскім грамадствам, прыватным асобам). Аднак непасрэднае рашэнне прымаў інспектар народных вучылішчаў. Перавагу аддавалі кандыдатам з больш высокім адукацыйным узроўнем. Аб маральных якасцях кандыдатаў, іх схільнасці да педагогічнай дзейнасці пераконваліся шляхам пробных урокаў у адным з вучылішчаў. Канчатковае зацвярджэнне настаўнікаў і настаўніц на пасадзе належала павятовым саветам у канцы навучальнага года па прадстаўленні інспектара, які даваў ацэнку дзейнасці настаўніка. У шэрагу выпадкаў дапускалася назначэнне настаўнікам і без гадавой стажыроўкі. Кожны

настаўнік пры назначэнні на службу прад'яўляў пасведчанне аб «добранадзейнасці» з канцылярыі генерала-губернатара і пры назначэнні прыводзіўся да прысягі «верна служыць і ва ўсім падпарадкоўвацца начальству». Пытанне аб недапушчэнні настаўніка да працы па прычыне «неблаганадзейнасці» вырашалася інспектарам і старшынёй савета вучылішча. Фармальнае права на звальненне заставалася за саветам. Звальненне і перамяшчэнне настаўнікаў вырашалася па-рознаму: у адных выпадках – з санкцыі павятовага савета вучылішча, у другіх – па рашэнню інспектара, павятовай земскай управы ці па прыговорах гарадскіх і сельскіх грамадстваў.

З пачатку XX ст. ад настаўнікаў патрабавалася яшчэ падпіска аб непрыналежнасці да партый з канцылярыі губернатараў.

Непатрэбным прызнаваўся допуск асоб неправаслаўнай веры. Многія педагогі і грамадскія дзеячы крытыкавалі такую палітыку, калі кадры настаўнікаў папаўняліся выхадцамі з-за мяжы: «няўжо здаровую нацыянальную школу могуць стварыць замежныя настаўнікі, як чужыя інструктары – армію» [1, с. 341]. Неўзабаве прынята рашэнне, па якому іншаземцы, нават тыя, якія прынялі прысягу на падданства Расіі, не павінны былі назначацца на пасады настаўнікаў. Выключэнне складалі тыя з іх, хто нарадзіўся ў Расіі і быў праваслаўным.

Прызнанне годнасці і правоў асобы настаўніка ўказвала на неабходнасць поўнай рэарганізацыі створанага царскім рэжымам па-

ліцэйскага тыпу інспекцыі за выкладаннем. У многім дзейнасць Міністэрства народнай асветы характарызувалася бюракратычнай апекай. Інспектары, якія ўваходзілі ў склад саветаў вучылішчаў, у адносінах да кадравага пытання і пры рэвізіі навучальных устаноў павінны былі разглядаць і аналізаваць, у якім аб'ёме вывучаецца праграма, метады навучання, парадак нагляду за вучнямі, наведванне царквы, а таксама збіралі звесткі аб «тайных школах».

У другой палове XIX – пачатку XX ст. адчуваўся востры недахоп не толькі ў настаўніках для народных вучылішчаў, але і для гарадскіх навучальных устаноў Расіі. У 1901 г. было толькі 10 тыс. выкладчыкаў сярэдніх школ (у тым ліку ў школах Міністэрства народнай асветы каля 6 тыс. чалавек). Сярод іх толькі палова мелі вышэйшую адукацыю – як правіла, гэта былі выпускнікі універсітэтаў. Настаўніцы гімназій і прагімназій мелі пераважна сярэдняю адукацыю. У Віленскай навучальнай акрузе ва ўсіх гарадскіх вучылішчах працавалі толькі 340 настаўнікаў. Па адукацыйнаму цэнзу амаль усе яны закончылі курс у Віленскім настаўніцкім інстытуце.

Перадавая грамадскаяць разумела, чаму пасля паўстання 1863–1864 гг. было паднята пытанне аб народнай адукацыі як аб лепшым сродку для супрацьдзеяння польскім пачаткам», чаму «прыцягнуты да займання настаўніцкіх пасадак лепшыя рускія сілы са звальненнем палякаў». Аляксандр акругі І. П. Карнілаў у запісцы М. М. Мураўёву «Аб замене польскіх настаўнікаў рускімі» (1864 г.) заўважаў, што настаўнікамі з Расіі павінны быць заменены найперш усе выкладчыцкія месцы ў гімназіях, прагімназіях і трохкласных павятовых вучылішчах, бо «штодзённым вопыт запэўнівае, што дастаткова прысутнасці аднаго настаўніка-паляка, каб пазбавіць педсаветы ўсякай сілы і перашкаджаць узаемнаму даверу і абмену думкамі» [2, с. 82]. Разам з тым, адкрытая рэвалюцыйнасць не была характэрна для большасці настаўнікаў. Настаўнікі, якія знаходзіліся на дзяржаўнай службе, звычайна не адважваліся канфліктаваць з начальствам.

Настаўнікі былі абавязаны аказваць павагу да вышэйшага начальства, прымаць ад яго загады і дакладна іх выконваць «без усялякіх спрэчак». Любая непавага да начальства, якая праяўлялася ў справах службы пісьмова ці вусна, каралася па закону.

У Расійскай імперыі ўсім служачым чыноўнікам забаранялася друкаваць творы, у якіх змяшчалася інфармацыя аб знешняй і ўнутранай палітыцы дзяржавы. Многія апекуны і дырэктары скардзіліся, што насуперак забароне

некаторыя настаўнікі змяшчаюць у часопісах артыкулы, якія тычацца не педагагічных, а агульных пытанняў. Настаўніку «нет неабходнасці шукаць падтрымкі часопісаў і публічна скардзіцца аб сваіх часта ўяўных няшчасцях і інтрыгах, якія паўстаюць на шляху яго дзейнасці. Такія «выкрыванні» не сумясцівы з годнасцю вучылішча, хутчэй падрываюць, чым умацоўваюць веру да яго і адцягваюць настаўніка ад сапраўднай справы... Ад настаўніка патрабуецца спакой, самавалоданне і атсутнасць усяго, што вызывае». Начальства лічыла, што гістарычныя і жыццёвыя патрабаванні не могуць быць ні задаволены, ні адменены выказваннем асабістага пачуцця, таму палеміка ў часопісах і розныя выказванні не могуць паскорыць альбо замарудзіць паступальны ход справы, і таму ўяўляюцца бескарыснымі і выклікаюць толькі шкодную смуту ў настроях грамадства [3, с. 801–802].

У перадавой літаратуры XIX ст. прыводзяцца такія факты: у Германіі і Францыі, напрыклад, існуе цесная сувязь паміж універсітэтам і гімназіямі, а многія выкладчыкі сярэдніх навучальных устаноў з'яўляліся сур'ёзнымі вучонымі-даследчыкамі. Іх навуковая дзейнасць ставілася педагогам не ў дакаранне, а ў заслугу. Пад педагогам у расійскіх кіруючых колах разумеўся звычайна чалавек, які валодае толькі адной рамесніцкай тэхнікай навучання. Выкладчыкам, якія думалі шырэй і не пагаджаліся з поглядамі «некаторых уплывовых асоб», імкнуліся «зажаць рот». У выпадку, калі настаўнік праявіў якую-небудзь самастойнасць, яму пагражалі выгнаннем і беднасцю. «Педагог нават не меў такіх правоў, якія мае катаржнік. Катаржнік ведае, што калі яго пакараюць, то будуць карміць. Педагога з сям'ёй выкідвалі спакойна на маставую». Таму, як адзначаюць перадавыя дзеячы адукацыі, у краіне неабходна карэнным чынам мяняць адносіны да настаўнікаў, цаніць яго навуковыя заслугі, грамадскую пазіцыю. Гэтыя асобы будуць карыстацца маральным аўтарытэтам ў педагагічным свеце. Павага будзе заснавана не на ўгодніцтве, а на сапраўдных заслугах, прысвечаных асвеце і адукацыі грамадства [4, с. 192–193].

Часовы ўрад, які прыйшоў да ўлады ў выніку Лютаўскай буржуазнай рэвалюцыі 1917 г., адмяніў шэраг састарэлых і рэакцыйных распараджэнняў царскіх улад у галіне адукацыі. У прыватнасці, цыркулярам апекуна Віленскай навучальнай акругі падкрэслівалася, што «асобы педагагічнага персаналу навучальных устаноў усіх тыпаў Міністэрства народнай асветы, выключаныя са школ пры ранейшым рэжыме за палітычную дзейнасць (па суду, у ад-

міністрацыйным і дысцыплінарным парадку), належаць бесперашкоднаму дапушчэнню да выкладчыцкай дзейнасці ў выпадку падачы імі хадайніцтва аб гэтым пры наяўнасці адпаведных вакансій» [5, л. 7]. Такім чынам, былі адменены ўрадавыя і міністэрскія дырэктывы, указанні аб недапушчэнні да педагагічнай дзейнасці «палітычна недобранадзейных» асоб, забароне настаўнікам і вучням мець дачыненне да палітычнай дзейнасці (прыняты цыркуляр «Аб прыёме ў навучальныя ўстановы асоб, якія раней былі выключаны за палітычныя альбо рэлігійныя перакананні»), аб забароне настаўнікам ствараць саюзы і праводзіць сходы, аб строгіх абмежаваннях педагагічных курсаў і з'ездаў. Былі ануляваны абмежаванні правоў на адукацыю і педагагічную працу па раса-вых, нацыянальных і рэлігійных прызнаках, у тым ліку антысеміцкія цыркуляры афіцыйных органаў аб недапушчэнні яўрэяў да педагагічнай дзейнасці [6, с. 73].

Адметнай рысай усіх рускіх школ з'яўлялася іх беднасць: ні прыстойнага памяшкання, ні добрых вучэбных дапаможнікаў, ні дастатковай колькасці добра падрэжываных настаўнікаў. Настаўнік пачатковай школы ў царскай Расіі быў чалавекам бяспраўным і часам не меў мінімальнага матэрыяльнага дастатку. «Незабяспечанае становішча народнага настаўніка ўяўляе адно з самых слабых месцаў нашай школьнай справы», – пісаў школавед П. Салонін. Сярэдні заробак настаўніка ў канцы 1870-х гг. складалаў 200–250 руб. у год ці 16–20 руб. у месяц, 66 кап. у дзень, 16 кап. за адзін урок, калі лічыць па 4 урокі ў дзень [7, с. 128–129]. Атрыманне «жалавання» з валаснога праўлення, нават пры добрых адносінах з яго кіраўніцтвам, звязана было з вялікімі нязручнасцямі. Грошы выплачвалі з затрымкай 3–6 месяцаў, у той час, як міністэрскім цыркулярам 1878 г. патрабавалася, каб заробак настаўнікам выдаваўся штомесяц у вызначаны тэрмін. Калі адносіны з настаўнікам былі дрэнныя, то, акрамя несвоечасовых выплат, можна было пачуць ад валасных старшын зневажальныя словы. Калі грошы прывозіліся ў школы, то казначэі, пісары, старшыні за сваю «працу па дастаўцы жалавання» і за «клопаты аб настаўніку» ўтрымлівалі іх частку на сваю карысць. Нізкі ўзровень матэрыяльнага забеспячэння настаўніцтва адмоўна адлюстроўваўся на становішчы народнай школы. Наколькі сумна адлюстроўвалася на становішчы народнай школы крайняя мізэрнасць матэрыяльнага забеспячэння настаўнікаў, сведчылі такія факты, як спыненне дзейнасці многіх школ у выніку пераходу настаўнікаў на больш выгадную службу ў паліцэйскае ці акцызнае ведамства.

Настаўнікамі 4-класных гарадскіх вучылішчаў назначаліся асобы, якія прайшлі курс навучання ў настаўніцкіх інстытутах. Гарадскія вучылішчы адкрываліся як у гарадах, так і ў вёсках. Але, як заўважалі сучаснікі, «у вясковым гарадское вучылішча ніякім спосабам не заманіш настаўнікаў... вёска ім падаецца ссылай, маладыя... баяцца цёмнай, некультурнай вёскі, баяцца ў такой глушы страціць сувязь з інтэлігентным светам». Трэба яшчэ дабавіць «надзею на большую матэрыяльную забяспечанасць у горадзе пры дапамозе дадатковых заняткаў». Заработная плата ў горадзе была некалькі вышэйшай, але разам з тым, як адзначаецца ў анкетных лістах, «па пацёртаму, заношанаму касцюму ў нас пазнаюць настаўнікаў гарадскіх вучылішчаў». «Шлюб ёсць роскаш для настаўніка гарадскіх вучылішчаў... ажаніцца – значыць зрабіць злачынства», памножыць сваю беднасць. Характэрным паказчыкам незабяспечанасці з'яўляюцца частыя пераводы (сярэдняя працягласць службы на адным месцы 4,4 года), бо нават «невялікае матэрыяльнае паляпшэнне лічыцца дастатковым поводам для настойлівага патрабавання пераводу» [8, с. 297]. У гэтай сувязі адзначым, што, напрыклад, па Мінску ў 1893 г. настаўнік гарадскога вучылішча атрымліваў 300 руб. у год, а настаўніца – 185.

Больш высокай у Расійскай імперыі была заработная плата настаўнікаў прагімназій, гімназій, рэальных вучылішчаў і настаўніцкіх семінарыяў, і асабліва дырэктараў сярэдніх навучальных устаноў. У 70-х гг. XIX ст. дырэктар гімназіі пры казённой кватэры атрымліваў 2 тыс. руб. у год, інспектар – 1500 руб., настаўнікі навук і моў у межах 1 тыс. руб., законанастаўнік – 900 руб., настаўнікі чыстапісанна – 250 руб. у год. Абавязковая вучэбная нагрузка настаўніка была 12 урокаў у нядзелю.

У наступныя гады пры аплаце працы настаўнікаў былі ўведзены 4 разрады ў залежнасці ад выслугі гадоў у адной і той жа навучальнай установе. Аклады настаўнікаў гімназій некалькі выраслі. У 1912 г. быў прыняты закон аб паляпшэнні матэрыяльнага становішча служачых у сярэдніх агульнаадукацыйных мужчынскіх навучальных установах і акружных інспектараў. Настаўнікам навук і моў з вышэйшай адукацыяй былі ўстаноўлены аклады: у першыя пяць гадоў службы – 900 руб. Дадатковыя ўрокі (звыш устаноўленых) аплачвалі па 75 руб. за адзін. Класныя настаўнікі за заведванне адным класам звыш настаўніцкага аклада сталі атрымоўваць 600 руб. у год. Дырэктар Мінскага настаўніцкага інстытута ў 1914 г. атрымліваў 2500 руб. у год, а настаўнікі навук і законанастаўнік – па 1440 руб. [9, л. 7].

Такім чынам, становішча выкладчыкаў сярэдняй школы было значна лепшым. Выхадцы, галоўным чынам, з дваранскіх альбо заможных буржуазных класаў, яны мелі вышэйшую адукацыю і ім прызначаліся добрыя аклады. Так, настаўнік Мінскай духоўнай семінарыі Тавараў за 1893 г. атрымаў 823 руб. [10, с. 62].

У пачатку XX ст., як і ў цэлым у Расійскай імперыі, так і на Беларусі, матэрыяльнае становішча настаўнікаў гімназій было даволі добрым. Грашовае ўтрыманне настаўніка гімназіі вызначалася ў залежнасці ад адукацыі, педагагічнага стажу і вучэбнай нагрукі. Ні адзін штатны настаўнік Мінскай мужчынскай гімназіі, які меў вышэйшую адукацыю, не атрымліваў менш за 2350 руб. у год. Памер заробнай платы некаторых настаўнікаў дасягаў 3–4 тыс. руб. Асабліва высока аплачваліся пасады дырэктараў і інспектараў гімназій. Акрамя аклада і платы за выкладчыцкую працу ў гімназіі, яны атрымлівалі значныя сумы ў выглядзе «кватэрных» і «сталовых». Напрыклад, дырэктар Віцебскай гімназіі атрымаў у 1913 г. у агульным выглядзе 4260 руб., выконваючы абавязкі інспектара Мінскай гімназіі – 4225 руб. [11, с. 83].

З пачатку стагоддзя ў сярэдніх навучальных установах дадаткова да асноўнага акладу пачалі плаціць прыбаўкі ў памеры 400 руб. за кожныя 5 гадоў службы [12, с. 68]. Пры гімназіях, настаўніцкіх семінарыях і інстытутах настаўнікам, якім патрабавалася жыллё, прадастаўляліся ў бясплатнае карыстанне казёныя кватэры ў так званым «вучылішчным доме». Звычайна яны мелі (калі настаўнік сямейны) 3–4 пакоі. Калі магчымасці не дазвалялі забяспечыць усіх жадаючых пакоямі, настаўнікам дадаткова выдаваліся «кватэрныя грошы», дастатковыя для найма добрай кватэры (у сярэднім кватэрныя грошы складалі каля 40% ад гадавога жалавання настаўніка).

Для таго каб утрымаць настаўнікаў ад пошуку дадатковага заробку, не звязанага з педагагічнай дзейнасцю, апекуны Віленскай навучальнай акругі дазвалялі выкладчыкам гімназіі даваць прыватныя ўрокі вучням сваіх класаў. Аплата такіх урокаў была даволі высокая. Напрыклад, памер аплаты прыватных заняткаў з адным вучнем на працягу месяца складаў адну дзесятую месячнай заробнай платы настаўніка. Дзеці настаўнікаў сярэдніх і ніжэйшых устаноў вызваліліся ад платы за вучобу ў гімназіях і прагімназіях, калі іх бацькі праслужылі ў ведамстве Міністэрства народнай асветы не менш за 10 гадоў.

Пры размеркаванні срокаў гімназіі педагагічнымі саветамі прадугледжваўся такі артыкул выдаткаў, як аказанне матэрыяльнай дапамогі

настаўнікам і заахвочванне іх поспехаў у педагагічнай і навуковай дзейнасці. Памер грашовых узнагарод мог складаць да 50% гадавога «жалавання». Такого паняцця, як бюлетэнь, для настаўніка, які захварэў, у дарэвалюцыйнай школе не было. Але зварот хворага выкладчыка гімназіі да дырэктара з просьбай аб выдзяленні матэрыяльнай дапамогі для лячэння ці паездкі на курорт, як правіла, задавальняўся за кошт сродкаў гімназіі.

Настаўнікі гімназій і рэальных вучылішчаў мелі значна больш правоў і пераваг, чым настаўнікі народнах школ. У большасці яны ўзнагароджваліся чынамі, ардэнамі і грашовымі прэміямі. Дырэктары гімназій па выслузе гадоў атрымлівалі чын V класа, інспектары гімназій пасля чатырох гадоў службы мелі VI клас, настаўнікі асноўных навук гімназій – VIII клас, настаўнікі чыстапісання – IX клас, памочнікі класных настаўнікаў – X клас. Праз пэўны тэрмін праводзілася павышэнне ў чынах. «Норма» пры ўзнагароджаннях была адна ўзнагарода ў год на 8 служачых. Настаўнікі сярэдніх навучальных устаноў мелі больш правоў і пры атрыманні пенсій [13, с. 137–138].

Заклучэнне. У гэты перыяд значна вырас разрыў паміж патрэбай у педагагічных кадрах і ўзроўнем задавальнення гэтай патрэбы. Такі разрыў рос з года ў год. Царскі ўрад не толькі не прадымаў рашучых мер, каб яго зменшыць, але і ўсяляк абмяжоўваў развіццё педагагічнай і народнай адукацыі. Аднак прад'яўленне грамадствам і кіраўніцтвам вучылішчаў высокіх патрабаванняў да ўзроўню адукацыі, культуры прафесійных і асабістых якасцей педагога, прадастаўленне настаўніку прасторы для творчасці і стварэнне неабходных умоў для павышэння яго агульнаадукацыйнага і прафесійнага ўзроўню садзейнічалі таму, што ў гарадскіх сярэдніх навучальных установах пераважалі настаўнікі адукаваныя, кампетэнтныя, адданыя сваёй справе.

Літаратура

1. Алешинцев, И. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век) / И. Алешинцев. – СПб.: Изд. О. Богдановой, 1912. – 346 с.
2. Корнилов, И. Русское дело в Северо-Западном крае: материалы по истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху / И. Корнилов. – СПб.: Тип. А. Суворина, 1908. – Вып. 1. – 504 с.
3. Настольная книга по народному образованию: в 3 т. / сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. – СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1901. – Т. 2. – С. 715–1538.

4. К вопросу о подготовке преподавателей средних школ. – М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1899. – 306 с.

5. НГАБ. – Фонд 478. Мінскі настаўніцкі інстытут. – Воп. 1. – Спр. 82.

6. Снапкоўская, С. В. Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. / С. В. Снапкоўская. – Мінск: НІА, 1998. – 191 с.

7. Солонин, П. Училищеведение / П. Солонин. – СПб.: Тип. А. Суворина, 1879. – 343 с.

8. Труды первого Всероссийского съезда учителей городских по положению 1872 г. училищ 7–14 июня 1909 г.: в 2 т. / под ред. В. А. Самсонова и Г. Г. Тумина. – СПб.: Тип. Моятвида, 1910. – Т. 1. – 529 с.

9. НГАБ. – Фонд 478. – Воп. 1. – Спр. 7.

10. Шыбека, З. В. Мінск. Старонкі жыцця дэрэвалюцыйнага горада / З. В. Шыбека, С. В. Шыбека. – Мінск, Польша, 1990. – 329 с.

11. Еўдакімава, А. З вопыту падрыхтоўкі настаўнікаў для Беларусі (XIX ст.) / А. Еўдакімава // Беларускі гістарычны часопіс. – 1997. – № 1. – С. 75–85.

12. Сучков, И. В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX–XX веков / И. В. Сучков // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 62–67.

13. Паначин, Ф. Г. Педагогическое образование в России / Ф. Г. Паначин. – М.: Педагогика, 1979. – 215 с.

Паступіў 02.04. 2010

УДК 327.33(476)(091)

А. А. Райчонак, дацэнт (БДТУ)

УПЛЫЎ САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНАЙ СТРАТЫФІКАЦЫІ НАСЕЛЬНІЦТВА БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ ХІХ – ПАЧАТКУ ХХ СТ. НА ПРАЦЭС ФАРМАВАННЯ БЕЛАРУСКАЙ НАЦЫІ

У дадзеным артыкуле аналізуецца сацыяльная стратыфікацыя насельніцтва Беларусі ў канцы ХІХ – пачатку ХХ ст., што храналагічна супадае з пераходам беларускай нацыі ў апошнюю стадыю свайго фармавання. Даецца таксама кароткі агляд становішча ў 5 беларускіх губернях і робіцца спроба прасачыць уплыў эканамічнага стану ў краі на працэс нацыятворчасці ў Беларусі. Аўтар тлумачыць асаблівасці працэсу фармавання беларускай нацыі, што выявіліся ў яго запаволеным развіцці адносна большасці суседніх народаў.

The article examines the social stratification of Belarusian population at the end of the 19th and the beginning of the 20th century. It coincides chronologically with the transformation of the forming Belarusian nation during the last stage of that process. The author gives the short survey of economic situation in five Belarusian provinces and makes the attempt to trace the influence of it on the process of the nation's formation in Belarus. The author's interpretation of some specifics in the process of the Belarusian nation's formation has been undertaken to explain its relative delay towards the neighbouring peoples.

Уводзіны. Разглядаючы перыяд канца ХІХ – пачатку ХХ ст., перш за ўсё, трэба зазначыць, што ў гэты час беларуская нацыя ўвайшла ў заключную фазу свайго фармавання, і менавіта гэта з'явілася вызначальным фактарам у працэсе стварэння нацыянальнай дзяржаўнасці. Але немагчыма разглядаць працэс фармавання дзяржавы ў адрыве ад тэрыторыі, на якой яна знаходзіцца, а таксама насельніцтва, якое пражывае на дадзенай тэрыторыі. Гэта, у першую чаргу, вымагае падрабязнага разгляду стану беларускага грамадства ў час яго пераходу да мадэрнага стану.

Як вядома, існуюць два асноўныя пункты гледжання на дадзенае пытанне. Першы разглядае нацыю як новы стан больш ранніх людскіх супольнасцей – этнасаў. Другі сцвярджае, што нацыя ёсць нешта прынцыпова іншае ў параўнанні з папярэднімі чалавечымі грамадствамі.

Каб пазбегнуць крайнасцей дзвюх азначаных пазіцый, мы будзем прытрымлівацца думкі, што ўтварэнне нацыі ёсць не што іншае, як змена ўзаемаадносін у грамадстве, якія ствараюць прынцыпова новую сацыяльную рэчаіснасць. У гэтай сувязі разгляд змен у сацыяльна-эканамічным становішчы асноўных пластоў насельніцтва Беларусі дазваляе прасачыць галоўныя змены ў грамадстве падчас утварэння нацыі.

Асноўная частка. У сучаснай гістарычнай навуцы пераважае падыход, згодна з якім у статыстыку адносна беларускіх зямель уключаюцца 5 былых губерняў Расійскай імперыі з пераважна беларускім насельніцтвам і тэрыторыя якіх у большай частцы супадае з сучаснай тэрыторыяй Беларусі: Віленская, Віцебская, Гродзенская, Мінская і Магілёўская.

Згодна з перапісам 1897 г., па сацыяльнаму становішчу насельніцтва Беларусі размяркоўва-

лася наступным чынам: дваранства – 238 522; духавенства – 21 849; купецтва – 18 282; мяшчане – 1 781 978; сяляне – 6 416 745, іншаземцы – 13 469, іншыя – 27 473.

Як бачна з прыведзеных вышэй даных, найбольш шматлікім класам на Беларусі было сялянства. Яно складала 92,1% сярод беларускага насельніцтва. Капіталістычнае развіццё беларускай вёскі мела шэраг характэрных асаблівасцей, якія ў значнай меры вызначылі не толькі сацыяльна-эканамічнае, але і палітычнае развіццё беларускай нацыі.

Даследчык парэформенага развіцця капіталізму ў сельскай гаспадарцы Беларусі Л. П. Ліпінскі вылучыў 9 асноўных асаблівасцей, якія значна абмяжвалі развіццё капіталізму на вёсцы. Галоўнымі сярод іх былі: перавага буйнога памешчыцкага землекарыстання, аграрная перанаселенасць вёскі і запаволеная мабілізацыя зямлі [1].

Трэба дадаць, што з часам аграрная перанаселенасць толькі ўзрастала. У пачатку ХХ ст. (1900 г.) у 5 заходніх губернях пражывала 2 млн незанятых работнікаў. Звыш паловы дарослага сельскага насельніцтва было залішнім, не знаходзячы на месцы выкарыстання сваёй працы, яны былі вымушаны шукаць яе за межамі радзімы. Па размеру аграрнай перанаселенасці Беларусь займала адно з першых месцаў у Еўрапейскай Расіі.

Калі падсумаваць вышэйсказанае, то становішча ў сельскай гаспадарцы Беларусі магчыма ахарактарызаваць наступным чынам. Асноўная галіна эканомікі Беларусі, сельская гаспадарка, развівалася ў надзвычай неспрыяльных умовах. Беларуская вёска ў пачатку ХХ ст. уяўляла сабой клубок супярэчнасцей: зямельных, нацыянальных, класавых, юрыдычнага і палітычнага характару, галоўным было зямельнае пытанне.

Менавіта яго вырашэнне прадвызначала шляхі далейшага развіцця Беларусі.

Акрамя таго, супрацьстаянне сялянства як класа эканамічнаму панаванню дваранства дапаўнялася расслаеннем унутры самога сялянства. Калі адразу пасля рэформы 1861 г. яно ўяўляла дастаткова аднародную ў эканамічным сэнсе масу, то да пачатку другога дзесяцігоддзя XX ст. сялянства было ўжо ў значнай ступені дыферанцавана. Згодна з усярэдненым значэннем, да бяднейшага сялянства належала 70%, да сярэднякоў – 20%, да заможных – 10% ад сельскага насельніцтва Беларусі.

Адзначым далей, што на Беларусі больш высокімі тэмпамі праходзіла сталыпінская аграрная рэформа. Узровень хутарызацыі склаў тут 12%, тады як па Расіі ў цэлым – 10%. Яшчэ больш інтэнсіўна праходзіў працэс выхаду сялян з абшчыны. Калі па Расіі ў цэлым з яе выйшлі 21,8%, то ў Магілёўскай – 56,7%, а ў Віцебскай – 28,6% (у трох астатніх губернях абшчыннае землекарыстанне фактычна адсутнічала)[2].

Усе названыя супярэчнасці ўзмацніла Першая сусветная вайна. Прыблізна 50% сялян мужчынскага полу былі прызваны ў армію; 7% сялянскіх гаспадарак у Мінскай губерні засталася ўвогуле без работнікаў, у Віцебскай яшчэ больш: да 1917 г. 32,5% гаспадарак апынулася без работнікаў-мужчын.

Акрамя таго, у 1915 г. баявыя дзеянні перамяшчаюцца на тэрыторыю Беларусі і заходзяць яе частка трапляе ў зону нямецкай акупацыі, дзе ўсталёўваецца даволі жорсткі ваенны рэжым. Не менш цяжкім было становішча і ва ўсходняй частцы Беларусі. Пад час вайны значна скараціліся пасяўныя плошчы і пагалоўе жывёлы.

Свае асаблівасці мела і развіццё прамысловасці. Агульная характарыстыка дадзенай галіны народнай гаспадаркі выглядае наступным чынам. У 1913 г. у Беларусі налічвалася 1282 цэнзавыя прадпрыемствы з 55 тыс. занятымі на іх рабочымі. Акрамя гэтага, было 98,5 тыс. дробнакапіталістычных прадпрыемстваў і сама-тужна-рамесных майстэрней з 94 тыс. рабочых. Яшчэ 40 тыс. рабочых былі заняты на чыгунцы, 86 тыс. – у будаўніцтве, лесанарыхтоўцы і як чорнарабочыя, 44 тыс. – у гандлі, сувязі, камунальным і бытавым абслугоўванні і 200 тыс. – у якасці сталых сельскагаспадарчых рабочых. Такім чынам, агульная колькасць сталых наёмных рабочых складала 519 тыс. чалавек.

Аналіз нацыянальнага складу рабочага класа Беларусі быў зроблены гісторыкам М. В. Бічом на падставе перапісу 1897 г. Згодна з яго даследаваннем, у прамысловасці, гандлі, на ўсіх відах транспарту і сродкаў сувязі, а таксама ў ролі хатняй прыслугі і падзёншчыкаў (гарадскіх) былі заняты 289,7 тыс. чалавек, з іх

беларусаў – 49,7 тыс. (17,1%), рускіх – 29,4 тыс. (10,1%), палякаў – 29,6 тыс. (10,2%), яўрэяў – 173,5 тыс. (59,9%), літоўцаў – 2,3 тыс. (0,8%), латышоў – 3,6 тыс. (1,3%), украінцаў – 1,6 тыс. (0,6%). Далей ён піша: «Адсутнасць адпаведных крыніц для больш ранняга і больш позняга перыяду не дазваляе прасачыць змены ў нацыянальным складзе прамысловага пралетарыяту Беларусі на працягу ўсёй эпохі капіталізму. Можна, аднак, сцвярджаць, што да 1917 г. значных змен не было, паколькі палітычныя і сацыяльна-эканамічныя ўмовы фармавання мясцовага пралетарыяту захоўваліся ў аснове тыя ж, што і ў канцы XIX ст.» [3].

Такім чынам, магчыма прыйсці да высновы, што да 1914 г. лічба беларусаў-рабочых у гарадах і мястэчках была прыблізна 54,9 тыс. Калі дадаць да гэтай лічбы 200 тыс. сельскагаспадарчых рабочых, сярод якіх у сілу нацыянальнага складу вёскі было практычна не менш за 90% беларусаў, атрымаем агульную колькасць беларускага пралетарыяту – прыблізна 250 тыс. чалавек.

Трэба падкрэсліць, што, хаця да пачатку другога дзесяцігоддзя XX ст. буйная прамысловасць абагнала дробную па тэмпах росту, апошняя па лічбе прадпрыемстваў і занятых у ёй рабочых займала пераважнае становішча. Канцэнтрацыя пралетарыяту была невысокай: на адно прадпрыемства прыпадала 43 рабочыя. Большасць цэнзавых прадпрыемстваў (68%) знаходзілася ў сельскай мясцовасці, а колькасць рабочых, якія працавалі па-за горадам, складала 51,4%. Частка рабочых працягвала захоўваць сувязь з зямлёй.

У валавой прадукцыі доля дробнай і рамесна-саматужнай прамысловасці складала 53,5%, а буйнай (цэнзавай) – 46,5%. Такім чынам, у Беларусі працягваў захоўвацца адносна нізкі ўзровень прамысловай вытворчасці і яе канцэнтрацыі. Да Першай сусветнай вайны Беларусь у прамысловых адносінах знаходзілася прыкладна на адным узроўні развіцця з іншымі неіндустрыяльнымі раёнамі і з'яўлялася, па сутнасці, сярэнім і аграрным рэгіёнам Расійскай імперыі.

Яшчэ больш ускладніла становішча прамысловасці Першая сусветная вайна, якая прывяла да значнага скарачэння колькасці прадпрыемстваў і падзення вытворчасці прадукцыі цывільнага прызначэння да 15–16% ад даваенага ўзроўню.

Значна скарацілася і колькасць пралетарыяту, якая да пачатку 1917 г. складала прыблізна 270 тыс. чалавек. Акрамя таго, узмацніліся і міграцыйныя працэсы: шмат мясцовых рабочых пакінулі Беларусь (былі мабілізаваны на фронт ці ў якасці бежанцаў). Разам з тым прыбылі каля 100 тыс. рабочых, якія былі накіраваны ў ваенныя майстэрні.

Такім чынам, у пачатку ХХ ст. становішча рабочага класа Беларусі было адным з самых цяжкіх у Расіі. Прамысловасць заставалася слабай, і яе рост стрымліваўся як эканамічнымі, так і пазаканамічнымі прычынамі. Рабочы клас у сілу вышэйпералічаных абставін не мог адыгрываць значнай ролі ў беларускім нацыянальным руху.

Дастаткова супярэчлівым было і становішча буржуазіі на Беларусі. Па перапісу 1897 г., з 5073,1 тыс. беларускага сельскага насельніцтва да буржуазіі адносілася 463,5 тыс. чалавек, ці прыблізна 9% [4]. З іх каля 1 тыс. (прыблізна 0,02% ад насельніцтва) належалі да буйной буржуазіі; 44,5 (каля 1%) – да сярэдняй і 418 тыс. (каля 8%) – да дробнай. Зыходзячы з таго, што пражытачная норма для адной сялянскай сям’і складала прыкладна 20 дзесяцін, а працоўная – 60 дзесяцін зямлі, то па зямельных уладаннях да дробнай буржуазіі належалі гаспадаркі, якія мелі ад 20 да 60 дзесяцін зямлі, а да сярэдніх – гаспадаркі з уладаннем ад 60 да 500 дзесяцін зямлі.

Фармаванне буржуазіі з невясковага насельніцтва ішло больш паспяхова. Так, яна складала 15%, ці 50,5 тыс. з 335,3 тыс. беларускага насельніцтва гарадоў.

Калі ж браць паказчыкі працэнтных суадносін як для сельскай, так і для гарадской беларускай нацыянальнай буржуазіі, то яны будуць наступнымі: 463,5 тыс. (90,2%) складалі сельскія гаспадары; 7,5 тыс. (1,4%) – гандлёва-прамысловая буржуазія; 43 тыс. (8,4%) не былі непасрэдна звязаны з вытворчасцю (домаўладальнікі, ранцье і г. д.), з іх 1,2 тыс. (0,2%) належалі да буйной; 53,7 тыс. (10,5%) – да сярэдняй і 459,1 тыс. (89,3%) – да дробнай. Усяго ж з 5408,4 тыс. беларускага насельніцтва яна складала 9,5%, ці 514 тыс. чалавек.

Неабходна заўважыць, што ўмовы для развіцця нацыянальнай буржуазіі былі даволі неспрыяльнымі. З аднаго боку, яе рост стрымліваўся абмежавальнай палітыкай царызму ў галіне пазямельных адносін, з другога – канкурэнцыяй з прадстаўнікамі буржуазіі іншых нацыянальнасцей, якія пражывалі на Беларусі (палякамі і рускімі ў вёсцы, яўрэямі – у горадах). Яны ў сілу цэлага шэрага прычын былі больш моцнымі ў эканамічным сэнсе.

Удзельная вага нацыянальнай буржуазіі сярод палякаў складала 25,5%; рускіх – 23,5%; яўрэяў – 18%. З агульнай колькасці прадстаўнікоў буржуазнага класа на долю беларускай буйной буржуазіі ў 5 заходніх губернях прыпадала 2,7%, ў той час, як яўрэям належала 44,7%; палякам – 32,4%; рускім – 15,8%.

Такім чынам, можна канстатаваць, што беларуская нацыянальная буржуазія не з’яўляла-

ся пануючым класам, гэта рабіла яе патэнцыйнай саюзніцай як нацыянальна-вызваленчага, так і агульна дэмакратычнага руху. Іншая справа, што ў сілу незавершанасці працэсу класавай дыферэнцыяцыі беларускага грамадства, яна ў агульнай сваёй масе да Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. так і не паспела ўсвядоміць сябе як клас.

Закранаючы іншыя сацыяльныя пласты і групы, адзначым наступнае: сярод інтэлігенцыі да беларусаў аднеслі сябе 40% чыноўнікаў, 10% юрыстаў, 20% лекараў, 29% паштова-тэлеграфных служачых і 60% настаўнікаў [5].

Такім чынам, беларуская нацыя ў пачатку ХХ ст. знаходзілася ў заключнай стадыі фармавання, і хаця некаторыя працэсы не былі канчаткова завершаны, аб’ектыўна яна была падрыхтавана да ўспрыняцця і ажыццяўлення ідэі нацыянальнай дзяржаўнасці.

Напрыканцы хацелася б кратак спыніцца на фактарах аб’ектыўнага і суб’ектыўнага характару, якія ў далейшым у многім абцяжарылі працэс станаўлення беларускай дзяржаўнасці:

1) незавершанасць класавай і сацыяльнай дыферэнцыяцыі беларускага грамадства, што, у сваю чаргу, запавольвала развіццё нацыянальнай самасвядомасці, выкрышталізацыі ў розных сацыяльных груп сваіх спецыфічных інтарэсаў у справе ўтварэння нацыянальнай дзяржаўнасці;

2) вайсковыя дзеянні на тэрыторыі Беларусі не толькі прынеслі рэзкае пагаршэнне сацыяльна-эканамічнай сітуацыі, але і прывялі да таго, што галоўны арэал кансалідацыі беларускай нацыі, які вызначаецца навукоўцамі як тэрыторыя Паўночна-Заходняга і часткі Цэнтральнага рэгіёнаў, аказаўся адрэзаным лініяй фронту ад галоўнага нацыянальнага цэнтра, якім на той час становіцца Мінск. Што тычыцца ўсходніх тэрыторый Беларусі, то яны не маглі ўзяць на сябе гэтую функцыю ў сілу таго, што палітыка русіфікацыі прынесла найбольшыя вынікі менавіта на гэтых землях. З 1897 па 1913 г., па афіцыйнай статыстыцы, у Магілёўскай губерні доля беларускага насельніцтва знізілася з 82 да 50,3% [6]. Акрамя гэтага, вайна прывяла да таго, што значная колькасць людзей, здольных падтрымаць намаганні па стварэнню беларускай дзяржаўнасці, былі адарванымі ад Беларусі (1320 тыс. бежанцаў і яшчэ каля 500 тыс. мабілізаваных у дзеючую армію). У рашучыя 1917–1919 гг. яны знаходзіліся па-за яе тэрыторыяй;

3) для нацыянальна-дзяржаўнага самавызначэння неабходна не толькі прадудцыраванне дзяржаўнай ідэі, але і наяўнасць класа, здольнага ўспрыняць яе ў поўным аб’ёме, а гэта забяспечваецца наяўнасцю ў грамадстве пэўнага адукацыйнага ўзроўню, у Беларусі ж адсутніча-

ла сістэма вышэйшай адукацыі, а менавіта вышэйшыя навучальныя ўстановы, як сведчыць вопыт еўрапейскіх краін, з'яўляюцца цэнтрамі, якія прадуцыруюць нацыянальна-дзяржаўныя ідэі і кадры, здольныя здзейсніць гэтыя ідэі ў жыццё. Істотнай перашкодай з'яўлялася і адсутнасць якога-небудзь вопыту дзяржаўнай працы ў падаўляючай колькасці ўдзельнікаў нацыянальнага руху.

4) наяўнасць нявырашаных эканамічных праблем, у першую чаргу зямельны крызіс і ваенныя разбурэнні, выставіла на пярэдні план эканамічныя патрабаванні, пры гэтым вайна не парадзіла, а абвастрыла гэтыя супярэчнасці. Так, у 1913 г. даход на душу насельніцтва ў Расіі складалаў 97 руб. 26 кап., а ў Беларусі – 65 руб. 86 кап. Значнае адставанне Беларусі ад усёй Расіі бачым з даных аб структуры нацыянальнага даходу. Удзельная вага сельскай гаспадаркі ў нацыянальным даходзе Беларусі складала 57,5%, тады як па ўсёй Расіі – 47,5%. Суадносна ўдзельная вага прамысловасці (без лесанарыхтовак) складала ў Беларусі 15,3%, а па ўсёй Расіі – 24,3%; удзельная вага буйной (цэнзавай) прамысловасці: у Беларусі – 7,2%, а ў Расіі – 18,3%. Гэтыя лічбы красамоўна сведчаць аб тэхніка-эканамічнай адсталасці Беларусі ў складзе Расійскай імперыі.

Тым не менш тут назіраўся пераход ад традыцыйнага грамадства да мадэрнізаванага. Змены ў сацыяльнай структуры грамадства і паступовае ўцягванне насельніцтва ў капіталістычныя адносіны спрыялі фармаванню нацыянальнай свядомасці. Але тут трэба ўлічваць заўвагу, зробленую С. Токцем, што гэтыя ж з'явы паскаралі таксама працэс асіміляцыі і далучэння беларускага насельніцтва да іншых нацыянальных супольнасцей [7].

Атрымлівалася, што сацыяльна-эканамічныя перадумовы, неабходныя для фармавання нацыі, не заўжды спрацоўвалі ў накірунку пераўтварэння беларускай этнічнасці ў беларускую нацыю. У пэўнай ступені гэта было звязана з тым, што, як вядома, беларусы належалі да так званых нацый з няпоўнай сацыяльнай структурай, але адной з асаблівасцей беларускай нацыі было тое, што яна фармавалася практычна ва ўмовах нязначнасці беларускага гарадскога насельніцтва. Трапляючы ў гарады, дзе пераважалі іншыя этнічныя групы, беларусы былі вымушаны прыстасоўвацца да гэтых умоў, а ўлічваючы тое, што гарадское насельніцтва Беларусі ў пачатку XX ст. не перавышала 15% ад усяго насельніцтва, не прыходзілася разлічваць на моцную падтрымку беларускага нацыянальнага руху з боку гараджан.

Другой супярэчлівай рысай была роля адукацыі, якая ва ўмовах Расійскай імперыі пазба-

вілася нацыянальнага зместу. Таму, з аднаго боку, прадстаўнікі беларускага нацыянальнага руху выступілі з патрабаваннем увядзення нацыянальнай сістэмы адукацыі і адкрыцця вышэйшых навучальных устаноў на тэрыторыі Беларусі, што павінна было спрыяць больш хуткаму пераходу беларускага этнасу ў стан нацыі. З другога боку, імперская сістэма адукацыі яшчэ больш паскарала працэс размывання этнічнасці беларусаў.

Заклучэнне. Такім чынам, можна казаць, што да Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. Беларусь заставалася адным з прыгнечаных рэгіёнаў Расійскай імперыі як у эканамічным, так і ў нацыянальным плане. Але мадэрназыйны працэс паступова пачынаюць ахопліваць усе асноўныя сацыяльныя групы грамадства. Хоць і запаволена, але трансфармацыя аграрнага грамадства ў мадэрнае набывае незваротны характар. Між тым названыя працэсы не насілі лінейнага характару і вызначаліся няроўнасцю хуткасці цячэння ў розных рэгіёнах Беларусі. Нацыянальны рух насіў тут нацыянальна-вызваленчы характар, а высокая сацыяльная напружанасць прывяла да таго, што, як толькі рухнула самаўладдзе і з'явілася магчымасць якой-небудзь легальнай працы, гэты рух пачаў імкліва развівацца, уцягваючы ў працэс нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва тысячы новых людзей.

Літаратура

1. Липинский, Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии (II половина XIX в.) / Л. П. Липинский. – Минск: Наука и техника, 1971. – С. 228–233.
2. Экономика Белоруссии в эпоху империализма 1900–1917 гг. – Минск: Издательство АН БССР, 1963. – С. 127, 141.
3. Біч, М. В. Нацыянальны склад прамысловага пралетарыяту Беларусі у канцы XIX – пачатку XX ст. / М. В. Біч // Весці Акад. навук Беларускай ССР. Сер. грамадскіх навук. – 1972. – № 4. – С. 35–36, 38.
4. Шыбека, З. В. Буржуазія: у 2 т. / З. В. Шыбека // ЭГБ. – Т. 2. – С. 135–138.
5. Церашковіч, П. У. Беларусы: у 2 т. / П. У. Церашковіч, І. У. Чаквін // ЭГБ. – Т. 1. – С. 472.
6. Этнаграфія Беларусі: Энцыклапедыя. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 575 с.
7. Токць, С. М. Беларуская вёска на мяжы эпох: змены этнічнай самасвядомасці сялянскага насельніцтва ва ўмовах распаду традыцыйнага аграрнага грамадства (па матэрыялах Гарадзеншчыны XIX – першай трэці XX ст.) / С. М. Токць. – Гродна: ГрДУ, 2003. – С. 25.

Паступілі 02.04.2010

УДК 323.28(476)

В. Е. Козляков, профессор (БГТУ)

**БОРЬБА САМОДЕРЖАВНЫХ ВЛАСТЕЙ
ПРОТИВ ТЕРРОРА ОППОЗИЦИОННЫХ ПАРТИЙ В БЕЛАРУСИ
НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

В статье раскрывается сформированная накануне и в период первой российской революции система безопасности и политического сыска в Беларуси, призванная бороться с революционным движением, в том числе против террористических актов оппозиционных партий. Автор выделяет несколько направлений деятельности местных полицейских структур: наблюдение за настроениями населения и выявление подозреваемых в антисамодержавных действиях лиц; непосредственная работа с населением и попытки создания псевдореволюционных организаций, действовавших под контролем полицейских чинов; оперативно-розыскная деятельность полиции с целями упреждения террористических актов и поимки террористов; идеологическая работа, связанная с дискредитацией революционеров и усилением вероподданнических чувств по отношению к царскому режиму.

The article reveals the system of safety and political persecution on the eve and during the first Russian revolution aimed at combating the revolutionary movement and terroristic actions of the opposition. The author distinguishes some directions of activities of the local police: surveillance of the inhabitants and revelation of those suspicions of anti autocratic activities; direct work with local people and attempts to form pseudorevolutionary organisations acting under police control; persecutive work of the police in order to prevent acts of terrorism.

Введение. Необходимость борьбы с современным международным терроризмом требует изучения и осмысления всего совокупного антитеррористического опыта, накопленного в разное время государственными структурами. Разумеется, нельзя отождествлять проявления этой современной опасной тенденции с террором оппозиционных политических организаций, действовавших в Беларуси и России в начале XX в. Тогда это явление было во многом окрашено революционным романтизмом, выражением отчаянного протеста против существовавших самодержавных порядков, борьбы за социальную справедливость. Тем не менее уже тогда терроризм как система насильственных действий, направленных против конкретных политических лиц и институтов с целью дестабилизации обстановки, доказал свою непригодность, зачастую «канализируя» протестные (или защитные) настроения в выгодное для властей провокационное русло.

В последнее время появилось немало работ, в которых исследуется деятельность самодержавных структур по пресечению радикализации революционного движения, рассматриваются формы и методы борьбы полицейских органов с террористической практикой отдельных политических организаций [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]. Тем не менее, многие аспекты этой проблематики нуждаются в дальнейших исследованиях. Постараемся показать, как в Беларуси в начале XX в. развертывалась борьба самодержавных властей против проявлений оппозиционного терроризма.

Основная часть. Рост революционного движения, его радикализация в Беларуси и

России в конце XIX – начале XX в. заставили царские власти усилить меры по укреплению государственной безопасности и обеспечению политической стабильности. В этих целях еще в 1888 г. были созданы Департамент полиции и Отдельный корпус жандармерии, общее руководство которыми находилось в руках Министра внутренних дел, чем достигалось концентрация всего сыскного аппарата. Местными органами, посредством которых Департамент осуществлял свою «охранительно-розыскную работу», были губернские и областные жандармские управления (ГЖУ, ОЖУ), жандармско-полицейские управления железных дорог (ЖПУ ж. д.), розыскные отделения (с 1903 г. охранные отделения), а также районные охранные отделения (РОО, 1907–1914 гг.). Первые губернские жандармские управления были созданы еще в 1867 г. Их функция – политический розыск и производство дознаний по государственным преступлениям. Особое значение в деле розыска придавалось охранным отделениям и розыскным (охранным) пунктам. Главной задачей охранных отделений являлся розыск по политическим делам, который производился через секретную агентуру и филерское наблюдение. Среди белорусских городов первые охранные пункты были созданы в 1906 г. в Гомеле, Минске, Витебске [2, с. 109, 115–119].

Таким образом, накануне и в период первой российской революции в России была создана громоздкая и сложная система политического сыска, призванная бороться с революционным движением, в первую очередь, пресекать ра-

дикальные выступления, в т. ч. подготовку терактов. В работе указанных полицейских структур можно выделить несколько направлений. Одно из главных – наблюдение за настроениями населения и выявление подозреваемых в антигосударственной деятельности лиц, в т. ч. склонных к организации и осуществлению терактов. Для получения необходимой информации использовались прежде всего сведения, полученные от секретной агентуры, проникшей в местные партийные организации, и от службы наружного наблюдения – филеров. Достоверность этих сведений во многом зависела от «честности» агентуры, ее подготовленности, от того, насколько секретный агент разбирается в партийных делах, а также, насколько он в курсе партийной работы и близок к местным лидерам.

В Беларуси губернские жандармские управления, охранные отделения располагали определенной сетью агентуры в рядах местной оппозиции. Получаемые сведения тут же отправлялись в Департамент полиции. Например, полиции удалось установить надзор за активистами Рабочей партии политического освобождения России, созданной в Минске в 1899 г. Некоторые из них – Г. Гершуни и Л. Клячко – были арестованы на основании донесений полицейской агентуры [8, л. 72–73]. Своевременная нейтрализация этих активистов не дала возможность расширить деятельность партии, сошедшей довольно быстро с политической арены.

Особое внимание полицейские службы уделяли местным организациям социалистов-революционеров. Наблюдение за эсерами Беларуси началось еще тогда, когда партия только складывалась – с 1900 г. Несмотря на ликвидацию минской организации в 1903 г., она вскоре возродилась и с конца 1904 г. уже вела активную агитацию в городе и деревне. К партии потянулась молодежь, прежде всего учащиеся средних учебных заведений. Причем, согласно агентурным сведениям, вербовкой учащихся в местную эсеровскую организацию занималась жена председателя губернской земской управы Л. Матвеева [9, л. 1–3].

В поле зрения полиции попадали и менее известные лица. Так, в рапорте помощника начальника Могилевского жандармского управления А. Власьева от 22 марта 1901 г. говорилось о некоем Иване Мохове, жителе г. Гомеля, который, рассуждая о террористах, неоднократно высказывал мысль о том, что «если бы в Гомеле сформировался подобный кружок, то он первый примкнул к нему» [8, л. 106–107]. Сведения о частных разговорах добывались, безусловно, агентурным путем.

Другое направление в борьбе политической полиции против терроризма заключалось в непосредственной работе с населением и попытках создания так называемых псевдореволюционных организаций, действовавших под контролем полицейских чинов, но куда могли вовлекаться недовольные режимом граждане. Такую идею, правда, не вызвавшую, по свидетельству бывшего в свое время директора Департамента полиции А. Герасимова, особого восторга других полицейских руководителей, пытался осуществить накануне революции С. Зубатов, будучи заведующим Особым отделом Департамента полиции [1, с. 18]. Тем не менее, С. Зубатову удалось привлечь к агентурной работе многих людей, убедив вчерашних революционеров, что только совместная деятельность с правительством может помочь рабочему классу добиться осуществления своих прав. Ряд революционеров поверил С. Зубатову. Среди них наиболее известной была бундовка до ареста, затем одна из лидеров и создателей зубатовской Еврейской независимой рабочей партии Маня Вильбушевич, в будущем сыгравшая значительную роль в Палестине, в просионистском движении «Ха-шомер ха-цаир» [4, с. 78].

Последователем С. Зубатова в Беларуси выступил начальник Минского жандармского управления Н. Васильев, деятельность которого была высоко оценена начальником отделения по охране общественной безопасности в Москве в рапорте от 23 июня 1901 г. По его словам, Н. Васильев сумел «направить недовольство и возмущение масс в нужном для властей направлении через партию М. Вильбушевич». Выступая, например, на собрании минских рабочих, жандарм призывал их «искать удовлетворение своих нужд открытым путем», но предупредил, что «всякие нелегальные начинания будут пресекаться самыми суровыми мерами» [8, с. 115–116]. Некоторые жандармские чины были убеждены, что «появление новой группы лиц, чуждой радикализма, которая, став помощницей правительственной власти, явилась бы конкурирующей революционерам в деле руководства неорганизованной массой». Организация такой силы, по мнению зубатовских единомышленников, «облегчит деятельность правительственной власти, парализует революционеров и окажет помощь массе в ее материальном улучшении» [8, л. 120–121]. Такая тактика особого успеха не приносила. Более того, по признанию самого А. Герасимова, некоторые прозубатовские структуры активно участвовали в организации крупных забастовок, прекращение которых становилось головной болью и для предпринимателей, и для

полицейской. «Зубатовщина» не смогла предотвратить первую российскую революцию.

Третьим направлением, главным в начавшейся революции, была оперативно-розыскная деятельность полиции. Ее задача заключалась в том, чтобы, во-первых, упредить готовившиеся теракты, нейтрализовать их участников и организаторов, снизить в целом накал страстей, а, во-вторых, если не удалось предотвратить инцидент, связанный с покушением на должностных чинов, то следует срочно принять меры по пресечению возникших эксцессов, розыску и поимке террористов и их заказчиков.

Расстрел царскими войсками в Петербурге 9 января 1905 г. мирного шествия рабочих вызвал бурю негодования во многих городах Беларуси. Прошли митинги протеста и демонстрации, зачастую сопровождавшиеся острыми конфликтами и стычками между их участниками и полицией. Так, 18 февраля 1905 г. в г. Двинске Витебской губернии против демонстрантов, выступивших под лозунгом «Долой самодержавие!», были брошены регулярные армейские части. В ответ из толпы демонстрантов прозвучали револьверные выстрелы. В свою очередь, командир роты приказал солдатам открыть огонь. В результате перестрелки погиб один рабочий (по уверению полицейских, замеченный в стрельбе) и трое демонстрантов было ранено [10, л. 14, 17–18].

Жесткие меры были предприняты полицией 5 февраля 1905 г. и в Могилеве против участников демонстрации, устроенной местной организацией РСДРП. Многие из них были избиты. По свидетельству очевидцев, не довольствуясь избиениями, полицейские таскали изувеченных шашками, еле живых демонстрантов в участок и там «продолжали свою работу: топтали ногами, сбрасывали с лестниц» [11, л. 54].

В ответ на подобные действия властей по Беларуси прокатилась волна терактов. Главными объектами террористов стали полицейские чины и губернаторы. Так, в Витебской губернии в период с 1 февраля 1905 по 17 ноября 1906 г. в результате террористических актов были убиты 7 чиновников полиции и жандармерии, в т. ч. вахмистр Витебского губернского жандармского управления и пристав 2-й части Двинской городской полиции. С 12 марта 1906 по 6 августа 1907 г. в Гродненской губернии были убиты 10 и ранены 13 чинов МВД.

Не стали исключениями в покушениях на полицейские чины Могилевская и Минская губернии. В частности, в секретном донесении начальнику Могилевского губернского жандармского управления от 30 сентября 1905 г. перечисляются 4 теракта, проведенных против

чинов гомельской полиции. При характеристике деятельности Гомельской организации социалистов-революционеров жандармский офицер констатировал, что в местечке Ветка «нижние чины полиции и жандармские унтер-офицеры, если в ночное время или вечером встречаются на улице гражданскими лицами, неоднократно подвергались нападению и тяжким побоям». В отчете помощника начальника Могилевского губернского жандармского управления о положении дел в Гомельском, Рогачевском и Быховском уездах за период с 1 октября 1905 по 1 апреля 1906 г. упоминается о террористических актах против сотрудников МВД, из которых четыре закончились гибелью должностных лиц. В донесении минского губернатора П. Курлова от 24 августа 1905 г. при обзоре политических событий за период февраль – июль 1905 г. упоминается об одном убитом и 3 раненых полицейских чинах. В донесении минского губернатора от 19 января 1906 г. сообщается о 4 покушениях на жизнь служащих по ведомству МВД с 17 декабря 1905 г., причем два нападения привели к смерти чиновников [7, с. 49–50].

Террористическая активность в начале 1905 г. заставила полицейское начальство искать дополнительные меры по наведению порядка. В секретном циркуляре Департамента полиции от 24 июня 1905 г. губернаторам, градоначальникам и начальникам губернских и областных жандармских управлений указывалось на необходимость «обладать возможной осведомленностью о всяких готовящихся беспорядках, не допуская их развития до размеров, требующих для прекращения значительной силы». При этом особо обращалось внимание на «выяснение как зачинщиков и руководителей, так и выдающихся участников беспорядков на предмет законного преследования сих лиц по мере ими содеянного». «Изучение каждого отдельного случая, – подчеркивалось в документе, – дает возможность судить о пригодности членов полиции на местах» [12, л. 5–6]. Но грозные окрики и призывы из Петербурга не приносили желаемых результатов. Более того, под прицелом террористов теперь оказывались не только полицейские чины, но и губернаторы. В августе 1906 г. было совершено покушение на могилевского губернатора И. Клингейберга, в октябре – на виленского губернатора К. Палена, в октябре 1905 и январе 1906 г. – на минского губернатора П. Курлова. И хотя высокие должностные лица не пострадали, властей охватывали страх и растерянность.

Полицейские чины сбились с ног, разыскивая и выслеживая террористов. Профилактиче-

ские меры оказывались зачастую запоздалыми. Но в ряде случаев удавалось предотвращать новые покушения. Так, в июне 1905 г. в результате успешно проведенной полицейской операции в г. Гомеле были изъяты бомбы и арестован склад, в котором хранилось 75 револьверов, присланных из Москвы для местных революционных организаций [8, л. 242–243]. Удачные антитеррористические действия на время обеспечивали относительное спокойствие в городе или уезде. Там, где теракт был все-таки совершен, очень часто и исполнители, и заказчики оставались безнаказанными. А местные полицейские структуры вынуждены были лишь констатировать трагические факты.

Наконец, четвертое направление деятельности губернаторского аппарата и его полицейских помощников заключалось в осуществлении ряда мероприятий идеологического свойства, ставивших практические задачи, с одной стороны, дискредитировать всех революционеров, поставить их в один ряд с террористами, с преступниками, а с другой, – усилить среди населения верноподданнические чувства по отношению к царскому режиму. Однако никаких действенных мер власти не изобрели, зато упор сделали на усиление контроля за прессой и другие ограничения.

В циркуляре МВД от 3 октября 1905 г. обращалось внимание властей на необходимость установления строгой цензуры за местной печатью. «Именно периодические издания, выходящие в свет в провинции, – говорилось в документе, – толкуют наиболее подробные описания различных проявлений революционного и аграрного движения, беспорядков на фабриках и случаях столкновения населения с полицией и войсками». В циркуляре предлагалось местным властям сделать распоряжения, чтобы «лица, коим вверена предварительная цензура местных периодических изданий, с особой тщательностью относились к известиям о беспорядках среди городского и сельского населения, забастовках на фабриках и заводах, а также о производимых властями обысках и арестах неблагонадежных лиц» [13, л. 20]. Однако подобные меры особого эффекта не приносили.

Находились люди, которые все чаще стали задумываться о причинах острых конфликтов, вызывавших теракты. Витебская жандармерия посчитала необходимым ознакомить высших полицейских чинов с содержанием письма некоего доктора медицины А. Эйгеса. Автор, не скрывая своих личных обид по поводу неприятия сына в университет, высказал любопытные суждения, порой эмоциональные, о ситуации в Западном крае, радикализации взглядов и настроений среди молодежи. «Молодые люди в

положении моего сына страшно озлоблены и готовы на все – им теперь терять нечего – лишь отомстить за свою, ничем не заслуженную обиду, отомстить за себя и за своих обездоленных товарищей, – писал автор. – Благодаря такому порядку вещей, у нас, в Западном крае, масса социалистов, проникших во все слои общества. Полиция и жандармы усиленно ловят их, но без пользы: на место одного арестованного являются десятки других, и этому не предвидится конца. Охранителям государственных устоев можно бы посоветовать оставить социалистов в покое, а вместо их ловить и запрятать далеко тех, кто их фабрикует, т. е. тех, кто озлобляет людей различными ограничениями и лишением их человеческих прав» [14, л. 85].

О том, что властям надо действовать в отношении с народом гибче, мягче, предпринимателям и помещикам чаще идти на уступки, находило определенное понимание у местного начальства. Так, в письме минского губернатора П. Курлова министру внутренних дел 24 августа 1905 г. причиной аграрных беспорядков в губернии признавалось тяжелое экономическое положение крестьянского населения, «почти закрепощенного местными помещиками». «Если администрации удастся своевременно уговорить помещика или арендатора сделать хотя бы незначительные уступки, – рассуждал П. Курлов, – то волнение само собой стихает, но при несогласии владельцев на какое-либо улучшение крестьянского быта, волнения носят упорный характер, присущий белорусам, и прекращаются лишь при помощи вызванных войск». П. Курлов выражал уверенность, что при даже незначительных уступках со стороны владельцев, аграрный вопрос в Минской губернии, не приобретая острого характера, «окончится сам собой» [8, л. 228–229]. Данные уверения П. Курлова были весьма далеки от реальной действительности, о чем свидетельствовали дальнейшие события. Но подобные признания весьма показательны. «Живучесть» терроризма во многом объяснялась нежеланием властей вести диалог с обществом, изменить хоть что-то в существовавшем политическом строе, ставшем на рубеже веков анахронизмом.

Заключение. Таким образом, проявления терроризма революционеров имели социальную подоплеку. Борьба с ним в белорусских губерниях не приносила особого эффекта, на который рассчитывали власти. И хотя после революции 1905–1907 гг. количество терактов резко сократилось, репрессивные меры властей не могли остановить нараставшее революционное движение. Это было связано с их неспособностью осуществить необходимые реформы, громоздко-

стью и бюрократизмом самодержавно-полицейских структур, отсутствием гибкости в отношении оппозиционных политических объединений.

Литература

1. Герасимов, А. Г. На лезвии с террористами / А. Г. Герасимов. – М.: Товарищество русских художников, 1991. – 208 с.

2. Политические партии и политическая полиция. Документальное исследование: в 3 ч. / под общ. ред. Э. М. Энтина. – Гомель: Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, 1996. – Ч. 2. – 450 с.

3. Кошель, П. А. История наказаний в России. История российского терроризма / П. А. Кошель. – М.: Голос, 1995. – 376 с.

4. Прайсман, Л. Г. Террористы и революционеры, охранка и провокаторы / Л. Г. Прайсман. – М.: РОССПЭН, 2001. – 432 с.

5. Терроризм. Борьба и проблемы противодействия: учеб. пособие / С. Я. Казанцев [и др.];

под ред. В. Я. Кикотя, Н. Д. Эрисшвили. – М.: Закон и право, 2004. – 392 с.

6. Гронский, А. Д. Политическая полиция Российской империи и ее деятельность на территории Беларуси во второй четверти XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Д. Гронский; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 22 с.

7. Киселев, А. А. Бомба для генерал-губернатора. Революционный террор и чиновники МВД белорусских губерний в 1905–1907 гг. / А. А. Киселев // Белорусская думка. – 2008. – № 6. – С. 48–53.

8. НАРБ. – Фонд 1440. – Оп. 3. – Д. 16.

9. НАРБ. – Фонд 1440. – Оп. 3. – Д. 23.

10. НАРБ. – Фонд 60. – Оп. 3. – Д. 98.

11. НАРБ. – Фонд 1440. – Оп. 3. – Д. 12.

12. НИАРБ. – Фонд 2499. – Оп. 1. – Д. 6.

13. НИАРБ. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 7530.

14. НИАРБ. – Фонд 2499. – Оп. 1. – Д. 27.

Поступила 02.04.2010

УДК 94(476)«1917»

І. М. Рыжанкоў, ст. выкладчык (БДТУ)

СЯЛЯНСКІЯ АРГАНІЗАЦЫІ Ў ВЫРАШЭННІ ГРАМАДСКІХ І ДЗЯРЖАЎНЫХ ПРАБЛЕМ: ПА МАТЭРЫЯЛАХ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ (САКАВІК – ЧЭРВЕНЬ 1917 Г.)

У артыкуле разглядаецца праблема месца і ролі сялянскіх арганізацый у рашэнні грамадскіх і дзяржаўных праблем Расіі. Аўтар працы робіць аналіз, звяртаючыся да матэрыялаў беларускіх губерняў, не занятых нямецкімі войскамі. Храналагічна перыяд агортвае сакавік – чэрвень 1917 г. (да часу стварэння сялянскіх арганізацый у краіне). Раскрываецца ступень іх уплыву на вёску, а таксама роля ў кампаніі па прапагандзе і будаўніцтве рэспубліканскага ладу.

In article the problem of a place and a role of the country organisations in the decision of public and state problems of the Rosijsky state is considered. The author of work opens the given subjects addressing to materials of the Belarus provinces not occupied with German armies, and the period since March is chronologically covered – till June, 1917 features of creation of the country organisations. Are shined, and also degree of influence on country weights, besides is underlined their place in campaign for propagation and building of a republican system.

Уводзіны. Перамога Лютаўскай рэвалюцыі абумовіла складанне новай палітычнай сістэмы расійскага грамадства. Разам з дэмакратызацыяй дзяржавы яе найважнейшымі элементамі сталі партыі і грамадскія арганізацыі. Вядома, што разнастайнасць і вялікая колькасць, а таксама масавасць сведчылі, па-першае, аб наяўнасці зладзённых (эканамічных, палітычных і інш.) праблем, якія існавалі ў краіне; і, па-другое, аб спадзяваннях удзельнікаў азначаных арганізацый на магчымасць дасягнення мірным, дэмакратычным шляхам сваіх (карпаратыўных, класавых, нацыянальных і інш.) мэтай.

Асноўная частка. У сакавіку 1917 г. усталяваны ў дзяржаве дэмакратычны рэжым забяспечыў усім сацыяльным пластам, нават салдатам дзеючай арміі, палітычныя правы і свабоды, у тым ліку права на ўтварэнне грамадскіх арганізацый. Іх узнікненне падмацоўвалася, па-першае, агульнаграмадскай патрэбай ва ўсталяванні новага ладу (ліквідацыя рудыментнага Часоваму ўраду і яго мясцовым органам); па-другое, неабходнасцю вырашэння дзяржаўных і грамадскіх праблем, абвостраных працяглай і разбуральнай вайной, у тым ліку эканамічных, палітычных, сацыяльных, нацыянальных; па-трэцяе, наяўнасцю шырокай сацыяльнай базы змагароў супраць самаўладдзя. Нарэшце, вопыт рэвалюцыйнай барацьбы паспрыяў узнікненню моцных сацыяльных рухаў, якія прывялі да арганізацыі камітэтаў бяспекі, Саветаў, прафсаюзаў і г. д. Але, у адрозненне ад рабочых, служачых або салдат, вяскоўцы Беларусі па многіх прычынах не выяўлялі значнай зацікаўленасці да падзей, што адбыліся ў сталіцы. Тым не менш па вопыту папярэдніх рэвалюцыі 1905–1907 гг. было вядома, што на момант паслаблення ўлады на вёсцы могуць адбыцца проціпраўныя сялянскія акцыі. Невыпадкова, адразу пасля звяржэння са-

маўладдзя з мэтай іх прадухілення ва ўрадавых і грамадскіх колах у ліку першых узнікла задача «арганізацыі вёскі», г. зн. шырокай тлумачальнай працы сярод сялян. Як правіла, масавыя мерапрыемствы агітацыйна-прапагандысцкага кшталту ў іх асяроддзі адбываліся ў межах валасных таварыстваў і скіроўваліся на перакананне ў неабходнасці падпарадкоўвацца Часоваму ўраду, а таксама неаслабнай дапамогі арміі.

Варта адзначыць, што ўрадавыя, грамадска-палітычныя і іншыя структуры своечасова прыступілі да гэтай працы і на працягу свайго існавання не спынялі яе. Нават адзінкавыя выпадкі рабавання панскай маёмасці і правыя бытавога антысемітызму з боку сялянства не выключалі магчымасці яго выкарыстання звергнутымі класамі ў контррэвалюцыйных мэтах. Пэўны непакой ваеннага галоўнакамандавання і ўладных структур выклікала праблема сялянскіх паставак сельгаспрадуктаў. Было відавочна, што старая сістэма нарыхтоўкі зрабілася непрымальнай, а новая магла ажыццяўляцца толькі з улікам добрай волі саміх хлебарабаў. Сфармаваць і здзяйсняць гэтую «добраю волю» на мясцовым, тым больш усерасійскім узроўні, было магчыма толькі з дапамогай такой жа маштабнай і ўплывовай грамадскай арганізацыі, якая б цесна супрацоўнічала з уладнымі структурамі. Невыпадкова ў агульнадзяржаўным Харчовым камітэце найбольшая колькасць месцаў (па 5 з 37) адводзілася прадстаўнікам Савета сялянскіх і Савета рабочых і салдацкіх дэпутатаў. Варта заўважыць, што на той час Усерасійскага сялянскага Савета яшчэ не было. Відавочна, што ў арганізацыі сялянства існавала практычная дзяржаўная патрэба.

Урэшце, каб скіраваць своеасабліва ўспрынятае сялянствам паняцце «свабоды» не ў разбуральнае, а ў стваральнае – на карысць усяго грамадства – рэчышча, новая палітычная эліта мусіла прыкласці намаганні да працяглай агіта-

цыйна-прапагандысцкай працы на вёсцы з мэтай яе арганізацыі ў маштабах усёй краіны. Натуральна, што ва ўмовах надання ўсім сялянам роўных з астатнімі грамадзянамі свабод і правоў, а таксама ў адпаведнасці з абвешчанымі ў першыя дні сакавіка Часовага ўрада прынцыпамі формы кіравання вёскай, якія панавалі да рэвалюцыі і былі заснаваны, у асноўным, на страху перад пакараннем, паступова гублялі сваю сілу.

Палітычны сэнс адмовы ад гэтых форм кіравання заключаўся, акрамя іншага, і ў тым, што сялянін павінен быў адчуць перавагу новай сістэмы ўлады перад царызмам і прыйсці ёй на дапамогу па добрай волі; таксама асэнсавачь уласнае месца і ролю ў бягучым жыцці, сувязь з усім грамадствам. Невыпадкова таму, першыя адозвы да сялянства, скіраваныя на прадухіленне яго ўдзелу ў захопах панскай маёмасці, былі пазбаўлены дырэктывных акцэнтаў, а апеявалі да такіх катэгорый, як неабходнасць, справядлівасць, парадак і г. д. [1].

Агульным вынікам тлумачальна-прапагандысцкай дзейнасці на вёсцы ўсіх урадавых, грамадскіх і іншых работнікаў у першыя тыдні рэвалюцыі 1917 г. стала лакалізацыя і перапыненне сялянскіх захопаў панскай, дзяржаўнай і іншай маёмасці. Але на пачатковым этапе станаўлення дэмакратычнага ладу сялянства яшчэ заставалася пасіўнай у палітычных адносінах масай. Між тым буржуазна-дэмакратычны, па ацэнках сацыял-дэмакратаў, ці нават народны, з пункту гледжання эсэраў, характар рэвалюцыі вымагаў свядомага і масавага ўдзелу ва ўмацаванні новага ладу.

Ініцыятыва мясцовых дзеячаў па прапагандзе на вёсцы новага ладу знайшла моцную падтрымку з боку Усерасійскага Сялянскага саюзу, які пасля перамогі Лютаўскай рэвалюцыі распачаў згуртаванне расійскага, у тым ліку беларускага, сялянства ў мэтах справядлівага вырашэння аграрнага пытання. Пры гэтым дасягненне азначанай мэты ставілася ў залежнасць ад умацавання новага ладу. Створаны Галоўны камітэт гэтай арганізацыі (старшыня С. Мазурэнка) у адозве ад 15 сакавіка заклікаў сялянства падтрымаць Новы Урад, яго камісараў і ўсе грамадскія арганізацыі, «ані ў якім разе не дапускаючы самаўпраўства і замаху на чужую ўласнасць і свабоду» [2]. З гэтай мэтай сяляне, у тым ліку безземельныя, мужчыны і жанчыны, заклікаліся да абрання «валасных саветаў» для ўладкавання «на вёсцы новага жыцця і ўсталявання паўсюдна свабоды, роўнасці і братэрства».

Упершыню паведамлялася аб перспектывах аграрнай рэформы дэпутатамі Устаноўчага схода. 19 сакавіка гэтая ж адозва з'явілася ў мінскіх «Известиях Совета рабочих и солдатских депутатов», 6 красавіка – у «Минском голосе», 20 – у «Голосе Полесья» (Рэчыца). Сялянскі саюз не толькі заклікаў да падтрымкі новага ладу,

але і стаў на платформу абаронцы класавых інтарэсаў працоўных вёскі. Ініцыятарамі заснавання сялянскіх арганізацый, у дадзеным выпадку суполак Сялянскага саюзу на Беларусі, з'яўляліся асобы з ліку земскіх, урадавых і іншых работнікаў. Пры гэтым афармленне арганізацый адбывалася на сходах з удзелам сельскіх і валасных упаўнаважаных. Яны збіраліся па схеме, якая ўжо існавала. Так, у сярэдзіне сакавіка ў Гомелі адбыўся сход 700 упаўнаважаных ад валасцей павета, на якім адбылося ўтварэнне адной з першых на Беларусі суполак Сялянскага саюзу пад старшынствам прысяжнага паверанага Я. Я. Гаравога. У большасці месцаў Беларусі ўтварэнне суполак Сялянскага саюзу пачыналася «зверху», г. зн. з утварэння губернскага цэнтра. Так, на Міншчыне гэтая праца пачалася 22 сакавіка з удзелам сялянскіх дэлегатаў ад Бабруйскага, Барысаўскага, Ігуменскага, Мазырскага, Мінскага, Навагрудскага, Пінскага і Рэчыцкага пав., запрошаных у Мінск, і завяршылася назаўтра стварэннем губернскага камітэта пад старшынствам М. В. Міхайлава (Фрунзе). Камітэт вызначыў сваёй задачай умацаванне на вёсцы асноў новага ладу і арганізацыю працоўнага сялянства і заняўся скліканнем губернскага сялянскага з'езда. Але яго пачатак быў адтэрмінаваны па прычыне падзеі ўсерасійскага маштабу – з'езда салдацкіх і рабочых дэпутатаў Заходняга фронту, які таксама прызнаў неабходнасць арганізацыі сялянства і нават пакінуў яго прадстаўнікам у Франтавым камітэце 5 месцаў з 75 [3]. Вынікі азначанага з'езда, акрамя прамых мэт па арганізацыі і дэмакратызацыі армейскага жыцця, мусілі спрыяць умацаванню сувязей паміж фронтам і тылам, а ў цэлым – згуртаванню грамадства вакол Часовага ўрада ў ажыццяўленні яго ўнутранай і знешняй палітыкі. Такімі ж прыкладна былі агульнапалітычныя пытанні, вынесеныя на абмеркаванне з'езда сялянскіх дэлегатаў Мінскай і Віленскай губ., які адбыўся ў Мінску 20–23 красавіка пад старшынствам Фрунзе з удзелам амаль 800 чалавек, у тым ліку прадстаўнікоў губернскіх улад, грамадска-палітычных і партыйных арганізацый.

Палітычная (супраць пастановаў Беларускага нацыяльнага камітэта аб перспектывах нацыянальна-дзяржаўнага развіцця тутэйшага рэгіёна) настроенасць арганізатараў з'езда абумовіла адпаведныя паводзіны дэлегатаў-сялян, якія ў прапанаванай ім рэвалюцыі выказаліся супраць аўтаноміі краю, беларускай школы і г. д. Астатнія пытанні разглядаліся ў рэчышчы пастановаў Франтавога з'езда. У галіне культуры і асветы вёскі дэпутаты выказаліся за адкрыццё народных дамоў, увядзенне ўсеагульнай, абавязковай і бясплатнай адукацыі, скасаванне царкоўна-

приходских і касцельных школ, выданне «Крестьянской газеты». Удзельнікі з'езда абралі Выканкам Савета сялянскіх дэпутатаў Мінскай і Віленскай губ. у складзе 20 чалавек пад старшынствам М. В. Фрунзе, а таксама дэлегацыю ў складзе старшыні выканкама, тав. старшыні Курскова, дэпутатаў – Караткевіча (ад Бабруйскага), Зарэмбы (Барысаўскага), Лебедзя (Слуцкага), Ліпскага (Мазырскага), Маронкі (Ігуменскага), Рагожына (Пінскага), Рагулі (Навагрудскага), Рудневіча (Ашмянскага), Сыса (Рэчыцкага), Шостака (Мінскага пав.) на Усерасійскі сялянскі з'езд. Пастановы азначанага з'езда, акрамя іншага, стымулявалі ўтварэнне павятовых сялянскіх арганізацый. Так, у Мазыры пры садзеянні Савета рабочых і салдацкіх дэпутатаў быў створаны арганізацыйны камітэт Сялянскага саюзу (старшыня П. П. Максімаў), а затым, 29 красавіка на з'ездзе сялянскіх дэпутатаў адбылося афармленне яго павятовага камітэта. У красавіку суполкі саюзу былі створаны таксама ў Ігуменскім і Рэчыцкім пав. Да ліпеня сялянскія Саветы і суполкі саюзу ўтварыліся ў астатніх паветах, што паспрыяла выхату «Крестьянской газеты».

На Магілёўшчыне пачатак утварэння сялянскіх арганізацый быў пакладзены 30 красавіка – 1 мая на губернскім з'ездзе сялян (па 2 ад воласці), скліканым з нагоды прыезду міністра земляробства А. І. Шынгарова. У ліку арганізацыйных мерапрыемстваў, праведзеных дэлегатамі, было абранне прадстаўнікоў у губернскі камісарыят, выканаўчы камітэт губернскага Савета сялянскіх дэпутатаў у складзе прапаршчыка М. Б. Гольмана (старшыня), Беляковіча, Пенязькова, П. Глікіна, Ігнаценкава, Азаранкі, Дзмітрыева, К. Ф. Кусенкова, Аліфанова, М. Ф. Засорына, Ваткевіча, Фліманкова, Каранькова [4] на Усерасійскі з'езд сялянскіх дэпутатаў. На пачатку мая выканкам Савета разам з памочнікам губернскага камісара Р. І. Пеўзнерам скіравалі свае намаганні на скліканне павятовых сялянскіх з'ездаў. 7 мая, адбыўся сход удзельнікаў губернскага з'езда з Рагачоўскага пав., а таксама сялян асобных яго валасцей у колькасці 31 чалавек пад старшынствам А. І. Міхальчанкі [5]. 21 мая былі створаны Саветы сялянскіх дэпутатаў у Быхаўскім, 21–22 мая (з удзелам 410 чалавек) Гомельскім, 23–24 мая (з удзелам звыш 400 чалавек) Горацкім, 24 мая Клімавіцкім, 25 мая Мсціслаўскім, 28 мая (з удзелам да 300 чалавек) Аршанскім пав. Друкаваным органам губернскага Савета сялянскіх дэпутатаў (сумесна з рабоча-салдацкім) з'яўлялася газета «Молот». На месцах сумесных з рабоча-салдацкімі сялянскія выданні выходзілі ў Гомелі, Горках, Оршы і Рагачове.

На Віцебшчыне ўтварэнне сялянскіх арганізацый пачалося з афармлення ў губернскім цэнтры камітэта Сялянскага саюзу. 28 красавіка ад-

быўся павятовы сялянскі з'езд у Дрысе, 7 мая – Віцебску, 9 мая – Гарадку (з удзелам 500 чалавек), у другой палове мая – Лепелі, 8–9 чэрвеня – Полацку (з удзелам 215 дэлегатаў) [6]. У выніку ў красавіку – маі пачалі сваю дзейнасць павятовыя (Віцебскі, Дрысенскі, Полацкі, Гарадоцкі) і валасныя (Палойніцкі, Жарэбыцкі, Каменскі, Клясціцкі, Юхавіцкі, Міхаловішчынскі) камітэты, якія складаліся з 5 чалавек, прычым 2 з іх вылучаліся ў павятовы і 1 – у губернскі камітэт саюзу. Скліканне павятовых з'ездаў дало магчымасць, акрамя іншага, правесці сялянскі з'езд у маштабах губерні. Напярэдадні, 5 чэрвеня, у Віцебску на сходзе Арганізацыйнага камітэта Сялянскага саюзу (старшыня У. М. Карпаў) было вырашана «пераіменаваць» яго ў Савет сялянскіх дэпутатаў (з удзелам ад уладных, партыйных і грамадскіх структур) [7]. Яго ўдзельнікі абмеркавалі тое ж кола пытанняў, якія разглядаліся на Усерасійскім сялянскім з'ездзе, і выказалі поўную салідарнасць з урадам па ўсіх накірунках яго палітыкі. Для вырашэння ўзнятых на з'ездзе пытанняў і выпрацоўкі далейшай праграмы дзеянняў быў сфармаваны губернскі выканкам у складзе 23 чалавек (старшыня А. А. Драздзецкі). Яго работнікі ў мэтах кіравання сялянскімі арганізацыямі да 15 верасня выкарыстоўвалі «Известия Витебского Совета рабочих и солдатских депутатов». 4 чэрвеня ў г. Дзісна намаганнямі губернскага камісара В. С. Балая быў праведзены з'езд сялянскіх дэлегатаў Дзісенскага, Вілейскага і Ашмянскага пав. Віленскай губ., а таксама Новааляксандраўскага і Свенцянскага пав. Ковенскай губ., на якім сабраліся 400 чалавек дэлегатаў. Акрамя таго, дэлегаты абралі губернскі зямельны камітэт і выканаўчы камітэт Савета сялянскіх дэпутатаў.

Такім чынам, на працягу вясны – пачатку лета 1917 г. на Беларусі адбылося ўтварэнне губернскіх, павятовых і шэрага валасных сялянскіх Саветаў. Вызначальную ролю ў іх далейшай дзейнасці адыгрывалі пастановы Усерасійскага з'езда сялянскіх дэпутатаў, прынятыя з удзелам 74 дэлегатаў беларускіх губерняў. У ліку дэлегатаў – Каранькоў (Магілёў), Г. Трызна (Чыгірынская вол., Быхаўскі пав.), А. І. Аношка (Кошалеўская вол., Рагачоўскі пав.), Т. Г. Пенязькоў (Гомель). У склад яго Выканаўчага камітэта, акрамя іншых, былі абраны лідэры сялянскіх Саветаў: М. Б. Гольман, П. М. Караткевіч (Бабруйск), А. Я. Кусэ-Цюз (Віцебск), С. М. Малышчыцкі (Гомель) А. І. Аношка (Рагачоў), Е. Мар'яноў (Быхаў), Дз. М. Васілеўскі (Полацк), Ц. Х. Тарасаў (Клімавічы). У цэлым спрыяльны наступствы ўсерасійскага і губернскіх форумаў для беларускай вёскі выявіліся не адразу. Так, замест заспакаення сялянства і яго згуртавання вакол урадавых і грамадскіх устаноў, у шэрагу

вёсак сталі назірацца проціпраўныя дзеянні. Становішча было тым больш нечаканым, што, як сведчылі камісары Б. М. Самойленка, М. М. Друцкі-Сакалінскі, напярэдадні з'ездаў ні ў адной з беларускіх губерняў істотных парушэнняў не назіралася [8]. Як высветлілася пазней, на Міншчыне прычынай таму з'явілася рэзалюцыя губернскага з'езда ад 23 красавіка па зямельным пытанні, у прыватнасці, у той яе частцы, дзе вялася гаворка аб тым, што «ў межах дадзенай тэрыторыі ўсе зямельныя справы павінны вырашацца валаснымі камітэтамі» [9]. Азначаная рэзалюцыя была ўспрынята сялянствам як законная пастанова і таму прывяла да самавольных парубак лесу і выпасу жывёлы на казённай пашы. У іншых губернях Беларусі асобныя грамадска-палітычныя і нават урадавыя дзеячы ўзялі на ўзбраенне рэзалюцыю Усерасійскага сялянскага з'езда ад 25 мая па зямельным пытанні. Эсэраўская па складу, аграрная праграма выглядала дастаткова супярэчлівай, паколькі, з аднаго боку, перасцерагала сялян ад самачынных спроб па вырашэнні аграрнага пытання да Устаноўчага схода, а з другога – патрабавала надання зямельным камітэтам «самага шырокага прастору для пачыну і самадзейнасці» і адначасовага ўстаранення «ўсялякай абмежавальнай апекі губернскіх і павятовых камісараў» [10].

Невыпадкова, на Магілёўшчыне, на думку губернскага камісара М. М. Друцка-Сакалінскага, пачатак масавых аграрных парушэнняў быў звязаны з вяртаннем дэлегатаў Усерасійскага сялянскага з'езда і распаўсюджаннем пастановаў зямельных камітэтаў аб новых прынцыпах землеўладання і землекарыстання [11]. Яшчэ большы рэзананс меў сялянскі з'езд у Дзвінску 4 чэрвеня, калі, як пісала кадэцкая газета «Речь», – з удзелам камісара Балая (эсэр) сяляне прынялі «бальшавіцкую рэзалюцыю», якая патрабавала, каб усе лясы, сенажаці, пашы, млыны, рыбная лоўля, жывёла, гной і зямельныя прылады працы неадкладна адышлі ў распараджэнне і пад кантроль зямельных камітэтаў, што, акрамя іншага, з'явілася прычынай распачатых сутыкненняў на месцах. У выніку спатрэбілася прыкласці намаганні, каб спыніць сялянскія правапарушэнні. Гэта было цяжка зрабіць яшчэ і таму, што мясцовае сялянства ўспрымала пастановы з'езда абавязковымі для ўсіх. Удзельнікі Віцебскага губернскага з'езда падтрымалі пастановы Усерасійскага з'езда [12], але гэта не адбілася на росце аграрных парушэнняў [13].

Заклучэнне. У даследуемы перыяд (сакавік – чэрвень 1917 г.) сялянскія арганізацыі – суполкі Сялянскага саюзу і Саветы сялянскіх дэпутатаў узніклі па ініцыятыве грамадскіх, урадавых і партыйных дзеячаў, галоўным чынам, у мэтах пера-

пынення аграрнага руху, дэмакратызацыі органаў улады, выканання пастановаў Часовага ўрада і яго мясцовых органаў і інш. У адрозненне ад рабочых або салдат сяляне Беларусі не выказвалі значнай патрэбы ў стварэнні ўласных грамадска-палітычных арганізацый. І ў большасці скіравалі сваю энергію на працу ў дзяржаўных структурах (валасных, зямельных, харчовых камітэтах).

Літаратура

1. Граждане // Минский голос. – 1917. – 21 марта. – С. 2.
2. Вестник Минского губернского комиссара. – 1917. – 19 марта.
3. Сяменчык, М. Я. Франтавы камітэт Заходняга фронту // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2003. – Т. 6, кн. II. – С. 47.
4. НАРБ. – Фонд 60. Інстытут гісторыі партыі і сацыялістычнай рэвалюцыі пры ЦК КПБ. – Воп. 3. – Спр. 168. – Л. 50.
5. НАРБ. – Фонд. Інстытут гісторыі партыі і сацыялістычнай рэвалюцыі пры ЦК КПБ. – Воп. 3. – Спр. 164. – Л. 124.
6. Полоцкий съезд крестьянских депутатов 8–9 июня // Известия Витебского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – 13 июня. – С. 3.
7. Крестьянский союз // Известия Витебского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – 7 июня. – С. 2.
8. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы: в 2 т. // Белоруссия в период подготовки социалистической революции (февраль – октябрь 1917 г.) / редкол.: Г. С. Горбунов [и др.]. – Минск: Госиздат БССР, 1957. – Т. 1. – С. 301.
9. НАРБ. – Фонд 60. Інстытут гісторыі партыі і сацыялістычнай рэвалюцыі пры ЦК КПБ. – Воп. 3. – Спр. 242. – Л. 118.
10. НГАРБ. – Фонд 2090. Рагачоўская павятовая зямельная ўправа. – Воп. 1. – Спр. 2. – Л. 6.
11. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы: в 2 т. // Белоруссия в период подготовки социалистической революции (февраль – октябрь 1917 г.) / редкол.: Г. С. Горбунов [и др.]. – Минск: Госиздат БССР, 1957. – Т. 1. – С. 360.
12. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы: в 2 т. // Белоруссия в период подготовки социалистической революции (февраль – октябрь 1917 г.) / редкол.: Г. С. Горбунов [и др.]. – Минск: Госиздат БССР, 1957. – Т. 1. – С. 371.
13. НАРБ. – Фонд 60. Інстытут гісторыі партыі і сацыялістычнай рэвалюцыі пры ЦК КПБ. – Воп. 3. – Спр. 242. – Л. 255.

УДК 94(476–25)«1917»:82–94

М. Я. Сяменчык, дацэнт (БДТУ)

**ПАДЗЕЙ Ё МІНСКУ НАПРЫКАНЦЫ КАСТРЫЧНІКА –
ПАЧАТКУ ЛІСТАПАДА 1917 Г.
У АСВЯТЛЕННІ ГІСТАРЫЧНАЙ ЛІТАРАТУРЫ**

У артыкуле аналізуецца гістарычная літаратура, прысвечаная пытанням Кастрычніцкай рэвалюцыі. Аўтар характарызуе палітычнае становішча ў краіне (у тым ліку на Беларусі) перад выбарамі Устаноўчага схода. Таксама разглядаецца дзейнасць Камітэта выратавання рэвалюцыі, які быў утвораны ў сувязі з паўстаннем петраградскага гарнізона і рабочых супраць Часовага ўрада. Асабліва ўвага надаецца часу і абставінам прыходу бальшавікоў да ўлады ў Мінску.

The article analyzes historical books devoted to the questions of the October revolution. The author characterizes the political situation in the country (including Belarus) before the elections to the Con-stituent Assembly. The activity of the Revolution Salvation Committee which was set up in connection with the armed revolt of Petrograd garrison and workers forces against the Provision Government is dealt with as well. Time and circumstances of Bolsheviks' accession to power in Minsk are specified.

Уводзіны. Да пачатку 1990-х гг. партыйныя, у тым ліку беларускія, даследчыкі рэвалюцыйных падзей восені 1917 г. акцэнтавалі ўвагу на вызначальнай ролі ў іх рабочага класа ў саюзе з бяднейшым сялянствам на чале з партыяй бальшавікоў. Адначасова пазітыўная дзейнасць Часовага ўрада, небальшавіцкіх партый і падначаленых ім Саветаў, якія прытрымліваліся дэмакратычнага шляху пераўтварэння Расіі, не вывучалася. Як і ў жыцці, усе, хто паўставаў на шляху бальшавікоў ці нават разыходзіўся з імі па ідэйных меркаваннях, так і ў гістарыяграфіі, набывалі кліймо контррэвалюцыянераў. Даволі выразна такі падыход партыйных гісторыкаў (былых і дзеючых) выявіў сябе ў адносінах да ўдзельнікаў грамадска-палітычнага аб'яднання «Камітэт выратавання рэвалюцыі (КВР) Заходняга фронту», які ўзнік у Мінску ў сувязі з узброеным паўстаннем ў Петраградзе 25 кастрычніка 1917 г. Характэрна, што ўсе без выключэння аўтары звязвалі пачатак «трыумфальнага шэсця Савецкай улады» на Беларусі менавіта з 25 кастрычніка, калі, на іх думку, у Мінску гэтую ўладу ўзяў у свае рукі Савет рабочых і салдацкіх дэпутатаў [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13].

Пэўныя змены ў ацэнках падзей 1917 г. адбыліся пасля краху ўсеўладдзя КПСС і ўсталявання дэмакратычнага рэжыму на Беларусі. У прыватнасці, М. С. Шашкевіч у ліку першых заявіў аб тым, што 25 кастрычніка адбылася не рэвалюцыя, а пераварот, які «быў здзейснены бальшавікамі ў разліку на непасрэдную падтрымку сусветнай пралетарскай рэвалюцыі» [14]. Акадэмік І. М. Ігнаценка першым у краіне адкінуў палажэнне аб сацыялістычным характары Кастрычніцкай рэвалюцыі [15]. П. К. Башко звярнуў увагу на грамадска карысны характар дзейнасці КВР і выказаў меркаванне аб тым,

што члены камітэта з'яўляліся не контррэвалюцыянерамі, а апазіцыяй новай уладзе [16].

У канцы XX – пачатку XXI ст. гэтае пытанне закраналася ў творах іншых аўтараў [17], [18], [19], [20], [21], [22], [23], [24], [25], [26], [27], але памылкова вызначаная дата ўзяцця Мінскім Саветам (25 кастрычніка) улады засталася дамінуючай, роўна як і погляд на сутнасць барацьбы паміж КВР і бальшавікамі. Комплексны аналіз літаратуры і выкарыстанне дакументальных крыніц дае магчымасць пераадолець партыйныя стэрэатыпы ў гэтым пытанні і прадухіліць іх выкарыстанне ў навуковых публікацыях Рэспублікі Беларусь.

Асноўная частка. Восенню 1917 г., нягледзячы на сацыяльна-эканамічныя цяжкасці і палітычныя супярэчнасці ў грамадстве, аб'ектыўны перадумоў для новай рэвалюцыі ў Расійскай рэспубліцы не існавала. Нягледзячы на працяглы палітычны і эканамічны крызіс, у кастрычніку паўсюдна, у тым ліку на Беларусі, пачалася перадвыбарчая парламенцкая кампанія. Апошняя місіяй Часовага ўрада заставалася скліканне Устаноўчага схода і перадача яму вышэйшых уладных паўнамоцтваў.

Да ўлады, як і члены ўсіх палітычных партый, імкнуліся і бальшавікі, але, у адрозненне ад іншых, асноўную стаўку па ажыццяўленні сваёй мэты яны рабілі на ўзброенае паўстанне пад лозунгам «Уся ўлада Саветам». Усе астатнія партыі, як правыя, так і левыя, хоць і лічылі Саветы ўплывовай сілай, але ў сістэму будучых дзяржаўных органаў іх асобна не ўключалі, надаючы перавагу дэмакратычна абраным гарадскім і земскім самакіраванням. Таму падрыхтоўка II з'езда Саветаў выклікала значна менш увагі грамадскасці, чым Устаноўчы сход. Менавіта з яго скліканнем звязвала спадзяванні на лепшае (заклучэнне міру, спы-

ненне разрухі, ажыццяўленне рэформ, самавызначэнне народаў і інш.) падаўляючая большасць расійскага грамадства, у тым ліку беларусы. Па гэтай прычыне нават «рэвалюцыйная дэмакратыя» не выявіла вялікай зацікаўленасці да II з'езда Саветаў (а сялянства наогул яго ігнаравала!) і скіравала свае намаганні на перадвыбарчую кампанію ва Устаноўчы сход [23, с. 156].

Па меры набліжэння выбараў уплыў Часовага ўрада на палітычнае жыццё імкліва зніжаўся. Прэм'ер-міністр А. Керанскі страціў крэдыт даверу ў большасці грамадзян і яўна недацэньваў небяспеку большавіцкага паўстання ў Петраградзе, аб падрыхтоўцы да якога адкрыта гаварылася ў прэсе. Першапачаткова выступленне большавікоў чакалася 20 кастрычніка, у дзень адкрыцця II Усерасійскага з'езда Саветаў, і гэта выклікала моцную маральна-псіхалагічную напружанасць у краіне. У прыватнасці, у буйнейшых гарадах Беларусі сталі фармавацца антыпагромныя камітэты [23, с. 172], [29]. Адзін з такіх, пад назвай Рэвалюцыйны штаб [30] (па іншых звестках – КВР), стаў дзейнічаць у Мінску на базе Савета рабочых і салдацкіх дэпутатаў [26, с. 153]. Але аб дэталях паўстання і спосабах перадачы ўлады не ведаў нават старшыня Паўночна-Заходняга абласнога камітэта РСДРП (б) А. Мяснікоў [13, с. 137]. Гэты факт, акрамя іншага, лішні раз сведчыць аб адсутнасці, як суб'ектыўных, так і аб'ектыўных, перадумоў рэвалюцыі.

Вестка аб узброеным паўстанні часцей петраградскага гарнізона і атрадаў рабочых на чале з Ваенна-рэвалюцыйным камітэтам (ВРК) Петраградскага Савета супраць Часовага ўрада з'явілася ў Мінску да поўдня 25 кастрычніка. Удзельнікі з'езда сялянскіх дэпутатаў Заходняга фронту 257 галасамі «за», 23 – «супраць» прынялі рэзалюцыю з асуджэннем «спробы ўзняць у краіне міжусобную грамадзянскую вайну, якая можа толькі сарваць выбары ва Устаноўчы сход і паслужыць на карысць контррэвалюцыі, далейшай разрусе» і г. д. [31].

У той самы дзень аналагічная рэзалюцыя была прынята на пасяджэнні Выканкама Заходняга фронту (Выкамзах). Прысутныя вырашылі па ўзору петраградскай грамадскасці ўтварыць Камітэт выратавання рэвалюцыі Заходняга фронту ў мэтах захавання парадку і спакою на фронце, у Мінску і ва ўсім тыле [32].

26 кастрычніка весткі аб арышце Часовага ўрада і пастановах II Усерасійскага з'езда натхнілі мясцовых большавікоў на ўсталяванне ўлады Савета рабочых і салдацкіх дэпутатаў, якая да гэтага часу належала гарадской думе. З гэтай нагоды яны вызвалілі з турмаў і гаўпт-вахтаў горада каля 800 арыштаных

вайскоўцаў і сфармавалі I рэвалюцыйны імя Мінскага Савета полк. «Рабочых і сялян» [27, с. 36] сярод іх не было. На пошту, тэлеграф і ў штаб Заходняга фронту былі накіраваны каравулы.

26 кастрычніка (а не 25, як лічыць большасць аўтараў) [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10] [11], [12] у другой палове дня большавікі ад імя Выканкама Савета абвясцілі загад № 1 «Да насельніцтва г. Мінска і яго наваколляў», дзе, акрамя іншага, паведамлялася пра пераход улады да Савета рабочых і салдацкіх дэпутатаў. Аднак тады ж на пашыраным пасяджэнні названага органа члены небольшавіцкіх фракцый выказалі катэгарычнае патрабаванне скасаваць загад на той падставе, што апошні з'явіўся без іх санкцыі. Яны ж абвясцілі агульную рэзалюцыю з асуджэннем перавароту [2, с. 112].

Аднак большавікі працягвалі дзейнічаць ад імя ўсяго Савета: усталявалі цэнзуру перядчынага друку, здзяйснялі арышты тых, хто распаўсюджваў антыбольшавіцкія матэрыялы.

Да раніцы 27 кастрычніка стала вядома, што армейскія камітэты ўсіх трох армій выказаліся за асуджэнне большавіцкага перавароту. З гэтай нагоды па просьбе Выкамзаха 27 кастрычніка паміж 14 і 15 гадзінамі ў Мінск былі ўведзены часці 2-й Каўказскай дывізіі (па іншых звестках – у ноч на 27) [26]. Большавіцкія каравулы былі выведзены з занятых імі ўстаноў. Свабода друку была адноўлена.

Увечары, 27 кастрычніка, на пашыраным пасяджэнні Выкамзаха была вызначана кампетэнцыя КВР як калектыўнага органа часовай улады ў Мінску і на Заходнім фронце. Большавіцкі прэзідыум Савета абяцаў яму падпарадкавацца на ўмовах непрызнання Петраградскага ВРК, непасылкі войск на Петраград і Маскву, разбраення I рэвалюцыйнага палка. Было падкрэслена, што «пытанне аб уладзе вырашаецца не ў Мінску і не на Заходнім фронце, а ў сталіцах» і да канчатковага высвятлення сітуацыі ўлада ў горадзе і на месцах будзе належаць КВР [24, с. 7–12].

У выніку Савет, пацвердзіўшы сваю ляльнасць КВР, як самастойная ўладная структура пераставаў існаваць. З гэтай нагоды большавікі былі вымушаны стварыць новы цэнтр барацьбы за ўладу – ВРК (старшыня А. Мяснікоў) [33]. 27 кастрычніка ў радыёграме да франтавікоў большавікі паведалі пра «бяскрыўны пераварот» у Петраградзе і Маскве, пра дэкрэты аб міры і зямлі, а таксама заклікалі «перакульваць праціўныя камітэты, ствараць новыя» на грунце падтрымкі ленінскага Савета Народных Камісараў. У сваю чаргу, першы загад КВР ад 28 кастрычніка, пад якім падпісаліся 19 арганізацый, абвясціў распараджэнні

Петраградскага ВРК на Заходнім фронце і ў прыфрантавой паласе скасаваным і непадлеглым выкананню [24, с. 10].

Вызначальную ролю ў змяненні балансу сіл на карысць ВРК адыгралі звесткі аб разгроме 29–30 кастрычніка войск Керанскага – Краснова. З гэтага часу на Заходнім фронце усе, хто процістаяў бальшавікам, абвешчаліся «карнілаўцамі», «контррэвалюцыянерамі» і г. д.

Дзякуючы актыўнай дзейнасці бальшавіцкіх агітатараў на фронце, некаторыя часці II арміі выказалі гатоўнасць аказаць ім узброеную дапамогу. Так, у ноч на 1 лістапада ў Мінск прыбыў бліндзіраваны цягнік «для абароны Савета», што дало магчымасць мясцовым бальшавікам парваць усе дамовы з КВР і выйсці з яго складу. 2 лістапада, увечары, на пашыраным пасяджэнні Мінскага Савета А. Мяснікоў заявіў пра неабходнасць «пакончыць са здрадніцкім камітэтам выратавання і пачаць працу рабоча-сялянскага ВРК». Але абвешчаная ім рэзалюцыя ў падтрымку ленінскага СНК выклікала нязgodу небальшавіцкіх дэпутатаў мясцовага Савета, а прадстаўнік КВР пацвердзіў яго (камітэта) намер ажыццявіць вышэйшыя ўладныя функцыі да сфарміравання ў сталіцы агульнага сацыялістычнага ўрада. Але рабіць гэта даводзілася ўсё цяжэй, бо камітэты II, III і X армій усталі на бок ВРК.

Нават галоўнакамандуючы Заходнім фронтам П. Балуюеў запэўніў апошні ў тым, што да ўстанаўлення новай улады ў Расіі і навядзення парадку ён не будзе ўступаць ні ў якую палітычную барацьбу. Са свайго боку ВРК у загадзе ад 6 лістапада распарадзіўся «з прычыны распаду Камітэта выратавання аб'явіць яго распушчаным, а яго загады непадлеглымі выкананню». Старшыня КВР Т. Калатухін і франтавы камісар У. Жданаў былі арыштаваны, але праз колькі дзён – вызвалены [24, с. 12]. Па прапанове вядомага дзеяча С. Каваліка, гарадская дума ўзяла на сябе клопат аб «абароне горада і выратаванні рэвалюцыі».

Пасля адмовы 6 лістапада I. Метліна ад пасады губернскага камісара буйнейшай урадавай асобай звергнутага рэжыму заставаўся галоўнакамандуючы фронтам. Лаяльнае стаўленне П. Балуюева да ВРК не ўратавала яго ад рэпрэсій. З прычыны адмовы пачынаць перагаворы з праціўнікамі аб міры генерал быў адхілены ад пасады. 12 лістапада да выканання абавязкаў галоўнакамандуючага фронтам прыступіў бальшавік В. Каменшчыкаў. Менавіта з гэтага часу ўся ўлада ў горадзе і наваколлях сканцэнтравалася ў ВРК пад старшынствам К. Ландэра. Ён жа ўзначальваў і Мінскі Савет, які толькі фармальна лічыўся органам улады [24, с.13].

Процістаянне шматпартыйнага КВР і бальшавіцкага прэзідыума Савета скончылася на карысць апошняга. Канчатковая перамога петраградскіх бальшавікоў сталіцы абумовіла распад усіх мясцовых КВР. Роля працоўных мас ва ўсталяванні Савецкай (дакладней, бальшавіцкай) улады на Беларусі была нязначнай.

Заклучэнне. Асэнсаванне ўзаемаадносін КВР Заходняга фронту, бальшавікоў Савета і Заходнефрантавога ВРК залежыць ад ацэнкі падзей, якія адбыліся ў Петраградзе 25–26 кастрычніка 1917 г. Агульнавядома, што тагачасная грамадскасць успрыняла іх як спробу чарговага бальшавіцкага перавароту, які пагражаў пагромамі, грамадзянскай вайной і пагібельнаму рэвалюцыйным заваёў [34]. З усведамленнем таго (а не для абароны Керанскага!) [22, с. 189] ва ўсіх гарадах рэспублікі, у тым ліку на Беларусі, грамадскасць аб'ядналася ў КВР.

Спроба асобных аўтараў уключыць народныя масы ў кола ўдзельнікаў перавароту ў сталіцах і на месцах і тым надаць гэтай акцыі маштаб рэвалюцыі, даволі няўдалая, як і тэзіс наконт таго, што Кастрычніцкая рэвалюцыя – гэта «сацыяльная рэвалюцыя, у ходзе якой да ўлады прыйшла партыя бальшавікоў» [28, с. 552]. Па такой логіцы, у Мінску пачынальнікамі рэвалюцыі былі дзеячы КВР. Але ж гэта не так. Яна адбылася пазней, калі бальшавікі, пасля заваявання ўлады ў выніку перавароту (галоўным чынам з апорай на армію), сваёй далейшай палітыкай прывялі да радыкальных змен ва ўсіх сферах жыццядзейнасці грамадзян Расіі, у тым ліку Беларусі, аб чым справядліва казаў Прэзідэнт А. Р. Лукашэнка 6 лістапада 2009 г. у сваім віншаванні суайчыннікаў з нагоды Дня Кастрычніцкай рэвалюцыі [35].

Выдаваць скрупулёзна спланаванае ЦК РСДРП(б) і своечасова здзейсненае ўзброенае паўстанне за «попытку трудового народа вырваться из цепи политических и социально-экономических противоречий, обусловленных тогдашним уровнем рыночных отношений и усугубленных мировой войной» [36, с. 71], могуць толькі тыя аўтары, для якіх гістарычны факт не асноўны аргумент у іх творчасці.

Таксама няма падстаў для таго, каб лічыць удзельнікаў Заходнефрантавога КВР контррэвалюцыянерамі і нават апазіцыянерамі, паколькі іх асноўнай задачай заставалася падтрыманне звычайнай жыццядзейнасці ў Мінску і ў дзеючай арміі. Азначаныя факты і палажэнні павінны заняць належнае месца ў сучаснай гістарыяграфіі і вучэбных дапаможніках, што дасць магчымасць, акрамя іншага, пазбавіцца ад састарэлай партыйна-савецкай канцэпцыі рэвалюцыйных падзей 1917 г. на Беларусі [37].

Літаратура

1. Кнорин, В. Г. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте / В. Г. Кнорин // Под красным знаменем Октября: воспоминания участников рев. событий в Белоруссии в период Великого Октября / сост. В. П. Осмоловский [и др.]. – Минск: Беларусь, 1987. – С. 25.
2. Киржниц, А. Октябрьские дни в Белоруссии / А. Киржниц // Пролетарская революция. – 1927. – № 12. – С. 98–120.
3. Гапоненко, Л. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов (1917 г.) / Л. Гапоненко. – М.: Госиздат, 1953. – 196 с.
4. Каменская, Н. Вялікая Кастрычніцкая сацыялістычная рэвалюцыя і ўтварэнне БССР / Н. Каменская. – Минск: Выдавецтва АН БССР, 1954. – 184 с.
5. Ивашин, В. Г. Великий Октябрь в Минске / В. Г. Ивашин. – Минск: БГУ, 1957. – 168 с.
6. Ивашин, В. Победа Великой Октябрьской социалистической революции на Западном фронте / В. Ивашин // Великий Октябрь – торжество идей марксизма-ленинизма: материалы науч. конференции, состоявшейся в Институте истории партии при ЦК КПБ в сентябре 1967 года. – Минск: Беларусь, 1970. – 240 с.
7. В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте / под ред. Н. А. Халипова, Н. М. Мешкова. – Минск: Гос. изд-во БССР, 1957. – 372 с.
8. Игнатенко, И. М. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции (1917–1918 гг.) / И. М. Игнатенко. – Минск: Изд-во Мин-ва высшего, среднего специального и профессионального образования БССР, 1962. – 500 с.
9. Победа Советской власти в Белоруссии / редкол.: И. И. Минц [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1967. – 507 с.
10. Почанин, С. Историей обреченные / С. Почанин. – Минск: Беларусь, 1977. – 288 с.
11. Сташкевич, Н. С. Приговор революции. Крушение антисоветского движения в Белоруссии 1917–1925 / Н. С. Сташкевич. – Минск: Университетское, 1985. – 304 с.
12. Большевики Белоруссии в борьбе за победу Октября / А. С. Король [и др.]. – Минск: Беларусь, 1987. – 271 с.
13. Под красным знаменем Октября: воспоминания участников рев. событий в Белоруссии в период Великого Октября / сост. В. П. Осмоловский [и др.]. – Минск: Беларусь, 1987. – 287 с.
14. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции / под ред. Э. М. Энтина. В 3 ч. Ч. II: У истоков политического противостояния (материалы и документы по истории общественных движений и политических партий Республики Беларусь). – Гомель: Белорус. агентство науч.-техн. и деловой информации, 1993. – 228 с.
15. Ігнаценка, І. М. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі: асаблівасці і вынікі / І. М. Ігнаценка. – Мінск: БелНДЦДАС, 1995. – 270 с.
16. Башко, П. Контррэволюционеры или оппозиционеры / П. Башко // Крыжовы шлях: дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі. – Минск: Згода, 1993. – С. 167.
17. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё ў Мінску (сакавік – кастрычнік 1917 г.) / М. Я. Сяменчык. – Мінск: БДПУ, 1994. – 112 с.
18. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М. П. Касцюк [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 1995. – Ч. 2. – 560 с.
19. Кастрычніцкая рэвалюцыя // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1997. – Т. 4. – С. 139.
20. Сяменчык, М. Я. Камітэт выратавання рэвалюцыі Заходняга фронту // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1997. – Т. 4. – С. 49–50.
21. Круталевіч, В. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917–1945 гг.) / В. А. Круталевіч, І. А. Юхо. – Мінск: Беларуская навука, 1998. – 238 с.
22. Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. – Мінск: БелЭн, 2000. – 432 с.
23. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.): у 2 ч. / М. Я. Сяменчык. – Мінск: БДПУ, 2001. – Ч. 1: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму. – 200 с.
24. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.): у 2 ч. – Мінск: БДПУ, 2001. – Ч. 2: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах складвання таталітарнага рэжыму. – 160 с.
25. Гісторыя Беларусі ў кантэксце еўрапейскай цывілізацыі: дапаможнік / У. Р. Казлякоў; пад рэд. Л. В. Лойкі. – Мінск: ТАА ЦППР, 2003. – 348 с.
26. Солский, В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте / В. Солский; науч. ред. С. Н. Хомич. – Минск: Тесей, 2004. – 224 с.
27. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэдактар) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2006. – 613 с.

28. Рудович, С. Октябрьская революция 1917 г. в Беларуси: Энциклопедия: в 6 т. / редкол. Г. П. Пашков [и др.]. – Минск: БелЭн, 2007. – Т. 5. – 752 с.
29. Бобруйский курьер. – 1917. – 20 окт.; Луч. – 1917. – 20 окт.; Витебское слово. – 1917. – 24 окт.
30. От президиума Минского Совета рабочих и солдатских депутатов // Минская газета. – 1917. – 26 окт.
31. НАРБ. – Фонд. 60. – Воп. 3. – Спр. 339. – Л. 18.
32. К восстанию в Петрограде // Социалист-революционер. – 1917. – 26 окт.
33. Кнорин, В. Октябрьские дни в Западной области // Звезда. – 1918. – 7 нояб.
34. Тревожно // Минская жизнь. – 1917. – 27 окт.; Слухи // Могилёвская жизнь. – 1917. – 28 окт.; Безумная авантюра // Луч. – 1920. – 28 окт.; Ликвидация движения большевиков // Мстиславский голос. – 1917. – 29 окт.
35. <http://www.president.gov.by/by/press78996.html>.
36. Российские и славянские исследования: науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. Я. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. – Минск: БГУ, 2009. – Вып. 4. – 226 с.
37. Сяменчык, М. Я. Асвятленне рэвалюцыйных падзей 1917 года ў сучаснай вучэбнай літаратуры / М. Я. Сяменчык // Гуманітарна-эканамічны веснік. – 2009. – № 4. – С. 77–84.

Пастуніў 02.04.2010

УДК 94(476):316.35«1917»

П. В. Дзядзюля, дацэнт (БДГУ)

УСЕБЕЛАРУСКІ З'ЕЗД 1917 ГОДА І ІНТЭЛІГЕНЦЫЯ

У арыкуле разглядаюцца намаганні інтэлігенцыі Беларусі ў цяжкіх умовах Першай сусветнай вайны, рэвалюцыйных падзей 1917 г., накіраваныя на будаўніцтва нацыянальнай, дэмакратычнай дзяржавы. 1872 дэлегаты Усебеларускага схода з незвычайным энтузіязмам, верай у лепшае будучае, пераадольваючы спрэчкі, амаль аднагалосна выказаліся за стварэнне беларускай дзяржавы, за рашэнне цяжкіх задач на гэтым шляху. На жаль, гэтыя парыў беларусаў не быў падтрыманы бальшавікамі.

The article reveals the tragedy of Belarus in the years of the First World War which caused the death of hundreds of thousands of people and made more than a million become refugees. The after-months of the war may have been more tragic if it were not for the activities of our national intellectuals who selflessly worked in refugee commissions and at children boarding schools, took care of the wounded, provided working places. For the needed, opened new schools where the teaching process was carried out in the native language. The intellectual elite believed in the future of Belarus, informed European peoples about the troubles of the Motherland and asked for help in building our own native state.

Уводзіны. Першая сусветная вайна выявіла шматлікія эканамічныя, сацыяльна-палітычныя загані самай вялікай шматнацыянальнай азіяцка-еўрапейскай дзяржавы. З пачуццём горкай крыўды за радзіму таленавіты расійскі філосаф М. А. Бярдзьеў пісаў, што «разложение императорской России началось давно. Ко времени революции старый режим совершенно разложился, исчерпался и выдохся. Война dokonчила процесс разложения. Нельзя даже сказать, что февральская революция свергла монархию в России, монархия в России сама пала, ее никто не защищал, она не имела сторонников» [1].

Народы імперыі пасля пэўнай разгубленасці сталі шукаць свае шляхі да самастойнага існавання. Часовы ўрад, які абвясціў многія свабоды, марудзіў з рашэннем нацыянальных праблем.

Асноўная частка. Паражэнні на франтах, разруха ў прамысловасці і сельскай гаспадарцы, наступленне голаду падштурхоўвалі нацыянальныя эліты да рашучых дзеянняў. Усюды ўзніклі грамадска-палітычныя арганізацыі, выдаваліся газеты, лістоўкі рознай палітычнай скіраванасці, дзе-нідзе ішла падрыхтоўка вайсковых падраздзяленняў.

У самых неспрыяльных умовах у гэты час аказаўся беларускі народ. Фронт падзяліў тэрыторыю Беларусі на дзве часткі. Каля 2 млн чалавек вымушаны былі з'ехаць у бежанцы далёка на ўсход Расіі. На захад ад Баранавічаў беларусы аказаліся пад нямецкай акупацыяй. Сотні тысяч маладых беларусаў знаходзіліся ў дзеючай арміі. Палітычна актыўная інтэлігенцыя аказалася распыленай па велізарнай тэрыторыі. Драматызм сітуацыі ўскладняўся і тым, што палітыкі суседніх народаў пачалі прэтэндаваць на

частку тэрыторыі беларусаў. Часовы ўрад, саветы былі супраць прызнання беларусаў самастойнай нацыяй.

Бальшавікі, выкарыстоўваючы папулісцкія лозунгі, набывалі ўсё больш прыхільнікаў у асяроддзі беларускіх сялян і салдат Заходняга фронту. З дапамогай узброеных вайскоўцаў на другі дзень пасля кастрычніцкіх падзей у Петраградзе ўлада ў прыфрантавай зоне перайшла ў рукі саветаў, у дзейнасці якіх пераважалі праблемы палітычнай улады, вайны і міру, сусветнай рэвалюцыі. Нацыянальныя пытанні ў бальшавіцкім урадзе шматнацыянальнай краіны не былі прыярытэтнымі.

Кастрычніцкія падзеі выклікалі масавае дэзерцірства з франтоў. Галодныя, кепска апранутыя вайскоўцы папаўнялі харч і адзенне за кошт ужо раней апрабаваных сялян. Чыгунка ледзь паспявала прапусіць эшалоны з параненымі і хворымі, некаторыя з іх прыпыняліся ў Мінску і патрабавалі медыкаментаў, забеспячэння прадуктамі. Свяшчэннікі не паспявалі адпяваць памерлых. На Пярэс-не штодзённа рыхтавалі магілы. Бежанцы, вайскоўцы, абяздоленыя павялічылі насельніцтва горада амаль у два разы. Роспач беларусаў не ведала межаў.

Інтэлігенцыя з вялікай настойлівасцю шукала шляхі да ратавання роднай зямлі, яе жыхароў, матэрыяльных і духоўных здабыткаў. Сацыяльна-палітычная, арганізацыйная база беларускага нацыянальнага руху пашыраецца. Беды радзімы палохаюць, але і прымушаюць дзейнічаць усе слаі насельніцтва.

Максім Багдановіч яшчэ ў 1915 г. пісаў, што «мы, беларуская інтэлігенцыя, будзем ратаваць наш народ, як ратавалі і дасюль, будзем ратаваць і ў сваім краю, і на чужыне,

памінаючы ў гэтыя грозныя часы абяцанне, каторае ў сэрцы сваім даваў кожны з нас: сілы свае ахвяраваць роднаму краю... . Бо, баронячы наш народ, мы павінны бараніць і нашу культуру» [2].

На рубяжы стагоддзяў колькасць інтэлігенцыі Беларусі ўвесь час расла. Усё больш маладых людзей вучыліся ў вышэйшых навучальных установах Пецяярбурга, Масквы, Варшавы, Кіева, Казані, Юр'ева і іншых гарадоў.

Добрай школай палітычнага сталення адукаваных беларусаў была армія. Рэальныя падзеі на фронце зрабілі патрыётамі многіх салдат і афіцэраў, якія сталі актыўнымі ў барацьбе за незалежнасць Беларусі.

Усё больш значнае месца ў развіцці рэвалюцыйнага руху ў гэты час займае Мінск. Тут на месцы Беларускага нацыянальнага камітэта паўстае Рада беларускіх партый і арганізацый, ператвораная затым у Вялікую Беларускаю Раду (ВБР); ідэяй нацыянальнага войска паклікана да жыцця Цэнтральная Беларуская вайсковая Рада (БВР).

У сувязі з Кастрычніцкім узброеным паўстаннем у Петраградзе ВБР, іншыя арганізацыі 9 лістапада звярнуліся з «Граматай да беларускага народа», у якой характарызавалася паўстанне як праява анархіі і прагучаў заклік гуртавацца, захоўваць парадак і спакой.

ВБР выступіла з ініцыятывай і разам з Беларускім абласным камітэтам склікала ў Мінску Усебеларускі з'езд [3].

Інфармацыя пра з'езд абляцела не толькі Беларусь, але і тыя рэгіёны Расіі, Украіны, дзе пражывалі бежанцы. Выбары дэлегатаў прайшлі ўсюды, дзе ў нялёгкіх умовах жылі, працавалі, ваявалі беларусы.

Пераадолюючы транспартныя цяжкасці, разруху, беднасць, у Мінск прыехалі і ўдзельнічалі ў рабоце з'езда 1872 дэлегаты, з іх 22% інтэлігенцыі і 716 вайскоўцаў [4].

Гэта сведчыла аб тым, што беларускі народ прачынаецца нацыянальна і імкнецца да дзяржаўнай незалежнасці. І ў той жа час кіраўнікі з'езда разумелі, што імкненне беларусаў да незалежнасці мае шматлікіх праціўнікаў у нацыянальна настроеных рускіх (адзіная і недзялімая Расія з царом ці без цара) і палякаў (Польшча ў межах 1772 года).

Урачыстае адкрыццё з'езда адбылося 7 снежня 1917 г. у атмасферы энтузіязму і радасных падзей. Адкрыў з'езд С. Рак-Міхайлоўскі, публіцыст, педагог. Скончыў Маладзечанскую настаўніцкую семінарыю, педагогічны інстытут у Феадосіі, служыў у арміі, ваяваў. На Румынскім фронце арганізаваў

з'езд воінаў-беларусаў. Узначаліў створаную на з'ездзе Цэнтральную вайсковую Раду. Сядзеў у польскіх турмах, вязень канцлагера на Салавецкіх астравах, быў расстраляны ў 1938 г. ў Мінску [5].

Ваенны аркестр зайграў «Марсельезу». Абганяючы падзеі, гучаць воклічы «Няхай жыве Беларускае Рэспубліка!» Хор пад кіраўніцтвам знакамітага музыканта У. Тэраўскага выконвае песні «Ад веку мы спалі», «А хто там ідзе?» на словы Янкі Купалы. З'езд хвілінай маўчання ўшанаваў памяць беларусаў, якія загінулі ў барацьбе за волю.

9 снежня ад фракцый і губернскіх дэлегацый быў выбраны рабочы прэзідыум у складзе 15 чалавек на чале з С. Рак-Міхайлоўскім. Ганаровымі старшынямі з'езда сталі акадэмік Я. Карскі і ветэран народніцкага руху А. Бонч-Асмалоўскі. Ён жа зрабіў даклад для дэлегатаў пра зямельную рэформу ў Беларусі [6, 7].

Пра высокі інтэлект і вопыт у розных сферах практычнай работы значнай колькасці дэлегатаў сведчыць выпрацаваная павестка дзейнасці з'езда.

1. Сучаснае палітычнае становішча і лёс Беларусі.

2. Эканамічная разруха і аднаўленне гаспадарчага і эканамічнага жыцця краю.

3. Арганізацыя Беларускай нацыянальнай арміі.

5. Аднаўленне грамадска-культурнага жыцця ў краі. Народная адукацыя.

7. Арганізацыя часовай краёвай улады.

8. Краёвы Устаноўчы сход Беларусі.

Сярод дакладчыкаў былі акадэмік Я. Карскі; доктар тэхналагічных навук В. Іваноўскі; выпускнік Харкаўскага ўніверсітэта, эканаміст М. Гольман; выпускнік Рыжскага політэхнічнага інстытута А. Уласаў; гісторык, публіцыст, вучоны ў галіне эканамічнай геаграфіі Я. Канчар; паэт, архітэктар, выпускнік Пецяярбургскага інстытута, французскай акадэміі архітэктуры Л. Дубейкаўскі; генерал К. Кандратовіч і інш. [8].

Дэлегаты размяркоўваюцца па секцыях і камісіях. Кожны мае права і магчымасць выказаць свае меркаванні па рэгіянальных, дзяржаўных справах. З цяжкасцю, але з надзеяй на лепшае праца дае плён. Мабілізацыя сіл відавочная.

Наіўныя дэлегаты не маглі ўявіць, што большавіцкія ўлады жорстка разгоняць мірны народны сход, які шукаў шляхі да стварэння сваёй нацыянальнай дзяржавы. Частку дэлегатаў арыштавалі, але кіруючае ядро з'езда абаранілі рабочыя-чыгуначнікі,

пад аховай якіх у дэпо нейкі час працягвалася праца.

Заклучэнне. Суровыя абставіны 1917 г. не дазволілі беларускаму народу і яго інтэлігенцыі давесці да жадаемых вынікаў першы ў гісторыі Беларусі дэмакратычна абраны форум і здзейсніць мару лепшых сыноў нашай зямлі – пачаць будаўніцтва сваёй дзяржавы.

Літаратура

1. Бердяев, М. А. Истоки и смысл русского коммунизма / М. А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – С. 109.

2. Багдановіч, М. Поўны збор твораў: у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992–1995. – Т. 2. – С. 286.

3. Рудовіч, С. Час выбару. Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С. Рудовіч. – Мінск: Тэхналогія, 2001. – С. 167–169.

4. Адамовіч, А. Усебеларускі кангрэс – агульнанацыянальная рэпрэзентацыя / А. Адамовіч // Спадчына. – 1997. – № 3. – С. 24.

5. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 2001. – Т. 6. – С. 88–89.

6. Ярушэвіч, Я. А. Усебеларускі з'езд 1917 года: сведчанне сучасніка / Я. А. Ярушэвіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 2. – С. 48.

7. Архівы БНР. – Вільня; Нью-Йорк; Менск; Прага, 1998. – Т. 1. – С. 28.

8. Ярушэвіч, Я. А. Усебеларускі з'езд 1917 года: сведчанне сучасніка / Я. А. Ярушэвіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 4. – С. 50.

Паступіў 02.04.2010

УДК 355.48(476)«1920»

М. Я. Сяменчык, дацэнт (БДТУ)

ІДЭЙНА-ПАЛІТЫЧНЫЯ ЗАХАДЫ КАМАНДАВАННЯ ЗАХОДНІМ ФРОНТАМ ПА ЎМАЦАВАННІ БАЯЗДОЛЬНАСЦІ ЧЫРВОНААРМЕЙЦАЎ У 1920 Г.

У артыкуле асвятляюцца асобныя аспекты ідэйна-палітычнай работы камандавання Заходняга фронту і органаў Савецкай улады па ўмацаванні баяздольнасці Чырвонай Арміі. У асноўнай частцы характарызуюцца мерапрыемствы, здзейсненыя ваенным камандаваннем разам з мясцовымі рэвалюцыйнымі камітэтамі, па ідэйным выхаванні байцоў Чырвонай Арміі, аказанні дапамогі іх сем'ям, а таксама барацьбе з дэзерцірствам у прыфрантавой зоне.

Certain aspects of ideological and political work on fighting capacity consolidation of the Red Army which was carried out by Western Front Headquarters and Soviet government bodies. The main part of the article characterizes measures by the command together with local revolutionary committees on ideological education of Red Army men, giving help to their families, fighting with desertion in the front-line area.

Уводзіны. У савецкай гістарыяграфіі тэма ідэйнага-маральнага стану чырвонаармейцаў Заходняга фронту напярэдадні і ў час вызначальных баёў з польскімі захопнікамі ў 1920 г. асветлена з партыйна-класавых пазіцый і даволі аднабакова. Апошнія творы І. М. Ігнаценкі [1] і А. П. Грыцкевіча [2], хоць і пазбаўлены азначаных хібаў, але таксама не даюць поўнага ўяўлення аб захадах ваеннага камандавання і падпарадкаваным яму цывільным уладным органаў па ўмацаванні баяздольнасці чырвонаармейцаў.

Асноўная частка. У 1920 г. пасля разгрому арміі Дзянікіна пагроза аднаўлення вайны з палякамі нямоцна непакоіла савецкі ўрад. Мала таго, бальшавіцкія лідэры ўбачылі ў ёй магчымасць ажыццяўлення ідэі сусветнай рэвалюцыі. З гэтай нагоды роля Заходняга фронту ў іх стратэгічных планах толькі ўзраста. Арганізацыя і каардынацыя захадаў па яго ідэйна-палітычным умацаванні здзяйснялася Рэвалюцыйнымі ваеннымі саветамі (РВС) фронту і армій. Азначаным РВС падпарадкоўваліся цывільныя і вайсковыя ўстановы прыфрантавой Беларусі [3, с. 251], камітэты РКП(б) усіх узроўняў, а таксама ЦК Камуністычнай партыі Літвы і Беларусі.

Як і раней, ідэйнае ўздзеянне на чырвонаармейцаў адбывалася праз арганізаваныя палітработнікамі гутаркі, лекцыі, мітынгі. Без уліку сталічных выданняў на Заходнім фронце і ў тыле распаўсюджваліся «ЗапфронтРОСТА», «Воин революции», «Звезда» (з 8 чэрвеня – орган Палітаддзела фронту), «Красноармеец», «Красный трубоч» і інш. На ідэйнае забеспячэнне наступальнай аперацыі Чырвонай Арміі былі «мабілізаваны» губернска і павятовыя газеты.

У 1919 – пачатку 1920 г. усе «чырвоныя» прапагандысты і агітатары, партыйна-савецкія і вайсковыя органы друку канцэнтравалі ўвагу байцоў, камандзіраў і свядомых грамадзян на справядлівым з боку Савецкай Расіі характары вайны з «буржуазна-памешчыцкай» Польшчай. «Трэба так наладзіць агітацыю, – казаў старшыня РВС РСФСР Л. Троцкі, – каб кожны чырво-

наармеец зразумеў, што зробіў савецкі ўрад для таго, каб пазбегнуць вайны, і каб ён ясна адчуў, што ўся адказнасць за маючую адбыцца крывава-ва вайну барацьбу цалкам кладзецца на польскую буржуазную шляхту» [4, с. 49].

Справядлівы характар вайны мусіў пераканаць чырвоных байцоў у высакароднасці сваёй місіі па вызваленні Беларусі, Літвы і Польшчы ад «буржуазнай шляхты» і тым самым узяць іх баявы дух [5, с. 376].

Выкананню задач, ускладзеных на Заходні фронт, ускосна спрыяла тая бальшавіцкая літаратура, якая распаўсюджвалася ў зоне дыслакацыі польскіх войск. Толькі са студзеня па сакавік 1920 г. сродкамі авіяцыі туды было дастаўлена 183 найменняў газет, лістовак, часопісаў і брашур тыражом 3 174 894 экз. [6, с. 38]. Частка іх распаўсюджвалася з дапамогай адмысловых артылерыйскіх снарадаў і нават сялянскіх дзяцей [7, с. 31], [3, с. 424]. Галоўнакамандуючы ўзброенымі сіламі РСФСР С. Каменёў адзначаў вялікі плён гэтай працы, калі падчас ліпеньскага наступлення войск Заходняга фронту дзве літоўска-беларускія і 8-я пяхотная дывізіі праціўніка апынуліся распрапагандаванымі і не здолелі аказаць ім істотнага супраціўлення [8, с. 8].

Але, як правіла, узровень дэмаралізацыі палякаў значна перабольшваўся. Як вынікала з друку, паводзіны праціўніка ў адносінах да палонных чырвонаармейцаў і беларускіх партызан, а таксама мірнага насельніцтва характарызаваліся як жорсткія, нават зверскія [9] і не выяўлялі прыкмет разлажэння.

Бальшавіцкая літаратура, прызначаная для распаўсюджвання на савецкай і падкантрольнай палякам тэрыторыі Беларусі, друкавалася на рускай, польскай, літоўскай і, у найменшай колькасці, беларускай мове [10]. Паказальна, што напярэдадні наступлення Чырвонай Арміі перад начальнікамі палітаддзелаў дывізіі ставілася задача, каб кожны палітрук меў пры сабе сумку або мех з польскімі і рускімі лістоўкамі [5, с. 376]. Відавочна, што палітаддзел фронту на чале з А. Мясніковым

нячаста звяртаўся да беларусаў на іх мове. Так, пасля вызвалення Слоніма рэўкам выдаў зварот да гараджан на рускай і яўрэйскай мовах [11].

У цэлым, бальшавіцкая прэса Заходняга фронту ў сукупнасці з іншымі формамі ідэйнага ўздзеяння фармавала асобу чырвонаармейца як абаронцы Савецкай Расіі, вызваліцеля польскіх братоў па класу, змагара за сацыялістычную Польшчу і сусветную рэвалюцыю. Іншая справа, што мясцовыя палякі не заўсёды падзялялі мэты сваіх вызваліцеляў. Так, газета «Правда» адзначала, што на Віцебшчыне «польскае насельніцтва да герояў Чырвонай Арміі ставіцца варожа ...палякі ўсё хаваюць і часам атручваюць ваду» [12].

Гэтая акалічнасць павінна была насцярожыць Савецкі ўрад яшчэ да перасячэння Чырвонай Арміяй «лініі Керзана». Але ідэя Савецкай Польшчы здавалася блізкай да ажыццяўлення. «Сваю галоўную задачу, – пісаў М. Тухачэўскі, – выхаваць чырвонаармейца, які ідзе ў межы чужой дзяржавы, як інтэрнацыяналіста, палітадзелы ў значнай ступені выканалі...» [13]. Але ў межах Польшчы з’яўленне Чырвонай Арміі было ўспрынята мясцовым насельніцтвам «як напад бруслаўскіх маскалёў». Удзельнік паходу на Варшаву В. Путна пісаў, што польскі ўрад, «скарыстаўшы яшчэ моцныя рэшткі ранейшай нацыянальнай нянавісці да “маскалёў”, стварыў незвычайны ўздым польскага патрыятызму» [14]. Сапраўды, па словах члена РВС РСФСР Гусева, «ваявала не сацыялістычная Расія супраць імперыялістычнай Польшчы, а рускі народ супраць палякаў» [15].

Па розных прычынах добраахвотніцкі рух не зрабіўся істотнай крыніцай папаўнення байцоў Заходняга фронту, таму самым дзейным сродкам былі мабілізацыі ваеннаабавязанага насельніцтва, галоўным чынам, сялян. Іх нежаданне ваяваць па ідэйных, эканамічных, маральных і іншых прычынах прыводзіла да канфлікту з Савецкай уладай і як сродку пазбегнуць пакарання – да пераходу на нелегальнае становішча. Такім чынам, для ваенных і цывільных улад барацьба з дэзерцірствам з’яўлялася важным напрамкам дзейнасці па ўмацаванні фронту.

У пачатку 1920 г., нягледзячы на жорсткія рэпрэсіі, у прыфрантавой Беларусі налічвалася шмат дэзерціраў. Толькі ў Быхаўскім пав. іх колькасць перавышала 10 000 [16]. Пасля таго, як Польшча аднавіла баявыя дзеянні, для Савецкай улады іх існаванне ў тыле рабілася ўсё больш нецягчымым. Таму 12 мая Савет Працы і Абароны ўсталяваў 7-дзённы тэрмін дабрахвотнай яўкі дэзерціраў, пасля якога яны і нават іх сем’і падвяргаліся рэпрэсіям. З гэтай нагоды ўсімі камісіямі па барацьбе з дэзерцірствам (камдэзы) было распаўсюджана 13 найменняў лістовак у колькасці 792 030 экз. [17].

24 мая начальнік Палітычнага аддзела 16-й арміі Р. Пікель загадаў узмацніць барацьбу з дэзерцірамі, «каб франтавыя часці маглі адчуць, што тыл у іх зусім забяспечаны і надзейны» [4, с. 306]. У выніку распачатай ў Аршанскім, Быхаўскім, Горацкім, Магілёўскім, Рагачоўскім, Чаўскім і Чэрыкаўскім пав. аперацыі былі затрыманы 10 357 чалавек [18].

Значную ролю ў азначанай барацьбе адыграў загад камандуючага фронтам М. Тухачэўскага ад 6 чэрвеня аб канфіскацыі маёмасці ў тых, хто ўхіліўся ад прызыву або не з’явіўся ў камдэз, і яе перадачы «сем’ям сумленных чырвонаармейцаў у іншыя воласці і паветы» [19]. Пастаўленая 13 чэрвеня камандуючым 16-й арміяй М. Салагубам перад рэўкамамі задача барацьбы з дэзерцірамі як «свядомымі ці бессвядомымі здраднікамі Чырвонай Арміі» ўраўноўвалася з баявой [3, с. 328]. На вяртанне дэзерціраў была скіравана няспынная кампанія ў прэсе. Змест матэрыялаў на гэты конт быў самым разнастайным – ад іх асуджэння да заклікаў пайсці на фронт і тым скупіць сваю віну.

У выніку ўсіх метадаў уздзеяння колькасць явак у камдэзы значна ўзрасла. Так, да сярэдзін чэрвеня з 24 615 дэзерціраў, улічаных у раён 16-й арміі, добраахвотна з’явіліся 14 258 чалавек [19]. Паводле загаду камандуючага фронтам № 1425, усе астатнія дэзерціры, якія адмовіліся вярнуцца ў часці, у выпадку затрымання падлягалі суду Рэўтрыбунала на ўмовах ваеннага становішча, г. зн. расстрэлу [20].

Падрыхтоўка да летняга наступлення, акрамя іншага, запатрабавала мяслага папаўнення «ўсіх часцей Захфронту мясцовым, г. зн. у большасці беларускім насельніцтвам, – пісаў С. Каменеў. – Для гэтай мэты мы вымушаны былі выкарыстаць вялікую колькасць мясцовых дэзерціраў. ...Усе гэтыя дэзерціры ў поўнай меры скупілі сваё злачынства сваімі паводзінамі і бяздольнасцю ў барацьбе з арміяй белапалякаў. Для іх задачы Чырвонай Арміі і мэты яе барацьбы аказаліся больш зразумелымі і блізкімі, чым мэты іх няпрошаных «вызваліцеляў» [8, с. 8].

Сітуацыя пэўным чынам пагоршылася, калі войскі Заходняга фронту пацярпелі паражэнне пад Варшавай і пачалі адступаць. У выніку частка чырвонаармейцаў кінулі зброю і разбегліся па вёсках і лясках [21]. Толькі ў Гомельскім пав. знайшлі сховішча 58 000 чалавек [22]. Спробы ваенкамаў папоўніць шэрагі абаронцаў грамадзянамі паўторна абвешчанай БССР не давалі патрэбнага выніку. Мабілізаваныя навабранцы часта збягалі яшчэ на шляху да пазіцый. Менавіта на заключным этапе баявых дзеянняў – у канцы жніўня – пачатку кастрычніка 1920 г. рэпрэсіўныя захады супраць дэзерціраў выкарыстоўваліся значна часцей. Друкаваныя матэрыялы акцэнтавалі ўвагу чырвонаармейцаў на прадухіленне ўцэкаў, каб «не пакідала

думка, што іх за гэта спасцігне пакаранне» [23]. Так, у Віцебскім пав. за апошні тыдзень жніўня былі «вылаўлены» 722 дэзерціры, а ў іх сем'ях было канфіскавана 17 кароў, 9 коней і 1 свіння. Колькасць тых, хто з'явіўся дабрахвотна, была ўтроя меншай [24].

Ачышчэнне Гомельскага пав. ад дэзерціраў адбывалася сіламі вайсковых часцей пры падтрымцы валасных рэўкамаў. Аперацыя заняла 3 тыдні, але дала выдатны вынік, калі ўсе затрыманым былі накіраваны ў свае часці, павет быў зусім ачышчаны ад дэзерцірства [22].

У верасні Палявая камісія фронту па барацьбе з дэзерцірствам загадала «канфіскаваць маёмасць у сямей дэзерціраў аж да адабрання зямельнага надзелу і жывёлы»; «расстрэльваць на месцы тых, хто спрабуе ўцячы з лініі бою, з эшалонаў і маршавых рот». Члены сельскіх і валасных саветаў, рэвалюцыйных і дамавых камітэтаў, на тэрыторыі якіх былі злоўлены дэзерціры, падлягалі суду рэўтрыбунала [25]. Адпаведна ў прэсе пачасціліся паведамленні аб іх расстрэлах [26]. Характэрна, што сярод 4 769 дэзерціраў, пройдзеных праз віцебскі губкамдэз, да ліку «злосных» была аднесена амаль дзесятая частка (434 чалавекі) [27].

Кіраўніцтва краіны ўсведамляла такі парадак рэчаў, што нават самыя жорсткія законы і рэпрэсіі або самая палымаяна прапаганда сацыялістычных ідэй былі не ў стане забяспечыць свядомы ўдзел грамадзян у барацьбе з палякамі. Не апошняю ролю ў фармаванні маральна-псіхалагічнага настрою абаронцы адыгрывала сацыяльная палітыка ўрада. Так, 22 мая пры РВС 16-й арміі быў створаны саветкі аддзел. Заснаванаму пры ім аддзяленню сацыяльнай дапамогі даручалася вырашэнне скаргаў насельніцтва, якое пацярпела ад няправільных рэквізіцый Чырвонай Арміі і дзеянняў мясцовых улад. Пазней яно пашырыла сваю дзейнасць на насельніцтва, чыя гаспадарка падверглася рабаванню палякаў, ваеннаму разбурэнню, і стала займацца забеспячэннем сямей чырвонаармейцаў пайкамі і аказаннем ім гаспадарчай дапамогі [3, с. 465]. Так, за тыдзень у Лепельскім пав. было апрацавана 200 дзес. зямлі, якія належалі сем'ям чырвонаармейцаў [28].

У адпаведнасці з загадам арміям Заходняга фронту ад 5 чэрвеня за № 1127, усе павятовыя рэўкамы мусілі стварыць камісіі па аказанні дапамогі насельніцтву, якое пацярпела ад нашэсця польскіх войскаў [3, с. 466]. З гэтай нагоды у пачатку ліпеня ў Крупках амаль усе чырвонаармейцы палка бралі ўдзел у суботніку [29].

Надалей загадам ад 13 чэрвеня ў мэтах умацавання баявога духу чырвонаармейцаў перад усімі рэўкамамі Беларусі ставілася задача развіцця «самай энергічнай дзейнасці» па аказанні дапамогі іх сем'ям [3, с. 328].

З лютага па ліпень сем'і чырвонаармейцаў Гомельскага пав. атрымалі 15 000 плугоў і іншых сельскагаспадарчых прылад працы, а таксама 53 млн руб. грашыма [30].

Да ліпеня ў Рагачоўскім пав. 35 тыс. сямей карысталіся чырвонаармейскім пайком. Акрамя таго, ім перадалі 186 коней, 16 кароў, 2 свінні, 4 369 пуд. насення, 256 плугоў, 14 барон, 15 веялак, 10 льномятак, 5 сеялак, 15 саломарэзак, 8 сепаратараў, 1 малацілку, 650 кос, 1 800 мянташак, 387 сярпоў, 1 200 тыс. руб. грашыма [9]. Чырвонаармейскія сем'і Быхаўскага пав. атрымалі 200 пуд. пшаніцы, 245 – проса, 87 – грэчкі, 251 – аўса, 60 коней, 8 кароў, 382 плугі, 310 сярпоў, 2 605 кос, 3 200 мянташак [31].

Гэтая палітыка працягвалася і пасля няўдалага летняга наступлення. Так, у Барысаўскім пав. сем'ям чырвонаармейцаў былі перададзены 142 каровы, 23 кані, 47 авечак, 27 свіней, 50 пуд. бульбы, 4 – пшаніцы, 11 – жыта і шмат іншых прадуктаў [32]. За тры няпоўныя месяцы 2 051 сем'ям чырвонаармейцаў Бабруйскага пав. было выдадзена грашовая дапамога ў суме 13 млн руб. [33].

На думку савецкіх работнікаў Гомельскай губ., наяўнасць вялікай колькасці дэзерціраў у многім тлумачылася дрэнным забеспячэннем сем'яў чырвонаармейцаў. Менавіта з гэтай нагоды ў павеце была арганізавана масавая кампанія з перадачай апошнім жывёлы, збожжа і прылад працы [22]. Аднак, можна меркаваць, што ў маштабе разбуранай БССР такі від дапамогі не мог задавоільваць патрэб усіх чырвонаармейскіх сем'яў. А перадача ім адабранай у дэзерціраў жывёлы, прадуктаў, інвентару і інш. толькі абвастрала сацыяльную напружанасць. Тым не менш, варта прызнаць, што пагроза адабрання Савецкай уладай маёмасці за ўхіленне ваеннаабавязаных або чырвонаармейцаў ад службы ўтрымлівала іх ад дэзерцірства. Зразумела, што баяздольнасць фронту ад таго толькі ўзмацнялася.

Яшчэ адным сродкам натхніць чырвонаармейца на лепшае выкананне сваіх службовых абавязкаў з'яўлялася арганізацыя дапамогі яго сем'ям сіламі суседзяў, аднавяскоўцаў і г. д. Асаблівая патрэба ў гэтым узнікла ў ліпені – жніўні, падчас збору збожжа, які супаў з наступленнем Чырвонай Арміі [34]. З гэтай жа нагоды, а таксама ў мэтах дапамогі «пацярпеўшым сялянам ад нашэсця разбойніцка-белагвардзейска-польскага войска» з 1 жніўня «на час уборкі збожжа і засева палёў» абвешчалася ўсеагульная працоўная павіннасць – 1 дзень на тыдзень [35].

Згодна з загадам арміям Заходняга фронту за № 1465, пры адзеле рэўкамаў (старшыня І. Рэйнгольд) 17 жніўня ў Баранавічах адбылося пасяджэнне камісіі па аказанні дапамогі насельніцтву, пацярпеламу ад польскіх войск, контр-

рэвалюцыйных выступленняў, кулацкіх паўстанняў, пагромаў, а таксама ад рэквізіцый для патрэб Чырвонай Арміі [3, с. 467]. У прыватнасці, высветлілася, «што большая частка скаргаў і заяў ад мясцовага сялянскага насельніцтва паступае на незаконныя дзеянні вайсковых часцей і асобных чырвонаармейцаў, якія самавольна забіраюць коней у сялян не толькі з поля, але і ад сялян-возчыкаў». Гэтыя шматлікія выпадкі выклікалі незадавальненне сялян і падрывалі іх давер як «да мясцовай Савецкай улады, так і да Чырвонай Арміі...» [3, с. 468].

З гэтай нагоды кожны выпадак парушэння сялянскіх інтарэсаў падлягаў разгляду сумеснай камісіі з удзелам работнікаў РВС, членаў рэўкамаў і саміх пацярпелых.

Вядома ж, палітыка ваенных і цывільных улад, скіраваная на дапамогу сем'ям чырвонаармейцаў, умацоўвала маральна-палітычны настрой абаронцаў сацыялістычнай Айчыны і спрыяла скарачэнню колькасці дэзерціраў.

Заклучэнне. Уся палітыка камандавання і падпарадкаваных яму надзвычайных і партыйных органаў Беларусі па рэалізацыі азначаных задач ажыццяўлялася як агітацыйна-прапагандысцкімі, так і палітычнымі захадамі. Па сваім уздзеянні яны мелі неаднолькавую значнасць, але ў сукупнасці давалі істотны вынік. У цэлым, камандзіры і палітработнікі абралі жорсткую, але дзейсную лінію ў дачыненні навабранцаў, дэзерціраў, абавязаных выконваць харчовую, працоўную і іншыя павіннасці. Нягледзячы на стомленасць ад бясконцых войнаў, разрухі і нястачы, чырвонаармейцы Заходняга фронту ўсведамлялі неабходнасць абароны Савецкай Расіі ад «буржуазна-памешчыцкай Польшчы». Іх паражэнне пад Варшавай было выклікана не маладушшам або нежаданнем ваяваць, а палітычнымі пралікамі бальшавіцкага кіраўніцтва і ваеннага камандавання.

Літаратура

1. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. /А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэдактар) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2006. – 613 с.
2. Грицкевич, А. П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию / А. П. Грицкевич. – Минск: Харвест, 2010. – 496 с.
3. Борьба за Советскую власть в Белоруссии 1918–1920 гг.: сб. документов и материалов: в 2 т. Т. 2. Февраль 1919–1920 г. – Минск: Беларусь, 1971. – 632 с.
4. Шиловский, Е. На Березине. Действия 16-й армии на Березине в марте – июле 1920 г. / Е. Шиловский. – М.: Гос. изд-во. – 1928. – 120 с.
5. Партийно-политическая работа в Красной армии (март 1919–1920): документы. – М.: Воениздат, 1964. – 535 с.
6. Морозов, П. М. Коммунистическая партия – организатор политической работы в массах в годы гражданской войны / П. М. Морозов. М.: Политиздат. – 1959. – 46 с.
7. Луговский, В. Зеркало первого пятилетия / В. Луговский // Военный вестник. – 1923. – № 3.
8. Каменев, С. Борьба с белой Польшей / С. Каменев // Военный вестник. – 1922. – № 1.
9. Соха и молот. – 1920. – 28 янв.; Набат. – 1920. – 3 февр.; Набат. – 1920. – 2 марта; Звезда. – 1920. – 6 июля.
10. РДВА. – Фонд 104. – Воп. 1. – Спр. 18. – Л. 176.
11. РДВА. – Фонд 201. – Воп. 2. – Спр. 776. – Л. 44.
12. Правда. – 1920. – 8 июня.
13. Военный вестник. – 1922. – № 17. – С. 63.
14. Сяменчык, М. Я. Лозунг абароны Айчыны ў рэвалюцыях і войнах 1917–1920 гг. Актуальныя праблемы станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці (Да 90-годдзя ўтварэння БССР): матэрыялы Рэсп. навук.-тэарэт. канф., г. Мінск, 27 лют. 2009 г. У 2 ч. Ч. 1: Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ад старажытнасці да 1918 г. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя Максіма Танка. – Мінск: БДПУ, 2009. – С. 196.
15. Гусев, С. Политическая работа в Красной армии / С. Гусев // Политработник. – 1921. – № 15. – С. 2.
16. Звезда. – 1920. – 22 июня.
17. РДВА. – Фонд 104. – Воп. 1. – Спр. 124. – Л. 24.
18. РДВА. – Фонд 104. – Воп. 2. – Спр. 114. – Л. 85.
19. НГАБ. – Фонд 42. – Воп. 1. – Спр. 10. – Л. 2.
20. Звезда. – 1920. – 4 июля.
21. Звезда. 1920. – 14 нояб.
22. Полесская правда. – 1920. – 9 сент.
23. НГАБ. – Фонд 32. – Воп. 1. – Спр. 2а. – Л. 116а.
24. Известия Витебского губревкома. – 1920. – 4 сент.
25. Звезда. – 1920. – 19 сент.
26. Звезда. – 1920. – 23 сент; Думы бедняка. – 1920. – 1 октября.
27. Известия Витебского губревкома. – 1920. – 24 окт.
28. Звезда. – 1920. – 13 июня.
29. Звезда. – 1920. – 6 июля.
30. Полесская правда. – 1920. – 28 июля.
31. Звезда. – 1920. – 14 июля.
32. Рабоче-крестьянский путь. – 1920. – 27 авг.
33. Коммунист. – 1920. – 21 сент.
34. НГАБ. – Фонд. 348. – Воп. 1. – С. 44. – Л. 8.
35. НГАБ. – Фонд 350. – Воп. 1. – С. 14. – Л. 16.

УДК 908:06(476)«1920»

А. У. Дзянісаў, асістэнт (БДТУ)

НАПРАМКІ ДЗЕЙНАСЦІ НАЦЫЯНАЛЬНЫХ АДДЕЛАЎ ПРЫ ЦЭНТРАЛЬНЫМ БЮРО КРАЯЗНАЎСТВА Ў БССР У СЯРЭДЗІНЕ 1920-Х ГГ.

Артыкул закранае тэму краязнаўчай дзейнасці нацыянальных меншасцей у БССР у сярэдзіне 1920-х гг. Разглядаецца станаўленне, генезіс і дзейнасць нацыянальных аддзелаў і секцый пры Цэнтральным бюро краязнаўства ў Інстытуце беларускай культуры БССР. Як найбольш яскравы прыклад пры даследаванні былі ўзяты яўрэйскія аддзелы і іх супрацоўніцтва з добраахвотнымі краязнаўчымі арганізацыямі БССР.

In the modern Belarusian historical science theme of local history of national minorities in 1920-th is not investigated. However, the topic is of great interest to get a complete picture of local history work in the Soviet republic of Belarus. Now, in a world of globalization and its negative effects, intensified intercultural and inter-national conflicts more important than ever to maintain of peaceful existence traditions. Belarus has always been an example of peaceful coexistence of different nationalities and a tolerant attitude towards other cultures. That is why the study of local history of national divisions and sections of the Belarusian Academy of Sciences in 1920-th is very important for local history theme of motion. This article describes the new views on the direction of the national organizations of local history in this period. The most striking example were taken Jewish department at the Academy of Sciences and the Jewish section of the Central Bureau of Local History

Уводзіны. Беларусь заўсёды была краінай, дзе гарманічна і мірна ўжываліся прадстаўнікі розных нацыянальнасцей і культур. Прыклады сумеснай дзейнасці ў навуковым, сацыяльным і дзяржаўным будаўніцтве, асабліва па вывучэнню культуры і гісторыі, заслугоўваюць падрабязнага даследавання і асвятлення.

Краязнаўчы рух, які актыўна дзейнічаў у 20-я гг. XX ст. у БССР, быў непасрэдна звязаны з працай вышэйшых навуковых і адукацыйных устаноў. Цэнтральнае бюро краязнаўства (ЦБК), якое ажыццяўляла каардынацыю працы краязнаўчых арганізацый на месцах, аказвала матэрыяльную і метадычную дапамогу, дзейнічала непасрэдна пры Інстытуце беларускай культуры (Інбелкульт) на правах пастаяннага аддзела. ЦБК цесна супрацоўнічала з усімі навуковымі секцыямі і аддзелаў Інбелкульта. Асабліва актыўна ішло супрацоўніцтва з нацыянальнымі аддзелаў, у першую чаргу, яўрэйскім і польскім. Пры гэтых аддзелах дзейнічалі філіялы бюро, якія таксама ажыццяўлялі краязнаўчую працу па вывучэнню нацыянальных асаблівасцей. Раней краязнаўчая дзейнасць нацыянальных аддзелаў не вывучалася як самастойная тэма.

У дадзеным артыкуле ў якасці прыклада працы нацыянальных секцый краязнаўства была ўзята праца яўрэйскай секцыі, якая ў азначаны перыяд дзейнічала найбольш актыўна.

Асноўная частка. 23 лістапада 1921 г. камісія па штатах пры Народным камісарыяце працы БССР зацвердзіла штат Інбелкульта ў колькасці 45 чалавек, а 30 студзеня 1922 г. адбыўся агульны сход яго супрацоўнікаў. На сходзе было прынята рашэнне аб утварэнні этнографі-

лінгвістычнай і прыродазнаўчай секцыі. У асобны склад Інбелкульта ўваходзілі ганаровыя і правадзейныя члены, навуковыя супрацоўнікі і члены-карэспандэнты [1, с. 9–10]. Былі створаны нацыянальныя сектары (яўрэйскі і польскі), якія пазней ператварыліся ў аддзелы.

З першых жа тыдняў існавання Інбелкульт пачаў вырашаць праблемы народнай адукацыі, падрыхтоўкі беларускамоўных падручнікаў для вучняў і студэнтаў, выпрацоўкі ў гэтых мэтах беларускай тэрміналогіі ва ўсіх галінах ведаў.

У канцы 1923 г. пры Інбелкульце з'явілася Цэнтральнае бюро краязнаўства (ЦБК), пры якім з 1925 г. пачалі дзейнічаць нацыянальныя секцыі (яўрэйская і польская).

7 мая 1926 г. ЦК КП(б)Б прыняў рэзалюцыю, у якой сярод іншых пунктаў планавалася дапамагаць арганізацыі акруговых краязнаўчых музеяў грамадскімі сіламі, улічваючы сродкі мясцовых каштарысаў на гэта, арганізаваць працу школьна-краязнаўчай камісіі, польскай і яўрэйскай секцыі ЦБК [3, арк. 8]. Гэтыя рашэнні пацвердзіліся на Першым Усебеларускім краязнаўчым з'ездзе, дзе краязнаўчай працы нацыянальных меншасцей адводзілася асобнае месца.

На Другім Усебеларускім краязнаўчым з'ездзе названыя напрамкі былі замацаваны ў пунктах рэзалюцыі, якую прыняў прэзідыум з'езда.

У 1927 г. пачалася рэарганізацыя Інбелкульта ў вышэйшую навукова-даследчую ўстанову акадэмічнага тыпу. У працэсе рэарганізацыйнай працы быў складзены новы статут, які зацвердзіў СНК БССР 29 чэрвеня 1927 г. Арганізацыйная структура была перабудавана, а ўстановы, якія існавалі ў складзе Інбелкульта, былі

рэфармаваны паводле прынцыпаў і задач, абу-моўленых новым статутам [2, арк. 34].

Усе ўстановы Інстытута аб'ядналіся ў два асноўныя аддзелы – адзел прыродных і адзел гуманітарных навук. Былі вылучаны два нацыянальныя аддзелы – яўрэйскі і польскі. Згодна са статутам, ЦБК з'яўлялася адной з тых устаноў, якія павінны былі абслугоўваць усе аддзелы і секцыі Інбелкульта (разам з друкарнай, вайскавай камісіяй і інш.) і падпарадкоўвацца непасрэдна прэзідыуму Інбелкульта. Згодна з пастановамі ЦК КП(б)Б аб беларусізацыі, пільная ўвага павінна была ўдзяляцца развіццю культуры нацыянальных меншасцей.

Гэта тычылася, у першую чаргу, яўрэйскай і польскай культур. Пры Інбелкульце былі ўтвораны нацыянальныя аддзелы – яўрэйскі і польскі. Яўрэйскі аддзел займаўся працоўкай пытанняў мовы, гісторыі, этнаграфіі і наогул развіццём яўрэйскай нацыянальнай культуры ў Беларусі. Аддзел складаўся з гістарычнай, фальклорнай, лінгвістычнай і сацыяльна-эканамічнай камісій. Паколькі краязнаўчая справа адыгрывала выключную ролю ў працы камісій, пры яўрэйскім адзеле з'явілася пасада спецыяльнага інструктара краязнаўства [2, арк. 205–206].

Была запланавана арганізацыя яўрэйскай секцыі пры ЦБК, якая павінна была кіраваць ўсёй яўрэйскай працай па краязнаўству ў БССР. Сектар звярнуўся да яўрэйскіх школьных працаўнікоў з адозвай, заклікаючы прымаць удзел у збіранні неабходных матэрыялаў і ў агульнай працы па краязнаўству. Таксама быў запланаваны пераклад літаратуры па краязнаўству на яўрэйскую мову [1, арк. 207].

Згодна з гэтымі пунктамі, у 1927 г. пры ЦБК была ўтворана яўрэйская секцыя краязнаўства, якая ажыццяўляла каардынацыю зборам матэрыялаў і вывучэннем яўрэйскай культуры краязнаўчымі арганізацыямі рэспублікі [117, с. 64]. Адказным за сувязь паміж ЦБК і яўрэйскім аддзелам быў прызначаны Г. С. Аляксандраў. Гэты актыўны дзеяч супрацоўнічаў з ЦБК з самага пачатку яго заснавання, выконваў абавязкі карэспандэнта ЦБК, уваходзіў у школьнакраязнаўчую камісію. Згодна з распрацаваным планам працы, у 1928 г. яўрэйская секцыя ЦБК павінна была ажыццяўляць наступныя меры [7, с. 14].

У інструкцыйна-метадычнай працы былі распрацаваны і надрукаваны інструкцыі апісання мястэчка; інструкцыі па збіранню матэрыялаў народнай творчасці; этнаграфіі; для апісання і ажыццяўлення выпісак з пінкасаў, матэрыялаў па гісторыі рэвалюцыйнага руху яўрэяў у Беларусі; збіранню матэрыялаў па гісторыі народнай асветы яўрэяў у Беларусі, апрацоўцы

прысланых матэрыялаў апісання мястэчка Нароўлі. Разам з Наркаматам асветы быў распрацаваны ліст аб краязнаўстве ў яўрэйскай школе. У арганізацыйнай працы праводзілася наступнае: наладжвалася сувязь з яўрэйскімі секцыямі таварыстваў краязнаўства на месцах, арганізаваліся новыя яўрэйскія секцыі ў найбольш вялікіх мястэчках.

Яўрэйская секцыя краязнаўства пры ЦБК праводзіла краязнаўчую працу з яўрэйскімі секцыямі пры БДУ і Педтэхнікуме, даследавала сацыяльна-эканамічнае становішча розных груп яўрэйскага насельніцтва ў г. Мінску. Прадстаўнікі гэтай секцыі ажыццяўляўся інструктаж на месцах, прымаўся меры, каб змясціць матэрыялы па яўрэйскаму краязнаўству ў часопісе «Наш край». Яны бралі ўдзел ў працы ЦБК, пасяджэннях пленума, прэзідыума і камісій. Згодна з комплексным вывучэннем Асіповіцкага раёна краязнаўчымі таварыствамі, ажыццяўлялася краязнаўчае вывучэнне сацыяльна-эканамічнага становішча мястэчак Асіповічы і Ясень [4, с. 140].

Усяго на працягу 1926–1928 гг. яўрэйскім аддзелам у справе краязнаўства былі арганізаваны яўрэйскія секцыі ў краязнаўчых арганізацыях БССР (да 40 секцый), разасланы шэраг інструкцый па збіранню матэрыялаў і даследаванню яўрэйскіх мястэчак, праведзена даследчая экспедыцыя ў Нароўлю. Інструктар краязнаўства яўрэйскага аддзела прымаў удзел у працы камісіі Джяржплана па даследаванню мястэчак, у нарадах Глаўнавукі, праводзіў працу ў краязнаўчым гуртку БДУ [2, арк. 210].

З дапамогай працы інструктара краязнаўства, краязнаўчай секцыі ЦБК і краязнаўчых таварыстваў рэспублікі камісіі яўрэйскага аддзела атрымалі неабходныя матэрыялы для даследавання.

Было сабрана 900 яўрэйскіх народных песен, 2800 анекдотаў, 24 500 прыслоўяў, каля 800 казак, шматлікі лексікон па рамёствах, калекцыя савецкага фальклору і іншае, для яўрэйскага акадэмічнага слоўніка сабрана каля 185 000 слоў, для дыялектычнага атласу – 5000 картак, выданы матэматычная і юрыдычная тэрміналогія і падрыхтаваны да друку сельскагаспадарчая і хімічная [5, с. 51–52]. Сацыяльна-эканамічная камісія падрыхтавала 2 вялікія працы па стану калектыўнага і прыватнага яўрэйскага земляробства ў БССР, працы па яўрэйскаму насельніцтву, яўрэйскай рабочай моладзі [3, с. 65]. Гістарычнай камісіяй з месцаў было атрымана некалькі каштоўных пінкасімаў (кніг) [3, с. 64].

У пачатку 1928 г. яўрэйскім сектарам, як і іншымі аддзеламі і секцыямі Інбелкульта, быў распрацаваны пяцігадовы (1928/1929–1931/1932) план працы. Згодна з гэтым планам, штат супрацоўнікаў камісій яўрэйскага аддзела планавалася пашырыць, а працу весці больш комплексна.

У 1930/1931 г. планавалася паглыбіць супрацоўніцтва з ЦБК і краязнаўчымі таварыствамі і, як вынік гэтага супрацоўніцтва, атрымаць большую колькасць матэрыялаў з месцаў [2].

У выдавецкай працы планавалася выданне падручніка па краязнаўству на яўрэйскай мове, які б уключаў інструкцыйны матэрыял і метадычныя артыкулы. Такія ж самыя меры праводзіліся і ў польскім аддзеле Інбелкульта, аднак больш падрабязныя дакументы не захаваліся. Гістарычная і этнаграфічная камісія цесна супрацоўнічалі з ЦБК [6, с. 65].

У 1929/1930 г. у сувязі з рэаганізацыяй Інбелкульта ў Беларускаю Акадэмію навук (БАН) замест нацыянальнага яўрэйскага аддзела быў утвораны яўрэйскі сектар БАН, праца яўрэйскай секцыі ЦБК працягвалася ранейшымі тэмпамі.

У 1930 г. пры змене склада кіраўніцтва прэзідыума ЦБК прадстаўніком ад яўрэйскага сектара БАН па-ранейшаму застаўся Г. С. Аляксандраў [8, арк. 81].

Заклучэнне. Такім чынам, краязнаўчая праца нацыянальных меншасцей па даследаванню культуры, мовы, фальклору, гісторыі, эканамічных і сацыяльных асаблівасцей іграла важную ролю ў развіцці краязнаўчага руху ў БССР у 20-я гг. XX ст. Аб важнасці і шырыні маштабаў дзейнасці яўрэйскай секцыі ЦБК гаворыць тое, што ў сярэдзіне 1920-х гг. усе краязнаўчыя арганізацыі Савецкай Беларусі ў сваёй працы падзяляліся на 3 асноўныя секцыі (прыродна-геаграфічная, грамадска-эканамічная і культурна-гістарычная), вылучаліся таксама секцыі па нацыянальнай (яўрэйская і польская) і школьнай справе (школьная).

Трэба адзначыць, што развіццю краязнаўчай дзейнасці нацыянальных меншасцей спрыяла не толькі палітыка беларусізацыі і карэнізацыі, якую праводзіла ЦК КП(б) Беларусі. У першую чаргу, паспяховасць залежала ад арганізацыі і дзейнасці нацыянальных секцый пры ЦБК, якія наладжвалі сувязь з аддзелаў і сектарамі Інбелкульта, а затым і БАН для сумеснай працы.

Сярод напрамкаў, у якіх ажыццяўлялася дзейнасць нацыянальных аддзелаў разам з ЦБК,

можна вылучыць дзве асноўныя групы. Да першай адносіцца дзейнасць па вывучэнню гістарычных асаблівасцей: фальклору, культуры, звычайў прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей, збіранне этнаграфічных даных. Напрамкі першай групы найбольш актыўна разгортваліся ў сярэдзіне 1920-х гг.

Да другой групы належаць даследаванні эканамічнага і гаспадарчага развіцця раёнаў, дзе пражывалі нацыянальныя меншасці. Такое вывучэнне форм зямельнага карыстання, уласнасці, выяўленне ўзроўню сацыяльна-эканамічнага развіцця. Галоўнае месца тут адводзілася выяўленню змен, якія адбыліся пад уздзеяннем савецкага будаўніцтва. Гэтыя напрамкі ў краязнаўчай працы пачынаюць дамінаваць у канцы 1920-х – пачатку 1930-х гг., што было выклікана зменамі ў сацыяльным, эканамічным і грамадскім жыцці дзяржавы.

Літаратура

1. ЦНА НАНБ. – Фонд 67. – Воп. 1. – Спр. 26. Матэрыялы Цэнтральнага бюро краеведения за 1928 г. – 290 л.
2. ЦНА АНБ. – Фонд 67. – Воп. 1. – Спр. 35. Матэрыялы, планы, отчеты и другие документы Института белорусской культуры. – 1928–1929 гг. – 224 л.
3. НАРБ. – Фонд 4 п. – Воп. 1. – Спр. 2536. Протоколы № 24–43 закрытых заседаний бюро и секретариата ЦК КП(б)Б, документы к ним. – 2 апреля – 30 июня 1926 г. – 215 л.
4. Дзейнасць яўрэйскай секцыі пры ЦБК // Наш край. – 1927. – № 5. – С. 64.
5. Краязнаўчая праца яўрэйскага сектара Інбелкульта // Наш край. – 1928. – № 3. – С. 51–52.
6. Яўрэйская краязнаўчая секцыя ЦБК // Наш край. – 1929. – № 4. – С. 64.
7. Яўрэйскі этнаграфічны сектар ў Менску // Наш край. – 1929. – № 4. – С. 65.
8. Часопіс яўрэйскага сектара БАІ: гістарычны і сацыяльна-культурны аддзелы: у 4 т. – Менск: Выданне БАН, 1930. – Т. 4. – 344 с.
9. ЦНА АНБ. – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 6. Протоколы заседаний президиума Академии наук БССР. – 272 л.

Паступіў 02.04.2010

УДК 37.014(476)«1920»

І. У. Каляда, дацэнт (БДТУ)

СТАНАЎЛЕННЕ СІСТЭМЫ АДУКАЦЫІ І НАВУКІ Ё БССР У 1920-Я ГГ.

У артыкуле разглядаецца такі накірунак палітыкі беларусізацыі, якая праводзілася ў БССР у 1920-я гг., як рэфармаванне сістэмы адукацыі. У гэтай галіне дзяржаўнай праграмай прадугледжваўся перавод на беларускую мову сістэмы школьнага навучання, а таксама сярэдняй і вышэйшай адукацыі, падрыхтоўка адпаведных кадраў, стварэнне неабходнай навукова-тэхнічнай базы. Аўтар звяртае ўвагу на тэрапрапрыяцтвы, правядзенне якіх садзейнічала рашэнню пастаўленых задач, а таксама на праблемы і цяжкасці, якія ўзніклі ў ходзе здзяйснення гэтай палітыкі. Аналізуюцца вынікі беларусізацыі школьнай сістэмы і адносіны да правядзення такой палітыкі ў грамадстве.

The article dwells upon the reforms of the educational system in the 1920-ies in the BSSR. The curriculum envisaged the necessity to introduce the Belorussian language in the education system at all levels, to train the corresponding specialists and to create the required facilities. The author focuses on the measures contributing to the solution of the tasks and reveals some difficulties occurring at that time. It analyses the results of these reforms and people's reaction to this policy.

Уводзіны. Беларусізацыя стала вызначальным фактарам усяго грамадскага жыцця БССР другой паловы 1920-х гг. Яе галоўны напрамак – развіццё беларускай мовы. Пры распрацоўцы мер па адраджэнню беларускай мовы неабходна было ўлічваць яе дыялектную стракатасць, незавершанасць працэсу фармавання ў якасці літаратурнай, нераспрацаванасць навуковай, палітычнай, юрыдычнай тэрміналогіі. Адпаведна вызначаліся і задачы: навуковая распрацоўка праблем беларускай мовы, яе гісторыі, удасканаленне лексікі і граматыкі, тэрміналогіі на аснове вывучэння беларускай мовы. Гэта было вельмі важна, бо рабіла друкаванае слова больш зразумелым для шырокіх мас, палягчала далучэнне да кнігі. Асноўная роля ў вырашэнні гэтых задач адводзілася Народнаму камісарыату асветы, Інстытуту беларускай культуры, адпаведным універсітэцкім кафедрам.

Асноўная частка. Яшчэ ў лютым 1921 г. была ўтворана Беларуска-Навукова-тэрміналагічная камісія, якая «павінна была апрацаваць беларускую тэрміналогію па ўсіх галінах навукі...» [1, с. 280]. І ўжо 1 мая 1921 г. Камісія рабіла сваю першую справаздачу: за два з паловай месяцы яна здолела апрацаваць і канчаткова прыняць 2270 і падрыхтаваць да зацвярджэння звыш 5000 тэрмінаў [2, с. 10]. Большасць тэрміналогіі датычыла тэрмінаў, што ўжываліся ў сярэдняй школе. Увогуле, да 1922 г. была выдадзена навуковая беларуская тэрміналогія па гуманітарнай, прыродазнаўчай і матэматычнай галінах.

Аднак дзейнасць Навукова-тэрміналагічнай камісіі была абмежавана толькі тэрміналогіяй. А для больш шырокага развіцця беларускай культуры неабходна было стварэнне ўстановаў больш значнага маштабу. Таму на базе Навукова-тэрміналагічнай камісіі ў 1922 г. быў утвораны Інстытут беларускай культуры, які ў далейшым узначаліў даследаванні ва ўсіх галінах

навукі, звязаных з беларускай культурай (старшыня – С. М. Некрашэвіч, з 1925 г. – У. М. Ігнаціўскі, сапраўдныя члены – Я. Карскі, І. Луцэвіч (Купала), К. Міцкевіч (Колас), Я. Лёсік і інш.). Асноўнымі яго задачамі былі арганізацыя планамернага вывучэння мовы, літаратуры, гісторыі, эканомікі Беларусі [2, с. 33].

У комплексе распрацаваных мерапрыемстваў па беларусізацыі грамадскага жыцця ў рэспубліцы першачарговае значэнне надавалася сістэме народнай адукацыі, бо добра разумелася, што ад зрухаў менавіта ў гэтай галіне шмат у чым будзе залежыць поспех вырашэння ўсёй праблемы ў цэлым. Пасля глыбокага аналізу рэальнага становішча было прынята адзінае правільнае рашэнне: беларусізацыю ажыццяўляць раўналежна па ўсіх катэгорыях навучальных і выхаваўчых устаноў, гэта значыць, пачынаючы ад дзіцячых садкоў і канчаючы тэхнікумамі і інстытутамі. Увядзенне беларускай мовы ў навучальна-выхаваўчы працэс дзвюх апошніх катэгорый устаноў практычна здымала праблему беларусізацыі ў працоўных школах, паколькі яны былі зацікаўлены навучаць дзяцей на той мове, якая з'яўлялася рабочай для тэхнікумаў і інстытутаў.

Зыходным прынцыпам нацыянальнай палітыкі ў школьнай справе вызначаўся прынцып забеспячэння правоў і магчымасцей кожнай нацыянальнасці, якая пражывае на Беларусі, навучаць дзяцей на роднай мове адпаведна іх удзельнай вазе ў агульнай колькасці насельніцтва і жаданню бацькоў.

Пры правядзенні беларусізацыі школ Наркамасветы кіраваўся наступнымі прынцыпамі: ніжэйшыя школы павінны працаваць на роднай мове працоўнага насельніцтва; выпускнікі тэхнікумаў і ВНУ павінны абслугоўваць насельніцтва на яго роднай мове; руская мова як мова саюзная, абавязковая ва ўсіх навучальных установах, нягледзячы на тое, на якой мове гэта ўстанова працуе

(з дакладу наркама асветы А. В. Баліцкага на VIII Усебеларускім з'ездзе Саветаў) [3, с. 227].

У выніку ў 1925–1926 гг. у 4-гадовых школах выкладанне поўнаасцю вялося на беларускай мове, у 7-гадовых – першыя тры класы таксама цалкам былі пераведзены на беларускую мову, апошнія класы – на 40%. Да 1928 г. каля 80% школ было пераведзена на беларускую мову навучання. Поўнаасцю на роднай мове ішло выхаванне ў дзіцячых дамах і садках [4, с. 72].

Палітыка беларусізацыі з яе прыярытэтам беларускай мовы і культуры ні ў сваіх гістарычных вытоках, ні ў час свайго найвышэйшага ўзлёту ў 1920-я гг. ніколі не несла ў сабе пагардлівых адносін да моў і культур іншых народаў. Наадварот, побач з беларускімі адчыняліся школы і класы з роднай мовай выкладання для прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей: рускай, яўрэйскай, польскай, украінскай і інш. Так, хутка развівалася сетка яўрэйскіх школ – у 1926/1927 навучальным годзе колькасць пачатковых школ павялічылася да 132–147, а сямігадовых – да 50–53, што складала адпаведна 3 і 18% ад агульнай колькасці такіх школ у рэспубліцы; польскіх школ – 138 [5, с. 254] (акрамя польскіх меліся беларускія школы з выкладаннем польскай мовы); у 1925/1926 навучальным годзе адчыніліся першыя дзве літоўскія школы ў Полацкай акрузе (у 1927 г. іх было 10 [6, с. 75]).

Наогул, у 1927 г. выкладанне ў школах Беларусі вялося на васьмі нацыянальных мовах.

Большасць настаўніцтва, асабліва сельскага, ставілася да беларусізацыі добразычліва. Гарадское настаўніцтва ўспрымала беларусізацыю як неабходнасць і не пярэчыла яе правядзенню. Можна казаць аб тым, што сярод інтэлігенцыі да 1927 г. склаліся ўжо даволі значныя кадры, якія актыўна прымалі ўдзел у культурным будаўніцтве. Разам з тым і сярод настаўнікаў, і сярод вучняў былі і такія, хто адносіўся да беларусізацыі ваража ці фармальна. Напрыклад, былі выпадкі нежадання вывучаць беларускую мову ў школах: дзеці ў ананімных анкетах пісалі, што «...нам больш падабаецца руская мова, бо на беларускай мове далей Мінску не паедзеш» (з паведамлення Мазырскай акружнай нацкамісіі ад 25.06.29) [7, с. 81].

На жаль, некаторыя факты давалі падставы для незадаволенасці. Былі выпадкі, калі даходзіла да абсурду: у некаторых раёнах так пільна ўзяліся за беларусізацыю (напрыклад, на Магілёўшчыне), што нават спалілі ўсе падручнікі на рускай мове, што, зразумела, выклікала незадаволенасць насельніцтва, асабліва сельскага, бо іх дзецям цяжка было паступіць у 7-гадовыя школы, дзе патрабавалася валоданне рускай мовай.

У асобных выпадках назіраўся рэзкі кантраст паміж памяшканнямі і абсталяваннем, напрыклад, яўрэйскай і беларускай школы ў

адной і той жа мясцовасці. Гэта прыводзіла да таго, што яўрэйская школа дадзенай мясцовасці разглядалася насельніцтвам як школа другога гатунку і спрыяла адліву вучняў з гэтай школы ў беларускія ці рускія.

У перыяд ажыццяўлення беларусізацыі адной з самых вострых была праблема адукаваных кадраў. Для яе вырашэння ЦВК БССР звярнуўся да Наркамасветы РСФСР з просьбаю адкамандзіраваць у БССР настаўнікаў – ураджэнцаў Беларусі, а таксама апублікаваў зварот да іх з заклікам уключыцца ў культурнае адраджэнне краіны. Дарэчы, дзякуючы гэтаму звароту, на радзіму вярнуўся Я. Колас, адзін з першых арганізатараў беларускіх школ (да гэтага часу ён працаваў настаўнікам у Абаянскім раёне Курскай вобласці). Па запрашэнню Акадэмічнага цэнтра БССР у Мінск прыехаў Е. Раманаў, адзін з самых вядомых беларускіх мовазнаўцаў, этнограф, археолаг, які з 1917 г. жыў і працаваў у Стаўрапалі. У 1921 г. з Адэсы вярнуліся такія выдатныя дзеячы беларускай культуры, як С. Некрашэвіч, А. Баліцкі, Пётр і Юльян Іллючонкі, артыст А. Ляжневіч, прафесар М. Пітуховіч, Н. Грамыка, у 1922 г. – Я. Аляхновіч. У 1925 г. на радзіму вярнуўся славуты беларускі гісторык і этнограф М. В. Доўнар-Запольскі, які ўзначаліў гісторыка-этнаграфічную камісію Інбелкульту, выкладаў у БДУ.

Аднак праблема адукаваных кадраў стаяла вельмі востра, і таму асабліва ўвага надавалася падрыхтоўцы настаўнікаў, якія б маглі весці выкладанне на беларускай мове, для чаго сталі адкрываць кароткатэрміновыя курсы (кожны год на 1,5–2,5 месяцы). Курсы мелі практычны характар і распрацоўвалі пытанні метадыкі і школьнай практыкі. Да 1927 г. праз такія курсы прайшлі 75% настаўнікаў [8, с. 416]. Працавалі кароткатэрміновыя курсы (3 месяцы) спецыяльна па вывучэнню беларускай мовы.

З мэтай перападрыхтоўкі настаўнікаў у снежні 1923 г. у Мінску пачалі працаваць Вышэйшыя курсы беларусазнаўства, у навучальным плане якіх значыліся такія дысцыпліны, як беларуская мова, гісторыя беларускай літаратуры, гісторыя Беларусі, геаграфія і этнаграфія Беларусі, беларускае мастацтва, метадыка мовы і літаратуры. Цікава адзначыць, што разам з Вышэйшымі курсамі беларусазнаўства працавалі Цэнтральныя беларускія курсы па перападрыхтоўцы настаўнікаў беларускіх школ РСФСР (гэта былі двухмесячныя курсы, слухачамі якіх з'яўляліся настаўнікі ад Бранскай, Смаленскай і Пскоўскай губерняў).

Адзначым, што настаўнікі, якія скончылі курсы беларусазнаўства, прызначаліся толькі ў беларускія школы ці ў тыя, якія павінны былі перайсці на беларускую мову.

Разгортвалася работа па беларусізацыі прафшкол, тэхнікумаў.

Да 1928 г. поўнасьцю былі беларусазаваны педагогічныя тэхнікумы і курсы па падрыхтоўцы настаўнікаў. Беларусізацыя іншых тэхнікумаў (індустрыяльных, будаўніцкага, кааператыўнага, мастацкага) заключалася ў тым, што беларуская мова там была ўведзена як прадмет выкладання.

Станаўленне сеткі адукацыі нацыянальных меншасцей патрабавала хуткай падрыхтоўкі адпаведных педагогічных кадраў. У 1926/1927 навучальным годзе працавалі 3 нацыянальныя яўрэйскія педтэхнікумы (у Мінску, Віцебску і Гомелі), польскі педагогічны тэхнікум. Для падрыхтоўкі латышскіх настаўнікаў Наркамасветы пасылаў у Ленінградскі латышскі педтэхнікум па 10 стыпендыятаў [5, с. 255].

Вышэйшыя навучальныя ўстановы пераходзілі на беларускую мову больш павольна, што тлумачыцца, у першую чаргу, недастатковым веданнем беларускай мовы сярод выкладчыкаў.

Асабліва ўвага надавалася вывучэнню беларускай мовы студэнтамі ВНУ пры пераходзе на апошні курс навучання, і калі, напрыклад, выпускнікі ўніверсітэта не паказвалі дастатковых ведаў па беларускай мове, іх пакідалі яшчэ на год для спецыяльнага яе вывучэння.

Трэба адзначыць, што ў ходзе беларусізацыі вышэйшых навучальных устаноў былі складанасці і сур'ёзныя недахопы, назіраліся фармальныя адносіны і нават супраціўленне некаторай часткі супрацоўнікаў ВНУ вывучэнню беларускай мовы і пераводу выкладання сваіх дысцыплін на гэтую мову. Не садзейнічала беларусізацыі ВНУ прымяненне націску і адміністрацыйных мер. Напрыклад, значная частка выкладчыкаў і студэнтаў выказвала незадаволенасць рашэннем агітпрапа ЦК КП(б)Б, згодна з якім скончыўшымі ўніверсітэт лічылі толькі тых студэнтаў, якія добра валодалі беларускай мовай. На гэтай глебе ўзніклі канфлікты і сярод студэнтаў.

Тым не менш, нягледзячы на шматлікія цяжкасці, да канца 1920-х гг. значна ўзмацнілася навуковая база Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Беларускай сельскагаспадарчай акадэміі, іншых ВНУ рэспублікі. Тым самым забяспечвалася падрыхтоўка як кадраў спецыялістаў-практыкаў, так і маладой беларускай прафесуры.

Улічваючы патрэбы развіцця народнай гаспадаркі і культуры, на базе Інбелкульту была ўтворана Беларуска Акадэмія навук, якая адкрылася 1 студзеня 1929 г. Яе першым прэзідэнтам стаў акадэмік У. М. Ігнатоўскі, віцэ-прэзідэнтамі – акадэмікі С. Н. Некрашэвіч і М. І. Бялуга.

Для распрацоўкі навуковых і культурных праблем, звязаных з асаблівасцямі тых ці іншых нацыянальнасцей, пры Акадэміі навук былі арганізаваны яўрэйская, польская і латышская секцыі. Напрыклад, яўрэйская секцыя мела ў сваім складзе лінгвістычную, літаратурную, сацыяльна-эка-

намічную і фальклорную камісіі, якія распрацоўвалі пытанні па гісторыі яўрэй у Беларусі і Літве, па гісторыі каланізацыі, рэкрутчыны і г. д.

Заклучэнне. Такім чынам, у 1920-я гг. сістэма народнай адукацыі ў асноўным склалася, сфармаваліся прынцыпы дзяржаўнай палітыкі і дзейнасці партыйных і грамадскіх арганізацый у гэтай сферы.

У складаных матэрыяльных умовах расла сетка агульнаадукацыйных школ, тэхнікумаў, ВНУ. Пашырэнне выкладання на беларускай мове закладвала асновы для выхавання нацыянальнай свядомасці. Відавочна, што гэты час стаў важным этапам у станаўленні беларускай навукі, калі былі ўтвораны і разгортвалі сваю дзейнасць першыя навуковыя ўстановы, фармаваліся кадры вучоных, і былі дасягнуты пэўныя поспехі ў галіне гуманітарных, біялагічных, сельскагаспадарчых і іншых навук.

Цэнтрам навуковага развіцця стаў Інстытут беларускай культуры, які быў асяродкам культурнага жыцця, многа зрабіў для справы беларускага адраджэння, фарміравання навуковых і культурных кадраў, якія сцвярджалі развіццё нацыянальнай культуры і самасвядомасці народа. Разам з тым, спроба стварыць у 1920-х гг. сістэму адукацыі нацыянальных меншасцей, якія пражывалі у БССР, нягледзячы на шэраг станоўчых момантаў, засталася незавершанай. Усё прыйшло да таго, што нацыянальная школа гэтых народаў, як і культура наогул, з другой паловы 1930-х гг. знікла на доўгія гады амаль цалкам.

Літаратура

1. Хроніка беларускага культурнага жыцця // Адраджэнне. – 1922. – № 1. – С. 275–286.
2. Інстытут беларускай культуры (ІнБелКульт): гісторыя ўзнікнення, сучасная структура, навукова-даследчая дзейнасць. – Мінск: Дзярж. выд-ва Беларусь, 1926. – 118 с.
3. Восьмы Усебеларускі з'езд Саветаў: Стэнаграфічная справаздача. – Мінск: Выд-ва ЦВК БССР, 1927. – 486 с.
4. Чарвякоў, А. За Савецкую Беларусь / А. Чарвякоў. – Мінск: Беларускае выд-ва, 1927. – 137 с.
5. Лыч, Л. Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. – Мінск: ВП «Экаперспектыва», 1997. – 486 с.
6. Практычнае вырашэнне нацыянальнага пытання ў БССР. – Мінск: Выд-ва Нацкамісіі ЦВК БССР. – Ч. 1: Беларусізацыя. – 1928. – 152 с.
7. Два гады нацыянальнай работы ў БССР: збор прамоў, артыкулаў і рэзалюцый па нацыянальнаму пытання. – Мінск: Выд-ва Нацыянальнай камісіі ЦВК БССР, 1929. – 167 с.
8. Белорусская Советская Социалистическая республика. – Минск: Изд-во СНК БССР, 1927. – 528 с.

Пастуніў 02.04.2010

УДК 070(091):947.6

В. У. Коваль, асістэнт (БДТУ)

МІЖВАЕННАЯ ЭМІГРАЦЫЯ БЕЛАРУСКАГА І ЁКРАЇНСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА Ё КАНАДУ

Канада была адной з асноўных краін эканамічнай эміграцыі з тэрыторыі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны ў міжваенны час. З 1918 па 1939 г. у Канаду эмігравала больш за 100 000 украінцаў з Заходняй Украіны і каля 15 000 беларусаў з тэрыторыі Заходняй Беларусі. Абсалютную большасць эмігрантаў канадскі ўрад засяліў у правінцыях Саскачэвані, Альберта, Манітоба і Квэбек. Канадскія міграцыйныя службы ўводзілі шэраг абмежаванняў для эміграцыі ў краіну. Дадзены артыкул абапіраецца на матэрыялы ўкраінскай эміграцыйнай перыёдыкі, беларускія і ўкраінскія сучасныя даследаванні.

Canada was one of the main destinations of emigration from Western Belarus and Western Ukraine in the period between the two world wars. In the period from 1918 till 1939 the number of emigrants from Western Ukraine to Canada was more than 100000 people, the number of Belarusians from Western Belarus was about 15000 people. The absolute majority of emigrants were settled by Canadian government in the provinces – Saskatchewan, Alberta, Manitoba and Quebec. The number of emigrants coming to that country was determined to a great extent by the Canadian government's immigration policy. This article is based on materials of Ukrainian diasporan press, Belarusian and Ukrainian modern researches.

Уводзіны. Адным з найбольш прыярытэтных напрамкаў эміграцыі ўкраінцаў і беларусаў паміж сусветнымі войнамі стала Канада. Пераезд у дадзеную краіну спрыяла палітыка канадскага ўрада. Працяглы час улада Канады намагалася спрыяць фармаванню неабходнай эміграцыйнай кан'юнктуры, каб у дзяржаву ехалі працаваць лепшыя прадстаўнікі розных народаў са сваімі сем'ямі. Менавіта Канада стала адной з асноўных краін міжваеннай працоўнай эміграцыі беларусаў і ўкраінцаў. Эканамічная хваля беларускай і ўкраінскай эміграцыі таксама была накіравана ў Францыю, Германію, Аргенціну, ЗША, Бразілію, Парагвай, Уругвай, Бельгію і іншыя краіны свету.

Асноўная частка. Галоўнай прычынай украінскай і беларускай эміграцыі ў Канаду стала эканамічная. Людзі перасякалі акіяны, каб палепшыць свае матэрыяльныя ўмовы, большасць беларусаў і ўкраінцаў ехалі з планами наладзіць у Канадзе ўласную сельскагаспадарчую вытворчасць.

Магчымасць пераехаць у іншую краіну пражывання ў міжваенны перыяд заставалася ў жыхароў Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны, якія былі пад уладай Польшчы. Грамадзяне савецкай Беларусі фактычна былі пазбаўлены магчымасці масавай эміграцыі на Запад. Спрыяла эканамічнай хвалі эміграцыі з тэрыторыі гэтак званых «усходніх крэсаў» пазіцыя польскага ўрада, накіраваная на палітычную, эканамічную і культурную дыскрымінацыю беларусаў і ўкраінцаў.

Масавай эміграцыя працаздольнага і здаровага насельніцтва ў Канаду была звязаная з шырокімі магчымасцямі рэгіёна. Шчыльнасць насельніцтва Канады на пачатку XX ст. была вельмі нізкай, таму ўрад краіны намагаўся праводзіць грамадскую палітыку перасялення, якая павінна была папоўніць дзяржаву лепшымі прадстаўні-

камі розных народаў. Была створана сістэма, якая заканадаўча рэгулявала нацыянальнасць эмігрантаў, іх узрост, адукацыю, прафесію, стан здароўя і нават маральныя прынцыпы. Не дапускалася, каб у Канаду прыязджалі асобы, хворыя на туберкулёз, злачынцы, інваліды, алкаголікі і г. д. Асабліва старана адсочвалася, каб насельніцтва краіны не папаўнялася непісьменнымі эмігрантамі.

Развіццё беларускай і ўкраінскай дыяспары ў Канадзе падзяляецца на некалькі этапаў: 1) 1919–1925 гг.; 2) 1926–1930 гг.; 3) 1931–1935 гг.; 4) 1936–1939 гг. [1, с. 358]. Дадзеныя перыяды адрозніваюцца, перш наперш, інтэнсіўнасцю эміграцыйнага руху. Больш усяго з усходніх рэгіёнаў Польшчы ў Канаду выязджала жыхароў Галіччыны, Валыні і Палесся. 1920-я гг. – перыяд масавай эміграцыі з тэрыторыі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны, з пачаткам 1930-х гг. лічба эмігрантаў значна паніжаецца.

Эканамічнае развіццё Канады на пачатку 1920-х гг., хуткі рост прамысловасці, будаўніцтва чыгункі вымагалі развіццё сельскагаспадарчай вытворчасці. Урадам краіны было вырашана папоўніць колькасць сельскагаспадарчых рабочых з боку эмігрантаў. У Еўропу былі накіраваныя эмісары, мэтай якіх стала вывучэнне эмігранцкіх магчымасцей дзяржаў.

Прыярытэтную групу першапачаткова для эміграцыі ў Канаду складалі англічане, немцы, французы, бельгійцы, галандцы, швейцарцы. Нягледзячы на спецыяльныя ўмовы для дадзеных народаў, гэта група эмігрантаў не прынесла чакаемых вынікаў. Большасць з іх разглядалі Канаду ў якасці часовай краіны пражывання, бо намагаліся праз пэўны час перасяліцца ў Злучаныя Штаты Амерыкі. Акрамя таго, часта прадстаўнікі прыярытэтнай групы не хацелі

займацца сельскагаспадарчай працай, таму пры першай жа магчымасці мянялі род заняткаў.

Ацаніўшы вынікі эміграцыйнай палітыкі Канады на пачатку 1920-х гг., урад краіны вырашыў арыентавацца на народы Усходняй і Цэнтральнай Еўропы. Са зменамі курса палітыкі Канады шырокія магчымасці для эміграцыі адкрываліся ў венграў, румынаў, палякаў, літоўцаў, латышоў, эстонцаў, чэхаў, славакаў, югаславаў, украінцаў і беларусаў.

Асабліва ўвага была звернута на Польшчу. Канадскім урадам Польшча разглядалася як пераважна аграрная краіна, дзе было высокае перанасяленне вёскі. Разлік кіраўніцтва Канады сапраўды быў правільным, бо нямала сялян пачалі прадаваць сваю маёмасць і збірацца ў падарожжа. Людзі не бачылі перспектывы ў сябе на радзіме, таму лёгка пагаджаліся на пераезд. Цяжкае матэрыяльнае становішча сялян Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны паўплывала на высокі працэнт эміграцыі насельніцтва ў Канаду.

Беларусы, якія ехалі ў ЗША і Канаду, часта былі вымушаны хутка прадаваць сваю маёмасць і гаспадарку, каб аплаціць квіткі на карабель, дакументы і на дадзеныя грошы распачаць сваё жыццё за акіянам. Кошты на іх маёнткі агентамі часта збіраліся спецыяльна, бо не заўсёды ў гаспадароў было дастаткова часу для гандлю.

Пасля 1925 г. эміграцыя ў ЗША і Канаду ажыццяўлялася для грамадзян Польшчы толькі праз парты на Балтыйскім моры. Падарожжа ў Злучаныя Штаты і Канаду праз Гдыню ці Гданьск было нязручным для саміх эмігрантаў, але прыбытковым для польскай эканомікі. Мараплаўныя кампаніі таксама былі зацікаўленыя ў актыўнасці эміграцыі, бо гэта прыносіла ім грошы. Яны паўсюдна размяшчалі сваю рэкламу, праводзілі шырокую прапаганду сярод насельніцтва, распавядаючы пра забяспечанае жыццё за мяжой.

Павелічэнне колькасці эміграцыі ў Канаду можна патлумачыць яшчэ і зменамі заканадаўства ЗША ў міжваенны перыяд. Урад Амерыкі зрабіў усё магчымае, каб знізіць эміграцыю з Польшчы фактычна да мінімуму. Некаторыя беларусы і украінцы першапачаткова ехалі ў Канаду, каб праз пэўны час пераехаць у ЗША, што было значна прасцей, чым атрымаць дазвол з Польшчы і індывідуальную амерыканскую візу.

У 1921 г. у ЗША быў прыняты «закон Дзілінгхэма», які ўвайшоў у гісторыю яшчэ пад назвай «закон квоты» (Quota Act), галоўнай ідэяй дакумента было ўстанавленне штогадовага кантынгентна эмігрантаў у ЗША [2, с. 307]. Сенатар Дзілінгхем прапанаваў унесці папраўку ў закон менавіта па дакладнаму абмежаванню колькасці эмігрантаў у ЗША. Квота для польскіх грамадзян складала 6524 асобы, аднак некаторыя групы маглі ехаць у Амерыку па-за квотамі. Гэты дакумент

фактычна паклаў аснову юрыдычнаму абмежаванню эміграцыі ў Злучаных Штатах.

Пасля заканчэння тэрміну «закона Дзілінгхэма» ў 1924 г. у ЗША быў прыняты новы дакумент, вядомы ў гісторыі як «закон Джонсана». Квоту для польскіх грамадзян паменшылі прыблізна ў пяць разоў. З 1929 г. на эміграцыйны працэс у ЗША пачаў аказваць уплыў сусветны эканамічны крызіс. З ростам беспрацоўя ў Амерыцы ўрад пачаў ствараць юрыдычныя перашкоды для магчымых новых эмігрантаў, нават распачалі мерапрыемствы па дэпартацыі тых, хто ўжо прыехаў, але не здолеў знайсці сабе працу. Разам з тым, колькасць беларусаў і ўкраінцаў, якія эмігравалі ў Злучаныя Штаты у міжваенны час, ужо была значна ніжэйшай за эміграцыю ў Канаду. Згодна з польскімі статыстычнымі дакументамі, маштабы міжваеннай беларускай эміграцыі ў Канаду былі прыблізна ў 15 разоў большымі, чым у Злучаныя Штаты Амерыкі.

Дакладна лічбы эмігрантаў у Канаду сярод беларускага і ўкраінскага насельніцтва ўстанаўліць складана, бо некаторая частка сялян перапраўлялася праз акіян нелегальна. Можна пазначыць, што ў міжваенны час выехалі ў Канаду каля 15 000 беларусаў і не менш за 100 000 украінцаў, што склала прыблізна 70% усёй польскай эміграцыі ў гэты час [3, с. 188]. Неабходна адзначыць, што статыстыка эмігрантаў не падзяляе іх дакладна на нацыянальнасці. Падставай для даследавання колькасці беларусаў і ўкраінцаў, якія выехалі ў Канаду, з'яўляецца веравызнанне.

Большасць праваслаўных эмігрантаў былі беларусамі. Дапаўняе звесткі пра эміграцыю інфармацыя, з якога ваяводства Польшчы паходзілі новыя жыхары Канады. Польская статыстыка мае дакладныя звесткі пра колькасць праваслаўных эмігрантаў, рыма-каталікоў, грэка-каталікоў, пратэстантаў і іудзеяў. Пры даследаванні тэндэнцыі і асаблівасцей беларускай дыяспары важна не адносіць да эміграцыі беларусаў яўрэйскае насельніцтва, якое пражывала на тэрыторыі Заходняй Беларусі і выехала за мяжу.

Прынцыповым пытаннем пры вывучэнні беларускай эміграцыі з'яўляецца яе сацыяльны склад. Колькасць інтэлігенцыі дыяспары непасрэдна ўплывала на палітычную, культурную і адукацыйную актыўнасць. Польская статыстыка дазваляе вылучыць тэндэнцыю, што «гандаль», «рамяство» і «вольныя прафесіі» за мяжой, як правіла, прадстаўлялі эмігранты з Польшчы, якія былі яўрэйамі і палякамі па нацыянальнасці [4, с. 19]. Беларускія і ўкраінскія эмігранты пераважна з'яўляліся малазямельнымі сялянамі, якія ехалі за мяжу, каб уладкавацца там на цяжкую і малааплачваемую працу, аднак якая прыносіла большы прыбытак, чым гаспадарка на радзіме.

Эканамічны крызіс прымусіў ўрад Канады заканадаўча абмяжоўваць эміграцыю, дзе былі ўведзены таксама спецыяльныя квоты. Акрамя таго, ствараюцца законы, якія павінны былі прыпыніць эканамічную хвалю эміграцыі ў Канаду. Прыкладам абмежаванняў у канадскіх законах можа быць пастанова 1927 г., якая дакладна вызначала катэгорыю эмігрантаў: 1) узрост главы сям'і не павінен быць большым за 50 гадоў; 2) члены сям'і, старэйшыя за 18 гадоў, павінны працаваць толькі на сельскай гаспадарцы; 3) мужчыны, старэйшыя за 15 гадоў, павінны ўмець чытаць; 4) сем'і, якія аплачваюць свае карабельныя квіткі ў суме больш за 400 дאלараў, могуць эміграваць без усялякіх абмежаванняў узросту і колькасці членаў сям'і [5, с. 354].

Сусветны эканамічны крызіс значна змяніў стаўленне да эміграцыі. Тая частка беларускага і ўкраінскага насельніцтва, якая прыехала ў Канаду ў 1929–1930 гг., апынулася ў вельмі складанай фінансавай сітуацыі. Яно адразу сустрэлася з праблемай голаду і беспрацоўя. У выніку крызісу колькасць эмігрантаў рэзка паменшылася ў 8–10 разоў.

Цяжкае матэрыяльнае становішча паўплывала на жыццё ўкраінскай і беларускай дыяспары ў міжваенны перыяд. Нямала тых, хто да 1929 г. ужо перайшлі працаваць і жыць у горад, былі вымушаны вярнуцца назад у сельскагаспадарчыя калоніі, часта да сваіх бацькоў [6, с. 418]. Глыбокі эканамічны крызіс пазбавіў працы нават моладзь дыяспары, якая ўладкавалася на працу ў буйных канадскіх гарадах.

Працэс сацыяльнай адаптацыі беларусаў і ўкраінцаў у Канадзе быў складаным. Новым жыхарам дзяржавы неабходна было засвоіць канадскую сістэму маральных каштоўнасцей, іншыя нормы паводзін у грамадстве і ўвесь час імкнуцца дамагчыся роўнасці ў сацыяльна-эканамічных правах. Асаблівую складанасць прадстаўляў індывідуалістычны спосаб жыцця, які не заўсёды правільна ўспрымаўся эмігрантамі. Акрамя таго, беларусам і ўкраінцам важна было як мага хутчэй засвоіць англійскую мову, канадскае заканадаўства, традыцыі новай радзімы, што часта было няпроста і патрабавала немалых намаганняў і часу.

У міжваенны перыяд большасць эмігрантаў з Польскай дзяржавы займаліся земляробствам, у Канадзе былі створаны спецыяльныя сельскагаспадарчыя калоніі для эмігрантаў. Аднак засталіся звесткі, што ўкраінская дыяспара мела сваіх настаўнікаў, святароў, музыкантаў, адвакатаў, інжынераў, урачоў. Безумоўна, у больш колькаснай і кансалідаванай украінскай эміграцыі працэнт інтэлігенцыі быў значна вышэйшым. У беларусаў Канады адукаваных прадстаўнікоў амаль не было. Разам з тым, беларус-

кія эмігранты часта звярталіся да ўкраінскіх спецыялістаў, іх яднала падабенства мовы і ментальнасцей народаў.

Большасць эмігрантаў з тэрыторыі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны з'яўляліся некваліфікаванай рабочай сілай, яны працавалі ў сельскай гаспадарцы, лясной прамысловасці ці займаліся рыбнай лоўляй. Што тычыцца дробнага бізнесу, вядома, што ўкраінцы станаўліся ўласнікамі гатэляў, матэляў, аўтамайстэрняў, крамаў, цырульняў і г. д. [7, с. 62]. Менавіта ў міжваенны час сярод прадстаўнікоў украінскай дыяспары ў Канадзе ўпершыню пачалі з'яўляцца пісьменнікі, журналісты, артысты і прафесары.

Беларуская эміграцыя паміж сусветнымі войнамі ў Канадзе адрознівалася палітычнай пасіўнасцю. Сапраўды, для эканамічнай эміграцыі, як правіла, характэрна слабая палітычная дзейнасць. Сярод тысяч беларусаў у Канадзе былі прасавецкія і нацыяналістычныя сілы, аднак колькасць удзельнікаў у палітычных партыях і грамадскіх арганізацыяў вельмі невысокая.

Вядома, што некаторыя беларусы і ўкраінцы далучыліся да Камуністычнай партыі Канады, разам праводзілі агітацыю ў асяродку дыяспары, выпускалі газеты, ладзілі мерапрыемствы. Рускі адзел быў створаны пры Канадскай лізе абароны рабочых, у 1930 г. распачаў сваю дзейнасць Рускі рабочы клуб імя М. Горкага ў Таронта [8, с. 55], дзе актыўна працавалі беларускія і ўкраінскія эмігранты.

Колькасць актыўных членаў дадзеных арганізацый невялікая, таму нельга весці гутарку пра шырокі ўдзел беларусаў і ўкраінцаў у дзейнасці прасавецкіх суполак. Таксама неабходна падкрэсліць, што няма дакументальных сведчанняў пра маштабную антысавецкую працу беларускай дыяспары. На сённяшні дзень некаторыя беларускія эмігранты ЗША і Канады намагаюцца завясыць ролю палітычнай дзейнасці беларускага грамадства за мяжой. Іх пазіцыі і меркаванні не пацвярджаюцца матэрыяламі гістарычных крыніц па дадзенаму перыяду.

Палітычная актыўнасць украінцаў была значна вышэйшая, што можна патлумачыць большым працэнтам інтэлігенцыі ў асяродку ўкраінскай дыяспары. У краінах, дзе пражывала ўкраінская эміграцыя ў міжваенны час, інфармацыю пра радзіму можна было атрымаць з лістоў сваякоў ці перыядычных выданняў дыяспары.

Колькасць украінскіх газет і часопісаў у Канадзе была значна большай, чым у беларусаў. У бібліяграфіі В. Кіпеля і З. Кіпель «Беларускі друк на Захадзе» ёсць інфармацыя, што ў Таронта выйшаў адзін нумар часопіса беларускіх эмігрантаў на рускай мове пад назвай «Канадскі Гудок» [9, с. 658]. Экземпляраў часо-

піса ў беларускіх бібліятэках і архівах няма. Невядома, ці захавалася выданне ў замежных калекцыях прэсы беларускай дыяспары, аднак шырокае выкарыстанне сучаснымі гісторыкамі часопіс «Канадскі Гудок» не атрымаў ў даследаваннях па эміграцыі.

Слаба пашыраны беларускі перыядычны друк не дазваляў эмігрантам атрымоўваць інфармацыю пра палітычныя, эканамічныя і культурныя падзеі на радзіме, таму часта беларусы станавіліся чытачамі ўкраінскай прэсы дыяспары. Спецыяльна для беларусаў некаторыя найбольш пашыраныя ўкраінскія выданні спрабавалі на старонках сваіх нумароў уводзіць беларускую рубрыку, аднак часта ніякіх водгукаў на яе не паступала.

Інфармацыя пра жыццё і дзейнасць беларусаў публікавалася ў эмігранцкай украінскай прэсе. Прыкладам такіх артыкулаў можа быць матэрыял «Палякі і беларусы», надрукаваны ў газеце «Новы шлях» (Саскатун, Канада). У артыкуле адзначаецца, што польскія ўрадавыя чыноўнікі ў Вільне па загаду Варшавы пачалі пераследаваць палітычных дзеячаў Усходняй Польшчы за праведзеную разам з украінцамі тайную канферэнцыю, на якой абмяркоўвалася барацьба за незалежнасць беларусаў і ўкраінцаў. Аўтар матэрыялу (без подпісу) прыходзіць да высноў: «Зараз беларусы зноў пачалі акцыю і іх нацыянальная самасвядомасць заўважна павялічваецца, асабліва ва Усходняй Польшчы» [10, с. 1]. Дадзеным артыкулам украінцы прадэманстравалі сваю салідарнасць, выказалі падтрымку і падкрэслілі зацікаўленасць беларускімі праблемамі ва Усходняй Польшчы. Газета змяшчае інфармацыю пра падзеі ў Заходняй Беларусі, бо была разлічана не толькі на ўкраінскіх чытачоў, але і на беларускіх.

Інфармацыя пра дзейнасць беларускай эміграцыі публікавалася не толькі на старонках перыядычных выданняў украінскай дыяспары, але і ў нумарах заходнеўкраінскай прэсы. Напрыклад, 15 лютага 1931 г. газета «Діло» распавядала пра масавыя маніфестацыі ўкраінскай эміграцыі ў ЗША, Канадзе, Бразіліі і Аргенціне супраць жорсткага тэрору ва Усходняй Галічыне, у якіх прымалі таксама ўдзел і беларусы [11, с. 143]. Такім чынам, выдаўцы ўкраінскіх газет і часопісаў публікавалі матэрыялы пра беларусаў не толькі дзеля інфармацыйнай падтрымкі, але і для актывізацыі палітычнага жыцця беларусаў замежжа.

Заклучэнне. Такім чынам, беларуская міжваенная эміграцыя ў Канадзе была, у асноўным, эканамічнай, большасць эмігрантаў паходзілі з тэрыторыі Заходняй Беларусі, якая знаходзілася пад уладай Польшчы. Беларуска-ўкраінскія кантакты дапамагалі складанаму працэсу сацыяль-

най адаптацыі беларускіх эмігрантаў. Украінская дыяспара рабіла непасрэдны ўплыў на палітычную, культурную і эканамічную дзейнасць беларускага грамадства за мяжой, пра што сведчыць перыядычны друк эмігрантаў.

Літаратура

1. Качараба, С. П. Трудова эміграцыя іх Заходняй Украіны в Канаду (1919–1939) / С. П. Качараба // Вісник Львівського університету. – Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2002. – Вип. 37. – Ч. 1. – С. 350–363 (Сер. істор).
2. Качараба, С. П. Від свободи імміграції до реструкціонізму: вплив законодавства США на українську еміграцію наприкінці XIX – у першій третині XX століття / С. П. Качараба // Вісник Львівського університету. – Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка. – Вип. 39–40. – 2005. – С. 300–313. (Серія істор.)
3. Качараба, С. П. Еміграція з Заходньої Украіны 1919–1939 / С. П. Качараба. – Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2003. – 416 с.
4. Шваб, А. Г. Еміграція з Волині 1921–1939 рр.: автореф. ...дис. канд. істор. наук: 07.00.01 – історія Украіны / А. Г. Шваб. – Чернівці: Волинський державні університет ім. Лесі Українки, 1996. – 23 с.
5. Качараба, С. П. Трудова эміграція іх Заходняй Украіны в Канаду (1919–1939) / С. П. Качараба // Вісник Львівського університету. – Львів. – Вип. 37. – 2002. – Ч. 1. – С. 350–363 (Сер. істор).
6. Макарчук, С. А. Етнічна історія Украіны / С. А. Макарчук. – Київ: Знання, 2008. – 471 с.
7. Сич, О. Сфери трудової діяльності україньскої еміграції в Канаді в міжвоєнній період / О. Сич // Україньска діаспора. – Київ: Інтел, 1994. – Ч. 5. – С. 58–65.
8. Семенова, Л. Н. Страницы истории белорусской диаспоры в Канаде в первой половине XX в. / Л. Н. Семенова // Иппокрена: Институт парламентаризма и предпринимательства. – Минск, 2007. – С. 51–58.
9. Кіпель, В. Беларускі друк на Захадзе: бібліяграфія / В. Кіпель, З. Кіпель. – Нью-Йорк; Варшава: Belarusian Institute of Arts and Science, 2006. – 841 с.
10. Поляки й Білорусіны // Новы шлях. – Саскатун, Канада. – 1939. – № 7. – С. 1.
11. Слівка, Ю. Суспільно-політычне жыття україньців Канады в дзеркалі західноукраїньскої прэсы (20–30-ті роки) / Ю. Слівка // Україньска емірацыя. Історія і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. наук. конф., прысвечаных 100-річчю еміграції україньців до Канады. – Львів: Каменяр, 1992. – С. 140–153.

Паступілі 02.04.2010

УДК 070(091):947.6

В. У. Коваль, асістэнт (БДТУ)

АДУКАЦЫЙНЫЯ СУВЯЗІ БЕЛАРУСКАЙ І УКРАЇНСКАЙ ДЫЯСПАРЫ Ў ЧЭХАСЛАВАКІІ (1918–1939)

Дадзены артыкул прысвечаны адукацыйным, культурным і палітычным сувязям паміж беларускай і ўкраінскай дыяспарай у Чэхаславакіі з 1918 па 1939 г. Для польскага ўрада пытанне эміграцыі з'яўлялася важным аспектам грамадскага і палітычнага жыцця краіны. Працэс эміграцыі беларусаў і ўкраінцаў з тэрыторыі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны ў Чэхаславакію ў міжваенны перыяд даследаваны пры выкарыстанні разнастайных гістарычных крыніц. Аўтарам разгледжаны новыя даследаванні беларускіх гісторыкаў і малавядомыя ў Беларусі публікацыі і матэрыялы замежных вучоных. У артыкуле прадстаўлены аналіз ролі і месца ўкраінскіх універсітэтаў, акадэміі, інстытутаў і вышэйшых школ для беларускай супольнасці за мяжой.

This article is about the educational, cultural and political ties between Ukrainian and Belarusian diaspora in Czechoslovakia from 1918 till 1939. Emigration was a very important problem of social and political life in that period for the Polish authority. The emigration of Belarusians and Ukrainians from Western Belarus and Western Ukraine to Czechoslovakia between the World Wars is studied on the great number of sources. The author uses new researchers of Belarusian scientists and the little-known in Belarus materials and publications of foreign researches. The article is also given the analysis of the place and the role of Ukrainian universities, academies, institutes and higher schools for the Belarusian society abroad.

Уводзіны. Пры вывучэнні тэмы беларуска-ўкраінскіх культурных сувязей за мяжой вялікае значэнне неабходна надаваць адукацыйным кантактам. На сучасны момант тэматыка дзейнасці беларускага студэнцтва ў Чэхаславакіі даследавана слаба, аднак гэты аспект жыцця дыяспары міжваеннага часу з'яўляецца адным з асноўных і найбольш значных. Шматлікія маладыя беларусы атрымлівалі адукацыю ва ўкраінскіх вышэйшых навучальных установах Чэхаславакіі, прымалі ўдзел у агульных з украінцамі мерапрыемствах і вечарынах.

Асноўная частка. Украінскія інстытуты, акадэміі і ўніверсітэты, навуковыя гурткі на Захадзе мелі шырокія магчымасці, дзейнічалі дастаткова працяглы час, наладжвалі кантакты з буйнейшымі адукацыйнымі цэнтрамі ў свеце. У міжваеннай Чэхаславакіі беларускіх вышэйшых навучальных устаноў не было, хаця сярод прадстаўнікоў палітычнай эміграцыі ўзнікала ідэя арганізацыі ўніверсітэта. Па прычыне адсутнасці беларускіх школ і інстытутаў у еўрапейскіх краінах дастаткова часта беларусы працягвалі сваю адукацыю ва ўкраінскіх навучальных установах эмігрантаў, асабліва гэта тэндэнцыя была характэрна паміж сусветнымі войнамі.

Найбольшая колькасць беларускай моладзі з 1918 па 1939 г. вучылася ў Чэхаславакіі і Германіі. Сярод самых вядомых украінскіх навучальных устаноў, дзе атрымлівалі адукацыю беларусы, можна назваць: Украінскі вольны ўніверсітэт (Германія), Украінскі тэхніка-гаспадарчы інстытут (Германія), Украінскі вышэйшы педагагічны інстытут імя М. Драгаманава (Чэхаславакія), Украінскую гаспадарчую акадэмію (Чэхаславакія), Украінскі сацыялагічны інстытут (Чэхаславакія).

Палітычная сітуацыя ў Чэхаславакіі для беларускай эміграцыі значна адрознівалася ад іншых краін свету ў міжваенны час. Менавіта там з 1921 г. праходзіла «руская акцыя». Урад першага прэзідэнта Чэхаславацкай Рэспублікі Томаша Г. Масарыка аказваў сур'ёзную падтрымку эмігрантам з былой Расійскай імперыі, ствараючы спецыяльныя адукацыйныя праграмы для студэнтаў, у тым ліку для ўкраінскай і беларускай моладзі.

Існуе меркаванне, што «руская акцыя» значна павялічвала міжнародны аўтарытэт Чэхаславакіі ў вачах Еўропы. Падтрымка эміграцыі з былой Расійскай імперыі чэхаславацкім ўрадам прымусіла вядучыя краіны свету перагледзець сваю палітыку ў дачыненні эміграцыі.

Сам прэзідэнт быў добра знаёмы з украінскім пытаннем. Ён прытрымліваўся антыбальшавіцкіх пазіцый, таму ў першую чаргу дэманстравалі падтрымліваў былых вайскоўцаў белых армій і прадстаўнікоў буржуазных палітычных партый. Чэхаславацкі ўрад Масарыка намагаўся рэгуляваць наплыў эмігрантаў, каб у Празе канцэнтраваліся найбольш актыўныя і знакамітыя палітычныя дзеячы. Для моладзі дыяспары ствараліся спецыяльныя адукацыйныя студэнцкія праграмы, у тым ліку для беларусаў і ўкраінцаў.

Спрыяла павелічэнню колькасці палітычнай эміграцыі ў Чэхаславацкую Рэспубліку тое, што большасць прадстаўнікоў былой Расійскай імперыі, у тым ліку і вялікая колькасць украінцаў, а таксама некаторыя беларусы, атрымлівалі гэтак званы пашпарт Нансена. Дадзены дакумент юрыдычна прыдаваў эмігрантам статус бездзяржаўных і рабіў іх роўнымі з грамадзянамі краіны прыбыцця. Менавіта значная дапамога кіраўніцтва Чэхаславакіі спрыяла заснаванню там вялі-

кай колькасці ўкраінскіх, беларускіх і расійскіх устаноў, арганізацый, таварыстваў і гурткоў.

У 20–30-я гг. XX ст. у Чэхаславацкай Рэспубліцы сканцэнтраваліся найлепшыя інтэлектуальныя сілы ўкраінскай эміграцыі, прадстаўнікі інтэлегенцыі і сярод іх – сотні вядомых дзеячаў украінскай навукі і культуры, актыўная і плённая творчая праца якіх ператварыла міжваенную Чэхаславакію ў найбуйнешы асяродак украінскай эміграцыі ў Еўропе [1, с. 65]. Гэта акалічнасць тлумачыць адкрыццё там шматлікіх украінскіх вышэйшых школ, інстытутаў і ўніверсітэтаў. Моцная і кансалідаваная дыяспара ўкраінцаў у Чэхаславакіі сістэматычна збірала ахвяраванні для працы навучальных устаноў, што дазваляла ім у сваёй дзейнасці не залежыць цалкам ад датацый урада.

Паміж сусветнымі войнамі Чэхаславакія стала краінай, дзе можна было не толькі зарабіць грошы, але і атрымаць вышэйшую адукацыю. Аднак колькасць беларускіх студэнтаў не была прыныцова значнай для ўсёй эміграцыі, таму немагчыма весці гутарку як пра тэндэнцыю для ўсёй моладзі на Захадзе вучыцца ў Празе. Дзейнасць і гісторыю беларускага студэнцтва ў Чэхаславакіі неабходна грунтоўна вывучаць асобнай тэмай.

Згодна з інфармацыяй, якая была апублікавана на старонках «Віленскага Кур'ера», колькасць беларусаў на вучобе толькі ў пражскім Карлавым універсітэце ў 1920/1921 навучальным годзе складала два чалавекі, у 1921/1922 – 10 чалавек, у 1922/1923 – 50, у 1923/1924 – 90, у 1924/1925 – 110 і ў 1925/1926 – 100 чалавек [2, с. 113]. Безумоўна, статыстыка можа быць няпоўнай, бо студэнты з памежных беларускаўкраінскіх тэрыторый не заўсёды адзначалі, што з'яўляюцца беларусамі, іх маглі аўтаматычна адносіць да ўкраінцаў ці палякаў. Акрамя таго, дадзеныя лічбы прадстаўлены па буйнейшаму ў Чэхаславакіі Карлаваму ўніверсітэту, вучыліся беларусы таксама і ў іншых вышэйшых навучальных установах. Сотні беларускіх студэнтаў часта арыентаваліся на дзейнасць больш шматлікіх дыяспар, асабліва актыўна яны супрацоўнічалі з украінскім студэнцтвам, прымалі ўдзел у іх мерапрыемствах, публікавалі свае матэрыялы і артыкулы на старонках украінскай прэсы.

Самай вядомай навучальнай установай ўкраінцаў у Чэхаславакіі можна лічыць Украінскі вольны ўніверсітэт (УВУ). Універсітэт быў адчынены ў 1920 г. у Вене, але ўжо з 1921 г. цэнтрам украінскай эміграцыі становіцца Чэхаславакія, таму ўстанова пераязджае ў Прагу. У 20-я гг. XX ст. амаль кожны год ў Чэхаславакію эмігравалі прыблізна 20–25 тыс. ўкраінцаў, 20 тыс. расіян, сотні беларусаў [3, с. 18]. Безумоўна, украінская эміграцыя ў Чэхаславацкай

Рэспубліцы была значна больш колькаснай за беларускую.

Украінскія вышэйшыя навучальныя ўстановы ў Чэхаславакіі фінансаваліся ўрадам краіны, яны былі пад апекай наступных міністэрстваў: замежных спраў, унутраных спраў, хлебааробства і наваздачай асветы. Неабходна падкрэсліць, што пры падтрымцы Т. Масарыка ўкраінская вышэйшая школа ў Чэхаславакіі сфармавалася вельмі хутка.

Большасць украінскіх выкладчыкаў адначасова выкладалі ў Карлавым універсітэце, чэшскай Вышэйшай прамысловай школе ці іншых навучальных установах Чэхаславакіі. Студэнты таксама мелі магчымасць вучыцца паралельна як у чэшскіх, так і ва ўкраінскіх вышэйшых школах. Рост колькасці ўкраінскіх студэнтаў садзейнічаў павелічэнню ўкраізнаўчых дысцыплін у Карлавым універсітэце ў Празе, дзе ў 1920-я гг. украінскія курсы чыталі прафесары Ф. Пастэрнак, Я. Бідло, І. Паліўка, І. Гарбачэўскі і г. д. [4, с. 12]. У Вышэйшай прамысловай школе ў Празе для ўкраінскіх студэнтаў асобна дзейнічала кафедра ўкраізнаўства.

Урачыстае адкрыццё Украінскага вольнага ўніверсітэта ў Празе адбылося 23 кастрычніка 1921 г., дзе дадзена вышэйшая навучальная ўстанова дзейнічала да 1945 г. Украінскі вольны ўніверсітэт складаўся з двух факультэтаў – філасофскага і прававога. У першым вылучаліся два аддзяленні: гістарычна-філалагічнае і прыродазнаўчае [5, с. 15]. Лекцыі ва ўніверсітэце чыталіся на ўкраінскай мове, што дазваляла студэнтам-беларусам добра іх разумець.

Заняткі часта праводзіліся ва аўдыторыях Карлавага ўніверсітэта. Вялікая колькасць студэнтаў набывалі адукацыю адначасова і ў чэшскім, і ва ўкраінскім універсітэце, таму ім было дастаткова зручна вучыцца ў адных і тых жа аўдыторыях. Першапачаткова лекцыі ва Украінскім вольным універсітэце былі бясплатнымі, але з узнікненнем матэрыяльных цяжкасцей ужо ў 1930-я гг. заняткі чэшскі ўрад зрабіў платнымі. Для атрымання дыплома студэнту неабходна было паспяхова скончыць восем семестраў.

Украінскі вольны ўніверсітэт рыхтаваў спецыялістаў для ўкраінскіх і замежных вышэйшых навучальных школ, у тым ліку і для беларускіх. Неабходна падкрэсліць, што сярод выпускнікоў было нямала сусветна вядомых вучоных, якія выкладалі ў Варшаўскім, Берлінскім, Мічыганскім універсітэтах і г. д.

Асноўным кантынгентам універсітэта былі выхадцы з розных украінскіх рэгіёнаў, у першую чаргу – заходнеўкраінскіх. Было сярод студэнцтва нямала беларусаў, балгараў, грузінаў, расіянаў, немцаў, яўрэяў, палякаў, славакаў, чэхаў, харватаў, сербаў і г. д. Напрыклад, у першым семестры 1921/1922 навучальнага года

ва ўніверсітэце набывалі адукацыю 702 студэнты, сярод якіх 33 чалавекі паходзілі з Чэхаславацкай Рэспублікі, 513 – Усходняй Галіччыны, 118 – Прыдняпроўскай Украіны, 28 – Букавіны, 7 – Кубані, 2 – Беларусі, 1 – Расіі [6, с. 64]. Безумоўна, 2 беларусы толькі ў першым семестры дзейнасці Украінскага вольнага ўніверсітэта – гэта нямала, са статыстычных даных бачна, што працэнт беларускіх студэнтаў толькі павялічваўся. Магчыма, беларусаў было больш за прыведзеную статыстыку, проста не ўсе захацелі сябе называць беларусамі ў анкеце.

Беларускае студэнцтва існавала ва ўніверсітэце на працягу ўсёй дзейнасці ўстановы. Статыстычныя даныя за летні семестр 1930/1931 навучальнага года сведчаць, што слухачамі УВУ запісаліся 253 чалавекі, у тым ліку 165 украінцаў, 15 чэхаў, 13 расіянаў, 3 беларусы, 5 немцаў, 4 румыны, 1 славак, 30 яўрэяў, 8 венграў, 2 грузіны, 1 паляк і 1 балгарын [7, с. 64]. Як бачна з прыведзеных лічбаў, колькасць беларусаў ва ўніверсітэце была прыблізна роўная колькасці студэнтаў такіх вялікіх і ўплывовых дыяспар у Чэхаславакіі, як расійская ці нямецкая.

Адной з найбольш значных вышэйшых навучальных устаноў у Чэхаславакіі была Украінская гаспадарчая акадэмія ў Падэбрадах і яе паслядоўнік Украінскі тэхніка-гаспадарчы інстытут завочнага навучання. Украінская гаспадарчая акадэмія ў Чэхаславакіі з’явілася па ініцыятыве пражскага Украінскага Гаспадарчага Камітэта ў 1922 г. Размяшчалася акадэмія недалёка ад Прагі – у горадзе Падэбрады. На той час гэта быў невялікі курортны горад, ад якога можна было даехаць да сталіцы за 1–1,5 гадзіны чыгункай. У акадэміі дзейнічалі тры факультэты:

1) аграрна-лясны (19 кафедраў) – з аграрным і лясным аддзяленнямі;

2) эканамічна-каператыўны (20 кафедраў) – з эканамічным, каператыўным і статыстычным аддзяленнямі;

3) інжынерны (20 кафедраў) – з гідратэхнічным і хіміка-тэхналагічным аддзяленнямі [8, с. 138].

Беларускія студэнты атрымлівалі вышэйшую адукацыю на ўсіх факультэтах, больш усяго беларусаў вучыліся на эканамічна-каператыўным факультэце.

Сярод студэнтаў украінскай навучальнай установы на эміграцыі не толькі ўкраінцы па нацыянальнасці, вялікая колькасць беларусаў, ёсць расіяне, малдаване і нават 1 балгарын. Беларусы ва Украінскай гаспадарчай акадэміі было нямала, яны нават стварылі сваю арганізацыю ў акадэміі пад назвай Беларускае грамада, якая працавала нароўне з такімі студэнцкімі таварыствамі і суполкамі, як гурток студэнтаў з Паўночна-заходніх земляў Украіны, Кубанскае зямляцтва і г. д.

Неабходна падкрэсліць, што фінансавалася Украінская гаспадарчая акадэмія чэшскім урадам па праграме «руская акцыя», грошы выдзяляліся як для патрэб самой акадэміі, так і для стыпендыяў студэнтам. Для тых студэнтаў, якія не атрымлівалі ў акадэміі стыпендыяў, прадстаўнікі ўкраінскага грамадства за мяжой збіралі матэрыяльную дапамогу ў асяродку дыяспары.

Студэнты-беларусы, якія скончылі дадзёную навучальную ўстанову з дыпламам па спецыяльнасцях:

– інжынер-ляснычы – 1 чалавек;

– хімік-тэхнолаг – 3 чалавекі;

– інжынер-гідратэхнік – 2 чалавекі;

– інжынер-эканаміст – 7 чалавек [9, с. 145–151].

Безумоўна, ёсць вялікая верагоднасць, што некаторая колькасць беларусаў у дадзены спіс не патрапіла. Не ўлічаныя тут тыя, хто быў па розных прычынах, у тым ліку і па прычыне непаспяховасці, адлічаны з акадэміі, сярод адлічаных маглі апынуцца і беларусы. Ёсць таксама верагоднасць, што сябе беларусамі лічылі і тыя маладыя людзі, якія пражывалі на беларуска-ўкраінскім памежжы, але яны не адзначылі гэта ў дакументах.

Ва Украінскай гаспадарчай акадэміі вучыліся студэнты з розных рэгіёнаў тэрыторыі сучаснай Рэспублікі Беларусь. У акадэміі ў міжваенны час вучыліся беларускія эмігранты як з беларускіх земляў у складзе Польшчы, так і з Савецкай дзяржавы. Неабходна падкрэсліць, што сярод пералічаных асоб ва Украінскай гаспадарчай акадэміі былі прадстаўнікі палітычнай эміграцыі, але большасць беларусаў можна аднесці да эканамічнай хвалі. Патлумачыць той факт можна тым, што ў акадэмію патрапілі маладыя і ініцыятыўныя людзі, якія хацелі атрымаць вышэйшую адукацыю, павысіць сацыяльны статус і ўладкаваць сваё жыццё ў іншай дзяржаве і чужым грамадстве. Спецыяльнасці, якія давала акадэмія, дазвалялі знайсці добрую работу за мяжой і мець стабільны заробак, асабліва для мужчын.

Трэба падкрэсліць, што наогул жанчын сярод студэнтаў акадэміі было няшмат, таму і студэнтак-беларусак там вучылася мала. Невялікая колькасць дзяўчат тлумачыцца пераважна мужчынскімі спецыяльнасцямі дадзенай навучальнай установы. Беларускія студэнткі вучыліся ў асноўным на эканамічна-каператыўным факультэце, дзе было больш за ўсё студэнтаў жаночага полу.

На аснове акадэміі быў створаны Украінскі тэхніка-гаспадарчы інстытут (УТГІ), які таксама выпускаў студэнтаў-беларусаў. Інстытут меў тры факультэты: аграрна-лясны, эканоміка-каператыўны і хіміка-тэхналагічны. Асноўны прафесарска-выкладчыцкі склад Украінскага тэхніка-гаспадарчага інстытута з нязначнымі зменамі перайшоў з Украінскай гаспадарчай акадэміі.

Українські вишэйшы педагогічны інстытут імя М. Драгаманава рыхтаваў настаўнікаў для пачатковых і сярэдніх школ, быў заснаваны ў 1923 г. у Празе. Інстытут складаўся з трох факультэтаў: літаратурна-гістарычнага, матэматычна-прыродазнаўчага і музычна-педагогічнага [10, с. 30]. Пры Украінскім педагогічным інстытуце імя М. Драгаманава была арганізавана кафедра беларусазнаўства. Праіснавала навучальна-ўстанова да 1933 г.

Сярод студэнтаў Украінскага педагогічнага інстытута імя М. Драгаманава таксама былі беларусы. Інстытут выпускаў больш за два дзесяткі настаўнікаў-беларусаў.

Прыкладам біяграфіі беларускай студэнткі дадзенага інстытута можа быць лёс Людмілы Іванаўны Краскоўскай. Даследчыца беларускага паходжання – вядомы ў Чэхіі і Славакіі гісторык і археолаг, яна стала першай жанчынай, якая атрымала навуковую ступень кандыдата гістарычных навук у Чэхаславакіі [11, с. 63]. Л. І. Краскоўская, як і шматлікія іншыя беларускія і ўкраінскія студэнты, атрымлівала адначасова адукацыю ў Карлавым універсітэце і займалася ва Украінскім педагогічным інстытуце імя М. Драгаманава.

Вышэйшыя навучальныя ўстановы ўкраінскай дыяспары давалі магчымасць набываць адукацыю эмігрантам-беларусам, іх выпускнікі папаўнялі шэрагі беларускай інтэлігенцыі на Захадзе. Кансалідаванае і актыўнае ўкраінскае грамадства за мяжой аказвала дапамогу беларускай эміграцыі, стымулявала адкрыццё кафедр беларусазнаўства і беларускіх гурткоў пры сваіх інстытутах і ўніверсітэтах.

Заключэнне. Такім чынам, па прычыне адсутнасці беларускіх навучальных устаноў у Чэхаславакіі беларусы паступалі ва ўкраінскія акадэміі, інстытуты і ўніверсітэты, дзе для іх навучання не было ніякіх перашкод. Стварэнне беларускай арганізацыі і дзейнасць беларускага студэнцтва ў маладзёжных таварыствах і гуртках сведчыць пра актыўнасць беларусаў ва ўкраінскіх навучальных установах. Адукацыйныя кантакты ў Чэхаславакіі з'яўляюцца яркім прыкладам узаемасувязей дыяспар у міжваенны перыяд, ўкраінскае замежнае грамадства аказвала моцны ўплыў на жыццё і адаптацыю беларусаў на Захадзе.

Літаратура

1. Віднянскі, С. Погляды Т. Г. Масарыка на ўкраінскую справу та політыку Першай

Чехасловацкай рэспублікі шадо цьго питанья / С. Віднянскі // Повернення культурнага надбання Украіны: праблеми, задання, перспектывы. – Київ: Інстытут історіі Украіны НАН Украіны, 1999. – Вип. 12. – С. 48–67.

2. Мірачыцкі, Л. Беларуская інтэлігенцыя на эміграцыі і чэшскае нацыянальнае адраджэнне / Л. Мірачыцкі // Беларусіка = Albaruthenica. – Кн. 5. Культура беларускага замежжа; Беларускі-амерыканскія гістарычна-культурныя ўзаемадчынненні. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – С. 111–115.

3. Віднянскі, С. В. Культурна-асвітная і навука дзяльність украінскай эміграцыі в Чехо-Словаччын: Украінскі вільні універсітэт (1921–1945 гг.) / С. В. Віднянскі. – Київ: Нацыянальна акадэмія навук Украіны, 1994. – 82 с.

4. Савка, М. Украінска эміграцыйна преса у Чехасловацкай Рэспубліцы (20–30-і рр. XX ст.): історыко-бібліографічнае даследаванне / Савка М. – Львів: Львівская навука бібліятэка ім. В. Стефаніка НАН Украіны, 2002. – 308 с.

5. Винар, Б. Матэрыялы да історіі эканамічных даследаванняў на эміграцыі (1919–1964) / Б. Винар. – Мюнхен; Нью-Йорк: Украінскае історычнае таварыства, 1965. – 120 с.

6. Віднянскі, С. В. Культурна-асвітная і навука дзяльність украінскай эміграцыі в Чехо-Словаччын: Украінскі вільні універсітэт (1921–1945 гг.) / С. В. Віднянскі. – Київ: Нацыянальна акадэмія навук Украіны, 1994. – 82 с.

7. Тамсама. С. 64.

8. Наріжні, С. Украінска эміграцыя. Культурна праца украінскай эміграцыі між двома сусветнымі войнамі / С. Наріжні. – Прага: Музей вільняўскай барацьбы Украіны, 1942. – 372 с.

9. Тамсама. С. 78.

10. Коваль, Л. К. Украінска історычна навука в эміграцыі (20–30-і рр. XX ст.): методичныя рэкамендацыі / Л. К. Коваль, Я. І. Серкіз. – Львів: ЛДУ, 1993. – 31 с.

11. Трус, М. Беларуская прысутнасць у міжваеннай Чэхаславакіі праз прызму аднаго лёсу (да 100-годдзя з дня нараджэння Людмілы Краскоўскай) / М. Трус // Дыяспара. Культуралогія. Гісторыя: матэрыялы IV Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў кантэксте культур еўрапейскіх краін» (Мінск, 6–9 чэрвеня 2005 г.). – Мінск: Рэд. газ. «Голас Радзімы», 2006. – С. 63–67.

Паступілі 02.04.2010

УДК 94(476)«1939–1941»

Л. В. Жарина, доцент (БГТУ)

БЕЛОРУСИЗАЦИЯ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БЕЛОРУССИИ В 1939–1941 ГГ.

После воссоединения Западной Белоруссии с Советской в западных областях начался процесс белорусизации. В данной статье нашли отражение такие ее направления, как кадровая политика, развитие системы образования, издательская деятельность, развитие культуры и искусства. Вместе с тем отмечены и допущенные искажения, необоснованные репрессии.

The process of «Belarusization» (making every thing sound Belarusian) started after unification of Western Belorussia and Soviet Belorussia. The article reflects such directions of this policy as: the staff policy, development of the educational system, publishing activities, development of culture and art. It also points out some mutilations and persecutions.

Введение. В сентябре 1939 г. в жизни всего белорусского народа произошло знаковое событие – белорусская республика восстановила свою территориальную целостность. Этот факт оказал не только значительное влияние на социально-экономическое, культурное развитие, но его можно считать определенным этапом в развитии государственности Белоруссии.

Основная часть. В межвоенное двадцатилетие польские власти по отношению к белорусам проводили политику полонизации, административно-полицейского давления. 23 июня 1939 г. воевода Белостока отправил докладную записку в Министерство внутренних дел в Польше под названием «Проблемы укрепления польского владующего положения в Белостокском воеводстве». Единственным методом решения национального вопроса считается ассимиляция, т. е. «ополячивание». Собственно, это вытекает из самого названия документа [1].

Одним из средств было насаждение польского языка, который стал господствовать в государственных учреждениях, а польские школы – в системе просвещения. На значительных западно-белорусских территориях накануне сентября 1939 г. не было ни одной белорусской начальной школы. Приобщиться к родному языку можно было только через домашнее обучение и самообучение по букварю С. Павловича «Першыя зярняткі». Судьба единственной уцелевшей Виленской белорусской гимназии была неопределенной. Во всей Польше в 1935 г. студентов-белорусов насчитывалось около 0,5% всех студентов вузов [2].

После воссоединения белорусский народ активизировал свое стремление к самобытному национальному развитию и Советская власть не могла проигнорировать эти желания. Секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко, докладывая И. В. Сталину о положении в Западной Белоруссии от 25 сентября 1939 г., писал: «Крестьяне говорят на настоящем белорусском языке, причем употребляют много слов, о которых нас здесь уверяли, что они нацдемовские, выду-

манные. Нацдемы могли выдумать в литературе, а народу привить не могли, тем более западным белорусам» [3].

Делая ставку на белорусизацию Западной Белоруссии, следовало начать с изменений в просвещении. На новых принципах была проведена реорганизация образования. 2 декабря 1939 г. появилось соответствующее постановление ЦК КП(б)Б «О мероприятиях по организации народного образования в западных областях БССР». В нем говорилось, что основная масса школ в западных областях БССР должна быть белорусскими.

Рекомендовалось переход на белорусские школы не затягивать, однако осуществлять его по мере снабжения школ учебниками и квалифицированными преподавателями-белорусами. Партийным советским органам и отделам народного образования предлагалось развернуть пропагандистскую и агитационную работу по ликвидации пренебрежительного отношения к белорусскому языку [4].

С января 1940 г. обучение во всех школах западных областей началось по новым учебным планам и программам, общим для школ БССР. Школам западных областей Белоруссии не хватало кадров и учебников. 2 февраля 1940 г. СНК Белоруссии принял постановление, где говорилось, что из-за неприятия Народным Комиссариатом Просвещения и Государственным Издательством БССР необходимых мер по обеспечению учебниками и учебными пособиями учебных заведений западных областей «срывается нормальная работа школ» [5].

К 1 сентября 1940 г. в Западной Белоруссии работало уже 5 633 школы. При этом удовлетворялись интересы не только белорусской части населения, но и национальных меньшинств: 74,4% приходилось на школы с белорусским языком обучения; 17,5 – польским; 3,1 – русским; 3,0 – еврейским; 1,1 – литовским, 0,9% – украинским.

В национальных школах белорусский язык должен был изучаться как обязательный пред-

мет. Это вызывалось тем, что политика белорусизации содействовала проникновению белорусского языка в сферы общественной жизни. Вскоре в Западную Белоруссию поступило 150 тыс. экземпляров белорусской грамматики и 200 тыс. букварей.

Значительный вклад в дело школьного строительства внесло население западных областей Белоруссии. Например, в Брестской области таким образом в 1940 г. было построено 64 новые школы [6].

Следует отметить, что одним из весомых факторов стала доступность образования для народа. Хотя значительная часть специалистов различных сфер деятельности присылалась в Западную Белоруссию из Советской Белоруссии и других регионов СССР, стала создаваться собственная сеть средних специальных и высших учебных заведений. Уже в 1940/1941 учебном году в 5 учительских институтах западных областей Белоруссии насчитывалось 1311 студентов. Было открыто 8 педагогических училищ и школ ФЗО. Всего в западных областях Белоруссии в 1940/1941 учебном году насчитывалось 12 средних специальных учебных заведений, в которых занимались около 10 тыс. человек [7].

Тем не менее, бывали случаи игнорирования национального состава населения. Бюро ЦК КП(б)Б на заседании 30 сентября 1940 г. отмечало, что в ряде районов Белостокской области с преобладающим польским населением польские школы переводятся на русский язык, а учителя-поляки в польских школах необоснованно заменяются русскими учителями, что искусственно вызывает недовольство населения. Указывалось на необходимость принятия мер по устранению нарушений. На повышение значимости белорусского языка было направлено постановление бюро ЦК КП(б)Б «Об изучении белорусского языка в ВУЗах, техникумах и школах БССР». Предполагалось значительно увеличить количество предметов, которые преподавались бы на белорусском языке. Рекомендовалось расширить использование белорусского языка в общении преподавателей со студентами, делопроизводстве.

Большое внимание советская власть в Западной Белоруссии уделяла культурно-просветительским учреждениям, которые рассматривались как важное средство политико-воспитательной работы, распространения советской идеологии. 19 ноября 1939 г. ЦК КП(б)Б принял решение о создании избчитален, библиотек, клубов.

В июле 1940 г. было принято постановление ЦК КП(б)Б, где указывалось на недочеты в организации политико-просветительской работы,

особенно в сельской местности. Могилевская политпросветшкола не справлялась с подготовкой кадров для этой работы. Какое-то подспорье оказывали и существующие курсы по подготовке клубных работников, библиотекарей.

Большую роль в просветительской деятельности призвана была сыграть печать. 1 мая 1940 г. бюро ЦК КП(б)Б приняло решение «Об издании районных газет в западных областях БССР на белорусском языке». 27 апреля 1940 г. в постановлении ЦК КП(б)Б говорилось о начале с 1 мая 1940 г. издания в Белостоке областной газеты на еврейском языке и разрешалось из тиража областной газеты «Свободный труд» (25 тыс. экземпляров) 5 тыс. экземпляров печатать на польском языке.

7 сентября 1940 г. постановлением ЦК КП(б)Б утверждалось с 20 сентября 1940 г. издание республиканской газеты на польском языке [8].

Положительные сдвиги произошли в искусстве. В духовную жизнь Белоруссии включились талантливые западно-белорусские писатели, поэты, общественные деятели, артисты. Для этого предпринимались определенные шаги. Анализируя положение писателей западных областей Белоруссии, председатель правления Союза советских писателей БССР М. Лыньков в докладной записке в ЦК КП(б)Б от 15 декабря 1939 г. предложил среди прочих следующие меры: ...Разрешить вопрос о создании польского сектора при Государственном издательстве Белорусской ССР и издании польской детской газеты или соответствующего приложения при существующей белорусской газете «Піянер Беларусі», организовать издание польского литературно-художественного журнала.

Расширить листаж существующего еврейского литературно-художественного журнала «Штерн» или организовать издание нового журнала в г. Белостоке. Необходима также и детская еврейская газета или издание соответствующих приложений при газете «Піянер Беларусі». Дать указания областным партийным органам об оказании всесторонней помощи — материальной, квартирной и другой — писателям западных областей [9].

Осенью 1940 г. было создано Белостокское отделение Союза писателей Белоруссии во главе с П. Пестраком. В конце этого же года вышел его сборник стихов «На страже», а также книги Нины Тарас, Максима Танка.

Начали открываться белорусские профессиональные театры. В 1940 г. работали белорусские драматические театры в Барановичах, Пинске, Вилейке, Белостоке, отделение Белорусской государственной филармонии в Белостоке. В Белостоке был создан государственный джаз БССР

(художественный руководитель Эдди Рознер). В 1940 г. творческую деятельность начал Белорусский ансамбль песни и танца (художественный руководитель Рыгор Ширма).

Повсеместно в западно-белорусском крае наблюдалось оживление художественной самодеятельности, возникали многочисленные драматические и музыкальные кружки, хоры, оркестры, организовывались вечера художественной самодеятельности. В районных и областных центрах проводились олимпиады художественной самодеятельности.

В апреле 1940 г. в Минске состоялся заключительный концерт самодеятельности коллективов западных областей республики. Хор деревни Большое Подлесие Ляховичского района Барановичской области стал участником декады белорусского искусства в Москве в мае 1940 г.

Следует сказать, что положительный эффект от проводимых преобразований ослаблялся растущей кампанией борьбы с «врагами народа», репрессиями и депортацией. Местным кадрам не особенно доверяли и не всегда обоснованно. В большинстве своем прибывшие из других регионов СССР не знали местного образа жизни, обычаев и языка.

С целью корректировки кадровой политики в октябре 1940 г. ЦК КП(б)Б принял постановление «Об упорядочении дела подбора и посылки работников в западные области БССР». В постановлении подчеркивалось, что Наркомпрос направил учителей в западные области без учета действительной потребности и национального состава школ. Практика общего недоверия к местным специалистам была признана вредной.

Аналогичная ситуация имела место не только в просвещении. В письме ЦК КП(б)Б от 21 октября 1940 г. «О недостатках в работе партийных и советских органов в западных областях Белоруссии» обращалось внимание на тот факт, что «в Молодечненском и в ряде других районов Вилейской области некоторых председателей сельсоветов, выдвинутых на месте, вполне доказавших свою преданность и работоспособность, сместили и заменили приехавшими комсомольцами под предлогом, что эти комсомольцы лучше знают советские порядки» [10].

Определенные выводы были сделаны, о чем свидетельствует справка «О выдвигении и воспитании кадров местного населения по Белостокской области». На 1 января 1941 г. по Белостокской области выдвинуто из местного населения 18 066 человек. По национально-

стям: белорусов – 4 451; поляков – 10 245; русских – 392; евреев – 2 833; других национальностей – 145 человек.

Тем не менее, архивные документы свидетельствуют, что в Западной Белоруссии имела место депортация, проводившаяся в 4 этапа. Она коснулась поляков, белорусов, русских и представителей других национальностей. Все го с октября 1930 г. по 22 июня 1941 г. органами НКВД БССР в Западной Белоруссии были репрессированы более 135 000 человек [11].

Заключение. Политика белорусизации в западных областях республики была прервана войной, но за то непродолжительное время, которое ей было отведено, она добилась неплохих результатов в сфере образования, культурно-просветительской работы, искусства и печати.

Литература

1. Проблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 17–18 верасня 1999 г. / Беларускі дзярж. ун-т; рэд. П. Н. Брыгадзін [і інш.]. – Мінск, 2000. – С. 95–97.
2. Назаўсёды разам. Да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР / рэд. М. П. Касцюк, І. Я. Навуменка. – Мінск: БелЭн, 1999. – С. 147.
3. Беларуская нацыя: уз'яднанне. Верасень 1939 – чэрвень 1941 г. / рэд. У. Ф. Ладысеў // Зборнік дакументаў і матэрыялаў. – Мінск: БДУ, 2004. – С. 19.
4. Тамсама. С. 84–85.
5. Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёна Беларусі: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Брэст, 23–24 красавіка 1998 г. / Брэст. дзярж. ун-т; навук. рэд. С. В. Арцеменка [і інш.]. – Брэст: БрДУ, 1998. – Ч. 2. – С. 194.
6. Тамсама. С. 192.
7. Назаўсёды разам. Да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР / рэд. М. П. Касцюк, І. Я. Навуменка. – Мінск: БелЭн, 1999. – С. 148.
8. «Ты з заходняй, я з усходняй нашай Беларусі...»: дакументы і матэрыялы. Верасень 1939–1956: у 2 кн. / склад. У. А. Адамушка [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2009. – Кн. 2. – С. 183.
9. Беларуская нацыя: уз'яднанне. Верасень 1939 – чэрвень 1941 г. / рэд. У. Ф. Ладысеў // Зборнік дакументаў і матэрыялаў. – Мінск: БДУ, 2004. – С. 96.
10. Тамсама. С. 198.
11. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1996. – Т. 3. – С. 342–343.

Поступила 02.04.2010

УДК 94(476)«1941/1944»:332.012.34

Е. А. Гребень, доцент (БГАТУ)

ГОРОДСКОЕ КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО БЕЛАРУСИ В ГОДЫ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

В статье рассматривается механизм управления муниципальными службами в Беларуси в период нацистской оккупации. Реконструирована структура муниципальных служб, определены функции местной администрации, которая обеспечивала управление коммунальными службами. Отмечается, что оккупационные власти сохранили довоенную структуру коммунальных служб. Поскольку белорусская экономика была источником обеспечения немецкой армии, местная администрация не могла должным образом обеспечивать работу коммунальных служб. Это привело к резкому ухудшению жилищных условий, дефициту топлива, воды, электроэнергии.

The mechanism of operation of municipal communal services in Belarus in the period of the Nazi occupation is considered in the article. The structure of the municipal communal services is reconstructed; the functions of units of local auxiliary administration that provided for operation of the communal services are defined. It is noted that the occupation authorities kept a pre-war structure of the communal services. Since Belarusian economy was a source for providing the German army, the local auxiliary administration couldn't provide for the necessary level of operation of the communal services. This fact led to sharp deterioration of living conditions of the citizens, deficit of fuel, water, and electricity.

Введение. Немецкие оккупационные власти столкнулись с необходимостью поддержания в работоспособном состоянии городского коммунального хозяйства для обеспечения потребностей оккупационной администрации, вермахта и городского населения, служившего рабочей силой для нужд военной экономики рейха. На основании материалов областных государственных архивов будет проведена попытка реконструировать механизм функционирования городского коммунального хозяйства Беларуси в период нацистской оккупации.

Основная часть. Осенью 1941 г. в составе городских управ были созданы подразделения, отвечавшие за поддержание коммунального хозяйства. В разных городах названия и функции таких структур могли отличаться, но в целом были воссозданы довоенные учреждения. Например, в составе Могилевского городского управления существовали следующие подразделения, обслуживающие коммунальное хозяйство: 1) общеадминистративный отдел (водно-спасательная станция, мастерская по ремонту пишущих машинок, наблюдатели метеорологической службы, почта); 2) отдел городского инженера (санитарно-технический, дорожный, строительный подотделы, пожарно-сторожевая охрана, водоканал); 3) промышленный отдел (топливный подотдел, мастерские, бани, мельницы); 4) земельный отдел; 5) транспортный отдел; 6) отдел народного образования; 7) жилищный отдел с 11 жилищными участками. Всего в отделах и подотделах городского управления и подведомственных ему учреждениях и организациях насчитывалось 1775 человек, из которых коммунальным хозяйством занимались более 700 человек [1, л. 25–26].

В составе Витебской городской управы существовали отдел очистки, занимавшийся ассенизацией, подотдел благоустройства, похоронное бюро, баня, водопровод, радиоузел, транспортный отдел, ремонтно-стороительная контора [2, л. 6–13].

Задачей жилищных отделов являлась эксплуатация, сохранение и расширение жилищного фонда. Имеющие источники позволяют проследить общие моменты и различия в работе этой службы по сравнению с довоенным периодом на примере г. Могилева (ранее эту же задачу выполняло городское жилищное управление городского совета). Если городское жилищное управление производило как эксплуатацию, так и ремонт различной степени сложности (в городе до июня 1941 г. практически не было квартир, не пригодных для жилья), то жилищный отдел практически не занимался ремонтом зданий, за исключением мелких ремонтных работ в крайне незначительных объемах, по причине отсутствия средств. Если ранее ведомственные здания содержались учреждениями и организациями, то теперь их эксплуатация и ремонт были в компетенции жилотдела.

В отличие от довоенного времени, в Могилеве были введены фиксированные ставки квартплаты в размере 2 руб. за м² (до войны в зависимости от удобств квартиры и доходов жильца ставки колебались от 3 коп. до 1,32 руб. за м²). Для горожан, пользовавшихся коммунальными квартирами, война обернулась ростом квартплаты при низких ставках заработной платы. В коммунальных домах Оршанского городского управления квартплата зависела от материального положения жильца: рабочие с заработком до 150 руб. платили 0,4 руб. в благоустроенных квартирах

и 0,3 руб. в неблагоустроенных, при заработке 400 руб. и выше – 0,9 (0,7) руб. [3, л. 31].

Бедственное материальное положение подавляющей части горожан не позволяло им оплачивать возросшие коммунальные тарифы, в результате чего в городские управы уже с осени 1941 г. регулярно поступали многочисленные прошения об уменьшении или отмене квартплаты. Жилотделы и собесы рассматривали просьбы, и в случае, если констатировалось сложное материальное положение просителя, принимали решения об уменьшении квартплаты или освобождении на определенный период (месяц, несколько месяцев), или отказывали в прошении [4, л. 204].

Жилотделы брали на учет сохранившийся жилищный фонд, особо учитывались жилые дома, покинутые владельцами. Началась выдача ордеров нуждающимся гражданам, переселение жильцов по требованию властей (дома для нужд вермахта, административных нужд, уплотнение жильцов). В ведении жилищных отделов находилось также распределение имущества и мебели из покинутых домов, регулирование многочисленных конфликтов и споров [5, л. 62 об.]. На домах, отведенных под нужды вермахта, вывешивались объявления, в которых также содержалась угроза наказания за повреждение этих помещений. Аналогичным образом маркировались и частные квартиры местного населения, куда воспрещался доступ солдатам вермахта [6, л. 30, 31].

Нехватка жилищного фонда в годы оккупации представляла для горожан серьезнейшую проблему. Дефицит жилья в городах БССР ощущался и до войны, с началом оккупации проблема стала еще острее. Во-первых, в ходе оборонительных боев лета 1941 г. города были значительно разрушены, часть домов была или уничтожена, или находилась в аварийном состоянии. Наблюдавшийся в первые месяцы войны отток городского населения (попытка эвакуироваться, переждать боевые действия в сельской местности и т. д.) сменился возвращением части горожан и притоком жителей их других регионов. Многие здания (как административные, так и жилые) были заняты расквартированными в городе частями вермахта, что вынуждало горожан, как правило, и без того проживавших в стесненных условиях, еще более уплотняться. Ряд домов повреждался или уничтожался в ходе налетов советской авиации, ставших особенно интенсивными с осени 1943 г., когда началось освобождение Беларуси.

Весь период оккупации, но без особого успеха, велась борьба с разбором нежилых или бесхозных построек. Бургомистры регулярно издавали запреты самовольного демонтажа по-

строек, угрожали строгой ответственностью, но изменить ситуацию не могли. В условиях тотального дефицита топлива и стройматериалов, необходимых для текущего ремонта или восстановления построек, пострадавших от боевых действий летом 1941 г., демонтаж пустующих строений был для горожан практически единственным способом решения проблемы. Городская администрация рассматривала эти объекты как коммунальную собственность.

Распоряжения глав местной администрации разных городов в разные периоды оккупации относительно сохранности жилого фонда очень похожи. Например, бургомистр Орши, как и его бобруйский коллега, годом ранее констатировал, что «поломка построек всех видов, как каменных, так и деревянных... вошла в систему, что противоречит интересам военного времени, а также и интересам городского населения», и грозил виновным наказанием [7, л. 20].

С началом оккупации санитарное состояние городов ухудшилось. Появились несанкционированные свалки, нечистоты долгое время не вывозились, и городские власти были не в состоянии справиться с проблемой накопления мусора. Можно сравнить санитарное состояние г. Могилева до и после оккупации. Ранее очистка города производилась Автогужтранспортом, который представлял собой самостоятельную хозяйственную единицу при Могилевском горсовете. Каждый жилищный участок имел лошадей для вывозки мусора, учреждения и предприятия самостоятельно занимались очисткой подведомственной территории; ежедневно на очистке города работало несколько автомашин и около 100 лошадей. В годы войны нечистоты вывозили 5–10 лошадей, выделяемых транспортным отделом. В результате, по оценкам сотрудников могилевской администрации, санитарное состояние города до войны было значительно лучше, чем в оккупационный период [5, л. 62].

Коммунальные службы регулярно отмечали сложное санитарное состояние в городах (причины – недостаток дворников, нежелание или отсутствие у горожан, занятых добычей пропитания, времени на уборку), издавали бесконечные распоряжения, предписывающие домовладельцам и руководителям предприятий и учреждений производить уборку улиц и дворов. Активизация мероприятий по уборке обычно происходила весной. Многочисленные распоряжения местной администрации не давали эффекта, угрозы штрафов не помогали, хотя горожане регулярно подвергались санкциям за антисанитарию. В г. Витебске за антисанитарное состояние полагался штраф до 4000 руб. и 14 дней принудительных работ [4, л. 8].

Встречалось халатное отношение коммунальных служб к вопросу очистки. В приказе бургомистра Бобруйска от 27.02.1942 г. отмечалось, что имеются случаи, когда асенобоз, мясокомбинат и воинские части складировали мусор в пределах городской черты. Для свалки мусора очерчивались специальные места, контроль за исполнением распоряжения возлагался на домоуправления и полицию. Весной 1943 г. бургомистр Бобруйска оценивал работу по очистке города как неудовлетворительную и обязывал жилотдел и ассенизационный обоз немедленно приступить к очистке дворов, улиц, туалетов и мусорных ящиков, приказывал убрать появившиеся несанкционированные свалки, туалеты граждан с берегов рек Бобрульки и Днепреца. Предписывалось оповестить население об ответственности за загрязнение русла рек (штраф или отправка в трудовой лагерь) [8, л. 34].

В крупных городах осенью 1941 г. были представлены пожарные дружины. Пожары представляли значительную проблему для городов, в которых доминировали деревянные постройки. В г. Витебске с 1.10.1941 г. по 1.10.1942 г. в домах, принадлежащих домоуправлению и промышленным предприятиям, по неполным данным произошло 15 пожаров. Пожарные службы проводили также профилактическую работу. Из отчета витебской пожарной охраны за январь – сентябрь 1942 г. следует, что было произведено профилактическое обследование 1961 жилого дома, 37 предприятий, 70 мастерских, 15 столовых, в 105 домах составлены акты об обнаружении дефектов, расследованы причины 27 пожаров [9, л. 14, 23]. Для очистки дымоходов от сажи в городе действовал трубоотряд [10, л. 178].

Осенью 1941 г. в крупных городах Беларуси было восстановлено электроснабжение. Электроэнергией в первую очередь обеспечивались подразделения оккупационной администрации, вермахт, предприятия и учреждения. Гражданское население обеспечивалось электроэнергией по остаточному принципу. В Могилеве энергоснабжение города обеспечивала ТЭЦ, которая подчинялась германскому командованию, а не городскому управлению. Сырьем для электростанции служил торф. ТЭЦ обеспечивала подачу электроэнергии на предприятия и учреждения города и объекты вермахта [11, л. 25]. В 1941 г. были установлены новые тарифы на электроэнергию по группам потребителей. Государственным учреждениям электроэнергия отпускалась по 0,5 руб. за 1 кВт/час (до войны – 0,41 руб.), предприятиям бытового обслуживания и учреждениям торговли были сохранены довоенные тарифы (1,1 руб. и 1,65 руб.), практически не выросли тарифы для предприятий, но для част-

ных абонентов увеличились с 0,25 до 1,7 руб., более чем в 6 раз [12, л. 60]. Категорически запрещалось также использовать электроэнергию для отопления помещений. Регламентировалась подача электроэнергии различным группам потребителей. Например, водонасосные станции и крупные общественные здания могли получать электроэнергию с 23.00 до 6.00, предприятия, использующие силовые электроустановки – с 8.00 до 16.00. Гражданам разрешалось использовать электрические лампочки накаливания 20 Вт, нарушения данной нормы влекло отключение электроэнергии [13, л. 133].

В ноябре 1941 г. был издан приказ бургомистра Бобруйска, согласно которому все горожане, пользующиеся электроэнергией, должны были зарегистрироваться в абонементном отделе городской управы. Жителям, которые подключались к электросети без санкции управления техническими предприятиями, угрожал штраф в размере 100 руб. Воспрещалось пользоваться электрочайниками и другими нагревательными приборами под угрозой штрафа в 300 руб. Суммарная мощность всех источников потребления электроэнергии в одной квартире разрешалась в 100 Вт. В случае нарушения превышения нормы виновные должны были оплатить электроэнергию в пятикратном размере, считая с 1.08.1941 г.

Пресечь несанкционированное потребление электроэнергии не удавалось. По сравнению с довоенным временем тарифы на электроэнергию возросли, плюс не все горожане могли легально пользоваться электроэнергией, поэтому некоторые пытались нелегально подключиться к сети. В ноябре 1941 г. начальник управления технических предприятий доносил начальнику бобруйской полиции, что, несмотря на ряд мероприятий по борьбе со злоупотреблениями, граждане регулярно продолжали несанкционированно пользоваться электроэнергией, многие включали лампы по 200–300 Вт.

13.12.1941 г. бургомистр Бобруйска рассмотрел следственный материал на двух жителей (мать и сын), самовольно подключившихся к электросети. Из материала следовало, что к обвиняемым во двор явился контролер для проверки, и пока он отбивался от собак, спущенных хозяйкой, та вывернула лампочки из трех патронов, скрывая следы нарушения. Патроны были опломбированы. Во время повторной проверки электриком обнаружено, что граждане продолжают пользоваться электричеством, подключаясь к кабелю с помощью английских булавок, что создавало пожароопасную ситуацию. Выяснилось, что обвиняемый гражданин обеспечивал электроэнергией и своих соседей, имея монтерские кошки, лазил на

столб и подсоединял кабель. Нарушители были оштрафованы по 500 руб. и 7-дневным тюремным заключением, лишены права пользования электроэнергией [14, л. 49].

С осени 1941 г. была возобновлена подача воды предприятиям и гражданам. В Могилеве на основании распоряжения бургомистра с 1.09.1941 г. была введена плата за пользование водой и установлены тарифы. Оплата взималась за получение воды из всех источников, за исключением копаных колодцев и открытых водоемов. Стоимость кубометра воды устанавливалась в размере 0,7 руб., ее очистки в канализованных домах – 1 руб. Государственные учреждения, предприятия, кустарные предприятия и частные лица были обязаны приобрести за наличный расчет абонементные книжки (за выдачу уплачивалось 2 руб.) за пользование водой, оплата должна была производиться не позднее 18 числа каждого месяца, разрешалась оплата за полгода вперед. В случае невыполнения постановления гражданам без предупреждения отключали воду, к организациям применялись штрафные санкции. Ежемесячная плата за воду по тарифам Водоканала в домах, канализованных с горячим отоплением, составляла 4,2 руб., без горячего отопления – 2,52 руб., в домах с децентрализованной канализацией (имеющих отводы воды) – 1,9 руб., в домах не канализованных – 1,26, за пользование водой из уличных водозаборов – 0,84, за воду для скота 0,52–2,1 руб.; для транспорта – 1,06; для полива огородов 0,1 (за м²) [13, л. 92, 94].

Имеющиеся в городах бани не удовлетворяли потребности горожан. Учитывая дефицит и цены на топливо, помывка в холодных домах не всегда была возможна. Дефицитным товаром было мыло, поэтому баня оставалась для многих горожан единственно возможным способом поддержания гигиены, борьбы с традиционным спутником военного лихолетья – вшами, создававшими угрозу распространения эпидемических заболеваний. Типичной картиной были длинные очереди к баням, которые работали нерегулярно, часто были заняты вермахтом, имели недостаточную пропускную способность и часто находились в антисанитарном состоянии [15, л. 2+об.].

Заключение. Структура городского коммунального хозяйства во многом напоминала довоенную, подразделения выполняли схожие с довоенными задачи. К концу 1941 г. коммунальные предприятия были воссозданы и приступили к работе. Поскольку немцы стремились извлечь из оккупированной Беларуси максимум ресурсов для обеспечения вермахта и рейха, то местная вспомогательная администрация не имела средств для поддержания на должном уровне городского коммунального хозяйства, что обернулось для гражданского населения ухудшением санитарной обстановки, острым дефицитом воды, топлива, электроэнергии и ухудшением жилищных условий.

Литература

1. Государственный архив Могилевской области. – Фонд. 259. – Оп. 1. – Д. 29.
2. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2073. – Оп. 1. – Д. 586.
3. Государственный архив Витебской области. – Фонд. 2074. – Оп. 2. – Д. 39.
4. Государственный архив Витебской области. – Фонд. 2073. – Оп. 1. – Д. 99.
5. Государственный архив Могилевской области. – Фонд. 259. – Оп. 1. – Д. 23.
6. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 163.
7. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2074. – Оп. 1. – Д. 2.
8. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 858. – Оп. 1. – Д. 26.
9. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2073. – Оп. 2. – Д. 142.
10. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2073. – Оп. 1. – Д. 11.
11. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 278. – Оп. 1. – Д. 2.
12. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 29.
13. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 15.
14. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 858. – Оп. 1. – Д. 2.
15. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 46.

Поступила 02.04.2010

УДК 947.6-058.232.6«1966/1975»

Н. В. Зайцева, доцент (БНТУ)

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОПЛАТЫ ТРУДА КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА РЕСПУБЛИКИ (1966–1975 ГГ.)

Гарантированная оплата труда способствовала повышению трудовой активности колхозников и закреплению рабочей силы в сельскохозяйственном производстве. Существенной стороной гарантированной оплаты труда являлся ее устойчивый характер. Такая устойчивость достигалась тем, что заранее фиксированный уровень вознаграждения за труд на протяжении определенного отрезка времени оставался стабильным и устойчивым. Следовательно, исключалась случайность и непостоянство оплаты труда. Это порождало уверенность колхозника в том, что труд его обязательно и в равной степени будет вознагражден на протяжении всего года, что не могло не отразиться и на эффективности его работы. Однако высокая материальная заинтересованность колхозников в результатах деятельности могла быть обеспечена лишь путем значительного повышения уровня основной оплаты труда в сочетании с дополнительной и премиальной.

Life style, industrial activity of the farm-hands, the level of development of social needs depends on decision of industrial, economic and cultural problems of villages. It can be find the connection between industrial, social and economic levels of the farming intensive. The high level of the basic social and industrial foundations and houses, the flats with all modern convinces, the result of the successfully work of a lot of farm-hands, that's why, there are a lot of young people choose the villages for their's permanent places for living. The basic of social and other factors is the highest level of farming intensive. That's why the weak farm-hands enterprises must choose the reliable tendency in social sphere.

Введение. Для всестороннего исследования социально-бытовых условий жизни белорусского крестьянства периода 1965–1975 гг. вопросы развития системы оплаты труда являлись одними из основных.

В статье использованы данные национального архива Республики Беларусь, сборников съездов, конференций и пленумов Центрального Комитета партии, а также материалы периодической печати.

Основная часть. Формы и методы материального стимулирования труда колхозного крестьянства явились результатом длительного развития производительных сил и производственных отношений. В свою очередь, от уровня их состояния в большой, если не в решающей степени, зависели судьбы колхозной деревни.

Основным источником доходов колхозного крестьянства, роста его благосостояния были поступления от общественного хозяйства. К началу 1971 г. в совокупных доходах колхозников они составляли 2/3 и были в 1,6 раза выше уровня 1965 г. Возрастающий удельный вес в их доходах приобретала заработная плата. Среднегодовой заработок колхозников повысился почти на 30% [1, с. 1]. Предусматривалось повысить в течение 5 лет оплату труда колхозников в среднем на 30–35% [2, с. 38].

Особое значение в деле стимулирования труда колхозников имело Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 мая 1966 г. «О повышении материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного производства». По этому постановлению в колхозах стала вводиться гарантирован-

ная оплата труда на основе тарифных ставок соответствующих категорий работников совхозов. В нем же рекомендовалось производить наряду с гарантированной оплатой труда за объем выполненных работ оплату труда колхозников за конечный результат.

Осуществление гарантированной оплаты труда в колхозном производстве сопровождалось экономическими мерами государства. Прежде всего, были повышены цены на важнейшие виды сельскохозяйственной продукции и снижены на средства производства, приобретаемые колхозами у государства. Поскольку для известной части хозяйств было экономически непосильным введение ежемесячной гарантированной оплаты труда, государство в порядке помощи таким хозяйствам ввело систему целевых кредитов на оплату труда. По мере роста колхозного производства необходимость в подобном кредитовании постепенно отпадала. Если в 1966 г. 60 колхозами Минской области было получено от Госбанка на гарантированную оплату труда 1537 руб. [3, л.112], то в 1967 г. – соответственно 81 колхозами 1 949 руб. [4, л. 75], в 1968 г. – 48 колхозами 989 тыс. руб. [5, л. 73]. К 1975 г. в Минской обл. не было ни одного колхоза, пользовавшегося кредитом на оплату труда колхозников, что явилось результатом успехов в развитии колхозного производства [6, л. 271].

Переход колхозов на гарантированную оплату труда и повышение уровня оплаты труда колхозников были осуществлены, главным образом, за счет возросших доходов колхозов, увеличения отчислений в фонд оплаты труда от

валового дохода, а также за счет полученных от государства кредитов на эти цели.

Повышение эффективности колхозного производства способствовало росту его товарности, которая приобрела исключительное значение, ибо только посредством роста товарной продукции растениеводства и животноводства, прежде всего на ограниченном рынке, можно было обеспечить соответствующий рост денежных поступлений, а следовательно, и формирование денежного фонда оплаты труда. Так, если за 6 лет, предшествовавших введению гарантированной оплаты труда (с 1960 по 1965 г.), денежные поступления в колхозах Минской обл. увеличились только на 83,9%, то за 6 последующих лет они возросли на 130,5%. Что касается денежного фонда оплаты труда, то ему характерен неуклонный рост. Если принять 1960 г. за отчетный, то в 1965 г. он увеличился на 92% [7, л. 33], а в 1975 г. – более чем на 170% [8, л. 25].

Весьма важно, что за анализируемый период абсолютно рос не только объем фонда распределения по труду и уровень оплаты человека-дня, но и то, что оплата труда колхозников с 1970 г. стала ежемесячной во всех колхозах Минской обл. [8, л. 35].

Переход к гарантированной оплате труда привел не только к абсолютному росту ее уровня, но и к структурным изменениям фонда оплаты труда: увеличению удельного веса денежной части и уменьшению натуральной. Если до введения гарантированной денежной оплаты труда доля денег в фонде оплаты труда находилась в пределах 70%, то, начиная с 1966 г. прослеживается резкое снижение доли натуральной оплаты. За период с 1966 по 1975 г. удельный вес натуральной оплаты уменьшился на 12,6% и в 1975 г. составил только 1,8% [7, л. 87], т. е., по существу, достиг своего необходимого минимума. Речь идет о том, что в условиях существования личного подсобного хозяйства колхозы были источником поступления кормов и фуража для скота, содержащегося в личном подсобном хозяйстве колхозников. Это означало, что нельзя было полностью ликвидировать натуральную оплату труда колхозников. Нужно было лишь перейти к товарной форме распределения грубых кормов и фуража. Во-первых, во многих хозяйствах наблюдался такой переход. Однако это не изменяло существа дела, так как не изменяло размеры фонда оплаты труда. А во-вторых, никто иной, как только колхоз, обеспечивал и в будущем личный скот колхозников пастбищами и кормами.

Применение гарантированной оплаты труда в значительной степени способствовало приближению, а затем и выравниванию уровня оплаты труда в колхозах и совхозах. В 1965 г.

в колхозах Минской обл. уровень оплаты одного человеко-дня составил 2,08 руб., или 86,3%, от совхозного (2,41 руб.) [8, л. 66], а к 1975 г. он сравнялся с совхозным уровнем и составил 3,60 руб. [9, л. 76].

Опыт колхозов по применению гарантированной оплаты труда колхозников убедительно показал ее огромное стимулирующее значение. В 1975 г. все колхозы БССР применяли прямую денежную оплату труда. Она упростила всю систему расчетов по оплате труда, облегчила экономическую работу в колхозах, а главное, позволила видеть и ощущать каждому колхознику свой реальный заработок.

Анализ работы колхозов Минской обл. за 1965–1975 гг. показывает, что с переходом их на гарантированную оплату труда значительно повысилась оценка одного человеко-дня всех категорий колхозников, а это имело исключительное значение в повышении материальной заинтересованности работников в развитии общественного хозяйства. Если принять 1965 г. за базисный, то темпы роста оплаты одного человеко-дня в колхозах Минской обл. по категориям работников будут следующими. У главных специалистов оплата одного человеко-дня возросла на 21,6; у бригадиров – на 50; у заведующих животноводческими фермами – на 67,8; у трактористов-машинистов – на 57,5; у шоферов – на 56,2%, у доярок – на 35,5; у свинаярей – на 65,8; у работников конно-ручных работ – на 63% [8, л. 166]. Таким образом, почти у всех категорий колхозников Минской обл. в 1975 г. уровень оплаты одного человеко-дня значительно превышал уровень оплаты одного человеко-дня тех же категорий работников в 1965 г. Аналогичная ситуация наблюдалась и во всех областях республики.

Нельзя не заметить, что абсолютно увеличилась дифференциация (при относительном ее уменьшении) в оплате труда квалифицированных и неквалифицированных колхозников, несмотря на то, что наблюдался самый высокий темп роста оплаты одного человеко-дня последних (68%). Так, в 1965–1966 гг. разница в оплате человеко-дня трактористов-машинистов и занятых на конно-ручных работах составляла 1 руб. 92 коп., в 1970 г. она уже равнялась 2 руб. 37 коп., а к 1975 г. – 2 руб. 84 коп., т. е. увеличилась на 46% [9, л. 79].

Ликвидация неоправданных различий в уровне оплаты человеко-дня колхозников оставалась важной проблемой. Однако это вовсе не означало необходимость уничтожения всякой ее дифференциации, поскольку ее наличие отражало требования закона распределения по труду и являлось материальным стимулом повышения квалификации.

Дополнительная оплата представляла собой материальное вознаграждение колхозников за высокопроизводительный труд. Необходимость такой оплаты была вызвана тем, что основная оплата труда не учитывала многих аспектов труда колхозников. Прежде всего, в основной оплате, рассчитанной на средние условия производства, недостаточно учитывалась срочность и трудность некоторых работ. При изменении же условий (например, природно-климатических) нормы выработки и расценки не обеспечивали равной оплаты за равный труд. А ведь известно, что сельскохозяйственное производство требует выполнения работ в оптимальные агротехнические сроки. Если удлинить их, то обесценятся результаты ранее затраченного труда. Отсюда вытекала необходимость стимулирования труда с помощью дополнительной оплаты.

Кроме того, основная оплата не учитывала дополнительно затраченного труда для получения сверхплановой и высококачественной продукции. Это происходило потому, что расценки основной оплаты были относительно стабильны и не увеличивались вместе с ростом выхода и повышения качества продукции.

В большинстве колхозов в расценках основной оплаты не учитывалось качество продукции и работ, которое положительно влияло на увеличение выхода продукции. Так, например, на весеннем севе основная оплата труда начислялась за гектары засеянной площади. Но качество могло быть разным, что, в конечном счете, сказывалось на урожайности.

Наконец, колхозники прилагали определенные усилия, добываясь снижения себестоимости производимой продукции. Но этот труд, как правило, не учитывался через основную оплату. Стало быть, за эти показатели необходимо было применять дополнительную оплату труда.

Формы дополнительной, как и основной, оплаты труда колхозников изменялись вместе с развитием производства. Когда основная оплата была низкой, дополнительная в какой-то мере помогала преодолеть ее недостатки. В экономически слабых колхозах она являлась едва ли не главным средством проведения работ, закрепления кадров. В условиях гарантированной оплаты труда дополнительная оплата связывала гарантированный заработок колхозников с конечными результатами производства.

Сложившиеся в исследуемый период формы дополнительной оплаты труда применялись в каждом колхозе в разных сочетаниях с учетом природно-климатических условий, уровнем развития экономики колхоза, размера основной оплаты труда и других конкретных условий. По своей структуре дополнительная оплата труда в колхозах республики была представлена сле-

дующим образом. Самый большой удельный вес в дополнительной оплате занимали расчеты за продукцию. За 1975 г. в колхозах республики они составили 16 070 руб., или 35,8%. Вторым по величине структурным элементом дополнительной оплаты являлась статья за перевыполнение плана производства сельскохозяйственной продукции, доля которой равнялась 6 648 тыс. руб. (14,8%). На третьем месте по величине, но не по значению, стояли выплаты колхозникам за качество работ, которые составляли 4 428 тыс. руб. (9,8%) [9, л. 112].

Самый меньший удельный вес занимали в дополнительной оплате выплаты за экономии прямых затрат – 332 тыс. руб., или 1,6%. Аналогичная структура и удельный вес элементов дополнительной оплаты был и в колхозах Минской обл. [10, л. 48].

В ряде колхозов применялась дополнительная оплата за своевременное и высококачественное проведение отдельных видов работ. Эти виды материального поощрения применялись там, где необходимо было улучшить качество выполняемых работ и сократить сроки их проведения путем усиления интенсивности труда и удлинения рабочего дня. Особенно важно было поощрять работы, которые из рядовых в обычных условиях превращались в очень срочные, если изменились условия, например, испортилась погода.

Дополнительную оплату труда за своевременное и высококачественное проведение работ иногда называли поощрением в процессе работы, так как поощрения выдавались сразу после выполнения работ. Сближение сроков выполнения работы и ее оплаты делали этот вид дополнительной оплаты особенно эффективным. В полеводстве такие формы дополнительной оплаты труда применялись на весеннем севе и на уборочных работах, когда требовалась наибольшая трудовая активность колхозников. Примером может служить опыт колхоза им. Фалько Дзержинского р-на Минской обл. Механизаторам этого колхоза, занятым на выращивании картофеля, выдавалась дополнительная оплата труда за прямолинейность рядков посадки, получение равномерных стыковых междурядий и обеспечение густоты посадки на 1 га не менее 50–55 тыс. кустов. Размер дополнительной оплаты составлял 20% к сдельному заработку на этих видах работ. Эта доплата выдавалась после выполнения всех междурядных обработок [9, л. 73].

Широкое распространение получило повышение оплаты труда на 50–60% в первые 10 дней уборки урожая комбайнерам и трактористам-колхозникам на конно-ручных работах – на 15–25% [9, л. 55].

Такого рода материальное поощрение являлось необходимостью, так как в сельском хозяйстве конечные результаты производства прямо и непосредственно зависели от качества и сроков выполнения работ. Сокращение сроков уборки зерновых непосредственно сказывалось на объеме собранного урожая. Известно, например, что при уборке через 20 дней после наступления полной зрелости терялось до 1/3 урожая. Еще следует заметить, что и государственные закупочные цены на некоторые виды сельскохозяйственной продукции изменялись от сроков ее поступления.

Дополнительная оплата за получение сверхплановой продукции выдавалась колхозникам и в растениеводстве. Например, в колхозе «Прямь камуны» Слуцкого р-на выдавалось по зерновым культурам до 20% от полученной сверхплановой продукции; по картофелю – до 15%; по корнеплодам – до 25%; по льну-долгунцу – до 15% полученной выручки за минусом стоимости покупных семян [8, л. 45]. Однако эффективность этого вида дополнительной оплаты труда зависела от реальности планирования. Если планы по урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности скота были составлены с учетом достигнутых показателей за предшествующие 3–5 лет в целом по хозяйству и по каждому подразделению, то такая форма поощрения являлась действенной и приносила положительный эффект, поскольку в усредненных данных нивелировалось действие природно-климатического фактора и учитывается среднегодовой темп прироста продукции за предшествующие годы. Положительным моментом данной формы стимулирования являлось и то, что она концентрировала внимание колхозников на выполнении и перевыполнении планов, а значит и общем увеличении продукции.

Имела место и дополнительная оплата за прирост продукции по сравнению с предшествующим периодом либо за превышение установленного уровня.

По мере внедрения внутрихозяйственного расчета в колхозах дополнительная оплата за прирост продукции в сравнении с предшествующим периодом все теснее связывалась с материальным стимулированием по результатам выполнения хозрасчетных заданий.

Такая система поощрений являлась эффективной, так как она опиралась на реальную основу, прямо и непосредственно стимулировала рост производительности труда. Недостатком этой системы следует признать то, что она ставила передовых колхозников в менее благоприятные условия, ибо прирост против всякого исходного уровня достигнуть сложнее.

Система дополнительной оплаты включала также единовременное премирование колхоз-

ников, отдельных звеньев, производственных бригад и ферм за лучшие достижения в социалистическом соревновании, рекорды в производстве и другие качественные показатели, усиливая тем самым коллективную заинтересованность работников.

Заключение. Таким образом, своеобразие колхозной собственности на средства производства и специфика сельскохозяйственного производства обусловили своеобразие форм и механизма оплаты труда в колхозах. Размер оплаты каждого колхозника зависел не столько от величины его трудового вклада в общественное хозяйство, сколько от объема созданного в хозяйстве валового дохода, природно-климатических условий и других факторов.

Однако, несмотря на существенное повышение за изучаемый период, заработная плата колхозников продолжала оставаться невысокой и по-прежнему значительно уступала зарплате рабочих и служащих.

Литература

1. Советская Белоруссия. – 1971. – 23 февр. – С. 1.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 13 т. / под ред. А. Г. Егорова [и др.]. – М.: Политиздат, 1983–1987. – Т. 12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1971–1975) / А. Г. Егоров [и др.]. – 574 с.
3. НАРБ. – Фонд 48. – Оп. 9. – Т. 3. – Д. 7486. Планы долгосрочного кредитования колхозов на 1966 год. – 169 л.
4. НАРБ. – Фонд 48. – Оп. 9. – Т. 3. – Д. 8014. Планы долгосрочного кредитования колхозов на 1967 год. – 104 л.
5. НАРБ. – Фонд 48. – Оп. 9. – Т. 3. – Д. 8487. Планы долгосрочного кредитования колхозов на 1968 год. – 104 л.
6. НАРБ. – Фонд 48. – Оп. 9. – Т. 3. – Д. 8997. Планы долгосрочного кредитования колхозов на 1969 год. – 62 л.
7. НАРБ. – Фонд 48. – Оп. 9. – Т. 3. – Д. 9427. Планы долгосрочного кредитования колхозов на 1970 год. – 57 л.
8. НАРБ. – Фонд 48. – Оп. 9. – Т. 3. – Д. 6504. Итоги хозяйственной и финансовой деятельности колхозов БССР за 1965–1968 гг. – 282 л.
9. НАРБ. – Фонд 48. – Оп. 14. – Т. 1. – Д. 1191. Сводные отчеты районных управлений Минской обл. по основной деятельности колхозов за 1975 год. – 311 л.
10. НАРБ. – Фонд 48. – Оп. 14. – Т. 2. – Д. 1192–1191. Сводные отчеты районных управлений Минской обл. по основной деятельности колхозов за 1975 год. – 234 л.

Поступила 02.04.2010

УДК 745/749(091)(476)«19»

Н. І. Наркевіч, асістэнт (БДТУ)

СТАНАЎЛЕННЕ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ШКОЛЫ Ў ДЭКАРАТЫЎНА-ПРЫКЛАДНЫМ МАСТАЦТВЕ БЕЛАРУСІ (1960-Я – СЯРЭДЗІНА 1970-Х ГГ.)

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці станаўлення нацыянальнай школы ў дэкаратыўна-прыкладным мастацтве Беларусі (1960-я – сярэдзіна 1970-х гг.), вызначаюцца цяжкасці адраджэння прафесійнага дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва, звязаныя з падрыхтоўкай кадраў і ўмацаваннем прамысловай базы. Адраджэнню і развіццю традыцыйных народных промыслаў спрыялі рэканструкцыя існуючых і пабудова новых прадпрыемстваў мастацкіх промыслаў, дзейнасць Беларускага мастацка-прамысловага саюза, мастацкіх арцелей. Аўтар акцэнтуюе ўвагу на асаблівасцях працэсу адраджэння беларускага габелена ў другой палове 1960-х гг., які звязаны з абагачэннем тэхналагічных прыёмаў, адкрыццём у 1964 г. кафедры мастацкіх тканін у Беларускім дзяржаўным тэатральна-мастацкім інстытуце.

The article covers the specific features of development of the national school in decorative and applied arts in Belarus during the period from 1960th to the middle of 1970th. The problems of revival of professional decorative and applied arts, related to appropriate professionals training and development of industrial basis, are considered.

The revival and development of traditional handicrafts were promoted by reconstruction of existing artistic craft workshops, establishment of new ones, activities of Belarusian Artistic Crafts Union and artistic cooperatives. The author pays special attention to the specific features of revival of Belarusian tapestry in the second half of 1960th, related to implementation of new artistic and plastic styles, sophistication of processing methods, and establishment of the Department of Artistic Textiles in the Belarusian State Theatrical and Artistic Institute in 1964.

Уводзіны. Новы этап эвалюцыі дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва Беларусі пачынаецца ў пасляваенныя часы, працэс адраджэння якога быў досыць неаднародны і супярэчлівы. Працэс станаўлення нацыянальнай школы ў дэкаратыўна-прыкладным мастацтве патрабуе ўсебаковага аналізу, і разглядаць яго трэба ў агульным кантэксце развіцця мастацкай культуры Беларусі.

Асноўная частка. Адраджэнне прафесійнага дэкаратыўнага мастацтва было складаным і патрабавала не толькі падрыхтаваных кадраў, але і добрай прамысловай базы. У той час прыкметна заявілі пра сябе народнае мастацтва і мастацкія промыслы, што тлумачыцца як большай жыццяздольнасцю і традыцыйнасцю іх, так і часовым стыхійным ажыўленнем народных рамёстваў і промыслаў, паколькі разбураная вайною прамысловасць яшчэ не магла даць народу ў дастатковай колькасці патрэбныя бытавыя і мастацкія рэчы. На выставах першага пасляваеннага дзесяцігоддзя былі прадстаўлены пераважна творы народных майстроў і самадзейных мастакоў [1, с. 41].

Аднавілі сваю дзейнасць Рэспубліканскі і абласныя дамы народнай творчасці. Дзеля адраджэння і развіцця традыцыйнага мастацтва наладжваліся выстаўкі, праводзіліся агляды і конкурсы народнай творчасці і мастацкай самадзейнасці. Асабліва прыкметнай і прадстаўнічай была рэспубліканская выстаўка народнага мастацтва, наладжаная Рэспублікан-

скім домам народнай творчасці да 30-годдзя БССР у Мінску ў 1949 г., а таксама выстаўка 1953 г. і шэраг інш.

Значнай з'явай у мастацкім жыцці рэспублікі стала выстаўка 1955 г. у Маскве ў дні Дэкады беларускага мастацтва і літаратуры. На ёй былі шырока прадстаўлены асноўныя віды беларускага народнага мастацтва: разьба, кераміка, ткацтва, вышыўка, вязанне, аплікацыя саломай. Дэманстраваліся тут і творы прафесійных мастакоў, вырабы прамысловых прадпрыемстваў Беларусі: шклозавода «Нёман», Мінскага фарфора-фаянсавага завода, Віцебскага дыванова-плюшавага камбіната, мастацкіх арцелей з Мінска, Магілёва, Верхнядзвінска і інш. [2]. Выстаўка надзвычай наглядна прайлюстравала працэсы і тэндэнцыі, характэрныя для дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва 1940–1959-х гг. Выставачныя работы перагружаліся арнаментам, з роскашшу апрацоўваліся. Яны нярэдка мелі чыста дэкаратыўнае прызначэнне, практычная роля іх зніжалася ці трацілася ўвогуле. Асноўная ўвага ўдзялялася знешняму арнаментальнаму вырашэнню, сюжэтным кампазіцыям, часта надуманым і пампезным, не ўвязаным з формаю вырабаў. Арганічная цэласнасць твораў пры гэтым гублялася.

Тэндэнцыя станкавізацыі, якая мела месца ў мастацтве Беларусі ў паслеваенныя часы, закранула традыцыйнае народнае мастацтва. Майстроў арыентавалі на выкананне сюжэтных кампазіцый, узбагачэнне формаў і дэкару вырабаў,

што часта прыводзіла да пампезнасці, дэкаратыўнай перагружанасці, эклектычнасці. Прапагандавалася зліццё адных формаў народнага мастацтва з прамысловасцю, другіх – з прафесійным і самадзейным мастацтвам. Гэтыя «крайнасці» атрымалі сваё тэарэтычнае абгрунтаванне: народнаму мастацтву як мастацтву мінулага ў сваім традыцыйным выглядзе няма месца ў эпоху навукова-тэхнічнай рэвалюцыі. Да таго ж прамысловасць у асноўным задаволіла патрэбы насельніцтва ў вырабах бытавога і ўтылітарна-мастацкага прызначэння. Традыцыйнае народнае мастацтва, асабліва тэа і яго віды, якія бытавалі ў выглядзе «стыхійных» промыслаў, сталі прыкметна занепадаць, што было выклікана неспрыяльнай фінансавай палітыкай з боку дзяржавы ў адносінах да майстроў-саматужнікаў. Да канца 50-х г. XX ст. спынілі сваё існаванне промыслы мастацкага роспісу па дрэве і тканіне, амаль заняпала ганчарства, прыкметна зменшыліся маштабы ткацтва і іншых, яшчэ нядаўна пашыраных рамёстваў.

У той жа час працягваюць сваю дзейнасць мастацкія арцелі, што ажыццяўлялі дзяржаўную палітыку «арганізаванага» развіцця народнага мастацтва і на прадукцыю якіх быў устойлівы попыт на ўнутраным і знешнім рынках. У першыя ж пасляваенныя гады аднавіў сваю дзейнасць Беларускі мастацка-прамысловы саюз, былі адроджаны ранейшыя і створаны шэраг новых арцелей. У сярэдзіне 50-х гг. XX ст. у Беларусі дзейнічала 21 мастацкая арцель, дзе працавалі амаль 5 тыс. майстроў. Асартымент вырабаў быў досыць шырокі: мужчынскія кашулі па беларускіх і ўкраінскіх матывах, вышываныя сукенкі, блузкі, настольнікі, хусцінкі, тканыя поцілкі, дываны, мужчынскія паясы і гальштукі, вязаныя рэчы, цацкі з дрэва, шкла, пап'е-машэ, дэкаратыўныя кветкі, галантарэйныя вырабы з роспісам у тэхніцы батыку і шаўкаграфіі, ганчарны мастацкі посуд, тачэнне з бярозы-чачоткі і інш. [3, с. 70]. Як відаць, пераважала ткацка-вышываная прадукцыя, і недарэмна ў тагачасным друку ставілася пытанне пра развіццё іншых відаў традыцыйных народных промыслаў мастацкага характару: разьбы і інкрустацыі па дрэве, роспісу, карункапляцення і інш. [4].

Да канца 50-х гг. XX ст. сітуацыя крыху змянілася. Ствараюцца новыя арцелі мастацкага плана, якія развіваюць мясцовыя традыцыі не толькі ткацка-вышывальных, але і іншых рамёстваў мастацкага напрамку. У Івянцы (Валожынскі р-н) пры арцелі імя Ф. Дзяржынскага арганізоўваецца цэх мастацкай керамікі, у Жлобіне – цэх мастацкай аплікацыі саломы па дрэве. У канцы 50-х гг. XX ст. у

сістэме Беларускага мастацка-прамысловага саюза налічвалася 24 арцелі, у якіх працавалі 6 тыс. майстроў [1, с. 43]. У 1956 г. іх вырабы экспанаваліся на 17 міжнародных выстаўках [3, с. 71].

Істотныя змены адбываюцца ў дэкаратыўна-прыкладным мастацтве Беларусі ў 60-я г. XX ст. Развіццё тыпавага праектавання, індустрыялізацыя масавага будаўніцтва з прымяненнем уніфікаваных зборных элементаў і, як вынік, ліквідацыя празмернасцей у горадабудаўніцтве і архітэктуры выклікалі новыя тэндэнцыі і ў дэкаратыўна-прыкладным мастацтве. Барацьба супраць параднасці, састарэлых і нежыццёвых форм адыграла значную ролю ў аднаўленні і развіцці мастацкай прамысловасці, пашырыла і зацвердзіла жыццёва важнае значэнне дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва. На парадак дня ставілася задача зрабіць яго па-сапраўднаму масавым і запатрабаваным.

Актуальныя пытанні становішча дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва разглядаліся на V і VI з'ездах мастакоў Беларусі (1960, 1962), на якіх уздымаліся і вельмі важныя праблемы ўключэння яго ў шырокі ўжытак. Адзначалася вострае становішча з падрыхтоўкай кадраў прафесійных мастакоў-прыкладнікоў, выказвалася неабходнасць надаваць больш увагі развіццю дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва, якое па-сапраўднаму павінна несці прыгожае ў побыт.

Ужо ў хуткім часе гэтыя задачы набылі практычнае ўвасабленне. У 1961 г. у Беларускім дзяржаўным тэатральна-мастацкім інстытуце было адкрыта аддзяленне дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва, якое пачало рыхтаваць айчынных спецыялістаў. У Саюзе мастакоў Беларусі была створана секцыя дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва, што падзярджала яго важнасць. Значна пашырылася і палепшылася яго вытворчая база: былі рэарганізаваны вытворчыя цэхі Мастацкага фонду БССР, пачаў сваю работу мастацка-вытворчы камбінат у Барысаве (1961), наладзіў выпуск прадукцыі Брэсцкі дывановы камбінат (1963), павялічыў магутнасці шклозавод «Нёман» (Бярозаўка Лідскага р-на), Барысаўскі крышталёвы завод, Аршанскі льнокамбінат і інш. [1, с. 44]. Усё разам адкрывала новыя перспектывы ў развіцці розных відаў дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва, асваенні новых тэхнік і матэрыялаў.

Адбываюцца змены і ў вобразна-пластычным ладзе работ. Адмаўленне ад празмернасці і пампезнасці, характэрных для твораў ранейшага перыяду, выклікала развіццё іншай, у многім нават процілеглай тэндэнцыі – імкнення да аб'гельненасці форм і вобразаў, іх большай напру-

жанасці і дынамічнасці. Асноўнымі прынцыпамі дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва становяцца ўтылітарна-канструктыўная мэтазгоднасць, а разам з гэтым – строгасць, часам нават залішняя, прастата і лаканізм форм, геаметрызацыя выяўлення, схематызацыя, асіметрычнае размяшчэнне ўзору на плоскасці. У формах керамічных і шкляных вырабаў падкрэсліваюцца нахільныя лініі, касыя зрэзы форм. Такі напрамак атрымаў назву «дыяганальнага стылю» [1, с. 44].

Гэтыя тэндэнцыі ярка адлюстравала ўсерасійская выстаўка «Мастацтва ў побыт» 1960 г., якая дэманстравала толькі творы, разлічаныя на масавую вытворчасць і выкарыстанне ў штодзённым побыце. Яна засведчыла абнаўленне і развіццё мастацкай прамысловасці, зацвердзіла значэнне дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва ў грамадстве. Гэта быў своеасаблівы пратэст супраць састарэлых, нежыццёвых форм, параднасці і ўпрыгажэнства, характэрных для ранейшага перыяду. Аднак сярод сапраўды сучасных і па-мастацку выразных твораў было шмат занадта лаканічных, знарочыста «модных», нібыта адпаведных «сучаснаму стылю», а на самай справе аднастайных і стандартных. Выстаўка, якая зрабіла ўплыў і на творчасць беларускіх мастакоў, якраз і выявіла гэтыя найбольш характэрныя супярэчнасці і крайнасці ў дэкаратыўна-прыкладным мастацтве пачатку 60-х гг. XX ст.

У выніку ўжо ў сярэдзіне 60-х гг. XX ст. такі празмерны лаканізм стаў саступаць месца разнастайнасці і смеласці дэкаратыўных рашэнняў, адлюстраванню жывой рэчаіснасці, творчаму засваенню нацыянальных традыцый, багаццю форм і каларыстыкі, разнастайнасці дэкару. Акрамя стварэння вырабаў утылітарна-мастацкага прызначэння для масавай вытворчасці мастакі актыўна звяртаюцца да індывідуальных творчых вырашэнняў, ствараюць чыста станковыя творы выставачнага характару. Дэкаратыўна-прыкладнае мастацтва ў многіх выпадках вызваляецца ад чыста прыкладных функцый, займае раўнапраўнае месца сярод прасторавых і пластычных відаў мастацтва.

З пачатку 60-х гг. XX ст. наступае новы этап у дзейнасці мастацкіх промыслаў, арганізаваных на дзяржаўнай аснове. У сувязі з ліквідацыяй прамысловай кааперацыі (1960) мяняецца іх вытворча-эканамічная аснова. Частка арцелей (галоўным чынам ганчарных) закрылася, іншыя былі пераўтвораны ў фабрыкі мастацкіх вырабаў і перададзены Галоўнаму ўпраўленню бытавога абслугоўвання, а ў 1965 г. – Міністэрству мясцовай прамысловасці. Як галіна вытворчасці мастацкіх промыслаў афіцыйна ўзаконены ў 1967 г. спецыяльнымі ўказами

Дзяржплана, дзе вызначаліся іх класіфікацыя, планаванне і ўлік вытворчасці. Да прадукцыі народных мастацкіх промыслаў адносіліся вырабы мастацкага і ўтылітарна-дэкаратыўнага прызначэння, выкананыя ў традыцыйных беларускага народнага мастацтва ўручную ці з прымяненнем механізацыі, якая б не зніжала іх мастацкіх вартасцей.

Рэканструкцыя ранейшых і будаўніцтва новых прадпрыемстваў мастацкіх промыслаў дазволілі не толькі значна пашырыць памеры промыслаў, але і ахапіць практычна ўсю тэрыторыю Беларусі. Для работы на іх, у тым ліку і ў якасці надомнікаў, запрашаліся майстры з бліжэйшага наваколля: ткачы, вышывальшчыцы, ганчары, разьбяры, пляцельшчыкі, майстры мастацкага роспісу і інш. Скіраванасць на адраджэнне рэдкіх і забытых рамёстваў садзейнічала выяўленню таленавітых майстроў, якія маглі б наладзіць дзейнасць таго ці іншага традыцыйнага промыслу. Менавіта ў 60-я гг. XX ст. на прадпрыемствах мастацкіх промыслаў (іх налічвалася больш за 20) было адраджана саломпяцэнне (Брэст, Магілёў, Хойнікі, Чачэрск), лозапляценне (Гродна, Гомель, Мазыр, Слуцк), ткацтва і вышыўка (Верхнядзвінск, Івянец, Пінск, Гродна, Слуцк, Орша, Магілёў), зарадзіўся новы промысел па пляценні з ільновалакна ў Маладзечне, шырокую папулярнасць набыла івянецкая кераміка, жлобінская інкрустацыя саломы па дрэве, неглюбскае і мотальскае ткацтва і інш. Прадукцыя беларускіх мастацкіх промыслаў была вядома не толькі ў краіне, але і за яе межамі, экспанавалася на многіх выстаўках, трапіла ў экспазіцыі музеяў.

Другая палова 1960-х гг. стала часам адраджэння беларускага габелена. Гэта мастацтва стала прыцягальным не толькі для прыкладнікоў, але і для жывапісцаў, мастакоў манументальнага жанру. Першыя крокі ў адраджэнні беларускага габелена былі зроблены народнымі майстрамі-ткачамі і мастакамі дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва яшчэ ў 50-я гг. XX ст. У габеленах 50 – пачатку 60-х гг. XX ст. шмат было ад старых беларускіх шпалер. Яны нагадвалі тканяныя карціны, «тканы жывапіс». Тагачасныя габелены выконваліся па эскізах мастакоў-жывапісцаў і графікаў, якія не заўсёды ўлічвалі спецыфіку габелена і зусім не лічыліся з канкрэтным інтэр'ерам. Габелены ткаліся ў асноўным да юбілеяў, свят і г. д. Аднак нельга не адзначыць шмат каштоўнага ў гэтых работах, асабліва ў тэхніцы выканання, дзе выкарыстоўвалася ў асноўным тэхніка гладкага народнага беларускага пераборнага ткацтва.

Канец 60-х – пачатак 70-х гг. XX ст. для беларускага габелена – асабліва плённы перыяд.

Зараз ён набывае дэкаратыўны характар, вырацоўвае ўласную мастацкую мову і адметныя мастацкія сродкі, спалучаецца з іншымі відамі дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва ў аздабленні інтэр'ера грамадскіх памяшканняў, якія ўжо ўзводзяцца з улікам будучага аздаблення. За кароткі час распрацоўваецца прынцыпова новы тып манументальна-дэкаратыўнага габелена, здольнага не толькі несці сэнсавы дэкаратыўны акцэнт у інтэр'еры, але і вырашаць значныя грамадскія тэмы. Габелен мае невычарпальныя магчымасці для праяўлення здольнасцей мастакоў. Абапіраючыся на сродкі і прыёмы жывапісу, яны асвойваюць новую мастацкую і пластычную мову, эксперыментуюць з фактурай тканіны, узбагачаюць тэхналогію. Гэтыя пошукі ішлі ў рэчышчы дасягненняў тагачаснага савецкага і еўрапейскага габелена, але за адносна кароткі час беларускія мастакі змаглі надаць сваім творам нацыянальную адметнасць. Паспрыяла гэтаму і вырашэнне праблемы з падрыхтоўкай уласных кадраў – адкрыццё кафедры мастацкіх тканін у Беларускай дзяржаўнай тэатральна-мастацкай інстытуце (1964).

У пачатку 70-х гг. XX ст. у Барысаве пачаў працу габеленавы цэх камбіната прыкладнога мастацтва, што вырашыла праблему ўласнай вытворчай базы. Майстры сталі выконваць самыя складаныя работы па тэхнічным увасабленні эскізаў і кардонаў мастакоў, не дапускаючы адхілення ад аўтарскай задумкі. Не захапляючы характэрным для прыбалтыйскага габелена рэльефным фактурным перапляценнем, яны працуюць у гладкай класічнай манеры, якая дакладна перадае найтанчэйшыя асаблівасці створанага мастаком кардона.

Калі ішлі першыя спрэчкі, якім павінен быць беларускі габелен, – ці змяшчаць у сабе элементы станкавай карціны, ці быць каляровай плямай на сцяне, ці несці сэнсавы акцэнт у грамадскім інтэр'еры, на мастацкіх выстаўках, з'явіліся творы А. Бельцюковай, Л. Сіваковай, Т. Чуглавай і інш. У гэтых работах праявіліся сур'ёзныя адносіны мастакоў да мастацтва габелена.

Пачынальнікамі сучаснага беларускага габелена з'явіліся некалькі майстроў, але разам з А. Бельцюковай, Л. Сіваковай, Г. Гаркуновым трэба прызнаць вядучую ролю А. Кішчанкі. Ён вядомы як шматпланавы мастак, які паспяхова працуе ў галіне станкавай тэматычнай карціны, партрэта, манументальнага мастацтва, як аўтар вялікіх мазаічных твораў. Магчымасці габелена вельмі вабяць мастака як манументаліста. А. Кішчанка шмат працуе ў пошуках новых яскравых сродкаў, добра ведае і аддае належнае

французскім габеленам XIV–XV стст., дыванам народаў Сярэдняй Азіі, беларускаму ткацтву. У рабоце над сучасным габеленам ён выступае паслядоўнікам рэфарматара новага габелена геніяльнага французскага мастака Жана Люрса [6, с. 106]. Пачаўшы распрацоўваць першыя габелены, А. Кішчанка арыентаваўся на размяшчэнне яго ў канкрэтным архітэктурным асяроддзі. Мастак лічыць, што габелен павінен мець ярка выражаны манументальны характар. Для вырашэння гэтай задачы ён выкарыстаў багаты арсенал дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва, гарманічна вылучаючы ў сваіх кампазіцыях чалавека-творцы.

Цікавай з'явай у мастацтве стаў манументальны габелен «Музыка» для Мінскага музычнага вучылішча імя М. Глінкі, выкананы А. Кішчанкам у 1975 г. [7, с. 78]. Аўтар раскрыў перад намі шырокі і разнастайны свет музыкі. У работах, такіх, як «Чалавек, які пазнае свет» (А. Кішчанка, А. Бельцюкова, Г. Гаркуноў, 1971 г.), «Спадчына» (1976), «Раніца. Абуджэнне» (А. Кішчанка, А. Бельцюкова, 1972), ёсць канкрэтная тэма, і ў той жа час яны вельмі ўмоўныя і дэкаратыўныя.

Плённая творчасць вядучых майстроў габелена паспрыяла яго хуткаму развіццю і пашырэнню. Інтэнсіўнае будаўніцтва памяшканняў грамадскага прызначэння ва ўсіх кутках рэспублікі выклікала шырокую патрэбу ў такіх творах, не абыходзілася без іх ніводная мастацкая выстаўка. Таму ў хуткім часе гэты від дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва стаў папулярным у моладзі, перш за ўсё выпускнікоў Беларускага дзяржаўнага тэатральна-мастацкага інстытута. Абапіраючыся на вопыт старэйшых майстроў габелена, дасягненні гэтага віду мастацтва ў суседзяў, яны змаглі выпрацаваць уласны напрамак, стылістыку, манеру.

Неабходна адзначыць, што габелены гэтага часу, маючы высокі мастацкі і тэхнічны ўзровень, яшчэ не зусім адпавядаюць паказчыкам нацыянальнага беларускага мастацтва [5, с. 179]. Гэта вызначаецца ў тэматыцы, вобразных вырашэннях і кампазіцыйных прыёмах. Творы ў асноўным інтэрнацыянальныя па сваёй мастацкай спецыфіцы. Гаварыць пра развіццё нацыянальнага манументальна-дэкаратыўнага сюжэтна-тэматычнага габелена, які павінен быць арганізаваны прасторавае асяроддзе, ствараць актыўны сэнсавы акцэнт у грамадскім інтэр'еры, вырашаць тэмы значнага грамадзянскага гучання, стала магчымым ў 80-я гг. XX ст. [1, с. 187].

Заклучэнне. Перыяд 1960-х–1970-х гг. для беларускага дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва стаў часам фармавання нацыянальнай шко-

лы. У гэтыя гады асабліва інтэнсіўна ідзе працэс абагачэння беларускага дэкаратыўнага мастацтва дасягненнямі іншых мастацкіх школ, што адыграла значную ролю ў павышэнні прафесіяналізму мастакоў рэспублікі. Названыя з’явы адлюстраваліся ў развіцці мастацкага шкла і керамікі, былі адметнымі ў справе адраджэння мастацтва габелена на Беларусі.

Абапіраючыся на традыцыі, трывалыя творчыя сувязі беларускага дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва з мастацтвам рэспублік СССР, майстры зрабілі наступны крок на шляху развіцця нацыянальнай школы ў яе самастойных і арыгінальных формах, павышэння прафесійнага ўзроўню.

Літаратура

1. Беларусы. У 10 т. Т. 8: Дэкаратыўна-прыкладнае мастацтва / Я. М. Сахута. – Мінск: Бел. навука, 2005. – 351 с.

2. Народнае і прыкладнае мастацтва Савецкай Беларусі: альбом / М. С. Кацар. – Мінск: Дзяржвыд. БССР, 1958. – 60 с.

3. Лабачэўская, В. Зберагаючы самабытнасць / В. Лабачэўская // Мастацтва Беларусі. – 1988. – № 6. – С. 68–71.

4. Палеес, А. Чаму занябаны мастацкія промыслы? / А. Палеес // Літаратура і мастацтва. – 1951. – № 14. – С. 3.

5. Жук, В. И. Декоративно-прикладное искусство Беларуси XVIII–XX вв.: становление и тенденции развития / В. И. Жук. – Минск: Бел. наука, 2006. – 319 с.

6. Трызна, Д. С. Беларускія дываны і габелены / Д. С. Трызна. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – 27 с.

7. Трызна, Д. С. Сучасны беларускі габелен / Д. С. Трызна // Выяўленчае мастацтва Беларусі. – Мінск: Беларусь, 1981. – С. 77–84.

Паступіў 02.04. 2010

УДК 377(476)«1976–1985»

Н. М. Якуш, дацэнт (БДТУ)

ПАЛІТЭХНІЗАЦЫЯ АГУЛЬНААДУКАЦЫЙНАЙ ШКОЛЫ БЕЛАРУСІ І ПРАЦОЎНАЕ ВЫХАВАННЕ ВУЧНЁЎСКАЙ МОЛАДЗІ Ў 1976–1985 ГГ.

У артыкуле аналізуецца сістэма прафесійнай арыентацыі школьнікаў на пэўны род працоўнай дзейнасці, развіцця іх дапрафесійнай і прафесійнай падрыхтоўкі ў сельскай агульнаадукацыйнай школе, стварэння міжшкольных вучэбна-вытворчых камбінатаў.

The article examines the processes of adaptation of agricultural vocational education in accordance with the level of mechanization in agriculture and the problem of development of integrated and continuing education, taking into consideration the pre-vocational and vocational education of agricultural machinery operators in rural general schools.

In this respect, improvement of material and technical facilities of secondary schools, vocational guidance system, forms and methods of labor education for school pupils are investigated.

Уводзіны. У перыяд 1976–1985 гг. партыйным і савецкім кіраўніцтвам Беларускай ССР надавалася вялікая ўвага і прымаліся значныя захады па стварэнню і ўдасканаченню сістэмы падрыхтоўкі кадраў масавых прафесій для калгасна-саўгаснай вытворчасці і іх замацаванню на вёсцы. У гэтым накірунку можна вылучыць цэлы комплекс мер, звязаных з прывядзеннем зместу прафесійна-тэхнічнай адукацыі працаўнікоў вёскі ў адпаведнасць узроўню механізацыі сельскагаспадарчай вытворчасці, пашырэнню сеткі сярэдніх сельскіх прафтэхвучылішч і іх філіялаў у гаспадарках, уцягванню працаўнікоў у кружкі агразаатэхнічнага ўсеагульнага навучання, удасканаленню курсавой падрыхтоўкі калгаснікаў і саўгаснікаў у навучальных цэнтрах Дзяржкамсельхазтэхнікі БССР. Комплексны падыход да праблемы адзінага і непарыўнага працэса навучання працаўнікоў вёскі стаяваў на развіцці дапрафесійнай і прафесійнай падрыхтоўкі механізатараў у сельскай агульнаадукацыйнай школе.

Асноўная частка. XXVIII (1976 г.) і XXIX (1981 г.) з'езды КПБ, XVII Пленум ЦК Кампартыі Беларусі (1985 г.) паставілі перад партыйнымі камітэтамі рэспублікі, партарганізацыямі школ, прадпрыемстваў і гаспадарак задачу працоўнага выхавання моладзі шляхам аб'яднання намаганняў навучальных устаноў, працоўных калектываў, грамадскаці і сям'і. Прычым гэта задача разглядалася як з пазіцыі інтарэсаў развіцця вытворчасці, так і станаўлення асобы, фармавання светапогляду і актыўнай пазіцыі моладзі [1].

Выкананне рашэнняў з'ездаў і пленумаў ЦК КПБ спрыяла стварэнню ў рэспубліцы цэласнай сістэмы прафесійнай арыентацыі школьнікаў на пэўны род працоўнай дзейнасці, пераўтварэнню гэтай сістэмы ў арганічную частку ўсяго вучэбна-выхаваўчага працэсу, паглыбленню палітэхнізацыі агульнаадукацыйнай школы. Працоўныя і палітэхнічныя асновы сельскай агульнаадукацыйнай школы Беларусі былі закладзены ў 1971–1975 гг., калі ва ўмовах пераходу да ўсеагульнай сярэдняй адукацыі на вёсцы была ажыццёўлена праграма

будаўніцтва новых школьных будынкаў, умацавання матэрыяльна-тэхнічнай базы і пераабсталявання класаў, кабінетаў з улікам карэннай перабудовы працоўнага навучання школьнікаў IX–X класаў. У гэтыя ж гады пачаўся першы этап пераходу школ на новыя праграмы, якія адлюстроўвалі асноўныя тэндэнцыі развіцця сучаснай навукі, павялічвалі ўдзельную вагу лабараторных і практычных заняткаў, экскурсій. Школы займаліся перабудовай навучання так, каб іх выхаванцы атрымлівалі веды навуковых асноў вытворчасці, разумелі яго галоўныя прынцыпы.

Надалей паўставала задача павышэння эфектыўнасці працоўнага навучання і прафарыентацыі праз умацаванне шэфскіх сувязей і пастаянных кантактаў працоўных калектываў гаспадарак, сельскіх ПТВ са школамі дзеля ўмацавання іх тэхнічнай базы, удасканалення навучальнага працэсу, стварэння сеткі стаяцярных лагераў працы і адпачынку. Былі створаны абласныя міжведамасныя саветы па прафарыентацыі моладзі, якая вучыцца, раённыя камісіі прафесійнай арыентацыі навучэнцаў і садзейнічання працаўладкаванню выпускнікоў сярэдніх школ, арганізаваны вучэбна-метадычныя кабінеты ў школах па арыентаванню школьнікаў на прафесіі сельскагаспадарчага профілю.

Плэнна і паказальна дзейнічалі ў гэтым накірунку партыйнагаспадарчы актыў, кіраўнікі калгасаў, саўгасаў і школ Шаркаўшчынскага раёна. Кожная сярэдняя і васьмігадовая школа заключыла канкрэтныя дагаворы-мерапрыемствы аб садружнасці са сваімі шэфамі пры рашэнні задач паляпшэння працоўнай падрыхтоўкі школьнікаў. Большасць калгасаў і саўгасаў стала сумесна са школамі клапаціцца аб забеспячэнні школьных майстэрняў сельскагаспадарчай тэхнікай, прыладамі і прыстасаваннем. У раёне ішло сацыялістычнае спаборніцтва сярод сельскіх Саветаў, прадпрыемстваў, калгасаў і саўгасаў за стварэнне трывалай матэрыяльнай базы школ і лепшых умоў для паспяховага навучання і выхавання. За 1978–1980-я гг. гаспадаркі і прадпрыемствы раёна інцыятыўным

спосабам пабудавалі 6 школьных будынкаў і інтэрнатаў, 4 майстэрні, 7 жылых дамоў для настаўнікаў, абсталявалі ў большасці школ плёначныя парнікі, кабінеты па працы для I–III класаў, сталярныя і слясарныя майстэрні, кабінеты прафесійнай арыентацыі па асновах сельскагаспадарчай тэхнікі для IV–VIII класаў [2].

Актыўную працу па забеспячэнню ўдзелу грамадскасці і прадпрыемстваў у стварэнні трывалай базы працоўнага навучання школьнікаў правялі ў Мастоўскім раёне. Калгасы, саўгасы, прамысловыя прадпрыемствы аказалі школам дапамогу на сумму больш за 50 тыс. руб., прынялі ўдзел у абсталяванні кабінетаў працы, пашырэнні плошчаў прышкольных вучэбна-випытных участкаў, будаўніцтве цяпліц, арганізацыі трусаводчаскіх ферм. Вынікі працы раёна сталі падставой для распрацоўкі Гродзенскім абласным камітэтам партыі комплекснай праграмы працоўнай падрыхтоўкі школьнікаў ва ўмовах усеагульнай сярэдняй адукацыі [3].

Сумесная праца гаспадарак і школ па развіццю матэрыяльна-тэхнічнай базы дазваляла ў шэрагу выпадкаў арганізаваць паглыбленае працоўнае навучанне сельскіх школьнікаў. Напрыклад, у Беражноўскай СШ Столінскага раёна калгас абсталяваў кабінет для тэарэтычных заняткаў па трактарах, майстэрні для выканання практычных і мантажна-дэмантажных работ, гарадок па правілах дарожнага руху, трактарадром, пабудоваў гараж на 7 адзінак тэхнікі, памывачную ўстаноўку, перадаў школе 2 трактары Т-74, 3 – МТЗ-50. Гэта і дало млычымасць наладзіць працоўнае навучанне школьнікаў Беражноўскай школы па наступных накірунках: у кабінете-лабараторыі праходзяць урокі працы пачатковых класаў; хлопчыкі IV–VIII класаў займаюцца тэхнічнай і сельскагаспадарчай працай, а дзяўчынкі – сельскагаспадарчай і абслугоўваючай; вучні IX–X класаў вывучаюць трактары, тэхналогію механізаваных работ і асновы агра-тэхнікі палявых культур [4].

Галоўным накірункам дзейнасці па ўдасканаленню працоўнай падрыхтоўкі і выхаванню сельскіх школьнікаў стала стварэнне міжшкольных вучэбна-вытворчых камітэтаў (ВВК), з выкарыстаннем у гэтых мэтах пунктаў і базы прадпрыемстваў Белсельгастэхнікі, стварэннем калгасамі, саўгасамі, станцыямі тэхнічнага абслугоўвання ў гэтых камбінатах цэхаў, участкаў, кабінетаў і лабараторый у якасці сваіх структурных падраздзяленняў. Менавіта прадпрыемствы і гаспадаркі забяспечвалі камбінаты неабходнымі для працы і навучання тэхнікай, гаруча-змазачнымі матэрыяламі, камплектуючымі вырабамі.

Непасрэднае кіраўніцтва стварэннем у сельскай мясцовасці сеткі міжшкольных вучэбных камбінатаў і ўдасканаленнем іх працы ўзялі на сябе райкамы партыі. Па іх заданнях Саветы народных дэпутатаў вызначалі профілі кожнага

камбіната з улікам запатрабаванняў раёнаў у кадрах масавых сельскагаспадарчых прафесій і магчымасцямі працаўладкавання выпускнікоў. Для каардынацыі намаганняў розных арганізацый пры райкамах партыі ствараліся штабы на чале з сакратарамі РК КПБ. Актыўна працавалі ў гэтым плане Іванаўскі, Рагачоўскі, Нясвіжскі і іншыя раённыя камітэты КПБ.

У ліку лепшых міжшкольных ВВК рэспублікі стаў Сноўскі. Калі ў 1976 г. падрыхтоўка старшакласнікаў у ім вялася па 4 прафесіях, то ў 1979–1980-я гг. – ужо па 14. Адпаведна профілям навучання камбінат меў 12 кабінетаў, цэхаў і майстэрней, якія былі забяспечаны навейшымі па часе ўстаноўкамі, прыборамі, інструментамі, новымі маркамі трактараў, камбайнаў, сельгасмашын. Ужо першы выпуск паказаў высокую эфектыўнасць працоўнага навучання ў гэтым камбінаце. У 1977/1978 навучальным годзе 316 вучняў IX–X класаў раёна атрымалі на Сноўскім камбінаце прафесіі трактарыста, швей-матарысткі, аператара машыннага даення, слесара-рамонтніка сельгастэхнікі. З іх пайшлі працаваць па атрыманых спецыяльнасцях 143 чалавекі, паступілі ў тэхнікумы – 34, вузы – 26, працягнулі прафесійную адукацыю ў СПТВ, ГПТВ – 113 [5]. Трэба пазначыць, што Сноўская СШ, Сноўскі міжшкольны вытворчы камбінат і сацыяльна-культурная база калгаса імя Калініна Нясвіжскага раёна ўяўлялі сабою адзіны вучэбна-вытворчы комплекс, які функцыянаваў як цэласная сістэма сродкаў і метадаў выхавання падрастаючага пакалення, выступаў новай формай узаемадзеяння сяла і школы.

Міжшкольныя сельскія вучэбна-вытворчыя камбінаты атрымалі ў Беларускай ССР шырокае распаўсюджванне і сталі асноўнай формай працоўнага навучання старшакласнікаў у 1970–1980-я гг. Сапраўднымі цэнтрамі практычнай і псіхалагічнай падрыхтоўкі вучняў да працы і свядомага выбару прафесіі былі Гадзілавіцкі ВВК Рагачоўскага, Тучанскі – Клецкага, Роскі – Ваўкавыскага, Суткоўскі – Лоеўскага раёнаў [6].

У цэлым стварэнне сельскіх міжшкольных камбінатаў на Беларусі ва ўмовах, калі вясковае школы становіліся малалікавымі і ў іх амаль не было паралельных старэйшых класаў, мела вялікае значэнне для далейшай палітэхнізацыі навучальнага працэсу. Па-першае, сельскія міжшкольныя ВВК дазвалялі эканамічна выгадна і педагагічна мэтазгодна сканцэнтраваць у адным месцы адпаведную тагачасным тэхнічным патрабаванням базу: кабінеты для тэарэтычных заняткаў, лабараторыі і майстэрні – для практычных. Па-другое, ва ўмовах такіх камбінатаў з'явілася магчымасць рацыянальна выкарыстаць патэнцыял лепшых выкладчыцкіх кадраў, і па-трэцяе, у іх былі прадстаўлены больш шырокія, чым у школе,

магчымасці азнаямлення вучняў з навуковымі асновамі сельскагаспадарчай вытворчасці і яе эканомікай, бо многія камбінаты мелі добра наладжаную сувязь навучання з самым перадавым сельскагаспадарчым вопытам рэспублікі.

Між тым у аналізуемы перыяд большасць сельскіх міжшкольных камбінатаў дэманстравала і многа недахопаў перыяду свайго станаўлення: памяшканні, дрэнна прыстасаваныя да арганізацыі вучэбнага працэсу; навучанне на спісаных аўтамабілях і трактарах старых марак, якія не даюць магчымасці выканаць усю праграму падрыхтоўкі ваджэння; частыя зрывы графікаў прывозу ў камбінат на заняткі вучняў з аддаленых вёсак; недастатковая забяспечанасць неабходнай вучэбна-метадычнай літаратурай. Гэтыя і другія недахопы зніжалі каэфіцыент прафарыентацыйнай аддачы сельскіх ВВК. Так, з выпускнікоў, якія ў 1970–1980-я гг. уключаліся ў сельскагаспадарчую вытворчасць, па спецыяльнасцях, атрыманых у міжшкольных камбінатах, працавалі ад 30% да 40% [7].

Адным з накірункаў працоўнага выхавання школьнікаў і іх арыентацыі на сельскагаспадарчы прафесіі было ўдасканаленне самога працэсу працоўнай падрыхтоўкі вучняў праз узмацненне практычнай скіраванасці працоўнага навучання і яго сувязі з вытворчым працэсам. Працоўнае навучанне стала праводзіцца ў выглядзе практыкумаў, звязаных з правядзеннем работ і вырошчваннем раслін, неабходных для школы, калгасаў, саўгасаў. У сваіх арганізацыйных формах прадукцыйная праца школьнікаў выступала як вытворчая практыка на прышкольных участках і школьных майстэрнях, часовае ўдзельніцтва вучняў на працу ў мясцовых гаспадарках у час канікул, вытворчасць прадукцыі ў міжшкольных камбінатах. Але асноўным каналам уключэння школьнікаў у грамадска карысную працу былі вучнёўскія вытворчыя брыгады і звенні, школьныя лясніцтвы, лагеры працы і адпачынку.

У 1976–1985-я гг. партыйныя і камсамольскія арганізацыі рэспублікі прымалі меры па павелічэнню колькасці школьных брыгад, імкнуліся да таго, каб брыгады працавалі круглы год на прыпынках самакіравання і сацыялістычнага спаборніцтва, каб арганізацыйна яны абапіраліся на эканамічны разлік, поўную механізацыю працаёмкіх працэсаў, дасягненні навукі і перадавога вопыту.

Станоўчы вопыт стварэння працоўных аб'яднанняў старшакласнікаў і грамадска кіраўніцтва імі быў накоплены ў Мазырскім раёне. Гэта ў многім садзейнічала таму, што раён меў самы высокі паказчык замацавання выпускнікоў у калгасна-саўгаснай вытворчасці. У 1981 г. у сельскай гаспадарцы раёна засталіся працаваць 50% выпускнікоў сярэдняй школы [8]. Колькасць самастойных працоўных аб'яднанняў сельскіх школьнікаў пас-

таянна павялічвалася. У 1984 г. у рэспубліцы налічвалася 1700 вучнёўскіх брыгад і больш за тысячу школьных лясніцтваў, у складзе якіх працавалі 141 тысяча вучняў. Акрамя гэтага, дзейнічалі лагеры працы і адпачынку, рамонтныя брыгады, рознаўзроставыя атрады па месцы жыхарства [9].

Працоўныя фармаванні школьнікаў да сярэдзіны 1980-х гг. узмацняліся і арганізацыйна. За імі была замацавана значная колькасць зямельных угоддзяў і сельгастэхнікі, большасць пачалі працаваць на аснове перспектывіўных вытворчых планаў, а лепшыя ўвайшлі ў склад мясцовых гаспадарак у якасці аднаго з падраздзяленняў. Аднак высокую эфектывнасць вытворчага працэсу і арганізацыі самакіравання дэманстравалі дзiesiąткі вучнёўскіх аб'яднанняў і нямногія з 1700 брыгад толькі набліжаліся да іх узроўню. У большасці калгасаў і саўгасаў на працоўныя фармаванні школьнікаў глядзелі толькі як на некваліфікаваную дапаможную сілу, якую выкарыстоўвалі часова на цяжкіх немеханізаваных работах, а ўся дзейнасць школьнікаў рэгламентавалася распраджэннямі дарослых. Гэта не давала магчымасці ўключыць у вучэбна-выхаваўчы працэс вытворчую працу вучняў у поўным аб'ёме.

Заклучэнне. Такім чынам, палітэхнізацыя агульнаадукацыйнай школы Беларусі і працоўнае выхаванне вучнёўскай моладзі ў 1976–1985-я гг. у Беларускай ССР вяліся праз умацаванне матэрыяльна-тэхнічнай базы працоўнага навучання, удасканаленне самога працэсу працоўнай падрыхтоўкі школьнікаў, развіццё прафарыентацыйнай работы, стварэнне сеткі міжшкольных вучэбна-вытворчых камбінатаў, уключэнне непасрэдна вытворчага працэсу ў сістэму школьнай адукацыі.

Літаратура

1. Матэрыялы XXVIII с'езда Камуністычнай партыі Беларусі. – Мінск, 1976; Матэрыялы XXIX с'езда Камуністычнай партыі Беларусі. – Мінск, 1981.
2. Настаўніцкая газета. – 1978. – 30 чэрвеня; Народное образование. – 1981. – № 14. – С. 14.
3. Настаўніцкая газета. – 1980. – 13 снежня; Настаўніцкая газета. – 1984. – 9 чэрвеня.
4. Сельские учебно-производственные комбинаты. – М.: Урожай, 1984. – С. 13.
5. Опыт работы учебно-производственных комбинатов БССР. – Мінск, 1979. – С. 78–83; Социальное развитие села и школы. – Мінск, 1982. – С. 35.
6. Настаўніцкая газета. – 1981. – 12 верасня.
7. Сельские учебно-производственные комбинаты. – М.: Урожай, 1984. – С. 19.
8. Знамя юности. – 1981. – 20 мая.
9. Народное образование. – 1984. – № 10. – С. 17.

Пастуніў 02.04.2010

УДК 001.32:930(476)«1920/1991»

В. А. Острога, доцент (БГУ)

**ВНУТРИСОЮЗНЫЕ НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ
БЕЛОРУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ. 1920-Е – 1991 ГГ.**

В статье на базе анализа архивных документов рассматриваются контакты белорусских исследователей истории зарубежных стран нового и новейшего времени в рамках научного сотрудничества республик СССР. В центре внимания исследования – работа представителей академических научных учреждений и высших учебных заведений Советской Белоруссии, прежде всего Белорусского государственного университета с середины 1920-х до 1991 г. Подчеркивается, что ученые не всегда имели возможность реализовать свой научный потенциал в основном из-за недостаточного финансирования.

The article, based on the analysis of documents from archives, examines the contacts of Belarusian researchers of modern and contemporary history of foreign states within the scope of scientific cooperation between the republics of the USSR. The study is focused on the work of scientists from academic and higher educational institutions of Soviet Belarus, first of all, the Belarusian State University, during the period from the middle of 1920th to 1991. The article demonstrates that the scientists were not always able to realize their scientific potential, first of all, because of inadequate financing.

Введение. Научное сотрудничество ученых, презентация и апробация их разработок были важны на всех этапах историко-культурного развития. В период существования Советского Союза в условиях незначительных масштабов международных научных связей внутрисоюзным контактам в виде научных конференций, семинаров и симпозиумов уделялось большое внимание. В настоящей статье будут рассматриваться различные формы научной кооперации белорусских специалистов в области истории нового и новейшего времени на протяжении 1920-х – 1991 гг.

Основная часть. С начала 1920-х гг. в СССР сложились достаточно благоприятные внешние и внутренние условия для налаживания межреспубликанских научных связей. В Белорусской ССР этому способствовало наличие крупных научных центров: Института белорусской культуры (ИБК) и Белорусского государственного университета (БГУ), которые к моменту своего открытия стремились завязать тесное и широкое сотрудничество с различными научными организациями и отдельными учеными других стран.

Так, к 1926 г. ИБК налаживает тесную связь с «научными заведениями СССР и зарубежом путем обмена изданиями. Обменных адресов библиотека (ИБК – автор) имеет: по СССР – 100...» [1, с. 102].

В 1926 г. институт планировал проведение Первого Белорусского научного конгресса. Согласно отчету председателя организационной комиссии В. М. Игнатовского (февраль 1926 г.), с этой целью было образовано 5 подкомиссий, в т. ч. по «истории, археологии и искусству». Участники конгресса были разделены на 4 сек-

ции, в т. ч. секцию № 1 по истории, археологии и искусству. Были приглашены 80 делегатов из европейских стран, особенно славяноязычных, и столько же из СССР. Планировалось около 100 докладов» [2, л. 2]. В списке участников подкомиссии «истории, археологии и искусства» значились 54 исследователя из СССР, Польши, Прибалтики и Германии. Планировалось заслушать 30 докладов. Из них 2 по всеобщей истории: «Польская культура на Беларуси» и «Влияние античной культуры на белорусское искусство» (А. Иппель, Берлин), остальные выступления были посвящены истории Беларуси [3, л. 12–13]. К сожалению, осуществить этот проект не удалось.

В декабре – январе 1928–1929 гг. представители из БССР участвовали в работе Всесоюзной конференции историков-марксистов. На ней выступал молодой «историк-западник», преподаватель БГУ В. А. Сербента, призвавший искать «классово чуждые элементы в науке» [4].

С конца 1920-х гг. складывается закрытая командно-административная модель советского общества. Одним из наиболее негативных последствий для науки стали массовые политические репрессии, шпиономания, что, в свою очередь, повлекло за собой резкое снижение различного рода научных контактов, особенно в сфере всеобщей истории. В результате в конце 1930-х гг. серьезных специалистов, да и вообще желающих заниматься зарубежной историей, особенно проблематикой ее политически актуальных периодов – новым и новейшим, практически не осталось. Кроме того, значительно ослабляли заинтересованность в исследовании проблем всеобщей истории дефицит финансирования

и всевозможные препоны и ограничения для работы в центральных архивах.

В связи с этим интересен факт участия академического Института Польской пролетарской культуры Белорусской академии наук (ИППК БАН) в организации полонистической научной конференции в начале 1930-х гг. Этот институт в процессе своей деятельности стремился завязать контакты с профильными учреждениями Москвы, Киева и Харькова. Весной 1932 г., когда в Киеве был открыт Польский педагогический институт, на торжества пригласили и представителей ИППК, которые предложили в ближайшее время созвать съезд научных сотрудников в области польских исследований и провести его в Киеве до 1 июня 1932 г. Но ЦК КП(б)Б отклонил идею проведения съезда. Тогда инициаторы предложили организовать его летом 1933 г. в Минске, на что было дано согласие.

В письме вице-президента Белорусской АН Т. Ф. Домболя в секретариат ЦК КП(б)Б предлагалось:

- «На съезде будет обсужден ряд теоретических вопросов в области истории Польши ... причем необходимо поставить на должную методологическую и политическую высоту выявление конкретных носителей уклонов от генеральной линии партии...

- На съезде будет возможность решить целый ряд конкретных организационных вопросов, как, например, подготовка совместными усилиями учебников для школ и ВУЗов, программ, согласования научной тематики...

- Этот съезд необходимо организовать с небольшим количеством работников Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова и организовать только в Минске, как центре наиболее слабой части СССР и очень близко граничащей с фашистской Польшей.

- Организацию съезда приурочить ко времени торжественного открытия Польского Института Пролетарской Культуры БАН».

В ответ ЦК распорядился «создать политкомиссию по подготовке и проведению съезда, в состав которой входили: Жабровский, Левков, Горин, Домболь; поручить им разработать программу подбора докладчиков, проверку содержания докладов, руководство съездом и редакцию изданий».

В такой ситуации темы и ход обсуждения уже были распланированы, а любые отступления запрещены. Тематика выступлений, например, белорусских участников, была созвучна целям съезда. Это были приоритетные в то время проблемы: Домболь – «Польский империализм и современный кризис в Поль-

ше»; Бич, Скарбек – «Участие польского пролетариата в Октябрьской революции»; Витковский – «Классовая суть восстания 1863 г.»; Бернадский, Кукелка – «Роль костела в фашизации Польши» и др. Подготовка и проведение съезда показала интерес к польской истории. Участники приняли программу по истории Польши для ВУЗов. Съезд сыграл свою роль и в подготовке первого в СССР учебника польской истории.

8 января 1935 г. на историческом факультете БГУ при участии Института истории АН БССР прошла конференция историков Советской Беларуси. Но что важно, «в конференции не приняли участие ... историки Москвы и Ленинграда, которые приглашались на конференцию и от которых ожидалась большая помощь работающим в БССР» [5, с. 122]. Несомненно, это было отражением недостаточно прочных внутрисоюзных научных контактов.

В том же году, 7–13 мая, в Минске проходило Сопещение исторических факультетов и исторических институтов. От БГУ принимал участие декан исторического факультета В. К. Щербаков. В своем докладе он отметил, что «в Белоруссии почти нет кадров по истории литературы, особенно на национальном языке, нет совсем ...» [6, с. 169].

В годы Великой Отечественной войны в силу известных причин белорусские историки не участвовали в редких всесоюзных научных исторических форумах.

В послевоенный период по мере увеличения кадрового потенциала белорусской исторической науки, финансовых возможностей восстанавливались, укреплялись и расширялись внутрисоюзные научные контакты. Однако, принятое в начале 1950-х гг. решение (на высшем уровне) о том, что в союзных республиках на академическом уровне должны были развиваться только исследования в области своей национальной истории, а проблемами всеобщей истории могут заниматься лишь научные центры в Москве и Ленинграде, фактически наложило запрет на проведение подобных исследований в АН БССР и, соответственно, резко замедлило исследование проблем зарубежной истории в целом по республике. Это отразилось и на масштабах внутрисоюзных научных контактов. Фактически только кафедра новой истории БГУ, единственная на всем протяжении существования БССР, могла участвовать в подобных мероприятиях, остальные вузовские научно-исторические центры вынуждены были заниматься, в первую очередь, проблемами региональной истории. Представители, выража-

ясь тогдашней терминологией, «периферийных вузов» не всегда могли выехать на союзные конференции. В результате стали проводиться конференции в Минске с приглашением представителей из других союзных республик и зарубежных стран.

Так, в 1959 г. в Институте истории АН БССР состоялась читательская конференция журнала «Новая и новейшая история», в которой приняли участие преподаватели вузов, сотрудники НИИ, учителя средних школ г. Минска. Активно высказывались о перспективах издания специалисты по всеобщей истории: Э. М. Поздняк, Г. М. Трухнов, Н. М. Полетика и В. И. Розин [7, с. 173].

27 февраля – 1 марта 1962 г. в Москве прошло Всесоюзное координационное совещание по истории социалистического строительства в европейских странах народной демократии, созванное Научным Советом АН СССР. Присутствовавшая на нем член-корреспондент АН БССР, заместитель директора Института истории АН БССР Н. В. Каменская, сообщила, что белорусские историки вместе с историками из Чехословакии и Польши подготовили сборник воспоминаний о совместной борьбе трудящихся Белоруссии, Чехословакии и Польши против немецко-фашистских захватчиков в годы Второй мировой войны [8].

21–26 июня того же года доценты БГУ Г. М. Трухнов и Д. Б. Мельцер были командированы в Москву для участия в совещании по проблемам истории международного рабочего и национально-освободительного движения.

В 1963 г. Л. М. Шнеерсон, Э. М. Поздняк и другие белорусские ученые участвовали во Всесоюзном совещании историков (Москва). В ходе его работы доцент Минской высшей партийной школы при ЦК КПБ Э. М. Поздняк высказался за создание научно-исследовательских центров на местах, ориентируя их на изучение определенных тем. Например, в Минске, на его взгляд, целесообразно было бы организовать научный центр по исследованию истории Польши [9, с. 37].

Необходимо отметить, что данное совещание было весьма плодотворным. По его итогам было признано необходимым поставить перед соответствующими органами вопросы о приравнивании преподавателей всеобщей истории в вузах и преподавателей других общественных наук, как уже сделано в отношении истории СССР; о расширении подготовки историков-востоковедов в университетах; об обеспечении аспирантов по всеобщей истории командировками в те страны, по которым они специализируются.

17–20 ноября 1964 г. в Институте истории АН СССР прошла научная сессия по истории Первой мировой войны, в которой приняли участие более 160 представителей научных учреждений и вузов СССР, в т. ч. и из Беларуси. Наиболее авторитетным из белорусской делегации был профессор кафедры новой и новейшей истории БГУ Н. И. Полетика, который в своем выступлении остановился на проблеме раскола Антанты и создании континентального блока во внешней политике Германии в период 1905–1912 гг. Выступил также В. В. Лоцилин из БГУ, раскрывший позицию английской дипломатии в отношении итало-турецкой войны 1911 г. [10, с. 170].

В отчете БГУ за 1964/1965 учебный год отмечалось, что преподаватели и аспиранты университета активно участвуют в научных конференциях, симпозиумах, которые проводятся за пределами Беларуси. «Это важное дело, стимулирующее научно-исследовательскую работу, но из-за недостатка денежных средств нередко приходится отказываться в командировках ...» [11, л. 22].

В начале 1967 г. доцент кафедры новой и новейшей истории БГУ Д. С. Климовский принимал участие в работе Всесоюзного симпозиума «Дранг нах Остен» и страны Центральной и Восточной Европы», где сделал сообщение на тему «Германо-польское сближение в 1933 г.» [12, л.14]. В январе 1968 г. на историческом факультете БГУ состоялась международная научная конференция историков-славистов, в которой обменялись мнениями 200 историков из 46 городов СССР. На конференции было заслушано и обсуждено 135 докладов и сообщений. От историков БГУ выступили Д. Б. Мельцер и Д. С. Климовский.

14–16 марта 1972 г. профессор Л. М. Шнеерсон участвовал в межвузовском научно-методическом семинаре преподавателей новейшей истории стран Европы и Америки в университетах СССР, проходившем на историческом факультете Московского государственного университета, где высказался за «издание историографических обзоров по отдельным темам курса» и говорил о трудностях специализации студентов по новой и новейшей истории в периферийных университетах, связанных с отсутствием специалистов по некоторым разделам истории, и недостаточном обеспечении местных библиотек источниками и литературой на иностранных языках.

Крупным научным форумом стала конференция, посвященная 1300-летию Болгарского государства, проведенная 13–14 апреля 1981 г.

в БГУ совместно с Институтом истории АН БССР. В ней приняли участие 110 ученых, в т. ч. от БГУ – Д. Б. Мельцер и Л. П. Сушкевич. Было заслушано 87 докладов. В том же году профессор Д. Б. Мельцер выступил во Львове на Всесоюзной конференции по болгаристике с докладом «Белорусская историческая болгаристика» [13, л. 12].

Доцент кафедры истории нового и новейшего времени БГУ В. С. Кошелев выступал в мае 1982 г. в Тбилиси на Всесоюзной конференции по современным проблемам стран Востока с докладом на тему «Ревизия истории «Свободных офицеров» в Египте в 70-е гг.» [14, л. 68]. В сентябре 1983 г. профессор Д. Б. Мельцер принял участие в 9-й Международной конференции славистов (г. Киев). В том же месяце он участвовал в работе конференции «Формирование и развитие исторических связей и сотрудничества братских социалистических стран», проходившей во Львове. В апреле 1983 г. профессора Л. М. Шнеерсон и Г. М. Трухнов участвовали во Всесоюзной конференции по проблемам германской истории, которая состоялась в Вологде. В том же году доцент В. С. Кошелев принял участие во Всесоюзной конференции по проблемам культуры в Москве и конференции по проблемам Африки в Ленинграде [15, л. 30].

В середине 1983 г. на очередной выездной симпозиум высших партшкол СССР в Ташкент был направлен доцент кафедры «Международного коммунистического движения» Минской ВПШ В. А. Божанов. В октябре 1983 г. по инициативе Академии общественных наук при ЦК КПСС на базе вышеупомянутой кафедры был проведен IX симпозиум кафедр международного коммунистического движения партийных вузов на тему «Международные отношения и мировое революционное движение» [16, л. 15].

В 1984 г. доцент В. С. Кошелев выступил с докладом на IV Всесоюзной конференции африканистов в Москве. В том же году исторический факультет БГУ совместно с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова и Институтом истории АН БССР провел III научные чтения памяти академика В. И. Пичеты. На этой представительной встрече обсуждались вопросы состояния и перспектив историко-славяноведческих исследований в СССР [17, л. 33–34].

27–29 января 1988 г. на базе исторического факультета БГУ проведена XI Всесоюзная конференция историков-славистов. На ней, в част-

ности профессор Л. М. Шнеерсон и доцент В. И. Сеница, представляли исследователей новой и новейшей истории. Результаты работы были отражены в сборнике трудов конференции «Великий Октябрь и зарубежные славянские страны» [18, л. 4].

Но, несмотря на относительно активные научные контакты на союзной арене, руководство исторического факультета БГУ в своем отчете за 1988 г. отмечало, что в последние годы «сократилось число всесоюзных научных конференций, в которых приняли участие сотрудники факультета. Главная причина – научный лимит командировочных средств, выделенных факультету. Он значительно ниже соответствующих фондов в университетах Прибалтики, Киева, Москвы. Научно-исследовательская работа требует значительного их увеличения» [19, л. 25].

Последующие годы связаны, в первую очередь, с активной деятельностью профессоров БГУ В. С. Кошелева и Д. Б. Мельцера. Так, в ноябре 1989 г. В. С. Кошелев с докладом «Конституционное движение в Египте в XIX в.» принял участие в работе V Всесоюзной конференции африканистов [20, л. 11]. В феврале 1990 г., уже будучи заведующим кафедрой истории нового и новейшего времени, он участвовал во Всесоюзной конференции «Современные проблемы истории стран Азии и Африки», посвященной 30-летию Университета Дружбы народов им. Патриса Лумумбы [21, л. 98].

В 1990 г. эта кафедра приняла активное участие в организации Выездной сессии Научного Совета по проблемам Африки АН СССР, состоявшейся в БГУ 28–31 мая 1990 г. [22, л. 223]. На сессии профессор В. С. Кошелев был введен в состав упомянутого Научного Совета. В том же месяце в Минске при участии профессора Д. Б. Мельцера прошла Международная научная конференция «Славяне – единство и многообразие».

Заключение. Таким образом, белорусские историки на протяжении 1920-х – 1991 гг. осуществляли относительно активные внутри-союзные научные контакты в области истории нового и новейшего времени, демонстрируя свои научные наработки. Особенно активны и плодотворны эти контакты были в 1960–1980-е гг.

Литература

1. Институт Беларускай Культуры / склад. А. І. Цьвікевіч. – Менск: ДВБ, 1926. – 118 с.
2. Центральный национальный архив Национальной Академии Наук Беларуси. –

Фонд 67. Институт Белорусской культуры. – Оп. 1. – Д. 18.

3. Там же.

4. Всесоюзная конференция историков-марксистов // Историк-марксист. – 1929. – № 12. – С. 216–265.

5. Щербаков, В. Конференция историков БССР / В. Щербаков // Борьба классов. – 1935. – № 6. – С. 121–124.

6. Совещание исторических факультетов и исторических институтов // Историк-марксист. – 1935. – № 5–6. – С. 167–173.

7. Читательская конференция журнала «Новая и новейшая история» в Минске и Львове // Новая и новейшая история. – 1959. – № 4. – С. 173–174.

8. Джапаридзе, Э. А. Координационное совещание по истории стран народной демократии / Э. А. Джапаридзе, Р. С. Шароватова // Новая и новейшая история. – 1962. – № 3. – С. 182–184.

9. Всесоюзное совещание историков // Новая и новейшая история. – 1963. – № 2. – С. 24–35.

10. Маринеску, И. И. Научная сессия по истории Первой мировой войны / И. И. Маринеску // Новая и новейшая история. – 1965. – № 1. – С. 170–171.

11. НАРБ. – Фонд 205. Белорусский государственный университет. – Оп. 8. – Д. 308.

12. НААБ. – Фонд 205. – Оп. 8. – Д. 633.

13. НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 8. – Д. 2506.

14. НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 8. – Д. 2684.

15. НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 8. – Д. 2853

16. НАРБ. – Фонд 580. – Оп. 4. – Д. 102.

17. НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 8. – Д. 3014.

18. НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 8. – Д. 3650.

19. Там же.

20. НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 8. – Д. 3822.

21. НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 8. – Д. 3991.

22. НАРБ. – Фонд 205. – Оп. 8. – Д. 3703.

Поступила 02.04. 2010

УДК 37.015.3:159.922.27

Нели Иванова, доцент (Софийский ун-т «Св. Климент Охридски», Республика Болгария)

ФОРМИРОВАНИЕ У УЧАЩИХСЯ КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВЫХ УМЕНИЙ

В статье представлена система формирования коммуникативно-речевых умений учащихся на начальном этапе обучения. Рассматриваются методические приемы, направленные на формирование у обучаемых умений воспринимать и осмысливать литературные произведения, участвовать в обсуждении, высказывать собственные суждения, а также умения по идентифицированию, разграничению и правильному употреблению языковых категорий в устной и письменной речи. Автор показывает, как из класса в класс развиваются эти умения. Приводятся примеры формирования умений при выполнении таких творческих заданий, как «Сочинение по пережитому», «Сочинение по наблюдению», «Сочинение по творческой задаче, «Рассказ по картине» и др.

The article introduces a system of communicative speech abilities formed during elementary training. The article discusses the way how to form abilities to perceive and to understand works of literature, as well as how to participate in discussion and to speak out. It to identity, to distinguish and to use language categories in oral and written speech correctly. The author shows how these abilities are developing from year to year. The author gives examples of the abilities formed in process of such creative tasks as: «Composition on the basis of bygone», «Composition on basis of observation», «Composition on the basis of a pictures», ect.

Введение. Жанровое многообразие проявлений устной и письменной речи нашло выражение в разнообразной тематике уроков по формированию коммуникативно-речевых умений на начальном этапе образования. Жанры устной и письменной речи подобраны в соответствии с особенностями психо-физиологического развития детей, уровнем развития их устной и письменной речи, их интересами и потребностями.

Основная часть. Невозможно строго регламентировать ход урока по формированию коммуникативно-речевых умений по причине многообразия тем, жанров и вариантов текстов, сочиняемых учениками I–IV классов.

Вариантность методического подхода, конкретной реализации уроков по формированию коммуникативно-речевых умений учеников подчинена инвариантному, что характерно для отдельных типов сочинения при создании у учеников определенных критериев для исполнения конкретных коммуникативных целей.

➤ **Сочинение по пережитому**

Сочинение по пережитому предоставляет ученикам возможность оказаться в позиции адресантов художественной информации, рассказывающих о своих переживаниях, настроениях, чувствах, воспоминаниях по поводу определенных событий или встреч с данной личностью.

На эмпирическом уровне в ходе литературного образования в I–IV классах постепенно формируются и совершенствуются умения создавать **сочинения по пережитому**, для чего у учеников вырабатываются **критерии**, связанные с формированием конкретных умений создания такого вида сочинения, а именно: точное наименование чувства, настроения или нюансов данного чувства, порожденного конкрет-

ным событием и ситуацией; адекватный выбор языковых средств для описания определенных чувств, связанных с данным переживанием; волнующее, интригующее и убедительное описание события, породившего определенное переживание; последовательное описание событий в связи с возникновением настроений и переживаний; создание стройной композиции сочинения – с соблюдением тематического и смыслового единства между отдельными компонентами сочинения без повторов, «разбросанности» описываемых фактов, нагромождения лишних подробностей, делающих изложение неповоротливым и трудным для восприятия; полнота описываемых чувств, настроений, порожденных определенным переживанием в связи с данным случаем; недопущение фрагментарности, стихийности и спорадичности при описании фактов и возникших чувств и настроений и их нюансов; умелое вплетение художественного домысла в контекст описываемого события и вызванных им переживаний; правдивость при изложении события, чувств и настроений в сочинении по пережитому.

Тематика сочинений по пережитому связана, прежде всего, с событиями из жизни детей. Независимо от конкретной темы (например, празднование Рождества в домашнем кругу; посещение музеев, географических или исторических объектов; детские игры и связанные с ними переживания; школьные экскурсии; дни рождений; выходные дни и связанные с ними настроения и события; встречи с друзьями и близкими; постановка в воображаемые ситуации, аналогичные описываемым в изучаемых произведениях; воспоминаниях и пр.), сочинение по пережитому должно отвечать указанным выше требованиям.

Посредством краткой беседы создается необходимый эмоциональный и интеллектуальный настрой, направляющий учеников к наиболее важному, существенному в создании конкретного содержания сочинения. Конкретные факты в сочинении не следует канализировать до такой степени, чтобы написание его стало простой формальностью. Это привело бы к своеобразному «пересушиванию» и клишированию детских сочинений по пережитому. В этом виде сочинения ребенок проявляет свою индивидуальность. Одно и то же, общее для всего класса, событие, преломляется сквозь призму житейского опыта ребенка, его мироощущение, чувствительность, богатство эмоционального опыта, темперамент, характер и воспитание, его языковую культуру и т. п. Отсеивание существенного от несущественного зависит от всех этих факторов и выражается индивидуальным и неповторимым способом путем конкретного подбора языковых средств из лексического запаса ученика.

Исправления в сочинениях этого вида реализуются при соблюдении указанных выше критериев.

При выяснении коммуникативной цели, уточнении воображаемого адресата сочинения посредством общения с учителем и соучениками совершенствуются коммуникативные умения учеников, а также их устная и письменная речь. Обогащается и их лексикальный запас словами, обозначающими чувства и его нюансы. Совершенствуются их умения адекватно передавать свои переживания и интересные события из жизни, а также порожденные этими событиями эмоции.

Если у детей возникла потребность поделиться своими волнениями в связи с конкретным событием их жизни, необходимо найти время и возможность осуществить это спонтанно возникшее желание. Удовлетворение такого желания создает интерес к подобному виду изложений – устным или письменным.

Помощь учителя при подготовке сочинения по пережитому дискретна. Он лишь направляет внимание учеников к основному, важному, как фактология в сочинении и необходимость выразить отношение к тому, о чем рассказывается. «Универсального» варианта сочинения по пережитому нет, потому что при этом виде сочинения относительная часть самостоятельной работы на много больше, чем, например, при изложении. Можно дать самую общую инструкцию и поставить некоторые акценты в отношении содержания, но выражение чувств и переживаний по поводу какого-либо события – это нечто личное и учителю не следовало бы навязывать свои видения, идеи.

➤ *Сочинение по наблюдению (Сочинение-описание)*

Посредством сочинения по наблюдению создаются предпосылки для развития наблюдательности учеников, их умения описывать наблюдаемое, подбирая для этой цели наиболее точные языковые средства.

Посредством уроков по формированию коммуникативно-речевых умений у учеников в практическом плане создаются **критерии**, связанные с формированием конкретных умений для создания сочинения по наблюдению, а именно: целенаправленное наблюдение объекта неживой или живой природы с целью раскрытия характерных особенностей наблюдаемых объектов, которые позднее будут описываться: их величина, цвет, вещество, из которого изготовлен данный предмет, предназначение, форма; рост, цвет волос и глаз, выражение лица, поза тела, одежда, если описывается человек, данное лицо; величина, вид, шерсть, глаза, уши, и прочее, если описывается животное; особенности, местоположение, цвета и прочее, если описывается данный географический объект; время суток, специфика проявления и прочее, если описывается природный феномен; выделение существенного среди несущественного в целях сочинения по наблюдению; подбор наиболее точных выразительных средств при описании наблюдаемого как части речи, синтаксических конструкций, художественных средств и приемов; придание речи образности, стремление к ее экспрессивности и эстетичности воздействия; выражение отношения к описываемому предмету, явлению, портрету, пейзажу, обстановке, животному, природному феномену и прочему); точное определение своего отношения к наблюдаемому объекту и адекватное этому индиректное выражение своих впечатлений средствами речи; выделение специфичного для сочинения по наблюдению, отличающего его от остальных жанровых проявлений устной и письменной речи; учитывание на эмпирическом уровне специфики описания в отличие от текста повествования и текста рассуждения; достижение стройной композиции без повторений и лишних подробностей, с хорошей связью отдельных компонентов сочинения по наблюдению, чтобы создать у слушателя или читателя сочинения яркое и адекватное представление об описанном и о том, что автор сочинения наблюдал; полнота описания наблюдаемого предмета, явления, личности и прочего; исчерпательное, конкретное и глубокое описание.

Независимо от того, какой будет *тематика сочинения – наблюдение предмета, пейзажа, личности, животного, явления, обстановки,*

ситуации и т. п., – ученикам предоставляется возможность быть в позиции авторов, создателей текста – устного или письменного. В нем они изображают средствами речи наблюдаемое ими и выражают свое отношение к изображенному.

Жанровые проявления сочинения по наблюдению многообразны. Будут ли они созданы на основе воспоминания или на основе конкретного впечатления в момент создания сочинения, зависит от преследуемой цели и потребностей детей, их интересов и житейского опыта. Независимо от конкретного варианта сочинения по наблюдению посредством его совершенствуются коммуникативно-речевые умения учеников, оказывается содействие развитию и совершенствованию их наблюдательности и воспроизводящего воображения.

➤ *Рассказ по картине*

Развитию наблюдательности, совершенствованию умения выделять характерное, существенное, раскрывать специфику выразительных средств содействуют и наблюдение произведений изобразительного искусства. Изображение портрета человека, пейзажа или конкретного события предполагает адекватный выбор техники, способа создания картины, выражение отношения художника. Рассказ по картине, как одно из жанровых проявлений устной и письменной речи, основывается на наблюдении, выполненном учениками, и на прочтении послания художника. Направление внимания детей на композицию картины и на способ изображения, изобразительную технику является одной из предпосылок к ее декодированию. Умение описать средствами речи то, что художник изобразил на своей картине, формируется в процессе литературного образования в школе. Отделение существенного от несущественного, выделение специфичного в стиле художника содействуют также формированию у учеников определенных эстетических критериев.

➤ *Сочинения по творческой задаче*

Посредством сочинений, активизирующих творческое воображение учеников, преследуется цель формирования и совершенствования их коммуникативно-речевых умений, мышления, образно-эмоциональной памяти и их языкового чутья.

Учитывая коммуникативную цель, предложенную им словесную или визуальную опору, дети младшего школьного возраста создают оригинальные тексты сказок, рассказов, стихотворений, басен, загадок и т. п. Ученикам предлагается, например, сочинить **сказку по:** *заданной поговорке; заглавию; предложенному герою; двум словам (так называемый «фантазийный бином Джанни Родари»); заданному началу; заданному концу; опорным словам; аналогии; сочинить стихотворение по пред-*

ложенным рифмам; сочинить басню по поговорке, предложенному герою и пр.

Задача может не предвидеть предложения словесной или визуальной опоры, а требовать постановки учеников в воображаемую ситуацию, которая их провоцирует сочинить сказку. В таких случаях дети мотивируются на выполнение подобной задачи, создается необходимый эмоциональный и интеллектуальный настрой, активизируется мышление, воображение и их образно-эмоциональная память. Для этой цели актуализируются старые знания, относящиеся к теме сочинения, предлагаются другие произведения на ту же тему, с аналогичными образами героев или ситуациями, применяются игровые приемы и формы, активизирующие мышление и воображение, после чего объявляется тема и ставится задача по созданию сочинения.

Полет фантазии чаще всего ведет к созданию сказок нонсенса по подобию сказок Джанни Родари, Дональда Биссета, Марко Ганчева, Пети Александровой, Румена Шомова и других авторов, чьи произведения ученики знают. Абсурд, аллогизм, разрушение традиционных представлений о времени и пространстве в сказках нонсенса делают чтение привлекательным для детей. Создание сказок на основе двух слов (так называемый «фантазийный бином Джанни Родари») является привлекательной задачей, но это не должно быть за счет художественных достоинств творческого продукта. Аллогизм и абсурд не должны быть самоцельными, а созданными посредством целостного образно-эмоционального и убедительного изложения, посредством стройной композиции и образного языка в соответствии с возможностями и интересами учеников.

Независимо от конкретного жанрового проявления сочинений, создаваемых при исполнении творческой задачи, у учеников в практическом плане в ходе языкового и литературного образования в I–IV классах вырабатываются **критерии**, связанные с формированием конкретных умений создания этого вида сочинений, а именно: постановка ясной коммуникативной цели – что именно будет выражено посредством этого вида сочинения, кому оно будет предназначено и каким будет его содержание; создание образов героев в собственной сказке, рассказе или басне; создание образа лирического героя в стихотворении с использованием для этой цели различных приемов – портретная характеристика, повествование о поведении героев, речевая характеристика, прямая авторская характеристика, психологическая характеристика для раскрытия переживаний героев и т. п.; убедительное и правдивое построение взаимоотношений между героями; использование адекватных

замыслу и теме выразительных средств и художественных приемов; достижение оригинальности выражения, художественной образности и экспрессивности, эстетического воздействия; достижение стройной композиции – без повторов, хаотичного нагромождения фактов и событий, словесных излишеств, разбросанности отдельных деталей; построение сюжета посредством представления событий в их хронологической последовательности и логике (если сочиняется сказка, рассказ или басня); представление движения чувств, настроений, переживаний посредством смены картин и градации, если создается стихотворение; соблюдение жанровых особенностей сочиняемого произведения – мерная речь, рифма, ритм, стиховое и строфическое деление (в лирике); наличие сюжета, повествование о событии, представленном в отдельных эпизодах (в эпическом произведении) при сочинении сказки, рассказа или басни; полнота выражения чувства в лирическом произведении и при передаче события в эпическом, не допуская фрагментарности, неубедительности, эпизодичности, случайности и хаотичности в повествовании; правдивость изображения событий и действующих лиц, выраженных в стихотворении чувств и настроений; выражение отношения к изображаемому средствами слова; авторское присутствие.

Посредством этого вида сочинения ученики выступают не как получатели, адресаты художественной информации, а адресанты, создатели такого вида информации в собственном произведении. Чтобы справиться с подобной задачей, они должны накопить достаточно познаний в практическом плане – посредством конкретного разбора художественного текста изучаемых произведений – о специфике художественной образности, своеобразии построения текста в данном жанре, подборе адекватных выразительных и художественных средств и приемов для выражения определенной идеи при интерпретации данной темы. Знания о художественной образности, которыми дети овладели в ходе уроков по восприятию и осмыслению литературного произведения, применяются ими при создании собственного произведения в заданном жанре и на избранную тему. Интерес к сочинению собственного текста, постановке себя в воображаемую ситуацию и стимулирование творческого воображения не должны быть за счет содержательной стороны и художественных достоинств продукта творческой деятельности. Исправления и связанные с ними обсуждения вносят коррективы в критерии учеников, внушая необходимость соблюдения определенных требований при создании таких текстов. Обсуждение продуктов творче-

ской деятельности содействует также совершенствованию коммуникативно-речевых умений, поскольку дети в общении между собой и с учителем оценивают, в какой степени справились с данной коммуникативной целью.

Инвариантное, характерное для требований к формированию умений создания текстов определенного жанра в устной и письменной речи, находит вариантное проявление в конкретном методическом подходе при реализации данного урока по формированию определенного умения посредством использования различных методических приемов и форм в зависимости от научной и методической компетентности учителя.

Постановка учеников в различные «роли» – *адресатов (получателей)* художественной информации на уроках по восприятию и осмыслению литературного произведения, обсуждению самостоятельно прочтенного литературного произведения, обобщению и повторению и *адресантов (авторов)* собственного текста – содействует совершенствованию коммуникативных умений и их речи, их языкового и литературного развитию на основе внутрипредметных связей.

В I–IV классах формируются как начальные умения идентификации, разграничения и правильного употребления языковых категорий в устной и письменной речи учеников, так и их коммуникативно-речевые умения. Из класса в класс данные умения развиваются и совершенствуются посредством проведения различных видов уроков по болгарскому языку, литературе и формированию коммуникативно-речевых умений посредством вариатного методического подхода учителя в соответствии с требованиями «ДОИ» [ГОС] к учебному содержанию и учебной программе для данного класса, сообразно уровню языкового и психо-физиологического развития детей начального школьного возраста.

Литература

1. Граник, Г. Г. Как учить школьников работать с учебником / Г. Г. Граник, С. М. Бондаренко. – М.: Знание, 1987. – 62 с.
2. Головин, Б. Н. Основы культуры речи / Б. Н. Головин. – М.: Высшая школа, 1980. – 180 с.
3. Сухомлинский, В. А. Слово о слове / В. А. Сухомлинский // Избранные произведения: в 5 т. – Киев: Радянська школа, 1980. – Т. 5. – 380 с.
4. Язовицкий, Е. В. Говорите правильно / Е. В. Язовицкий. – Л.: Просвещение, 1969. – 311 с.
5. Сухомлинский, В. А. Сто советов учителю / В. А. Сухомлинский // Избранные произведения: в 5 т. – Киев: Радянська школа, 1979. – Т. 2. – 567 с.

Перевод с болгарского Е. В. Кремаковой

Поступила 02.04.2010

УДК 378.015.3.005.32-057.873

П. И. Александрович, доцент (БГТУ)

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ СО СТУДЕНТАМИ ВУЗА

В данной статье раскрыто понятие педагогического общения, показаны особенности взаимоотношений преподавателя и студента, сформулированы основные средства повышения коммуникативности педагога. Обращено внимание на трудности, которые испытывает педагог в общении со студентами. Они связаны с неумением наладить контакт, управлять общением студентов на занятиях, выстраивать взаимоотношения и перестраивать их в зависимости от специфики педагогических задач. Выделены стили и динамика педагогического общения.

The article reveals the notion of pedagogical communication, shows peculiarities of the relationship «teacher-student» and states some means of improving communicative abilities of a teacher. It deals upon the main difficulties a teacher faces in his communication with students due to his failure to get into contact, to control students' communication during the lessons, to arrange and to change communicative situations depending on pedagogical tasks. The article tackles two main types of a teacher's initiative: 1) a teacher acts as an initiation of communication openly; 2) a teacher is a secret initiation to make his students consider themselves to be the initiations.

Введение. Педагогическое общение – специфическая форма общения, имеющая свои особенности и в то же время подчиняющаяся общим психологическим закономерностям, присущим общению как форме взаимодействия человека с другими людьми, включающей коммуникативный, интерактивный и перцептивный компоненты.

Педагогическое общение – совокупность средств и методов, обеспечивающих реализацию целей и задач воспитания и обучения и определяющих характер взаимодействия педагога и учащихся.

Исследования в области педагогической психологии показывают, что значительная часть педагогических трудностей обусловлена не столько недостатками научной и методической подготовки преподавателей, сколько деформацией сферы профессионально-педагогического общения.

Основная часть. Продуктивность педагогической деятельности во многом предопределяется уровнем овладения педагогом технологией педагогического общения. Незнание такой технологии приводит к тому, что коммуникативные действия осуществляются путем проб и ошибок.

Начинающий педагог должен формировать у себя навыки моментального включения системы коммуникативных приспособлений в каждой новой педагогической ситуации.

Одним из средств, подкрепляющих воздействие общения, можно назвать инициативность, которая требует определенного поведения и звучания речи. В системе педагогического общения инициативность выступает как важнейшая коммуникативная задача педагога. Естественно, что формы выражения ее разнообразны. Инициативность может быть двух видов:

– педагог открыто выступает как инициатор общения;

– педагог выступает как скрытый инициатор деятельности, причем в этом случае у студентов создается впечатление, что инициаторами этой деятельности являются они сами.

Следующей важной задачей является удержание инициативы в общении, придание ей необходимых ситуативных форм и т. п.

Для студентов очень важен внешний вид педагога: жесты, мимика, пантомимика и т. д. Рассмотрим их более подробно.

Технология педагогического общения будет раскрыта неполно, если не охарактеризовать этапы решения коммуникативной задачи. Они могут быть представлены следующим образом: ориентирование в условиях общения; привлечение внимания; «зондирование души объекта»; осуществление вербального общения; организация обратной содержательной и эмоциональной связи.

На этапе ориентирования в условиях общения происходит сложный процесс «подгонки» общего стиля общения к конкретным условиям общения (урок, мероприятие и т. п.). Подобная адаптация опирается на следующие компоненты: осознание педагогом стиля общения со студентами; мысленное восстановление предыдущих особенностей общения в данном коллективе – коммуникативная память; уточнение стиля общения в новых коммуникативных условиях деятельности, исходя из ситуации в классе и текущих педагогических задач [1].

Этап привлечения к себе внимания может быть реализован разными приемами:

– речевой – вербальное общение со студентами;

– пауза с активным внутренним требованием внимания к себе;

– двигательно-знаковый – применение таблиц, запись на доске;

– смешанный вариант (чаще всего используется) [2].

Продуктивное профессионально-педагогическое общение требует тщательного «зондирования души объекта» (термин К. С. Станиславского). На этом этапе педагог уточняет сложившиеся на предыдущих стадиях представления об условиях общения и возможных коммуникативных задачах, пытается уловить уровень готовности аудитории к началу продуктивного общения.

Основной этап решения коммуникативной задачи – осуществление вербального общения. Успешность такого общения предполагает наличие у педагога хорошей вербальной памяти: умений правильно отбирать языковые средства, обеспечивающие яркую, выразительную речь, логически строить изложение передаваемой информации.

Заключительный этап решения коммуникативной задачи – организация содержательной и эмоциональной обратной связи. Содержательная обратная связь дает информацию об уровне усвоения учебного материала студентами. Эмоциональная обратная связь устанавливается педагогом через чувствование настроения класса на данном занятии или мероприятии, уловить который можно только по поведению учащихся, выражениям их лиц и глаз, отдельным репликам и эмоциональным реакциям. Содержательная обратная связь в единстве с эмоциональной дает педагогу информацию об уровне восприятия материала и познавательно-нравственной атмосфере проводимого занятия.

Известный психолог В. А. Кан-Калик выделял следующие стили педагогического общения:

а) общение на основе высоких профессиональных установок педагога, его отношения к педагогической деятельности в целом. Причем в высшей школе интерес в общении стимулируется еще и общими профессиональными интересами, особенно на профилирующих кафедрах;

б) общение на основе дружеского расположения. Оно предполагает увлеченность общим делом. Педагог исполняет роль наставника, старшего товарища, участника совместной учебной деятельности;

в) общение-дистанция относится к самым распространенным типам педагогического общения. В этом случае во взаимоотношениях постоянно прослеживается дистанция во всех сферах, в обучении со ссылкой на авторитет и профессионализм, в воспитании со ссылкой на жизненный опыт и возраст;

г) общение-устрашение – негативная форма общения, антигуманная, вскрывающая педагогическую несостоятельность прибегающего к нему преподавателя;

д) общение-заигрывание, характерное для молодых преподавателей, стремящихся к популярности. Такое общение обеспечивает лишь ложный, дешевый авторитет.

Поддерживание благоприятной эмоциональной атмосферы тесно связано с чувствительностью педагога к объекту воздействия, с его умением реагировать на состояние группы в целом и каждого студента в отдельности. Учитывая практический характер занятий, большое значение для преподавателя приобретают его организаторские умения. Организаторская деятельность состоит, прежде всего, в умении эффективно организовывать студентов на занятии, вовлекать их всех в работу по усвоению материала. К числу необходимых организаторских умений преподавателя относится умение прививать студентам навыки самостоятельной работы, умение применять наглядность, а также умения, связанные с организацией самого учебного материала.

Педагогическое общение имеет динамику, соответствующую логике педагогического процесса (замысел, воплощение замысла, анализ и оценка). Отсюда и его стадии:

1-я стадия – моделирование педагогического общения – связана с осуществлением своеобразного планирования коммуникативной структуры взаимодействия, адекватной педагогическим задачам, сложившейся ситуации, индивидуальности педагога, особенностям отдельных учащихся и класса в целом. На этой стадии происходит перевод педагогических задач в сферу задач коммуникативных, достигается их соответствие, обеспечивающее продуктивную реализацию целей педагогического взаимодействия. Необходимым элементом моделирования предстоящего общения является предвидение возможной психологической атмосферы. Это определяет собственно педагогические аспекты взаимодействия, позволяет педагогу представить свое коммуникативное поведение и эмоциональное состояние;

2-я стадия – организация непосредственного общения, во время которого педагог берет на себя инициативу в управлении общением. Здесь происходит и конкретизация объекта общения;

3-я стадия – управление общением, суть которого состоит в коммуникативном обеспечении применяемых методов воздействия. Управление общением складывается из конкретизации модели общения, уточнения условий и структуры общения, осуществления непосредственного общения. Основным условием управления общением является инициативность педагога, которая позволяет решать ряд стратегических и тактических задач: обеспе-

чить руководство процессом, создать эмоциональную атмосферу и др.;

4-я стадия — анализ хода и результатов осуществленной технологии педагогического общения. Чаще всего она называется стадией обратной связи в общении и по своему содержанию и технологии реализации соответствует заключительному этапу решения коммуникативной задачи. Главное значение этой стадии диагностически-коррекционное [3].

Названные стадии характеризует поэтапное разветвление педагогического общения.

Неотъемлемым компонентом учебно-воспитательного процесса в вузе являются возникающие в ходе педагогического общения отношения преподавателей и студентов. Выявленная структура отношений позволила определить их особенности, характерные для каждого качественно нового этапа обучения студентов. Для рассмотрения этих особенностей представлены выявленные типы вузовского педагога как субъекта учебно-воспитательного процесса.

Первый тип (условно названный «профессионалом») отличается педагогической направленностью, высоким интеллектом, глубоким знанием своей специальности в теории и на практике. В преподавании хорошо владеет методикой, отработал систему подачи знаний. Имеет достижения в научно-исследовательской работе благодаря развитой творческой направленности. Проявляемый экстравертированный характер помогает ему устанавливать позитивные отношения со студентами и коллегами! «У студентов, как правило, пользуется высоким нравственным и интеллектуальным авторитетом. Ему подражают, им восторгаются в открытую и хвалят в его отсутствие.

Второй тип (условное название — «организатор») отличается активной направленностью на общественную работу. Часто отвлекается для выполнения разных поручений. В достаточной степени владеет специализацией и методикой, умеет наладить контакт со студентами. Вместе с тем у ряда носителей этого типа отсутствует выраженное стремление к научно-исследовательской работе, что мешает укреплению их авторитета не только среди студентов, но и среди коллег. В качестве куратора опекает своих последователей по мелочам, что также не способствует положительному отношению к нему.

Третий тип (условное название — «методист») имеет выраженную склонность к постоянному стремлению совершенствовать мастерство преподавания, развитые методические и речевые способности. Зачастую его методическая направленность в работе преобладает над

глубиной научного содержания материала, но сам преподаватель, как правило, не считает это отрицательной стороной своей целенаправленной деятельности. Пользуется авторитетом у среднеуспевающих студентов, но не всегда удовлетворяет запросы творческих («интеллектуалов» или «идеальных») студентов. Невысокий научный его потенциал снижает авторитет преподавателя. В отношениях со студентами ровен, требователен, но не всегда выходит за пределы учебной деятельности.

Четвертый тип (условное название — «ученый») отличается творческим, аналитическим характером ума, склонностью к теоретической деятельности, творческой переработке информации и т. д. В ряде случаев его научно-исследовательская деятельность превышает способности и склонности к преподаванию, устная речь беднее письменной. Его увлеченность наукой, занимающая много сил и энергии, не способствует деловому и межличностному общению со студентами. Отдельные преподаватели этого типа вступают в конфликты со студентами, высказывают и на деле проявляют презрение к их «тупости», бесперспективности в науке. В силу сосредоточенности на научной деятельности «ученый» недооценивает и порученную ему воспитательную работу. Ограниченность его воспитательного потенциала препятствует воздействию на студентов.

Пятый тип (условное название — «пассивный») отличается индифферентным отношением ко всем участкам работы в вузе: преподаванию, воспитанию, научно-исследовательской и общественной деятельности. У авторитетных в коллективе преподавателей и студентов не пользуется уважением. Контакт с воспитанниками не несет воспитательного потенциала. В свою очередь, студенты выделяют группы современных преподавателей:

— преподаватели — «вечные студенты» — они понимают студентов, видят в них личность, охотно дискутируют на разные темы, обладают высоким интеллектом и профессионализмом;

— преподаватели — «бывшие моряки» — пытающиеся навести военную дисциплину в вузе, под словом дисциплина эти люди понимают тотальное безоговорочное разделение их точек зрения, они ценят «рабство», а не интеллект и умение логически мыслить, пытаются задавить личность, «я» студента путем административных мер;

— группа преподавателей, которые отбывают часы, позволяют студентам все делать, лишь бы им не мешали.

Старшекурсники среди преподавателей видят: «безразличных», «завистливых», «ограниченных», «господ-барин», «роботов» и т. п.,

но замечают и тех, кто «выкладывается в работе», «наслаждается работой со студентами» – гурманы, «друзья». По их мнению, наиболее распространенный тип преподавателя в высшей школе – это «преподаватель-стандарт»: «знает предмет, живет своей работой, труден в общении, упрям, амбициозен, не интересен ни себе, ни студентам».

Традиционные отношения в системе «преподаватель – студент» зависят от описанных типов педагогов и носят субъективный характер. Субъективные педагогические отношения не учитывают особенностей трех этапов обучения студентов и по этой причине не способствуют формированию нравственной воспитанности будущих специалистов высшей квалификации. Весь процесс обучения и воспитания студента можно разделить на три этапа:

а) первый (1–2-й курсы) – формирование нравственно-волевой основы личности в период адаптации;

б) второй (3-й курс) – расширение и углубление нравственного потенциала личности в период специализации;

в) третий (4–5-й курсы) – завершение формирования нравственности молодого специалиста в период самовыражения и личностной самореализации.

В самостоятельной работе педагога по повышению коммуникативных способностей можно выделить несколько направлений: самоконтроль и развитие умений выразительной речи; развитие общих психофизических осо-

бенностей личности, создающих предпосылки для успешного владения речевыми навыками и умениями.

Заключение. В результате многочисленных исследований и экспериментов для развития коммуникативных способностей педагогам необходимо следующее: преподаватель не должен открыто демонстрировать педагогическую позицию; адекватная оценка собственной личности.

Особого внимания требует умение управлять своим эмоциональным состоянием. Надо уважать индивидуальность каждого студента, создавать условия для его самоутверждения в глазах сверстников, поддерживать развитие положительных черт личности.

Педагогу необходимо позаботиться о благоприятной самопрезентации. Развивать наблюдательность, педагогическое воображение, умение понимать эмоциональное состояние и т. п.

Литература

1. Педагогика и психология высшей школы / сост. Л. Д. Столяренко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 132 с. (Серия «Учебники, учебные пособия»).

2. Леонтьев, А. А. Педагогическое общение / А. А. Леонтьев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1997. – 84 с.

3. Канн-Калик, В. А. Учителю о педагогическом общении / В. А. Канн-Калик. – М.: Просвещение, 1987. – 132 с.

Поступила 02.04.2010

ФИЛОСОФИЯ

УДК 504.3

П. А. Водопьянов, профессор (БГТУ)

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

В статье доказана несостоятельность сугубо потребительского вектора экономического развития, который привел к различного рода кризисным явлениям; обосновывается целесообразность утверждения биоантропоцентристской парадигмы, раскрывается содержание коэволюционной стратегии, нормативно определяющей процессы социальных и природных изменений и не допускающей разрушения природных экосистем.

In this paper an explanation of the change of the existing benchmarks of thinking based on allegations bioanthropocentric paradigm, revealed failure of purely consummator vector of economic development, leading to various crisis phenomena, the expediency of approval bioanthropocentric paradigm reveals the co-evolutionary strategies of interaction of nature and society.

Введение. Достижения научно-технического прогресса принесли не только несомненные блага для людей, но и оказали неблагоприятные последствия на состояние окружающей среды. Техническое могущество позволило человеку освободиться от непосредственной зависимости от природы и превратить человеческую деятельность в огромную геологическую силу, приведшую к нарастанию индустриального давления на биосферу и к разрушению и деградации целого комплекса природных экосистем. Эти негативные последствия научно-технического прогресса создали угрозу для нормальной жизнедеятельности людей и требуют принятия целого ряда безотлагательных мер по устранению экологических затруднений и достижению оптимальных форм взаимодействия общества и природы. Осознавая опасность такого рода негативных явлений, многие мыслящие ученые еще в прошлом веке неоднократно указывали на то, что неконтролируемый рост численности народонаселения, экономический рост и сугубо потребительский вектор развития цивилизации представляют угрозу для ближайшего будущего цивилизации.

Основная часть. Рост обеспокоенности за будущее человечества и осознание того, что сохранение жизни на Земле носит характер борьбы со следствиями, а не причинами, ведущими к катастрофе, привели к поискам и разработке безопасной для биосферы и общества модели развития цивилизации.

Основные параметры такой модели, содержащей экономические, социальные, политические, демографические показатели, были сформулированы в концепции устойчивого разви-

тия. Данная концепция содержит совокупность взаимодетерминированных социальных, экономических, политических, духовно-нравственных, межнациональных экологических составляющих, ориентированных на достижение безопасного существования людей. Основная цель стратегии устойчивого развития направлена на удовлетворение потребностей людей, которая не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности.

Такая формулировка, удачно отражая основные ориентиры будущего человечества, тем не менее, оставляет в стороне теоретические аспекты данной стратегии. Поэтому в основе принимаемых различных национальных концепций устойчивого развития лежит не всесторонне разработанная теоретическая доктрина, а ориентация на решение конкретных вопросов экономической, экологической, демографической стабилизации. Самое существенное при переходе на новый тип устойчивого развития, соответствующий постиндустриальной перспективе, состоит в том, что качественное изменение отношения общества к природе возможно только при изменении системы внутриобщественных отношений, пока еще воспроизводящих идеалы и нормы потребительского образа жизни среди широких кругов населения.

Одной из важнейших проблем понимания теоретических основ устойчивого развития является выяснение механизмов переключения каналов развития общества при исчерпании природных ресурсов и способов ведения хозяйства в различные исторические периоды. Известно, например, что еще в эпоху неолита

присваивающее хозяйство уступило место производящему. В современных условиях при ограниченности природных ресурсов осуществляется ориентация на резкое повышение ресурсов за счет внедрения качественно новых технологий, основанных на синтезе веществ и получении энергии из «недр» микромира (биотехнология, нанотехнология, геновая инженерия и т. п.). Сказанное, однако, не исключает традиционных способов ведения хозяйства и экономического развития в целом. Поэтому стратегия устойчивого развития предполагает как сохранение позитивных достижений в предшествующие эпохи, так и инициирование качественных преобразований в жизни современного общества.

На этой методологической основе возможно построение базовых установок теории устойчивого развития как науки о своевременном принятии решений в управлении социально-экономическими процессами. Реализация этой задачи возможна на основе коэволюционной стратегии, нормативно определяющей процессы социальных и природных изменений и не допускающей необратимого разрушения природных экосистем. Это предполагает такое отношение человека к природе, которое ориентировано на приоритетное развитие новых моральных ценностей, выражающих систему запретов на характер человеческой деятельности. Сложившаяся практика природопользования до сих пор базируется на антропоцентристской ориентации, всецело преследующей сугубо прагматические цели.

Начало антропоцентризму положила христианская традиция, в которой человек предстает как венец творения, как центр сосредоточения природного бытия, которое выступает как поле для развертывания человеческой деятельности. Позднее эта идея исключительной роли человека получила воплощение в культуре эпохи Возрождения, в которой главное предназначение человека сводилось к творческой деятельности, ориентированной на самоутверждение личности.

Антропоцентризм как мировоззренческая установка исходил из представлений, что человек как высшая ценность природы занимает в ней особое место, а природа рассматривалась как источник и кладовая ресурсов, созданных для удовлетворения потребностей человека. Такого рода установка оставляла в стороне ценность природы как необходимого условия жизнедеятельности человека, игнорировала тот факт, что человек как биологическое существо в полной мере зависит от качественных характеристик окружающей среды. Антропоцентристская ориентация, достигшая особого апогея в

Новое время, предопределила и весь ход дальнейшего развития науки, ориентированной на преобразование природы с целью достижения практических результатов в сфере естествознания. По этой причине эталоном строгости и достоверности научного знания принято считать науки естественно-научного направления, обеспечившие успех в удовлетворении потребностей людей. Вместе с тем далеко не всеми осознается тот факт, что эти достижения привели к разрушению и деградации природы, утрате качества окружающей среды во многих регионах мира, которые стали не пригодными для нормальной жизнедеятельности людей.

Как следствие данной мировоззренческой установки сложился сугубо потребительский вектор развития современной цивилизации, который предопределил расточительное использование природных ресурсов и вызвал нарастающие противоречия во взаимоотношениях общества и природы. Рост материального богатства на основе рыночной экономики привел к расточительному использованию природных ресурсов ради получения максимальной прибыли и обнажил свою внутреннюю противоречивость. С одной стороны, это обеспечило высокие темпы экономического развития, с другой – неизбежно сопровождалось разрушением и деградацией природных экосистем. Сегодня, когда замена одного товара другим происходит в течение незначительного времени и когда половина цены конечного продукта приходится на упаковку, рекламу и дизайн, становится несостоятельным сложившийся вектор экономического развития на основе рыночных отношений. Рынок, преследующий цель получения максимальной прибыли, не в состоянии различать справедливость, самодостаточность и необходимость сохранения окружающей среды как необходимых условий существования людей. Ограниченность сугубо рыночных отношений становится очевидной в контексте современной экологической ситуации, при которой резко обозначились экологические пределы человеческого развития, когда возможности воспроизводства биосферы оказались весьма прозрачными. В этих условиях возникает потребность утверждения новых форм жизненной ориентации, направленных на осознание того, что материальное богатство и реализующее его потребление – не самоцель, а лишь необходимое условие человеческой жизни, средство духовного развития людей.

Абсолютизация экономических ценностей породила до сих пор невиданные потрясения и конфликты в жизни современного общества. Достигший небывалой остроты и силы

глобальный экономический кризис есть следствие несоответствия финансовой и экономической сфер жизни общества. В результате глобализационных процессов произошло образование параллельной «виртуальной» экономики, базирующейся на технологиях, которые дают возможность получения прямой прибыли исключительно из самого процесса управления ничем не подкрепленными мировыми финансовыми потоками. Это привело к тому, что в экономической сфере фиктивная (финансовая) экономика стала подавлять реальную. Оказалось, что манипуляции с «плавающими» валютными курсами и краткосрочным спекулятивным капиталом способны экспроприировать материальные накопления тех или иных народов и стран, обесценить труд сотен миллионов людей.

Иначе говоря, появилась возможность «финансовой эксплуатации» мира современным транснациональным капиталом, возникновения новых каналов управления мировым развитием, в том числе посредством «сбрасывания» через фондовые рынки кризиса на отдельные страны и регионы. Все это в конечном итоге и привело к глобальному экономическому кризису, проявившемуся со всей остротой в современных условиях [1, с. 143–147].

Глобальный экологический кризис, охвативший практически все страны мирового сообщества, неизбежно ставит вопрос о выживании человечества и поиске новых форм экономического развития, ориентированных на удовлетворение человеческих потребностей с учетом сохранения пригодной для обитания окружающей среды, поскольку необратимые изменения окружающей среды в течение сравнительно короткого времени приведут к условиям, в которых станет невозможным процесс адаптации человека и его существование. Именно поэтому в настоящее время возникла необходимость выработки новой стратегии дальнейшего существования человечества.

Такого рода стратегия была сформулирована на Международной конференции в Рио-де-Жанейро, в которой была подчеркнута необходимость удовлетворения человеческих потребностей при сохранении благоприятной окружающей среды для будущих поколений, выбора такого пути развития, который не разрушает биосферу и ориентирован на управляемое, сбалансированное развитие общества и природы.

Основной целью стратегии является разработка ведущих путей и способов приспособления жизни к глобальным изменениям. Достижение этой цели связано с соблюдением основных принципов, таких как сохранение биологического разнообразия экосистем, развитие в

пределах емкости экосистем, предотвращение истощения природных ресурсов, повышение качества жизни, изменение сознания человека и стереотипов его поведения, поощрение социальной заинтересованности общества в сохранении среды обитания и достижение единства на мировом уровне.

Несмотря на эти благие пожелания, в реальной действительности, как показали результаты Йоханнесбургского саммита в 2002 г., не произошло коренных изменений в осуществлении указанных принципов, а напротив, ситуация существенно ухудшилась.

Сугубо потребительский вектор социально-экономического развития является доминирующим среди стран западного мира, несмотря на рекомендации, обозначенные в стратегии устойчивого развития, на сокращение экономического роста в развитых странах. Как следствие этого можно заключить, что роскошь и нищета одинаково опасны для ближайшего будущего существования цивилизации. Сегодня на долю развитых стран приходится 2/3 мирового потребления стали, алюминия, свинца, олова, никеля и цинка; 3/4 – энергии; 99% ядерного оружия. В то же время они выбрасывают в атмосферу 2/3 отработанных газов, 3/4 окислов серы и азота, 90% хлорфторуглеводородов. На долю развитых стран с населением около 25% приходится 70% всех ресурсов, причем на одного человека уровень потребления ресурсов в 30 раз превышает данный показатель бедных стран.

Как следствие этого, в общественном сознании закрепляется ценностная установка, что уровень потребления – главный критерий благополучия и счастья. Вместе с тем, по данным социологических исследований, лишь 1/3 населения самой богатой страны США считают себя счастливыми и потому на ступень выше уровня бедности, зависимость между доходами и счастьем весьма незначительна. Излишество и недостаток, как отмечал еще Конфуций, в одинаковой степени несовершенны и потому надо думать, что богат тот, кто знает, что имеет достаточно.

Интенсивное потребление природных ресурсов, их переработка и нерациональное использование в конечном итоге и привели к экологическому кризису, преодоление которого возможно на путях достижения устойчивого развития. При этом реализм в достижении данной цели основан на изменении господствующей до сих пор в массовом сознании ценностной ориентации во взаимоотношениях человека и природы. В настоящее время вырисовываются два возможных пути выбора будущего как мировому сообществу в целом, так и каждой

отдельно взятой стране: либо коренным образом изменить сложившиеся мировоззренческие установки в целях достижения устойчивого развития, либо подчинить эти установки моделям экономического роста. Анализ реального положения дел, сложившихся в мировой практике, показывает, что предпочтение, к сожалению, отдается второму варианту на достижение высоких уровней потребления, несмотря на грозные очертания экологической катастрофы.

В стратегии устойчивого развития как основополагающей установке сохранения среды обитания человека и определения путей развития цивилизации четко зафиксирована необходимость усвоения знаний о состоянии окружающей среды и всего комплекса знаний о закономерностях природы и общества, поскольку истоки экологического кризиса обусловлены сложившимся противоречием между законами развития общества и природы.

Обострение современной экологической ситуации, в основе которой лежит все возрастающий рост численности населения, истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, недостаток продовольствия, экономические показатели, деградация и разрушение природных экосистем, обусловило потребность в изменении сложившихся мировоззренческих установок человека по отношению к природе. В современных условиях кардинально изменяются сложившиеся ценностные ориентации, мотивы человеческой деятельности, что вызвано социальными потрясениями и кризисными явлениями в духовной, социальной, экономической и политической сферах жизни общества.

Преодоление такого рода негативных явлений по своей значимости приобретает особую актуальность, поскольку от решения глобальных проблем зависит будущее цивилизации. Именно поэтому формирование новых мировоззренческих ориентаций во взаимоотношениях человека и природы через экологическое образование и воспитание, главной задачей которого выступает не только усвоение достигнутого знания, но и прогнозирование будущих достижений в сфере науки и техники, – необходимое условие для воплощения в жизнь основополагающих установок стратегии устойчивого развития и определения перспектив развития цивилизации.

Заключение. Новые ценностные установки, ориентированные на достижение устойчивого развития в сфере науки, техники, различных отраслях промышленного и сельскохозяйственного производства, связаны с необходимостью перехода экономики с интенсивного на экстенсивный путь развития, который учитыва-

ет взаимосвязанность ориентированного мышления, основанного на принципах совместного, сбалансированного соразвития человека, общества и природы и выбора нового пути социально-экономического развития, учитывающего потребность в сохранении окружающей среды и изменении человеческих качеств.

С выбором новых путей социально-экономического развития связано изменение шкалы сложившихся человеческих потребностей, которая до сих пор преимущественно отражала материальные и духовные потребности и не учитывала потребностей в чистом воздухе, воде, пище и т. д., определяющих нормальную жизнедеятельность людей. Экологические потребности – это потребности, которые связаны с поддержанием качественных параметров окружающей среды, сложившихся в ходе длительной биологической эволюции, с сохранением жизненно пригодной среды обитания человека. К их числу можно отнести потребности в чистом воздухе, чистой воде, пище и многое другое, к чему человек приспособился в ходе длительной биологической эволюции. Поддержание качества окружающей среды тесно зависит от знания основных закономерностей эволюции живой природы, поскольку адаптация человека к изменениям среды обитания происходила в ходе длительного исторического развития.

Высокие уровни загрязнения, а также интенсивное потребление природных ресурсов во многих случаях привели к нарушению качественных характеристик окружающей среды и механизмов саморегуляции природных экосистем, к резкому нарушению сложившегося равновесия и утрате качества среды обитания. На протяжении длительной биологической эволюции биосфера самовосстанавливала различного рода нарушения, в то время как изменения в окружающей среде под влиянием человеческой деятельности вызвали однонаправленные изменения, ускоряющие темпы и скорость эволюционного процесса. Резкое изменение параметров окружающей среды как следствие нарастающего загрязнения, синтез новых химических соединений, не встречающихся в природе, в первую очередь, коснулись низших форм жизни, что привело к нарушению взаимного приспособления между высшими и низшими видами и как следствие этого – к изменению последних, которые эволюционируют буквально на наших глазах. По этой причине происходит нарастание различного рода инфекционных заболеваний (болезни крупного рогатого скота, птичий грипп и др.), представляющих угрозу для человека. В более широком плане, происходит быстрое изменение законов

эволюции биосферы, знание которых весьма важно для определения оптимальной экологической политики, задачей которой является установление основных подходов по снижению антропогенного воздействия на природные экосистемы с целью недопущения резкого изменения климатических условий. Данное обстоятельство порождает необходимость осуществления человеческой деятельности на основе учета законов биосферы на локальном и глобальном уровнях и требований экологического императива.

Проведение эффективной политики, рассчитанной на перспективы любого государст-

ва во всех важнейших сферах его жизнедеятельности, невозможно без всесторонней разработки теоретических основ устойчивого развития.

Литература

1. Кирвель, Ч. С. Современные глобальные трансформации и проблемы построения новой объяснительной модели развития общества / Ч. С. Кирвель // Современные глобальные трансформации и проблемы исторического самоопределения восточно-славянских народов / под ред. Ч. С. Кирвеля. – Гродно: ГрГУ, 2008.

Поступила 02.04.2010

УДК 130.1:37

П. М. Бурак, доцент (БГТУ)

**КОНСТИТУИРОВАНИЕ НООСФЕРНЫХ КРИТЕРИЕВ
МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ**

Статья представляет собой обобщение разработок автора по вопросам методологии познания становления и практики формирования ноосферы в проекции возможных изменений концептуальных подходов к образованию. Соответственно, в качестве ноосферных критериев модернизации образования выбраны актуальные философско-научные проблемы ноосферогенеза, которые обусловлены противоречивым единством естественно-исторического развития системной организации жизни и продолжающей данный процесс социальной деятельности по созданию человекомерной среды бытия.

The article presents generalization of the author's developments on the problems of methodology of cognizing the emergence and practice of noosphere formation in the field of possible changes of conceptual approaches to education. Thus, the author considers philosophic-scientific problems of noosphere-genesis to be noosphere criteria of modernization of education. The problems are determined by a contradictory unity of natural-historical development of a systemic organization of life and social activities on creation of a human-dimensional sphere of existence which contribute to continuation of this process.

Введение. Идея определения сути, структурных составляющих и способов применения ноосферных критериев обновления образования явилась следствием осмысления некоторых важнейших направлений развития науки и практической деятельности человека, которые выявляют основные закономерности становления и формирования механизмов воспроизводства ноосферы.

Такие направления фокусируются в форме узловых теоретико-практических проблем ноосферогенеза, которые в качестве его аттракторов «стягивают» в стихийно формирующуюся системную связь многообразные виды человеческой деятельности, относящиеся к различным сферам его жизни. Подобные проблемы ноосферогенеза становятся объектами изучения многих научных дисциплин, выступают источниками междисциплинарных связей, появления мировоззренческих идей, развития методологии научной и практической деятельности в их взаимной обусловленности. Такие «производительные» функции проблем – аттракторов превращаются в факторы имманентного развития производительных сил общества, его культуры, включая образование, именно потому, что с ноосферой связано формирование планетарной перспективы человечества в целом. Поэтому ноосферно-критериальный подход к модернизации образования, содержание которого обусловлено проблемами – аттракторами, необходим для решения вопросов его насыщения процесса обучения актуальной научной информацией в целях построения устойчивой социоприродной системы жизнедеятельности человека. Он также востребован обществом для целей создания условий, механизмов и возможностей распространения мер регулирования процесса стихийного саморазвития

ноосферы, несущего с собой рост цивилизационной нестабильности.

Структура ноосферной проблемы – аттрактора как критерия модернизации образования представляется достаточно сложной и поэтому требует специального анализа. В соответствии же с замыслом данной статьи отметим лишь то обстоятельство, что подобный критерий является, в конечном счете, результатом практического (трудового) преобразования и организации человеком природных условий существования. Зона действия данного критерия включает множество нерешенных вопросов ноосферного характера, задач на перспективу, гипотез, теорий, мировоззренческих установок и методологических подходов, образующих в совокупности поисковое направление познания для целей создания опережающего «фонда» идей построения ноосферы. Несомненно, что вся эта совокупность опережающего знания должна выражать содержание основных закономерностей становления ноосферы, и только при таком условии она может быть консолидирована в дисциплинарные образовательные программы. Поскольку система образования представляет собой одну из сфер жизни современного общества, то разработка и внедрение ноосферных критериев совершенствования образовательных практик может рассматриваться как акт реализации потребности в построении коэволюционного механизма согласования преобразований части социума с общими ноосферными закономерностями его развития как целого. В этом смысле определяется основная задача модернизации образования – выполнение им опережающей роли в становлении ноосферы, что будет соответствовать самому характеру разумной деятельности вообще и росту значения проективной, прогностической функции научного разума в особенности. Это,

в свою очередь, должно способствовать снижению зависимости человека от неконтролируемых рисков взаимосвязанных процессов самоорганизации в обществе и природе.

Осуществив предварительные разъяснения, остановимся на одной из узловых проблем ноосферогенеза, решение которой и создает условия стратегической трансформации образования. Для целей статьи из всех пластов ноосферного знания о проблеме – аттракторе ноосферогенеза мы выбираем лишь мировоззренческий и философско-методологический аспекты.

Основная часть. Важнейшей узловой проблемой ноосферогенеза, от теоретико-практического решения которой зависит формирование современных мировоззренческих и методологических ориентаций образования, является проблема осуществления перехода биосферы в ноосферу, о котором говорил В. И. Вернадский [1].

В контексте данной проблемы мы проанализируем вопрос о том, как возможно формирование ноосферы в зависимости от исторически приобретаемых онтологических свойств человеческого разума. Отправной мировоззренческой и философско-методологической идеей, на которую мы будем опираться в своем кратком резюме подготовительных размышлений, является научное обобщение В. И. Вернадского о том, что «человек, как и все живые организмы, как всякое живое вещество, есть определенная *функция биосферы...*» [2], а потому и «сознание – мысль человека – есть функция биосферы и проявление эволюционного процесса, т. е. планетное явление, не отделимое от ее материального бытия...» [3]. Вместе с тем, как в своем историческом становлении разум освобождался от подчинения инстинктивным реакциям эволюционирующих гоминид, он одновременно формировался как особый орган пантопического (гр. *pan* – все и *topikos* – местный) адаптивирования человека к процессуально-структурной организации мира. В нем ближайшее к человеку, ограниченное, непосредственно воспринимаемое и жизненно значимое, доступное для понимания и познания, всегда связано с более общим, неограниченным, скрытым, непонятным, закономерным, которое обуславливает конкретные факторы жизни. Данное единство общего, обширного, вездесущего и многообразия единичного самотворящей природы, в которой помещается человеческий индивид, исторически все более научающийся переделывать непосредственное окружение в условия, благоприятные для поддержания своей жизни, обусловило онтологическую структуру и адекватное фундаментальное противоречие человеческого разума. Это противоречие выражается в извечном стремлении человека соединять в

гармоничную целостность актуальную подчиненность разума решению повседневных задач жизнедеятельности и тенденцию его всеохватывающего «разбегания» по сверхнепосредственной, общей структуре различных форм бытия. Такой способ связи разума с миром можно интерпретировать как непроизвольное укоренение в нем человека в качестве субъекта формирования общих механизмов, связывающих различные способы воспроизводства объектов природы в широком ее понимании.

Происхождение подобного строения онтологии разума необходимо объяснить с учетом современных экологических проблем, которые ясно обнаружили, что конструктивную активность нашего сознания недопустимо сводить к услужению только лишь родовым интересам человека. Выступая поборником лишь собственного утилитарного блага волевым усилием, человек ставит себя в оппозицию собственному разуму, его целостности, противопоставляет низший уровень его компетентного проявления высшему уровню его системной организации. Достижения науки XX в. позволяют предложить правдоподобную гипотезу в пользу утверждения, что человеческий разум не может полностью контролироваться с помощью воли и быть подчиненным его носителю, преследующему лишь топические цели. Панонтическое содержание разума есть присущий ему способ самоорганизации бытия общих свойств реальности в виде идеальных конструкций, ориентированных на сохранение единства, взаимосвязь, образование целостных структур мира различной природы.

Поскольку мир в целом человек не в состоянии изменить исходя из своего главного прагматического интереса, то потребность в конструировании самых общих оснований сохранения им своей жизни и внешних ее условий вызвала развитие иной, неутилитарной способности разума. В соответствии с подобной потребностью разум выходит за пределы зависимости от решения текущих задач поддержания жизни или преодолевает принудительную силу повседневных забот, доминирование топического сознания. И хотя в чистом виде панонтическая функция разума не существует, тем не менее, на протяжении всей истории человечества развитие адекватной способности сознания человека было востребовано естественно-историческим и социокультурным процессом его развития. Человек унаследовал и поднял на новый уровень свойство живого активно формировать условия существования и продолжал его совершенствовать по двум взаимосвязанным направлениям: в ходе непосредственной перестройки окружающей среды

и посредством наследственной передачи генетического способа воспроизводства жизни. Наличие подобного механизма самосохранения свидетельствует о принадлежности и подчинении человека биосферной системе организации жизни как закону ее развития. Вместе с тем человек реализует и иную стратегию роста адаптивного потенциала форм живого – выход вновь возникающих видов за пределы наличного состояния биосферы. В этом смысле В. И. Вернадский говорил, что область распространения жизни шире области устойчивости биосферы. Историческое формирование общества обуславливает возникновение особого свойства человеческого разума – превращения его в средство преодоления ограничений наследственных программ биологического развития видов и биосферной системы организации жизни. Качественно иная форма продолжения и проявления подобной закономерности складывается в отношениях разума и социальной действительности. Если топический разум утверждает, непосредственно формирует конкретные социальные связи, выступает инструментом удовлетворения текущих потребностей человека, то панонтический поднимает человеческое сознание выше привязанности к повседневной рутине социальной жизни, выводит человеческое творчество за пределы текущего состояния биосферы, за границы социоприродного взаимодействия. Но что означает этот выход, если благодаря такой способности своего разума человек оказывается относительно свободным от подчинения системной организации биосферы и общества? Данный выход означает, что сам человек, благодаря онтологическим свойствам и структуре своего разума, становится перед необходимостью и оказывается способным самостоятельно конструировать систему жизненных связей во взаимодействии с природой – ноосферную организацию реальности. Следовательно, вполне резонно сделать вывод о том, что переход биосферы в ноосферу, о котором говорил В. И. Вернадский, означает развитие пантопических свойств человеческого разума, лежащих в основе способности формирования новых онтологических структур жизнедеятельности за пределами границ биосферной и актуальной социальной среды.

Если сознание человека действительно есть функция биосферы как системы, то можно вполне определенно полагать, что его разум, соответственно синергетическим представлениям, исторически формируется в качестве основного средства ноосферогенеза как нового аттрактора самоорганизации биосферы, продолжения ее эволюции. Это означает, что перспективы существования биосферы зависят от пантопической способности разума мысленно

образовывать реальность за пределами актуальной системной организации жизни, в относительной независимости от нее.

Ретроспективный анализ становления основных исторических типов мировоззрения позволяет сделать два вывода, имеющих отношение к представлениям В. И. Вернадского о закономерном возникновении ноосферы в ходе исторической смены состояний эволюционирующей биосферы и о последовательном образовании онтологической структуры и системообразующей креативности человеческого разума.

В мифологическом мировоззрении первобытного общества панонтическая функция разума проявлялась в представлениях о сверхъестественных силах, от которых зависит судьба человека. Религиозное мировоззрение поставило онтологию разума человека и его творческие способности в зависимость от креативной воли творца мира. Философское мировоззрение подняло человеческий разум до уровня активного постижения самых общих оснований бытия мира и отношения к нему человека. Наука производит фундаментальное рациональное знание о законах природы и создает дисциплинарную организацию прикладного знания с целью его технологического воплощения. Современное философское знание, не имея операционального технологического применения (мир в целом не утилитарен), является необходимым для поиска онтологических критериев и перспектив развития всего разнообразия технологий.

Заключение. Развитие онтологической структуры и функции человеческого разума в контексте перехода биосферы в ноосферу свидетельствует о возможности построения социоприродной организации жизни на принципах коэволюции при условии гармоничного единства панонтической и топической функций человеческого разума как целого. Подготовка специалистов в сфере образования ориентируется на узкоспециализированные цели, развивая преимущественно топическую функцию разума. Между фундаментальной и прикладной наукой, философским и инструментальным знанием, панонтической и топической функциями разума сохраняется противоречие и даже раскол. Эти факторы являются одной из важнейших причин кризиса современного образования.

Литература

1. Вернадский, В. И. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1988. – С. 124–152.
2. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1989. – С. 197.
3. Там же. – С. 229.

Поступила 02.04.2010

УДК 159.955:111.7

О. П. Пунченко, профессор (ОНАС им. А. С. Попова, Украина)

ТВОРЧЕСТВО КАК КУЛЬТУРОГЕННЫЙ ФЕНОМЕН ДУХОВНОГО БЫТИЯ СОЦИУМА

В статье рассмотрены природные и культурные предпосылки становления творчества, проанализирована значимость рефлексивного мышления как специфическая особенность индивида, обосновано положение, что только в процессе творчества создается новая реальность и само общество.

The article describes the natural and cultural premises of creativity, analyzed the importance of reflective thinking as a specific feature of the individual, justified the position that only in the creative process to create a new reality and society itself.

Введение. В структуре современной классификации научного знания вряд ли можно отыскать дисциплину, направление, которое не обращалось бы к проблеме творчества. Сам процесс развития научного знания – наглядная демонстрация полета человеческой мысли за пределы наличного мира. Творчество – это особая рефлексия человеческой мысли, возникающая со становлением общества, а фактически с того момента, когда в одном субстрате сложились две структуры – биологическая и социальная. С позиций антропосоциогенеза это означало становление Homo Sapiens, формирование его потенций к целенаправленному освоению действительности, созданию им нового мира – мира культурных ценностей.

Основная часть. Культура с самого начала бытия социума выступила детерминирующей сферой реализации творческих потенций человека. Постигание культуры есть процесс познания человеком лежащих в основе собственных предпосылок к возможности познания и творения. Но эти культурные предпосылки индивидуального «Я», без которых человек и не мог бы осмыслить себя как «Я», представляют собой нечто более принципиально новое, чем природные предпосылки его физического существования. Природные предпосылки оказывают свое влияние объективно, при минимальных усилиях человека, в то время как культурные – очерчивают поле возможностей, предлагая индивиду самому конституировать себя в качестве личности, т. е. самоутвердиться. Поскольку культурные предпосылки действуют не автоматически, а лишь при наличии внутренней духовной работы, характер и результаты которой будут существенно отличаться у разных людей, то для развития личности они более фундаментальны, чем предпосылки собственно природные, которые, несомненно, необходимы, но их необходимость имеет сугубо внешнюю форму. Это своеобразный фон, на котором развертывается история формирования рефлексивно-творческих способностей человека.

Культура же выступает в качестве бытийной сферы, реальность которой обеспечивается особыми режимами человеческой деятельности, возможными благодаря наличию у человека способностей как к спекулятивному мышлению, возникающему при рассмотрении мира в модусе некоей загадки (как что-то непонятное, удивительное, требующее декодирования, расшифровки, разъяснения его содержания), так и к рефлексии, которая снимает противоположность между мыслящим и предметом мышления. Наличие рефлексивного мышления у человека и выделяет его коренным образом из царства животного мира. «Будучи рефлектирующими, – отмечал П. Тейяр де Шарден, – мы не только отличаемся от животного, но мы иные по сравнению с ним. Мы не просто изменение степени, а изменение природы, как результат изменения состояния» [1, с. 137].

То, что П. Тейяр де Шарден называл рефлексией применительно к процессу выделения человека из биологического своего окружения, есть рефлексия как антропологическое качество вообще; «Я» лишь догадывается о своем существовании, опираясь на наглядную достоверность.

Подлинно рефлексивным «Я» становится только тогда, когда предметом рефлексии становится не эмпирическая единичная данность «Я», а само мышление, которое и становится гарантом достоверности этого «Я». Мышление выступает в роли абсолютной сущности, но в то же время оно выходит за пределы единичного «Я», причем расширение границ идет не в направлении коллективного «Мы», а в направлении осознания надличностного характера «Я», т. е. к трансцендентальному «Я».

Несмотря на отмеченный выше факт, что возможность бытия культуры и процесса ее развития обеспечивается человеком способностью к спекулятивному и рефлексивному мышлению, мысль сама по себе ничего творить не в состоянии. Для развития культуры, наполнения ее новым содержанием чистой мысли, даже если она гениальна, недостаточно. Необходимо ее

оформление, объективация, реализация на практике. Чистая мысль может уносить мыслящего субъекта за пределы как физической, так и духовной реальности, но это будет лишь личный мир индивидуального «Я». Человек выступает как реципиент относительно культуры, он «подпитывается» ее энергией, сам на нее не влияя; здесь выражается односторонняя связь. Если же его мысль смогла при посредничестве волевого усилия оформиться, то он выступает как создатель новой реальности, как творец. Именно через творчество природное бытие трансформируется в бытие культуры.

Творчество как социоатрибутивный феномен личности выводит ее не только за пределы материального мира, но и за пределы духовной среды. Создав посредством творчества новую реальность, личность преодолевает существующую культуру как внешний факт, но вместе с тем получает возможность на нее влиять, т. е. культура оказывается личным делом «Я». Без способности к творчеству не было бы не только культуры, но и социума, т. е. люди склонны к творчеству не потому, что социальны, а социальны, потому что склонны к творчеству.

Такой подход к единству социального бытия с творчеством может вызвать возражения. Но необходимо учитывать, что сама социальность предполагает наличие некоего культурного субстрата, пусть даже в примитивной форме, который обеспечивает культурное функционирование общностей людей духовным фундаментом. Творчество не возникает исторически раньше, чем общество, но творческая активность отдельных личностей выступает необходимым и решающим фактором социогенеза, обязательно имеющая место при зарождении сообщества, при формировании его институтов и идеологии. Любое объединение людей, если оно не вдохновлено единым творческим порывом, обречено на распад.

В отдельных случаях творческий порыв может быть непродолжительным, его хватает лишь на создание простейших культурных ценностей. В этом случае задачей социума является сохранение неприкосновенности сформировавшихся культурных ценностей, традиций, люди сакрализируют великие свершения прошлых поколений, на которые сами уже не

способны. Если же общество создает условия для постоянного усиления творческого порыва, то можно говорить об историческом развитии. Критерием развития такого общества выступает перманентный творческий процесс.

Заключение. Движущей силой творческого процесса являются личности. Но способность творить, создавать новое у них различна. Поэтому структуризация творчества позволяет выделить общее и особенное, что присуще личностям в этом процессе. Во-первых, это творческое начало, которым каждый человек обладает. «Творческие способности, – отмечает И. Платонов, – неотъемлемо присущи человеческому духу и подобно зрению, слуху и обонянию являются врожденными способностями физического тела человека» [2, с. 9].

Во-вторых, талант как способность личности создавать более высокие по культурной значимости материальные и духовные ценности.

В-третьих, гениальность, позволяющая создавать не только новые культурные ценности, но и на основе интуиции и переживающего отражения как черте его сознания создавать предпосылки для дальнейшего духовного и культурного развития человечества.

Каждая из этих форм творческого процесса предполагает специфический режим бытования личности, при котором происходит обращение субъекта вовнутрь, открытие в себе территории духа, производящего новые акты спекулятивной мысли, выпадающие из казуальных цепочек материального мира и попадающие в новую онтологическую реальность. Творчество вызывается потребностью личности в амплификации внутренней работы духа и экспликации ее вовне, что имеет личностное значение не только для манифестирования своего кредо, но и для наполнения конкретным содержанием его пространство мысли.

Литература

1. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден; пер. с фр. – М.: Наука, 1987. – 247 с.

2. Платонов, И. Смысл творчества / И. Платонов. – Минск: Элайда, 2007. – 175 с.

Поступила 02.04.2010

УДК 114.115-047.37

Н. А. Лазаревич, канд. филос. наук, ст. науч. работник (Ин-т философии НАН Беларуси)

СОЦИАЛЬНО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ

Рассмотрена трансформация классических представлений о пространстве и времени под влиянием биологической и социально-культурной эволюции. Изучены особенности биологического и социального пространства-времени. Раскрыты нетрадиционные пространственно-временные измерения явлений, обусловленных достижениями в области биомедицинских исследований.

We consider the transformation of classical concepts of space and time under the influence of biological and sociocultural evolution, the features of biological and social space-time. Attention is paid to non-traditional space-time measurements of sociobiological phenomena resulting from modern advances in biomedical research.

Введение. Пространство и время принято рассматривать как независимые от человека объективные феномены, преимущественно как реальное физическое пространство и реальное физическое (астрономическое) время. Выработанные в русле этих традиций представления о пространстве и времени выражаются посредством понятий «протяженность», «рядоположенность», «длительность», «последовательность», «ритм», «непрерывность», «прерывность», «конечность», «бесконечность» и др., составляющих в своей определенной связности концептуальные характеристики пространства-времени. Однако, помимо реального физического пространства-времени и его понятийно-категориального воспроизведения, существуют другие типы, например геологическое, биологическое, социальное пространство-время. В этой связи следует назвать и перцептуальное пространство-время, которое отражает объективную пространственно-временную структуру реальности в единстве с содержанием интеллектуальной и чувственно-эмоциональной сферы человека.

Типологическая множественность пространства и времени обусловлена структурным разнообразием мира и соответствующих форм его бытия. Анализ данной типологии неотделим от основной гносеологической проблемы – отношения формирующихся в нефизических науках понятий пространства и времени к физическому их измерению, что является теоретико-базовой структурой для понимания и выстраивания других возможных форм пространства и времени.

Основная часть. Успехи естественных наук позволили выявить различие пространственно-временного континуума живых и неживых систем, т. е. связать данный континуум с феноменами жизни. В основе концепции биологического времени лежат характеристики жизнедеятельности живых организмов, где время и пространство связаны с течением жизни в биосфере. Живые организмы и все живое вещество рас-

сматриваются в данном случае как формы, уровни организации биосферы. Направление естественного процесса жизнедеятельности любых организмов имеет односторонний характер, следовательно, время создается течением жизни в биосфере посредством ее продления.

Понятие «биологическое время» прочно вошло в научный лексикон. Вместе с тем существуют два различных подхода к изучению биологического времени. Один из них связан с изучением времени, отмеряемого «биологическими часами». При этом многими исследователями на основании изучения феномена «биологических часов» отрицается специфика биологического времени, ибо ход «биологических часов» синхронизирован с ритмами физических процессов окружающей среды. Действительно, приспособительная активность организмов во многом связана с формированием в процессе эволюции внутри них своеобразных моделей временной организации внешних процессов. И. П. Павлов, В. М. Бехтерев, С. С. Корсаков, В. В. Парин показали особенности восприятия времени животными и человеком. Окружающая живые организмы неживая природа ритмична: смена дня и ночи, времен года связана с основными ритмами Земли – ее вращением вокруг своей оси и вокруг Солнца. Живые организмы зависят от этих ритмов, поскольку в течение сотен миллионов лет эволюции шел процесс приспособления к ним, вырабатывались ритмические процессы жизнедеятельности, выживали лишь те организмы, которые могли воспринимать время и реагировать на него. В результате постепенно вырабатывался ритм организма, синхронный с периодическими процессами внешней среды и связанный с процессами, происходящими в клетке. Он получил название биоритма. Это своего рода биологические часы, в которых время определяется характером и последовательностью биохимических и физиологических процессов, происходящих в живых организмах на разных уровнях (в клетках, тканях, отдельных органах и системах). Данные

процессы, в свою очередь, обусловлены определенными воздействиями внешней среды (сменой дня и ночи, временем года, состоянием атмосферы, динамикой различных полей и др.). Их скорость и характер протекания соотношены со скоростью и направленностью изменений среды обитания. Живые организмы соизмеряют ритмы своих внутренних процессов с процессами внешней среды, следя за ее изменениями и опережающим образом реагируя на них. Работа биологических часов означает запуск и отключение внутри организма цепей химических реакций, которые обеспечивают его приспособление к определенному ритмическому чередованию факторов внешней среды. Система таких химических реакций обеспечивает готовность организма к целесообразному функционированию в условиях, которые должны с определенной вероятностью наступить в будущем. Известно около 300 функций, имеющих суточную периодичность. Наиболее изучены суточные ритмы (24-часовые) и околосоточные, хотя существуют и более длительные циклы, например, солнечной активности (80–90 лет, 600–800 лет). В данном случае биологическое время представляется как имеющее «смешанный», двойственный характер, обусловленный единством биологической и физической форм движения материи.

Биологическое время может рассматриваться изолированно от физического, что обусловлено несводимостью биологического к физическому. Главной особенностью биологического пространства-времени является его способность к самоорганизации и качественному изменению. С. В. Майен считает, что феномен времени связан с самим наблюдателем времени. В этом случае временем выступает изменчивость индивида, имеющая некую структуру, порядок в которой задан собственными свойствами индивида, не навязан извне, и какие-то события, происходящие в его организме (удары сердца, захотел пить), могут служить часами для других событий. Различные мелкие «происшествия» будут служить точкой отсчета к упорядочиванию дальнейших событий или тех, которые были перед этим [1, с. 19]. Появляется свое внутреннее осознанное время, где порядок событий будет определяться не чем-то внешним, а только внутренними точками отсчета.

Функционирование биоты с ее делением клеток есть процесс образования времени и формирования пространства. Самым существенным свойством продления жизни является необратимость живого вещества и его направленность только в одну сторону. Его принято называть движением из прошлого – через настоящее – в будущее. Время и пространство

«образуются» применительно к живому веществу как следствие действия всего живого вещества биосферы, которое длится и делится на мерные отрезки, имеет направление, а также диссиметрию. Рассматривая эволюционный процесс как процесс становления живой материи и принимая во внимание идеи В. И. Вернадского, Н. В. Тимофеева-Ресовского, А. А. Малиновского, в соответствии с которыми ход биологической эволюции предлагается измерять числом сменившихся друг друга поколений, можно определить отношения между представителями различных поколений как специфические биологические временные отношения, а отношения совместного бытия, существующие между представителями одного поколения, – как биологические пространственные отношения [2, с. 23]. Подобные отношения реализуются и между биологическими видами, многообразие которых есть результат становления живой материи. Эволюция живых существ, появление среди них более приспособленных к окружающей среде, качественное изменение популяций соответствуют времени созидания и развития. Отдельные же индивиды в популяции развиваются в соответствии со временем разрушения (старение, смерть). Биологическое пространство в биосфере есть совокупность живой материи, находящейся на Земле, которая постоянно подвержена динамическим изменениям.

Новейшая история ознаменовалась появлением и новых понятий, характеризующих биологическое время. Речь идет о нетрадиционных пространственно-временных измерениях различных феноменов, обусловленных современными достижениями в области генетических, эмбриологических и других биомедицинских исследований. «Новый опыт» биомедицинского знания ставит человека перед возможностью не только «давать» жизнь (искусственное оплодотворение), определять и изменять ее качественные параметры (генная инженерия, транссексуальная хирургия), но и продлевать, отодвигая «время» смерти (реанимация, трансплантология, геронтология) [3, с. 60]. Одно из величайших достижений медицины XX в. – повышение средней продолжительности жизни. Кумулятивное влияние биомедицинских исследований, – как считает Ф. Фукуяма, – значительно увеличит ожидаемую продолжительность жизни [4, с. 92]. Наука и техника, по мнению российского исследователя П. Д. Тищенко, приближаются к человеку не «только извне, но и как бы изнутри, в известном смысле делая и его своим произведением, проектируя не только для него, но и самого же его» [5, с. 37]. По мнению биогеронтолога из Кембриджского университета Обри ди Грея, регулярный «техосмотр» человеческого

организма и его обновление с помощью генной терапии, лечение стволовыми клетками и другими достижениями биотехнологий в потенциале позволяет приостановить процесс старения на неопределенное время. На прошедшей в 2006 г. в Оксфордском университете конференции, посвященной проблемам борьбы со старением, ученые заявили о том, что уже в ближайшее время средняя продолжительность жизни в развитых странах может увеличиться с 80 до 112 лет, при этом значительное число людей, по их мнению, будут жить куда дольше.

В человеческой жизнедеятельности как бы сталкиваются различные линии саморазвития: с одной стороны, естественная эволюция неживой и живой природы, с другой – искусственная, реализуемая только в социуме. Причем вторая, возникающая благодаря человеческой деятельности, линия эволюции реализуется не только в формах развивающейся предметной среды, которую создает человек в процессе производства, но и в форме развития самого человека, который развертывает свои природные возможности, строит новые разнообразие формы общения и социальных отношений и в этом процессе изменяет самого себя. Здесь возникает и исторически развивается особый тип пространственных отношений, в котором воспроизводится и развивается человек как общественное существо. Социальное пространство, вписанное в пространство биосферы и космоса, обладает особым человеческим смыслом.

Г. Зиммель – один из первых социологов, поставивших вопрос социального пространства и времени – сводил общество к взаимодействию индивидов, а само взаимодействие – к пространству и времени как чистым «социальным формам» кантианского толка. Чистота этих форм означала то, что они являются необходимыми условиями, но вовсе не действующими факторами взаимодействий. Поэтому, отрывая «форму пространства и времени» от социального содержания, Зиммель, по сути, свел ее к физической характеристике и лишь поставил вопрос социального пространства и времени. Освоенное человеком, «очеловеченное» и неосвоенное пространство природы с точки зрения природных свойств не различаются. Но в социальном плане их различие существенно. Оно определено отношениями человека к миру, исторически складывающимися особенностями воспроизводства способов человеческой деятельности и поведения. Специфические черты и характеристики социального пространства отражаются, хотя и не всегда адекватно, в мировоззрении человека соответствующей исторической эпохи. Например, в древних мифах прослеживается представление о качественном

различии частей пространства, противопоставление упорядоченного пространства человеческого бытия остальному пространству, в котором действуют недобрые и непонятные человеку силы. В этих представлениях в фантастической форме отражалось реальное различие между «очеловеченным» пространством и пространством природы, остающимся вне сферы человеческой деятельности.

Социально-гуманитарное познание формирует представление об обществе как темпорально-временном процессе. Социальное время многие авторы понимают как характеристику темпа и ритма событий в тот или иной период существования индивида, группы или общества. Именно наличие социальных процессов собственного сложного ритма и изменчивого темпа позволяет говорить о качественном отличии социального времени от других видов времени. Понятие социального времени является собирательным также для более узких, но при этом более содержательных понятий, относящихся к различным сферам социальной жизнедеятельности: политическое время, время культуры, время техники и технологий, время коммуникации, время войны, время труда и отдыха, распорядок времени индивида и др. Каждая из этих сфер имеет собственную динамику с ее особыми темпоральными характеристиками, а потому и свое специфическое время.

Реально человек, независимо от его воли, включен во множество уровней социальной темпоральности: от наиболее коротких, мелко-событийных до самых масштабных – исторических. В более широком социальном и историческом контексте акты его социального поведения, кажущиеся точечными ему самому и его современникам, приобретают множественные значения. При таком подходе в глубинные социальные течения включен каждый человек без исключения. Социальное пространство – это пространственные структуры, функционирующие в качестве своеобразной матрицы, в соответствии с которой в определенные эпохи воспроизводится свойственный им образ жизни людей. Они формируются людьми в процессе освоения новых территорий, создания производственной инфраструктуры и средств производства, развития технико-технологической сферы, а также сферы социокультурной деятельности. Социально-историческое время – это мера изменчивости социальных процессов, форма упорядочения человеческой деятельности как универсального способа бытия социума и человека. Специфика социального времени проявляется, прежде всего, в непрерывном повышении значимости социального (человеческого) фактора во временной организации

(структурировании, упорядочении) человеческой деятельности по сравнению с таким фактором, как природное время. Она все более регламентируется не с учетом смены времен года, дня и ночи, лунных фаз и т. д., а на основе выполненных людьми целей, проектов, прогнозов, с учетом ритма работы, возможностей технических средств и объектов инфраструктуры.

Плотность и быстротечность событий современности привели к формированию в специальной литературе устойчивой метафоры «сжатия времени и пространства» («time-space compression»), описывающей, с одной стороны, ускорение социального времени, а с другой – фрагментацию социального пространства. В некоторых сферах жизни время настолько сжато, что перестает восприниматься даже как символическое (время раздумий, время принятия решений, время действий, время собирания и разбрасывания камней и т. д.). С появлением новых информационных технологий встает необходимость определения новых свойств информации: плотности, т. е. сжатие ее в пространстве; интенсивности движения информации, т. е. возможность комбинированного сжатия информации в пространстве и времени.

Потребность в специфически социальном пространственно-временном обобщении наиболее полно выражается в концепции сетевого информационного общества М. Кастельса. В ней общество, отождествляемое с социально-сетевой структурой, сводится к трем самым общим компонентам: пространству, времени, технологии. Пространство нового общества построено на потоках капиталов, информации, технологий, организационных взаимодействий, образующих сеть. Пространство ресурсных потоков есть господствующая пространственная форма сетевого общества, которая надстраивается над физическим пространством мест. Сетевое общество создает новую темпоральность, которую Кастельс называет «вневременное время», порождаемое попытками информационных сетей аннигилировать время. «Вневременное время, как я назвал господствующую темпоральность нашего общества, возникает, когда характеристики сетевого общества порождают систематическую

пертурбацию в порядке следований явлений... Устранение очередности создает недифференцированное время, которое равнозначно вечности... Секундные трансакции капитала, гибкое предпринимательство, варьируемое рабочее время жизни, размывание жизненного цикла... суть фундаментальные явления, характерные для сетевого общества... Фактически, большинство людей и большинство мест в нашем мире живут в другой темпоральности» [6, с. 11].

Заключение. Современный уровень социобиологической эволюции сопряжен с изменениями пространственно-временной картины мира, сложившейся под воздействием достижений классической науки. Неклассические и постнеклассические измерения пространства-времени требуют новой ценностной матрицы, формируемой в культуре современного общества. Важнейшим индикатором этой культуры выступает прогресс в сфере науки и технологий, который актуализирует новые подходы к осмыслению и биологического, и социального пространства-времени.

Литература

1. Майен, С. В. Время без часов, или Похвальное слово создателям геохронологии / С. В. Майен // Экология и жизнь. – 2009. – № 11–12 (96–97). – С. 46.
2. Вернадский, В. И. Труды по философии естествознания / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 2000. – 503 с.
3. Юдин, Б. Г. Перспективы человека: современные дискуссии / Б. Г. Юдин // Человеческий потенциал как критический ресурс России. – М.: РАН ИФ, 2007. – С. 60.
4. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ МОСКВА, 2008. – 232 с.
5. Тищенко, П. Д. Биовласть в эпоху биотехнологий / П. Д. Тищенко. – М.: Наука, 2001. – 160 с.
6. Кастельс, М. Могущество самобытности / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. – М.: Наука, 1999. – 302 с.

Поступила 02.04.2010

УДК 316.752:001.101:62

А. В. Кокорев, аспирант (ОНАС им. А. С. Попова, Украина)

ТЕХНИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В СТРУКТУРЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОЦИУМА

В статье раскрывается содержание технического знания, рассмотрены основные этапы его становления, обоснована необходимость формирования новых методов обработки, передачи и хранения технического знания, проанализирована структура естественно-научной и технической теории.

The article reveals the technical knowledge, the basic stages of its formation, the necessity of formation of new methods of processing, transfer and storage of technical knowledge, analyze their development of the structure of natural science and technical theory.

Введение. XIX в. вошел в историю развития науки как век появления новой ветви в ее структуре – технического знания. Технические науки сформировались как опосредующее звено между естествознанием и производством. Благодаря техническому знанию стало возможным реально утверждать о науке как о непосредственной производительной силе общества. Технические науки резко изменили облик цивилизации, строящегося в XIX в. индустриального общества, становлению которого человечество отдало почти 300 лет. Благодаря техническому знанию стало возможным решение задач социального преобразования.

Основная часть. Фактически вторая волна, связанная с индустриализацией общественного производства, породила техническое знание, которое выступило как новый вид информационного духовного производства, имеющего свои особенности. Во-первых, оно выступило как особый вид научной деятельности. Возникшее из потребностей инженерии, техническое знание, прежде всего, оформляется как система, обладающая структурным содержанием. С его становлением возникает новый уровень разработки информации и работы с ней. Здесь процесс производства информации связывается со специально разрабатываемыми способами, идет бурный процесс ее упорядочения, развиваются новые способы ее хранения и передачи при помощи вербальных средств общения (например, формулы, схемы и т. д.), естественных, а также искусственных языков, а связи в структуре информации приобретают упорядоченный, закономерный, необходимый характер, что в целом придает этим наукам стройный логический характер.

Но процесс деятельности ученых и инженеров по созданию технической теории сложен. В нем техника должна исследоваться не как механическая сумма артефактов и видов технической деятельности, но как система технических знаний, истинность и достоверность которых подтверждается практикой. К техническому знанию применяются требования не только его истинности, как например к естественно-научному, но обязательным условием выступает требование его эффективности.

Сам факт становления технических наук не вызывает сомнений, поскольку они служат основой технического прогресса. В этой ипостаси они выступают как непосредственная производительная сила общества, как составляющая производительных сил, мощный фактор их ускоренного развития за счет использования новейших технических знаний при разработке новых технологий. Инновационные процессы в сфере технического знания находят яркое отражение в нанотехнологиях, которые сегодня рассматривают как фундамент решения грандиозных задач, связанных с формированием антропогенной цивилизации.

Сегодня самым очевидным выступает применение все более сложной и совершенной техники в сфере материального производства, что породило новый вид производства – информационное техническое производство, которое вызвало к жизни ряд проблем. Прежде всего, это проблема экспоненциального роста технического знания, технической информации, но интересен тот факт, что новая информация более ускоренными темпами реализуется в сфере материального производства. В технической деятельности возникают новые методы ее обработки, передачи и хранения, которые связаны с интеграцией и упрощением технической информации и, особенно, с кодированием как диалектическим процессом взаимосвязи мысли и знака. Этот процесс как деятельность связан с мышлением. Мышление здесь выступает в форме слова (как стройная логическая форма мысли), кодирование (как перевод мысли в знак – сигнал), декодирование – как расшифровка сигнала.

Первое, с чем связывается субъект в процессе кодирования информации, – выбор кода. Код – совокупность знаков (символов) и система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из определенных символов для ее передачи, обработки и хранения (запоминания). Конечная последовательность кодовых знаков называется словом. Кодирование есть процедура преобразования сообщения в сигнал. При этом преобразования осуществляются по определенным правилам. Код как совокупность знаков (сигналов) выступает как идеальный

образ предметной действительности. Это позволяет утверждать, что кодирование – гносеологический диалектический процесс взаимосвязи и единства мысли, знака сигнала.

Техническое знание как деятельность раскрывает свое содержание поиска «первокирпичика» информации. Апогеем развития этой деятельности об информации является ее квантовая теория. «Квантовая информация, – отмечает А. Холево, – это новый вид информации, который можно передавать, но нельзя размножать» [1, с. 64]. Здесь мы сталкиваемся с двумя проблемами: сжатием квантовой информации и спецификой ее кодирования, поскольку последнее носит сверхплотный характер. Специфика кодирования заключается в том, что оно выступает как попытка раскрытия информационного смысла природы кванта.

Как особый вид деятельности техническое знание обусловлено становлением и развитием информационно-коммуникационных технологий, которые сегодня стали квинтэссенцией информационного единства науки, образования и культуры, поскольку они связаны с преобразованием всего базиса общественного развития (материального и духовного), а также с развитием новых систем общения. Информационно-коммуникационные технологии создают социотехнические предпосылки формирования современной информационно-компьютерной цивилизации, способствуют становлению информационной сферы разума как атрибутивного свойства будущего общественного бытия.

Техническое знание, вызванное к жизни потребностями инженерии, – это не только особый вид деятельности, несмотря на то, что эта его ипостась определяющая, оно выступает еще и как наука. Становление технических наук связано, прежде всего, с особой рефлексией в содержании естественных наук. Рефлексивное осмысление процесса ответвления технических наук от определенной стволовой естественной науки, с одной стороны, раскрывает процесс взаимодействия естественных и технических наук, с другой стороны, должно объяснить утверждение автономности и обособленности их содержания, формирование технических наук как самостоятельного научного организма.

«Технические науки по своему назначению и строению не могут быть сведены к фундаментальным, – считают И. П. Панфилов и О. П. Пунченко, что позволяет утверждать тезис об их автономности и обособленности, рассматривать эти науки как самостоятельный научный организм, нуждающийся в специфических формах теоретического осознания» [3, с. 8]. Уже поверхностное согласование технических знаний и знаний фундаментальных наук указывает, прежде всего, на их различие.

Построение самостоятельной технической науки связано с переносом логических операций в орбиту их содержания. Перенос в технические науки логических операций, принципов научности и методологии фундаментальных наук позволил организовать содержание конкретного технического знания в стройную систему. Однако есть особенности. В отличие от фундаментальной науки в техническую науку (теорию) включаются также расчеты, описания технических устройств, методологические предписания. Ориентация исследователей технической науки на инженерию заставляет указывать «контекст», в котором используются знания технической науки. Но для процесса становления технических наук, а также формирования их связи с естествознанием не имеет существенного значения, кто именно проводит работу по созданию теоретических основ соответствующей технической науки: ученые-естествоиспытатели или сами инженеры, практики. Результатом усилий этих людей было становление технического знания как теоретической научной дисциплины.

При анализе структуры естественно-научной и технической теории можно обнаружить идентичные интегрирующие элементы. Прежде всего, в этой структуре можно выделить концептуальный и математический аппараты, а также специфические онтологические схемы. Данные схемы выступают в качестве гомоморфного отражения действительности. Гомоморфизм – это упрощенное, приближенное отражение действительности. Не будучи симметричным отражением, как изоморфизм, гомоморфизм обосновывает перенос знания на прообраз. В этом случае мы имеем дело с наипростейшей идеализацией объектов данной теории.

Онтологические схемы по своему содержанию могут выступать в следующих ипостасях, отражающих связь идеальных объектов исследуемой теории: во-первых, они могут быть ориентированы на математическое описание в плане их дедуктивного выведения; во-вторых, они лишь фиксируют естественные процессы, протекающие в объекте исследования; в-третьих, они могут представлять идеальное отображение класса экспериментальных ситуаций, которому в технологической теории соответствует схематическое изображение конструктивных элементов и технологических связей определенного типа инженерных объектов.

Если рассматривать особенности технических теорий, то можно отметить, что их своеобразное функционирование происходит не только за счет анализа онтологических схем, но и за счет синтеза вырабатываемой при анализе информации. Анализ обеспечивает обобщение эмпирических данных, полученных в инженерной деятельности, а второй, имеется в виду синтез,

обеспечивает процесс перевода их в теоретическую конструкцию. Синтез определяет своеобразие теоретического уровня технической теории.

Становление технических наук как особого вида знания связано с созданием системы научных понятий. Чтобы превратить интересы инженеров-практиков в реальную техническую науку, недостаточно выделить только ее предмет и методологию научного исследования. Это общее для всех наук. Но наука не может функционировать без социального научного аппарата, он необходим для передачи информации, т. е. встает вопрос о выработке системы понятий, которые играют существенную роль в развитии ее содержания, в понятиях отображаются наши знания об объектах этой науки. При создании системы научных понятий технической теории имеют место бифуркационные процессы, поскольку эта система базируется как на понятийном аппарате естественной базовой дисциплины, так и философии, ее принципах, понятиях, категориях. В этом отношении процесс формирования понятий, можно сказать, унифицирован для всех технических дисциплин.

Данный процесс движения понятий от общего к частной технической дисциплине привел к формированию общенаучных понятий, которые выступают в качестве экзистенциалов научного и технического знания, т. е. тех фундаментальных понятий, без которых невозможно существование такого знания. К ним относятся такие понятия, как система, информация, сложность, структура, организация, модель управления, элемент, алгоритм, вероятность, разнообразие, неопределенность, инвариант, изоморфизм и др.

Так формируется теоретический каркас технической науки, возникает новый тип информационного, теоретического знания – технический. Его содержание связано с рефлексивным осмыслением техники, под которой понимают последовательное применение научных и иных видов систематизированного знания для решения практических задач. «Наиболее важное следствие применения современной техники... – отмечает Д. Гэлбрейт, – заключается в том, что она заставляет разделить любую такую задачу на ее составные части. Таким, и только таким образом, можно добиться воздействия систематизированных знаний на производство» [4, с. 30].

Такой подход Д. Гэлбрейта к пониманию техники и задачам технической науки позволяет утверждать об еще одной ипостаси технических наук, вне которой ослабляется понимание и роли техники, и роли технических наук в решении задач социального прогресса. Это позволяет нам представить технические науки как непосредственную производительную силу.

Объектом данных наук выступают различные стороны материального производства, но и

сами технические науки могут обосновать свою истинность и эффективность только через глубокую связь с материальным производством. Они не просто предлагают новую информацию по модернизации производственных процессов, но разработанную новую информацию внедряют в практику развития социума. Через связь технических наук и производства обосновывается функция социальной силы этого знания.

В современных условиях смысл и содержание становления технических наук как непосредственной производительной силы общества связан с развитием и внедрением инновационных процессов в производство информации; с развитием нанотехнологий, которые достаточно высоко обоснованы, называются технологиями информационной цивилизации, поскольку решают вопросы минимизации количества производственных операций, экологичности выпускаемой продукции, экономии природных энергоресурсов. Особое внимание сегодня уделяется развитию информационно-телекоммуникационных технологий, компьютеризации, новому витку спирали, связанному с производством, обработкой, кодированием информации, а также ее интеграции, упрощению, что вызвано экспоненциальным ростом ее содержания. Это новые горизонты расширения социальной силы технического знания, его влияние на все социокультурные процессы общественного развития.

Заключение. Таким образом, анализ возникшего в XIX в. технического знания позволяет утверждать об его особом статусе. Этот статус раскрывает технические науки и производство технического знания как особый вид социокультурной деятельности общества. Данное знание выступает как научное, поскольку имеет свой предмет исследования, свой понятийно-категориальный аппарат. Но особая значимость технических наук выкристаллизовывается тогда, когда они предстают в качестве непосредственной производительной силы общества, доминантного критерия становления новой информационно-компьютерной цивилизации.

Литература

1. Холево, А. С. Введение в квантовую теорию информации / А. С. Холево. – М.: МЦНМО, 2002. – 128 с.
2. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2004. – 781 с.
3. Горохов, В. Г. Основы философии техники и технических наук / В. Г. Горохов. – М.: Гардарики, 2007. – 335 с.
4. Гэлбрейт, Д. Новое индустриальное общество / Д. Гэлбрейт. – М.; СПб.: АСТ: Транзиткнига, 2004. – 602 с.

Поступила 02.04.2010

УДК 130.2

И. Н. Сидоренко, канд. филос. наук, доцент (БГТУ)

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ В. БЕНЬЯМИНА

Статья посвящена философии культуры немецкого философа и культуролога В. Беньямина. Основная задача философии культуры заключается в критическом анализе современной культуры модерна, породившей тотальное отчуждение и покорение человека техникой, логическим следствием которого стали войны как самоистребление человечества. Одной из главных проблемных областей философии культуры Беньямина является тематика языка, выраженная, с одной стороны, неопределенностью разрыва между вещами и их смыслами, а с другой – проблемой «идеального языка», правомерности перевода и специфики литературной критики. В силу этого его философия превращается в «магическое чтение», задачей которого становится прояснение подлинного языка в литературном произведении.

This article is devoted to philosophy of culture of the German philosopher and the culturologist W. Benjamin. The primary goal of his philosophy of culture consists in the critical analysis of modern culture of the modernist style generated total alienation and conquest of the person by technique which logic consequence became wars as self-destruction of mankind. One of the main problem areas of philosophy of culture of Benjamin is the subjects of language expressed, on the one hand, by uncertainty of break between things and their senses, and on the other hand, a problem of «ideal language», legitimacy of translation and specificity of literary criticism. In this connection his philosophy turns to «magic reading» which the task becomes to clearing of original language in a literary work.

Введение. Вальтер Беньямин – немецкий философ-марксист, эстетик, культуролог, критик и историк культуры, литературовед, переводчик. Малоизвестный при жизни и забытый на протяжении 30 лет, он был объявлен во второй половине 80-х гг. XX в. пророком новой эстетики. Не будучи актуальным для своего времени, Беньямин стал современным для настоящего, предвосхитив такие значимые сегодня идеи, как «конец истории», критика референциальной концепции знака, установка на интерпретативный характер человеческого знания, фрагментарность реальности и поиск «утраченной» субъективности.

Философия культуры Беньямина включает в себя несколько проблемных областей. Это, во-первых, тематика аллегории и представления, раскрывающаяся на примере анализа культуры и искусства сквозь призму барочной драмы; во-вторых, это тематика историчности искусства и проблема его существования в эпоху механического репродуцирования; и, в-третьих, это тематика языка, выраженная, с одной стороны, непреодолимостью разрыва между вещами и их смыслами, а с другой – проблемой «идеального языка», правомерности перевода и специфике литературной критики.

Все эти уровни философии культуры Беньямина сводит к одной главной проблеме, а именно критическому анализу современной культуры модерна, или «современности». Основными характеристиками культуры модерна, обозначенными Беньямином, выступают разрыв с предшествующей культурной традицией; акцент на значимости только будущего, и в силу этого утверждение современности как антиисторичного пространства; вера в прогрессивное линейное и непрерывное развитие истории,

все дальше уводящая человека от отблеска первоначальной полноты творения; политизация техники и как результат – технократизм мышления, эстетизация политики и др. Эти установки культуры модерна привели к совершенно противоположному результату: вместо разрешения проблемы отчуждения и освобождения человека посредством рационального овладения природными силами произошло тотальное отчуждение и покорение человека техникой, логическим следствием которого стали войны как самоистребление человечества.

Основная часть. Тема языка для Беньямина является ключевой, наравне с темами истории и искусства. Так, уже в ранних работах им подчеркивалась значимая роль языка для бытия человека и его мышления как «передача ментальных смыслов» жизни, что будет впоследствии перенято структурализмом и семиотикой. Беньямин констатирует трагический разрыв между именем и вещью, что выражается в утрате именем и вещью их взаимного соответствия, в результате чего язык превращается лишь в средство адекватной коммуникации, утрачивая такое свое онтологическое качество, как «быть» произвольной формой всего существующего. С точки зрения Беньямина, словесная коммуникация – это лишь один из фрагментов функционирования языка, а так как любая вещь обладает духовным содержанием, то и язык сопрячен любым вещественным осуществлением и представлениям. Таким образом, представляя, давая божественное имя, язык сопрячен творению мира. Божественное имя становится для Беньямина главным предметом его философии языка, так как только оно способно препятствовать редуцированию сообщения до уровня

обычного инструментального акта, превращающего язык лишь в средство коммуникации.

Построение собственной концепции языка Бенъямин начинает с проблемно-исторического анализа романтического понятия художественной критики и поэзии как пространства живого языка, служащего своеобразным «медиумом» для рефлексии, позволяющим ей быть мыслью о самой себе, что и находит свою реализацию в автобиографиях, в поисках «истинного языка мысли». В силу этого критика у романтиков становится проверкой на пригодность того или иного поэтического произведения раскрывать, отсылать к подлинному языку. Концепт «истинного языка» у романтиков Бенъямин дополняет своей интерпретацией аллегории, в которой означающее и означаемое связаны таким парадоксальным образом, что, несмотря на утрату условий конвенции, аллегория не теряет выразительности. Пластическая форма аллегории заключается в том, что даже если потеряна связь с выражаемым материалом, она все равно способна выразить его как следы. В силу этого аллегория, по мысли Бенъямина, разделяет мир на профанный, не имеющий значения, но посредством аллегории возвышающийся до него, и сакральный. Пластичность аллегории, таким образом, переносится Бенъямином на пластичность слова, т. е. написание, зримый образ слова, в отличие от его звучания, первично по отношению к его смыслу. В барочной аллерегии слово и звук освобождаются от традиционного значения и связи, представая в виде обломков, руин, из которых собирается смысл.

Отличие от романтиков, рассматривающих в качестве истинного языка греческий и видящих его прообраз в немецком, Бенъямин не выделяет в качестве искомого истинного языка какой-то конкретный эмпирический язык. Наоборот, многообразие языков им оценивается как омертвление и забвение истинного языка, скрытого в безмолвии вещей. Забвение голоса вещей как голоса существования рассматривается здесь как забвение подлинности бытия, как результат трагического отпадения от божественного языка. Таким образом, отрицая автономность языка, философ утверждает, что человеческие языки являются раскрытием языка Творца и одновременно отходом от него. В силу этого восстановление изначального образа языка Творца становится главной задачей философии.

Каким образом восстановить язык Творца? Бенъямин начинает с того, что утверждает взаимодополнительность существующих языков, каждый из которых как отражает изначальный подлинный язык творения, так и искажает его. Поэтому в работе «Задача переводчика» Бенъямин раскрывает внутреннюю историю языка как имманентный процесс, акцентирует внимание

на его самодвижении и самораскрытии. Более того, сама история языка им рассматривается как исторический процесс «созревания» языка, влияющий на мышление, культуру и историю того или иного народа.

Согласно Бенъямину, в основе любого языка лежит направленность на мир, которую он называет «интенцией». Однако в силу того, что внутренняя история существующих языков представляет собой автономный процесс, ни в одном из этих языков эта интенциональность на мир не реализуется в полной мере. В каждом конкретном языке сущность и смысл вещей лишь смутно угадывается. Что же касается идеального, истинного языка, заключающего в себе всю полноту интенции и, соответственно, отражающего мир в полной мере, то он лишь просвечивает сквозь многообразие эмпирических языков. Именно в силу этого Бенъямин и утверждает взаимодополнительность различных языков, так как каждый из них включает в себя частичку истинного языка, который скрывает в себе полноту смысла, существуя по ту сторону языкового многообразия Вавилона. Под истинным, подлинным языком Бенъямином понимается язык Творца как мессианского избавления, в котором только и может быть прояснен смысл человеческого существования. Эмпирические языки, в принципе, не чужды друг другу, они, по замечанию философа, вне зависимости от исторического контекста «сродственны» в том, что хотят выразить. Вот эта «сродственность» обнаруживается философом и в переводах.

Таким образом, перевод литературных текстов представляет собой не бездушную копию, убивающую душу произведения, а наоборот, высвечивание и сохранение частичек истинного языка избавления. Перевод высвобождает интенцию языка как такового и приближает текст к подлинному языку творения. Как замечает Бенъямин, все целесообразные проявления жизни, в том числе и сама их целесообразность, подчинены не жизни, но выражению ее сути. В силу этого перевод, выражая коренную взаимосвязь между языками, отсылает к репрезентации ее смысла в языке. Другими словами, перевод выступает в качестве зеркала, которое само обнаружить языковую взаимосвязь и полноту смысла жизни не в состоянии, но зато призвано служить изображением этого смысла. Зеркальное изображение, данное переводом, нельзя понимать как непременно сходство с оригиналом, который имеет свою историю, в процессе которой он претерпевает изменения, таким же изменениям подвластен и перевод.

Родство языков надо искать не в сходстве литературных произведений и не в их историческом родстве. С точки зрения Бенъямина, это

надысторическое родство языков заключается в том, что в основе каждого лежит одно и то же означаемое. Однако это означаемое не доступно каждому из этих языков в отдельности. Лишь в совокупности дополняющих интенций этих языков данное означаемое как чистый язык может быть реализуемо. Означаемое в отдельных словах, предложениях никогда не найти в самостоятельной форме, но его можно помыслить как находящееся в состоянии изменения и стремящееся в конце концов предстать истинным языком. В силу этого перевод – это лишь предварительное средство преодоления чуждости языков и раскрытие их идентичных означаемых. Окончательное разрешение языковой чуждости Беньямин выводит за границы мессианской истории, считая, тем самым, что оно просто не достижимо для человека.

В силу этого задачу переводчика Беньямин видит в том, чтобы раскрывать в переводе интенции языка посредством интеграции множества языков в единый подлинный язык. Перевод не должен быть точной копией оригинала, в отношении смысла язык перевода должен даже проявить своеволие, чтобы высветить интенцию оригинала. Свобода перевода должна проявиться в его собственном языке – только так на родном языке перевод может очистить другой язык, высветив то, что является невыразимым. В отличие от произведения, оригинала, которое переводимо, сам по себе перевод оказывается непереводаемым как раз из-за той неуловимости смысла, который он в себе несет. Единственным исключением из этого правила, с точки зрения Беньямина, является текст Священного Писания, в котором смысл не разделяет язык и откровение. Здесь текст напрямую, без смыслового опосредования, принадлежит истинному языку, будучи сам истиной, в силу этого он переводим как таковой.

Перевод иллюстрирует у Беньямина суть понимаемой им философской работы, а именно способность соединять осколки, части единства, причем это изначальное целое до конца не доступно. Вариантом такого соединения осколков выступает не размышление, а «магическое чтение», определяющееся как «мгновение», включающее в себя две фазы, осуществляющиеся одновременно: считывание как распознавание и вычитывание, что превращает сам процесс чтения в восприятие как участие. Однако это восприятие сходства мгновенно вспыхивает и ускользает. В силу этого философия как «магическое чтение» представляет собой не результат, не нахождение окончательной истины, а процесс ее постоянного раскрытия как ускользающей полноты целого.

Философская работа как «магическое чтение» предполагает и критику. Беньямин изби-

рает тройкий метод литературной критики: рассказ, пересказ и попадание в ритм речи. Посредством этих трех шагов может быть реализовано представление чего бы то ни было при сохранении основы как невыразимой подлинности произведения. Последовательно реализуя эти три шага, Беньямин примеряет следующие маски: в качестве рассказчика у него выступает Лесков, в качестве пересказа – сущность творчества Кафки, а в качестве угадывания и попадания в ритм речи – невыразимость в творчестве Бодлера. Посредством рассказа, как считает Беньямин, мы получаем в дар способность обмениваться жизненным опытом. Однако этот казавшийся неотчуждаемым дар современностью обесценивается. Провозвестником этого процесса обесценивания стала мировая война, с которой люди вернулись онемевшими, став не богаче, а беднее опытом, доступным пересказу. Разрушение опыта показало хрупкость и ничтожность самого человеческого тела. Дальнейшее разрушение языкового пространства, зафиксированное Беньямином, происходит под знаком коммуникативной информации, чуждой как рассказу, так и роману.

Именно как литературную критику полагает он свою концепцию философии культуры. История произведения включает в себя возможность собственной критики. Созерцание «божественного имени», т. е., по терминологии Беньямина, сущности языка, предполагает совмещение реального содержания произведения как отиска с его истинным содержанием как печатью имени. Видение различия между печатью и отиском отнюдь не предполагает их разделения. Наоборот, именно философский опыт только и может раскрыть их нераздельность.

Заключение. Философская работа, по Беньямину, обладает критической силой невыразимого, т. е. способна на «критическое насилие». Благодаря насилию невыразимого раскрывается историчность произведения искусства и самого искусства. Идея раскрытия сущности произведения превращается в идею его нераскрываемости, что и представляет собой суть художественной критики. В силу этого можно сделать вывод о том, что философия как «художественная критика должна не снять покрывало, но посредством наиболее точного познания последнего как покрывала впервые возвыситься до истинного созерцания прекрасного» [1, Bd. 1, S. 196].

Литература

1. Benjamin, W. *Gesammelte Schriften*. Bd. I / W. Benjamin; hrsg. von R. Tiedemann und H. Sheppenhäuser. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1974–1989.

Поступила 02.04.2010

УДК 378.014.5:62

Н. Е. Шилина, доцент (ОНАС им. А. С. Попова, Украина)

ГУМАНИЗАЦИЯ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ XXI ВЕКА

В статье раскрывается содержание гуманизации инженерно-технического образования, выявляются факторы, определяющие изменения социальной среды, в которой формируется личность нового типа, рассматриваются важнейшие методологические аспекты гуманизации высшего образования.

The article reveals the humanization of engineering education, identifies the factors that determine changes in the social environment under which shaped the identity of the new type, considered important methodological aspects of the humanization of higher education.

Введение. Актуальность темы статьи обусловлена наблюдающимся процессом перехода общества к качественно новой эпохе – информационному обществу, основными чертами которого являются его информатизация, создание новых интеллектуальных технологий, ускорение темпов развития техники, превращение информации в важнейший глобальный ресурс человечества. Сопутствующий информатизации научно-технический прогресс является также важнейшим фактором, влияющим на развитие высшего профессионального образования.

Основная часть. Прогрессирующая гуманизация мира определяет преимущественно инженерную направленность специального образования.

Примерно с начала 80-х гг. в развитых странах происходило включение в качестве обязательной компоненты программы подготовки будущих инженеров дисциплин гуманитарного, общечеловеческого цикла. И теперь в вузах зарубежных стран доля таких дисциплин в общей учебной программе составляет около 25–30% учебного времени [4].

В 90-х гг. в общественном сознании постсоветского индивида наметился перелом: после долгих десятилетий, в течение которых общество было ориентировано на сугубо технократические подходы, обнаружилось, что человеческая проблематика является приоритетной.

С принятием Украиной Болонской конвенции можно отметить очевидные противоречия между переходом на качественно новый уровень образования и традиционной системой вузовской подготовки специалистов, продолжающей функционировать наряду с нововведениями. В современных условиях одной из центральных задач, стоящих перед высшей технической школой, является, как известно, выпуск специалистов с уровнем подготовки, позволяющим выдерживать жесткую конкуренцию на рынке труда. Преимущественно инженерная направленность специального образования препятствует объективному процессу возраста-

ния роли высшего образования как механизма развития культуры, сформировавшегося в результате радикальных сдвигов во взаимоотношениях науки, общества и культуры [1, 2].

Поэтому при выборе приоритетов в этом отношении необходимо концентрировать внимание, прежде всего, на направленном формировании у студентов творческого мышления.

Этимология слова инженер (лат. *ingenium* – способность, изобретательность) предполагает, что человек, овладевший инженерной специальностью, обладает широким набором различных видов изобретательности, которую нельзя развить без широкой общекультурной подготовки [3].

Подготовка инженерных кадров должна обязательно исходить из двойственности природы техники, т. е. из ее объективного и субъективного компонентов [4].

Объективность техники состоит в том, что она проектируется, производится и эксплуатируется на основе законов естествознания; субъективность – в том, что человек на всех стадиях жизненного цикла техники активно взаимодействует с ней. Лишь он определяет потребность в новой технике, ставит цели, принимает решения исходя из своих интересов, своего понимания окружающей действительности.

Качество проектируемых технических систем, их эффективность во многом определяются личностными характеристиками людей, поскольку именно люди учитывают меру своей активности, степени напряжения, оценку успешности выполняемой работы, опираясь на субъективное понимание смысла своей деятельности.

Перечисленные факторы ведут к глубокому, многоуровневому изменению социальной системы, изменению среды, под влиянием которой меняется личность. Рассматривая информационную среду образовательного учреждения как комплекс специально организованных компонентов, обеспечивающих интеграцию информационных технологий в образовательный процесс с целью повышения его эффективности, возник-

кает необходимость в формировании наряду с этим культурологической, социологической, психологической, науковедческой компетенций.

В связи с этим в вопросах, связанных с подготовкой инженерных кадров, нам видится своевременным и важным подчеркнуть актуальность проблемы гуманизации инженерно-технического образования [1, 2].

Гуманизация представляет собой совокупность философских, гносеологических, психологических, социокультурных, правовых взглядов, которые обуславливают функции и задачи высшей школы с целью подготовки и воспитания будущего специалиста как творческой личности. Гуманизация образования – это, прежде всего, ориентация образовательной системы и всего образовательного процесса на развитие и становление отношений взаимного уважения учащихся и педагогов, основанного на уважении прав каждого человека; на сохранение и укрепление их здоровья, чувства собственного достоинства и развития личностного потенциала [7]. Именно такое образование гарантирует обучаемым право выбора индивидуального пути развития. Формирование зрелого специалиста на основе гуманизации высшего образования представляет собой сложный процесс, в ходе которого реализуется внутренняя сущность человека, его деловые качества, интеллектуальные возможности и личные цели.

В широком аспекте гуманизация высшего образования выступает как проявление общей тенденции возрастания роли человеческого фактора во всех видах деятельности. Усиление роли науки в осуществлении перехода человечества на новый уровень научно-технического прогресса выдвинуло на первый план вопрос о социальной ценности науки, соотношения ее развития со смыслом человеческого бытия.

Гуманизация образования предполагает единство общекультурного, социально-нравственного и профессионального развития личности. Данный социально-педагогический принцип требует пересмотра целей, содержания и технологий образования.

Важнейшими методологическими аспектами гуманизации высшего образования являются:

- обеспечение способности высшего образования формировать интеллектуальный потенциал нации с учетом изменений в производстве, науке, технике, информационной и компьютерной технологии;
- создание системы образования, соответствующего потребностям XXI в.;
- формирование и стимулирование спроса на интеллектуальный товар с учетом многоуровневой формы подготовки бакалавров, специалистов, магистров;

– формирование нового экономического и политического мышления, утверждение нового социального статуса личности, осознание того, что интеллектуальный капитал является главным стратегическим ресурсом нации [7].

Парадигма высшего инженерно-технического образования включает в себя формирование личности, обладающей когнитивной ментальностью, культурными смыслами и ценностями, культурными нормами и ориентирами (культура труда, досуга, быта, общения и т. д.); ориентацию на социокультурную среду, формирование имиджа студента и вуза. В центре гуманитарной парадигмы всегда находится индивид, личность, индивидуальность. Формирование культуры в контексте гуманизации связано с перспективными информационными технологиями и интеллектуальными системами преподавания, сферой культурного образования, превращением инженерной деятельности в высший образец культуры.

Необходимо новое видение целостного и многозначного мира, преодоление нарушения гармонии между культурой, наукой и технической деятельностью, поэтому на современном этапе гуманизация инженерного образования проходит через культуру и духовное начало.

Человек ориентируется на гуманитарные модели познания, которые включают в себя такие аспекты, как искусство, эстетические, этические, метафизические, политические и социологические знания.

Иными словами, инженерное образование на современном этапе наряду с фундаментальными знаниями по избранной специальности должно содержать также знания по так называемым «человеческим» дисциплинам: психолого-социологическим дисциплинам, философии, этике, истории культуры.

Рассмотрим роль перечисленных дисциплин в системе инженерно-технического образования.

Общеизвестно, что инженер – это профессия социотехническая: 50% его работы приходится на технику, 50% – на взаимодействие с другими людьми.

Социопсихологическая культура инженера включает в себя понимание и учет закономерностей и особенностей функционирования человека в социопсихологической системе. Ведь, прежде всего, от инженерно-конструкторских разработок зависят условия труда, параметры рабочего места, содержание и организация труда. Отсюда ясна необходимость формирования социопсихологической культуры инженера, включающей в себя ответственность, бережливость, расчетливость в отношении как к человеку, так и к природе, частью которой является сам человек.

Без психологических и социальных знаний также невозможно профессиональное самосовершенствование инженера как неотъемлемый компонент подготовки специалистов.

Психолого-педагогические исследования в различных системах труда свидетельствуют о том, что профессиональное самосовершенствование всегда есть результат осознанного взаимодействия специалиста с конкретной социальной средой, в ходе которого он реализует потребности выработать у себя такие личностные качества, которые дают успех в профессиональной деятельности и в жизни вообще [6].

Следовательно, самосовершенствование – явление личностно-социальное, источники которого находятся в социальном окружении индивида. Самосовершенствование как социальный процесс базируется на требованиях общества к профессии и личности инженера, таких как умение принять систему ценностных ориентаций, существующую в коллективе, раскрыть свои способности и эффективно взаимодействовать в профессиональной среде, знать и учитывать в работе социально-психологические особенности личности коллег, успешно разрешать конфликтные ситуации, способствовать созданию благоприятного социально-психологического климата в коллективе. В этом случае молодому специалисту понадобятся знания социальной психологии, которые позволят ему ориентироваться в сложной современной обстановке, будут способствовать овладению арсеналом основных исследовательских методик и практических навыков, которые окажут молодому инженеру большую помощь в организации инженерной деятельности.

Чрезвычайно велико влияние философии на процесс нравственного воспитания студентов, их социальной ответственности.

Философской основой гуманизации высшего образования является учение о человеке и гуманизм как прогрессивное направление мировой мысли, имеющее общечеловеческий характер.

Гуманизм как идейно-ценностный комплекс включает в себя все высшие ценности, выработанные человечеством на долгом и противоречивом пути своего развития и получившие название общечеловеческих: человеколюбие, свобода и справедливость, достоинство человеческой личности, трудолюбие, равенство и братство, коллективизм и интернационализм и др.

Гуманистическое мировоззрение как обобщенная система взглядов, убеждений, идеалов строится вокруг одного центра – человека. Если гуманизм – это система определенных взглядов на мир, то именно человек оказывается системообразующим фактором, ядром гуманистического мировоззрения. При этом его отношение

содержит не только оценку мира, но и оценку своего места в окружающей действительности. Следовательно, в гуманистическом мировоззрении как раз и находят свое выражение многообразные отношения к человеку, обществу, духовным ценностям, деятельности, т. е., по сути, ко всему миру в целом.

Важнейшей задачей гуманитарной подготовки студентов как раз и является развитие мировоззрения молодых специалистов.

В процессе становления мировоззрения происходит последовательное формирование таких качеств личности, как чувство новизны, реализма и смелости в постановке и решении различных вопросов, т. е. идет процесс развития культуры мышления, важнейшего содержания культуры в целом [4].

В процессе образования будущих специалистов необходимо учитывать три взаимосвязанных аспекта философского мировоззрения: собственно мировоззренческий, методологический и нравственный [4].

Собственно мировоззренческий аспект предполагает освоение студентами суммы знаний, отражающих как общую современную картину мира, так и социальную действительность.

Но вместе с суммой знаний студент должен изучить и основные законы научного мышления, его творческий характер. Однако, самое главное, знанием может называться только то знание, которое прошло через эмпирический опыт – чувство и волю человека.

Рассмотрим роль этики, в центре внимания которой человек и его взаимоотношения с другими людьми, на становление современного инженера. В процессе обучения этика воздействует не только на рациональную сферу сознания студентов, но и на эмоциональную, не только формирует нравственные установки, но и способствует развитию, воспитанию культуры чувств.

Инженерная этика основывается на комплексном труде ученого. Она предполагает направленность на формирование таких нравственных качеств, как научная добросовестность, личная честность и ответственность за результаты испытаний и эксплуатации технических конструкций. Инженерная этика призвана также создавать благоприятную атмосферу взаимопонимания в трудовом коллективе [8].

Заключение. Таким образом, этическое просвещение в учебном процессе призвано формировать профессиональную мораль специалиста и в определенной степени повысить нравственную культуру будущего инженера. Что касается истории культуры, то необходимость ее изучения обуславливается тем, что вся человеческая история – это и есть история

культуры. Какой бы прогресс ни наблюдался, какие бы открытия ни совершала наука, – все это, прежде всего, рост различных областей человеческого знания или человеческой деятельности.

Культура, если ее понимать широко, находится в тесной связи с профессиональной деятельностью, выступая в качестве важнейшей детерминанты поведения индивида. В процессе исторического развития каждый народ создает собственную систему культурных ценностей, которые используются его членами для выражения своей национальной принадлежности. Принятая личностью система ценностей позволяет ей не только определить свое место в социуме, но и поддерживать чувство самоидентифицированности с определенной этнической культурой. На этом основании система гуманитарных знаний должна быть ориентирована, прежде всего, на изучение социально-нравственного опыта собственного этноса.

Все, что происходит в жизни людей, регулируется культурной традицией, будь то политическая или правовая культура, культура производства или управления. Отсюда вытекает важность приобщения будущих инженеров к наследию мировой и отечественной культуры, формирование и развитие у них культурных навыков.

На современном этапе развития науки на передний план выходит интенсивное развитие технократического мышления, что зачастую разрушительно влияет на духовные общечеловеческие ценности. Именно поэтому профессиональная подготовка специалистов инженерно-технического профиля, не подкрепленная гуманитарными знаниями, может привести к тому,

что результаты инженерной деятельности будут противоречить интересам формирования социокультурной среды XXI в.

Таким образом, в ходе научных и методологических исследований постепенно формируется гуманистический образ науки, и становление научного мировоззрения является основой процесса гуманизации современного высшего инженерного образования.

Литература

1. Вербицкая, Л. А. О месте гуманитарных наук в системе знаний / Л. А. Вербицкая, В. Б. Касевич // Высшее образование в России. – 2003. – № 1. – С. 21–30.
2. Воронкова, В. Г. Гуманитарный дискурс инженерного образования в XXI веке / В. Г. Воронкова // Высшее образование в России. – 2001. – № 3. – С. 32–39.
3. Дмитриев, М. А. Психология труда и инженерная психология / М. А. Дмитриев. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1979. – 220 с.
4. Инженер и культура: сб. тр. науч. конф. – Минск, 1994. – 168 с.
5. Философские и психолого-педагогические проблемы высшего образования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Северо-Кавказ. гос. техн. ун-т. – Северный Кавказ, 2001.
6. Психология и педагогика / под ред. К. А. Абульхановой. – М., 1998. – 410 с.
7. Реан, А. А. Психология и педагогика / А. А. Реан, Н. В. Бордовская, С. И. Розум. – СПб.: Питер, 2002. – 432 с.
8. Хакер, В. Инженерная психология и психология труда / В. Хакер. – М., 1985. – 345 с.

Поступила 02.04.2010

УДК 32.001+304.42

О. Ф. Оришева, доцент (БГТУ)

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ» И «СОЦИАЛЬНОЕ»
В ПОСТМАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ ГЕГЕМОНИИ**

Основная цель статьи состоит в том, чтобы проанализировать центральные положения пост-марксистской социальной онтологии Э. Лакло и Ш. Муфф и на ее примере показать, что происходящий в современной социальной теории отказ от эссенциалистских и холистских трактовок общества приводит к радикальному переосмыслению роли и значения политики. В статье рассматриваются основные понятия концепции Э. Лакло и Ш. Муфф, такие как «общее поле дискурсивности», «логика различия», «логика эквивалентности», «узловая точка», «плавающее означующее», «антагонизм» и др. Особое внимание уделяется понятию гегемонии, которое в данной концепции обозначает универсальный политический механизм установления общества. Делается вывод о том, что основным следствием разработки постмарксистской социальной онтологии становится понимание политики как активности, первичной по отношению к любым социальным практикам и институтам.

The main goal of the article is to analyze the basic postulates of E. Laclau and Ch. Mouff's post-marxist social ontology. The conception in question is regarded as an example of the progressive abandonment of essentialist and holistic views on society in contemporary social theory that results in radical rethinking of the role and significance of politics. In the article the basic notions of the conception in question are considered, such as «general field of discursivity», «logic of difference», «logic of equivalence», «nodal point», «floating signifier», «antagonism» etc. Special attention is paid to the concept of hegemony which signifies the universal political mechanism of establishment of society. The conclusion is made that the principal implication of post-marxist social ontology is interpretation of political activity as prior to social practices and institutions.

Введение. Единого определения политики не существует и едва ли оно возможно в принципе. Однако практически все, более или менее устоявшиеся трактовки этого феномена в поле социальных наук опираются, явно или неявно, на допущение, что политическая активность, независимо от того, кто является ее субъектом, всегда вписана в некоторое пространство с определенными границами. Именно «общество» как предельная рамка всякого социального опыта оказывается тем «местом», в котором происходит противостояние социальных групп, борьба партий, осуществляется регулирующая деятельность государства. Такого рода понимание политики является характерным и для классического марксизма. Так, несмотря на то, что Маркс придает экстраординарную значимость феномену «классовой борьбы», в конечном итоге область политической активности оказывается у него именно «областью», занимающей свое место в общей топографии социального, а именно на уровне «надстройки». Центральная задача этой статьи состоит в том, чтобы показать, что отход от понимания общества как некой всеобъемлющей тотальности, который происходит в социальной теории постмарксизма, проецирует радикально отличное от обозначенного выше понимание политики и приводит к пересмотру самого соотношения социального и политического.

Основная часть. Зарождение постмарксизма можно условно датировать 1968 г., основ-

ные события которого – вторжение СССР в Чехословакию и «майская революция» во Франции – породили в европейской культуре ощущение глубокого разочарования как в теории марксизма, так и в ее политических воплощениях [1, р. 2–3]. Одной из реакций на духовно-политический кризис марксизма становится постмарксизм, который, строго говоря, нельзя назвать ни течением, ни традицией, ни школой. Скорее, постмарксизм – некая идейная «орбита», в которую (почти всегда лишь отчасти, в определенный период творчества, в определенном аспекте) попадают мыслители самого разного масштаба и степени интереса (К. Касториadis, А. Горц, А. Хеллер, А. Бадью и др.). Общим для этих мыслителей является, пожалуй лишь то, что кризис марксизма они воспринимают не как повод «поставить на нем крест», а как определенный вызов, связанный с необходимостью переформулировать марксов проект общественной эмансипации таким образом, чтобы этот проект стал адекватен реалиям «позднего капитализма».

Характерно, что лишь в одном случае термин «постмарксизм» используется как самоназвание, а именно в случае авторского тандема Э. Лакло и Ш. Муфф, чья книга «Гегемония и социалистическая стратегия» (1985) [2], по словам С. Жижека, стала подлинным «прорывом» в социальной теории. В этой работе очень четко сформулирована парадигматическая для постмарксизма уста-

новка: сохранить верность начинанию Маркса сегодня возможно только ценой радикального пересмотра его концепции.

Кардинальный разрыв Э. Лакло и Ш. Муфф с классической традицией обнаруживает себя, в первую очередь, в том, что авторы отказываются от понимания экономических процессов как своеобразной субстанции социального и рассматривают общество как сугубо символическую реальность, «ткань» которой образуется сосуществованием различных дискурсивных (семиотических) систем. В основе подобной трактовки лежит не отрицание объективного существования материального мира, а скорее акцент на том, что присутствие в нашем опыте объектов всегда опосредовано символически и всякая материальная практика эффективно функционирует лишь в том случае, если она включена в поле осмысленного, нагружена определенным значением. В данном случае центральным для понимания общества становится понятие «общего поля дискурсивности».

При таком подходе единственно доступной для исследования реальностью оказывается именно пространство сосуществования и взаимовлияния дискурсов, а задачей социального теоретика является поиск и установление регулярностей и «логик», которым эти процессы подчиняются [3, с. 130]. Законы функционирования поля социального описываются у Э. Лакло и Ш. Муфф с помощью ряда понятий, к которым принадлежат «логика различия», «логика эквивалентности», «узловая точка», «плавающее означающее», «антагонизм» и, конечно, «гегемония». Отметим, что выбор концептуального аппарата в данном случае указывает на значительное влияние не только марксистских авторов (А. Грамши, Л. Альтюссера), но, пожалуй, в первую очередь, влияние постструктурализма (в лице М. Фуко), деконструктивизма Ж. Деррида и психоанализа Ж. Лакана.

Логика различия. Как уже было сказано выше, любой объект становится объектом нашего опыта лишь при условии его включенности в ту или иную символическую систему. «Логика различия» указывает на то, что идентичность объекта в рамках системы (независимо от того, идет ли речь о языковом знаке, социальном статусе или материальной вещи) всегда сугубо дифференциальна, соотносительна. Скажем, мы в состоянии идентифицировать конкретного человека как представителя среднего класса не столько потому, что он обладает какими-то субстанциональными признаками, а потому, что существует система социальной стратификации, в рамках которой

средний класс соотнесен с андерклассом и элитой. В силу того, что ни одна дискурсивная система не является замкнутой, абсолютно устойчивой, столь же нестабильным оказывается и значение ее элементов.

Если логика различия объясняет, почему значение «по природе» своей нестабильно, указывает на постоянное «скольжение означающего над означаемым», то логика эквивалентности объясняет, за счет чего это скольжение может быть приостановлено и значение может быть вообще зафиксировано в качестве такового.

Логика эквивалентности. Данное понятие отсылает к закономерностям образования дискурсивных систем, основным механизмом которого является связывание (артикуляция) разрозненных элементов (так называемых «плавающих элементов») вокруг некоего центра и установление между ними, благодаря отсылке к этому центру, отношений эквивалентности (равнозначности). Как пишут Э. Лакло и Ш. Муфф: «Всякий дискурс конституируется как попытка подчинить себе поле дискурсивности, приостановить поток различий, утвердить некий центр. Мы будем называть привилегированные дискурсивные точки этой частичной фиксации *узловыми точками*» [2, р. 112]. Если в качестве примера дискурсивной системы взять политическую идеологию, то такой узловой точкой будет некий центральный концепт, своеобразное «жесткое ядро», которое закрепляет за другими понятиями, входящими в идеологическое поле, определенное значение. В случае марксистской идеологии таким ядром будет, по всей видимости, концепт «классовой борьбы», так как именно он в данном случае будет определять конкретный смысл таких «плавающих означающих», как «демократия», «феминизм», «борьба за экологию», «справедливость», «равенство» и др. [4, с. 94]. Соответственно, будучи «пристегнуты» к другой узловой точке, в рамках, например, идеологии неолiberaлизма те же самые понятия приобретут совершенно иное звучание. Важно понимать, что как «логика различия», так и «логика эквивалентности», являются двумя сторонами одной медали и указывают на проблематичность связи любого концепта с тем или иным референтом. Строго говоря, проблематичной оказывается сама возможность референции.

Не исключением оказывается и такой концепт, как «общество», поэтому одним из центральных положений социальной онтологии Э. Лакло и Ш. Муфф становится тезис «общество не существует». Как говорят авторы: «Незавершенный характер всякой тотальности ставит нас перед необходимостью отказаться

в своем анализе от установки рассматривать „общество” как безразрывную (*sutured*) и саму себя определяющую тотальность» [2, p. 111].

Действительно, если внимательно проанализировать наш социальный опыт, то можно прийти к вполне очевидному выводу, что мы никогда не сталкиваемся с обществом «как таковым», но лишь всегда с отдельными фрагментами социальной реальности, которые неосознанно и, как правило, некритически мы заключаем в воображаемую рамку, вписываем в предполагаемую тотальность социального целого. Понятие общества играет роль, аналогичную роли кантовских «трансцендентальных идей», т. е. оно задает единство социального опыта, однако само по себе никогда в опыте не дано. Таким образом, в соответствии с позицией Э. Лакло и Ш. Муффа «общество» следует понимать не как существующий в самой реальности мегаобъект, а как определенный воображаемый образ, утвердившийся в той или иной культуре в тот или иной промежуток времени.

Антагонизм. Искусственный, рукотворный характер этого образа становится очевидным в ситуации политического противостояния различных социальных групп, стремящихся утвердить собственное представление о социальном и преобразовать в соответствии с ним наличные практики и институты. Именно опыт *антагонизма*, противоборства политических волей, позволяет осознать тот факт, что социальная реальность никогда не является объективной данностью, что нет общества вообще, но лишь конкурирующие между собой проекты общества. Очень удачную интерпретацию этого тезиса мы находим у С. Жижека: «Классовая борьба – это, в конечном счете, борьба за значение общества „как такового”, борьба, в которой оба класса будут навязывать себя в качестве заместителя общества, „как такового”, тем самым низводя своего противника к представителю не-Социального (разрушения общества, угрозы обществу)...» [5, с. 86].

Итак, общество «как таковое» оформляется в результате попытки (всегда лишь отчасти успешной) создать с помощью политических средств унифицированное символическое пространство, единство которого подспудно раскалывается антагонизмами. Однако, как говорят Э. Лакло и Ш. Муфф, общество, не будучи всецело возможным, не является также всецело невозможным [2, p. 129]. И если понятие антагонизма призвано объяснить, почему общество никогда не в состоянии конституировать себя как единое целое, замкнутую и самоопределяющуюся тотальность, то понятие гегемонии объясняет, почему социальная ткань, как пра-

вило, не разрушается, способна сохранять и воспроизводить свою «текстуру».

Гегемония. В концепции Э. Лакло и Ш. Муффа данное понятие обозначает универсальный механизм установления социального, очерчивающий конкретные «контуры» общества и удерживающий его от распада. Суть действия данного механизма состоит в том, что *партикулярное* (отдельная социальная группа, определенная идеология) занимает место *универсального*, становится означивающим отсутствующей тотальности, начинает олицетворять несуществующее и невозможное «общество в целом». Эту мысль можно выразить несколько иначе: для существования общества необходим (негласный, как правило, нерелексированный) консенсус по поводу универсальных ценностей, общее признание легитимности действующих институтов, единство мировоззренческих предпосылок. Другими словами, социальное взаимодействие должно опираться на некие универсальные основания, в противном случае раздирающие общество антагонизмы могут привести к полному распаду социальных связей. Специфика позиции Э. Лакло и Ш. Муффа заключается в том, что они трактуют универсальное не содержательно, а структурно. По их мнению, универсальное – это не некие вневременные, независимые от обстоятельств места и времени ценностные ориентиры, а «пустое место», всякий раз заполняемое с помощью ресурсов конкретной идеологии, берущей на себя полномочия репрезентации общезначимого. Как подчеркивает Э. Лакло, именно стратегии заполнения этого символического «места» образуют сущность политики, конкретным содержанием которой становится борьба за значимые в данном социальном контексте «плавающие означивающие», такие как «свобода», «равенство», «стабильность», «справедливость» и др. Для того чтобы утвердиться в качестве общезначимой, идеология, претендующая на статус духовного гегемона, должна включить эти ценности в собственное поле, придав им совершенно определенное значение. Без достижения доминирования на духовно-символическом уровне политическое доминирование оказывается крайне проблематичным, если не невозможным в принципе.

Заключение. Важнейшим результатом социально-онтологических изысканий Э. Лакло и Ш. Муффа становится радикально новое (по сравнению с марксистским) понимание политической активности. Во-первых, политика начинает рассматриваться как фактор, действующий не на онтическом, но на онтологическом уровне: по сути, «политическое» (динамическое противостояние различных социальных

групп) оказывается первичным по отношению к «социальному» (устоявшимся формам общественной жизни). Во-вторых, политика трактуется как борьба, локусом которой является сфера означающего. Благодаря этому акценту на символической природе политической власти концептуальный аппарат Э. Лакло и Ш. Муфф оказался очень востребованным в современных прикладных социальных и культурных исследованиях, в частности в области идеологической критики. Важно также упомянуть, что «амальгамирование» постструктуралистских и лакановских понятий с марксистской проблематикой позволило авторам разработать собственный, весьма оригинальный и интересный с практической точки зрения проект борьбы за эмансипацию в условиях позднего капитализма, ориентированный на идеал «радикальной и плюральной демократии».

Литература

1. Tormey, S. Key thinkers from critical theory to post-marxism / S. Tormey, J. Townshend. – London: SAGE Publications, 2006. – 234 p.
2. Laclau, E. Hegemony and Socialist Strategy / E. Laclau, Ch. Mouffe. – London; New-York: Verso, 1985. – 201 p.
3. Гололобов, И. В. Теория политического дискурса Эрнесто Лаклау: введение / И. В. Гололобов // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. – Краснодар, 2003. – Вып. 3. – С. 129–136.
4. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек; пер. с англ. В. Софронова. – М.: Художественный журнал, 1999. – 238 с.
5. Жижек, С. 13 опытов о Ленине / С. Жижек; пер. с англ. А. Смирнова. – М.: Ad Marginem, 2003. – 254 с.

Поступила 02.04.2010

УДК 1:281.9(476)

Н. М. Кожич, канд. философ. наук, доцент (БГТУ)

ОСОБЕННОСТИ ДИАЛОГА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ С ДРУГИМИ КОНФЕССИЯМИ

В статье рассматривается специфика взаимоотношений Русской православной церкви с другими конфессиями. Анализируются факторы, которые способствовали возникновению и развитию межхристианских и интерконфессиональных контактов. Сделан вывод о том, что если в прошлом церковь строила свои отношения с иными конфессиями на основе идеи вероисповедного превосходства, то в настоящее время она признает необходимость диалога, основанного на принципе толерантности, для решения актуальных проблем современности.

The specificity of relations of Russian orthodox church with other faiths is considered in this article. Factors are analyzed, which promoted occurrence and development of antichristian contacts. The conclusion was made about present time, in which church recognizes necessity of the dialogue based on a principle of tolerance, for the decision of actual problems unlike in the past the church built the relations with other faiths on the basis of idea of the religious superiority.

Введение. В настоящее время православие в Беларуси является ведущей конфессией. Это объясняется, в первую очередь, той культурно-формирующей ролью, которую сыграла церковь в истории белорусского народа. Православие на протяжении ряда столетий было интегрирующим фактором, который объединял народ в религиозном и одновременно общественно-политическом смысле. Авторитет церкви существенно возрос в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., что связано с изменением государственной политики в отношении религии и отказом от атеистической пропаганды. Православная церковь (Экзархат Русской православной церкви) получила возможность открыто осуществлять свою деятельность: строятся храмы, функционируют духовные учебные заведения, открываются новые приходы и т. д. Тем не менее следует отметить, что процесс религиозного возрождения затронул и другие христианские конфессии, издавна существующие на территории Беларуси. В этой связи представляет особый интерес проблема взаимоотношений православной церкви с другими религиозными организациями.

Основная часть. В прошлом православие строило свои отношения с другими конфессиями на основе идеи вероисповедного превосходства. До 1917 г. церковь являлась частью государственного аппарата, поэтому во многом характер взаимоотношений с другими конфессиями определялся светской властью. Само государство из политических соображений нередко прибегало к услугам иных религиозных организаций и понуждало церковных иерархов к активизации межконфессиональных контактов. Тем не менее последние православной церковью рассматривались как способ расширения сферы собственного влияния, пропаганды своего вероучения другим странам и религиозным организациям. Такую же позицию, в общем, занимали и другие конфессии. Однако распространение идей свободомыслия и

материализма неминуемо приводило к ослаблению позиций христианства во всем мире. Необходимость преодоления религиозной разобщенности христианских конфессий осознавалось и православием, и католицизмом. Впрочем программы о единстве церквей оказались разными. Идеологи православия исходили из того, что объединение признается ими возможным только на основе православного вероучения. В свою очередь, католики единение церквей рассматривали как принятие другими конфессиями учения о первенстве римского первосвященника. Эти обстоятельства делали практически невозможным диалог между православием и католицизмом.

Следует отметить, в Беларуси религия выступала фактором политики соседних государств, не признававших факт существования белорусского этноса, стремившихся к его духовной ассимиляции. Деятельность костела и церкви была направлена не только на решение исключительно религиозных задач: нередко она принимала характер открытой борьбы за расширение культурного пространства между Польшей и Россией. Следствием религиозно-политической конфронтации оказалось закрепление за вероисповеданиями терминов «польская» и «русская» веры. Все-таки среди духовенства обоих исповеданий в начале XX в. возникает интерес к белорусской культуре. Стали появляться католические белорусскоязычные издания. Одновременно православными деятелями открывались библиотеки, музеи, изучалась история Беларуси. Краеведческой деятельностью занимались Д. Довгялло, Ф. Жудро, Л. Паевский и др. Во время революционных событий 1917 г. отдельные священнослужители открыто призывали духовенство к отказу от русификаторской политики. Таким образом, является очевидным, что становление белорусского национального сознания происходило под влиянием двух религиозных направлений – православия и католицизма.

В XX в. на особенности функционирования религии значительное влияние оказывает процесс глобализации, который представляет собой социальные изменения, проявляющиеся в формировании единого рынка, появлении новых информационных технологий, усилении культурной связи между народами. Однако глобализация развивается на фоне общепланетарного кризиса человеческой цивилизации, что порождает изменения не только позитивного, но и негативного характера. К последним относятся унификация экономических, политических и других ценностей, уничтожение особенностей цивилизаций через распространение массовой культуры, способствующие снижению уровня духовного развития. Духовный кризис связан, прежде всего, с изменениями мировоззренческих ориентаций, когда старые ценности утрачивают смысл, а новые еще не сформировались. Глобальные перемены в жизни человечества, обусловленные разрушением традиционных социальных структур, влекут за собой и процесс дезинтеграции ценностных систем личности и общества. Кроме того, духовный кризис, в отличие от политического и экономического, пронизывает все сферы жизни и способствует торможению социально прогрессивных перемен. В этой связи христианские исповедания стремятся к поиску новых форм диалога церкви с миром, приспособлению вероучительного комплекса, системы религиозных обрядов, церковных структур к новым социокультурным условиям. Данное обстоятельство способствовало возникновению и развитию экуменического движения, формальной целью которого является достижение вероисповедного единства между конфессиями. Деятельность за объединение христианских конфессий координируется Всемирным советом церквей, созданным в 1948 г. С 1961 г. Русская православная церковь стала активно принимать участие в интерконфессиональных христианских конференциях и съездах для обсуждения вопросов обновления миссии, социального развития мира, церковно-государственных отношений, богослужения в секулярном мире и др. Тем не менее догматические расхождения делают затруднительным участие Русской православной церкви в работе данной организации.

В настоящее время православные идеологи подчеркивают, что «идеи религиозного, национального и личного превосходства разрушают межчеловеческие отношения, порождая конфликты и войны» [1, с. 66], поэтому важно найти то, что может сблизить, а не разобщить людей. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет в октябре 2004 г. на открытии Международной конференции «Христианство и взаимодействие соседство духовных ценностей в евро-

пейском сообществе» отметил, что «Православная и Католическая Церкви в Беларуси и в Польше представляются гарантами социокультурного единства этого пограничного региона. Они имеют совместные проекты в сфере образования и семьи, культурной, социальной и экономической жизни» [2, с. 42]. Все же нельзя однозначно позитивно оценивать взаимоотношения православной и католической церквей на постсоветском пространстве. Например, «Смоленск является одним из самых заметных примеров неблагоприятных межконфессиональных отношений, поскольку приехавшего туда польского священника отца Птоlemeуша Кучмика обвинили в прозелитизме, и сделано это было на весьма высоком уровне...» [3, с. 125].

Довольно распространенным является мнение о незначительной разнице между православным и католическим богословием. Основной причиной конфликтов всегда была ментальность, поскольку традиционное христианство в ходе своего развития трансформировалось в новые культурные формы, что влекло за собой процесс удаления христианских конфессий друг от друга. Другими словами, религия, попадая в новый социокультурный контекст, изменялась сама. В конечном итоге даже чисто языковая проблема стала причиной межконфессиональных противоречий, так как «территориальное распространение Христианства на запад привело его в латинскую языковую среду, где как более низкий культурный уровень, так и другая логическая структура и лексический состав языка делали невозможным адекватный перевод греческой богословской терминологии. Порою забывается то, что тринитарные дискуссии между Западом и Востоком были вызваны именно обоюдным непониманием языка друг друга... даже формальный раскол Церкви в 1054 году в большей степени был вызван плохим знанием греческого папскими легатами и небрежным переводом предназначенных для обмена писем» [4, с. 48].

Важно отметить, что после присоединения Русской православной церкви к экуменическому движению происходит интенсивное обращение религиозных идеологов к решению социально-этических вопросов. В результате экуменических дискуссий разрабатывалась собственная общественно-политическая позиция церкви. В отличие от последовательной ортодоксии, которая настаивала на отказе от земных ценностей, от обращения к социальным проблемам, экуменические органы стали предпринимать попытку осмыслить социальные явления. Начиная с 70-х гг. XX в. православные богословы работают над созданием новых теологических концепций общественного развития. В частности, церковь выступает за союз науки и религии, проводит параллели между

выводами науки и положениями религии в контексте религиозной программы движения к справедливому обществу. Под влиянием экуменических контактов происходит не только процесс обновления православного богословия, но и осуществляется богослужбное новаторство.

Тем не менее экуменическое движение развивается слабо и противоречиво. Можно выделить два аспекта экуменической идеологии. Первый предполагает разрушение догматической чистоты различных вероучений. Это в отдельных случаях делает невозможным богословский диалог по причине принципиальных различий основ веры. Второй аспект связан с унификацией духовных ценностей, стиранием культурного своеобразия народов. В этой связи необходимы серьезные богословские усилия для «выражения христианского благоговения таким образом, чтобы оно было понято разными культурами» [5, с. 466]. Одновременно православные идеологи обращают внимание не только на актуальность диалога христианских конфессий. Как правило, уже речь идет и о диалоге других религий. В сентябре 2006 г. в Астане (Республика Казахстан) прошел II съезд мировых и традиционных религий «Религия, общество и международная безопасность». В работе съезда приняли участие 43 делегации из более 20 стран мира. Это представители православия, ислама, буддизма, иудаизма, даосизма и синтоизма. Делегацию Русской православной церкви возглавил митрополит Минский и Слуцкий Филарет. В своем докладе на съезде он подчеркнул, что главной задачей в области укрепления мира является «воспитание и увещевание своих пасомых в духе миролюбия, сострадательности и любви к людям: вне зависимости от их цвета кожи, религиозных верований, политических взглядов и иных убеждений» [6, с. 46]. Далее митрополит отметил, что «в современном мире ни одно отдельное государство... не в состоянии решить в одиночку все мировые проблемы. Достижение подлинного, устойчивого, благополучного мира требует совместных усилий не только политиков разных стран, но и носителей всех традиционных мировых религий от скромного прихожанина до высшего религиозного руководителя» [6, с. 46]. На съезде неоднократно прозвучала мысль о ценности и актуальности диалога между различными исповеданиями. В итоге был принят документ, в котором излагались принципы межрелигиозного сотрудничества. Отмечалось, что диалог «будет основываться на честности, толерантности, смиренности и взаимоуважении... диалог не должен быть нацелен на обращение в другую веру либо оскорбление собеседника другого исповедания, а также демонстрацию превос-

ходства одной религии над другими» [7, с. 45]. Особое внимание православные идеологи уделяют межправославным отношениям, налаживанию контактов с автокефальными православными церквями. Главная цель этих связей заключается в том, чтобы укрепить православное единство, предотвратить церковные расколы и разногласия. Результатом таких усилий является объединение Русской православной церкви с Русской зарубежной церковью 17 мая 2007 г.

Заключение. Таким образом, секуляризация общественной жизни, религиозный индифферентизм способствовали усилению межхристианских связей, причем наряду с межправославными имеют место и интерконфессиональные контакты. В настоящее время православная церковь стремится строить свои отношения с другими конфессиями на основе миролюбия и толерантности. Теперь ею признается, что религиозный диалог необходим для решения актуальных проблем современности.

Литература

1. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси. Свобода вероисповеданий и признание представителей других религий / Филарет // Минские епархиальные ведомости. – 2006. – № 4. – С. 66–67.
2. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси. Церковь Христова и преемственность европейских идеалов и ценностей / Филарет // Минские епархиальные ведомости. – 2004. – № 4. – С. 40–42.
3. Бармин, А. Католическое присутствие в современной России / А. Бармин // На пути к свободе совести / под ред. С. Б. Филатова. – М.: Наука, 1996. – С. 122–132.
4. Тайван, Л. Л. Сможет ли договориться папа с Патриархом? / Л. Л. Тайван // Церковь и ответственность за творение: IX Междунар. Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры, Минск, 23–26 мая 2003 г.: в 2 ч. / Европейский гуманитарный ун-т, Белорус. гос. ун-т культуры. – Минск, 2004. – Ч. 1. – С. 47–53.
5. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Православный взгляд на проблемы современного экуменизма / Кирилл // Православие и экуменизм. – М.: МФТИ, 1999. – С. 462–471.
6. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси. Роль религиозных лидеров в укреплении международной безопасности / Филарет // Минские епархиальные ведомости. – 2006. – № 3. – С. 45–46.
7. II Съезд мировых и традиционных религий // Минские епархиальные ведомости. – 2006. – № 3. – С. 45.

Поступила 02.04.2010

УДК 101:1:316

М. В. Подручный, ассистент (БГТУ)

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СИНТЕЗА
ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО И СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ**

В статье рассмотрено взаимодействие понятий и принципов биологического эволюционизма с общекультурными идеями биосферы, ноосферы, коэволюции. Раскрыты мировоззренческие аспекты методологических трансформаций современного биологического эволюционизма. Выявлен эвристический потенциал синергетического подхода к решению проблем глобального эволюционизма. Обоснован синтетический характер социобиологического знания, обозначены основные принципы традиционной социобиологии.

The article analyzes the methodological foundations of a new conceptual approach to synthetic biology. The paper presents a philosophical understanding of the principles of emergence, historicism and sinergetism, which will form the basis for a holistic approach involving the synthesis of science and human science.

Введение. Для биологии характерна борьба двух традиций – эволюционизма и структурализма. Эта борьба была в действительности борьбой двух несовместимых точек зрения на одно и то же явление, двух интерпретаций явления. В конечном счете это была борьба двух пар тем: темы непрерывности и темы дискретности в одном случае и темы телеологичности и темы случайности – в другом. Лишь в последнее время исследователи начинают осознавать, что эти действительно различные, оппозиционные теоретические интерпретации в реальности равноправны.

Основная часть. Организмоцентризм и видоцентризм оказались двумя дополнительными подходами, и поэтому бессмысленно структурные уровни организма изучать только с позиций исторического развития и, наоборот, популяционные процессы рассматривать только как результат генетических и эпигенетических процессов. Точно так же попытки свести все многообразие органического мира только к цепи непрерывных изменений, «филогенетическим древам» приводят к громадному числу противоречий. Другой пример – взаимодействие наблюдателя и объекта наблюдения. Во многих биологических дисциплинах (от цитологии до экологии) проблема «инструментального спаривания» в скрытом виде существовала всегда, но анализ ее никогда не поднимался выше уровня методических рассуждений. Любое непосредственное исследование структуры и функции, будь то в отношении клетки или биоценоза, одновременно оказывается и воздействием на эти структуры и функции. Существует неявное соглашение, что исследователь изучает действительный объект, а не реакцию объекта на свое воздействие. С этой точки зрения вполне понятно, почему зоопсихологию, а затем и этологию постоянно упрекали в антропоцентризме, хотя употребляемые этими науками термины, взятые из словаря человеческо-

го общежития, – вроде «ярости», «дружелюбия» или «альтруизма» животных – мало чем отличаются от «времени жизни» частицы, «напряжения» тока или «памяти» машины.

Для этих поведенческих наук, в отличие от корпуса классических дисциплин биологии, проблема взаимодействия субъекта и объекта в процессе исследования есть центральная методологическая проблема. Поскольку взаимодействие здесь более чем осознается, его требуется еще и проинтерпретировать. Важный момент познавательной деятельности составляет «внедрение», «вживание» наблюдателя в объект своего исследования. Но ведь само это «вживание» невозможно без одновременного усвоения и понимания объекта. А момент понимания – уже специфика гуманитарного познания. Между тем и этология, и зоопсихология в своем познании ориентированы исключительно на принципы и методы естествознания.

Именно методический и гносеологический дуализм наук о поведении живых систем порождает те спорные моменты, которые появляются при всякой попытке более широкой интерпретации результатов их исследований. Выход здесь видится именно в интеграции гуманитарного и естественно-научного знания, которая должна затронуть и область гносеологии. Несмотря на стремление к объективности исследования, биология в то же время сближается и с гуманитарными науками. Одним из наиболее важных признаков гуманизационной тенденции является представление о такой сложности биологических объектов, при которой полное описание структуры и функций отдельных подсистем и всей системы в целом невозможно. В определенном смысле гуманизация биологии возвращает ей холистическое видение мира. В то же время наблюдаются и «явные» тенденции гуманизации, которые детерминированы социальными факторами. Их можно охарактеризовать термином «экологизация». Действительно,

человек стал силой, влияющей на природные процессы, все более определяющей их, но одновременно человек является частью природы.

Возможна ли при этих условиях такая преобразовательная деятельность по отношению к природе, которая бы соответствовала интересам человека и общества как компонентов природы? В рамках методологии естествознания однозначный ответ невозможен, а возможны лишь предположения. Это, а также то, что в данном случае наука имеет дело с единичным, уникальным объектом и не может использовать для его изучения иной методический арсенал, сближает естествознание с гуманитарным знанием.

Подобное сближение происходит в рамках не только методологии, но и онтологии: исследование человеческой деятельности как природной силы требует исследования и самого человека, но не только как биологической системы. Единичность объекта исследования, его постоянное изменение под непрерывным воздействием со стороны «субъекта исследования» (его же самого), а также вынужденное своеобразие «взгляда изнутри» – эти специфические особенности гуманитарного познания оказываются теперь и особенностями естествознания.

Таким образом, естествознание, и в частности биология, находится в своеобразной методологической ситуации, когда внутри него реально существуют две эпистемологии, два способа познания мира, а исследователи в своей практике пользуются обоими этими способами, зачастую не подозревая об этом.

В поведенческих науках ситуация гораздо более сложна, чем в иных разделах биологии и, как теперь кажется, традиционными средствами неразрешима. Эти науки, как и все прочие, ориентированы на достижение «истинной научности», признаками которой считаются однозначность описания, возможность математической формализации данных и близкое соответствие наблюдаемых явлений теоретическим схемам. Всякий же, кто начинает достаточно глубоко анализировать эти требования применительно к поведенческим наукам, вынужден бывает прийти к выводу об их невыполнимости даже в минимально достаточной степени.

Однозначному, жестко детерминированному описанию поддается только малая часть поведения системы, чаще всего индивидуальное поведение животных и человека. Большинство же видов взаимодействия, хотя и может быть типологизировано, подвержено влиянию множества случайных внешних факторов и зависит от потребностей, установок и «ценностей» системы (т. е. от ее «внутреннего мира»).

Надо отметить, что такое положение с поведенческими дисциплинами имеет историче-

ское оправдание. Изучение поведения (прежде всего животных) издавна рассматривалось не как самостоятельное научное направление, а лишь как средство для получения знаний в сугубо утилитарных целях – для развития медицины и сельского хозяйства. Этот прагматический подход и определил, возможно, крайнюю степень «испытательного» отношения к природе в полном соответствии с духом естествознания XVII–XIX вв. Отразился он в целях и методах поведенческих исследований и в системе принципов познания, которые во многом заимствовались из физики безусловно и неосознанно. Можно указать по крайней мере на три наиболее крупные, которые связаны с появлением новых подходов к исследованию поведения и новых поведенческих дисциплин.

Первая такая попытка была предпринята Э. Махом. Вторая попытка, осуществленная через несколько десятилетий после первой, явилась в образах бихевиоризма и этологии. Бурное развитие этих направлений исследования поведения в 30–60-е гг. не только отразило в самых крайних формах физикалистский стиль научного познания, но и предстало символом непрерывности эпистемологии от механики до психологии. Третья попытка относится к началу 70-х гг. и связана с появлением социобиологии. Это наиболее широкая со времен Маха программа спасения физикалистской методологии в области поведения и социальных систем животных и человека.

Все три рассмотренные попытки с гносеологической точки зрения представляют собой весьма простые приемы сведения поведения сложных систем (организмов и сообществ) к взаимодействию их структурных компонентов, физиологическим и биохимическим механизмам, взаимодействию генных комплексов или генов.

Новая, не физикалистская, методология все больше проникает в поведенческие науки, отчасти в силу объективных процессов – как следствие роста знания, отчасти же благодаря сращиванию, конвергенции или интеграции биологического и социогуманитарного знания. Теперь уже можно говорить о зачатках новой методологии в поведенческих науках и даже о новых принципах познания.

Каковы же могут быть эти принципы? Можно выделить четыре базисных положения в науках о поведении сложных систем (организмов и обществ): принцип историзма, самоорганизации, эмергентности и принцип аксиологичности.

Принцип историзма – самый «древний» и традиционный в поведенческих науках и вообще в биологии и обществознании, хотя свое развитие он получил спустя два века после появления современной науки. Это развитие в XIX в. шло первоначально в русле философии

истории, рассматривавшей общество как часть природы. Данный принцип развивался также в рамках эволюционной биологии.

Историзм – это представление о всяком процессе как о развитии с качественным результатом. Принцип эволюционизма – не что иное, как частный случай принципа историзма. Всякий эволюционный процесс конкретен и потому индивидуален, следовательно, он протекает в конкретных исторических условиях, т. е. имеет свою историю. Этот момент указывает на тесное сближение между главными принципами познания в современной биологии и в современных социогуманитарных науках. На совпадение же биологического и социогуманитарного способов познания указывает и другой момент: всякое явление, рассматриваемое в конкретных исторических условиях, единично, индивидуально. Для цельности и адекватности биологического познания наряду с принципом историзма необходимы принципы самоорганизации и эмергентности. Их можно было бы назвать организмическими, системообразующими принципами.

Принцип самоорганизации – это подход к биологическим и социальным системам как к самоорганизующимся системам, т. е. способным к изменению внешних и внутренних условий своего существования. У. Р. Эшби в 1947 г. с помощью понятия самоорганизующейся системы охарактеризовал существенное свойство всякого биологического объекта. Признание за биологическим объектом способности к самоорганизации, может быть, и не следует рассматривать в качестве познавательного принципа, но, когда мы расширяем понятие самоорганизации «вверх» (в зоо- и homo-социологию) и «вниз» (в мир физических процессов), он становится принципом научного познания. Самоорганизация – это функционирование сложных систем, которые имеют свойства совершенно иные, чем свойства классических физических систем. А главные черты сложности – необратимость и стохастичность. Ныне эти понятия начинают проникать на фундаментальный уровень описания природы. Кроме того, подобным сложным химическим и биологическим системам присущи и такие свойства, как «погруженность» в среду, невозможность существования вне среды (а значит, и внутренняя, спонтанная активность). Для них характерно также «наличие множества устойчивых состояний, в противоположность близким к равновесию ситуациям, где имеется всего одно устойчивое состояние». И это свойство мультиустойчивости сложной системы есть причина появления у системы истории: конкретные устойчивые состояния зависят от пути, по которому система развивается. Поэтому для такой системы «будущее остается открытым».

Эмпирические исследования свидетельствуют о всеобщности процессов самоорганизации в природе. Самоорганизация оказалась свойством, в равной мере присущим и живой, и неживой природе. Мы не только живем в мире неустойчивых динамических систем, мы живем в мире порядка, в котором хаос может появляться только в результате взаимодействия систем. Возможно, наука находится на пороге смены тем: тема порядка, возникающего из хаоса, древняя как сама цивилизация, уступает место альтернативной теме всеобщего порядка, в котором локально и обратимо возникает хаос как необходимый момент взаимодействия пришедших в соприкосновение систем.

Принцип эмергентности предполагает холистический подход к изучению всякого объекта, несводимость свойств объекта к свойствам его структурных элементов. Принцип эмергентности более полно выражен в системном подходе. В соответствии с данным принципом научный анализ функционирования (поведения) сложных биологических и социальных систем не может быть сведен к анализу функционирования составляющих их элементов.

Всякая сложная система в принципе не может быть описана исчерпывающим образом – в смысле полноты описания физических объектов. Более того, она не может быть описана единственным образом. Это означает, что отсутствует единственный, привилегированный способ описания поведения системы. В обычных физикалистских нормативах описания объектов нет средств описывать знания о целостности объекта, включать в знание об объекте саму познавательную деятельность, ценностные аспекты и поиск целеполагающих факторов. В отличие от физикалистского норматива описания, для которого характерна модальность долженствования, описание сложных систем должно вестись в модальности возможного. Это связано с неполнотой описания поведения сложной системы: знание поведения ее отдельных элементов или регулятивных структур не позволяет судить о работе всей системы [1]. Неполнота и неоднозначность описания сложной системы, выступающие как результат применения принципа эмергентности, обязаны своим «явлением» тому, что новое качество, возникающее в сложной системе и в ее поведении, по сравнению с составляющими ее элементами и их поведением, как правило, нематериального, нефизического порядка. Это новое качество есть некий «лишенный телесности» продукт взаимодействия элементов.

Целостность сложной системы, обладающей сложным поведением, порождена взаимодействием ее элементов. Устойчивость и повторяемость

взаимодействий, необходимые для самого существования системы, приобретают значение регулятивных механизмов. Принцип же действия регулятивных механизмов основан на «нормативности»: всякая регуляция предполагает «знание» системой «нормы» каждого конкретного поведения, а наряду с ним и «знание» о границах «нормального» поведения. Это первый аспект.

Второй аспект заключается в том, что сложное поведение не только многофункционально и вариативно – оно должно быть иерархически организовано, «целесообразно», т. е. отдельные виды поведения должны реализовываться адекватно ситуации и не конкурировать друг с другом. Такая иерархическая организованность поведения в соответствии со значимостью его отдельных видов в каждый данный момент времени и в каждой конкретной ситуации и вместе с тем нормативность поведения, невыход его «за границы разумного» для данной системы требуют, чтобы сложная система имела особый регулятивный механизм – механизм оценки приоритетов. Иными словами, сложная система должна располагать своей собственной «системой ценностей», позволяющей ей определять значимость каждой формы поведения в каждой конкретной ситуации.

Признание за сложной системой способности ее к оценке приоритетов поведения обуславливает введение еще одного принципа – принципа аксиологичности. Принцип аксиологичности означает такой подход к исследованию поведения сложной системы, при котором предполагается, что системе свойственны целенаправленное поведение, выбор приоритетных целей из совокупности значимых целей в каждый конкретный момент времени и что система имеет особую регулятивную подсистему, иерархию ценностей, которая организует «нормативность» поведения системы.

Вообще говоря, всякое поведение есть выбор из нескольких вариантов. В простейшем случае, в случае с тропизмами, этот выбор генетически и даже морфологически детерминирован: раздражение достаточно просто устроенных рецепторов инфузории специфичным для них раздражителем вызывает столь же специфичную и однозначную реакцию, хотя возможна и другая реакция. Организм, способный реагировать на раздражители, уже изначально стоит перед альтернативой – реагировать или не реагировать на конкретный раздражитель. Отсутствие реакции на значимый раздражитель – это тоже значимое поведение. Системы со сложным поведением чаще имеют не альтернативу, а большой набор различных вариантов ответа на действие одного-единственного раздражителя. Эта вариативность обусловлена не

природой раздражителя, а природой самой системы. Конкретный ответ зависит от контекста.

Наличие потребностей и иерархии потребностей предполагает и план поведения. В его простейшей форме это необходимость планирования непосредственного поведения, чтобы достичь поставленной цели.

Таким образом, необходимым компонентом сложного поведения является выбор из нескольких вариантов поведения, следовательно, наличие подсистемы ценностей в качестве регулятивного механизма. Тогда в понятие «ценность» следует вкладывать очень широкое содержание – то, что имеет жизненное значение для системы. Иерархия ценностей – ранжирование по значимости достаточного большого набора ценностей, которое не определяется раз и навсегда.

Подход к описанию поведения системы на основе принципа аксиологичности предполагает недоопределенность самого описания (исследователю не известна целиком система ценностей и правила, по которым изменяются ранги ценностей), а потому и принципиальную неполноту описания системы. Поведение системы не может быть предсказано полностью, часто узловые моменты его для наблюдателя приобретают стохастичность.

Заключение. Итак, принципы историзма, самоорганизации, эмергентности и аксиологичности, возможно, составляют гносеологическую систему поведенческих наук. Она отлична как от физикалистской, так и от гуманитарной гносеологии. Возникающая на ее основе методология есть методология системного подхода. Поэтому принципы описания поведения сложных систем – суть, по-видимому, нормативы системного описания.

Само по себе описание «новой» гносеологии представляет собой не более чем благую попытку. В практическом плане важнее следующий шаг: описание и анализ поведения сложных систем, основывающихся максимально последовательно на описанных принципах познания. Прежде, чем перейти к этому, необходимо проанализировать и свести воедино все иные подходы к описанию сложных социальных систем, которые были предприняты в биологии и социологии. Надо рассмотреть историю вопроса, где в силу его специфики доминирующее положение занимают биологические подходы. Биосоциальная проблематика никогда не относилась исключительно к компетенции биологических наук, она являлась и является главным связующим звеном между биологией и социогуманитарными дисциплинами.

Литература

1. Пригожин, И. Порядок из хаоса / И. Пригожин. – М.: Наука, 1989.

Поступила 02.04.2010

УДК 101.1:316.422.44

И. Д. Денисенко, профессор (ХНУ им. В. Н. Каразина, Украина)

**ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

В статье раскрывается проблемное поле социально-философских исследований, обусловленное уточнением категориального аппарата исследований, установлением границ предметных полей наук, поиском теоретических оснований, интерпретирующих развитие социальных процессов; осуществлен анализ отношений между представителями социальной философии и социологии.

The article deals with the problem field of social and philosophical studies, due to the specification of categorical system of research, establishing the boundaries of subject fields of science, the search for theoretical reasons, interpreting the development of social processes; made an analysis of the relations of honey representatives of social philosophy and sociology.

Введение. Анализ отечественных и зарубежных научных публикаций, посвященных изучению современных трансформационных процессов, свидетельствует о том, что проблемное поле социально-философских исследований формируется целым рядом стратегий, основными среди которых выступают следующие:

– уточнение понятийно-категориального аппарата исследований;

– демаркация границ в предметных полях наук, формирующих систему социально-гуманитарных знаний;

– поиск теории, адекватно интерпретирующей развитие социальных процессов и функционирование общественных структур в условиях повсеместных трансформаций.

Основная часть. Детальное изучение курса современных социально-философских публикаций констатирует факт существования в процессе формирования понятийно-категориального аппарата современной системы социально-философских знаний двух устойчивых тенденций – наполнение новым содержанием традиционных для этой науки понятий («общество», «историчность», «структура», «институты», «классы» и т. д.) и привнесение в ее оборот совершенно новых категорий («риск», «сеть», «культура реальной виртуальности» и т. д.).

В контексте основных положений так называемой теории структуризации английского социолога и философа Э. Гидденса понятие «структура» активно используется «для обозначения правил и ресурсов, рекурсивно вовлеченных в систему социального воспроизводства». При этом утверждается, что «структура существует только как памятные следы, органическая основа человеческой осведомленности и проявляет себя в действии» [1, с. 501]. Последнее автором теории структуризации непосредственно связывается с таким феноменом, как «историчность», которая рассматривается в качестве «идентификации истории как прогрессивного изменения, объединенного с когнитивной утилизацией такой

идентификации для того, чтобы способствовать этому изменению» [1, с. 498].

Согласно утверждениям мексиканского исследователя М. Каstellса, социальная структура информационного века рассматривается им как «сетевое общество» в контексте новой интерпретации последнего термина потому, что «оно создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство...».

Очевидно, что основную проблему в осознании существования этих тенденций составляет поиск методологических оснований для соединения перечисленных выше категорий в единый «работающий» понятийный аппарат.

Разрешение проблемы уточнения понятийно-категориального аппарата современной социально-философской системы знаний непосредственно связано с необходимостью рассмотрения другого стратегически важного вопроса – демаркации границ в предметных полях наук, формирующих всю систему социально-гуманитарных знаний.

Особого внимания заслуживает анализ отношений между представителями социальной философии и социологии. Общепринято, что «социальная философия – это система научного знания о наиболее общих закономерностях и тенденциях взаимодействия социальных явлений, функционирования и развития общества, целостного процесса социальной жизни». В то же время достаточно устоявшимися являются и положение о том, что социология – «научное изучение общества и социальных отношений», и тезис, констатирующий, что современная социально-философская мысль Запада выступает в «форме теоретической социологии». В результате представители каждой из этих систем знаний претендуют на свое «первенство» в изучении социальной реальности в контексте современных трансформационных процессов. Последнее достигается как с помощью активного обращения, «заимствования» каждой из них элементов понятийно-категориального аппарата

оппонента, так и через «выход» на уровни традиционного познания друг друга. Другими словами, представители и социальной философии, и социологии осуществляют свой анализ социальной реальности в так называемом микро- и макроконтинууме, ключевыми моментами которого выступают взаимодействие групп, организаций, обществ и мировых систем.

Стимулом к сохранению такого положения между науками служит и отсутствие у каждой из них своей теоретической конструкции, адекватно отражающей современные социальные трансформации. Наиболее популярными вариантами теоретических интерпретаций трансформационных процессов, наблюдаемых в современных обществах, выступают результаты теоретических исследований, представленные в монографиях: У. Бека «Общество риска. На пути к другому модерну»; Э. Гидденса «Осознание современности»; И. Валлерстайна «Конец знакомого мира: Социология XXI века»; М. Кастелла «Информационный век: экономика, общество и культура»; А. Тоффлера «Третья волна»; Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек»; С. Хантингтона «Третья волна. Демократизация в конце XX века» и Ш. Эйзенштадта «Революция и преобразование общества. Сравнительное изучение цивилизаций».

Однако появление в последнее двадцатилетие концепции рефлексивной современности Э. Гидденса (1991), теории общества риска У. Бека (1992) и так называемой «парадигмы информационной технологии» М. Кастелла (1996–1998) и т. д. не изменило сложившуюся ситуацию между науками, а только привело к активному использованию этих теоретических построений как в системе социально-философских, так и в системе социологических знаний.

Так, практически все дискуссии, по мнению Дж. Ритцера, организованные в рамках западно-европейских и американского научных сообществ в конце XX – начале XXI в., выходят на проблему адекватной интерпретации и соответствующей оценки именно изменений, происходящих с наблюдаемой социальной реальностью. «По мере того, – говорит автор, – как мы вступаем в XXI в., век социальных теоретиков, нас все в большей степени занимает вопрос: подверглось ли общество, а также теории о нем ярким трансформациям?» [2, с. 34]. Дж. Ритцер утверждает, что в результате поисков ответа на поставленный вопрос эти социальные теоретики распределились на две группы.

«Одна из позиций, – отмечает американский социолог, – представлена творчеством группы теоретиков (например, Ю. Хабермаса и Э. Гидденса), полагающих, что мы продолжаем

жить в обществе, которое правильнее всего называть современным... Иной точки зрения придерживается другая группа мыслителей (например, Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар и Ф. Джеймисон), которые утверждали, что общество изменилось так резко, что мы сейчас живем в качественно новом, постмодернистском обществе» [2, с. 46–47].

Из вышесказанного следует, что в проблемном поле социальной реальности, которая находится под воздействием различных факторов, вызывающих определенные изменения в ее структуре и сферах существования, в рамках развития противостояния между данными теоретическими позициями в социально-философской науке продолжает наблюдаться аспект, отражающий соотношение понятий «существующее общество» и «современный мир».

Иными словами, для социально-философских исследований предметом анализа все чаще становится не социальная реальность, существующая в условиях как системных, так и внесистемных изменений, а сами эти трансформации, позволяющие рассматривать сегодняшний мир или как эпоху современности, или как эпоху так называемого постмодерна. В результате в социальной науке наблюдается реальная конкуренция между системами понятий, участвующих в экспликации существующей социальной реальности (безусловно, в границах определенных теорий).

Результаты анализа современной социологической и социально-философской литературы свидетельствуют об определенном доминировании (с позиции упоминания и количества ссылок) в западном научном сообществе теоретических конструкций Ж. Бодрийяра, И. Валлерстайна, Э. Гидденса, Ж.-Ф. Лиотара и Ю. Хабермаса.

Французский представитель постмодернистской социальной теории Ж. Бодрийяр предлагает рассматривать существующую реальность как мир постмодерна (т. е., «мир, для которого характерно такое сжатие в противовес расширению (производственных систем, товаров, технологий и т. д.), которое было свойственно обществу модерна») или как так называемую сверхреальность. Последняя предполагает, что в условиях ее существования реальное ставится в подчиненное положение относительно фактов, «интерпретирующих» его, и в конечном счете вообще исчезает.

Другой представитель французской философской школы и единомышленник Ж. Бодрийяра в оценке этапа развития современного мира – Ж.-Ф. Лиотар рассматривает последний как социальное пространство, в котором господствуют так называемые «метанаррации» (т. е., развитые системы ценностей – от христи-

анства до научно-технического прогресса). Переход от модерна к постмодерну (в контексте современных изменений, преобразовывающих существующую реальность) характеризуется французским исследователем, прежде всего, через моменты отрицания любых метанарраций – от дискурса спасения (христианская система ценностей) до дискурса универсальности.

Для известного американского социально-исследователя И. Валлерстайна – автора метода системного анализа, получившего в 70–80-х гг. прошлого века широкое распространение среди представителей социально-гуманитарных знаний, существующее общество, с одной стороны, – современная капиталистическая мировая экономика, так называемый «Мир капитализма», а с другой – так называемый «Мир знания». «Мир капитализма» и «Мир знания», – подчеркивает исследователь, – соответственно мир, который мы знаем в том смысле, в каком он составляет нашу реальность (мир капитализма, или *cognoscere*), и мир, известный нам в меру его понимания нами (мир знания, или *scire*).

Для его английского коллеги Э. Гидденса существующая социальная реальность – эпоха современности, которая, тем не менее, существенно отличается от общества начала XX в. (в контексте основных положений его теории структуриации также современного). Данную эпоху предлагается определять на основе четырех институциональных измерений – уровня развития капиталистического производства; степени использования в этом производстве неодоушевленных источников энергии и машинного производства; системы социального контроля и контроля над средствами насилия. При этом основными динамическими характеристиками современности выступают так называемое дистанцирование (разделение времени и пространства); так называемое высвобождение (отрыв социальных отношений от локальных контекстов взаимодействия и их реструктурирование на неограниченных промежутках времени – пространства) и рефлексивность.

Известный немецкий философ Ю. Хабермас представляет существующую социальную реальность как так называемый «незавершенный проект», утверждая, что для достижения пост-современного уровня развития современному миру еще предстоит «пережить» существенные преобразования.

При этом следует подчеркнуть, что поиск теории, адекватно интерпретирующей развитие социальных процессов и функционирование общественных структур в условиях повсеместных трансформаций, выполняется в контексте существования достаточно широких трактовок

этой высшей формы организации научного знания о социальной действительности.

Периодически предпринимающиеся попытки уточнить содержание термина «теория» в системе социально-гуманитарных знаний в контексте обоснования специфики природы исследуемой реальности приводят к формированию ситуации признания теоретической несостоятельности современной социальной науки. Отмеченная тенденция вызвала ряд заявлений со стороны известных западных социальных исследователей как об их «замешательстве» относительно определения содержания и структуры «теории в общем» и «конкретных видов теории, которые фактически существуют» (Д. Нечмис), так и о четко сформулированных «правилах выработки и распознавания социальной теории» (П. Филер, М. Филлипсон). В контексте рассмотрения перспектив развития данной ситуации в научных кругах Э. Гидденс продолжает в целом утверждать, что ««социальная теория» – довольно размытый термин, хотя и чрезвычайно полезен нам (обществоведам – И. Д.)» [3, с. 27].

Кроме того, представители как западной, так и отечественной социально-гуманитарной системы знаний, специализирующиеся на проблемах социального познания, продолжают разрабатывать проблемное поле социальной теории, но не иллюстрируют свои результаты и выводы известными вариантами теоретических построений в сфере изучения социальной реальности конца XX – начало XXI в. В научной литературе практически отсутствуют фундаментальные исследования, специализирующиеся на сравнительном анализе предложенных вариантов теоретических интерпретаций трансформационных процессов.

Заключение. Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что проблемное поле социально-философских исследований в контексте современных трансформаций определяется не только разработкой стратегий разрешения научных вопросов, возникших в новых условиях развития социума в конце XX в., но и некоторыми традиционными методологическими моментами, сформировавшимися к середине прошлого века и все еще не получившими своей адекватной интерпретации в научном сообществе.

Литература

1. Турен, А. Возвращение человека действующего / А. Турен. – М., 1998.
2. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. – СПб., 2002.
3. Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации / Э. Гидденс. – М., 2005.

Поступила 02.04.2010

УДК 577.1:1

О. А. Карканица, ассистент (БГТУ)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕВГЕНИЧЕСКОЙ ИДЕИ ОПТИМЕНА В КОНЦЕПЦИЯХ БИОКОНСЕРВАТИЗМА И ТРАНСГУМАНИЗМА

В данной статье анализируются содержательные трансформации евгенической идеи оптимена в концепциях биоконсерватизма и трансгуманизма, ориентированных на решение проблемы сохранения биологических основ человека. Автор приходит к выводу, что возможность экспликации спекулятивных интерпретаций идеи оптимена свидетельствует о том, что коллективное самопонимание выстраивается в контексте технократических установок, обуславливающих перманентное воспроизводство тех проблем, которые пытается решить мировое сообщество. В частности, асимметрия в соотношении естественного и искусственного, являющаяся следствием атропотехнических проекций, не только не выступает источником беспокойства для сторонников трансгуманизма, но, более того, рассматривается ими как одна из важнейших предпосылок для пересмотра устоявшихся взглядов на природу человека.

This article analyses informative transformations of eugenic optiman's concepts in the ideas of bioconservatism and transhumanism, sensitized to the problem solving of the preservation of the individual's biological foundations. The author draws a conclusion that explication possibility of speculative interpretations of the optiman's concepts testifies that collective selfcomprehension is ranged in the context of technocratic orientation, causing the, permanent reproduction of the problems which world community tries to solve. In the particular the assymetry of natural and artificial ratios, doing the result of antropotechnical perspectives, doesn't act as a source of anxiety for transhumanists. They consider this assymetry to be one of the most important backgrounds for the istablished view reexamination of the human nature.

Введение. В современной научной и философской литературе одной из наиболее обсуждаемых проблем является проблема сохранения биологических основ человека, определяющая сущность антропологического кризиса второй половины XX в. Большинство авторов данная проблема рассматривается, как правило, в двух измерениях: в рамках модификации естественно-биологической природы человека и в аспекте мировоззренческих и нравственных трансформаций, инициированных попытками переосмысления ценности человеческой жизни в контексте тех возможностей, которые открываются наукой.

Возможности науки в настоящее время достигают таких горизонтов, по мере приближения к которым ее прогностический потенциал ограничен или выходит в область сциентистских утопий, где оказывается невозможным четко демаркировать реальные возможности и фантазии, желаемое и достижимое. В этом контексте евгеника выступила специфическим медиатором идеи (определяющей единство рациональных усилий и иррациональных ожиданий в виде мифологизированных представлений, от которых не свободно и сознание ученых) о возможности целенаправленного вмешательства в генетику человека и создания оптимена, или сверхчеловека.

Основная часть. Обращение к основным определениям евгеники позволяет раскрыть содержание идеи оптимена и эксплицировать

ее амбивалентный характер. Как наука о наследственном здоровье человека и путях его достижения евгеника ставит своей целью обеспечение адапто- и жизнеспособности организма (в смысле оптимизации данности). Как учение об улучшении человеческой породы она ориентирована на создание сверхчеловека, или усовершенствованного человека, которое имплицитно предполагает возможность преодоления природной данности. В силу того, что средствами простой селекции кардинально изменить природу человека невозможно, в классической евгенике оба эти смысла совмещаются. Концепт «оптимен» подразумевает попытку гармонизации человеческих задатков (существующей наследственности), а не замену природной данности чем-то иным. «Улучшенный» человек – это индивид, правильно, оптимально реализовавший свои задатки, и именно в этом отношении новый человек возвышается над «ставшим». «Контроль над эволюцией» в такой транскрипции предполагает сознательную работу многих поколений по созданию оптимена.

В контексте неоевгенических и «околоевгенических» проектов данные смыслы демаркированы: хотя основные технологии модификации человека непосредственно или опосредованно предполагают воздействие на его биологию, наследственное здоровье уже не связывают с собственно усовершенствованием. Идея оптимена начинает самостоятельную

жизнь: оптимен рассматривается как индивид, природа которого определяется не только и не столько естественными возможностями организма, препятствующими возникновению химер, сколько технологическими достижениями современной цивилизации, позволяющими преодолеть природные барьеры. Амбивалентный характер идеи оптимена соответствующим образом конституирует и поиск новых смыслов в представлениях о человеческой природе. Дискуссии по вопросу границ допустимого вмешательства в природу человека (в ее биологических, социальных и этических аспектах) и контроля над эволюцией сегодня разворачиваются уже не только между сторонниками и противниками евгеники как таковой, а в более широком научном и культурном контексте – в рамках дилеммы биоконсерватизма и трансгуманизма.

Если евгеники контекстуально сформировали установку на то, что воздействие на природу человека осуществимо лишь с учетом естественных возможностей этой природы, то трансгуманисты (С. Янг, Н. Бостром, Р. Курцвайль и др.), сохраняя перфекционистскую интенцию евгеники, доводят идею модификации антропологической природы до ее логического завершения. Осуществив пересмотр понятия «наследственность», сторонники этого нового культурного движения утверждают, что информация, в том числе и генетическая, может быть связана с любым материальным носителем (в частности, с «химерой» – результатом межвидового смешения или соединения искусственного и естественного). Выступая под гуманистическим лозунгом «все – человеку, и все – для человека», трансгуманисты отстаивают идею полной свободы в использовании новых технологий в целях совершенствования человеческого интеллекта, способностей к контролю эмоций, изменения генетических параметров и физических возможностей человека. Горизонт этих изменений определяется возможностью (или отсутствием таковой) репродуктивного «союза» с немодифицированными индивидами [1, с. 19].

Представители биоконсерватизма считают, что изменения, связанные с новыми технологиями, способны представлять угрозу целостности человеческого бытия. Трансформируя свою природу, человек, во-первых, дегуманизирует себя (дегуманизация является следствием превращения индивида в нечто большее, чем человек, или выступает результатом неправильного выбора – в пользу негативных с точки зрения морали качеств или действий), а во-

вторых, многократно повышает риск эволюционной ошибки [1, с. 23].

В решении вопроса о возможности и необходимости модификации человека едва ли не каждый из оппонентов (как трансгуманисты, так и биоконсерваторы) оперирует понятием гуманизма для обоснования этической правомерности амбивалентных по сути позиций, что свидетельствует о неоднозначности существующих представлений о человеке, человечности и ценности человеческой личности. Такой полисемантизм, хотя и не исключает возможность подмены понятий, вполне объясним на основе принципа историчности, позволяющего представить идею гуманизма в развитии.

Традиционно гуманизм светского толка, который возник в эпохи Возрождения и Нового времени, связывают с двумя видами воздействий, определяющих возможность модификации человеческой природы: индивидуальные усилия по самореализации и социальные мероприятия (воспитательные и другие традиционные практики), предполагающие своим результатом облагораживание человеческой природы. Осуществление данных видов воздействий априори не предполагало апелляцию к вопросу об изменении биологической основы. Усматривая достоинство человека в способности быть хозяином своей судьбы и творцом нового мира, родоначальники классического гуманизма устанавливали предел его возможностей, балансируя между божественным предопределением и личным волением. Человеческая воля, формирующая новую, светскую культуру, постепенно выстраивала оппозицию сакральному (иномирному), отвоевывая у него пространство для самореализации. Однако предел ее полномочий устанавливался принципом совести, трактуемой как «голос Бога внутри человека».

Для трансгуманизма улучшение человека (в предельном выражении – выход за пределы человеческого способа существования с помощью системы искусственного интеллекта) становится целью, достижение которой обеспечивается на основе новых технологий. Если отталкиваться от идеи С. Янга о том, что люди – это существа, наделенные волей к эволюции, то человеческое достоинство в рамках данного направления отождествляется со способностью к самотрансформации, в первую очередь, на биологическом уровне и оказывается практически не связанным с представлениями о самооценности человека и его природы [1, с. 20]. Определяя человека как *самоконструируемый проект*, обретающий благодаря научно-техническому

прогрессу контроль над собственной эволюцией, трансгуманисты обнаруживают некоторую преемственность своих концептов не только с идеями новоевропейского гуманизма, но и экзистенциализма. Однако наблюдаемая преемственность в известной степени иллюзорна, поскольку трансгуманизм выносит за скобки те идеи, которые определяют ценность человеческого существования в экзистенциалистской интерпретации: постгуманистическое усовершенствование человека фактически не затрагивает таких качеств, как любовь, симпатия, забота, оно понимается в сугубо рационалистических категориях, предполагая веру в разум, усовершенствованный с помощью компьютера [1, с. 23].

Оспаривая вслед за экзистенциалистами предзаданность антропологической природы и бытия, трансгуманисты впадают в противоречие: освобождая индивида от природной зависимости, они не принимают в расчет наличие другого, еще более жесткого ограничения – зависимости от развития технологий и доступа к ним. То, что ранее не требовало усилий и являлось естественной способностью человека, становится результатом направленных действий (в частности, способность к репродукции). Когда естественное замещается искусственным, речь идет о новых формах закрепощения, а не расширении диапазона свободы, новых формах контроля в сферах, где вполне уместна саморегуляция. Если бытие человека разворачивается в пространстве некой искусственно созданной и искусственно поддерживаемой информационной системы, а он сам идентифицируется в качестве «узла» системных сил и взаимодействий (в границах которой «снимается» его природная данность), если он и его действия изначально не обладают внутренней ценностью и самодостаточностью, если он не способен испытывать чувство собственной исключительности, то он утрачивает традиционные признаки «человечности».

В рассуждениях биоконсерваторов представления о достоинстве человека выводятся из естественного плана его бытия: достойно человека то, что отвечает его природе, позволяет ему оставаться человеком. Анализируя проблему постепенного замещения естественного искусственным, биоконсерваторы указывают на предельное ограничение, определяющее эффективность и конструктивность самотрансформации – устойчивости человеческого вида. Данное ограничение может быть отображено в содержании нового императива: порог манипуляций с человеческой природой устанавливается через принцип «то, что может

быть достигнуто естественным образом, собственными усилиями индивида, не следует стимулировать искусственно». Искусственное вмешательство, разрушающее способность естественной системы к саморегуляции, является недопустимым (поскольку представляет угрозу ее целостности). Поэтому асимметрия естественного и искусственного связывается биоконсерваторами с противоестественным порядком человеческого бытия, насилием над человеческой природой и, следовательно, ее дегуманизацией.

С этих позиций претензию трансгуманизма на создание оптимена (сверхчеловека) в целом следует представить не как рациональную цель, но как претенциозную спекуляцию, попытки реализации которой можно поставить на любую основу – будь то магические практики, алхимия или современные технологии, потому что пределы рациональности она покидает, как только подчиняется мечте о совершенстве, а не конкретным целям науки и только в узком диапазоне естественных констант.

Соответственно, понятие гуманизма обретает два возможных прочтения в зависимости от того, на основе какой предустановки формируется представление о ценности человека и возможной гармонизации его отношений с природой – на основе осмысления его единства с первой или второй природой.

Заключение. Возможность экспликации спекулятивных интерпретаций идеи оптимена в философском и научном дискурсе свидетельствует о том, что создавая проекты будущего, формируя новое самопонимание человека, мы, по сути, до сих пор остаемся в пределах того способа мышления, который задается нашей цивилизацией. Коллективное самопонимание выстраивается в контексте технократических установок, обуславливающих перманентное воспроизводство тех проблем, которые пытается решить мировое сообщество.

Асимметрия в соотношении естественного и искусственного, являющаяся следствием атропотехнических проекций, не только не выступает источником беспокойства для отдельных представителей научного сообщества (в первую очередь, сторонников трансгуманизма), но, более того, рассматривается ими как предпосылка для пересмотра устоявшихся взглядов на природу человека. С этих позиций, если реализация атропотехнической задачи обуславливает процесс выступления за границы уже существующей ценностной системы, в рамках которой оказывается невозможным определить моральные ориентиры деятельности человека и представления о человеческом достоинстве, необходимо отказаться от принципов этой системы или пере-

смотреть их. Следуя такой логике, развитие идей гуманизма можно представить как диалектический процесс, включающий три стадии:

1) классический гуманизм, основывающийся на принципе реализации данного от природы посредством системы воспитания и самовоспитания (в направлении осуществления некоего всеобщего социального идеала);

2) экзистенциальный гуманизм, акцентирующий значимость индивидуалистически осмысленного процесса самоконструирования (выстраивающий оппозицию автоматизирующему конформизму);

3) трансгуманизм, осуществляющий проект «расколдовывания» индивидуального на

пути выявления оснований человеческой природы, которые оказываются универсальными и не зависят от личного опыта индивида, приобретаемого в теле и телом.

Логика, позволяющая выстроить данную диалектическую триаду, способствует поддержанию сциентистского мифа и углубляет антропоцентрические заблуждения европейской цивилизации.

Литература

1. Летов, О. В. Человек и «сверхчеловек»: этические аспекты трансгуманизма / О. В. Летов // Человек. – 2009. – № 1. – С. 19–25.

Поступила 02.04.2010

УДК 130.2:2-42

Н. Г. Севостьянова, канд. филос. наук, доцент (МГЛУ)

**ПРЕФЕРЕНЦИИ И ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ
ПРАВСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

В статье раскрыты нормативные и теоретические предпочтения нравственной ответственности наряду с их проблематизациями в культуре и философском дискурсе. Выявлены критические стороны нравственной ответственности в условиях общества постмодернити и новые аспекты изучения проблемы в контексте современного анализа противоречия должного и сущего. Показано безусловное регулятивное значение ответственности как обновленного категорического императива на всех уровнях бытия вне зависимости от ресурсов для выполнения этого насущного требования.

In the article practical and theoretical aspects of moral responsibility in the meaning of renovated categorical imperative of modern universe are considered. Preferences of moral responsibility parallel with their problem domain are brought to light. Absolute regulating meaning of responsibility on all levels of existence beyond dependence from resources to fulfil this vital demand is shown.

Введение. Нериторическое требование нравственной ответственности личности и общества с необходимостью вытекает, несмотря на известную апатию к моральным идеалам, из кризисного характера современных социальных процессов и продиктовано поиском стабильных оснований бытия. Ответственность выдвигается сегодня на ключевые позиции в практике и философском дискурсе. На смену «принципу надежды» (Ю. Мольтманн) и «принципу доверия» (Ф. Фукуяма) приходит «принцип ответственности» как «идея новой практической философии», «принцип технологической цивилизации» [1], «основоположение этики ценностей, ее интерпретационный принцип» [2, с. 268–269]. Формулировка «принцип ответственности» является сегодня вербальной формулой с высоким индексом цитируемости и рассматривается в контексте общественных трансформаций либо как следствие, либо как причина мирового системного кризиса. Сказанное выражает актуальность комплексного анализа ответственности на всех уровнях ее бытования и изучения. В данной статье рассматриваются практические стороны и теоретические аспекты нравственной ответственности как интегративного качества личности и установки жизненной позиции; как исходного положения теорий и учений о безусловных и опорных идеях регулятивного порядка в современном обществе. Целевым назначением работы выступает обоснование нравственной ответственности в значении обновленного категорического императива сквозь призму ее очевидных преимуществ и неизбежных проблематизаций.

Основная часть. Ответственность характеризует личность с точки зрения вменяемости, знания и выполнения требований общества; предполагает усиленную меру обязанностей и соответствующие поступки в различных сферах жизнедеятельности; способность к адекват-

ной оценке. Ответственность общества перед личностью выражается в социальной защите граждан, а также в системе поощрений и наказаний. Многообразие видов ответственности сводится к ее нравственному смыслу, поскольку нет человека вне морали, и нет человеческого вне долженствования.

Нормативные предпочтения нравственной ответственности связаны с ее «вездесущей» природой, равнозначной процессу социализации человека как приобретению идентичности, статуса и роли. В нравственной ответственности проявляются мотивация поступков, избранные цели и средства, технологии их достижения и самоконтроль. Функционально совмещаются телесные, мировоззренческие, коммуникативные и деятельностные измерения личности. Существенно и атрибутирование нравственной ответственности всеми гранями свободы: воли и выбора, действия и оценки поступков. «Ответственность – это этический акт, взятый в единстве всех его моментов» [2, с. 269], «шестиместное отношение», при котором некто (личность, корпорация) отвечает за нечто (поступки, последствия, состояния, задачи) по отношению к адресату перед инстанцией (выносящей санкцию) в соответствии с нормативным критерием и в рамках данной области. «Со стороны субъекта поступка отношение ответственности есть комплексное действие» [2, с. 271], которое показывает степень нравственной зрелости этого субъекта.

Любая другая ценность может быть рассмотрена сквозь призму ответственности. Так, допустимо и желательно понимание смысла жизни как ответственного самовыражения, счастья как полноты свободы и ответственности, добра как ответственного усмотрения лучшего, долга как степени осознания ответственности, совести как ответственной мотивации и оценки поступков, чести как способности нести ответственность,

достоинства как меры ответственности, любви как ответственности за другого.

Теоретические предпочтения нравственной ответственности также хорошо прописаны в отечественной и зарубежной моральной философии. Не будет преувеличением сказать, что проблема ответственности так или иначе рассматривалась во всех направлениях философии, а в некоторых – в порядке кредо. К примеру, в атеистическом экзистенциализме Ж. П. Сартра, этом учении о человеческой субъективности, свободе и ответственности, показано, что человек есть «проект самого себя» [3, с. 333], и «первым делом экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование» [3, с. 323]. Более того, «выбирая себя», каждый выбирает других людей и ситуации, а значит, «отвечает за всех людей». В фундаментальной онтологии М. Хайдеггера отмечено, что личность «как присутствие» есть озбоченное и ответственное бытие-в-мире. В философской герменевтике установлен следующий принцип: «быть ответственным – значит стремиться понять суть дела и действовать в соответствии с этим пониманием» [2, с. 278].

Известная теория абсолютизации нравственной ответственности принадлежит русскому религиозному философу Н. О. Лосскому. Мыслитель утверждает, что данная онтологическая ценность обладает энергией идеала и сильна своей практической стороной. Преимущества ответственности выводятся философом из императива ответственного пути личности и ее перерастания из потенциального в действительного субстанциального деятеля. Злоупотребления свободой, по мысли философа, понижают уровень ответственности и ведут к двум причинам зла в мире: эгоизму и неспособностью любить. Впрочем, абсолютность нравственной ответственности предполагает ее относительность.

Нормативные проблематизации данного требования связаны с кризисом основных нравообразующих институтов: семьи, государства, церкви в глобальном и локальном масштабах. Усложнение экономических процессов, социальная нестабильность, духовная маргинальность стихийных контекстов глобализации серьезно понижают ценности порядка и устойчивости, присущие ответственности; ведут к мобильности вместо стабильности; вызывают отказ от долговременных перспектив в угоду «срочному» благополучию. Мировой кризис семьи порождает такие ее формы, в которых стерты социальные роли, утрачена ответственность за совместное бытие, рождение и воспитание детей. Национально-культурная идентичность также переживает время трансформа-

ций. В особенности ей подвержены безответственно оторванные от исторических корней и традиций компоненты духовной культуры. Однако более всего недостаток нравственной ответственности увязан с антропологическим кризисом как сдвигом сущностной природы человека. «Наши времена, трудные для любой веры, религиозной или мирской, неблагоприятны к доверию и вообще к далеко идущим целям по причине быстротечности и уязвимости всего в земной жизни» [4, с. 195], больше прежнего нуждаются в моральных ограничениях и опорных ценностях.

Характерно, что современные исследователи нравственной ответственности чаще рассуждают технологично: «Величина ответственности как интегральной ценности подсчитывается в определенных единицах (баллах), которые символизируются в денежных знаках, единицах времени, в различного рода знаках поощрения и наказания» [1, с. 296]. При этом «идеальная моральность» означает «жизнь в соответствии с законом максимизации ответственности» [1, с. 297]. Увы, «чем более ценно какое-либо бытие, тем более оно хрупко, тем более оно зависит от бытия, низшего по своей ценности» [5, с. 135], и требует от личности духовных сил как предпочтения, которую надо постоянно доказывать.

Теоретические проблематизации нравственной ответственности развиваются в русле подмеченного еще И. Кантом противоречия должного и сущего в интерпретации категорического императива. Общеизвестный закон морали как «практического разума», это безусловное предписание сообщает, что люди живут по чувству долга (ответственности), а не склонности, и поэтому многие нравственные поступки необъяснимы естественной природой человека. Однако в этом случае из должного изымается сущее, и сам И. Кант вынужден был признать, что моральный закон находится в разладе с человеческим эгоизмом и злыми нравами и не может быть осуществлен в посюстороннем мире. Если же исходить из естественного стремления человека к счастью, то из сущего элиминируется должное и невозможным становится понимание нравственных феноменов альтруизма и ответственности. Выражая одну из граней долженствования, она наследует обозначенные противоречия практического и теоретического порядка.

Современное общество постмодернити, или индивидуализированное общество, по авторитетному и устоявшемуся мнению З. Баумана, характеризуется экономическими трансформациями и фрагментированностью человеческого существования в условиях глобализации. Это

делает невозможным восстановление и сохранение нравственных принципов: «новый мировой беспорядок обесценивает порядок» [4, с. 44], а значит, и ценности ответственности. «Входным билетом» в современное общество является готовность жить среди хаоса, процветать в неустроенности, согласие разрушить созданное собственными руками. Вместе с тем «индивидуализация заключается в преобразении человеческой идентичности из данности в задачу и в наделении действующих лиц ответственностью» [4, с. 181], поскольку «индивидуализация – это судьба, а не выбор» [4, с. 59]. При этом действительный, а не юридический статус личности позволяет нести ответственность как «непрекращающееся условие существования человека». Характерно, что в обществе постмодернити подавляются те проявления духа, которые вдохновляли людей в прежнюю эпоху модернити, потому что свободой обладают глобальные силы и отдельные люди, живущие во времени. Остальные существуют в пространстве небезопасно и незащищенно, а значит, допускают неопределенность как естественный способ своего бытия. Такая неопределенность имеет самоподдерживающий характер: люди сами отрицают стабильность и ответственность в пользу мобильности и быстрого удовлетворения потребностей, «сами определяют свой образ жизни, но в условиях, которые не зависят от их выбора» [4, с. 8]. Проблематизациями ответственности избилует философия постмодернизма, которая сообщает, что апория «должен – не должен» как идея изжившей себя универсальной морали блокирует ответственность. Новые ценности дисконсенсуса делают соблюдение «правил нравственности безнравственным», потому что все «замещается метафорой», помещается в различные контексты, а за всяким текстом обнаруживаются «симулякры».

Этическую небывалость нашего времени показывает своеобразное «переворачивание» кантовского категорического императива: ответственность следует из поступков человека, а не наоборот. Однако «то, что соединяет волю и долженствование вообще, а именно сила, является также и тем, что помещает ответственность в центр нравственности» [1, с. 225], и каждый неизбежно несет «ответственность перед природой и будущими поколениями» [1]. С этим связана одна из современных проблема-

тизаций нравственной ответственности. Возможно ли отвечать за будущее? Это открытый вопрос, но на него получен предварительный теоретический ответ: «Среди законов этики ответственности наиглавнейшим является закон наибольшей ответственности, который состоит в максимизации величины ответственности на предельно далекую временную перспективу» [2, с. 296].

Будущее начинается сегодня, и кризис нравственной ответственности в современной культуре в полной мере позволяет оценить ее как императив не только настоящего, но и «теории морали будущего». То безусловное требование, которое проверяет на прочность жизнеспособное и дает возможность избавиться от ненужного, чтобы двигаться в перспективном направлении.

Заключение. Таким образом, реальные преимущества нравственной ответственности не исключают ее онтологических проблематизаций: «Кому дано, с того и спросится» (Лк. 12, 48). Теоретические преференции темы нравственной ответственности, вплоть до абсолютизации, сопряжены с контекстом ее изучения в русле противоречий должного и сущего. Однако ответственный поступок всегда объективно необходим сам по себе и вне зависимости от ресурсов для выполнения этого насущного требования. Исследования нравственной ответственности все заметнее выдвигают ее в ранг обновленного категорического императива личного и общественного бытия.

Литература

1. Йонас, Г. Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации / Г. Йонас. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.
2. Канке, В. А. Этика ответственности. Теория морали будущего / В. А. Канке. – М.: Логос, 2003. – 352 с.
3. Сартр, Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж. П. Сартр // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319–344.
4. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
5. Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики / Н. О. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.

Поступила 02.04.2010

УДК 316.354

В. А. Карпиевич, доцент (Командно-инженерный ин-т МЧС Респ. Беларусь)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РЕСУРС И ЕГО СПЕЦИФИКА В ОРГАНАХ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ СИТУАЦИЯМ

В статье рассматривается проблема человеческого ресурса в производственных отношениях. Эта проблема также актуальна и для органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям. Активизация человеческого ресурса с помощью личной и коллективной заинтересованности требует весьма значительных финансовых вложений в социальную сферу и сферу образования. В условиях ограниченных материальных ресурсов необходимы нематериальные методы, которые бы максимально охватили все сферы жизнедеятельности организации.

In the article the problem of human resources in productive relations is discussed. This problem is topical at emergencies. Management of human resources is the human orientation with the accent on maximum use of person's talent, and on life quality improvement. Activation of human resources by means of personal and joint interests demands considerable financial investments in social and education sphere. In the conditions of limited material resources, non-material methods are necessary, which would embrace all spheres of vital activity of any organizations as much as possible.

Введение. В последнее время в организациях все больше внимания уделяется вопросам управления человеческими ресурсами. Мы исходим из того, что управление человеческими ресурсами – ориентация на людей с акцентом на максимальное использование их таланта, повышение качества жизни.

Человеческие ресурсы рассматриваются сегодня как неисчерпаемый источник новаций и являются фактором развития и стабильности организации. Большую сложность для организации представляет мотивирование самых продуктивных работников. Проблема управления человеческими ресурсами характерна для всех сторон общественных отношений.

Из множества отношений наиболее значимыми для нас являются те, которые существенны для органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям (ОПЧС).

Основная часть. В отдельные моменты развития осуществляется своего рода накопление и обострение противоречий между обществом и природой, что влечет за собой возникновение чрезвычайных ситуаций, грозящих дестабилизацией или разрушением социальной и природной систем, и потому требующих незамедлительного реагирования со стороны общества. Эти ситуации могут возникать молниеносно вследствие технологических катастроф либо вырваться латентно, принимая форму затяжного экологического кризиса, обусловленного серьезным загрязнением окружающей среды и подрывом природно-ресурсного потенциала.

Современная тенденция развития промышленного производства, глобализация международных отношений придали качественно новую ценность человеческому ресурсу, заставили коренным образом пересмотреть его роль в промышленном производстве. Особую актуальность гуманитарный фактор приобретает как для

общества в целом, так и для эффективности работы конкретного производственного объекта.

В зарубежной науке в противовес технократическим, механистическим взглядам на трудовой процесс, разработанным в трудах Ф. Тейлора и Г. Форда, в последние десятилетия утвердился методологический подход, согласно которому человеческий фактор занимает первое место при определении потенциала эффективности современного производства. В соответствии с новым подходом механистические производственные навыки уступили место умению работника использовать информационные потоки, т. е. даже для рядовых рабочих физические параметры работоспособности уступили место ее интеллектуальным характеристикам [1].

Любая система управления – это, в первую очередь, система управления людьми. Здесь проявляется в большей степени, чем в других сферах общественной жизни, роль и значение человеческого фактора как единства сознательности и деятельности людей, как совокупности идейных, нравственных, социально-психологических качеств и свойств человека, которые, реализуясь в его профессионально-трудовой и общественной деятельности, самым непосредственным образом оказывают влияние на процесс преобразований во всех областях бытия и сознания [2, с. 111–112].

Условия функционирования ОПЧС предъявляют повышенные требования к функциональным качествам человеческого ресурса, поскольку любая аварийная ситуация на объекте влечет ощутимые потери для населенных пунктов, нарушает работу целых промышленных комплексов, создает угрозу для безопасности граждан, проживающих на близлежащих территориях. При крупных авариях на объектах в зону поражения попадают достаточно большие территории, нарушение экономического

функционирования которых способно подчас отражаться как на экономике страны в целом, так и на жизни большого числа граждан.

Основные особенности функционирования социальных систем в условиях чрезвычайных ситуаций состоят в том, что проблема (чрезвычайная ситуация) развивается неожиданно, внезапно. Когда она возникает, перед системой управления встают задачи, не свойственные стационарному режиму работы организации и ее прошлому опыту. Как показывает практика чрезвычайных ситуаций, грамотные действия спасателей способны в большинстве случаев предотвратить тяжелые последствия либо заметно сократить их. При этом главными качествами человеческого фактора являются такие показатели, как психологическая устойчивость индивида, квалификация, психологическая сплоченность коллектива в целом, умение руководства действовать в условиях чрезвычайной ситуации. Стратегическое измерение превращает кадровую политику в более активную и целенаправленную. Подходы к поиску, оценке, найму персонала становятся зависимыми от принятой концепции стратегии развития, а эффективность рекрутинга (т. е. найма) постоянно соотносится с эффективностью развития организации [3, с. 199].

В последние годы в ряде западных стран утвердилась стратегия управления человеческими ресурсами, согласно которой каждое преуспевающее и активно развивающееся предприятие не столько приобретает человеческий ресурс на общем рынке труда по мере технологической необходимости, сколько заранее готовит себе кадровый потенциал путем обучения, подготовки потенциальных работников с учетом не только специфики определенного вида производства, но и конкретного предприятия или производственного комплекса предприятий [4, с. 46].

Кадровый потенциал организации – это совокупность доступных ей человеческих ресурсов, чьи опыт, знания, компетенции и индивидуальные особенности могут быть использованы для реализации стратегии организации и достижения ее краткосрочных и долгосрочных целей.

Формирование потребного кадрового потенциала является вполне решаемой задачей. Для этого существует множество способов: наставничество, тесное сотрудничество с учебными заведениями, формирование кадрового резерва. Важной характеристикой человеческого ресурса является ценностно-ориентационная зрелость, которая отражает степень готовности работников разного уровня прикладывать усилия для достижения высоких результатов в деятельности, стремиться к саморазвитию. Уровень ценностно-ориентационной зрелости оп-

ределяется значениями трех первичных характеристик: ориентированности на достижения в текущей деятельности; на развитие; на саморазвитие. Эти первичные характеристики должны помочь выработать твердую убежденность в том, что его деятельность будет оценена адекватно полученным результатам. Это позволит активизировать трудовой потенциал работника.

Активизация человеческого ресурса с помощью личной и коллективной заинтересованности требует весьма значительных финансовых вложений в социальную сферу и сферу образования. В условиях ограниченных материальных ресурсов необходимы нематериальные методы, которые бы максимально охватили все сферы жизнедеятельности организации. И, к сожалению, возможность финансирования мероприятий, связанных с подбором и подготовкой кадров, в годы кризиса стала весьма проблематичной.

Это касается и системы подготовки и переподготовки кадров для аварийно-спасательной службы. Для этого в Республике Беларусь существует целостная система, которая позволяет не только готовить специалистов для ОПЧС, но и адекватно реагировать на изменения во внешней среде путем подготовки специалистов по новым направлениям. Однако и во времена кризиса успешность ОПЧС не может быть успешной без сохранения и повышения качества человеческого ресурса.

Тем не менее политика по повышению качества человеческого ресурса в ОПЧС должна проводиться постоянно. В основе данной политики должны лежать четыре базовых принципа:

1) **системность** – рассмотрение элементов и проблем системы управления ОПЧС (включая управление человеческими ресурсами) в тесной взаимосвязи друг с другом;

2) **концептуальность** – умение находить существенные проблемы в подготовке кадров для ОПЧС и проектировать действенные решения;

3) **информационность** – дает возможность управляющим всех уровней использовать в своей работе большие объемы достоверной и оперативной информации относительно количественных и качественных потребностей ОПЧС в человеческих ресурсах;

4) **социальная компетентность** – многогранная работа с социальной средой и конкретными работниками ОПЧС на всех этапах производственного процесса, позволяющая снять главное препятствие на пути всех преобразований – сопротивление персонала и консерватизм организационной культуры.

В управлении человеческий ресурс является самым сложным из всех активов. Но все же именно люди являются единственным элементом, обладающим способностью производить

все необходимые блага, в том числе и осуществлять мероприятия по защите населения от различного рода чрезвычайных ситуаций.

Отправным пунктом принятия управленческих решений на различных уровнях организационного управления является комплекс представлений о человеке и его потребностях, который должен научно разрабатываться и корректироваться с учетом экономических возможностей, динамики принципов и целей социальной и кадровой политики, а также ряда других факторов. Здесь следует согласиться с идеей необходимости разработки антропологических стандартов.

Понятие *антропологического стандарта* все чаще начинает употребляться в современной научной литературе. А. С. Колесников под антропологическим стандартом предлагает понимать «комплекс, состоящий из следующих компонентов:

– *экономический уклад жизни*, т. е. принятый в том или ином культурном регионе способ производства материальных благ и необходимый для этого способ социальной организации, применяемый к занятым в производстве индивидам;

– *социальная структура*, т. е. способ взаимоотношений между членами общества, образующего данный культурный регион, независимо от их вовлеченности непосредственно в производство и распределение материальных благ (сюда входят юридические нормативы, религиозные предписания, регулирующие элементы поведенческой практики членов общества, принятая этика, традиционное, иерархическое деление общества, государственное устройство и т. д.);

– *идеология*, т. е. набор базовых для данной культуры мировоззренческих установок, определяющих собой в весьма значительной мере принятые в данном социуме нормы поведения» [5, с. 83].

Задачами социального и организационного управления являются минимизация конфликтов между составляющими антропологических стандартов. Для этого необходимо усилить работу по развитию человеческого ресурса.

Следует отметить, что в определенной степени в ОПЧС Республики Беларусь данный стандарт нашел свое воплощение. Материальное обеспечение работников ОПЧС, социальные гарантии, правовое регулирование отношений и правовая защищенность работников, сформированная система ценностей являются важными компонентами, которые характеризуют сущность человеческого ресурса в ОПЧС. Человеческий ресурс – слишком сложное и

многогранное явление, неисчерпаемое конечным, жестко заданным набором индикаторов. Даже в двух однотипных подразделениях в зависимости от внешних и внутренних производственных условий, обстановки в регионе эффективность работы, а следовательно, реальная стоимость человеческого ресурса будет различной. Этот фактор также необходимо учитывать при формировании кадрового потенциала ОПЧС.

Заключение. Таким образом, следует учитывать, что управление человеческими ресурсами ориентировано на потребности самой организации в рабочей силе, а не на потребности персонала. Тогда приоритеты кадровой политики определяются, в первую очередь, результатами функционального анализа имеющихся и проектируемых рабочих мест, а не существующим кадровым потенциалом организации. В таком случае весьма существенным, определяющим управленческую политику организации на рынке является определение стратегии ее развития и зависимой от нее стратегии найма персонала. В органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, на наш взгляд, лучше всего использовать гибкий вариант управления человеческим ресурсом. Нельзя объять необъятное, а следует выявить основные, ключевые параметры данного ресурса и грамотно их использовать. Именно это будет являться залогом успешного функционирования всех подразделений.

Литература

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: АCADEMIA, 1999.
2. Игнатов, В. Г. Профессиональная культура и профессионализм государственной службы: контекст истории и современность / В. Г. Игнатов, В. К. Белолипецкий. – Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2000.
3. Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование / под ред. В. В. Щербины. – М.: Независимый институт гражданского общества, 2004.
4. Вильховченко, Э. Социально-профессиональное развитие человека в производстве передовых стран / Э. Вильховченко // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 8. – С. 45–53.
5. Колесников, А. С. Философская компаративистика в поле глобальных перемен / А. С. Колесников // Вестник РУДН. – 2006. – № 1. – С. 78–90.

Поступила 02.04.2010

УДК 341-043.86

Н. П. Бородко, ст. преподаватель (БГТУ)

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И ПРОГРЕССИВНОЕ РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В статье на основе материалов Международного военного трибунала над главными военными преступниками Второй мировой войны дается общая характеристика составов международных преступлений, совершаемых гитлеровцами на оккупированных территориях. Освещается процесс формирования международного права, отмечаются основные направления его развития. Автор приходит к выводу, что Нюрнбергский трибунал ознаменовал качественно новый этап в развитии норм международного права, принципов права.

The article deals with a process of formation of international law. The general characteristic of corpus delicti perpetrated by Hitlerites on the occupied territories is presented in the article. The author analyzes the basic materials of the International Military Tribunal under the major war criminals of the Second World War. The author comes to conclusion that the Nuremberg Trials became the beginning of a qualitatively new stage of development of the main international law principles.

Введение. В результате Нюрнбергского процесса (14.11.1945–01.10.1946 гг.) над главными военными преступниками Второй мировой войны Международный военный трибунал (МВТ) осудил 24 главарей гитлеровской Германии, причем 12 из них были приговорены к смертной казни. Также были признаны преступными ряд фашистских организаций.

МВТ в Нюрнберге рассматривал дела тех военных преступников, которые не были связаны с определенным географическим местом. Преступники, действия которых были связаны с определенным географическим местом, подлежали суду в тех государствах, где ими были совершены преступления. Каковы уроки Нюрнберга, какую роль сыграло это событие в жизни человечества, как оно повлияло на его развитие, а также какие выводы можно сделать из Нюрнбергского процесса сегодня, применительно к событиям нынешнего дня?

Основная часть. Вторая мировая война принесла чудовищные потери: 150 млн. убитых, раненых и искалеченных, разрушение тысяч городов и других населенных пунктов. Европа потеряла убитыми в два с лишним раза больше, чем за предыдущие 350 лет. После окончания мировой бойни перед европейскими народами встали новые проблемы: возвращение на родину миллионов угнанных жителей и военнопленных, восстановление разрушенной гитлеровской Германией государственности и экономики европейских стран. Но главной задачей было показать народам всех стран, и в первую очередь народу немецкому, преступную политику правящей верхушки гитлеровской Германии, ввергнувшей Европу в губительную войну, избавить человечество от изуверской фашистской идеологии. И это имело огромное значение для будущего человечества. С одной стороны, это способствовало демократическим преобразованиям в самой Германии и в ее странах-

сателлитах, а с другой – являлось предупреждением о неотвратимой и суровой ответственности тем, кто совершит агрессию или иные международные преступления. Все эти действия были ориентированы на предотвращение третьей мировой войны. Решению этих задач должен был способствовать и Нюрнбергский процесс.

Правовую основу Нюрнбергского трибунала составили: Московская декларация об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства от 30 октября 1943 г., Берлинская декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами СССР, Соединенного Королевства, США и Временным правительством Франции от 2 августа 1945 г., Лондонское соглашение о судебном преследовании и наказании главных военных преступников Второй мировой войны от 8 августа 1945 г. и непосредственно Устав Нюрнбергского трибунала [1, с. 151–159].

Устав Трибунала предусматривал три категории преступлений, влекущих индивидуальную ответственность: преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности, против чего с весомыми аргументами выступали представители защиты обвиняемых, решительно отрицавшие существование в международном праве юридических норм об индивидуальной международной уголовной ответственности за агрессивную войну, поскольку, по их мнению, ответственность в этом случае может нести только государство.

Необходимым условием международной уголовной ответственности индивидов за преступление против мира было появление в международном праве принципа запрещения агрессивной войны и характеристики ее как международного преступления. Такой принцип появился между двумя мировыми войнами. Статус Лиги Наций, который запрещал (хотя и не полностью) прибегать к войне, был значительным

шагом вперед по сравнению с Гаагскими конвенциями 1899 и 1907 гг. о мирном разрешении споров. В проекте договора о взаимной помощи, принятом Ассамблеей Лиги Наций в 1923 г., провозглашалось, что «агрессивная война есть международное преступление». В Декларации об агрессивных войнах, принятой Ассамблеей Лиги Наций в 1927 г., агрессивная война также квалифицируется как международное преступление. Парижский пакт 1928 г. об отказе от войны «в качестве орудия национальной политики» обязывал государства разрешать их споры только мирными средствами. К 1939 г. около шестидесяти государств, включая Германию, стали участниками этого пакта.

Вскоре принцип запрещения агрессивной войны, закрепленный во многих международных документах, обрел качество общепризнанного принципа, что отныне недвусмысленно и однозначно возлагало международно-правовую ответственность на государства за развязывание агрессивной войны. Поэтому Трибунал имел достаточные основания сослаться в своем приговоре на содержащийся в пакте 1928 г. «торжественный отказ от войны как инструмента национальной политики», с необходимостью предполагающий, что «такая война является незаконной в соответствии с международным правом и что те, кто планирует такую войну с ее неизбежными и ужасными последствиями, действуя таким образом, совершают тяжчайшее преступление».

В качестве основания для осуществления Трибуналом юрисдикции в отношении военных преступлений была использована также Женевская конвенция 1929 г. о защите жертв войны и Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, хотя эти договоры и не предусматривали возможности применения уголовных санкций [2, с. 94].

Преступления против человечности были «новеллой» Устава.

В Уставе МВТ были сформулированы как основания уголовной ответственности за преступления трех видов, так и конкретное содержание этих видов преступлений. На первое место среди преступлений были поставлены преступления против мира, т. е. планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны, либо войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, либо участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеуказанных действий. К военным преступлениям были отнесены деяния, являющиеся нарушением законов и обычаев ведения войны, выражающиеся в убийствах, истязаниях или уводе в рабство либо для других целей граждан-

ского населения оккупированных территорий; в убийствах или истязаниях военнопленных, раненых, больных и лиц из состава вооруженных сил, потерпевших кораблекрушение на море; в убийствах заложников, ограблении общественного или частного имущества (собственности); в бессмысленном разрушении городов и деревень, разорении, не оправданном военной необходимостью.

Преступления против человечности – это убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, либо преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуждения, либо любые преступления, подлежащие юрисдикции трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

По окончании Нюрнбергского процесса Генеральная Ассамблея ООН (ГА ООН) единогласно приняла резолюцию, где было зафиксировано, что ГА ООН подтверждает принципы международного права, признанные Статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении Трибунала.

Немецкий народ, значительная часть которого была оболванена гитлеровской пропагандой, начал осознавать губительные последствия нацистского режима, когда война пришла в Германию: его также коснулись уничтожение городов и сел, разрушение промышленности, гибель мирного населения.

После капитуляции Германии союзники, осуществляя ее оккупацию, начали искоренять нацистский режим и его идеологию: нацистские законы были отменены; лица, проводившие в жизнь гитлеровскую политику и совершавшие преступления, привлекались к ответственности; проводилась денацификация, искоренение расовой теории и других «доктрин» фашизма, который был запрещен, а его проявления рассматривались как уголовное преступление.

С правовой точки зрения процесс ознаменовал качественно новый этап в развитии норм послевоенного международного права и новых принципов. Если рассматривать направления, по которым шло развитие международного права под воздействием Нюрнбергского процесса, то можно отметить следующее.

1. Разработка международно-правовых норм, направленных на поддержание мира, предотвращение агрессии: разработка, в частности, Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества; определение агрессии, принятое ООН в 1974 г.; утверждение правовых норм о запрещении пропаганды войны; формирование

понятий преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности и признание их как тяжчайших международных преступлений, направленных против всего мирового сообщества, основ международного права.

2. Формулирование в ходе Нюрнбергского процесса понятия преступлений против человечности и решения Трибунала по этим вопросам содействовали разработке международно-правовых норм о защите прав человека в мирное время, о международном сотрудничестве в этой области: разработка в 1948 г. Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, значительного количества международных договоров в этой области, таких как Международные пакты о правах человека 1966 г. Все это привело к тому, что ныне права человека являются не только внутренней, но и международной проблемой, а экономические и социальные права признаны всеми государствами столь же важными, как и политические, и гражданские, чего не было в 1948 г., когда разрабатывалась Всеобщая декларация прав человека. Достигнутый прогресс в этой области отвечает интересам населения всех стран.

3. Внедрение в международную практику и международное право принципа ответственности высших должностных лиц государств за планирование и совершение указанных преступлений, причем ответственность распространяется на руководителей, организаторов и пособников. Они не освобождаются от ответственности, даже если действовали по распоряжению правительства или по приказу начальника. Срок давности в отношении таких преступлений не применяется. В дальнейшем это положение было развито и закреплено в специальной Конвенции 1968 г. о неприменимости срока давности к подобным преступлениям. Под влиянием этих решений в международном праве возникла новая отрасль – международное уголовное право.

4. Разработка и совершенствование международно-правовых норм о защите культурных ценностей во время вооруженных конфликтов, в том числе Гагская конвенция 1954 г. о защите таких ценностей и протоколы к ней.

5. Развитие и совершенствование норм международного гуманитарного права о защите военнопленных, раненых и больных в сухопутной войне и в войне на море, о защите гражданского населения. Распространение норм гуманитарного права на внутренние вооруженные конфликты (Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны, Дополнительные протоколы к ним № 1 и 2 1977 г.).

6. Появившиеся под влиянием Нюрнбергского процесса в международном праве принципы и нормы оказывали позитивное воздействие на развитие и совершенствование национального законодательства государств. Во всех странах появились нормы об ответственности за деяния, признаваемые тяжкими международными преступлениями [3, с. 111–115].

Если обратиться к белорусскому законодательству, то Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. содержит специальный раздел (VI) относительно преступлений против мира, безопасности человечества и военные преступления, включающий среди прочего планирование, подготовку, развязывание и ведение агрессивной войны, совершение военных преступлений, геноцида и др. Изданы законодательные акты о борьбе с терроризмом. В Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях внесено дополнение об ответственности за пропаганду и (или) публичное демонстрирование, изготовление и (или) распространение нацистской символики или атрибутики; изготовление, распространение и (или) хранение экстремистских материалов.

Заключение. Сегодня мир сталкивается с новыми вызовами, среди которых – международный терроризм, распространение ядерного оружия, наркотиков, транснациональная преступность. Делаются попытки перечеркнуть такие принципы международного права, как запрет прибегать к войне, невмешательство во внутренние дела государств, право народов определять свое политическое и общественное устройство без давления извне. Главный урок Нюрнберга – это необходимость объединения всех государств для борьбы со стремлением установить мировое господство, чего добивалась гитлеровская Германия. Нюрнберг также напоминает: тех, кто игнорирует международное право, нарушает его, совершает международные преступления, неминуемо ждет возмездие.

Литература

1. Международное уголовное право в документах. В 2 т. Т. 2 / под ред. Р. М. Валеева, А. Р. Каюмовой, И. А. Тарханова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005.

2. Цветков, Ю. А. Преступное сообщество (преступная организация): уголовно-правовой анализ / Ю. А. Цветков // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс]. – Минск, 2003.

3. Карташкин, В. А. Права человека и международное гуманитарное право / В. А. Карташкин // Юрист-международник. – 2006. – № 2.

Поступила 02.04.2010

УДК 347.77:339.543

Н. П. Бородко, ст. преподаватель (БГТУ)

ТАМОЖЕННАЯ ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Цель статьи – привлечь внимание к необходимости решения проблем трансграничных нарушений прав интеллектуальной собственности. В ней поставлена проблема отсутствия качественных механизмов защиты данного вида собственности от контрафактной продукции. Статья содержит рекомендации по совершенствованию национального законодательства в этой области.

This article aims to draw attention to having to solve the problem of cross-border infringement of intellectual property. Indicated by the absence of proper mechanism to protect these facilities from counterfeit products. It contains recommendations for improving national legislation.

Введение. Серьезную проблему представляют трансграничные нарушения прав интеллектуальной собственности (ИС). Контрафактные товары в большом объеме поступают с территории других государств. С целью защиты прав ИС заключен ряд международных договоров, важнейшим из которых является входящее в пакет документов Всемирной торговой организации Соглашение о торговых аспектах ИС 1994 г. (ТРИПС), предусматривающее введение в национальных законодательствах так называемых пограничных мер. Они осуществляются таможенными органами по заявлению правообладателя и позволяют при перемещении товаров через таможенную границу выявлять контрафактные товары и приостанавливать их таможенное оформление.

Основная часть. Таможенные органы при перемещении товаров через границу производят их таможенное оформление и таможенный контроль, включая досмотр. На этом этапе должностные лица таможенных органов имеют возможность обнаружить и предотвратить перемещение через таможенную границу контрафактной продукции или иных товаров, распространение которых нарушает исключительные права на объекты ИС (ОИС). Для этого таможенные органы должны быть наделены соответствующими полномочиями, позволяющими им принимать заявления заинтересованных лиц о возможных нарушениях их прав при ввозе или вывозе товаров и совершать предусмотренные правовыми нормативными актами действия, направленные на предотвращение правонарушений.

В стране разработан определенный механизм по борьбе с транзитом подобной продукции, что отражено в таможенном законодательстве. В статье 8 Таможенного кодекса (ТК) Республики Беларусь дано определение контрафактных товаров как товаров, содержащих ОИС (объекты авторского права и смежных прав, права промышленной собственности), если перемещение таких товаров через таможенную границу или иные действия с этими товарами, находящимися под таможенным контролем, влекут за собой нарушение прав право-

обладателя, охраняемых в соответствии с законодательством. Сравнение содержания отечественного термина «контрафактные товары» и используемых в рамках Европейского сообщества терминов «поддельные товары» и «пиратские товары» позволяет сделать вывод об их фактическом совпадении.

Вопросы борьбы с контрафактной продукцией урегулированы главой 12 ТК, постановлением Государственного таможенного комитета Республики Беларусь (ГТК) от 20 июня 2007 г. № 55, другими нормативными актами. При таможенном оформлении товаров, помещаемых под таможенный режим, таможенные органы вправе приостанавливать таможенное оформление таких товаров в целях защиты прав правообладателя на ОИС, что полностью соответствует международным нормам и практике.

Анализ данной нормы показывает, что инициатива должна исходить от обладателя исключительных прав. Таможенные органы без его заявления не вправе приостанавливать выпуск товаров. Форма волеизъявления обладателя исключительных прав также четко определена. Это должно быть заявление о принятии мер, связанных с приостановлением выпуска товаров. Заявление может быть подано в отношении только тех ОИС, которые указаны в ТК. Правообладатель должен иметь достаточные основания полагать, что может иметь место нарушение его прав на результаты интеллектуальной деятельности в связи с перемещением через таможенную границу товаров, являющихся, по его мнению, контрафактной продукцией. Заявление подается в ГТК в произвольной форме, но оно должно содержать информацию о правообладателе с указанием ОИС, права на которые при перемещении товаров через таможенную границу или при совершении действий с товарами, находящимися под таможенным контролем, могут быть нарушены, и о сроке, в течение которого таможенные органы будут осуществлять меры по защите прав ИС; детальное описание товаров, содержащих ОИС, а также сведения о месте изготовления таких товаров, их производителях и лицах, имеющих

разрешение или лицензию на право использования прав на ОИС, иные имеющиеся в распоряжении заявителя сведения; описание товара, в отношении которого предполагается, что этот товар является контрафактным, а также иную информацию, позволяющую выявить контрафактные товары.

К заявлению об осуществлении таможенных мер по защите прав ИС прилагаются: документы, подтверждающие наличие и принадлежность права на ОИС (свидетельство, лицензионный договор, другие документы в соответствии с законодательством), а в случаях необходимости – документальное подтверждение полномочий лица, представляющего интересы правообладателя; иные документы, содержащие информацию, которая позволяет выявить контрафактные товары. В зависимости от вида ОИС могут быть установлены дополнительные требования к представляемым в таможенные органы сведениям.

Информация, прилагаемая к заявлению, представляется на бумажном носителе и в электронном виде. Неуказание в поданном заявлении необходимых сведений, непредставление в ГТК вместе с заявлением необходимых документов либо неуплата сбора за подачу заявления являются основанием для отказа ГТК в его принятии и рассмотрении.

Перечисленные сведения и документы позволяют таможенному органу идентифицировать перемещаемые через таможенную границу товары с товарами, указанными в заявлении, установить правомочия лица, чьи права предположительно нарушены в отношении ОИС, а также определить срок, в течение которого таможенные органы будут предпринимать меры, направленные на защиту прав заявителя.

Заявление должно относиться к одному ОИС.

На практике всегда существует некоторая вероятность, что по заявлению заинтересованного лица таможенные органы примут меры по временному задержанию или временному запрещению на ввоз или вывоз товаров, которые впоследствии окажутся не контрафактными. Тем самым будут нарушены законные права и интересы других лиц – законных владельцев этих товаров. В связи с этим законом предусмотрены меры, направленные на обеспечение покрытия возможного ущерба лиц, к чьим товарам были применены ограничительные меры. Это письменное обязательство правообладателя о возмещении имущественного вреда, который может быть причинен декларанту, собственнику, получателю товаров или иному лицу в связи с приостановлением таможенного оформления товаров в случае, если контрафакция товаров в дальнейшем не будет подтверждена.

Поданное в ГТК заявление рассматривается комиссией по лицензированию в течение одного месяца со дня его поступления. При этом ГТК вправе запрашивать у третьих лиц, а также у государственных органов документы, подтверждающие сведения, представленные правообладателем, а также вправе продлить срок рассмотрения заявления, но не более чем до двух месяцев (о чем заявителя информируют с указанием оснований такого продления).

В случае принятия положительного решения на поступившее заявление комиссия по лицензированию устанавливает срок, в течение которого таможенные органы будут осуществлять меры по защите прав на ОИС (с учетом сроков, указанных в заявлении, но не более двух лет со дня включения ОИС в таможенный реестр ОИС). Кроме того, указанный срок не может быть более срока действия прав правообладателя.

Принятое решение оформляется протоколом заседания комиссии по лицензированию. В случае принятия решения об отказе в осуществлении мер по защите прав на ОИС в уведомлении указываются причины отказа: заявленные сведения являются неполными и/или недостоверными, отсутствует возможность осуществления таможенными органами мер по защите прав на ОИС либо не исполняются установленные требования. Положительные решения об осуществлении таможенными органами мер по защите прав на ОИС включаются в реестр таких решений, которые ведет комиссия по лицензированию, направляющая в течение десяти календарных дней после включения решения в реестр заявителю выписку из него с указанием номера и срока действия такого решения. За осуществление таможенными органами мер по защите прав на ОИС взимается соответствующий таможенный сбор. Непосредственная охрана в последующем происходит через операции таможенного контроля и содержится в себе следующие стадии.

1. Выявление таможенными органами признаков, указывающих на то, что товары могут быть контрафактными. Под такими признаками следует понимать несоответствие данных о перемещаемом товаре, указанных в решении об осуществлении таможенными органами мер по защите прав на ОИС, фактически выявленных при производстве таможенного контроля.

2. Принятие таможенным органом решения о приостановлении таможенного оформления товаров и их помещение на склад временного хранения. Решение о приостановлении оформления принимается должностными лицами таможенных органов на срок не более чем на десять рабочих дней. В соответствии с п. 2 поста-

новления № 55 «решение о приостановлении таможенного оформления товаров, принятое уполномоченным на принятие такого решения должностным лицом таможенного органа по результатам проведения операций таможенного контроля, оформляется в письменной форме путем внесения в таможенную декларацию, представленную для целей помещения товаров под таможенный режим, соответствующей записи».

3. Уведомление заявителя и декларанта о причинах приостановления, а также сообщение им наименования (имени) и места нахождения (адреса) друг друга. Таможенный орган, должностным лицом которого принято решение о приостановлении таможенного оформления, в срок, не позднее следующего рабочего дня, когда было принято указанное решение, сообщает об этом заявителю и декларанту путем направления (вручения) им уведомления о приостановлении таможенного оформления. Такое уведомление оформляется по установленной форме и предусматривает указание сведений о сроке приостановления таможенного оформления, заявителе и декларанте товаров (наименование, код по ТН ВЭД), транспортном средстве, в котором перемещаются товары, товаросопроводительных документах, признаках, свидетельствующих о том, что товары могут являться контрафактными.

4. Внесение заявителем обеспечения, предназначенного для компенсации расходов таможенных органов и владельцев складов временного хранения, связанных с приостановлением таможенного оформления.

5. Осуществление заявителем проверочных действий на предмет наличия факта нарушения его прав на ОИС. Для этих целей таможенный орган предоставляет заявителю и декларанту информацию, необходимую для определения того, являются или не являются контрафактными товары, в отношении которых принято решение о приостановлении таможенного оформления. Информация, полученная заявителем или декларантом, является конфиденциальной и не должна разглашаться, передаваться третьим лицам, в том числе государственным органам, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами. Кроме того, заявитель и декларант могут брать пробы и образцы товаров, в отношении которых принято решение о приостановлении таможенного оформления. Взятие

проб и образцов осуществляется в порядке, аналогичном взятию проб и образцов в целях таможенного оформления товаров, определенном таможенным законодательством.

6. Выявление заявителем факта нарушения его прав на ОИС и принятие судом или иным компетентным органом решения о наложении ареста на товары. Решение о приостановлении таможенного оформления отменяется, а товары находятся под таможенным контролем до выяснения судом соответствующего решения.

7. Обращение заявителя с просьбой об отмене решения о приостановлении таможенного оформления либо невнесение заявителем необходимой суммы обеспечения. В данном случае решение о приостановлении таможенного оформления отменяется, а товары подлежат выпуску (помещению под заявленный таможенный режим).

Закключение. Несмотря на довольно детальную регламентацию процедурных вопросов охраны ИС таможенными органами, нерешенные проблемы в этой сфере остаются. Существующая система защиты, хотя и соответствует международным требованиям, но еще нуждается в модернизации. Действенной и эффективной защиты можно добиться лишь посредством прозрачности законодательства и совершенствования взаимодействия между всеми участниками данной процедуры. Эффективность пограничных мер существенно возрастает, если они осуществляются в условиях двустороннего или многостороннего сотрудничества и обмена информацией между уполномоченными органами соответствующих государств. Ускорить процесс выявления контрафактной продукции призваны современные информационные технологии и новые формы сотрудничества таможенных органов с правообладателями.

Предлагается совершенствование законодательства в данной области путем предоставления более широких полномочий таможенным органам для борьбы с «интеллектуальной контрабандой». Речь идет о предоставлении таможенным органам права задерживать контрафактные товары вне зависимости от того, включены они правообладателем в реестр или нет, т. е. действовать более самостоятельно, когда обнаружены признаки контрафактности. У таможни появятся более широкие возможности по защите рынка.

Поступила 02.04.2010

УДК 342.9:343.351

В. А. Зенькович, доцент (БГЭУ)

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МЕЛКОЕ ХИЩЕНИЕ И ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

В статье проанализировано действующее законодательство Республики Беларусь об административных правонарушениях, предусматривающее ответственность за мелкое хищение. Вне-сено предложение о необходимости его совершенствования в части распространения в полном объеме требований статьи 2.8 КоАП, находящейся в Общей части настоящего кодекса, а также части второй статьи 10.5 КоАП, содержащей в своей конструкции такой квалифицирующий признак, как повторность.

The author analyzes the current legislation of the Republic of Belarus on Administrative Offences provides for liability for petty theft. Suggests the need for its improvement, in terms of distribution of the full requirements of Article 2.8 Administrative Code, located in the General Part of this Code, on the disposition of the second part of Article 10.5 Administrative Code, containing such qualifying attributes, like repetition.

Введение. В последние годы законодатель неоднократно принимал меры по совершенствованию уголовной и административной ответственности за мелкое хищение [1, 2]. Кардинальные изменения были внесены законом Республики Беларусь от 17 июля 2006 г. № 143-З, которым была декриминализована уголовная ответственность за повторное мелкое хищение, предусмотренная статьей 213 Уголовного кодекса, а в действующую статью 51 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) была введена часть вторая с квалифицирующим признаком – повторность. Кроме того, была поднята планка административной ответственности за мелкое хищение имущества юридического лица до десяти базовых величин и введена административная ответственность за хищение имущества физического лица в сумме, не превышающей двукратного размера базовой величины, за исключением хищения имущества физического лица, совершенного группой лиц, либо путем кражи, совершенной из одежды или ручной клади, находившихся при нем, либо с проникновением в жилище [2].

Во введенном в действие 1 марта 2007 г. новом КоАП от 21 апреля 2003 г. статья, предусматривающая ответственность за мелкое хищение, получила порядковый номер 10.5, но ее содержание редакции не подверглось.

В 2010 г. вступил в действие закон Республики Беларусь от 29 декабря 2009 г. № 98-З, который внес в КоАП многочисленные изменения и дополнения по вопросам совершенствования административной ответственности [3]. Однако следует отметить, что никаких изменений в статью 10.5 КоАП внесено не было.

Основная часть. Как известно, административная ответственность преследует опреде-

ленные цели, которые законодателем изложены в статье 6.1 КоАП.

Это, во-первых, наказание правонарушителя, который должен претерпеть определенные ограничения (лишения), установленные законодателем в виде административного взыскания, «соразмерного» тяжести совершенного проступка.

Во-вторых, воспитание правонарушителя и других лиц, склонных к совершению противоправных действий. Исполнение правонарушителем наложенного взыскания должно оказать на него сильное воспитательное воздействие, заставить уважать законы страны и не совершать новых правонарушений, а лиц, склонных к совершению правонарушений, отказаться от противоправного образа жизни.

Кроме того, общеизвестно, что для лица, привлеченного к административной ответственности, законодатель предусматривает наступление определенных правовых последствий – состояние административной наказанности, которое длится «...в течение одного года со дня окончания исполнения административного взыскания...» [2, с. 55].

Именно в течение такого срока привлеченный к административной ответственности нарушитель находится в своеобразном правовом положении после окончания исполнения наложенного на него административного взыскания.

Считается, что законодатель, устанавливая статьей 2.8 КоАП для правонарушителя один год пребывания в состоянии административной наказанности после окончания исполнения взыскания, сделал это для того, чтобы, во-первых, удержать его от повторного совершения правонарушения, а, во-вторых, предоставить ему возможность применить все свои субъективные возможности для быстрого ее «погашения».

Кратчайший путь для этого – как можно быстрее исполнить наложенное взыскание и далее в течение одного года не совершать аналогичных (однородных) административных правонарушений. Эти действия в комплексе ускорят наступление срока, с которого лицо перейдет из состояния административной наказанности в состояние «...не подвергавшимся административному взысканию» [2, с. 55].

Кроме того, следует обратить внимание на то, что нахождение статьи 2.8 КоАП в его Общей части аксиоматично предполагает распространение ее требований на все статьи, расположенные в его Особенной части.

Например, лицо, привлеченное к административной ответственности в виде штрафа или административного ареста по части первой статьи 10.5 КоАП за мелкое хищение имущества, будет находиться в состоянии административной наказанности, как того требует статья 2.8 КоАП, в течение одного года после окончания исполнения наложенного взыскания.

В случае совершения административного правонарушения повторно в указанный период времени это лицо подпадает под действие обстоятельств, отягчающих ответственность, предусмотренных пунктом вторым части первой статьи 7.3 КоАП, и оно должно быть привлечено к административной ответственности по части второй статьи 10.5 КоАП, которая содержит квалифицирующий признак – повторность: «2. Те же деяния, совершенные повторно в течение одного года после наложения административного взыскания за такие же нарушения» [2, с. 89].

Однако анализ содержания части второй статьи 10.5 КоАП показывает, что ее диспозиция сформулирована без заимствования из статьи 2.8 КоАП такого словосочетания, как «...со дня окончания исполнения административного взыскания...» [2, с. 55].

Видно, что законодатель не перенес в часть вторую статьи 10.5 КоАП дословно это словосочетание, объединяющее, между прочим, целую часть административно-деликтного процесса, предусмотренного главой 13 «Исполнение постановления о наложении административного взыскания», расположенной в Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) [3, с. 410–412; 5].

Следует признать, что действующая в такой редакции часть вторая статьи 10.5 КоАП вовсе не стимулирует правонарушителя исполнить как можно быстрее наложенный административный штраф, а, наоборот, сокращает для лица, находящегося в состоянии административ-

ной наказанности в связи с привлечением по части первой статьи 10.5 КоАП, время привлечения его к более суровому административному взысканию за рецидив аналогичного правонарушения ровно на период, необходимый для «исполнения наложенного административного взыскания» [2, с. 89].

Сказанное, на наш взгляд, легко подтвердить следующим примером. Предположим, что лицо, привлеченное к административной ответственности за мелкое хищение по части первой статьи 10.5 КоАП, не встало на путь исправления и, не исполнив полностью наложенное административное взыскание в виде штрафа, совершило повторно аналогичное правонарушение через месяц по истечении года после наложения административного взыскания.

В соответствии со статьей 2.8 КоАП это лицо еще находится в состоянии административной наказанности, так как не истек «один год со дня окончания исполнения административного взыскания». Кроме того, оно повторно совершило аналогичное (однородное) правонарушение в этот период. Следовательно, согласно требованиям статьи 2.8 КоАП, действия правонарушителя необходимо квалифицировать по части второй статьи 10.5 КоАП, которая предусматривает ответственность за рецидив.

Однако диспозиция части второй этой статьи изложена таким образом, что лицо может быть привлечено к административной ответственности только в случае повторного совершения аналогичного деяния в течение одного года после наложения административного взыскания за такое же нарушение. Очевидно, что такая формулировка не позволяет привлечь правонарушителя по этой норме, предусматривающей более строгое взыскание.

Это лицо следует опять привлекать к административной ответственности по части первой статьи 10.5 КоАП, имеющей конечно более мягкие санкции, чем часть вторая этой статьи.

Налицо противоречие. Во-первых, требование статьи 2.8 КоАП, расположенной в Общей части настоящего кодекса, проигнорировано законодателем и не распространено на диспозицию части второй статьи 10.5 КоАП, предусматривающей ответственность за повторное совершение аналогичного административного правонарушения.

А, во-вторых, общеизвестно, что квинтэссенция Общей части КоАП – это предупреждение административных правонарушений и усиление административной ответственности для лиц, не вставших на путь исправления и совершивших повторно аналогичное административное

правонарушение «...в течение одного года со дня окончания исполнения административного взыскания...» [2, с. 49, 72].

Поэтому, не претендуя на бесспорность, в целях устранения данного противоречия было бы целесообразно законодателю перенести дословно имеющееся в статье 2.8 КоАП словосочетание «...в течение одного года со дня окончания исполнения административного взыскания...» в часть вторую статьи 10.5 КоАП, изложив ее в следующей редакции: «2. Те же деяния, совершенные повторно в течение одного года со дня окончания исполнения административного взыскания за такое же нарушение».

Заключение. На наш взгляд, принятие законодателем выдвинутого предложения о редакции статьи 10.5 КоАП, согласно требованиям статьи 2.8 КоАП, более соответствовало бы соразмерности наказания за содеянный рецидив лицом, которое не встало на путь исправления.

Кроме того, представляется, что правоприменительная практика по части второй статьи 10.5 КоАП, изложенной в новой редакции, способствовала бы повышению процента взыскиваемости административных штрафов, что имеет сейчас большую актуальность [4, с. 20].

И в конечном итоге реализация нашего предложения способствовала бы достижению целей, указанных в части второй статьи 1.2 и 6.1 КоАП.

Литература

1. О внесении дополнений и изменений в уголовный и уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 22 июля 2003 г., № 227-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 8.

2. О внесении изменений и дополнений в уголовный, уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь и кодексы Республики Беларусь об административных правонарушениях: Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2006 г., № 147-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 111.

3. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам уголовной и административной ответственности: Закон Респ. Беларусь от 28 дек. 2009 г., № 98-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 16.

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2007.

5. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2007.

6. Юнчик, Л. Исполнение – почти наваждение, или как разгребаются авгиевы конюшни исполнительных производств Хозяйственным судом г. Минска / Л. Юнчик // Рэспубліка. – 2010. – 24 сак.

Поступила 02.04.2010

УДК 343.24-043.7

Е. В. Максименко, ассистент (БГТУ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

В статье затрагиваются вопросы уголовного наказания и современные тенденции его развития. Проводится анализ самого понятия наказания как регулятора поведения людей, вступающих в конфликт с законом, его назначения, целей применения с различных точек зрения. Рассматриваются как социальные, так и правовые аспекты применения уголовного наказания. Данные положения раскрываются с учетом современных тенденций, делаются выводы о направлениях совершенствования в данной сфере.

This article discusses criminal penalties and the current trends of its development. The analysis of the concept of punishment as a regulator of human behavior in conflict with the law, its purpose, the application from different points of view. We consider both social and legal aspects of criminal punishment. These provisions are disclosed in the light of current trends, conclusions about the directions of improvement in this area.

Введение. Одной из основных задач любого государства является обеспечение защиты общества от преступных посягательств на наиболее важные социальные ценности. К числу средств, применяемых государством для воздействия на преступность, относится уголовное наказание.

Наказание на протяжении многих лет рассматривается как регулятор поведения людей, вступающих в конфликт с уголовным законом. Функция наказания заключается в том, что в случае его применения к лицу, совершившему преступление, восстанавливается нарушенный общественный порядок, заглаживается нанесенный потерпевшему вред, удовлетворяется общественная потребность в наказании виновного, укрепляется вера граждан в способность правоохранительных органов бороться с преступностью и защищать интересы как человека, так и государства.

Вместе с тем применение наказания не всегда осуществлялось адекватно состоянию преступности и социально-экономическим условиям в стране. Ошибки в использовании уголовного наказания могут ослабить борьбу с преступностью, привести к повышению уровня преступности, дискредитировать правоохранительную и судебную деятельность, а также и саму государственную власть. Именно этим фактором обуславливается интерес, проявляемый к институту уголовного наказания со стороны теоретиков уголовного права и практических работников. От того, насколько обоснованным будет наказание, применяемое к конкретному лицу, преступившему закон, во многом зависит достижение целей, которые поставлены перед уголовным законодательством.

Основная часть. Действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь в полной мере закрепляет выработанные наукой и практикой основные подходы к уголовной ответственности и непосредственно к уголовному наказа-

нию. Так, статьей 44 установлено, что уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости, а осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него как имущественного ущерба, так и материального возмещения морального вреда. В качестве основной цели закрепляется исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами [1].

Закон также определяет само понятие наказания как принудительную меру уголовно-правового воздействия, применяемую по приговору суда к лицу, осужденному за преступление, и заключающуюся в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод осужденного.

Таким образом, по своему назначению наказание выступает в качестве средства защиты общества от нарушения условий его существования. Сущность применения наказания заключается, с одной стороны, в лишениях и ограничениях виновного за совершенное преступление, а с другой – в достижении в интересах общества полезного социального результата. Назначение наказания конкретным лицам связано с целями его применения, к которым уголовный закон относит:

- 1) восстановление социальной справедливости;
- 2) исправление осужденного;
- 3) специальное предупреждение преступлений;
- 4) общее предупреждение преступлений [1].

При назначении наказания проявляется отрицательная моральная и правовая оценка как совершенного общественно опасного деяния, так и лица, его совершившего. Государство, наказывая виновного, осуждает его противоправное поведение. Применение уголовного наказания сопряжено с причинением виновному моральных, имущественных и иных лишений и ограничений [2].

Однако лишение или ограничение прав и свобод при назначении наказания должно соответствовать требованиям статьи 29 «Всеобщей декларации прав человека», в соответствии с которой каждый член общества должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

Уголовное наказание носит всегда строго индивидуальный характер, т. е. применяется только к лицу, совершившему преступление, и не распространяется на других лиц, которые не участвовали в его совершении [3].

При всем многообразии вопросов, решаемых в ходе создания и применения уголовного закона, два вопроса являются основными: на чем основывается уголовная ответственность, т. е. за что следует наказывать, и от чего зависят размеры ответственности, т. е. как наказывать.

Карательный потенциал наказания различается у разных видов наказания и прямо зависит от характера тех прав и свобод, которых лишается осужденный. Преступник может быть ограничен в физической свободе и изолирован от общества на определенный срок или даже пожизненно, ограничен в трудовых правах, в частности в праве заниматься определенной профессиональной деятельностью, материальных благ. За особо тяжкие преступления осужденный может быть даже лишен жизни.

Содержание наказания, а именно его конкретный вид и размер, зависит от характера преступления и степени его общественной опасности. Характер преступления определяется объектом преступления. Поэтому убийство является более тяжким преступлением, чем причинение вреда здоровью или изнасилование [3].

Законодатель сам определяет тяжесть преступления и степень общественной опасности и выражает это в санкции уголовно-правовой нормы.

Кроме того, закон представляет суду право определять степень общественной опасности конкретного преступления. Для этого он вводит как санкции с разными видами наказаний, так и с большим диапазоном от минимума до максимума.

При учете характера и степени общественной опасности преступления следует исходить из того, что характер общественной опасности преступления зависит от установленных судом обстоятельств: объекта посягательства, формы вины и отнесения уголовным кодексом преступного деяния к соответствующей категории

преступлений. Кроме того, степень общественной опасности преступления определяется конкретным деянием (например, способом совершения преступления, размером вреда или тяжестью наступивших последствий и др.) [3].

Развитие уголовного законодательства проявляется в значительной мере в изменениях составов преступлений и санкций. Можно даже утверждать, что интенсивность криминализации может быть непосредственно взаимосвязана с изменениями и размеров наказания.

Уголовный кодекс Республики Беларусь также закрепил подходы к назначению наказаний. В статье 62 четко регламентировано, что при назначении наказания суд исходит из принципа индивидуализации наказания, т. е. учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, мотивы и цели содеянного, личность виновного, характер нанесенного вреда и размер причиненного ущерба, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, мнение потерпевшего по делам частного обвинения, мотивируя избранную меру наказания в приговоре [1].

Наказание в виде лишения свободы может быть назначено лишь при условии, что цели уголовной ответственности не могут быть достигнуты применением более мягкого наказания.

В теории уголовного права, пожалуй, нет другого такого вопроса, породившего разнообразные мнения и вызывавшего многочисленные дискуссии, как вопрос о целях наказания. И в прошлом, и на современном этапе ученые исследовали данную проблему. Она является актуальной, поскольку от целей наказания напрямую зависит концепция построения системы самих наказаний.

Современные представления о целях наказания и их формулирование в Уголовном кодексе базируются и во многом являются переосмыслением существовавших в уголовно-правовой науке различных теорий наказания.

Многовековая история проблемы определения целей уголовного наказания и существование множества теорий позволили представителям науки уголовного права выделить условно два основных направления ее развития:

– абсолютные теории наказания, сторонники которых придерживаются абсолютной идеи – возмездия за совершенное преступление и расплаты за него;

– теории полезности: общего предупреждения, специального предупреждения, смешанные. Их сторонники ратуют за предупреждение преступлений и исправление преступников.

Сторонники теорий, которые главной функцией наказания считали возмездие за преступление, признавали основной его целью

устрашение и утверждали, что устрашение прямо пропорционально тяжести наказания. Реализация таких взглядов приводила к широкому применению смертной казни, в том числе и квалифицированных ее видов, телесным наказаниям и публичности исполнения наказания.

Многие выдающиеся мыслители придерживались таких концепций. Так, Платон считал, что цель наказания – очищение души, запятнавшей себя преступлением, предупреждение его повторения в будущем, что достигается одним способом: истреблением преступника, для которого наказание является лекарством, исцелявшим его нравственный недуг; устранением влияния дурного примера на сограждан; избавлением государства от опасного, вредного члена.

И. Кант говорил, что зло требует отплаты злом, только одно воздаяние по принципу равенства может определить меру и объем наказания либо равенство по силе действия.

В настоящее время цель предупреждения совершения осужденными новых преступлений тесно связана с их исправлением. Данная цель наказания достигается различными путями. Так, сам факт исправления лица исключает возможность совершения им новых преступлений. Важным средством предупреждения преступлений является и сам процесс назначения и исполнения наказания. Например, лишение осужденного свободы не дает возможности ему продолжать заниматься преступной деятельностью. Применение к виновному иных видов уголовного наказания также дает возможность ему убедиться в том, что закон карает преступное.

Средства для достижения цели исправления осужденного весьма разнообразны: режим отбывания наказания, общественно полезный труд, воспитательная работа, общеобразовательная и профессиональная подготовка осужденных [2].

Предупреждение совершения новых преступлений может быть достигнуто несколькими путями:

- 1) лишением осужденного физической возможности совершить преступление;
- 2) угрозой применения наказания за совершенное преступление;
- 3) устрашением в процессе исполнения наказания;
- 4) воздействием на психику осужденного и неустойчивых членов общества, имеющих противоправные отклонения в поведении.

Вместе с тем весьма значимым и, можно сказать, основополагающим в уголовной политике является принцип неотвратимости уголовной ответственности. Уголовная политика исходит из того, что борьба с преступлениями должна осуществляться на основе принципа – закон един и равен для всех [2].

На современном этапе можно выявить две ведущие тенденции уголовной политики, одна из которых состоит в борьбе с наиболее тяжкими преступлениями, организованной и профессиональной преступностью; в применении самых суровых мер наказания к лицам, совершившим опасные преступления, к особо опасным рецидивистам, организаторам, руководителям и активным участникам преступных организованных формирований [4].

Другая тенденция, в которой реализуется принцип гуманизма, заключается в широком применении наказаний, не связанных с изоляцией от общества в отношении лиц, которые совершили преступления, не представляющие повышенной опасности. Умелое сочетание обеих тенденций сможет обеспечить действенную и законную борьбу с преступностью [4].

В настоящее время имеет место тенденция к ужесточению наказания за преступления, посягающие на жизнь, что влечет увеличение сроков лишения свободы, введение пожизненного наказания. Это обусловлено тем, что законодатель на первое место ставит интересы человека, его жизнь и здоровье.

Наряду с необходимостью ужесточить наказание за преступления против жизни и здоровья граждан, проверенная практически и теоретически неэффективность кратковременного лишения свободы приводит к выводу о целесообразности замены этой меры другой или другими, способными оказывать превентивное воздействие путем снижения уровня жизненного стандарта виновного.

Применение данных мер обусловлено и тем фактором, что можно наблюдать последствия применения наказания, не зафиксированные юридически, которые зависят от вида примененного наказания и заключаются в определенных изменениях социальных отношений наказанного. Примерами могут служить разрыв семейных отношений вследствие длительного лишения свободы, потеря работы и проблемы с трудоустройством (не предусмотренные нормативными актами) и др.

Уголовное наказание является исключительно важной мерой борьбы с преступностью, хотя решающую роль в ее сокращении, несомненно, играют экономические, политические, воспитательные и другие меры, осуществляемые государством.

Применение наказания, в первую очередь, должно быть направлено на то, чтобы восстановить нарушенные общественные отношения, а исправление осужденного и специальное предупреждение, для реализации которых наиболее оптимальны средства социально-педагогического воздействия, должны сопутствовать наказанию, но не подменять его.

В этой связи ученые приходят к выводу о том, что нужна новая система реагирования на преступность и преступления, содержащая в себе две взаимосвязанные системы: систему наказаний и систему мер исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений. В этом случае система наказаний будет представлять собой систему возмездия, справедливого воздаяния за совершенное преступление, тогда как система мер социальной защиты – совокупность специальных средств, позволяющих эффективно достигать исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. В современном уголовном законодательстве уже существуют такие институты, как принудительные меры медицинского и воспитательного характера, дополнительные правоограничения, налагаемые на осужденного, и др [2]. Важно отметить, что применение данных двух систем должно быть не альтернативным, а совокупным. Это вызвано, прежде всего, тем, что применение данных различных мер преследует достижение совершенно различных целей.

Возникает необходимость повышения эффективности наказания в виде лишения свободы путем совершенствования уголовного законодательства, а также уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного. Это необходимо для устранения сложностей при назначении наказания в виде лишения свободы, особенно в части определения судом сроков лишения свободы.

Судебная статистика свидетельствует о том, что уровень рецидива относительно стабилен для каждой конкретной страны, что подтверждает неэффективность специального предупреждения. Таким образом, исправительные учреждения в полной мере не осуществляют функцию исправления, а иногда представляют собой места, нахождение в которых приводит к необратимым изменениям психики человека, школу совершенствования криминальных талантов. Наметились негативные тенденции и в практике назначения уголовных наказаний.

Проведение предварительного следствия должно соответствовать качественно высокому уровню, также равно высоким должен быть профессиональный уровень судей и всех работников правоохранительных органов. Это позволит добиться качественного следствия, соблюдения прав и свобод граждан и вынесения справедливых приговоров.

Необходим качественный дифференцированный подход к применению лишения свободы с тем, чтобы сделать его «точечным», адресным и неотвратимым при совершении тяжких и особо тяжких преступлений.

Заключение. На современном этапе рассматриваются различные способы совершенствования карательной политики, адекватные современным задачам защиты личности и общественной безопасности, предупреждения преступлений. Исследуются теоретические аспекты, анализируется правоприменительная практика. При этом основными при разработке законопроектов, направленных на дальнейшее совершенствование уголовной политики в стране, следует считать два важнейших условия ее эффективности: уголовная политика должна соответствовать состоянию и степени общественной опасности совершаемых преступлений и отвечать задачам борьбы с преступностью, направленной на защиту личности и общества от преступных посягательств. Кроме того, необходима согласованность всех составляющих уголовно-правовой системы, которая предполагает, что уголовное законодательство и правоприменительная практика должны соответствовать современной охранительной доктрине уголовного права, требующей принятия адекватных мер уголовно-правового реагирования на факты причинения вреда или создания угрозы причинения вреда личности, обществу, государству.

Литература

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп.: текст по состоянию на 1 апреля 2009 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2009.
2. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.
3. Барков, А. В. Правовая регламентация назначения наказания / А. В. Барков // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.
4. Саркисова, Э. А. Новое в Уголовном кодексе / Э. А. Саркисова // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

Поступила 02.04.2010

УДК 346.245

Г. Ж. Кирсанова, ст. преподаватель (БГТУ)

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АКЦИЙ НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ

За последнее десятилетие в Республике Беларусь была проведена приватизация государственных предприятий и появились акционерные общества. Акции, которые были выпущены акционерными обществами, должны были сыграть значительную роль в оздоровлении экономики, но на практике этого не произошло. Одной из причин такого процесса является недооценка зарубежного опыта применения самих акций. В данной статье сделана попытка, анализ некоторых аспектов применения акций с учетом их правового положения на рынке ценных бумаг.

In the last decade there was made the privatization of government facilities in the Republic of Belarus. And there were appeared joint-stock companies. Stocks, which had been issued by joint-stock companies, could have played an essential role in making economy healthier, but in fact it didn't happen. One of these reasons is the underestimation of the use of foreign knowledge of stocks. In this article there have been made an attempt to analyze some aspects of the use of securities according to their legal position in the securities mar.

Введение. Процесс структурной перестройки отечественной экономики, широкомасштабная приватизация государственных предприятий путем преобразования их в акционерные общества требуют четкого понимания роли ценных бумаг в жизнедеятельности субъектов хозяйствования. В зависимости от экономической конъюнктуры стоимость некоторых ценных бумаг может колебаться по сравнению с номиналом, по которому они выпущены и приобретены, а оборотоспособность такая же, как у денег. Ценные бумаги могут быть средством мобилизации свободных денежных средств, а также замещать собой на некоторый срок определенное количество наличных денег, не обеспеченных товаром. Это привело к широкому распространению ценных бумаг в имущественном обороте.

Основная часть. Акция – это ценная бумага, представляющая собой свидетельство о вложении определенного размера инвестиций в акционерное общество и дающая право на получение некоторой части его прибыли в виде дивиденда. Собственниками акций являются акционеры (инвесторы), которые имеют право принимать участие в управлении обществом, а в случае ликвидации – получать часть имущества акционерного общества. Акции выпускаются в равных долях акционерного капитала и круглых суммах.

По размерам приносимого дохода различают обыкновенные и привилегированные акции, причем фактически преимущества предоставляются владельцам обыкновенных акций.

Привилегированные акции – ценные бумаги, которые дают их владельцу (привилегированному акционеру) право обладания частью имущества акционерного общества и другие права, дающие преимущества перед остальными акционерами. Дивиденды по привилегированным акциям фиксированные и заранее известны акционеру. Риск не получить дивидендов от привилегированных акций меньше. Ди-

виденды привилегированных акций обычно меньше дивидендов обыкновенных и поэтому они, несмотря на другие преимущества, не всегда привлекают инвесторов. Акции должны быть именными, их доля не должна превышать 25% уставного фонда.

Владельцы привилегированных акций имеют два основных преимущества:

– получают заранее определенный дивиденд до того, как производятся выплаты по обыкновенным акциям;

– получают первоочередное право на долю активов при ликвидации корпорации.

Обыкновенные акции дают их владельцам право на получение дохода и на участие в управлении обществом. Обыкновенные акции, главным образом, покупают для получения дивидендов. Доход капитала возникает от того, что фирма накапливает часть своей прибыли в инвестициях, вследствие чего будущая прибыль и дивиденды увеличиваются. В сущности, это явление отражается на подъеме рыночной цены обыкновенных акций.

Можно перечислить основные фундаментальные свойства акций акционерных обществ.

1. Акции – это титулы собственности на имущество акционерного общества, выпуск акций – это не займ (в отличие от облигаций, депозитных сертификатов и др.).

2. У акций нет конечного срока погашения, акция (в классическом случае) – это негасимая ценная бумага (в отличие, например, от облигаций).

3. Ограниченная ответственность. Инвестор не может потерять больше, чем он вложил в акцию. Инвестор не отвечает по обязательствам общества в целом (что стало широко распространенным только в начале XIX в.).

4. Неделимость акций (неделимость прав, которые они представляют).

Выпущенные акционерными обществами акции и облигации поступают в обращение,

образуя рынок ценных бумаг. О масштабах этого рынка говорит тот факт, что сегодня в капиталистических странах стоимость всех акций и облигаций, находящихся в обращении, превышает годовой объем их валового национального продукта. Большая часть ценных бумаг реализуется через специально созданный институт – фондовую биржу (ценные бумаги иногда называют фондами).

Фондовая биржа – это организация с правом юридического лица, созданная для обеспечения профессиональным участникам рынка ценных бумаг необходимых условий для торговли ценными бумагами, определения их курса (рыночной цены) и его публикации для ознакомления всех заинтересованных лиц, регулирования деятельности участников рынка ценных бумаг.

На бирже осуществляются различные виды биржевых сделок и распоряжений. Прежде всего, существует простая сделка, когда один клиент продает через биржу определенное количество акций другому. Такая сделка совершается через брокера. Она не носит спекулятивного характера и связана с перераспределением пакетов акций. Это краткосрочная кассовая сделка, которая обеспечивается в два дня. Рискующий покупатель может купить акции с частичной оплатой, т. е. совершать маржинальные сделки. При этом 50% должно быть погашено наличными, а остальные акции оплачиваются брокерской фирмой в кредит под залог акций.

Другой формой биржевой сделки является сделка с премией, т. е. опционная сделка, когда приобретаются не сами акции, а право на их покупку по определенному курсу в оговоренный период в несколько месяцев. Брокеру же вкладчик уплачивает комиссионные. Если повышение курса акций превышает сумму комиссионных, то вкладчик получает прибыль. В противном случае, он отказывается от своего права на покупку и теряет сумму, которая была выплачена в качестве комиссионных.

Наряду с опционными сделками широко развита также сделка «фьючерс». Это стандартный срочный контракт, который заключается на бирже между продавцом и покупателем в целях купли и продажи ценных бумаг в будущем по фиксированной ранее цене. Сделка требует внесения страхового депозита от покупателя контракта. Поэтому она основана на разнице между фиксированной ценой и ценой на дату исполнения сделки. Такие контракты многократно могут перепродаваться.

Основными получателями биржевой прибыли являются инвестиционные банки и компании, семейные банкирские дома, крупные торгово-промышленные корпорации, кредитно-финансовые институты, а также владельцы

крупных индивидуальных пакетов. В целях получения выгодной курсовой разницы указанные биржевые субъекты прибегают к различным методам обогащения. Из них наиболее важными являются получение конфиденциальной закрытой информации и искусственное колебание (управление) курсами. В первом случае доступ к скрытой информации позволяет сделать правильную ставку в игре на повышение или понижение. Во втором случае это преднамеренное воздействие на курсы ценных бумаг с целью извлечения значительной прибыли.

Одним из изощренных методов воздействия на курсы является так называемый метод «украшения витрины». Путем постепенной покупки мелкими партиями акций какой-либо компании, а также распространения определенной ложной информации спекулянт способствует повышению курса акций. После их продажи продавцы кладут в свои карманы крупную прибыль.

Биржевой индекс (другое название – фондовый индекс) – это составной показатель изменения цен определенной группы активов (ценных бумаг, товаров, производных финансовых инструментов).

Биржевые индексы на основе показателей ряда крупных компаний дают представление об общем экономическом положении мира, региона, страны или определенной отрасли и ее развитии. Сейчас индексы бирж уже выполняют много функций, они стали ориентиром для покупки ценных бумаг. Также стали продаваться акции самих бирж.

Как правило, абсолютные значения индексов не важны. Большее значение имеют изменения индекса с течением времени, поскольку они позволяют судить об общем направлении движения рынка, даже в тех случаях, когда цены акций в выделенной группе изменяются разнонаправлено. В зависимости от выборки показателей биржевой индекс может отражать поведение какой-то группы ценных бумаг (или других активов) или рынка (сектора рынка) в целом. На основании данных агентства Dow Jones & Co. Inc. на конец 2007 г. в мире насчитывалось свыше 2000 биржевых индексов.

В общем виде фондовые индексы представляют собой среднее изменение цен определенного набора ценных бумаг. Момент или период времени, с которым происходит сравнение, называется базисным.

При методе средней арифметической простые цены акций всех эмитентов, входящих в индекс, на момент закрытия торгов складываются и сумма делится на количество составляющих для получения средней величины. По данному методу до сих пор рассчитываются индексы из семейства «Доу Джонс».

Индекс по методу средней геометрической вычисляется умножением цен акций, составляющих индекс, друг на друга. Из этого произведения затем извлекается корень n -й степени, где n – число акций в индексе.

Как и при использовании метода простой средней арифметической не принимается во внимание тот факт, что объем торговли по акциям разных компаний может быть различным. По данному методу рассчитывается два известных индекса: FT-30 в Англии и The Value Line Composite Index в США.

Метод средней арифметической взвешенной применяется для того, чтобы отразить в индексе влияние объемных показателей, т. е. используется методика взвешивания цен акций. Наиболее часто в качестве веса применяется рыночная капитализация компаний. Этот метод наиболее популярен в мировой практике фондовых индексов, поскольку он адекватно учитывает влияние тех акций, по которым капитализация выше и которые более ликвидны.

Метод средней арифметической взвешенной имеет некоторые вариации: текущее состояние рынка может сравниваться с состоянием рынка либо в базисный, либо в предыдущий период. К наиболее известным индексам, рассчитываемым по данному методу, можно отнести семейство индексов S&P, сводный индекс Нью-Йоркской фондовой биржи, FT-100.

В США промышленный индекс «Доу Джонс» (англ. Dow Jones Industrial Average, DJIA) – это самый первый в мире фондовый индикатор, который был разработан 3 июля 1884 г. в США Чарльз Доу, журналистом газеты Wall Street Journal, известным финансистом, основателем компании Dow Jones & Company. Чарльз Доу начал рассчитывать средний показатель по изменению курсовых стоимостей акций 11 крупнейших в то время промышленных компаний. С 1928 г. индекс стал рассчитываться по 30 фирмам, причем количество составляющих и методика расчета осталась неизменной в фирме «Доу Джонс» до сих пор.

Индекс «Стэндрд энд пурз» (S&P 500) публикуется независимой компанией «Стэндрд энд пурз». Он составляется в двух вариантах – по акциям 500 корпораций и по акциям 100 корпораций. S&P 500 представляет собой взвешенный по рыночной стоимости индекс акций 500 корпораций. Этот индекс более сложный по сравнению с индексом «Доу Джонс», но он считается также более точным в силу того, что в нем представлены акции большего числа корпораций и акции каждой корпорации взвешиваются на величину стоимости всех акций, находящихся в руках акционеров.

Фьючерсы и опционы по нему продаются на Чикагской товарной бирже.

В Японии индекс «Никкей» (Nikkei) – специальный индекс курсов ценных бумаг, отражающий ситуацию на Токийской фондовой бирже.

В России индекс Российской торговой системы (РТС) является единственным официальным индикатором Российской торговой системы. Индекс РТС рассчитывается по результатам работы системы в течение одного торгового дня.

Индекс на текущую n дату определяется как отношение суммарной рыночной капитализации эмитентов, включенных в список для расчета индекса, к суммарной рыночной капитализации этих же эмитентов на предыдущую дату.

Индекс ММВБ представляет собой взвешенный по эффективной капитализации индекс рынка наиболее ликвидных акций российских эмитентов, допущенных к обращению в ЗАО «Фондовая биржа ММВБ» (ФБ ММВБ) и включенных в базу расчета индекса. Эффективная капитализация акций учитывает долю акций, находящихся в свободном обращении на вторичном рынке.

В Республике Беларусь индекс начиная с 1 сентября 2005 г. рассчитывается и публикуется индекс по рынку ГЦБ/КО Республики Беларусь. Другие фондовые индексы в связи с низкой активностью торгов на данный момент не рассчитываются. Хотя уже есть предусмотренная методика их расчета.

Заключение. Рынок ценных бумаг, а особенно количество и стоимость проданных акций на фондовой бирже, является одним из экономических показателей любого государства на современном этапе. Республика Беларусь принимает меры по развитию рынка ценных бумаг, но пока отстает от развитых стран в связи с недостаточной правовой регламентацией этого сегмента рынка.

Литература

1. Кузнецова, Е. В. Ценные бумаги / Е. В. Кузнецова, С. С. Курочкина. – М., 1993.
2. Медведев, В. А. Биржа / В. А. Медведев. – М., 2000.
3. Улыбин, К. А. Брокер и биржа / К. А. Улыбин, И. С. Харисова. – М., 1999.
4. Бердникова, Т. Б. Рынок ценных бумаг и биржевой рынок: учеб. пособие / Т. Б. Бердникова. – М., 2002.
5. Вабищевич, С. С. Предпринимательское (хозяйственное) право Республики Беларусь: практ. пособие / С. С. Вабищевич. – М., 2002.
6. Паращенко, В. Н. Хозяйственное право Республики Беларусь / В. Н. Паращенко. – М., 2000.

Поступила 02.04.2010

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 378.06-057.875-058.833

Т. У. Жукоўская, выкладчык (БДТУ)

ФАРМАВАННЕ КУЛЬТУРЫ СЯМЕЙНЫХ АДНОСІН У СТУДЭНЦКІМ АСЯРОДКУ

У артыкуле падымаюцца пытанні фармавання культуры сямейных адносін у студэнцкім асяродку. Раскрываецца сістэмны і мэтанакіраваны характар выхаваўчай працы кафедры беларускай мовы па прапагандзе сямейных каштоўнасцей і прафілактычных мер па захаванні сям'і. Дзецца вывад, што толькі адзінства дзеянняў адукацыйнай і выхаваўчай сістэмы, пры якой студэнты атрымліваюць аднолькавыя ўяўленні і маральныя ўстаноўкі, можа даць станоўчы эфект.

The article dwells on the problems of family relations in student environment. The author highlights the systematic and dedicated character of educational work at the Belarusian language department aimed at popularising of family values and stable family relations. The author comes to conclusion that positive results of the educational work can be obtained only in case of united action of the learning and education system, within the bounds of which students get identical ideas and faiths.

Уводзіны. Ва ўсе эпохі і пры ўсіх сацыяльна-эканамічных фармацыях і палітычных сістэмах выхаванне моладзі ў большай або меншай ступені ўвязвалася ў першую чаргу з інтарэсамі грамадства. А гэта прывяло да стварэння адпаведных грамадска-дзяржаўных выхаваўчых структур. Ім належыць важная роля ў фармаванні падрастаючага пакалення. Яна заключаецца ў адзінстве адукацыйнай і выхаваўчай сістэмы, пры якой усе юныя грамадзяне атрымліваюць аднолькавыя грамадскія і маральныя ўстаноўкі, што вызначаюць асноўныя іх уяўленні аб сямейных каштоўнасцях.

Сям'і і шлюб у наш час удзяляецца вялікая ўвага вучоных: сацыёлагаў і дэмографіаў, эканамістаў і этнографіаў, псіхолагаў, медыкаў, юрыстаў і выкладчыкаў. Прычына такой вялікай увагі заключаецца ў тым, што інстытут сям'і мае жыццёва важнае значэнне як для асобных індывідаў, так і для ўсяго грамадства. Праблемы, якія выкліканы нестабільнасцю сямей, зараз як ніколі з'яўляюцца актуальнымі і надзённымі для нашага грамадства. Наступствы гэтых тэндэнцый і з'яўляюцца сабой патэнцыяльна пагрозу як сацыяльна-дэмаграфічнага і эканамічнага, так і этыка-псіхалагічнага плана. У гэтай сітуацыі неабходна інтэнсіфікацыя мер як дзяржаўнага ўзроўню, так і прыватнага. Праблемы стварэння шчаслівай сям'і, падрыхтоўкі моладзі да сямейнага жыцця і звязаныя з імі пытанні з'яўляюцца вельмі актуальнымі для навучальных устаноў.

Адной з прыярытэтных задач, якія ставіць наша дзяржава на сваім шляху да сацыяльна-эканамічнага прагрэсу, з'яўляецца фармаван-

не культуры сямейных адносін, павышэнне бацькоўскай адказнасці за выхаванне дзяцей, захаванне і ўмацаванне сямейных каштоўнасцей. Сведчаннем таму стала прыняцце Нацыянальнай праграмы дэмаграфічнай бяспекі Рэспублікі Беларусь на 2007–2010 гг., зацверджанай Прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь 26 сакавіка 2006 г. [1].

Асноўная частка. З мэтай уплыву педагогічных устаноў на ўяўленне аб будучай сям'і ў студэнцкім асяроддзі арганізавана выхаваўчая праца кафедры, задачамі якой з'яўляецца вывучэнне бацькоўскіх адносін (устаноў) у сямейных узаемадзеяннях; фармаванне ўстаноў і сямейных каштоўнасцей у студэнцкай моладзі на мяркуемыя сямейныя ролі; аказанне уплыву пасродкам выхаваўчых мерапрыемстваў (гутаркі, дыспуты, складанне радаводаў, стварэнне праектаў і інш.).

Падкрэслім, што сямейнае права рэгулюе найбольш істотныя адносіны ў сям'і, але, тым не менш, у нашай краіне распадаецца кожная другая сям'я. Штогод адмаўляюцца ад навароджаных каля 500 жанчын. Па-за шлюбом нараджаюцца каля 8 тыс. дзяцей, з іх больш за 300 – у непаўналетніх, якія яшчэ самі маюць патрэбу ў апецы [2].

Выкладчыцкі калектыў кафедры беларускай мовы БДТУ прыкладае ўсе намаганні, каб прафілактычныя захады па ахове сям'і і прапагандзе сямейных каштоўнасцей набылі сістэмны і мэтанакіраваны характар.

Вядома, што сямейныя каштоўнасці на працягу стагоддзяў былі тым стрыжнем, на якім трымалася развіццё і дабрабыт кожнай дзяржа-

вы. Менавіта сям'я як асноўная ячэйка грамадства дазваляе выстаяць беларускаму народу ў цяжкіх выпрабаваннях і замацаваць поспехі ў спрыяльны перыяд. І, наадварот, адмоўныя дэмаграфічныя змены ў жыцці любой краіны прыводзяць да самых негатыўных наступстваў і ў далёкай перспектыве могуць ставіць пад пагрозу існаванне дзяржавы. Таму прадбачлівая выхаваўчая праца, якая праводзіцца выкладчыкамі ў гэтым накірунку, – гэта тая трывалая апора, на якой ужо заўтра будзе будавацца дабрабыт і росквіт мірнай і працавітай беларускай сям'і.

У выхаваўчым працэсе павінны быць узгоднены дзеянні як сям'і, так і навучальнай установы. Калі ж няма такой узгодненасці, тады студэнты, як правіла, займаюць найбольш выгадную для сябе пазіцыю. У выніку атрымліваецца малаэфектыўны працэс.

Правільна спланаваныя мерапрыемствы кафедры па фармаванні сямейных адносін даюць вялікія магчымасці мэтанакіраванага і актыўнага ўздзеяння на свядомасць і паводзіны студэнтаў. Вядома, што і ў сям'і малады чалавек атрымлівае шмат разнастайнай інфармацыі, звязанай з пытаннямі маральнасці. Бацькі часцей за ўсё заводзяць з імі гутаркі пра вучобу і дысцыпліну, пра іх адносіны да выкладчыкаў, старэйшых, аднакурснікаў, разважаюць пра многія надзённыя бытавыя і грамадскія праблемы, пра ўменне жыць у сучасных умовах, пра значымасць працы ў чалавечай дзейнасці, выбары прафесіі, удзеле ў грамадскіх справах. Думаецца, што такія ўсебаковыя падыходы да вырашэння пастаўленых задач дадуць станоўчы вынік. Пры гэтым неабходна зазначыць, што інфармацыя студэнтамі ўспрымаецца і засвойваецца часцей за ўсё выбарачна. Гэта звязана як з уплывам сферы зносін па-за сям'ёй, групай, так і з асабістымі якасцямі маладога чалавека, у прыватнасці, з наяўнасцю ў яго крытычнага мыслення. Таму ўсе свае зносіны выкладчык павінен будаваць **дыферэнцавана**. Пры гэтым важна ўлічваць узроставыя і індывідуальныя псіхалагічныя асаблівасці студэнтаў, узровень іх выхаванасці, ступень эмацыянальнай настроенасці і многае іншае.

Зыходзячы з практыкі сямейнага выхавання, можна выдзеліць шэраг псіхалага-педагагічных умоў, пры захаванні якіх дзейнасць выкладчыка будзе найбольш эфектыўнай. У першую чаргу трэба адзначыць **добразычлівасць**. Ва ўзаемаадносінах са студэнтамі павінны ўлічвацца таксама іх узроставыя і індывідуальныя асаблівасці. Звычайна першакурснікі ў сваім узросце ўжо дасягаюць фізічнай і псіхалагічнай сталасці. Аднак і ў гэтым узросце ёсць свае супярэчнасці і цяжкасці. У адрозненне ад падлеткаў, якія прад'яўляюць высокія патрабаванні

да людзей і не вельмі патрабавальныя да сябе, першакурснікі больш крытычна адносяцца як да іншых, так і да сябе. У іх на аснове маральных ведаў і жыццёвага вопыту ўжо выпрацаваны пэўныя ўстойлівыя погляды, перакананні і прынцыпы. І тут выкладчык павінен аказаць уплыў не толькі на іх інтэлектуальную, але і **эмацыянальную** сферу. Пачуцці студэнтаў мяняюцца, калі яны чымсьці захапляюцца, калі закранаецца іх эмацыянальны бок. Таму неабходна часцей звяртацца да эмацыянальных пачуццяў, уздзеянчаць на іх.

У выніку студэнты будуць не толькі аб чымсьці задумвацца, але і хвалявацца, перажываць і лепш засвойваць інфармацыю, актыўна ўдзельнічаць у мерапрыемствах, праяўляць сваю творчасць.

Важная роля ў выхаванні сямейных адносін адводзіцца выкладчыцкаму аўтарытэту. Галоўная ўмова аўтарытэту выкладчыка (куратора) – яго высокамаральныя паводзіны і ўчынкi. Акрамя гэтага, выкладчык павінен валодаць тактамі і этыкай зносін са студэнтамі. Неабходна захоўваць пачуццё меры, улічваць іх індывідуальныя асаблівасці, душэўны стан, канкрэтныя ўмовы і сітуацыі. Выкладчыцкае слова – надзвычай далікатны інструмент уздзеяння на маладога чалавека. Грубасць, бестактоўнасць, неэтычнасць могуць прывесці да з'яўлення ў паводзінах студэнта гэтых жа якасцей.

На прыкладзе адной з куратарскіх груп можна прасачыць, як на працягу чатырох гадоў фарміраваліся погляды на сямейныя адносіны, уяўленні аб будучай сям'і, устаноўкі на сямейныя каштоўнасці. Выкарыстоўваючы шырокі спектр мерапрыемстваў, якія былі скіраваны на ўяўленне юнакоў і дзяўчат аб асноўных функцыях сям'і, сямейных каштоўнасцях, асобнай супольнасці мужа і жонкі, бацькоўскіх абавязках, маральнай і эмацыянальнай падтрымцы, значнасці ў сямейным жыцці сексуальных адносін, прафесійных інтарэсах кожнага з сужэнцаў, жадаемым размеркаванні ролей паміж мужам і жонкай пры рэалізацыі сямейных функцый, прыйшлі да высновы, што амаль ва ўсіх навучэнцаў склаліся ўстойлівыя станоўчыя погляды на будучую сям'ю. Заўважым, што ў групе з 28 чалавек у 10 студэнтаў – няпоўныя сем'і. У выхаваўчым працэсе выкарыстоўваліся розныя формы дзейнасці: гутаркі, дэбаты, анкетаванне, рэферыраванне (падрыхтоўка тэматычных дакладаў), відэагадзіны (прагляд мастацкіх кінастужак па вызначанай тэматыцы на базе Музея гісторыі беларускага кіно), складанне радаводаў, творчых праектаў, музейна-экспедыцыйныя заняткі па тэме «Роля жанчыны ў гісторыі Беларусі»; сустрэчы з прадстаўнікамі сямейных дынастый, з юрыстамі, медыкамі і г. д.

Пры правядзенні анкетавання на выяўленне сямейных каштоўнасцей у юнакоў і дзяўчат [3] было выяўлена, што каханне з'яўляецца асноўным параметрам пабудовы сямейных адносін і фундаментам сям'і, на другім месцы знаходіцца агульнасць інтарэсаў мужа і жонкі. Большасць студэнтаў выказаліся за сям'ю як сферу эмацыянальнай разрадкі. Што датычыцца знешняй прывабнасці сужэнцаў, то большасць студэнтаў лічаць гэта не самым галоўным ў сямейных адносінах. Даволі шмат студэнтаў выказаліся за высокі ўзровень дабрабыту сям'і.

Такім чынам, шлюбна-сямейныя каштоўнасці ў юнацкім узросце вызначаюцца даволі высокай ступенню маральна-этычнай накіраванасці.

Як прыклад дзейнасці калектыву кафедры ў гэтым накірунку, ім створаны дзеючы праект «Сям'і маёй пачатак», задачы якога заключаюцца ў наступным: фарміраванне культуры сямейных адносін; фарміраванне ў моладзі ўстаноў здаровага ладу жыцця; падтрымка сям'і і яе ўмацаванне; павышэнне ролі сям'і і яе прэстыжу ў грамадстве; умацаванне маральных асноў сям'і; павышэнне культуры шлюбна-сямейных адносін; папярэджанне і вырашэнне праблем сямейных узаемадачыненняў; умацаванне маральных асноў сям'і; выкарыстанне творчых даследаванняў студэнтаў у вучэбна-выхаваўчым працэсе; інфармаванасць студэнтаў па пытаннях, якія звязаны з фарміраваннем сям'і, унутрысямейных адносін. На аснове гістарычных і музейных дакументаў-сведчанняў традыцыйнай сямейнай абраднасці, запісаў захавальнікаў сямейных традыцый даследаваны стан сямейных адносін у гістарычным і сучасным аспектах, створаны навуковыя і творчыя працы, радаводы, якія прадстаўляліся на конкурсах розных ўзроўняў і былі адзначаны высокімі ўзнагародамі, падрыхтаваны выставачны матэрыял для ўніверсітэцкіх і рэспубліканскіх выстаў і г. д. Студэнцкія навукова-творчыя працы прэзентаваны ў студэнцкіх вучэбных і куратарскіх групах, матэрыял навукова-творчых прац выкарыстаны ў выступленнях валанцёрскіх груп. Матэрыял праекта можа быць выкарыстаны для самастойнага вывучэння традыцый і абрадаў беларускай сям'і, а таксама пры правядзенні заняткаў па беларускай і рускай мовах, куратарскіх гадзін, у выступленнях фальклорных гуртоў і валанцёрскіх груп, пры мадэляванні сучаснага вяселля.

Немалаважную ролю ў выхаваўчым працэсе адыгрывалі такія яго складнікі, як народная педагогіка, вусная народная творчасць. Фальклор заўсёды нёс магутны маральна-этычны патэнцыял, апяваючы высокапаэтычныя адносіны паміж людзьмі: у сям'і, сяброўстве, грамадстве ў цэлым. Мэтай уключэння ў змест мерапры-

емстваў беларускага фальклору з'яўляўся разгляд сацыяльных і маральна-нораўных падыходаў да павышэння ўзроўню правіл існавання сучаснай сям'і.

На працягу стагоддзяў сям'я для беларуса была адзінай крэпасцю, якая ахоўвала яго ўласнае жыццё і забяспечвала працяг роду, стварала дабрабыт і зарабляла людскую пашану. У беларускім фальклору ўвогуле, пазаабрадавай пазіі перш за ўсё, па-мастацку распрацоўваецца тэма сям'і: міжасобныя ўнутрысямейныя дачыненні, лёс замужняй жанчыны і г. д. Пры карыстанні вуснымі паэтычнымі творамі студэнты ў сваіх даследчых навуковых і творчых працах звяртаюць увагу не толькі на этнічную і гістарычную інфармацыйную значнасць фальклорнага матэрыялу, але на той высокі маральна-нораўны і этычны патэнцыял, які ён нясе для сучаснай моладзі. Праз мастацкае народнае слова да нас вяртаюцца мудрасць, мараль, гуманістычныя погляды народа на міжасобныя сямейныя адносіны.

Сацыяльны, маёмасны, грамадскі стан сям'і, сямейныя звычкі і традыцыі, якія складаліся на працягу вякоў, здольнасць ці няздольнасць кожнага зберагчы каханне, якое аб'яднала іх у сям'ю, – вось далёка не поўны пералік тых фактараў, што ўплываюць ў большай ці меншай ступені на фармаванне такога ўсімі жаданага і такога няпэўнага сямейнага шчасця.

Заклучэнне. Такім чынам, у поглядах студэнтаў на жыццядзейнасць сучаснай сям'і першаснае значэнне набываюць функцыі, якія звязаны са зносінамі, узаемадапамогай, эмацыянальнымі адносінамі мужа і жонкі, бацькоў і дзяцей. Пры гэтым асабліва важнае значэнне і вялікі ўплыў аказваюць погляды і ўстаноўкі бацькоў і выкладчыкаў на ўяўленне моладзі на пабудову сваёй сям'і і сістэмы сужэнцкіх і дзіцяча-бацькоўскіх адносін. Толькі адзінства дзеянняў адукацыйнай і выхаваўчай сістэмы, пры якой студэнты атрымліваюць аднолькавыя ўяўленні аб сямейных каштоўнасцях і маральныя ўстаноўкі на іх захаванне, можа даць станоўчыя вынікі.

Літаратура

1. Варюхина, С. И. Истоки доброты: Беседы о нравственном воспитании детей в семье / С. И. Варюхина. – Минск: Полымя, 1987. – 128 с.
2. Гребенников, И. В. Основы семейной жизни: учеб. пособие / И. В. Гребенников. – М.: Просвещение, 1991. – 158 с.
3. Ковалев, С. В. Подготовка старшеклассников к семейной жизни: тесты, опросники, ролевые игры: кн. для учителей / С. В. Ковалев. – М.: Просвещение, 1993. – 143 с.

Паступілі 02.04.2010

УДК 821.161.309:808.1«18»

Т. М. Федарцова, дацэнт (БДТУ)

МІФАПАЭТЫЧНАЯ АСНОВА ТВОРЧАСЦІ БЕЛАРУСКІХ РАМАНТЫКАЎ XIX СТ.

У артыкуле разглядаюцца жанрава-стыльовыя асаблівасці літаратурных твораў перыяду рамантызму XIX ст. У прыватнасці, звернута ўвага на асаблівасці сімволікі, архетыпаў і выкарыстанне міфалагемаў паэтамі-рамантыкамі А. Міцкевічам, Я. Чачотам, А. Петрашкевічам і іншымі прадстаўнікамі філаматскай паэзіі. А таксама праведзена параўнанне выяўленчых сродкаў паэзіі рамантыкаў XIX і XX стст.

The article contains some information on genre-style characteristics of literary works of the XIX-th century romantism special attention is paid to peculiarities of using association, symbols, archetypes and mythologenes, by poets-romanticist A. Mitskevich, Ya. Chachot, A. Petrashkevich and other representatives of the poetry of this kind. Besides, the autor made a comparative analysis of figurative means of romanticist poetry of XIX–XX century.

Уводзіны. У апошнія дзесяцігоддзі беларускае літаратуразнаўства вывучае гісторыю айчыннай літаратуры ў шырокім міжнацыянальным кантэксце, што паспрыяла магчымасці адкрыць новыя заканамернасці яе развіцця ў мінулыя эпохі. Таму больш дасканалы разглядаюцца з’явы, якія раней наўмысна абыходзіліся ці тлумачыліся спрошчана.

Мэта дадзенага артыкула – сцісла і даступна выкласці найбольш важкія набыткі беларускага рамантызму XIX ст. Актыўнае звяртанне да фальклору і міфалогіі дапамагло паэтам-філаматам зразумець філасофскае ўладкаванне міфапаэтычнай карціны свету беларусаў, дзе побач з рэаліямі суролага сялянскага жыцця існавалі ўласныя ўяўленні аб непарыўнай еднасці прасторы і часу. Сёння гэта з’ява называецца *хранатопам*. Ва ўяўленні ж нашых продкоў прастора не была нечым застылым. Адухоўленая і разнастайная (па сцвярдэжэнні расійскага вучонага В. Топарава), яна спрадвек вылучала дакладныя па часе сегменты для правядзення каляндарных свят і прысутнасці адпаведных міфапаэтычных істот. Рознымі энергетычнымі патэнцыямі ў баладах рамантыкаў, а пазней і ў сучаснай паэзіі, надзелены частыры асноўныя напрамкі свету. Найбольш дзейсны (і небяспечны) пралягаў па шляху сонца – «з усходу на захад» (ад нараджэння да смерці сонца), што засведчылі і шматлікія замовы. Другі напрамак – «поўнач – поўдзень» быў звязаны з холадам і цяплом і больш адпавядаў хлебарабскім інтарэсам.

Да таго ж рамантыкі звярнулі ўвагу на ўпартае ўспрыманне беларусамі дваістасці свету. Для іх спрадвечна існавала «свая» і «чужая» прастора. Чужая прастора была небяспечнай. Ад’езд з роднай старонкі, пакіданне свайго жылля, нават наступленне ночы лічылася іншасветам, які ўтойваў скрытую небяспеку. «Свая» прастора наадварот спрыяла чалавеку ва ўсіх справах і задумах. Такім чынам, для ра-

мантыкаў трывалым становіцца паняцце ўласнай дзяржавы, роднай старонкі, бацькоўскага дома. Зыходзячы з міфапаэтычнага ўладкавання свету беларусы стварылі свой пантэон міфалагічных істот, засвоілі пэўныя архетыпы, уласцівыя іх ментальнасці. Найбольш часта ў вуснай народнай творчасці выкарыстоўваліся такія архетыпы, як зямля, агонь курган і гара. Менавіта яны найчасцей ужываюцца і ў творчасці паэтаў-рамантыкаў XIX ст.

Асноўная частка. Улічваючы тэа абставіны, што ў беларускім фальклоры архетып «зямля» значна маладзейшы, чым у некаторых іншых славянскіх і індаеўрапейскіх народаў, цяжка прасачыць этап стварэння зямной першаасновы зыходзячы менавіта з запісаў вуснапаэтычнай спадчыны. Справа тут, хутчэй за ўсё, у вельмі моцным напластоўванні шматлікіх канонаў хрысціянства на язычніцкія культы, якія амаль згубіліся ў моры новай веры ці засталіся ў ёй ледзьве прыкметнымі астраўкамі. Таму вялікая заслуга Адама Міцкевіча ў тым, што строга прытрымліваючыся адной з асаблівасцей беларускага рамантызму – сакральных адносіннаў да радзімы, ён прыстасаваў архетып «зямля» пад паняцце «малая радзіма». Напрыклад, у няскончанай паэме «Бульба» трэцяя глава пачынаецца яскравымі радкамі:

Зямля наваградская! Край мой родны!
[1, с. 33].

Магчыма, незаўважна, але ўладарна тое, што называецца малой радзімай, з лёгкай рукі філаматаў трывала ўваходзіць у духоўны свет беларуса. Паступова фарміруецца ўяўленне пра такія, здавалася б, абстрактныя катэгорыі, як прастора і час, выяўляюцца першапрычыны і паслядоўнасці ў такіх стрыжнёвых сімвалах, як «Зямля і людзі», «Зямля і чалавек-працаўнік», «Зямля як зямная аснова і Сусвет». Прасцейшае значэнне зямлі засталася на тым самым узроўні, на якім яно было ў часы мінуўшчыны, бо для такога народа, як беларусы,

зямля была, па вобразным выслоўі Я. Коласа, «асновай усёй Айчыне». Зародзіць ўраджай на зямлі – будзе на сялянскім стале дастатак, а ўдарыць дождж ці засуха – і прыйдзеца зімою зводзіць канцы з канцамі.

Само паняцце «ўлада зямлі» ў селяніна-працаўніка раскрываецца своеасабліва, яно падкрэслівае непарыўнага сувязі ўзаемаадносін з прыродай, і атрымліваецца, што слова «зямля» з'яўляецца сінонімам слова «прырода». Не дзіўна, што гэтае ўвасабленне спарадзіла міфы, якія жывуць і ўдасканалюцца да самага апошняга часу. Такая спрадвечная ўзаема сувязь, не запазычаная для пэўнага ўзбагачэння мастакоўскай палітры, перадалася аўтарам ад папярэдніх пакаленняў і інтуітыўна праяўлялася ў рамантычных творах пэўнага XX ст.

Напрыклад, у апошні час даследчыкі творчасці Якуба Коласа ўсё больш сыходзяцца на тым, што «Новую зямлю» як твор вялікай эпічнай моцы і глыбіні не зусім правамерна «прачытваць» толькі ў ракурсе «энцыклапедыі сялянскага жыцця», як прынята было лічыць раней, таму што гэтая, на першы погляд, грунтоўная і высокая ацэнка не раўназначная ні філасофскім, ні літаратурным, ні гуманістычным і эстэтычным вартасцям паэмы і што такое вызначэнне «Новай зямлі» ўскосна сведчыць, што яе бачачы не эпічным твора, не з'явай сусветнай літаратуры, а зборам паэтычных апавяданняў пра жыццё і побыт сялянскай сям'і. І з гэтым цяжка не пагадзіцца.

Зямля, паводле мастацкай задумы твора, застаецца галоўнай і найпершай духоўнай ды і матэрыяльнай экзістэнцыяй беларуса нават без яе фармальнага набыцця, без права прыватнай уласнасці на яе. Але пры гэтым маецца аб'ектыўная акалічнасць, якая істотна перашкаджае поўнаму ажыццяўленню такога надзвычай актуальнага і, галоўнае, тэарэтычна і практычна ўсімі прымальнага праекта – праекта XX ст. Уся сутнасць у тым, што прызнанне роўных правоў на гэтую зямлю немагчыма без новай «зямной» свядомасці, без істотнага, карэннага перагляду жыццёвага, маральна-этычнага, эстэтычнага, сацыяльнага, гістарычнага кодэкса, без прызнання роўнасці ўсіх перад усімі. Таму ў свядомасці паэта гэты факт існуе як віртуальная, гіпатэтычная магчымасць, роўная мастацкаму ўтапізму.

Зразумела, што і Міхала, галоўнага выразніка аўтарскай канцэпцыі жыцця, наяўны стан рэчаў не можа задаволіць таму, што пануючы лад жыцця антычалавечны, антымаральны, заснаваны на законах эксплуатацыі, насілля, прымусу, здрады. Таму што аснова жыцця – зямля – у сэнсе яе матэрыяльнага прысваення – для яго ўласнасць фіктыўная, не падмацаваная сацыяльна-

прававымі гарантыямі, не прызнаная заканадаўча. Таму ў паэме і нараджаецца трывожнае адчуванне нетрываласці, хісткасці існавання, няўпэўненасць у заўтрашнім дні. Вось чаму даводзіцца глыбока шкадаваць героям з той прычыны, што зямля – «ўсё ж не бацькаўшчына гэта», бо дадзена ў часовае карыстанне пад прымусам. Гэтая акалічнасць, што важна, хоць і не нараджае пачуцця варожасці, адарванасці ад зямлі, а, наадварот, дзякуючы высокай культуры земляробчых адносінаў узмацняе крэўную прыхільнасць, прымушае адносіцца да яе як да бяспечнага Божага дару, вялікай сакральнай каштоўнасці, – усё ж кардынальным чынам справы не мяняе. Нездзе ў глыбіні душы, можа і насуперак волі селяніна, укаранілася адчуванне прымусавой адчужанасці ад зямлі, часовасці карыстання яе дабротамі, бо ён разумеў марнасць затрачаных сіл на добраўпарадкаванне не сваёй «бацькаўшчыны» і прывядзенне ў належны стан чужога надзелу.

Паэма з першых і да апошніх радкоў уяўляе непераўзыходны ў нашай літаратуры гімн працы хлебароба на зямлі. У творы кожны радок прасякнуты адною думкаю: зямля павінна належаць толькі таму, хто на ёй працуе. І тады яна забяспечыць селяніну поўную волю, незалежнасць, дабрабыт, права на павагу. Толькі права ўласнасці на зямлю давала Міхалу надзею на вызваленне «з няволі цяжкай, з паланення». Мара пра сваю зямлю – такую жадаемую і такую недасяжную – спадарожнічала лесніку і дома, і ў лесе:

А дзе ж той выхад? дзе збавенне

З няволі цяжкай, з паланення?

Адзін ён ёсць: зямля, зямля,

Свой родны кут, свая ралля [2, с. 255].

Архетып «зямля» ў значэнні «глеба», «грунт», «палетак» у ранняй творчасці Аркадзя Куляшова ўжываўся ў прамым значэнні. Але ў філасофскім плане паэт пайшоў значна далей папярэднікаў, пры гэтым развіваючы пэўныя рысы і ўласцівасці першаснага архетыпа, паказанага рамантыкамі XIX ст. Бо для Куляшова зямля жывая, адухоўленая істота, якая ўсё разумее, здольная дапамагчы, паўплываць на душэўны стан персанажа. Таму і павага зямельцы аказваецца адпаведная, на першы погляд, можа падацца, што і звяртаюцца да яе, як да любай жанчыны. Адухоўленне дадзенага архетыпа мы знаходзім і ў творчасці Максіма Танка.

Гуманістычныя ідэі ў кожнай нацыянальнай літаратуры часта ўвасабляюцца ў сімвалічных вобразах, што існуюць спрадвечна. У беларускай мастацкай свядомасці замацавалася пэўная сукупнасць такіх вобразаў, абумоўленых прыродным асяроддзем і тыповымі рэаліямі, якія

наклалі пэўны адбітак на фарміраванне менталітэту нашага народа. У творчасці многіх пісьменнікаў архетыпам беларускага светаўспрымання лічыцца лес, балота, курган, крыж, вада і г. д. Вобразы гэтыя актыўна засвойваліся і творцамі-рамантыкамі XIX ст. Але ў некаторыя з іх на той час укладаўся іншы сэнс. Напрыклад, архетып *'курган'* у літаратуры XX ст. уяўляе сабой адраджэнскі сімвал. У творах першай паловы XIX ст. сімвалам адраджэння была *'гара'*. А архетыпу *'курган'* надавалася значэнне культавай абраднасці (А. Міцкевіч, верш «Курганок Марылі»).

Выключна як месца пахавання ўспрымаецца курган і ў творчасці Аляксандра Ходзькі, дастаткова толькі ўспомніць яго баладу «Маліны»:

Прарасла – мо нехта гляне? –

Я вярбою на кургане.

О мая вясна!» [1, с. 342].

Такое ж значэнне набывае курган і ў яго баладзе «Гербы»:

А ў кургане я лягу –

Хай сыны меч пры сцягу

Мой павесяць з сяброўкай-касою.

Ды па мне хай не плачуць,

Як той меч будучь бачыць –

Пакідаю для славы ім зброю» [1, с. 344].

Ануфры Петрашкевіч таксама не надае пэўнай шматзначнасці архетыпу *'курган'* у сваёй творчасці. Для яго – гэта не болей як звычайны элемент краявіду, затое архетып *'гара'* ў вершы «Роздум каля руінаў Гедымінавага замка» выступае як алегарычны вобраз цудоўнага ўзвышэння:

Плылі стагоддзі. Пад гарою

Сталіца велічная ўстала [1, с. 238].

Рамантычная ідэя ўзвышэння даўніны дамінуе і ў вершы Яна Чачота «Навагрудскі замак»:

На Замкавай ціхай гары колісь доўга

Я слухаў сцен даўніх каменне [1, с. 85].

Трансформацыя паняццяў *'гара'* – *'узгорак'*, *'узвышша'* – *'курган'* адбылася ў пачатку XX ст., калі Янка Купала ўводзіць у сваю спадчыну матыў кургана як скразны сімвал адраджэння:

Адны ў шар курганы –

Сведкі бітваў – стаяць... [3, с. 90],

(Над сваёй Айчынай)

А заплатай, а падзякай

За мільёны ран –

Усе крыжы і наспы тыя

Ды нямы курган [4, с. 37],

(Думка)

...Як званы на цёмнай вежы,

Стогнуць курганы [4, с. 87].

(Курганы)

Тут нельга не пагадзіцца з даследчыкам архетыпаў беларускага светаўспрымання докта-

рам філалагічных навук Іванам Чаротай, які сцвярджае, што архетып *'курган'* для перыяду рамантызму пачатку XX ст. з'яўляецца сімвалам адраджэння. Такую ж думку выказваюць У. Гніламёдаў, Т. Шамякіна, В. Каваленка. Іх выказванні вельмі трапна падыходзяць і для характарыстыкі архетыпа: *'гара'*, які ў творчасці рамантыкаў XIX ст. таксама з'яўляўся і сімвалам адраджэння былой славы, і сімвалам павязі мінулага і сучаснага, і сімвалам святасці. Што тычыцца апошняга, то В. Каваленка адзначае: «*Курган – не толькі своеасаблівае месца, але і святое. Святасць кургана або высокай горы мае міфалагічныя вытокі, бо ў пару язычніцтва культавыя абрады праводзіліся на самым высокім месцы, ад якога было бліжэй да неба*» [5, с. 154].

Сапраўды, архетыпы *'гара'*, *'узгорак'*, *'курган'* у сімволіцы, што ўвасабляла ідэю руху, абумоўліваліся ў асноўным духоўна-рэлігійнымі памкненнямі ўгару, «бліжэй да неба», дзе спрадвеку ва ўяўленні чалавека існаваў пантэон багоў; і не важна якіх – паганскіх ці рэлігійных – сімвалаў. Таму натуральна, што свята Купалы ў аднайменнай ідыліі Ануфрыя Петрашкевіча праходзіць на самым высокім месцы, якое аб'ядноўвае пад гэты час нават некалькі вёсак.

Архетыпы *'гара'*, *'курган'* падрабязна разгледжаны намі невыпадкова Па-першае, асабліваці беларускага рамантызму мы можам прасачыць праз спецыфічныя адметнасці ментальнасці народа, толікі яму, уласцівае светаўспрыманне праз уласныя сімвалы, архетыпы, міфалогію, фальклор і г. д. Па-другое, адной з тэмаў у абсягу творчасці рамантыкаў была сакралізацыя мінуўшчыны. А упамянёныя архетыпы *'гара'*, *'курган'*, *'узвышша'* сімвалізуюць менавіта павязь мінулага і сучаснага.

У апазіцыі да ўзвышанага архетыпа знаходзіцца архетып балотны. У паэме «Тукай, або выпрабаванне дружбы» Адам Міцкевіч падае гэтую апазіцыйную сімвалічную пару наступным чынам:

Дзе дрыгвы купчатай шыры

Абступіў гушчар сасновы,

На гары відаць Жарновай

Чуб насунуты са жвіру [1, с. 129–130].

Другім па значнасці ў творчасці беларускіх рамантыкаў XIX ст. з'яўляецца лясны архетып. Асабліва ён распаўсюджаны ў творчасці Адама Міцкевіча. У паэме «Пан Тадэвуш» мы нават сустракаем камбінаванне двух архетыпаў – ляснога і ўзвышанага – пры характарыстыцы роднага крэй, куды так імкнецца паэт:

...Так цудам зноў нас вернеш на Айчыны ўлонне.

Тым часам перанось дух сумны мой сягоння

У край **лясных узгоркаў** і лугоў духмяных [6, с. 307].

У гэтым жа творы мы бачым шчырую рэакцыю абурэння галоўнага героя паэмы з прычыны таго, што яго суразмоўцы аддаюць перавагу замежным краявідам і нязвыклым назвам дрэваў перад роднымі лясамі. «Калі ж пачалі пра гаі чужаземныя правіць і дрэваў гатункі чаргой пералічваць, славіць», ён пратэстуе:

Ці ж не харашэйшая наша бярозка-прасціна,
Што моў бы сялянка, якая аплакуе сына
Ці мужа ўдава, стаіць, рукі свае заламаўшы,
Струістыя косы з плячэй параспускаўшы.

І далей галоўны герой упікае свайго апанента:

Што Пан, жывучы на літоўскай багатай
раўніне,

Малюеш адно толькі нейкія скалы і пустыні... [6, с. 64].

Тут Міцкевіч не толькі заступаецца за родны краявід, але ўдала скарыстоўвае фальклорны вобраз-сімвал **'бяроза'**.

Адам Міцкевіч падае вобраз бярозы як сімвал жаночай долі, колас як сімвал еднасці, а дарога ў яго творчасці сімвалізуе і часава-прасторавую павязь пакаленняў, і вечны рух.

Цікава, што вобраз агню ў філаматаў выступае ў дзвюх супрацьлеглых іпастасях – як сімвал ачышчэння і сімвал знішчэння. Але дадзены архетып-сімвал у іх творчасці знайшоў сваё паэтычнае ўвасабленне ў цэлым шэрагу азначэнняў, і мы можам нават зрабіць пэўную градацыю слова **'агонь'**: агонь начлежны, агонь купальскі, агонь ахоўны, агонь ахвярны, агонь духоўны, агонь веры, агонь мяцежны, агонь бунтарскі, агонь рамантыкі, агонь грахоўны, агонь знішчальны. Змена стылістычнай функцыі лагічных азначэнняў выразна назіраецца пры ампліфікацыі (нагнятанні), калі цэлы шэраг азначэнняў уключаецца ў адну сістэму ацэнак-характарыстык, што ў значнай меры выклікае змест паяснёнага слова, у дадзеным выпадку назоўніка, паказвае яго семантычную разнастайнасць. Пацверджаннем таму можа з'яўляцца ідылія «Купала» Ануфрыя Петрашкевіча, упершыню прачытаная аўтарам на навуковым пасяджэнні Аддзела Таварыства філаматаў 26 снежня 1819 г. Ампліфікацыя архетыпа-сімвала **'агонь'** тут вядзецца ад агню дамашняга праз агонь купальскі, ахвярны, агонь весялосці, агонь кахання да агню ачышчальнага.

Нядзіўна, што вобраз-сімвал агню так дасканалы займаў увагу рамантыкаў: ён адухаўляўся беларусамі яшчэ са старажытнасці. Нашы продкі надзялялі агонь асабліва сцямі свайго характару. А ў дзень Купалы прыносілі яму ахвяры. Так, дзяўчаты ў ідыліі «Купала» Ануфрыя Петрашкевіча кідаюць у агонь

то пук зялёнага калосся, то льюць малако, каб Купала паспрыяў ураджаю і каб ведзьмы не рабілі сваіх заломаў, ды дапамог зберагчы ад порчы іх каровак. Агонь тут выступае як сімвал ачышчэння:

Палахна ў агонь пук зялёны калосся
Кідае і песню Купалы заводзіць,
З ёй хлопцы й дзяўчаты спяваюць у згодзе.
Што ж просіць дзяўчына ў Купалы за свой дар?
Паспрыяй жа ты ратаю,
Пахадзі ягонай нівай.
Хай жа ён панастаўляе
У жніво шмат коп шчасліва [1, с. 241].

У другім вершы «Роздум каля руінаў Гедымінавага замка» Ануфрыя Петрашкевіч ужывае архетып-сімвал **'агонь'** як абарончы, знішчальны, але ў завяршэнні верша надае яму нечаканую змястоўную функцыю – сімвала веры ў будучыню.

Сімвал-архетып **'агонь'** неаднаразова сустракаецца ў творчасці Адама Міцкевіча – у вершы «Сябрам», баладзе «Рыбка», санеце «Гара Кікінес» і іншых творах. Дадзены сімвал актыўна скарыстоўваецца і ў сучаснай паэзіі. Аркадзь Куляшоў нават вынес найменне **'агонь'** у заглавак свайго верша.

Рамантыкі добра ведалі антычную міфалогію. Але беларускія фальклорна-міфалагічныя вобразы больш шчодро насяляюць творчасць рамантыкаў XIX ст. Найбольшая ўвага надаецца прадстаўнікам ніжэйшай міфалогіі. Вобраз берагіні, свіцязянкі, ундзіны – цікавы і загадкавы ў баладным жанры. Толькі ў творчасці А. Міцкевіча – гэта і паганскі сімвал уладаркі водных глыбіняў у баладзе «Свіцязь»:

Аднак раскажу я! Не рыбу спаймалі;
У сецях – кабета жывая!
Твар – ясны і гожа, а вусны – каралі
Да плеч валасоў лён спадае [1, с. 38].

І вобраз пакінутай каханым дзяўчыны ў баладзе «Рыбка»:

«...Што для здраджанай каханкі
Ёсць яшчэ на гэтым свеце?
Я іду к вам, Свіцязянкі...

Сын сіроткай застаецца» [1, с. 108–109].

І духа вады – ундзіны (ад лац. *unda* – хваля). Гэты міфалагічны вобраз запазычаны ў народаў Заходняй Еўропы. Але вось імя **'русалка'**, якое ўласцівае ўсходнеславянскай міфалогіі, у баладзе мы не знойдзем. Яно заменена прыдуманым філаматамі найменнем **'свіцязянкі'** ці народным словам **'беражніцы'**. І толькі ў больш позніх творах Адама Міцкевіча (у паэмах «Гражына», «Пан Тадэвуш») мы сустракаем найменне **'русалка'**.

Ёсць каля Коўна такая даліна –
Сцелюць **'русалкі'** там дзіўнае квецце
Летняй парою і весняй гадзінай... [1, с. 199].

У названых паэмах загадкавыя міфічныя прыгажуні таксама робяць аповед больш каларытным і самадастатковым, але ў фантастычным свеце беларускіх балад з дапамогай ніжэйшых істотаў праводзіцца мяжа паміж добром і злом. Бо рамантычны свет балад, у процівагу рэчаіснасці, падпарадкаваны строгім маральным правілам, парушэнне якіх абавязкова будзе заўважана вышэйшымі сіламі, і здрада, нявернасць, душэўная чэрствасць будуць пакараны пэўным «цудам». Так, пан у баладзе «Рыбка» за здраду каханай ператварыўся разам са сваёй маладой жонкай у камень, пакарана няверная жонка і хцівыя браты ў паэме «Лілеі» А. Міцкевіча. Пакараны забойцы ў баладах Я. Чачота «Свіцязь» і Тамаша Зана «Свіцязь-возера» і іншых. А ў паэмах ніжэйшых істоты, і русалкі ў тым ліку, прысутнічаюць больш для каларыту і значнай ідэйнай функцыі не нясуць.

З гэтага назірання мы можам зрабіць выснову, што для паэмаў Адам Міцкевіч падбірае ніжэйшыя міфалагічныя істоты не абавязкова з улікам мясцовых іх назваў, а часцей падае ўсходнеславянскі варыянт '*русалка*', бо не звязвае прысутнасць міфалагічных гераінь з пэўным народным падданнем.

Філаматы дакладна перадаюць язычніцкія звычкі і абрады беларусаў. Варта звярнуцца да творчасці Адама Міцкевіча. У вершы «Пралеска» кветка «мае» душу, і аўтар размаўляе з ёй, як з жывой істотай. У паэме «Дзяды», цалкам пабудаванай на ўспрыняцці рэалій «іншасвету», дасканалыя выпісаны язычніцкі абрад беларусаў – памінанне продкаў, далей ідуць міфічныя вобразы свіцязянак, беражніц, ундзін, якія таксама вядомыя беларусам з часоў язычніцтва.

Агульнай асаблівасцю баладаў Я. Чачота «Бекеш», «Наваградскі замак», «Калдычаўскі шчупак», «Падземны звон на горцы ў Пазяневічах», «Радзівіл, або заснаванне Вільні», «Узногі», «Мышанка», «Свіцязь» было тое, што ў іх спалучаліся два пачаткі – асветніцка-рэалістычны і рамантычны. Па-майстэрску ў абсяг сваіх баладаў уводзіць творца казкі і народныя падданні. Яны не толькі вызначалі развіццё падзей, але пастаянна падводзілі да дыдактычна-маралізатарскай канцоўкі, стварыць якую аўтару часта дапамагаў удзел у творах прадстаўнікоў «ніжэйшай» міфалогіі.

Вобраз дзяўчыны-беражніцы з балады «Мышанка» Яна Чачота, што выбрала водныя хвалі замест бясчэсця, якая «перад Юр'ем на бераг з-пад раскі выходзіць» і расквечвае кветкамі-мінушкамі наваколле, узяў для сваёй паэмы «Свіцязь» Адам Міцкевіч, але беражніцу ён ператварае ў свіцязянку, надае ёй функцыю

гаспадыні водных глыбіняў (уяўнай карціны іншасвету), якая таксама расквечвае наваколле кветкамі. Але гэта – свіцязянка (цары) – кветкі не ўцехі, як у Чачота, а знак помсты ворагам за здзек.

Даволі часта ў творчасці беларускіх рамантыкаў з'яўляецца і яшчэ адзін вобраз народнай беларускай міфалогіі – *хохлік*. Гэта дураслівы, але даволі хітры чорцік. Ён дражніцца з людзьмі, жартуе з іх, але не робіць ім вялікай шкоды. Антоні Эдвард Адынец нават выносіць імя гэтай міфалагічнай істоты ў назву свайго верша.

Хохлік я, жыву я між людзьмі заўсёды,
Іх дразню, ды толькі не раблю ім шкоды.
Падурэць люблю я, час на жарты трачу,
Хоць я невядомы, сам жа ўсё, усё бачу
[1, с. 353].

Амаль праз стагоддзе Янка Купала таксама звернецца ў сваім вершы да міфічнага вобраза хохліка і назаве свой верш яго імем:

Як зайграе ў лесе **хохлік**, –
Замірае песень воклік,
Як зачэпіць мох і лозы, –
Аджываюць смех і слёзы... [7, с. 17].

У творчасці Янкі Купалы гэта міфалагічная істота аднесена да нечысці, бо пад дудку хохліка скача ведзьма, а ваўкалак «за дамавінай выпузае на пуціну». Да таго ж хохлік наводзіць чары на лес і палі, абарачае іх у «сухалессе і пуствацет».

Вышэйшыя міфалагічныя істоты ў творчасці рамантыкаў XIX ст. сустракаюцца значна радзей. Гэтым яны як бы хацелі падкрэсліць сваю сувязь з простым народам, які, па іх меркаваннях, суіснаваў супольна з героямі «ніжэйшай» міфалогіі. Тым не менш, прысутнасць паганскіх багоў пастаянна адчуваецца ў творах.

У баладзе «Узногі» Пярун карае сквапнасць і жорсткасць пана, які да смерці забівае сялян, калі тыя што-небудзь возьмуць з лесу.

Гэтая дзея паўтараецца і ў паэме Яна Чачота «Свіцязь», але тут вышэйшае паганскае бажаство карае ўжо за здраду.

Мы бачым помсту Перуна, але не бачым яго самога. Вышэйшае бажаство прысутнічае нябачна, але менавіта яно становіцца справядлівым суддзёй і вырашалнікам лёсу людзей.

Так праз уласнабеларускую міфалогію рамантыкі XIX ст. імкнуліся сваёй творчасцю выхоўваць нацыянальную свядомасць, каб праз яе больш актыўна і творча ўспрымаць агульначалавечыя ідэалы. Гэтай мэце служыць і хрысціянская міфалогія, уведзеная філаматамі ў паэмы і балады. Бо жыць трэба па закону хрысціянства нават тады, калі ўшаноўваюцца паганскія багі. У ідыліі «Купала» Ануфрыя

Петрашкевіча стары мудры дзед не дазваляе закаханаму Аніску прынесці ў ахвяру Купалу белага, убранага ў кветкі, баранчыка:

Ды дзед устрымаў «Ад заўчаснага дару

На вёску ўсю можаш наклікаць ты кару.

Мы Богу нясем сэрцаў чулых багацце,

Ты ж сёння праліць кроў сабраўся на свяце!» [1, с. 243].

У дадзеным эпізодзе яскрава праяўляецца ментальнасць беларуса – яго здольнасць шанавання ўсіх божастваў: і паганскіх, і хрысціянскіх.

Заклучэнне. Але рамантычны сімвал – гэта не толькі вобраз ці знак ідэі, а сапраўднае жыццё самой ідэі. І кожны раз гэты сімвал выконвае дакладна акрэсленую рамантыкамі функцыю па адлюстраванні традыцыйных міфапаэтычных ўяўленняў беларусаў пра прастору і час, іх ментальныя рысы перадаюцца і праз архетыпы: зямля, агонь, вада, гара, узгорак і г. д. Такім чынам, кожная нацыянальная літаратура ўбірае ў сябе ментальныя рысы таго народа, якому належыць.

Літаратура

1. Філаматы і філарэты: зборнік / склад. К. Цвірка. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 1998. – С. 38–344.

2. Колас, Я. Новая зямля: паэма / Я. Колас. – Мінск: БФК, 2002. – С. 255.

3. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 1995–2003. – Т. 1: Вершы, пераклады. – 1995. – С. 90.

4. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 1995–2003. – Т. 2: Вершы, пераклады 1908–1910–1996. – С. 87.

5. Каваленка, В. Міфапаэтычныя матывы ў беларускай літаратуры / В. Каваленка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – С. 153–154.

6. Міцкевіч, А. Пан Тадэвуш або апошні наезд у Літве / А. Міцкевіч. – Мінск: Маст. літ., 1998. – С. 307–318.

7. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 1995–2003. – Т. 3: Вершы, пераклады. – 1911–1914–1997. – С. 17.

Паступіў 02.04.2010

УДК 811.161.1'243

Т. А. Козлякова, ст. преподаватель (БГТУ)

МЕСТО УСТНОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

В статье рассматриваются особенности формирования устной научной речи иностранных студентов. Отмечаются различия между диалогической и монологической формами речи. Описываются лингвистические и экстралингвистические особенности научного стиля. Выявляются схожие и отличительные черты устной научной речи с ее письменным вариантом и с устно-разговорной литературной речью обиходно-бытового характера. Подчеркивается, что специфика устной научной речи, своеобразие построения в ней языковых средств должно обязательно учитываться в практике преподавания русского языка как иностранного.

The article dwells upon the peculiarities of foreign students' scientific oral speech. The author highlights the differences between dialogue and monologue and the linguistic and extra linguistic features of scientific style. Similar and distinctive features of scientific oral speech with its written form and with colloquial speech are considered. The author reveals the idea of oral scientific speech specific character and the necessity of its taking into account in the process of teaching Russian as a foreign language.

Введение. В методике преподавания русского языка как иностранного большое внимание уделяется изучению языка специальности, овладение которым предполагает формирование и развитие всех видов речевой деятельности на материале специальности. Особое место отводится работе над устной речью на основе научного стиля. Основной формой говорения является монологическая речь. Учебный диалог строится на том же материале, что и монолог. Однако диалогическая форма речи не составляет ядра речевой организации процесса обучения [1].

Различия между диалогической и монологической формами речи значительны. По мнению Е. И. Мотиной, информация монологического сообщения представляет собой цепь логически связанных суждений, которые прямо и непосредственно адресованы к сознанию слушающего, призваны воздействовать на его разум. К учебному диалогу прибегают в целях большего разъяснения, уточнения, проверки понимания отдельных частей содержания той или иной темы.

Вместе с тем при обучении иностранных студентов научной монологической речи необходимо учитывать ее лингвистические и экстралингвистические особенности: подчеркнутая логичность, отвлеченность и обобщенность, абстрактность, точность, объективность. В связи с этим научная речь отличается языковыми средствами всех уровней, главная характеристика которых – «не только избирательность морфологических категорий и словоформ, типов словосочетаний предложений, но и избирательность функциональных значений, выраженных ими».

Основная часть. Исходя из лингвистических и экстралингвистических особенностей научного стиля монологическое высказывание

следует рассматривать как монолог, ведущийся от 3-го лица, без оценки излагаемого, когда в центре внимания адресата находится не произносимый монолог, а содержание, логическая последовательность сообщения [2].

Безусловно, развитие навыков монологической и диалогической речи студентов предполагает подключение не только слухового восприятия, но и зрительной памяти. Поэтому очень важное значение приобретают навыки письменной речи.

Чтобы правильно использовать устную и письменную формы речи в обучении, необходимо хорошо представлять различие между ними. Рассмотрим схожие и отличительные черты устной научной речи с ее письменным вариантом и с устно-разговорной литературной речью обиходно-бытового характера.

1. Многие исследователи отмечают общественную сферу общения как главный экстралингвистический фактор. Для обеих форм научной речи (устной и письменной) характерна научная сфера общения. Однако устное научное изложение отличается от устно-разговорной речи бытового характера, для которой свойственна бытовая сфера общения.

2. Происходит совпадение двух форм научной речи и по экстралингвистическому фактору «содержание», так как научная речь в обеих ее формах реализации относится к речи на темы науки.

3. Известно, что язык как социальное явление выполняет различные функции, которые связаны с разнообразными сферами человеческого общения. Вопрос о функции как один из главных экстралингвистических факторов рассматривался многими лингвистами. Как для научного стиля вообще, так и для устной научной

речи характерна функция сообщения, поскольку главной целью научной речи в письменной и в устной формах является передача информации. Для обиходно-бытовой речи основной функцией выступает общение. Устной научной речи функция общения также присуща. Однако в устной сфере научной речи эта функция всегда односторонняя, так как активным участником коммуникации является лишь выступающий. Как отмечает Т. Д. Карпова, устной научной речи характерна и функция воздействия, которая, по мнению В. В. Виноградова, свойственна публицистическому и художественно-беллетристическому стилю [3]. Вместе с тем для устной публичной речи все три указанные функции представляются равнозначными.

4. Если рассматривать степень подготовленности устной научной речи, то можно отметить сближение двух форм научной речи: устный текст так же, как и письменный, является заранее подготовленным, продуманным, но в таком жанре, как научная дискуссия, звучит спонтанная речь, поэтому устная научная речь соотносится с обиходно-бытовой.

5. Как уже отмечалось, устная и письменная научная речь характеризуется логической последовательностью изложения, упорядоченной системой связи между частями высказывания, стремлением авторов к точности, сжатости, однозначности выражения при сохранении насыщенности содержания. О языке ученых нередко говорят, что он отличается «сухостью», лишен элементов эмоциональности и образности [4]. Так, в докладе, статье на сугубо научную тему практически отсутствует эмоциональность и субъективно-оценочная экспрессивность.

Однако для научно-популярного подстиля научной речи в двух ее формах эмоциональная экспрессивность является неотъемлемой чертой. В этом жанре наблюдается сближение устной научной речи с разговорной. То же можно сказать и о таких жанрах, как выступление и лекция.

6. Связь между устной научной и устной разговорной речью проявляется в их адресованности и контактности, а также в установлении учета восприятия слушающего. Так, лектор, выступающий или докладчик всегда ориентируются в своей речи на слушающую аудиторию. В свою очередь слушающий также пытается показать свое отношение к услышанному. В устной разговорной монологической речи это могут быть прямые реплики с той или иной оценкой услышанного.

По мнению Е. А. Земской, для разговорной речи характерна не монологическая речь, а диалогическая [5]. Для устной научной речи, напротив, свойственна монологическая речь, которая

проявляется в таких жанрах, как лекция, выступление и доклад. В беседах на научную тему, научных дискуссиях могут наблюдаться лишь элементы диалогической речи, которые обычно возникают при адресации говорящих друг к другу в начале или в конце выступлений. Как отмечает О. А. Лаптева, для устной научной речи ведущей является монологическая форма, поскольку диалог в чистом виде (т. е. попеременная смена коротких по величине реплик как, например, в разговорной речи) в данной сфере научной речи практически не встречается. Интеллектуализированный характер устной речи требует распространенных реплик, имеющих вид законченного высказывания.

Отмеченные стилистические характеристики свидетельствуют о специфике устной научной речи монологического характера как одной из функциональных разновидностей научной речи, заключающейся в том, что, с одной стороны, на нее существенное влияние оказывает письменная научная речь, а с другой – разговорная речь. Устная научная речь соотносится с письменной научной речью и разговорной речью по различным экстралингвистическим факторам. Связь устной и письменной форм научной речи, проявляющаяся в информативном отношении, делает устную научную речь монологического характера интеллектуализированной, насыщенной письменно-литературными и книжными элементами.

Вместе с тем устно-разговорная литературная речь обиходно-бытового характера оказывает воздействие на устную научную речь монологического характера, но по силе влияния значительно уступает письменной научной речи. Исходя из фактора «устная форма речи», обуславливающего принципиальную необходимость использования устно-разговорных средств, О. А. Лаптева включает устную научную речь в устно-разговорную разновидность современного литературного языка, понимая под устной научной речью речь публичного общения на темы науки и специальности [6].

Разнонаправленность функций, устная форма реализации и одновременная соотнесенность с книжно-письменными текстами позволяют совмещать в устной речи такие разнохарактерные признаки, как книжность, письменность, интеллектуальность, логичность, ясность, подготовленность, официальность, монологичность, с одной стороны, и стилиевая нейтральность, устность, разговорность, публичность, адресованность, контактность, автоматизированность, экспрессивность, с другой стороны.

По мнению О. А. Лаптевой, в устном тексте (сюда мы относим и устный научный текст) в

силу должно вступать требование простоты и ясности изложения, четкости излагаемой мысли, широкого использования живых примеров и иллюстраций. Эти особенности устной речи допускают текстовые и лексические повторы, ассоциативные вставки, использование образных средств, вводных слов субъективно-модального и эмоционально-оценочного характера, а также различных устно-разговорных типизированных синтаксических построений, таких как конструкции с именительным темой, конструкции бессоюзного подчинения, конструкции наложения. В таких текстах, как правило, преобладают предложения простой структуры, в которых исчезают цепочки последовательно управляемых падежей, характерных для письменно-книжных текстов, предложно-именные конструкции заменяются придаточными предложениями, длинные предложения усложненного состава преобразуются в более короткие.

Заключение. Итак, специфика устной научной речи, своеобразии построения в ней языковых средств должны обязательно учитываться в практике преподавания русского языка как иностранного. Важно определить методические принципы обучения связной монологической речи, а также принцип отбора материала. Методика обучения устной речи должна основываться на разработке рациональных приемов обучения, которые в свою очередь опирались бы на выявлении языковых харак-

теристик устной речи. Это позволит сделать обучение монологическому говорению на темы специальности более эффективным, и получаемый в итоге результат будет соответствовать реальным особенностям естественной русской речи.

Литература

1. Мотина, Е. И. Язык и специальность: Лингвометодические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов / Е. И. Мотина. – М.: Рус. яз., 1988. – С. 9.
2. Митрофанова, О. Д. Научный стиль речи: Проблемы обучения / О. Д. Митрофанова. – 2-е изд. – М., 1985. – С. 85.
3. Карпова, Т. Д. Лексико-синтаксические средства эмоционально-экспрессивного воздействия в устной речи монологического характера: дис. ... канд. филол. наук / Т. Д. Карпова. – М., 1979.
4. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика / Д. Э. Розенталь. – М.: ОНИКС 21 век: Мир образования, 2001. – С. 21.
5. Земская, Е. А. Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. – М.: Рус. яз., 1979. – С. 6.
6. Лаптева, О. А. Современная русская публичная речь в свете теории стиля / О. А. Лаптева // Русский язык. – № 16. – 1978. – С. 27.

Поступила 02.04.2010

УДК 008(476)«15/16»

Г. Ф. Швед, выкладчык (БДТУ)

БЕЛАРУСКАЕ БАРОКА

Беларускае барока, адметны варыянт еўрапейскага, мела значныя мастацкія каштоўнасці. Дзякуючы спалучэнню кніжных і фальклорных традыцый, барока стымулявала на Беларусі пераход да новай літаратуры. Па сутнасці, гэта быў першы агульнанацыянальны стыль, бо ён ахопліваў ўсе класы і саслоўі таго часу, усе віды беларускай культуры. З'явіліся новыя віды і жанры мастацкай вытворчасці. Адкрыўся больш шырокі погляд на свет і чалавека. Веданне гэтага спрыяе развіццю лінгвакультуразнаўчай кампетэнцыі, пашырэнню кругагляду будучых спецыялістаў.

Belarusian Baroque as a distinctive variant of European had significant artistic values. Thanks to the combination of book and folk traditions, Baroque enmeshed transition to the new literature in Belarus. Essentially, it was the first "nation-wide" style, since it has covered all classes and estates of that time, all genres of Belarusian culture. New types and genres of art had developed an wider view of world and man had opened. Knowledge of this helps to develop linguocultural competence, broadening horizons of future specialists.

Уводзіны. У цэлым культура эпохі Контррэфармацыі развівалася ў кірунку барока. Ідэйна-мастацкія крыніцы яго стылю асабліва яркая выявіліся ў паэзіі (Сімеон Полацкі, Андрэй Белабоцкі і інш.), архітэктуры, скульптуры, выяўленчым і дэкаратыўна-прыкладным мастацтве.

Кірунак барока ўзнік у другой палове XIX ст. у Італіі і Іспаніі, у сярэдзіне стагоддзя дасягнуў межаў Беларусі, дзе знайшоў спрыяльную глебу.

Беларуская літаратура і мастацтва канца XVI – першай трэці XVIII ст., эпохі Контррэфармацыі, развівалася пераважна ў рэчышчы барока. Творчыя дасягненні ў гэтым стылі, безумоўна, выкарыстоўваліся контррэфарматарамі ў сваіх ідэалагічных мэтах. Аднак барока як ускладнены (у параўнанні з Рэнэсансам) мастацкі кірунак (стыль) умяшчае ў сябе намнога больш шырокі сэнс, чым толькі кансерватыўныя ў цэлым ідэі каталіцкай Контррэфармацыі: ён існаваў не толькі ў каталіцкім, але і ў пратэстанцкім, праваслаўным, уніяцкім асяроддзях (г. зн. стаў агульным для беларускай нацыянальнасці), быў здольны выказаць і «прагрэсіўныя з'явы эпохі» (Дз. Ліхачоў). Будучы другасным (зноў жа ў дачыненні да Рэнэсансу) і таму вельмі фармалізаваным, барока лёгка пераступала класава-саслоўныя, нацыянальныя і канфесійныя бар'еры.

Асноўная частка. У развіцці беларускай літаратуры і мастацтва эстэтыка барока з'явілася значным крокам наперад, таму што яна несла з сабой новае, ускладненае бачанне свету і чалавека, макра- і мікракосмасу. Узрасло імкненне твораў да сінтэзу, што прывяло да з'яўлення сінтэтычных жанраў (*школьная драма*, пастаноўкі якой суправаджаліся спевамі, танцамі і беларускімі інтэрмедыямі). У розных рэгіёнах Еўропы, у тым ліку і ў беларуска-ўкраінска-лі-

тоўскім, агульныя барочныя тэндэнцыі лёгка і хутка ўваходзілі ў кантакт з мясцовымі, часта народнымі традыцыямі, што прыдавала творах, якія нарадзіліся на такім рубяжы, непаўторнасць і нацыянальны каларыт. Гэтае агульнае сцвярджанне лёгка праілюстравалі прыкладамі, узятымі з беларускага культавага і грамадзянскага дойлідства, выяўленчага, музычнага, тэатральнага і дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва (асабліва яркія з іх – драўляныя цэрквы на Палессі, партрэты Радзівілаў, пастаноўкі нясвіжскага прыдворнага тэатра, карэліцкія габелены, шкло, створанае ў налібоцкай і ўрэцкай гутах).

Тыя ж агульныя заканамернасці выявіліся і ў тагачаснай беларускай літаратуры. Яна з'яўлялася састаўной (на жаль, яшчэ не вядучай) часткай шматмоўнай літаратуры Беларусі, куды ўваходзілі творы на польскай, лацінскай, царкоўнаславянскай і іншых мовах. Барока тут з'яўлялася тады вядучым, але не адзіным кірункам. Яно выступала ў спалучэнні з сярэдневяковымі, рэнэсанснымі і раннекласіцыстычнымі з'явамі.

Беларускае барока мела шмат агульнага з Рэнэсансам і Сярэдневякоўем, а таксама і адметнага ад іх. У цэлым эстэтыка барока, як і сярэдневяковая, з'яўлялася ідэалістычнай. Прягожае – сцвярджалі яе тэарэтыкі, у тым ліку М. Сарбеўскі, які выкладаў у Полацкай калегіі на пачатку XVII ст., – у рэальнасці не існуе. Вытокі яго – у духоўным, у душы пісьменніка. Прамое, непасрэднае адображанне замянялася ўскосным, адлюстраваным, зашыфраваным. Літаратурны твор ператвараўся ў суцэльную метафару, дзе сапраўдны, скрыты сэнс адной з'явы перадаваўся праз нешта другое, падобнае або палярна супрацьлеглае, набываў шматзначнасць. Чытач або глядач не павінен быў суадносіць прачытанае ці ўбачанае з

жыццём, а толькі параўноўваць з іншымі творамі, інтэрпрэтаваць у адпаведнасці з уласнай фантазіяй. Усё гэта паядноўвала новы кірунак з Сярэдневякоўем.

Аднак барока з'явілася не толькі адмаўленнем рэнесансных традыцый, але і іх працягам. Сярэдневякоўе тут сінтэзавалася з Рэнесансам, што выявілася ва ўзаемапранікненні мастацкага і навуковага мыслення, «прыемнага» і «карыснага». Было прадоўжана распачатае Рэнесансам разбурэнне сярэдневяковага светасузірання. Жыццё стала паказвацца больш усебакова – у яго дыялектычнай зменлівасці і супярэчлівасці, дынамічным руху, складаных сувязях.

Характарызуючы агульныя рысы барока (супярэчлівае, кантрастнае спалучэнне розных традыцый і тэндэнцый, ірацыянальнага і рацыянальнага пачаткаў, апеляцыя да пачуццяў, эмоцыяў, перавага формы над зместам, алегарычнасць, арнаментальнасць, эмблематычнасць і інш.), трэба акцэнтаваць увагу на тых яго асаблівасцях, якія мелі істотнае значэнне для фармавання новай беларускай літаратуры, беларускага мастацтва.

Найперш тут трэба сказаць, што ў параўнанні з Рэнесансам і класіцызмам эстэтыка барока адрознівалася большай метафарычнасцю, адкрытасцю, «галерантнасцю». Прыхільнікамі новага кірунку не толькі пашыраліся агульнаеўрапейскія каноны, але і дапускаліся адхіленні ад іх. Барока хутка і лёгка засвойвала мясцовыя традыцыі, у кожнай краіне набывала індывідуальнае аблічча. Усходнеславянскаму, у тым ліку і беларускаму барока, такую індывідуальную непаўторнасць надавалі візантыйска-царкоўнаславянскія традыцыі, арыентальныя (усходнія) павевы, выкліканія кантактамі (у тым ліку і ваеннымі) з мусульманскім светам (туркамі, татарамі), урэшце, глыбінная і трывалая сувязь з народнай творчасцю, язычніцкай міфалогіяй. Барока з'явілася тут першым мастацкім кірункам, які актыўна сінтэзаваў (у беларускай песеннай лірыцы, інтэрмедый, сатыры) кніжныя, агульнаеўрапейскія элементы з фальклорнымі, мясцовымі. Такая асіміляцыя народных традыцый садзейнічала пераходу да новых мастацкіх формаў, развіццю нацыянальных літаратур, прыпыняла ўтварэнне ў іх класіцыстычных тэндэнцый, варажых у дачыненні да фальклору. Новы кірунак адкрываў прамы, хаця і нялёгка, шлях да стварэння новай беларускай літаратуры.

Другой асаблівасцю барока, вельмі важнай для разумення заканамернасцей развіцця беларускай літаратуры і мастацтва гэтага перыяду, з'яўляецца тое, што яно інтэнсіфікавала працэс узаемадзеяння культур, стымулявала аб-

мен мастацкімі каштоўнасцямі паміж славянскімі краінамі і рамана-германскай Еўропай. Узнікнуўшы ў другой палове XVI ст. у Італіі і Іспаніі, новы кірунак да канца таго ж стагоддзя дасягнуў межаў Чэхіі і Польшчы, а адтуль – украінскіх і беларускіх зямель, дзе знайшоў спрыяльную глебу. У ролі пасрэдніка выступала тут польская літаратура, чые прадстаўнікі (Д. Набароўскі, А. Карmanoўскі, З. Морштын, М. Сарбеўскі) нарадзіліся або жылі і працавалі на тэрыторыі Беларусі. Пранікненню на Беларусь новага мастацкага стылю і мыслення садзейнічала таксама ўкраінская літаратура, выкладчыкі паэтыкі і рыторыкі Кіева-Магілянскай калегіі (акадэміі). У сваю чаргу беларуская літаратура з'явілася, як і ўкраінская, правадніком барочных эстэтычных канцэпцый далей на ўсход, у Расійскую дзяржаву (Сімяон Полацкі, Андрэй Белабоцкі, аўтары беларускіх інтэрмедый, што выконваліся ў Смаленску і Цверы).

Беларускае барока, безумоўна, узнікла і развівалася на хвалі Контррэфармацыі, сярод феадальнай эліты – у магнацкіх палацах, шляхецкіх маёнтках, манастырскіх школах. Аднак няправільна было б, як гэта рабілася ў працах часоў таталітарызму, зводзіць усе яго праявы да рэакцыйна-арыстакратычнага «віціцтва», «пляцення славы». Новы кірунак вызначаўся разнастайнасцю, шматпланавасцю. Па сутнасці, гэта быў першы «агульнанацыянальны» стыль, бо ён ахопліваў усе класы і саслоўі таго часу, усе віды беларускай культуры. І справа тут не ў «стракатасці», якая, па словах Д. Чыжэўскага, арганічна ўласціва барока, а ў тым, што ў межах агульнага кірунку эпохі спалучаліся розныя ідэйна-палітычныя і фармальна-стыльовыя тэндэнцыі.

Барока мела тры «шцілі», што прыйшлі па спадчыне з антычнай паэтыкі. Высокі «шціль», які адрозніваўся ўскладненасцю формы, рытарычнай прыўзнятасцю і метафарычнасцю, знаходзіў на Беларусі прыхільнікаў пераважна сярод апалячанага ўжо магнацтва, вышэйшага каталіцкага, праваслаўнага, уніяцкага і пратэстанцкага духавенства. На гэтым узроўні аўтары часцей за ўсё карысталіся не беларускай, а больш «высокімі» – польскай, лацінскай і царкоўнаславянскай мовамі (старажытнабеларуская ж, якая сустракалася ўжо даволі рэдка, архаізавалася, насычалася царкоўна-славянствамі і лацінізмамі). Таму ўласнабеларуская літаратура ўказанага перыяду амаль не ведала такіх жанраў высокага «шцілю», як гераічная паэма, ода або трагедыя. Мы можам гаварыць пра існаванне гэтых жанраў у беларускай літаратуры толькі на польскай і лацінскай мовах.

З пункту гледжання фармавання новай беларускай літаратуры куды больш перспектыўным было «сярэдняе» барока, распаўсюджанае сярод дробнай шляхты, гараджан, шкаляроў, ніжэйшага духавенства. У адрозненне ад высокага, сярэдня «шціль» характарызаваўся большай ураўнаважанасцю, сузіральнасцю (філасофская лірыка). Сюды лягчэй пранікалі мясцовыя фальклорныя элементы (песенна-інтымная лірыка).

Урэшце, існаваў нізкі, блізкі да народнага «шціль», сацыяльнай асновай якога з'яўлялася беларускае сялянства, плябейскія слаі гарадскога насельніцтва, збяднелая шляхта. У формах нізкага «шцілю» знаходзілі сваё выяўленне антыфеадальная апазіцыя, настроі народных мас. На хвалі барока тут узніклі і развіваліся травестацыя і бурлеск, якія, па словах украінскага даследчыка І. Іваньё, сталі пераходным моцікам ад старажытнай літаратуры да новай. Да арыгінальных з'явішчаў беларускага «народнага» барока трэба аднесці парадыйныя калядкі, макаранічныя вершы, батлеечную драму, часткова інтымную лірыку. Парадыруючы ўзоры высокага «шцілю», прасякаючыся фальклорнымі элементам, творы, што ўзніклі на гэтым узроўні барока, садзейнічалі адміранню старога пісьменства і фармаванню новага.

З «высокім» барока была звязана зыходная лінія развіцця беларускай літаратуры пераходнага перыяду, а з «сярэдным» і «нізкім» – узыходная. Усе тры «шцілі», вядома, не існавалі ізалявана. Межы іх акрэслены слаба. Паміж усімі «пластамі» барока ішло бесперапыннае ўзаемадзеянне, узаемапрапаніненне ідэй і мастацкіх формаў, доказам чаму могуць служыць некаторыя канты, калядкі, віншавальныя вершы.

Заканмернасці развіцця беларускай літаратуры пераходнага перыяду, барацьба ў ёй старога і новага пачатку найбольш выразна выявіліся ў барочнай паэзіі. Духоўная, тэацэнтрычная вершатвочасць, якая цалкам змяшчалася ў межах высокага «шцілю» барока, усё больш рашуча выцясялася свецкай, антрапацэнтрычнай, якой больш падыходзілі сярэдня і нізкі «шцілі». У рэлігійных вершах і кантах з'яўляліся нападфальклорныя элементы, што разбуралі іх «знутры» (вершы на прыезд у Вільню біскупа Шэмбака і наведанне Пінска біскупам Стафанам, якія, хутчэй за ўсё, належыць пярэду Д. Рудніцкага). З духоўнай вершатвочасцю была звязана старая традыцыя, са свецкай – новая, найбольш перспектыўныя тэндэнцыі.

Духоўная паэзія бытвала пераважна ў элітарных колах, уяўляла з сябе «вертоград» для выбраных. Стваралася яна на польскай, лацінскай, царкоўнаславянскай і зрэдку старабела-

рускай мовах. Сюжэты і вобразы духоўнай паэзіі браліся з Бібліі, жыццяў святых (вершы пра Міколу, Варвару), заходнееўрапейскіх містыкаў. Гэтым вершаваным твораў уласцівы рытарычная прыўзнятасць, ускладненая метафарычнасць, «цёмнасць», якую чытачу трэба было «праясніць», напружваючы ўяўленне. Найбольш значнымі прадстаўнікамі высокага «шцілю» ў паэзіі былі Сімяон Полацкі і Андрэй Белабоцкі, чья мастацкая спадчына адначасова належыць беларускай і рускай літаратурам. Твораў гэтых аўтараў уласцівы падкрэсленыя эмацыянальнасць, гіпербалізацыя пачуццяў, кантраснае супрацьпастаўленне супрацьлеглых пачаткаў і паняццяў – зямнога і вечнага, агіднага і цудоўнага, жыцця і смерці, зла і добра, цемры і святла, вады і агню, якія знаходзяцца ў барацьбе, дыалектычным узаемапрапаніненні.

У параўнанні з рэлігійна-панегірычнай, элітарнай паэзіяй больш свецкі і дэмакратычны характар мела грамадска-філасофская лірыка. Яе развіццё было абумоўлена тым, што, звяртаючыся да пачуццяў чалавека, барока раскрывала і яго ўнутраны свет, узмацняла суб'ектыўны пачатак у літаратуры. Мікракосмас чалавечай душы цікавіў тады паэтаў больш, чым аб'ектыўны свет.

Заканмернасцямі пераходу ад старой беларускай літаратуры да новай было абумоўлена з'яўленне песенна-інтымнай лірыкі (папулярнай паэзіі), якая прадстаўлена сёння звыш 150 твораў. Яна ўжо цалкам свецкая па тэматыцы, блізкая да фальклору па выяўленчых сродках і да гутарковай мовы па лексіцы. Беларуская лірычная песня, пераважна ананімная і рукапісная па спосабу бытвання, сінтэзавала ў сабе як літаратурныя, так і народныя, фальклорныя традыцыі, нарадзілася на іх перакрываванні. Са славянскай і заходнееўрапейскай кніжнай паэзіяй яе родняць праявы таго ж барочнага стылю: арнаментальная квяцістасць, дэкаратыўнасць, метафарычнасць, рытарычны пафас. Адначасова ў популярнай паэзіі выразна адчуваецца фальклорная стыхія. Тут наступіў характэрны для барока арганічны, творчы сімбіёз кніжнага і народнага, «высокага» і «нізкага» пачаткаў, традыцыйных тэндэнцый і наватарскіх пошукаў. У інтымнай паэзіі адбіўся народны погляд на каханне, які вызначаецца цвярозасцю, жыццёвай мудрасцю. Калі ў заходнееўрапейскай прыворнай лірыцы малады чалавек толькі слёзна ўздыхае, толькі «гужыць» па аб'екту сваіх пачуццяў, дык тут герой і гераіня – пераважна людзі дзеяння. Энергічныя, кемлівыя, яны актыўна абараняюць сваё каханне – яно трактуецца як натуральнае права кожнага чалавека.

Урэшце, удзячным матэрыялам для выяўлення асаблівасцей беларускага барока з'яўляецца гумарыстычная і сатырычная паэзія, якая адносіцца, у цэлым, да таго ж «нізкага» і напай-фальклорнага «шцілю». Актуальны змест, асуджэнне розных заганаў феадальнага грамадства перададзены ў іх у алегарычна-метафарычнай форме. Найбольш цікавыя творы гэтага жанру – так званыя звярыныя гратэскі («Птушыны баль», «Нязгода птаства і сонд на круку», «Апісанныя птушынай хворасці», «Ваенны паход грыбоў», «Камара цяжкі з дуба ўпадак»). Камізм такіх твораў засноўваецца на тым, што свет нібы пераварочваецца навыварат: птушкі, звяры, расліны аказваюцца ў чалавечай, тыповай для таго часу сітуацыі. Пад уздзеяннем барочнай эстэтыкі, а часткова і фальклору разбураліся звычайныя лагічныя сувязі, спалучалася рэальнае і фантастычнае, сапраўднае і ўяўнае. Звычайныя жыццёвыя з'явы гратэска гіперба-

лізаваліся. Усе сродкі былі скіраваны на тое, каб здзівіць чытача, ашаламіць яго нечаканасцю задумы і тым самым пазабавіць.

Заклучэнне. Такім чынам, мы можам з поўным правам сёння гаварыць аб існаванні беларускага, адметнага варыянта еўрапейскага барока, якое мела значны мастацкі каштоўнасці. Дзякуючы спалучэнню кніжных і фальклорных традыцый, барока стымулявала на Беларусі пераход да новай літаратуры. З'явіліся новыя віды і жанры мастацкай творчасці. Адкрыўся больш шырокі погляд на свет і чалавека.

Літаратура

1. Мальдзіс, А. І. Беларускае барока / А. І. Мальдзіс // Роднае слова. – 1992. – С. 105–109.

2. Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: у 5 т. – Мінск: БелСЭ, 1985–1987.

Паступіў 02.04.2010

УДК 811.38:821'0

В. У. Русак, канд. філал. навук, выкладчык (БДТУ)

СТЫЛИСТИЧНАЯ РОЛЯ ПЕРЫЯДУ Ў МОВЕ МАСТАЦКАЙ ЛІТАРАТУРЫ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ПРОЗЫ ЯНКІ СІПАКОВА)

Артыкул прысвечаны аналізу стылістычнага выкарыстання перыяду як тыповага экспрэсіўнага сродку ў прозе сучаснага беларускага пісьменніка Янкі Сіпакова. Адзначаецца, што стылістычная функцыя перыяду залежыць ад семантычнага напаўнення канструкцыі і ад кантэксту. Праілюстраваны выпадкі ўжывання перыяду для павышэння эмацыянальнасці выказвання, стварэння лірычнага, паэтычнага настрою, а таксама для актуалізацыі замаруджанасці ці, наадварот, дынамікі падзей.

The article covers the analysis of stylistics using of the period as a typical expressive means of the prose of modern belarusian writer Yanka Sipakov. It's marked that a stylistic function of the period depends on a semantic filling of the construction and a contex. The cases of this period's using were illustrated to rise the emotionality of the utterance, to create a lyrical and poetical mood, and to show the dormancy or, on the contrary, dynamics of the events.

Уводзіны. Адною з асноўных уласцівасцей мовы мастацкага твора выступае экспрэсіўнасць. Гэта абумоўлена сумяшчэннем у камунікатыўнай пазіцыі мастака слова некалькіх пачаткаў: імкненнем паведаміць пра пэўныя падзеі і з'явы, рэалізаваць свае эмоцыі, перажыванні і ўздзейнічаць на адрасата. Выступаючы сродкамі фарміравання мастацкіх вобразаў, элементы мовы рознага ўзроўню (фанетычнага, лексічнага, сінтаксічнага і інш.) у мастацкім кантэксце набываюць дадатковыя значэнні, уздзейнічаюць на псіхаэмацыянальную сферу чытача, далучаючы яго да супольнай з пісьменнікам творчасці. Пры гэтым камунікатыўная функцыя мовы зліваецца з эмацыянальнай, вобразна-выяўленчай, эстэтычнай.

Тэарэтыкі мовы мастацкай літаратуры ўстанавілі, што ўплыў на канчатковае вербальнае фарміраванне мастацкай думкі аказвае сінтаксічная арганізацыя тэксту. Так, акадэмік В. У. Вінаградаў адзначаў, што «ў некаторых выпадках асабліва сінтаксічных аб'яднанняў служаць сродкам стварэння новых семантычных нюансаў» [1, с. 6]. Д. М. Шмялёў пісаў, што менавіта «ў інтанацыйна-сінтаксічнай структуры тэксту знаходзіць сваё канчатковае выражэнне як агульная функцыянальная накіраванасць маўлення, так і стылістычная значнасць адзінак, што яго складаюць» [2, с. 137]. Даследчыца А. К. Юрэвіч падкрэслівала, што «сінтаксіс мае неабмежаваныя магчымасці для выражэння думак і пачуццяў» [3, с. 196].

Развіццё сучаснай беларускай мовы суправаджаецца інтэнсіўнай актывізацыяй канструкцый, якія маюць на мэце максімальна актуалізаваць змешчаную інфармацыю, з тым каб звярнуць на яе большую ўвагу, узмацніць практычную дзейнасць. Сярод стылістычных фігур, якія набылі асаблівае распаўсюджанне ў беларускай літаратурнай мове, даследчыкамі справядліва адзначаецца перыяд.

Асноўная частка. Перыяд (гр. *periodos* – кругазварот, абход) – сінтаксічная канструкцыя, якая выражае разгорнутую, цэласную думку і дзеліцца паўзай у сэнсава-інтанацыйных адносінах на дзве часткі: павышэнне (*пратазіс*), у якім, як правіла, пералічваецца шэраг аднародных адзінак і якое вымаўляецца з павышэннем голасу, і паніжэнне (*ападозіс*), якое сэнсава, граматычна і інтанацыйна заключае першую частку і вымаўляецца з паніжэннем голасу: *Якія птушкі весялілі беларускія лясы, якія краскі радалі беларускія лугі, якія крыніцы давалі сілу беларускай зямлі, з чаго беларус піў квас, у што абуваўся, як праводзіў ён свой вольны час, якога ў яго заўсёды было да крыўднага мала, – пра ўсё гэта, працятаўшы ўважліва Коласа, можа даведацца нават і той, хто ніколі не быў у Беларусі* (Я. Сіпакоў. Свята на кожны дзень).

У сінтаксічных адносінах перыяд, як правіла, адпавядае **простаму ўскладненаму ці складанаму сказу**: *Толькі пішучы пра свой народ, толькі разумеючы свой народ, толькі падымаючы свой народ, толькі даючы яму слова і магчымасць выказацца, – можна стаць сапраўдным, патрэбным народу пісьменнікам* (Я. Сіпакоў. Як птушкі ў лёце); **Ці** *то пракладае ён першую баразну ў яшчэ не прасохлай, а таму чорнай і ліпкай зямлі; ці* *то смела даручае такое кволае і такое нежывое яшчэ зерне ўгрэтам ужо і так паласкавеламу ад сонца полю; ці* *то любуецца, як дымна красуе, а потым пругка налівае зялёны колас, – заўсёды хлебасей бачыць перад сабою толькі вась такі даспелы прастор; ужо тады, вясною і летам, ён чакае таго моманту, калі, раскусішы вылушчанае зерне, можна самому сабе сказаць: пара!* (Я. Сіпакоў. Даверлівая зямля).

У творах мастацкай літаратуры перыяд можа ўжывацца з рознымі мэтамі, усё залежыць ад яго сэнсавага напаўнення і кантэксту. Багаты матэрыял для аналізу стылістычнага выкарыс-

танья перыяду дае проза Янкі Сіпакова, у якой гэтая фігура выступае як тыповы стылістычны сродак. Найбольш распаўсюджаны перыяды ў лірычных нарысах і аповесцях Янкі Сіпакова. Да прыкладу, у нарысе «Акно, расчыненае ў зіму» выяўлена 6 перыядаў, у «Паштоўках у Кіеў» іх 5, аповесць «Даверлівая зямля» змяшчае 3 перыяды, «Усе мы з хат» – 5.

Па сваёй прыродзе перыяд характарызуецца прыналежнасцю да эмацыйна-экспрэсіўнага кніжнага маўлення. Дзякуючы своеасаблівай форме з яе дакладным, на першы погляд нават штучным размяшчэннем аднолькавых кампанентаў, гэтая стылістычная фігура дае магчымасць перадаваць аўтарскую эмацыйную ўсхваляванасць, выяўляць неабякавыя адносіны, захапленне ці абурэнне і г. д.: *Вырошчваць у чалавеку дабрывію, прыгажосць, асуджаючы і выкрываючы зло, радуючыся, смеючыся, задумваючыся, плачучы, скрыгочучы зубамі, лаічачы вачыма, любуючыся, злуючыся, хвалюючыся, але абавязкова вырошчваць дабрывію, – што можа зраўняцца з гэтай звышзадачаю кожнага сапраўднага творца?! (Я. Сіпакоў. Наталенне смагі).* Сінтаксічны аднародны элемент першай часткі перыяду сваім лексічным зместам і інтанацыйным афармленнем дазваляюць трымаць чытача ў напружанні, якое паступова нарастае і спадае толькі ў канцы сказа. Своеасаблівая форма перыяду дазваляе больш ярка паказаць эмацыйнальную пазіцыю аўтара, яго ўсхваляванасць, неабякавыя адносіны да выказанага.

Рытмічнасць, мелодычнасць перыядаў, якая з'яўляецца вынікам своеасаблівага, аднатыпнага афармлення іх кампанентаў, садзейнічае перадачы паэтычнага настрою ў многіх творах Янкі Сіпакова. Так, перыяд арганічна ўваходзіць у кампазіцыю нарысаў, аўтабіяграфічных аповесцей, дзе ўдала перадае разважанні, роздум аўтара: *І якая б сабе на вуліцы ні была непагадзь, і які б сабе дождж ні барабаніў у тваё цёмнае і заплаканае восеньскае акно, і які б у цябе ні быў паганы настрой, і хто б цябе ні пакрыўдзіў так, што, здаецца, ад абразы зневадзіш усю зямлю і ўсіх людзей на ёй, але ўсё роўна, як трывожна і радасна заб'ецца сэрца, калі ты пасля доўгай ростані са сваім пісьмовым сталом, зноў сядзеш за яго <...> (Я. Сіпакоў. Як птушкі ў лёце).* Сінтаксічны паралелізм кампанентаў павышэння ў гэтым перыядзе інтымлізуе маўленне пісьменніка, падкрэслівае яго лірычны характар. Форма перыяду перадае думку ў яе дынаміцы, развіцці, дазваляе паказваць прычыны, вынікі і абставіны, пры якіх яна з'явілася.

Асаблівую стылістычную нагрузку набывае перыяд-лірычнае адступленне ў канцы твора, бо ён вылучае на першы план галоўную думку аўтара: *Я глядзеў на іх і, нібы падтакваючы Паў-*

лу, Каранькевічу, думаў, што, і праўда, усе мы з хат: і вось гэты мой сусед – гаваркі дзядзька, які спяшаецца на вяселле; і вось гэтая цётка, якая едзе ў Віцебск жаніць пляменніка на дачцэ капітана; і вось той наважны мужчына ў капелюшы, які глядзіць у акно і, здаецца, не прымае ніякага ўдзелу ў гаворцы <...>; і вось гэтая модная, расфарбаваная не па гадах жанчына, якая сядзіць побач з музыкавай жонкаю і ўсё адсоўваецца ад бабулі <...>; і вось гэтая Цытнячышына Люська, што, як напалоханы верабейка, ціхенька прыклеілася на крайку сядзення – па часе яна стане добрым спецыялістам і, магчыма, вернецца назад у азярычынскую бальніцу, – усе яны таксама з хат (Я. Сіпакоў. Усе мы з хат). Прыведзены перыяд знаходзіцца амаль у самым фінале аповесці «Усе мы з хат», пасля яго ідуць толькі чатыры невялікія сказы. Выкарыстанне «перыядычнага маўлення» ў заключэнні матывавана глыбокім зместам, вялікай ідэйна-мастацкай нагруквай канцоўкі твора. Перыяд узмацняе патэтычнае гучанне ключовай часткі, падсумоўвае роздум пісьменніка і робіць аўтарскія высновы галоўнай думкай усяго твора.

Як адзначае даследчыца А. А. Акішына, «перыядычная форма маўлення незалежна ад месца і мэты ўжывання заўсёды ўносіць у паведамленне сваё асноўнае стылістычнае гучанне: праяўленне адзінства ў разнастайным» [4, с. 34]. Менавіта таму форма перыяду надзвычай падыходзіць там, дзе неабходна развіць складаную па змесце думку. Сінтаксічны паралелізм, які выступае структурнай асновай большасці перыядаў, дазваляе аб'яднаць факты, паказаць мноства з'яў, падзей, учынкаў у іх узаемасувязі. Адметную ролю такія разгорнутыя канструкцыі выконваюць у абсалютным пачатку твора: указваючы на час, месца і разнастайныя ўмовы развіцця асноўнай сюжэтнай лініі, яны ствараюць фон, на якім адбываецца завязка асноўнага дзеяння. Як слухна ўказваў А. М. Карпаў, «гэтым перыяды-экспазіцыі падобныя да аўтарскіх рэмарак, пашыраных у драматычных творах» [5, с. 78].

Яскравым прыкладам перыяду-экспазіцыі з'яўляецца пачатак апавядання Янкі Сіпакова «Трава ў расе»: *Калі разышліся нарэшце госці, калі з музыкаю пайшоў дадому, у суседнюю вёску, Мяходзька-гарманіст, павёўшы за сабою і зарэчанскіх баб – праз расчыненыя вокны ў хаце доўга было чуваць, як яны спявалі, ідучы па лузе, як потым смяяліся, па хісткай кладцы пераходзячы рэчку; калі, ужо развітаўшыся, заблудзіўся неспадзявана ў чужым двары сусед, шафер Грыша Шчамель, які выбіраўся з хаты амаль апошнім, крычаў там, як рэзаны: «Баба Вера, адчынай хутчэй вароты!», грукнуўшы ў хлеў да каровы, аж пакуль урэшце не выйшаў Дзіма і не завёў яго дадому; калі вярнуўся назад*

Дзіма і, смеючыся, расказаў, як Грыша не пазнаў свае хаты, усё пытаўся: «Куды гэта ты мяне, Андрэевіч, прывёў?», і толькі калі выбегла Люба, Грышава жонка – яна пайшла дадому раней: парадчыць гаспадарку, – калі строга спыталася: «Што, наліў ужо вочы?», добра штурханула ў плечы, згадзіўся: «Во цяпер я, Андрэевіч, ужо бачу, што дома»; калі пайшла нарэшце і Мішчыха, якая ўсе вясковыя пагулянькі заўсёды пакідае апошняю, яны засталіся траіх – Дзіма, Андрэй Паўлавіч і яна, баба Вера, ці, як усе яе завуць тут, у вёсцы, Лётчыха – віноўніца сённяшняга свята. Абраная сінтаксічная канструкцыя дазволіла пісьменніку ў эканомнай форме паведаміць пра шэраг падзей і ўчынкаў, якія папярэднічалі асноўнаму дзеянню. Разгорнутыя кампаненты павышэння, ускладненыя адначасова аднароднымі і адасобленымі членамі, устаўнымі канструкцыямі, даданымі часткамі, прастай мовай, дазволілі выказаць думку найбольш дакладна, дэталёва, стварыць сказ-апавяданне. Калі парушыць выкарыстаную аўтарам структуру, ператварыць яе ў кантэкстуальную групу сказаў, то інтэнсіўны выклад саступіць месца плаўнаму паведамленню, а гэта непажадана, бо апісаная падзея не асноўная ў апавяданні, яны толькі ствараюць бытавы фон, неабходны для завязкі асноўнага дзеяння.

Разгорнутая структура перыяду надзвычай прыдатная тады, калі неабходна падкрэсліць дынамічнае працяканне падзей: *Пакуль я шукаў брыгадзіра, аднаногага Дзямідзьку, якому ў партызанах у час блакады адарвала нагу; пакуль ён, топчучы мокраю ад нізу дзеравяшкаю снег, доўга думаючы перад гэтым – вырашаючы, якога каня мне даць, – дазволіў узяць нарэшце кульгавага Шнэля, адбітага ў немцаў жарабка, які вазіў потым салдацкую кухню і якога пасля ранення, калі наступалі, нашы салдаты пакінулі ў Сябрыні; пакуль я дачакаўся Халадзённа, які загадаў усёю вупражжэ; пакуль запрагаў; пакуль, пад'ехаўшы пад Рагатунову хату, чакаў Рамана, які хоць і неахвотна, але ўсё ж згадзіўся з'ездзіць са мною ў дровы, – раніца троху пасвятлела, але пакуль не саступіла дарогу дню: снег, хоць і белы, яшчэ цьмяны, нібы воблакі, нашатырыўшыся ад марозу, шарэў на вуліцы, на стрэхах...* (Я. Сіпакоў. Крыло цішыні).

Аднак выяўлены і асобныя выпадкі, калі перыяд-апавяданне, наадварот, перадае запаволенасць, працягласць дзеяння: *Расхінаючы голле, адводзячы яго ўбок адною рукою – другая была занятая: раменьчык, які трымаў на плячы цяжкую модную сумку, парваўся і яе давялося*

ўзяць за ручкі, – ён паторкаўся сюды-туды па непраходным, нібы знарок сплеценым падлеску, перайшоў па зваленым кімсьці дрэве невялікі, але таксама дужа зарослы ручай – алешына ляжала тут, відаць, даўно, яна паспела ўжо абсохнуць, абшалушыцца і шупла спружыніла, і ён адно баяўся, каб хоць не пераламалася, – пацягаўся па малінніках, што, высокія і калючыя, да крыві абдзіралі рукі, чапляліся не толькі за штаны, але нават і за пінжак, паблукаў на сапраўдных зарасніках майніку, які, нягледзячы на дажджы, што, на ўсім відаць, не абыходзілі сёлета і гэты паўночнаяловы край, быў бруднашэры і, патрывожаны чаравікамі, дужа пыліў, – словам, чалавек кідаўся ва ўсе бакі, але, хоць і ведаў, што поле недзе блізка, ніяк не мог выйсці з кустоў (Я. Сіпакоў. Свята). У гэтым выпадку пісьменнік карыстаецца інтанацыйнай і структурнай аднатыпнасцю перыяду для стварэння аднастайнага малюнка, каб падкрэсліць, што чалавек заблудзіўся і доўга не мог знайсці патрэбнай яму дарогі.

Заклучэнне. Такім чынам, перыяд як сродак экспрэсіўнага сінтаксісу характарызуецца структурнай і функцыянальнай разнастайнасцю. Ён ужываецца ў творах рознага жанру і дазваляе падкрэсліваць эмацыянальнасць паведамлення, надаваць выказванню ўрачысты дэкламацыйны характар, перадаваць лірычны, паэтычны настрой сказанага, дае магчымасць у эканомнай форме перадаваць максімальную інфармацыю і тым самым запавольваць ці дынамізаваць паведамленне, характарызаваць пэўны адрэзак часу з пазіцыі яго насычанасці падзеямі.

Літаратура

1. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы: избр. тр. / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
2. Шмелёв, Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях: к постановке проблемы / Д. Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1977. – 168 с.
3. Юрэвіч, А. К. Стылістыка беларускай мовы: вучэб. дапаможнік / А. К. Юрэвіч. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск: Выш. шк., 1992. – 288 с.
4. Акишина, А. А. Период как синтаксико-стилистическая категория современного русского языка / А. А. Акишина. – Львов: Изд-во Львов. ун-та, 1958. – 39 с.
5. Карпов, А. Н. Стилистические функции периодов в произведениях Л. Н. Толстого / А. Н. Карпов // Ученые записки / Рязан. гос. пед. ин-т. – М., 1967. – Т. 56. – С. 74–88.

Пастуніў 02.04.2010

УДК 378.091.2.017:811.161.3

В. А. Кузьміч, заг. кафедры (БДТУ)

З ВОПЫТУ СУПРАЦОЎНІЦТВА КАФЕДРЫ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ З КАФЕДРАМІ ТЭХНІЧНАГА ПРОФІЛЮ ПА ПЫТАННЯХ ПАТРЫЯТЫЧНАГА ВЫХАВАННЯ

Ідэалагічнае і патрыятычнае выхаванне ў тэхнічнай ВНУ ставіць перад кафедрамі гуманітарнага профілю задачу распрацоўкі эфектыўных формаў выхаваўчай працы і яе каардынацыі на агульнаўніверсітэцкім узроўні. У дадзеным артыкуле аналізуецца вопыт супрацоўніцтва ў гэтай галіне кафедры беларускай мовы БДТУ з кафедрамі тэхнічнага профілю. Паказаны асноўныя падыходы да выхаваўчай працы, іх практычнае ўвасабленне, а таксама эфектыўнасць такога цеснага супрацоўніцтва падраздзяленняў універсітэта.

Ideological and patriotic education at technical university set humanistic departments special goals to develop effective forms of educative work and to coordinate it at common university level. Experience of cooperation in this field between Belarusian language and technical sciences department is analyzed in this article. Main approaches to educative work, its practical implementations and effectiveness of such a close cooperation of university structures is shown here.

Уводзіны. У 2009/2010 навучальным годзе ў вышэйшых навучальных установах прыярытэтнымі напрамкамі ідэалагічнай і выхаваўчай працы застаецца фарміраванне ў студэнцкай моладзі грамадзянскасці і патрыятызму на аснове дзяржаўнай ідэалогіі. Гэта агульная задача павінна вырашацца шляхам узаемадзеяння і супрацоўніцтва ўсіх кафедраў універсітэта і выконвацца зыходзячы з дзяржаўных дакументаў па пытаннях ідэалагічнай і выхаваўчай працы. Асноўнымі з іх з'яўляюцца Канцэпцыя і Праграма бесперапыннага выхавання дзяцей і навучэнскай моладзі ў Рэспубліцы Беларусь. Менавіта ў гэтых дакументах сфармуляваны мэты і задачы, замацаваны прыярытэты выхавання, у тым ліку такія, як грамадзянскасць і патрыятызм.

Асноўная частка. Правільныя падыходы да арганізацыі патрыятычнага выхавання залежаць найперш ад планавання ідэалагічнай і выхаваўчай працы кафедры. Кафедра беларускай мовы як адна з гуманітарных навук прадугледжвае ў плане выхаваўчай працы супрацоўніцтва з іншымі кафедрамі тэхнічнага профілю. З гэтай мэтай загадчыкам кафедры выданы метадычныя рэкамендацыі па рэалізацыі ідэй Канцэпцыі і Праграмы бесперапыннага выхавання дзяцей і навучэнскай моладзі (2004 г.). У друку знаходзіцца артыкул па планаванні ідэалагічнай і выхаваўчай працы (2009 г.) і рыхтуюцца да друку метадычныя рэкамендацыі для куратараў і выкладчыкаў «Планаванне ідэалагічнай і выхаваўчай працы ў ВНУ» (аўтары В. А. Кузьміч, Т. У. Жукоўская, 2010 г.). У дадзены дапаможнік будуць уключаны рэкамендацыі па планаванні выхаваўчай працы для кафедраў тэхнічнага профілю (тэматыка мерапрыемстваў: гутаркі, дыспуты, праекты, конкурсы і інш.).

Ідэалагічныя мэты, якія ставяцца перад вышэйшай адукацыяй у ВНУ, патрабуюць асаблівай увагі да развіцця каштоўнасна-сэнсавых

кампетэнцый. Дадзеныя кампетэнцыі якраз і фарміруюць каштоўнасныя арыентацыі (патрыятызм, павагу да гістарычных традыцый і інш.). Таму асноўная сфера супрацоўніцтва з іншымі кафедрамі ажыццяўляецца праз прыцягненне студэнтаў розных факультэтаў да сумеснай навуковай і творчай дзейнасці. З гэтай мэтай створана студэнцкае творчае аб'яднанне «Пошук», у склад якога ўваходзяць гурткі глыбока патрыятычнага гучання («Памяць», «Пазнай свой край», «Мая Радзіма – Беларусь», «Спадчына», «Патрыёт» і інш.). Асноўная задача аб'яднання – выяўленне таленавітай моладзі і развіццё іх творчых здольнасцей. Як вынік, гэта падрыхтоўка навуковых і творчых прац на рэспубліканскія і міжнародныя конкурсы, распрацоўка праектаў і даследаванняў (напрыклад, «Сям'і маёй пачатак», «Камсамол у асобах і справах», «Вялікая Айчынная вайна вачыма маладых», «Беларусь – краіна маёй будучыні» і інш.). За апошнія 5 гадоў студэнцкім аб'яднаннем падрыхтавана для ўдзелу ў навуковых і творчых конкурсах 149 работ. З іх 77 адзначаны катэгорыямі, дыпламамі, граматамі, спецыяльнымі прызамі, падзякамі і каштоўнымі падарункамі. Па факультэтах:

ВСiП – бралі ўдзел 104 студэнты, пераможцаў – 48;

ТАР – 16 студэнтаў, пераможцаў – 15;

ІЭ – 7 студэнтаў, пераможцаў – 5;

ЛГ – 5 студэнтаў, пераможцаў – 3;

ТТЛП – 10 студэнтаў, пераможцаў – 4;

ХТiТ – 7 студэнтаў, пераможцаў – 2.

Праведзены 32 студэнцкія канферэнцыі глыбока ідэалагічнага зместу, у якіх бралі ўдзел студэнты розных факультэтаў («Патрыёт Бацькаўшчыны», «Беларусь – мая Радзіма», «Мой край – мае карані», «Наш самы высокі набытак – Айчына, Навука, Сумленне», «Ніхто не забыты, нішто не забыта», «Квітней, край родны, край прыгожы», «Скарбы спадчыны

духоўнай», «Назвы роднай зямлі», «Твой гонар, Бацькаўшчына», «Янка Купала – вялікі нацыянальны паэт» і інш.).

Дзякуючы працы студэнцкага аб'яднання, да кожнай знамянальнай даты краіны і ўніверсітэта праведзены **15 універсітэцкіх выстаў** («БДТУ за квітнеючую Беларусь», «Мой край – мае карані», «Не разлюбі Айчыну, і жанчыну, і род свой, і народ не разлюбі», «Твой гонар, Бацькаўшчына», «Вайна вачыма маладых», «Мова, народ, гісторыя», «Пакінем спадчыну мы для нашчадкаў», «Халакост: памяць і перасцярога», «Гісторыя маёй сям'і – адна са старонак шматвяковай гісторыі краіны», «Да Беларусі з любоўю», «Зямля і маці – сімвал вечны» і др.); **4 акцыі** («Вясенні тыдзень дабра – 2007»; «Тыдзень Маці», культурна-экалагічная акцыя «Мой родны кут») з прыцягненнем да агульных акцый студэнтаў усіх факультэтаў. У сумесным праекце да 75-годдзя ўніверсітэта ўдзельнічалі студэнты, выкладчыкі і кіраўніцтва ўсіх факультэтаў. Распрацаваны ілюстрацыйныя матэрыялы, якія адлюстроўваюць гісторыю факультэта, яго навуковыя дасягненні, уклад у стваральную працу ўсёй краіны. Асобна вылучылі лепшых прадстаўнікоў факультэтаў, адзначылі іх персанальны ўклад у навуку і выхаваўчую дзейнасць. Да 90-годдзя Камсамолу распрацаваны праект «Камсамол у асобах і справах» пра навукоўцаў БДТУ, актыўных камсамольцаў на пэўным гістарычным этапе развіцця краіны. Аформлены ілюстрацыйныя матэрыялы пра лепшых прадстаўнікоў факультэтаў. Плануецца новая канцэпцыя падачы матэрыялаў да 80-годдзя БДТУ.

Аналагічныя **праекты** з удзелам прадстаўнікоў факультэтаў і студэнцкай моладзі падрыхтаваны да 65-годдзя вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў і Перамогі савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне, да Года маці і Года роднай зямлі, якія знайшлі далейшае прымяненне на выставах рознага ўзроўню. На базе такіх тэматычных выстаў (4–5 дзён) праводзяцца куратарскія гадзіны для ўсіх факультэтаў, тэматычныя экскурсіі, ажыццяўляецца рэкламная дзейнасць прафарынтацыйнага характару.

Удзел у правядзенні XII Рэспубліканскай выставы па тэме «Сацыяльна-педагагічнае і псіхалагічнае суправаджэнне станаўлення асобы навучэнцаў і іх прафесійнае самавызначэнне» з'яўляецца пацвярджэннем неабходнасці сумесных дзеянняў кафедраў універсітэта дзеля выканання агульных задач. Загадкама кафедры беларускай мовы В. А. Кузьміч была прапанавана канцэпцыя выставы, прарэктарам па выхаваўчай працы А. Р. Гараноўскім праведзена нарада з удзелам намеснікаў дэканаў па выхаваўчай працы ўсіх факультэтаў. Былі размеркаваны абавязкі і тэрміны іх выканання. Як станоў-

чае, варта адзначыць бездакорнае выкананне ўсіх патрабаванняў. Прадстаўлены рэкламныя матэрыялы, праекты, конкурсныя навуковыя і творчыя працы, персанальныя міні-выставы, распрацоўкі па правядзенні майстар-класа і «круглых сталоў».

Дэманстравалася праца гурткоў «Пераплётчык» (кіраўнік І. В. Марчанка) і «Мастацкая кераміка» (кіраўнікі І. А. Лявіцкі, Я. М. Дзятлава). Падрыхтаваны электронныя прэзентацыі «Молодежь против ВИЧ/СПИДа» (В. В. Гудзінская, магістрант), «История Беларуси в изобразительных средствах и структурно-логических схемах» (У. Я. Казлякоў, прафесар кафедры гісторыі Беларусі), адбылася прэзентацыя відэафільмаў кафедры замежных моў (кіраўнік А. М. Раманова) і інш. Прадстаўлены рэкламныя матэрыялы па спецыяльнасцях і спецыялізацыях, па якіх праводзіцца навучанне ва ўніверсітэце.

Была агульная зацікаўленасць у выніках працы, і яна была рэзультатыўнай.

2005 г. – **Дыплом I ступені** за патрыятычнае выхаванне студэнтаў з выкарыстаннем матэрыялаў аб ратным і працоўным подзвігу беларусаў, прысвечаных 60-годдзю Перамогі савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне;

2005 г. – **Дыпломам I ступені** за сістэмны падыход да распрацоўкі ідэалагічнага суправаджэння выхаваўчага працэсу.

2006 г. – **Дыплом I ступені** Міністэрства адукацыі за фарміраванне здаровага ладу жыцця студэнтаў.

2007 г. – **Дыплом I ступені** Міністэрства адукацыі за выхаванне грамадзянскасці і патрыятызму ў дзяцей і навучэнскай моладзі.

2008 г. – **Дыплом II ступені** Міністэрства адукацыі за маральна-прававое і сямейнае выхаванне дзяцей і навучэнскай моладзі.

На **Рэспубліканскі агляд-конкурс** праектаў на лепшую арганізацыю ідэалагічнай і выхаваўчай працы ў вышэйшай навучальнай установе кафедры беларускай мовы прадставіла **3 праекты** («Сям'і маёй пачатак» (Т. У. Жукоўская); «Літаратурны клуб “Ветліца”» (Н. Я. Савіцкая); «Халакост: памяць і перасцярога» (В. А. Кузьміч).

Па выніках конкурсу атрыманы **2 дыпломы** Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь (В. А. Кузьміч, Н. Я. Савіцкая), **Дыплом II ступені** Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь і спецыяльны прыз ад рэдакцыі часопіса «Роднае слова» (Т. У. Жукоўская).

2009 г. – **Дыплом II ступені** Міністэрства адукацыі за сацыяльна-педагагічнае і псіхалагічнае суправаджэнне станаўлення асобы навучэнцаў і іх прафесійнае самавызначэнне.

Пашырана такая форма супрацоўніцтва з кафедрамі тэхнічнага профілю, як **сустрэчы**

выдатных асоб нашага ўніверсітэта са студэнцкай моладдзю падчас правядзення бінарных лекцый, практычных заняткаў, куратарскіх гадзін. Такія сустрэчы адбыліся з вучонымі БДТУ І. А. Лявіцкім, Л. М. Ражковым, П. М. Бураком, А. В. Пятровічам і інш. Запланавана правядзенне «круглага стала» па тэме «Экалагічная веды ў традыцыйнай культуры беларусаў» сумесна з кафедрай філасофіі.

Цеснае супрацоўніцтва з кафедрамі тэхнічнага профілю ажыццяўляецца шляхам акультурацыі студэнцкай моладзі розных факультэтаў праз сістэмнае **наведванне музея БДТУ**. Кафедрай беларускай мовы забяспечана экскурсійнае абслугоўванне ў музеі (падрыхтавана лектарская група з мэтай экскурсійнага суправяджэння на беларускай і рускай мовах). Практычна ўсе студэнты І курса ўсіх спецыяльнасцей наведвалі музей БДТУ, што з'яўляецца праяўленнем патрыятызму да месца навучання. Наведванне гарадскіх музеяў гісторыі і культуры, мастацкага і экалагічнага – абавязковая праграма для студэнтаў усіх факультэтаў. **Музейныя заняткі** – адзін з метадычных прыёмаў, які актыўна выкарыстоўваецца выкладчыкамі кафедры. Далучэннем да так званага «высокага мастацтва» ахоплены практычна ўсе курсы, дзе працуюць выкладчыкі кафедры беларускай мовы. Наведванне выстаў, тэатраў, кіно – неабходнасць сённяшняга дня.

У рэчышчы рэспубліканскай акцыі «Жыву ў Беларусі і тым ганаруся» кожны год наладжваюцца **экскурсіі па родным краі**, да правядзення якіх прыцягваюцца прадстаўнікі іншых факультэтаў. За апошнія 5 гадоў наладжана звыш **30** экскурсій: «Мінск – Гродна», падарожжа па літаратурных мясцінах народнага паэта Беларусі Якуба Коласа «Мой родны кут», «Мінск – Вязьніка», «Мінск – Пінск – Моталь», «Мінск – Полацк», «Мінск – Хатынь – Курган Славы», «Мінск – Нясвіж – Мір», «Мінск – Глыбокае – Мосар», «Мінск – Ракаў – Івянец – Дзяржынава» і інш. Для лепшых студэнтаў універсітэта і замежных студэнтаў праведзена экскурсія на малую радзіму Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь «Мінск – Шклоў – Александрыя», да правядзення якой былі далучаны прадстаўнікі іншых кафедраў (В. М. Фарафонтаў, дэкан факультэта ТАР; М. Т. Наскавец, загадчык кафедры транспарту лесу; І. В. Сакалоўскі, дацэнт кафедры глебазнаўства; Н. В. Чорная, Ж. У. Бандарэнка, Ю. У. Пагарэлава, факультэт ТАР; Л. В. Навасельская, кафедра машын і апаратаў і

інш. (гурт «Акавіта»)). Падрыхтавана вялікая канцэртная праграма і прафарыентацыйная гадзіна для вучняў старэйшых класаў. Па выніках экскурсій падрыхтаваны прэзентацыі, ілюстрацыйныя матэрыялы, якія папоўняць базу прыкладнага матэрыялу для выкарыстання на занятках па новых для кафедры дысцыплінах «Краіназнаўства і краязнаўства», «Этнаграфічныя аб'екты турызму», «Экскурсазнаўства».

Выкарыстанне творчага патэнцыялу студэнцтва ў ідэалагічнай і выхаваўчай працы кафедры і ўніверсітэта знаходзіць сваё адлюстраванне ў працы **літаратурнага клуба «Ветліца»** (кіраўнік Н. Я. Савіцкая). Выдадзены 5 зборнікаў літаратурных твораў «AVE», у якіх прадстаўлены літаратурныя набыткі не толькі студэнтаў, але і выкладчыкаў і супрацоўнікаў універсітэта.

На кафедры створаны **міні-валанцёрскія групы** з мэтай патрыятычнага выхавання студэнтаў іншых факультэтаў. Распрацаваны шэраг тэматычных куратарскіх гадзін, аб'яднаных агульнай назвай «Гістарычная памяць – аснова патрыятызму». Для правядзення такіх гадзін прыцягнуты студэнты-пераможцы рэспубліканскіх і міжнародных конкурсаў, удзельнікі літаратурнага клуба «Ветліца» і гурткоў студэнцкага аб'яднання «Пошук». Па заяўках куратараў студэнцкіх груп такія мерапрыемствы ўжо праведзены куратарамі Т. П. Вадап'янавай, Я. М. Дзятлавай і інш. Плануецца распрацоўка шырокага спектра выхаваўчых мерапрыемстваў (тэматычных куратарскіх гадзін, літаратурных чытанняў, дыспутаў, «круглых сталоў», сустрэч са знакамітымі навукоўцамі, вучонымі, прадстаўнікамі органаў правапарадку і інш.), якія кафедра беларускай мовы можа прапанаваць іншым кафедрам для правядзення ідэалагічнай і выхаваўчай працы. Ствараецца банк даных, тэматыка якога будзе даведзена да кіраўніцтва факультэтаў.

Заклучэнне. Эфектыўнасць арганізацыі ідэалагічнай і выхаваўчай работы ў вышэйшых навучальных установах залежыць перш за ўсё ад узроўню прафесіянальна-педагагічнай дзейнасці выкладчыкаў, куратараў студэнцкіх груп, іх умення актыўна ўздзейнічаць на фарміраванне ў студэнцкай моладзі пэўнай сістэмы поглядаў, перакананняў, нормаў паводзін, якія вызначаюцца ідэалогіяй беларускай дзяржавы. Толькі сумеснымі намаганнямі ўсіх удзельнікаў выхаваўчага працэсу можна дасягнуць станоўчых вынікаў у выхаванні.

Пасмуніў 02.04.2010

УДК 811.161.3'06-043.86

Р. В. Міксюк, ст. выкладчык (БДТУ)

АБ НЕКАТОРЫХ ЭВАЛЮЦЫЙНЫХ ПРАЦЭСАХ У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

У артыкуле разглядаюцца эвалюцыйныя змены ў лексікалогіі і словаўтварэнні сучаснай беларускай мовы за апошнія дзесяцігоддзі XX і першае дзесяцігоддзе XXI ст. Указваюцца прычыны і шляхі змянення слоўнікавага складу беларускай мовы, разглядаюцца праблемы ва ўжыванні запазычанага лексікі. Адзначаецца станю́чае і адмоўнае ў стылістычным афармленні тэрміналагічнай і агульнаўжывальнай лексікі. Выяўляюцца найбольш тыповыя словаўтваральныя працэсы і прапануюцца шляхі выхаду на новы ўзровень лінгвістычных даследаванняў.

Evolutional changes in lexicology and originality of modern Belarusian language for the last decade of the XX century and the first decade of the XXI century are reflected in the article. The reasons and ways of changing the lexical structure of the Belarus language are specified, problems of using the adopted lexicon are considered. Positive and negative sides of stylistic registration terminological and common lexicon are observed. Progressive word-formation processes are covered. Means of movement to a new level of linguistic researches are offered.

Уводзіны. Мова народа непарыўна звязана з грамадствам, яго гісторыяй, культурай, этыкай. Яна змяняецца па законах унутранага развіцця, пад уздзеяннем лінгвістычных і экстралінгвістычных фактараў, праяўляецца ў пераходных, пераломных перыяды гісторыі краіны.

Працэс пераўтварэння (90-я гг. XX–XXI ст.) ахапіў розныя сферы грамадскага жыцця: сацыяльны быт, эканоміку, палітыку, культуру, мараль, этыку, экалогію. За гэты невялікі перыяд жыццё ўнесла значныя дапаўненні і істотныя змены ў сучасную мову.

З дэмакратызацыяй грамадства ўзніклі новыя словы і абзначэнні, сталі багацейшымі словазлучальныя сувязі. Адначасова паглыбілася змястоўнасць структуры, сэнсавы аб'ём і семантычнае назаўненне слова, пашырыліся аспекты і функцыі яго ў мове.

З правядзеннем у жыццё палітычных і эканамічных рэформ, сацыяльных, культурна-асветніцкіх і экалагічных праграм узніклі і функцыянуюць у мове словы і словазлучэнні, якія адлюстроўваюць новыя жыццёвыя з'явы і формы грамадскіх адносін.

Асноўная частка. Значнае месца сярод новаўтварэнняў гэтага тыпу займаюць словы і словазлучэнні, якія абазначаюць розныя грамадскія аб'яднанні і формы іх дзейнасці, вытворчыя калектывы, таварыствы, саюзы, атрады: *брыгады хуткага рэагавання, працоўныя атрады, саветы працоўных калектываў, нефармальныя аб'яднанні*.

Папаўняецца слоўнікавы склад нашага грамадства за кошт слоў, якімі абазначаюцца новыя формы арганізацыі працы, гаспадарання: *сямейны (калектывны, гаспадарчы) пабрад, індывідуальная працоўная дзейнасць, гаспадарчы разлік, самакіраванне, мясцовае самакіраванне*.

Узніклі новыя назвы дзяржаўных, гаспадарскіх устаноў, прадпрыемстваў, арганізацый, аб'яднанняў: *біржа, фірма, акцыянернае прад-*

прыемства, холдзінг, карпарацыя, гандлёва-сервісная кампанія, экспартна-імпартная кампанія, вытворча-гандлёвая кампанія, камп'ютарна-камунікацыйная кампанія.

Важнай крыніцай папаўнення слоўніка нацыянальнай мовы перыяду перабудовы з'явілася вяртанне да актыўнага выкарыстання старых, шырока вядомых у мінулым слоў, выразаў у выніку адраджэння і аднаўлення іх семантыкі: *гаспадар, хутар, арэнда, прадпрымальніцтва, камерцыя, бізнес, унутрыгаспадарчая кааперацыя, спонсар*.

Адным з галоўных шляхоў папаўнення слоўнікавага складу мовы з'яўляецца ўключэнне ў абарот так званых слоў-неалагізмаў, якія абазначаюць новыя прадметы, прыборы, прыстасаванні, навінкі тэхнікі, тэхнічныя вынаходніцтвы: *камп'ютар, інтэрнэт, сайт, кланіраванне*. Як правіла, гэта ў асноўным запазычаныя словы з англійскай (*інагурацыя, імпічмент, істэблішмент, рэінжынірынг, рымейк, дрэс-код, пентхаус*), французскай (*кантрафакт, франшыза*), нямецкай (*інвестар, кантрагент*), італьянскай (*інкаса, фірма*) і іншых моў. Такую лексіку можна ўжо далучыць да ліку інтэрнацыянальнай, бо ў большасці краін свету названыя вышэй канцэпты і наступныя (*банкаўская аперацыя, візітная картка, сусветная інфармацыйная сетка, іпатэчны крэдыт* і інш.) увайшлі ў жыццё, маючы адно і тое ж значэнне.

Запазычаныя словы, як паказвае моўная практыка, тэматычна вельмі разнастайныя. Яны могуць абазначаць назвы асоб па родзе заняткаў: *менеджар, кур'ер, метрдотэль, бізнесмен, прадзюсер*; прадметы вырабу, тавары, прадукцыю: *бестселер, блэндэр, кейс*; аб'екты культуры, бытпрызначэння, паслугі: *інтэрнэт-кафэ, бізнес-цэнтр*; сферы эканамічных адносін, гандлю: *маркетынг, бартэр, дэфолт, манетарызм, іпатэка, тэндар, аваль, авуары*; экалогіі: *маніторынг*.

Падкрэслім, што працэсы глабалізацыі і камп'ютарызацыі прывялі да ўжывання вялікай колькасці англамоўных слоў. Гэтыя словы выкарыстоўваюцца як у «чыстым» выглядзе (*камп'ютар, інтэрнэт, правайдэр, дыск, брокер, брэнд, гламур*), так і ў асіміляваным (*мышка, скінуць на флэшку, атрымаць эсэмэску, зайсці на сайт, камп'ютар завіс*).

На старонках перыядычнага друку і навуковых выданняў з'явіліся словы, звязаныя з тайнамі прыроды і свету: *рэліктавы гаміноід, анамальныя з'явы, дэматырыялізацыя*.

Адыходзяць у гісторыю многія словы і выразы з асяроддзя міждзяржаўных адносін: *імперыя зла, перажыткі капіталізму, дзядзя Сэм, дагонім і перагонім Амерыку*.

Гаворачы пра змены ў слоўнікавым складзе сучаснай мовы, адзначым вельмі істотную з'яву, звязаную з выкарыстаннем слоў іншамоўнага паходжання, дакладней, са злоўжываннем іншамоўнай лексікі ў перыядычным друку, на радыё, у навуковых публікацыях. Гэта свайго роду бум, лексічны выбух, які ахапіў прэсу, наша грамадства. Для прыкладу, артыкулы, змешчаныя ў матэрыялах канферэнцый апошніх гадоў, часам немагчыма зразумець без адпаведнага тлумачальнага слоўніка, бо нават у межах аднаго сказа сустракаюцца па 5–7 новых запазычаных слоў, якія замяняюць добра ўсталяваныя і зразумелыя словы. Напрыклад: *манетарная палітыка* замест *грашова-крэдытная палітыка*; *рэкрутынгавыя агенцтвы* замест *кадравыя агенцтвы*; *мерчэндайзер* замест *таваравець*; *транспарэнтнасць* замест *празрыстасць*; *адкрытасць*; *рэкламны слаган* замест *рэкламны лозунг*; *алакіраваць людзей на вытворчасці* замест *накіроўваць, размяшчаць*.

Далёка не ўсе словы даступныя кожнаму чытачу, а сваім загадкавым гучаннем і няпэўнасцю выражанага сэнсу ўскладняюць тэкст і яго ўспрыняцце. Здараецца, што і аўтары публікацый не зусім разумеюць сапраўднага значэння слоў і ўжываюць іх не да месца. Асабліва часта блытаюць словы-паранімы: *гарант і гарантыя, дэфектны і дэфектыўны, статут і статус, экскурс і экскурсія, эфектна і эфектыўна, стыты і стытыстык, рэлікты і рэліквіі*.

У выніку няведання семантыкі запазычаных слоў з'яўляюцца плеаназмы: *папяровая макулатура, памятны сувенір, першы дэбют, манумент памятнага, прэйскурант цэн, лакальная мясцовасць*.

Праблема запазычання слоў не новая. Яна даўно прыцягвала ўвагу даследчыкаў. У розныя часы звярталіся да гэтай праблемы вучоныя-лінгвісты, гісторыкі, філосафы, філолагі. Адны з іх «заходнікі» адстойвалі запазычанні, абаронцамі роднай мовы былі «славянафілы», «пурысты».

У эвалюцыі словаўтварэння сучаснай беларускай мовы назіраюцца працэсы, з аднаго боку, агульныя, уласцівыя суседнім славянскім мовам, і, з другога боку, характэрныя толькі для беларускай мовы.

У сучаснай беларускай мове назіраецца шэраг словаўтваральных працэсаў, заснаваных на замяшчэнні састаўных намінацый аднаслоўнымі. У навуковай літаратуры гэтыя працэсы разглядаюцца як праяўленне закона эканоміі мовы, ці з'ява ўнівербацыі.

Сёння прагрэсіруе:

1) распаўсюджванне зрашчэнняў тыпу: *інтэрактыўны, высокаэфектыўны, малаўзроўневы*;

2) узнікненне, афармленне і актывізацыя словаўтваральнага тыпу, па ўзоры якога ўтвараюцца складаныя словы: *грыд-праект, дыскус-клуб, бізнес-план, інтэрнэт-тэхналогія, інтэрнэт-карта, прайс-ліст, поп-культура, біт-музыка, матч-рэванш*;

3) пастаянны актыўны рост спосабу намінацыі шляхам асноваскладання, які здзяйсняецца па некалькіх мадэлях у залежнасці ад характару прыстасавання асноў і ад выкарыстання злучальнай галоснай: *медыяфорум, касмафізіка*;

4) распаўсюджванне складаных слоў з прыставачнымі ўтварэннямі, далучанымі не толькі да чужых, але і да сваіх слоў: *прэс-цэнтр, прэс-канферэнцыя, бліц-апытанне*. Гэты спосаб асабліва прадуктыўны ў навукова-тэхнічнай тэрміналогіі, дзе вельмі актыўныя ў функцыі першага кампанента асновы тыпу *авія-, аўта-, бенза-, радыё-, косма-, тэле-, кіна-* і інш. Сустракаюцца выпадкі складання больш чым двух кампанентаў (*кінафотафонадакумент, аўтавеламотагонка*);

5) па-ранейшаму захоўвае сваю актыўнасць абрэвіяцыя, якая ў сучасных славянскіх мовах стала звыклым спосабам утварэння слоў: *СМІ, НІІ, ЛТП, ЕШКА, ААА, ТН*;

6) распаўсюджаны таксама рознага тыпу эліптычныя спосабы ўтварэння аднаслоўных намінацый на базе паралельна існуючых у мове састаўных найменняў, перш за ўсё, шляхам паглынання ці ўключэння адных кампанентаў іншымі і, такім чынам, выдалення апошніх. Параўнаем: *мінералка* замест *мінеральная вада*, *шматтыражка* замест *шматтыражная газета*, *глянец* замест *сукупнасць глянцавых часопісаў*, *мабільнік* замест *мабільны тэлефон*, *дэмбель* замест *дэмабілізаваны*, *афганец* замест *удзельнік вайны ў Афганістане*, *думскі* замест *член думы*;

7) актывізавалася таксама ў апошні час з'ява скарачэння аднаслоўных намінацый, якую можна разглядаць як асобны спосаб словаўтварэння: *заў* замест *загадчык*, *спец* замест *спецыяліст*, *рацыя* замест *радыёстанцыя*.

Наступная, найбольш заметная агульная і міжузроўневая тэндэнцыя, характэрная для

сучаснай беларускай мовы, – гэта інтэрнацыяналізацыя, якая абумоўлена, галоўным чынам, экстралінгвальнымі фактарамі, г. зн. моўнымі кантактамі і працэсамі запазычання пэўных марфем і слоў з пэўнай групы моў, якія служаць сродкам камунікацыі. У сучасным беларускім словаўтварэнні гэта тэндэнцыя знаходзіць адлюстраванне ў наступных з’явах.

Актыўна ўтвараюцца новыя словы ці словазлучэнні на базе запазычаных у апошні час інтэрнацыяналізмаў; прычым гэта з’ява назіральная не толькі ў тэрміналагічнай, але і ў размоўна-бытавой лексіцы: *офіс – офісная мэбля, камп’ютар – камп’ютарны стол*.

Са з’яўленнем у мове інтэрнацыяналізму ўзнікае цэлая серыя новых слоў, і ў выніку працэсам інтэрнацыяналізацыі ахопліваюцца не асобныя і ізаляваныя лексемы, а цэлыя серыі: *стымул, стымуляцыя, стымуляваць, стымуляванне, стымулятар, стымулятарскі; стандарт, стандартызацыя, стандартызаваць, стандартызаванне, стандартызаваны, стандартнасць*.

Не заўсёды апраўданым будзе штучнае змяненне граматычнай структуры запазычаных слоў і пераклад іх з аднаго граматычнага класа слоў у другі, напрыклад з прыметнікаў і дзеясловаў у назоўнікі, з назоўнікаў у прыметнікі і дзеясловы і г. д.

Сталі моднымі, асабліва ў апошні час, дэрываты: *камп’ютарызацыя, мадэрнізацыя, алкагалізацыя, дынамізацыя, глабалізацыя, мінімізацыя, радыкалізацыя*; ад’ектыўныя новаўтварэнні тыпу: *інвестыраваны, інтэрніраваны, дэталіраваны, дэкрэціраваны, генерыраваны*; дзеяслоўныя новаўтварэнні: *інвестыраваць, глабалізаваць, інкасаваць, эвалюцыянаваць, тэарэтызаваць, меліярыраваць*. Дарэчы заўважыць, што многія ад’ектыўныя новаўтварэнні ўжываюцца ў друку ў розных варыянтах: *меліярыраваць і меліяраваць, эвалюцыяніраваць і эвалюцыянаваць* і інш.

Паглыбленае вывучэнне працэсаў у сучасным беларускім словаўтварэнні на больш фактаграфічным матэрыяле можа мець не толькі пазнавальную, але і дыдактычную каштоўнасць.

Як бачым, з аднаго боку, татальная камп’ютарызацыя, глабалізацыя эканомікі, гандлю, фінансавай палітыкі дабавілі ў лексікон мовы значную колькасць новых адзінак і новых значэнняў. З другога боку, назіраюцца незваротныя стылёвыя змены, звязаныя з развіццём (часам празмерным) граматычнасці ў сродках масавай інфармацыі, з ненарміраваным ужываннем моўных адзінак у інтэрнэт-зносінах.

Заўважым, што моладзь ва ўсе часы была генератарам новых слоў і іх значэнняў. Маладзёжная лексіка ў цэлым характарызуецца

стылістычнай зніжанасцю (*адстой, няпруха, адмарозак*). Канешне, большасць такіх слоў хутка выходзіць з ужытку, некаторыя захоўваюцца дзесяцігоддзямі, і толькі асобныя застаюцца ў слаі размоўнай лексікі, якую могуць зафіксаваць нават нарматыўныя слоўнікі (*тачка – аўтамабіль, тусоўка – месца зносін моладзі*).

Апошнім часам пытанне пра захаванне нормаў беларускай літаратурнай мовы шырока абмяркоўваецца грамадскасцю. Вядуцца дыскусіі наконт нізкага ўзроўню мовы сродкаў масавай інфармацыі, адзначаецца падзенне культуры мовы ў моладзі, гаворыцца пра недапушчальнасць ненарматыўнай лексікі, якая прасочваецца на тэлебачанне, у друк, вуснае маўленне, абмяркоўваецца якасць асобных слоўнікаў і даведнікаў па мове, якія павінны адлюстроўваць нормы сучаснай беларускай мовы ва ўсіх яе стылістычных разнавіднасцях.

Вялікая бяда яшчэ і ў тым, што запазычаная лексіка перакладаецца часам не зусім правільна. Буквальны перанос формаў зыходнай мовы ў мову перакладу – праяўленне некампетэнтнасці перакладчыка. У міжнародным перакладзе адносіны камунікатыўнай эквівалентнасці паміж зыходным тэкстам і тэкстам перакладу павінны захоўвацца.

Вядома, у эпоху глабалізацыі спыніць ці забараніць наплыў чужой лексікі практычна немагчыма. Гэта ўласцівасць характэрна для натуральных моў. Разам з тым існуюць рамкі лінгвістычнай характэрнасці і здаровага розуму.

Заклучэнне. Эвалюцыйныя працэсы ў сучаснай мове ставяць перад лінгвістамі шмат пытанняў, у шэрагу якіх камунікатыўная эквівалентнасць міжмоўных пераходаў, словаўтварэнне, стылістычная накіраванасць.

У беларускай лексікалогіі і лексікаграфіі на сённяшні дзень дамінуе інтуітыўны падыход да прадстаўлення моўных фактаў, што часта не можа даць аб’ектыўнага апісання мовы. Сучасныя ж падыходы патрабуюць больш поўнага і дакладнага прадстаўлення аб’екта лінгвістычнага даследавання з пазіцыяй моўнай рэпрэзентатывнасці. У такім выпадку неабходна штогод ствараць лексіка-граматычную базу, вартасць якой будзе заключацца ў тым, каб змяшчаць не толькі моўныя адзінкі, зафіксаваныя ў нарматыўных слоўніках, але і словы, якія з’явіліся ў беларускай мове за апошнія дзесяцігоддзі. Карыснай будзе таксама праца па стварэнні базы толькі новых адзінак, якую можна пазначыць базай актуальнай лексікі беларускай мовы. Выкарыстанне такой базы дапаможа ў перспектыве стварэнню розных слоўнікаў, а таксама дазволіць выйсці на новы ўзровень лінгвістычных даследаванняў.

Паступіў 02.04.2010

УДК 811.161.1'243'276.6:54(075.4)

Е. И. Скоробогатая, преподаватель (БГТУ)

**ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ПОСОБИЯ
«РУССКИЙ ЯЗЫК. НАУЧНЫЙ СТИЛЬ РЕЧИ
НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПО ХИМИИ»**

В статье анализируются особенности структуры учебно-методического пособия. Указаны цели и задачи пособия, дано описание разнообразных заданий – фонетических, лексических и грамматических. Приведены конструкции, типичные для научного стиля речи, а также методы и приемы, с помощью которых иностранные слушатели смогут зафиксировать эти конструкции на письме.

The article considers the specific features of the textbook. The author highlights the objectives of the textbook, describes phonetic, lexical and grammar tasks. The typical language constructions of a scientific oral speech are shown as well as the methods and techniques which help foreign students to write down all these constructions.

Введение. Целью обучения иностранных слушателей по программе подготовительного отделения является подготовка к получению специального образования на русском языке, поэтому программа подготовительного отделения включает не только общее владение языком, но и учебно-профессиональное. Профессиональное общение формируется в процессе обучения русскому языку на подготовительном отделении [1].

Профессиональная подготовка иностранных слушателей к практическому общению с учетом будущей специальности – одна из важнейших задач коммуникативно-направленного метода обучения русскому языку. Осуществление данных задач при обучении русскому языку как иностранному на начальном этапе требует особого подхода к отбору учебного материала.

Основная часть. Специальная подготовка иностранных слушателей к изучению дисциплин естественно-научного профиля осуществляется на занятиях по научному стилю речи [2]. На кафедре подготовлено учебно-методическое пособие «Русский язык. Научный стиль речи на материале текстов по химии». Цель пособия – научить иностранных слушателей:

- понимать звучащий и письменный текст;
- участвовать в диалоге в пределах языкового и речевого материала, данного в учебно-методическом пособии, и строить небольшие высказывания на определенной тему;
- выделять основную информацию из текста, воспринимаемого на слух, без зрительной опоры, и записывать ее.

В пособии решается несколько задач:

- 1) развитие речевых навыков слушателей на уровне предложения, а затем связанного текста, представляющего собой смысловое и формально-грамматическое единство;
- 2) расширение лексического запаса, отработка и закрепление активной лексики;
- 3) усвоение слушателями конструкций, типичных для научного стиля речи, а также мето-

дов и приемов, с помощью которых слушатели смогут зафиксировать эти конструкции на письме.

Лексическая работа, постоянно находясь в центре внимания преподавателя, естественно вплетается в комплекс разнообразных заданий – фонетических, лексических и грамматических. Опираясь на традиционные классификации, мы различаем тренировочные (языковые), предречевые и речевые задания.

В тренировочных заданиях отрабатывается преимущественно та или иная языковая форма, представляющая трудность для иностранных слушателей. К этому типу заданий относятся задания:

- в произнесении отдельных слов (например, гомогенный, неоднородный, гетерогенный, неизменный, преимущественный);
- на образование грамматических форм (например, обладать – обладание, разделить – разделение, выпускать – выпуск, твердый – более твердый);
- направленные на преодоление трудностей, связанных с усвоением значения терминов, их запоминанием и сочетаемостью (например, закон постоянства состава, молекулярная структура, качественный и количественный состав, молярный объем газа).

Предречевые задания, подготавливая студентов к речепроизводству, формируют навыки воспроизведения языковых единиц, позволяют довести навыки употребления усвоенного до высокой степени автоматизма [3].

Речевые задания служат для овладения умениями и навыками устной речи на базе усвоенных знаний и первичных речевых умений. Они призваны обеспечить развитие и совершенствование навыков и умений употребления лексических единиц в речевых ситуациях, имитирующих условия профессиональной коммуникации.

Целью предлагаемых заданий является усвоение иностранными слушателями химической терминологии для ее последующего

использования в подготовленной и неподготовленной речи (пересказ текста, сообщение). Для достижения этой цели необходимо сформировать у иностранных слушателей следующие навыки и умения:

- 1) выбор правильного значения слова;
- 2) нахождение нужной формы слова;
- 3) комбинирование лексических единиц и грамматических конструкций;
- 4) употребление слов, словосочетаний и предложений; формулирование вопросов с использованием указанной преподавателем лексики.

При отборе языкового материала использовались принципы профессиональной значимости, прочности и сознательности усвоения учебного материала, языковой системности. Изученные единицы лексики закрепляются при построении и восприятии высказываний и текстов в рецептивных и продуктивных видах речевой деятельности иностранных слушателей.

При разработке заданий нами учитывалось тесное взаимодействие всех видов речевой деятельности: каждая тема включает в себя задания, которые расширяют пассивный и активный словарный запас иностранных слушателей. Задания способствуют также развитию у обучаемых навыков слушания, понимания, чтения и говорения [4].

Работа базируется на текстовом материале по химии, который изложен в соответствии с программой для поступающих в высшие учебные заведения Республики Беларусь. Пособие включает грамматический материал, предтекстовые и послетекстовые задания, тексты по 25 темам:

- Тема 1. Предмет химии.
- Тема 2. Атомно-молекулярное учение.
- Тема 3. Молекула.
- Тема 4. Атом.
- Тема 5. Химический элемент.
- Тема 6. Простые и сложные вещества.
- Тема 7. Чистые вещества и смеси.
- Тема 8. Химические символы и формулы.
- Тема 9. Явления физические и химические.
- Тема 10. Закон постоянства состава.
- Тема 11. Закон сохранения массы веществ.
- Тема 12. Закон Авогадро.
- Тема 13. Периодический закон химических элементов.
- Тема 14. Периодическая система элементов Д. И. Менделеева.
- Тема 15. Оксиды.
- Тема 16. Основания.
- Тема 17. Кислоты.
- Тема 18. Соли.
- Тема 19. Строение атома.
- Тема 20. Строение электронной оболочки атома.

Тема 21. Природа химической связи.

Тема 22. Типы химической связи.

Тема 23. Валентность и степень окисления.

Тема 24. Межмолекулярное взаимодействие.

Тема 25. Классификация химических реакций.

Каждая тема включает активную лексику в той последовательности, в которой она встречается в тексте.

Занятия по пособию осуществляются преподавателем русского языка в качестве одного из аспектов изучения этой дисциплины. Однако ряд заданий, снабженных образцами, может быть выполнен слушателями самостоятельно.

В начале каждой темы указан грамматический материал, который предполагается обязательно проработать в аудитории. По теме «Строение атома» даны:

1. Конструкции: что? представляет собой что?;

Что? состоит из чего?

Что? имеет что?

Что? удерживается где?

Что? носит название чего?

Что? называется чем?

Что? определяется чем?

2. Глагольное управление. Виды глагола: удерживаться/удержаться где? в ядре.

3. Согласование прилагательного с существительным: атомный номер, протонное число, массовое число.

Главная цель материала – добиться усвоения студентами конструкций, типичных для научного стиля, а также методов и приемов, с помощью которых иностранные слушатели подготовительного отделения смогут зафиксировать эти конструкции на письме. Наиболее трудные грамматические конструкции повторяются несколько раз. При необходимости преподаватель дает устные пояснения лексико-грамматического характера, а именно обращает внимание на употребление глаголов в конструкциях *что? превращается во что?*, *что? растворяется в чем?*, на употребление родительного падежа после существительных с суффиксами *-ение/-ание-*, которые обозначают процесс, а также после существительных *атом, молекула* (например, кипение воды, атом кислорода, молекула соляной кислоты) и т. д.

Затем даются лексика, предтекстовые задания, текст и послетекстовые задания. Предтекстовые задания должны подготовить студента к адекватному восприятию слов, словосочетаний и отдельных предложений, представленных в тексте; они призваны снять трудности, связанные с пониманием содержания текста. Например, предтекстовые задания темы «Строение атомов»:

Задание 1. Найдите в словаре значения новых слов и запишите их в свой словарь.

Представлять (*что?*)
 Своеобразный -ая, -ое, -ые
 Электронейтральный -ая, -ое, -ые
 Микросистема
 Состоящий -ая, -ее, -ие
 Положительный -ая, -ое, -ые
 Положительно
 Отрицательный -ая, -ое, -ые
 Отрицательно
 Электрон – электроны
 Протон
 Нейтрон
 Одинаковый -ая, -ое, -ые
 Символ
 Символический -ая, -ое, -ие
 Превышать – превысить (*что?*)
 Отталкивать – оттолкнуть (*что?*)
 Перегруппировать (*что?*)
 Порядковый -ая, -ое, -ые
 Масса
 Массовый -ая, -ое, -ые

Задание 2. а) Слушайте и повторяйте.

Своеобразный, микросистема, отрицательно, заряженный, протон, нейтрон, символ, символический, ядерные силы, протонное число, отталкивание, одноименно, перегруппировка, порядковый номер, массовое число.

б) Читайте.

Задание 3. От глаголов образуйте существительные.

Образец: представлять – представление.

Превышать, отталкивать, определять, разрушать, называть, обозначать.

Послетекстовые задания закрепляют лексический и грамматический материал, содержащийся в тексте, и готовят студентов к пересказу.

Отработка навыков говорения связана с обучением правильному оформлению высказывания. Этой цели служат лексико-грамматические послетекстовые задания. Например, в задании 1 по теме «Строение атома» дано:

1. Найдите в тексте вступление.
2. Найдите основную часть текста.
3. Есть ли в тексте заключение?

В задании 2:

1. Скажите, какова роль вступления в тексте.
2. Проанализируйте структуру основной части текста:

а) сколько смысловых частей можно выделить в основной части;

б) о чем говорится в каждой части.

В задании 3. Составьте план текста «Строение атома».

Заключение. Лексико-грамматические задания могут выполняться как устно, так и письменно, самостоятельно или под руководством преподавателя. Конечный этап при обучении говорению – монологическое высказывание по данной лексической теме на материале текстов по химии [5].

Структура учебно-методического пособия «Русский язык. Научный стиль речи на материале текстов по химии» содержит основной понятийный и терминологический комплекс соответствующей дисциплины и призван обеспечить языковую подготовку иностранных слушателей к занятиям по химии на подготовительном отделении и к первым занятиям по общей и неорганической химии на основном факультете.

Литература

1. Русский язык как иностранный: тип. учеб. программа для иностр. слушателей подгот. фак. и отд-ний высш. учеб. заведений / С. И. Лебединский [и др.]. – Минск: БГУ, 2006.
2. Девятайкина, В. С. Пособие по методике преподавания русского языка как иностранного для студентов-нефилологов / В. С. Девятайкина, В. В. Добровольская, З. Н. Ивлева. – М.: Рус. яз., 1984.
3. Жидкова, Г. Ф. Пособие по развитию навыков научной речи для иностранных студентов-филологов. Чтение, говорение, письмо / Г. Ф. Жидкова, С. А. Хавронина. – М.: Рус. яз., 1990.
4. Бирюкова, А. В. Пособие по научному стилю речи / А. В. Бирюкова, Л. П. Михайлюк. – М.: Рус. яз., 1980.
5. Власова, Н. С. Пособие по научному стилю речи для подготовительных факультетов (естественнонаучный профиль) / Н. С. Власова, И. И. Рафаева, Н. Г. Груздева. – М.: Рус. яз., 1991.

Поступила 02.04.2010

УДК 378.017:17

Н. Я. Савіцкая, ст. выкладчык (БДТУ)

НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ ДУХОЎНА-МАРАЛЬНАГА ВЫХАВАННЯ

У артыкуле разглядаюцца такія паняцці, як глабалізацыя, мараль, маральнасць, духоўнасць, аналізуюцца прычыны крызісу духоўнай культуры ў сучасным свеце, магчымасць маніпуляваць свядомасцю мільёнаў людзей з дапамогай Інтэрнэта і СМІ. Звяртаецца ўвага на неабходнасць выпрацоўкі і захавання каштоўнасна-светапогляднай бяспекі, якая забяспечваецца маральна-духоўным выхаваннем асобы і з'яўляецца звышзадачай усяго працэсу адукацыі і выхавання моладзі.

The article concerns such notions, as globalization, morality, moral, spirituality. The reasons of spirituality culture crisis in modern society and the possibility of manipulating with awareness of million people through the Internet and mass media are analyzed. The author highlights the necessity of the development and maintenance of world outlook value safely which is ensured by moral and spiritual education of a person, being the top task and learning, education work with the youth.

Уводзіны. У цяперашні час мы з'яўляемся не толькі сведкамі, але і непасрэднымі ўдзельнікамі найважнейшых працэсаў у жыцці беларускага грамадства і дзяржавы. На нашых вачах адбываецца ўмацаванне і развіццё нацыянальнай свядомасці, аднаўленне гістарычнай памяці і зварот да духоўнай спадчыны нашага народа. Усё гэта непасрэдна звязана з далучэннем грамадзян, і ў першую чаргу моладзі, да шматвяковай традыцыі хрысціянства, бо на працягу стагоддзяў менавіта хрысціянства вызначала асновы нацыянальнай самасвядомасці, узбагачала скарбніцу беларускай нацыянальнай культуры, захоўваючы для нашчадкаў лепшыя творы архітэктуры, літаратуры і царкоўнага мастацтва, свярджаючы маральныя ўстоі, ствараючы асвету, укараняючы дабрадзейнасць.

Але ў працэсе ўмацавання беларускай дзяржаўнасці востра стаіць пытанне аб духоўна-маральным выхаванні моладзі. Чалавек у сучасным свеце постмадэрнізму знаходзіцца ў пошуках духоўных асноў, здольных вярнуць страчаную веру ў дасягненне гармоніі, стабільнасці і згоды.

Асноўная частка. Беларусь – цэнтр Еўропы, таму яе не могуць абмінуць як агульнаеўрапейскія працэсы, так і сусветныя працэсы глабалізацыі.

І як у гэтых складаных працэсах будаваць дзяржаву, ствараць новую эканоміку, палітыку, што прыняць з новага, што змяніць у старым ладзе жыцця, ад чаго пазбавіцца, што ўмацаваць? Як стаць рэальна самастойнай незалежнай дзяржавай у эканамічным, палітычным, экалагічным, культурна-маральным плане?

Адказваючы на гэтыя пытанні, варта пачаць з крызісных з'яў у духоўнасці вялікай часткі грамадства.

Эканаміст В. Нікалаеўскі адзначае, што чалавецтва з прычыны паступовай духоўнай дэградацыі падыходзіць да небяспечнай рысы, за якой створаны ім магутны інтэлектуальны і тэхналагічны патэнцыял, які можа пагражаць

выжыванню Чалавека як віда і цывілізацыі ў цэлым. Гэта фактычна азначае, што свет пераступіў парог новай ступені развіцця чалавечай цывілізацыі – постіндустрыялізму, аднак ён мае даволі смутнае ўяўленне аб шляхах рашэння спадарожных праблем.

Змены, якія адбываюцца ў сучасным свеце, – ёсць вынік дзеяння асноўнага закона сацыяльна-эканамічнага развіцця чалавечай цывілізацыі – закона глабалізацыі [1].

Тэрмін «глабалізацыя» звязаны з імем амерыканскага сацыёлага Р. Робертсана, які ўпершыню выкарыстаў яго ў 1983 г. Сінтэз тэорыі глабалізацыі і постіндустрыялізму (інфармацыйнага грамадства) прасочваецца ў працы М. Кастэльса [2], дзе даказваецца ўплыў інфармацыйных тэхналогій на змяненне палітыкі, эканомікі, культуры грамадства. Сёння глабалізацыя стала аб'ектыўнай рэальнасцю, у якой мы жывём кожны дзень і якая праяўляецца ва ўсіх сферах чалавечай дзейнасці.

Постіндустрыяльны этап глабалізацыі грамадства з прычыны яго тэхналагічных магчымасцей істотна павышае ступень уплыву індывіда на глабальную сацыяльна-экалагічную сістэму і аб'ектыўна патрабуе асаблівай увагі да яго духоўных якасцей. А глабальны фінансавы крызіс указвае на няздольнасць сусветнай супольнасці супрацьстаяць разбурэнню сістэмы традыцыйных духоўных каштоўнасцей чалавека. Чалавецтва дасягнула высокіх тэхналагічных поспехаў, але яшчэ не мае вопыту і ведаў пабудовы новай інстытуцыянальнай мадэлі дзяржавы, якая адпавядала б постіндустрыяльнаму этапу глабалізацыі. Многія навукоўцы канстатуюць, што страчана духоўнасць цывілізацыі, а аднаўленне яе – надзвычай складаная задача.

Вядома, што з капіталам як вынікам дзейнасці чалавека перыядычна ўзнікаюць праблемы ў тых, хто схільны да непамернага ўзбагачэння за кошт іншых, улады і г. д., пераступаючы маральныя нормы, страчваючы духоўнасць.

Але тут якраз варта нагадаць пра духоўную сілу Чалавека і прывесці выказванне Мітрапаліта Філарэта: «Чалавек перажывае той свет, у якім ён жыў. Чалавек не толькі грахоўны: ён закліканы да пераадолення сваёй грахоўнасці і да духоўнага ўзрастання... Толькі ў гэтым імкненні і на гэтым шляху чалавек можа пераадолець грахоўныя жарсці, якія ўстаюць на гэтым шляху. Не проста барацьба са злом у сабе і ў свеце, але і тварэнне добра і яго сцвярдженне, устанаўленне – вось духоўная задача чалавека» [3].

І сапраўды толькі духоўна моцны Чалавек можа супрацьстаяць матэрыяльным спакусам і хуткаму ўзбагачэнню за кошт прыгнечання і абкрадвання іншага чалавека, фарміруючы вакол сябе атмасферу даверу, добразычлівасці, узаемадапамогі, удзелу ў лёсе бліжняга.

А як сёння вызначаецца паняцце «духоўнасць»? Напрыклад, у «Філасофском энциклопедическом словаре» (М.: Сов. энциклоп., 1983) такое паняцце ўвогуле адсутнічала. А сёння, у сувязі з глабалізацыяй, яно надзвычай актуальнае.

Вядомы багаслоў А. І. Осіпаў выздзяляе два вызначэнні духоўнасці – свецкае і рэлігійнае. Свецкая духоўнасць уключае ў сябе элементы культуры (культурнасці), маральнасць, эрудзіраванасць, эстэтыку, этыкет. Рэлігійная духоўнасць звязана з імкненнем да святасці, да вызвалення ад жарсцяў, ад духоўнай поскудзі, дрэнных учынкаў і звычак, звязана з любоўю да Бога і бліжняга. У той жа час праблема вызначэння духоўнасці з'яўляецца асноўнай не толькі для рэлігіі, але і для кожнага чалавека, паколькі менавіта станам духу абумоўлен ў канчатковым выніку характар, накірунак і сама разумнасць усёй чалавечай дзейнасці. Свецкая духоўнасць прыроўніваецца, хутчэй, да культуры ў яе духоўным аспекце [4].

У нашай свядомасці паняцце «духоўнасць» звязана з паняццем «вера». На пытанні, хто такая «духоўная асоба» і што такое «духоўнасць», просты чалавек адкажа, што гэта святар, а духоўнасць – вера. І ў гэтым ёсць логіка. Вядома, першай формай адлюстравання духоўнага свету чалавека з'яўляецца міф. У ім спалучаюцца пачаткі ведаў, вераванняў, палітычных поглядаў, філасофіі, розных відаў мастацтва. Але вера займае вядучае месца. Яна нараджаецца ўнутры чалавека, фарміруе маральныя арыенціры, паводзіны людзей у рэальным жыцці. Аднак акрамя Веры, паняцце «духоўнасць» спалучае ў сабе Дабро, Ісціну і Прыгажосць. Менавіта так успрымалі духоўнасць і грэкі, і славяне, такога традыцыйнага погляду прытрымліваемся сёння і мы. Культура ў сваёй аснове – духоўнае ўваабленне чалавека і народа, сукупнасць духоўных каштоўнасцей, працэс іх стварэння, засваення і ацэнкі як грамадствам, так і асобным ча-

лавекам. У шырокім сэнсе, прастора культуры складаецца са створаных народам і перадаваемых з пакалення ў пакаленне каштоўнасцей, ідэй, сімвалаў, вераванняў, звычаяў, нормаў і правілаў паводзін, што вызначаюць жыццё людзей.

Культуру трэба адрозніваць ад цывілізацыі. Цывілізацыя таксама стварае каштоўнасці – матэрыяльныя і сацыяльныя, неабходныя для жыцця і існавання чалавека.

Дык у чым жа розніца? «Розніца якраз у духоўнасці, якая з'яўляецца стрыжнем культуры, яе асновай і крыніцай...»

Вера, Ісціна (г. зн. веды, правяраныя практыкай), Мараль (варта нагадаць «залатое правіла» паводзін: «Трэба ставіцца да іншага чалавека так, як табе хочацца, каб людзі ставіліся да цябе») і эстэтычная культура асобы (уключаючы тонкасці мастацкага перажывання) – гэта складае сутнасць духоўнасці ў нашы дні і з'яўляецца вышшаю асновай працэсу адукацыі і выхавання моладзі» [5].

Ва ўмовах нашага часу набываюць новую трактоўку такія катэгорыі, як мараль і маральнасць, размяжоўваюцца паняцці «асоба» і «індывід».

Па вызначэнні прафесара БДУ А. Андрэева, мараль – гэта сістэма каштоўнасцей, якая прымае форму нормаў і правілаў і рэгулюе паводзіны індывіда з пункту гледжання інтарэсаў грамадства; мараль – гэта звод сацыяцэнтрычных догмаў і канонаў, якія забяспечваюць прыярытэт патрэбнасцей сацыуму над патрэбнасцямі асобы. Інтэрэсы асобы ўключаюцца ў мараль роўна ў той ступені, у якой асоба запатрабавана грамадствам і цікавая яму (г. зн. у мінімальнай ступені).

Маральнасць – гэта сістэма каштоўнасцей, якая прымае форму нормаў і правілаў і рэгулюе паводзіны індывіда з пункту гледжання інтарэсаў асобы (у якіх інтарэсы грамадства ўключаюцца як асноўная частка). Маральнасць – гэта дыялектычна гнуткі, аднак універсальны, нарматыўны кодэкс асобы, у аснове якога ляжыць персонцэнтрычная арыентацыя.

Мараль і маральнасць суадносяцца як індывід і асоба, як сацыяцэнтрум і персонцэнтрум, як псіхіка і свядомасць, як натура і культура.

Маральныя адносіны рэгламентуюцца інтэлектам – інструментам працягу несвядомага, калі адносіны чалавека ў грамадстве пачынаюць рэгулявацца розумам (свядомасцю), мараль саступае месца маральнасці, як больш нізкая сістэма рэгуляцыі – больш развітай, высокая. Маральнасць узнікае на аснове маралі, але не адмаўляе апошнюю [6]. Для стабільнага развіцця краіны неабходна выхоўваць асобу маральную, прыкладаючы шмат намаганняў праз усе магчымыя сродкі ўздзеяння на чалавека.

Вядома, што за тысячагодзі свайго існавання чалавецтва перажыло тры інфармацыйныя рэвалюцыі: першая была звязана з вынаходствам пісьменнасці, дзякуючы чаму ўзніклі цывілізацыі; другая рэвалюцыя – вынаходніцтва кнігадрукавання – далучыла да вытанчанай пісьмовай культуры шырокія масы людзей. Прычым ядром кніжнай культуры выступалі свяшчэнныя тэксты Ведаў, Карана, Пяцікніжжа і Бібліі, што надавала кніжнай эпосе ў гісторыі чалавецтва вектар напружанага духоўнага пошуку. Трэцяя з рэвалюцый прывяла да ўзнікнення электронных сродкаў інфармацыі і камунікацыі, у тым ліку і Інтэрнэта, садзейнічала ўзнікненню новых неадназначных з’яў. Ужо ў саміх назвах асноўных сродкаў сучаснай камунікацыі – Сусветная сетка, Глобальнае павуцінне – хаваецца выклік і насцярожваюць сэнсы гэтых назваў. Новыя сродкі камунікацыі адпавядаюць постмадэрнісцкаму стану культуры і арыентаваны на бясконцы плюралізм, раўназначнасць добра і зла, высокага і нізкага, прытворнага і сапраўднага, прыгожага і агіднага, што ставіць пад пагрозу такую функцыянальную характарыстыку чалавечага быцця, як духоўнасць.

Можна сказаць, што ў такіх выпадках ставіцца пытанне не толькі аб духоўнасці асобы, але і аб карыснасці яго для грамадства, аб яго фізічным здароўі і нават захаванні жыцця. Каб не страціць частку грамадства праз уплыў камп’ютарных тэхналогій, некаторыя дзяржавы ўводзяць у Інтэрнэт забарону на інфармацыю, якая скіравана на разбурэнне ў свядомасці чалавека ідэалу высокай духоўнасці; медыкі спрабуюць лячыць ад камп’ютарнай залежнасці.

Варта адзначыць, што сёння не кожны чалавек можа адрозніць добра і зло, а ведаючы гэта адрозненне, можа свядома тварыць зло. Зараз зло пераапрацаецца ў адзенне добра і пачынае панаванне ў свеце. Задача маральна-духоўнага выхавання – зрабіць сябе і свет навокал лепшым. Чалавек створаны для добра, быць шчаслівым і атрымліваць асалоду ад вечнасці, таму важна для яго выбраць правільны шлях у жыцці. Не прапусціць галоўнае. На жаль, мы яшчэ не дастаткова адукаваныя ў духоўнай галіне. І не толькі ў вызначэнні добра і зла. Скарб нашай нацыянальнай культуры неацэнны, але мы не ўсе ведаем яе і не цэнім. Неабходна памянаць ацэнку, што дасць імпульс умацавання патрыятызму. А патрыятызм – гонар за краіну, за сённяшні дзень, упэўненасць у будучым – гэта таксама духоўнае паняцце.

Крыніцы духоўнасці са старажытных часоў былі ў самой сутнасці чалавека як творцы культуры, стваральніка духоўных каштоўнасцей. З вынаходніцтвам Інтэрнэта, здавалася б, патэнцыял развіцця і распаўсюджвання духоўнасці

мог бы павялічыцца, бо чалавек, выкарыстоўваючы інфармацыйныя інавацыі, перамяшчаецца з матэрыяльнага свету ў свет ідэальнай сутнасці, рознабакова рэалізуючы свае духоўныя здольнасці. Але паняцце духоўнасці асобы не супадае з паняццем духоўнай дзейнасці, якая ўключае ў сябе разумовыя, лагічныя аперацыі, рацыянальны разлік, якія могуць не адпавядаць паняццю духоўнасці і нават уступаць у супярэчнасць з ім.

Духоўнасць як характарыстыка асобы звязана з паняццем маральнасці і адказнасці, самаахвярнасці і сацыяльна-арыентаванай актыўнасці. Ці з’яўляюцца носьбітам духоўнасці сучасныя СМІ? Асноўныя інфармацыйныя плыні ў сучасным свеце групуюцца вакол мэтай узбагачэння любой цаной. Таму нашу эпоху можна назваць эпохай сусветнага падману, а магчымасці маніпулявання свядомасцю мільёнаў людзей сталі беспрэцэдэнтнымі. Уласна Інтэрнэт выступае як найважнейшы фактар глабалізацыі, забяспечваючы фарміраванне адзінай, агульна-сусветнай інфармацыйнай эпохі [7].

Заклучэнне. У XXI ст. стабільнае развіццё краіны немагчыма без кардынальнага рашэння пытанняў, скіраваных на фарміраванне творчай, мабільнай, гібкай, з багатым гуманістычным патэнцыялам асобы. Развіваючы інтэлект, неабходна выходзіць ідэалы высокай духоўнасці.

Літаратура

1. Николаевский, В. В. Фиаско мирового эгоизма / В. В. Николаевский // Беларуская думка. – 2009. – № 10. – С. 46.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: информационное общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУВШЭ, 2000.
3. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси. Глобализация с богословской точки зрения / Филарет // Вступительное слово Митрополита Филарета на семинаре в Институте философии РАН в рамках Рождественских чтений 29 января 2004 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minds.by/trudy/special/trs_15.html. – Дата доступа: 10.08.2009.
4. Осипов, А. И. Путь разума в поисках истины / А. И. Осипов. – М.: Даниловский благовестник, 1997. – С. 196–205.
5. Салеев, В. А. Духоўнасць і культура / В. А. Салеев // Народная асвета. – 2001. – № 6. – С. 74.
6. Андреев, А. Н. Духовно экзистенциальный феномен / А. Н. Андреев // Беларуская думка. – 2009. – № 9. – С. 112–116.
7. Кирвель, Ч. С. Эпоха вселенского обмана: Информационный взрыв и судьбы духовности / Ч. С. Кирвель, И. В. Бусько // Беларуская думка. – 2009. – № 9. – С. 64–73.

Паступілі 02.04.2010

УДК 378.091.33:81'243

О. С. Антонова, преподаватель (БГТУ)

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ КАК ВАЖНЕЙШИЙ КОМПОНЕНТ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В статье особое внимание уделено проблеме стандартизации образования в вузе, связанной с необходимостью объективной оценки уровня обученности студентов. Подробно рассмотрены основные функции тестирования, к которым относят обучающую, собственно контролирующую, диагностирующую, управленческую, мотивирующую, оценочную, воспитывающую, развивающую. Представлена полная классификация по целевым, функциональным, содержательным, а также по формальным признакам. Приведены некоторые методические рекомендации по наиболее эффективному интегрированию данной классификации для разработки лексико-грамматических тестов как составной части модуля контроля в конце семестра и курса обучения на кафедре иностранных языков в БГТУ.

The article focuses on some aspects of linguistic didactics – the testing of the developed foreign language capacity of the students of a non-linguistic university. Great attention is paid to the functions of controlling such as training, monitoring, diagnostic, managerial, stimulating, educational and other ones. The testing is determined as the sum total of procedure steps and exactly: planning, composing, verifying, processing and interpretation of the primary test data, and ultimately replanning and creating of the final test.. The author considers some new classification of tests which corresponds to modern demands of methodological science and highlights the most important characteristics, which affect the quality of the test.

Введение. Развитие образования в Республике Беларусь выдвинуло проблему его стандартизации, которая связана с необходимостью объективной оценки уровня обученности. Одним из способов получения такой информации является педагогическое тестирование.

Технология тестирования – это одна из форм лингводидактического контроля, отражающего современный уровень развития методической науки. Она положена в основу создания контрольных измерительных материалов по иностранным языкам и проведения стартовой, рубежной и итоговой аттестации студентов неязыковых вузов.

Основная часть. Для внедрения тестовых технологий в практику обучения необходима подготовка преподавателей иностранного языка по методике разработки и применения педагогических тестов. Они должны быть ознакомлены с такими современными средствами оценивания результатов обучения, как лингводидактическое тестирование, в том числе компьютерное тестирование, мониторинг, рейтинговая система оценивания, контрольные измерительные материалы экзамена по иностранным языкам, технология выполнения экзаменационных заданий и технология их оценивания.

Контроль представляет собой сложное диалектическое целое, в котором тесно переплетаются деятельность преподавателя и студента [1].

В результате тестирования преподаватель получает информацию о качестве своей работы, об эффективности тех или иных приемов обучения; анализирует свою деятельность и своевременно исправляет методические ошибки; пра-

вильно планирует процесс обучения, целенаправленно распределяет учебное время; получает сведения о результатах работы группы обучаемых в целом и каждого обучаемого отдельно, которые могут служить основанием для индивидуализации и дифференциации обучения.

Для обучаемого значение контроля заключается в том, что он стимулирует учебную деятельность, повышает мотивацию обучения, позволяет студенту корректировать свою учебную деятельность.

К основным функциям тестирования относят обучающую, собственно контролирующую, диагностирующую, управленческую, мотивирующую, оценочную, воспитывающую, развивающую [2].

Одной из ведущих является обучающая функция контроля. Это значит, что контроль своими средствами, и в первую очередь контрольными заданиями, должен способствовать реализации задач обучения. Система контролирующих заданий синтезирует ранее усвоенный материал и приобретенные умения, обеспечивает их повторение и закрепление.

Обучающая функция тесно связана с управленческой, которая позволяет корректировать действия студента и вносить изменения в структуру и содержание учебного процесса, корректировать образовательную программу, учебные планы.

Собственно контролирующая функция обеспечивает проверку достижения студентами определенного уровня сформированности иноязычных умений и навыков за определенный отрезок времени.

Следующей функцией тестирования является диагностическая, которая позволяет не только выявить пробелы в подготовке студентов, но и установить причины пробелов, получить информацию о характере трудностей, возникших у них.

С данной функцией тесно связана оценочная, характеризующая деятельность обучаемых с двух сторон. С одной стороны, оценивается процесс деятельности, выносятся суждения о качестве ее протекания, степени активности или неактивности студентов. С другой стороны, оцениваются результаты деятельности как преподавателя, так и обучающихся.

Не менее важными функциями контроля являются воспитывающая и развивающая. Помимо установления фактического уровня усвоения материала, контроль развивает такие качества личности, как самостоятельность, настойчивость, целеустремленность, критическое мышление, самообладание. Он развивает также память, внимание, восприятие и т. д.

Воспитывающая функция контроля в целом является сопутствующей, но может быть и доминирующей, когда, например, преподаватель стремится приучить отдельных студентов к систематической работе, старается воздействовать на их психологические особенности (развивать волю, память и пр.). Перечисленные функции контроля в обучении иностранным языкам реализуются практически во всех видах контроля: текущем, тематическом, рубежном и итоговом. Преподаватель выбирает тот или иной вид контроля в соответствии с практическими задачами при оценке знаний, навыков и умений студентов.

Слово «тест» в английском языке означает «испытание», «эксперимент», «проверка», «проба». Иногда тест трактуется чрезвычайно широко: под ним понимаются и простые контрольные работы, и контрольно-тренировочные упражнения, и собственно процесс контроля, а также все вместе взятое.

В обучении иностранным языкам используются языковые, или лингводидактические, тесты. Термин «лингводидактический тест» соотносится с комплексом заданий, соответствующих определенным требованиям [3].

Под тестированием в широком смысле имеют в виду совокупность всех процедурных этапов: планирование, составление, апробация, обработка и интерпретация результатов первичного, предварительного теста – предтеста, перепланирование, оформление и подготовка инструкций окончательного теста.

Специфика теста как формы контроля заключается в следующем:

– тест проводится в равных для всех испытуемых условиях: они работают с одинаковым по объему и сложности материалом в одно и то же время;

– тест характеризуется квалитетическими качествами, т. е. количественным выражением качества выполнения задания. Результаты выполнения заданий теста сравниваются с заранее подготовленными эталонами (ключами), что позволяет легко и точно установить правильность или ошибочность действий. Эти результаты поддаются количественной оценке в баллах в соответствии с определенной шкалой. Таким образом, можно обеспечить объективность и унифицированность проверки, независимость оценки результатов от личных суждений проверяющего;

– четкая определенность форм и содержания задания и всей структуры теста делает тестовый контроль экономичным, т. е. позволяет проверить одновременно большую группу обучаемых и значительный объем материала у каждого испытуемого;

– тщательность подготовки теста в соответствии с определенными разработанными правилами и предварительной экспериментальной проверкой для совершенствования редакции теста;

– строгая регламентация процедуры тестирования.

Существуют различные виды тестов. Наиболее полная классификация по целевым, функциональным и содержательным признакам, а также по формальным признакам представлена методистами-исследователями И. А. Рапопортом, Р. Сельг, И. Соттер [4]. Они выделили следующие подгруппы тестов:

1) *по цели применения*: констатирующие, диагностирующие, прогностические;

2) *применительно к виду осуществляемого контроля*: текущего, рубежного, итогового и заключительного контроля;

3) *в зависимости от статуса контролирующей программы*: стандартизированные, не стандартизированные;

4) *исходя из объекта контроля*: измеряющие усвоение языкового материала (навыки), измеряющие сформированность речевых умений;

5) *в соответствии с характером деятельности, которую нужно проконтролировать*: лингвистической и коммуникативной компетенций;

6) *в зависимости от направленности тестовых заданий*: дискретные, глобальные;

7) *по соотношению с нормами или критериями*: ориентированные на нормы, ориентированные на критерии.

Рассмотрим более подробно некоторые виды тестов.

Стандартизированные тесты – это официально зарегистрированные тесты, составленные коллективом специалистов и проверенные на большом числе испытуемых. В процессе подготовки и применения стандартизированных тестов предполагается статистическая обработка результатов тестирования. Например, при проведении

лексико-грамматического теста как составной части модуля контроля в конце семестра и курса обучения используются стандартизированные тесты. Нестандартизированные тесты могут быть составлены одним преподавателем и применяться в зависимости от конкретных задач в течение учебного года.

Дискретные тесты – это одноаспектные тесты, измеряющие усвоение языкового материала или сформированность конкретного речевого умения. Глобальные тесты – смешанные многоаспектные тесты итоговой аттестации при проведении экзамена.

Нормативно-ориентированные тесты – это тесты, предназначенные для оценки сравнительного уровня подготовки студентов между собой и определения сравнительного места, рейтинга для каждого тестируемого. Такие тесты используются, например, при проведении стартового тестирования. Результаты их выполнения позволяют ранжировать абитуриентов по количеству полученных баллов для дифференциации обучения.

Критериально-ориентированные тесты предназначены для определения уровня обученности испытуемого относительно некоторого критерия. Такими критериями при проведении итогового теста служат требования образовательного стандарта по иностранным языкам к уровню подготовки выпускников. При создании тестов, ориентированных на критерий, содержание обучения иностранному языку должно быть отражено максимально.

Для того чтобы тест по иностранному языку был качественным измерителем, он должен обладать рядом характеристик [5]. Среди них важнейшими являются валидность, надежность, экономичность, аутентичность.

Валидность означает пригодность тестовых результатов для той цели, ради которой проводилось тестирование. Если тест позволяет проверить все то, что задумано авторами, он считается валидным относительно контролируемого содержания обучения.

Надежность отражает степень постоянства, стабильности результатов тестирования. Надежным считается тест, который дает устойчивые результаты при повторном предъявлении при условии, что уровень подготовки испытуемых не изменился.

Экономичность теста – возможность конкретного теста дать максимум достоверной информации о тестируемом при минимальных затратах времени и усилий на составление, проведение, проверку и обработку теста.

Системообразующим качеством теста является также время тестирования. Время на вы-

полнение стандартизированного теста обычно ограничено, так как скорость оперирования языковым и речевым материалом является важным показателем сформированности языковых навыков и речевых умений.

Репрезентативность – также показатель содержательной стороны тестов. Она означает, например, что в тест включены наиболее важные элементы программы обучения.

Объективность и стандартность достигаются в процессе создания и применения тестов через одинаковые инструкции, формы получения ответов, способы обработки результатов, строгое нормирование условий тестирования.

На кафедре приняты соответствующие методические указания по разработке и проведению лексико-грамматического теста по иностранному языку. Лексико-грамматический тест является:

- констатирующим;
- стандартизированным;
- тестом рубежного контроля;
- тестом заключительного контроля;
- тестом лингвистической компетентности;
- тестом, ориентированным на критерии.

Заключение. Таким образом, педагогический тест можно рассматривать как средство измерений, которое представляет собой систему тестовых заданий возрастающей трудности, специфической формы и позволяет надежно и объективно измерить уровень усвоения знаний, сформированности навыков и умений испытуемых и выразить результат в числовом эквиваленте (баллах).

Литература

1. Аванесов, В. С. Композиция тестовых заданий: учеб. кн. для преподавателей вузов и студентов педвузов / В. С. Аванесов. – М., 1998.
2. Амонашвили, Ш. А. Воспитательная и образовательная функции оценки умения / Ш. А. Амонашвили // Иностранные языки в школе. – 1997. – № 12.
3. Галустян, О. В. Контроль знаний студентов по иностранному языку в техническом вузе / О. В. Галустян // Известия РПУ им. А. И. Герцена. – 2007. – № 20 (49): Аспирантские тетради. – С. 258–260.
4. Рапопорт, И. А. Тесты в обучении иностранным языкам: итоги двадцатилетнего эксперимента / И. А. Рапопорт, Р. Сельг, И. Соттер // Иностранные языки в школе. – 1989. – № 6.
5. Рапопорт, И. А. Тесты в обучении иностранным языкам в средней школе / И. А. Рапопорт, Р. Сельг, И. Соттер. – Таллинн, 1987.

Поступила 02.04.2010

УДК 378.091.33'.81'243'276.6

Т. С. Коженец, преподаватель (БГТУ)

РАЗВИТИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ

В статье рассматриваются проблемы формирования коммуникативной компетентности студентов с помощью использования новых информационных технологий. Автор раскрывает сущность понятия «профессиональная коммуникативная компетентность», ее значение для межкультурного взаимодействия будущих специалистов технического вуза в условиях международной интеграции. Подробно представляется структурно-содержательная модель данной компетентности, формулируются условия ее эффективного развития. Отдельное внимание уделяется принципам применения информационных технологий в процессе обучения, среди них: принцип комплексности, познавательной направленности, интегративной целостности всех форм учебной деятельности. Характеризуются различные методы работы с использованием информационных технологий.

The article focuses on the problem of developing students' foreign professional communicative competence when using information teaching technologies. The author points out the relevance of competence approach in the projection of action results of linguistic education in higher technical schools. The paper also reveals the concept of "foreign professional communicative competence", its structural and conceptual model. The article gives a detailed description of conditions stimulating the development of students' professional communicative competence. It particularly highlights the principles of using information technologies in teaching foreign languages and describes some methods of using software teaching programs, Internet resources and multimedia.

Введение. Значимой составляющей профессионального образования в высшей школе является становление, развитие и совершенствование вторичной языковой личности студентов, обладающих высоким уровнем профессиональной компетентности.

В условиях развития новых информационных технологий проблема развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов как будущих представителей информационного общества приобретает особое значение. Актуальность компетентностного подхода в проектировании деятельностных результатов языкового образования в неязыковом вузе определяется как необходимость преодоления дегуманизации технического образования путем конвергенции социально-гуманитарной и технической подготовки студентов [1].

Использование информационных технологий в обучении позволяет студентам иметь доступ к широкому спектру современной информации с целью развития профессиональных компетенций. Применение компьютерных средств, информационных источников сети Интернет способствует развитию высокого уровня информационной компетентности, современного взгляда на технические науки, формированию профессионального мышления на иностранном языке, повышению мотивации к изучению учебных предметов.

В то же время результатом сложившейся практики преподавания дисциплины «Иностранный язык» в технических вузах является тот

факт, что в условиях эффективного применения новых информационных технологий не полностью определены структура, содержание и условия развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности; не рассмотрен комплекс коммуникативных профессионально ориентированных задач с учетом специфики конкретного образовательного уровня в непрерывной многоуровневой структуре курса.

Следствием перечисленных проблем является ситуация, когда выпускники технического вуза, имеющие достаточно высокий уровень сформированности иноязычной коммуникативной компетенции, испытывают затруднения в процессе профессионального общения со специалистами других стран по причине недостаточно высокого уровня развития информационной компетентности, несформированности языка для профессиональных целей, поликультурного мировоззрения.

Студенту технического вуза – будущему специалисту – особенно важно осознание необходимости развития и совершенствования профессиональных компетенций также и в процессе изучения иностранного языка, потребности применения технических методов и средств в профессиональной деятельности, формирование мотивов достижения профессионального мастерства и самосовершенствования.

Основная часть. Понятие «компетентность» определяется как интеллектуально и личностно обусловленная способность людей к практической деятельности, а «компетенция» – как содержательный компонент этой способно-

сти в виде знаний, умений, навыков. По мнению И. А. Зимней, компетентность является актуальным проявлением компетенции [2].

Понятие «иноязычная профессиональная коммуникативная компетентность» рассматривается нами как способность будущего выпускника технического вуза действовать в режиме вторичной языковой личности в профессионально направленной ситуации общения со специалистами других стран, готовность к осуществлению межкультурного профессионального взаимодействия в поликультурном пространстве в условиях международной мобильности и интеграции.

Развитие иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности в условиях применения новых информационных технологий позволит будущему специалисту технического вуза:

- осуществлять межкультурное профессионально ориентированное общение в качестве вторичной языковой личности, обладающей высоким уровнем сформированности информационной компетентности;

- взаимодействовать с носителями другой культуры с учетом современного взгляда на технические науки, научного мировоззрения, профессиональных особенностей, национальных ценностей, норм и представлений;

- создавать позитивный для коммуникантов настрой в профессионально ориентированном общении на иностранном языке;

- выбирать коммуникативно-целесообразные способы вербального и невербального поведения на основе знаний о науке и культуре других народов в рамках полилога культур;

- сохранять национальную самоидентификацию в условиях международной интеграции и мобильности.

Структурно-содержательная модель иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности состоит из совокупности следующих ключевых (базовых) компетенций: лингвистической, дискурсивной, стратегической, социокультурной, прагматической (социальной), лингвопрофессиональной, социально-информационной, социально-политической, персональной (личностной, индивидуальной).

Условиями, способствующими развитию иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов в рамках применения новых информационных технологий обучения, являются:

- 1) наличие аудиовидеокomпьютерных, интерактивных средств обучения;

- 2) организация процесса обучения с применением новых информационных технологий, в том числе ресурсов сети Интернет;

- 3) необходимый уровень сформированности информационной компетентности преподавателей;

- 4) подбор различных форм, методов и приемов обучения в условиях использования электронных средств, учитывающих специфику конкретного образовательного уровня;

- 5) реализация самостоятельной проектной деятельности студентов;

- 6) личностно ориентированное обучение, актуализирующее развитие профессионально значимых мотивационных, волевых, эмоциональных и когнитивных качеств языковой личности: толерантность, эмпатию, уважение к национальной культуре и традициям как условие обеспечения успешного международного общения, формирование новых понятий и способов действий;

- 7) компетентностный подход, усиливающий мотивацию, повышающий уровень сформированности компетенций по дисциплине «Иностранный язык», и успешность межкультурной коммуникации;

- 8) учет международных и отечественных стандартов качества профессионально ориентированного образования в условиях единого образовательного пространства;

- 9) единство личностно ориентированного, коммуникативно-направленного и профессионально-деятельностного подходов в системе языковой профессионально ориентированной подготовки студентов технического вуза;

- 10) критерии и параметры оценивания уровня сформированности иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов технического вуза в совокупности составляющих ее компонентов на основе кредитно-модульной технологии обучения с применением системы зачетных единиц;

- 11) контроль, самоконтроль, оценка и самооценка результатов деятельности студентов;

- 12) диагностика и мониторинг уровня сформированности компетенций;

- 13) учет междисциплинарной интеграции технических и гуманитарных дисциплин;

- 14) определение автономных, личностно ориентированных траекторий обучения и развития студентов с учетом специфики изучения дисциплины на разных образовательных уровнях;

- 15) поэтапное формирование и развитие иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности в совокупности составляющих ее компонентов на основе базового уровня сформированности лингвистических и социокультурных компетенций студентов на I и II курсах;

- 16) индивидуализация и дифференциация обучения.

Применение информационных технологий в обучении должно отвечать следующим

принципам: соответствия цели использования информационных технологий учебным целям, комплексности и системности, коммуникативности и ситуативности, проблемности и познавательной направленности, адекватности, применения компьютерных средств как инструмента познания, повышения степени трудности, интегративной целостности всех форм учебной деятельности (аудиторной, внеаудиторной) [3].

В качестве показателей, определяющих эффективность комплекса созданных педагогических условий по оптимизации процесса развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов технического вуза в условиях использования новых электронных средств обучения, анализируются результаты, полученные на основе применения следующих диагностических методик: уровня мотивации студентов по отношению к будущей профессиональной деятельности, в том числе к изучению профессионально направленного курса иностранного языка, определения смыслов, интересов и предпочтений студентов, работы с информационными источниками – уровня информационной компетентности, уровня удовлетворенности методикой преподавания дисциплины, динамики развития общей культуры личности, самооценки студента [4].

На нашей кафедре развитие иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов как основной цели обучения иностранному языку осуществляется также с использованием новых информационных технологий, таких как Интернет-ресурсы, аудио- и видеоконтакты, мультимедийные обучающие программы, интерактивные доски «Smart Board», мультимедийные проекторы.

Формы работы с компьютерными обучающими программами на занятиях по иностранному языку включают изучение лексики, отработку произношения, обучение монологической и диалогической речи, обучение письму, обучение грамматике, а также проведение творческих обсуждений «круглого стола», диспутов, ролевых игр. Можно использовать различные информационные источники в процессе подготовки рефератов и презентаций докладов по направлению профильной специальности студентов.

Повышению уровня мотивации студентов при использовании электронных средств обучения способствуют задания, активизирующие обсуждение профессионально ориентированных проблем, позволяющие выразить свое мнение с опорой на фоновые знания и характеризующие общую компетенцию студента (эмпи-

рические и академические знания), экзистенциальную (личностные характеристики и взгляды), профессиональную компетенцию (специальную) и уровень сформированности лингвистической и коммуникативной компетенций в структуре профессиональной компетентности будущего выпускника технического вуза.

Заключение. На основании анализа теоретического материала, вузовской практики и результатов работы было установлено, что процесс развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов технического вуза состоит из нескольких этапов, последовательно сменяющих друг друга. Таким образом, можно утверждать, что динамика развития иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов технического вуза осуществляется в следующей последовательности: от формирования лингвистической, коммуникативной и социокультурной компетенций к развитию иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности и далее к этапу становления и утверждения профессионализма вторичной языковой личности будущих выпускников.

Учебно-речевые ситуации профессионально ориентированной проблематики позволяют студентам почувствовать уверенность в успехе в процессе осуществления иноязычной профессиональной коммуникации как основы последующего иноязычного профессионального общения со специалистами других стран. Материал, усвоенный в процессе обсуждения научно-технических речевых ситуаций, может быть перенесен в среду реальной коммуникации с представителями иноязычных стран, использован в процессе чтения научно-технической литературы и работы с другими источниками информации.

Литература

1. Глобализация и конвергенция образования: технологический аспект / под общ. ред. проф. Ю. Б. Рубина. – М.: ООО «Маркет DC Корпорэйшн», 2004. – 128 с.
2. Зимняя, И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентного подхода в образовании / И. А. Зимняя. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 84 с.
3. Новые педагогические технологии в системе образования / под ред. Е. С. Полат. – М.: Academia, 2000. – 25 с.
4. Писаренко, В. И. Аудиовизуальные технологии обучения иностранным языкам в техническом вузе / В. И. Писаренко. – М.: Издательский дом МПА-Пресс, 2004. – 63 с.

Поступила 02.04.2010

УДК 811.112.2'373.613=111

Н. А. Козловская, преподаватель (БГТУ)

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

За прошедшие более чем полвека в немецкой действительности произошли радикальные перемены: изменились политические условия носителей языка, наблюдаются значительные успехи экономики и совершенствование социальной системы. Все это в сочетании с общими для европейской культуры техническими и материальными новшествами не могло не сказаться на количественном росте современного словарного запаса, на формировании отдельных его участков. В статье указаны основные причины проникновения английских слов и выражений в немецкий язык и их благополучной адаптации, а также приведены определенные критерии, позволяющие снизить употребление в немецком языке англо-американской лексики.

The author of the article states the fact that the process of renewal through borrowing constantly occurs in the lexicon of the German language, but there are periods in the development of the language when this process is particularly intensive. This period in the history of the German language vocabulary embraces the second half of the 20th century. Many radical changes have taken place in the German reality since the middle of the 20th century: political conditions of the native speakers' life have changed, significant achievements have been made in the economy and improving of the social system. All these combined with technical and material innovations common to the European culture could not but affect the quantitative growth of the modern vocabulary and the formation of its individual parts.

Введение. Как известно, процесс обновлений в лексике посредством заимствований происходит постоянно, но есть периоды в развитии языка, когда он особенно интенсивен. Таким периодом в истории лексики немецкого языка стала вторая половина XX в. За прошедшие более чем полвека в немецкой действительности произошли радикальные перемены: изменились политические условия жизни носителей языка, наблюдаются значительные успехи экономики и совершенствование социальной системы.

Все это в сочетании с общими для европейской культуры техническими и материальными новшествами не могло не сказаться на количественном росте современного словарного запаса, на формировании отдельных его участков. Кроме того, жизнь общества – это постоянное движение. Это большие, малые и совсем не приметные изменения и события, появление значительных, малозначительных или даже, казалось бы, совсем неважных, но раньше совсем не существовавших либо незаметных фактов любого рода – начиная от новых предметов потребления и заканчивая новыми культурно-историческими и социально-политическими идеями. Все эти перемены, осознаваемые обществом, требуют и получают соответствующее словарное оформление в виде названий (номинаций). Таков основной мотив заимствования новой лексики – от отдельных слов до развернутых названий, словосочетаний [1].

Основная часть. Имеется несколько причин проникновения английских слов и выражений в немецкий язык и их благополучной адаптации.

1. Все страны мира находятся в тесной связи друг с другом. События (войны, революции,

новые политические режимы), которые переживают одни страны, влияют на политическую жизнь в других и приносят с собой новую лексику, понятия и выражения в другие языки. В период Второй мировой войны в немецкую речь пришло много новых слов из англо-американского языкового пространства.

2. Можно найти много англицизмов в различных профессиональных сферах, и прежде всего в спорте, музыке, экономике и технике. Например, Fan, Match, Job, Team, Computer, Know-how, Holding и т. д. Эти сферы испытывают огромное терминологическое влияние, здесь возникают новые термины на основе новых технологий, в основном из США.

3. Языкознание обосновывает внедрение иностранных слов в немецкий язык тем, что для некоторых поступающих из-за границы предметов, вещей, понятий в немецком языке нет специальных названий, их можно обозначить только с помощью описания, используя при этом словосочетания или даже целые предложения. Например, Public Relations обозначает по-немецки Öffentlichkeitsarbeit, öffentliche Beziehungen, Kontaktpflege und Meinungspflege.

4. Известно также, что англо-американский словарный запас больше и имеет около 700 000 лексических единиц. Немецкая лексика охватывает только около 400 000 слов. Поэтому существует много таких понятий, для которых в немецком языке нет эквивалентов. Возможно, дело заключается в том, что английский уже давно стал языком мирового общения благодаря его интернациональному значению и его распространению в экономике, науке, технике, культуре, моде и спорте.

5. Таким образом, получается, что 100 миллионам людей, для которых немецкий язык является и родным и государственным, противостоят около 1,4 миллиардов, которым английский приходится родным языком, или они превосходно владеют им как иностранным языком. Почти каждый подросток на Западе проходит через изучение английского как первого иностранного языка, и в молодежной культуре ведущее место занимают англоязычные исполнители.

6. Каждый язык стремится к краткости. Телеграммный стиль используется не только в E-mail сообщениях, но и в обыденной речи. Многие английские слова короче и удобнее в произношении, чем немецкие. Например, сравним такие слова, как *Trucker* (2 слога и 7 букв) и *Lastwagenfahrer* (5 слогов и 15 букв).

7. Англицизмы избегают частого применения, являются вариантом при использовании немецких терминов. Например, *Banker* звучит современнее, чем *Bankier*, и имеет более короткую форму, чем *Bankfachmann*. В одном и том же контексте можно использовать различные варианты английских обозначений: вместо *Dollar* часто употребляется *Greenback*.

8. Спорным является употребление англо-американизмов, если они не имеют особой содержательной, стилистической или синтаксической функции. В таких случаях англицизмы используются часто для хвастовства или создания имиджа, когда собеседники хотят подчеркнуть свой социальный или интеллектуальный уровень. Или же им хочется показать свою принадлежность к молодежи и современности. При ближайшем рассмотрении можно заметить, что к многочисленным англицизмам имеются точные и выразительные немецкие соответствия: *Lover* не намного лучше *Liebhaber*, вместо *Loser* не хуже *Verlierer*. *Feeling* – это *Gefühl*, *Airport* остается *Flughafen*, *Deal* – это *Handel*.

При этом отношение к заимствованиям и у широких масс носителей языка, отдельных небольших групп коммуникантов, и у лингвистов весьма отличается. С позиции языковой культуры принято различать «необходимые заимствования» и «избыточные». К первым относят такие новые наименования, которые появляются в связи с новыми объектами обозначения – новыми предметами, техническими изобретениями, новыми идеями, номенклатурами и т. д. Избыточными считают появление новых обозначений, синонимичных уже имеющимся, а также заимствований из чужих языков [2].

Таким образом, становится очевидным, что немецкий язык во всех областях современной общественной жизни (от простейшего визита в магазин до сложнейших наук) заменен неслы-

шанным количеством английских слов и даже полностью ими вытеснен. В такой тенденции лингвисты видят опасность, поскольку немецкий язык может лишиться своей выразительности и экспрессивности, а возможно и вообще будущего.

Итак, можно сделать вывод, что тенденция увеличения словарного состава немецкого языка посредством англо-американских заимствований приняла гротескные формы. Данная проблема вышла на государственный уровень. Причем важно подчеркнуть, что так называемая «языковая политика» – это явление, характерное не только для Германии. Несколько десятилетий назад во Франции вышел закон о «Препятствии и предотвращении засорения французского языка английскими словами». Данному примеру последовали Словакия и Польша. При этом органы власти исходили из того, что язык страны передает ее культуру, служит ее национальному своеобразию. Проблема чрезмерного употребления англо-американизмов волнует не только специалистов, но и простых граждан. Их волнуют вопросы: «Можно ли еще спасти немецкий язык? Есть ли у него будущее?». Вопрос о сохранении немецкого языка как национального языка Германии встал в последние годы особенно остро. И, прежде всего, эта проблема заинтересовала лингвистов. Так, в 1997 г. профессором, доктором В. Кремером было основано объединение «Немецкий язык» в Дортмунде. На данный момент это самое крупное объединение в Германии, которое занимается проблемами языка. Оно разделено на 23 региональные группы и имеет свой научный совет. Члены совета ставят своей целью сохранить немецкий язык как независимый и самобытный, тесно связанный с культурой немецкого народа. В особенности они стремятся оградить его от переполнения англо-американизмами.

Для достижения своих целей объединение «Немецкий язык» проводит различные мероприятия, к которым относятся многочисленные лекционные чтения, публикация статей и объявлений в прессе, разработка пособий и словарей, обращения к СМИ, фирмам, организациям и другим представителям общественной жизни с призывом использовать в рекламных брошюрах, проспектах и других информационных изданиях только свой родной немецкий язык.

При этом они вовсе не ставят целью искоренить все англо-американизмы из немецкого языка, поскольку полностью изолировать язык от иноязычных заимствований невозможно. То, что английский язык стал международным языком науки, остается фактом. Но англо-американские заимствования в огромном объе-

ме (что сейчас наблюдается в немецком языке) могут стереть языковую и культурную идентичность Германии.

Для решения этой проблемы членами объединения была разработана специальная программа. Главная цель программы – это по возможности максимальное снижение употребления в немецком языке англо-американских заимствований, причем во всех областях жизни немецкого общества: в прессе, на радио и телевидении, в законодательных, научных текстах, языке рекламы, а также в устном повседневном общении.

Пути и способы осуществления программы дискутировались членами объединения очень долго. Поступали предложения издать «Закон о немецком языке», создать Академию языка. Было предложено также вообще не предпринимать специальных мер, поскольку проблема решится сама собой («англицизмы и американизмы исчезнут также быстро, как они пришли в немецкий язык»). А некоторые члены объединения высказали опасения, что немецкий язык ничто не спасет и он вообще скоро исчезнет как самостоятельный культурный язык.

Но все-таки ученые-языковеды остановились на том, что разработают определенные критерии, позволяющие снизить употребление в немецком языке англо-американской лексики. Причем, по их мнению, этот процесс займет не год и не два, а более длительный период.

Иногда в немецком языке появляются заимствования, структура которых не нарушает общих представлений о стереотипном, стандартном немецком слове. Именно такие англо-американизмы вливаются в немецкий словарный запас малоприметной, но довольно плотной струей. Малоприметной, потому что их морфологический состав известен, модель их строения стандартна, а смысл обозначения легко выводим из структуры слова (например, *Modemacher, Theatermacher, Medienmacher*).

Итак, заимствования, особенно обозначающие нечто актуальное для современной жизни общества, довольно быстро вливаются в немецкий язык и употребляются его носителями в разных видах коммуникации. И более того, эти англо-американские заимствования быстро вступают в акты дальнейшего инновационного процесса. Так, они становятся для новых обо-

значений, организованных способами словоупотребления, словопроизводства, аббревиацией и т. п. В результате возникают, например: 1. Software (материальное обеспечение компьютера) – Software – Entwicklung, Software – Spezialist, Software – Ingenieur; 2. Rock (музыка в стиле рок) – Rockmusik, Rockoper, rocken, rockig. 3. Jogging (бег трусцой) – joggen, der Jogger, der Jogger – Dress.

К способам образования новых наименований в современном немецком языке относится и образование по аналогии. Например, заимствованное из английского языка во второй половине XX в. интернационально известное Musical (мюзикл) дало импульс к возникновению наименований Grusical (фильм ужасов), Historical (фильм, пьеса на историческую тему), Political (музыкально-сатирическое политическое ревю). Эти слова многократно используются сегодня как авторами этих произведений, так и критиками. Но наряду с этими названиями можно встретить и шуточные, пародийные слова: Absurdical, Metaphysical, Interhaltical, Knastical, Erotical, Frostical. Причина их заимствования как более «престижных», «красноречивых», «выразительных» слов есть экспрессивность новизны [3].

Заключение. Таким образом, слова никогда не приходят в другой язык сами по себе, они, как правило, импортируются вместе с ценностями и товарами. Поэтому остановить Denglisch могут только сами немцы: если они хотят избавиться от англицизмов, им следует избавиться от чувства восхищения Америкой. Никакой закон, регулирующий словоупотребление, здесь не поможет. Это под силу только тем, кто ежедневно и ежечасно говорит на немецком языке, тем самым делая выбор в пользу тех или иных слов.

Литература

1. Розен, Е. В. *Немецкая лексика: история и современность* / Е. В. Розен. – М., 1991.
2. Степанова, М. Д. *Лексикология современного немецкого языка* / М. Д. Степанова. – М., 2003.
3. Романов, А. А. *Quo vadis, Deutsch? Разговор с изучающим современный немецкий язык: монография* / А. А. Романов, О. Н. Морозова, С. Э. Носкова. – Тверь, 2007.

Поступила 02.04.2010

УДК 378.014.61

Т. М. Кривопуск, преподаватель (БГТУ); О. В. Бобрицкая, преподаватель (БГТУ)

МОНИТОРИНГ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ И ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ

Современный период развития общества предъявляет определенные требования к стандартам образования. Появляется необходимость в постоянном мониторинге обученности каждой группы и каждого студента с целью последующего внесения необходимых коррективов в процесс обучения. Мониторинг может использоваться как средство повышения качества знаний студентов и эффективности управления образовательным процессом.

Modern period of a society's development makes certain demands of the standards of education. The article substantiates the necessity of monitoring as a means of improving the quality of students' knowledge and efficiency of the educational process. The major task of monitoring is to study the causes of students' failures at various stages of training and teachers' professional readiness to use new educational technologies. The following monitoring techniques are identified: questionnaire providing teachers with necessary information about the subjects' development, testing and analysis of the results of training activities. There is a necessity of continuous monitoring of each group and each student to make necessary corrections to training activities. Monitoring may be a mechanism for stimulating students' developing. It will provide students with greater freedom and responsibility. An indicator of the quality of the functioning of educational system is, ultimately, students' interest and progress.

Введение. В настоящее время проблема управления качеством обучения является наименее изученной. Появляется необходимость в постоянном мониторинге обученности каждой группы и каждого студента с целью внесения необходимых коррективов. В объективной оценке качества знаний должны быть заинтересованы все субъекты педагогической деятельности. Обучение может быть результативным только тогда, когда учебная работа систематически и глубоко контролируется, когда сами студенты постоянно видят результат своей деятельности. При отсутствии такого контроля в процессе усвоения учебного материала студенты не знают подлинного уровня своих знаний, слабо представляют собственные недоработки. Сегодня наблюдается нерациональное использование методов и форм оценки знаний, произвольность разработки каждым педагогом своей системы проверочных заданий.

Под мониторингом качества обучения мы понимаем совокупность непрерывных контролируемых действий, позволяющих наблюдать и корректировать, по мере необходимости, продвижение обучаемых от незнания к знанию. Мониторинг может использоваться как средство повышения качества знаний студентов и эффективности управления образовательным процессом. В современных условиях каждое учебное заведение вынуждено обратиться к поиску своего лица и соответствующей структуры управления, которая перестала быть универсальной. Управление должно своевременно реагировать на изменения в управляемых объектах, иметь о них информацию. Необходима обратная связь, реализуемая в форме контроля. Более того, управление должно адаптироваться

к изменениям образовательной ситуации, к ее новым требованиям. Мониторинг обусловлен необходимостью постоянного отслеживания состояния учебно-воспитательного процесса, отдельных его звеньев с целью диагностики, анализа, коррекции, прогнозирования управленческих действий по достижению планируемого результата [1].

Основная часть. Важнейшими задачами мониторинга являются изучение причины неуспеваемости студентов на различных этапах обучения, а также профессиональная готовность преподавателей к применению новых педагогических технологий.

Мониторинг качества знаний студентов представляет собой систему традиционных и инновационных форм контроля, оценки и диагностики качества знаний, эффективная реализация которых осуществляется на основе модульно-рейтинговой формы его организации.

Внедрение мониторинга оказывает влияние на методику работы преподавателя. Мониторинг ставит перед преподавателями конкретные методические задачи, решение которых и создает условия для его применения в учебном процессе.

При изучении иностранного языка используются различные методы. Так, например, *фундаментальный метод* требует понимания азов языка и наличия лексического запаса. На изучение языка таким методом необходимо затратить 2–3 года, поэтому на его лучше опираться в языковых вузах. *Классический метод* предполагает изучение языка «с нуля». Он направлен, в первую очередь, на то, чтобы развивать у обучающихся способность понимать и создавать речь. *Лингвосоциокультурный метод* пред-

полагает апелляцию к такому компоненту, как социальная и культурная среда. Изучающий язык таким методом должен легко ориентироваться в национальных особенностях, истории, культуре, обычаях страны. *Коммуникативная методика* направлена на возможность общения. Из четырех языковых навыков (чтение, письмо, говорение и восприятие речи на слух) повышенное внимание уделяется именно двум последним. Человек, вооруженный стандартным набором грамматических конструкций и словарным запасом в 600–1000 слов, легко найдет общий язык в незнакомой стране. Однако здесь есть и оборотная сторона медали: небогатый лексикон и наличие грамматических ошибок. Особую популярность приобретает *интенсивная методика* обучения английскому языку. Изучать английский интенсивно позволяет высокая степень шаблонности: этот язык состоит из клише на 25%. Запоминая и отрабатывая определенный круг устойчивых выражений, можно объяснить и понять собеседника. Соотношение поставленной цели и полученного результата может явиться критерием качества образования.

Выбирая метод обучения, преподаватель должен прогнозировать конечные уровни учебных достижений студентов, проектировать планы обучения. Тогда процесс обучения будет не только отслеженным, но и целенаправленным. Необходимо осуществлять контроль за качеством обучения, успехами отдельного студента, получать сравнительную характеристику успешности параллельных групп. Можно выделить следующие методы мониторинга:

- опросные (позволяют получить информацию о развитии субъектов образовательного процесса на основании анализа письменных или устных ответов на стандартные специально подобранные вопросы);

- тестирование, являющееся одним из эффективных методов сбора данных об уровне развития педагогических процессов. Ни одна из известных форм контроля знаний студентов с тестированием сравниться не может. Тесты обученности применяются на всех этапах дидактического процесса. С их помощью эффективно обеспечивается предварительный, текущий, тематический и итоговый контроль знаний, умений, учет успеваемости, академических достижений [2];

- анализ результатов учебной деятельности (при этом по заранее намеченной схеме изучаются письменные тексты, творческие работы обучаемых) [3].

Различают три формы мониторинга: *стартовая диагностика* обученности; *экспресс-диагностика*, осуществляемая в течение всего

времени обучения, по результатам которой вносятся коррективы в учебную деятельность; *финишная диагностика*, которая определяет уровень сформированности знаний, навыков и умений. Наряду с оцениванием текущих знаний, большое внимание уделяется разработке содержания и способов итогового контроля знаний. Согласно мировой классификации, выделяют, как правило, пять уровней: начинающий, элементарный, ниже среднего, средний и высокий.

Диагностика усвоения и качества знаний студентов должна проводиться в течение учебного года. Анализ результатов предполагает сравнение итоговых показателей каждого этапа. Систематическое отслеживание качества обучения у большого числа студентов способствует получению более объективной, достоверной оценки, что позволяет прогнозировать конечные уровни учебных достижений студентов, проектировать планы обучения. Процесс обучения становится не только отслеженным, но и целенаправленным.

Проведение мониторинга с использованием компьютерных технологий позволяет значительно сократить время анализа результатов и при этом повышает их информативность.

В процессе обучения можно выявить два типа неуспевающих студентов: студенты с низкой обучаемостью, но положительным отношением к учебе и студенты с удовлетворительной, даже более высокой обучаемостью, но стойким равнодушием или отрицательным отношением к учебе. Для этих двух категорий студентов следует разрабатывать такие меры помощи, которые были бы эффективны. Так, например, для первого типа студентов эффективными были бы дополнительные занятия по дисциплине с целью более доступного изложения трудного материала. Для студентов второго типа явились бы эффективными коррекционные меры в работе (воспитательная работа), формирование учебной мотивации, развитие профессиональных навыков [4]. С целью выяснения причин неуспеваемости студентов можно предложить специальные опросники, выявляющие причины неуспеваемости.

Причинами неуспеваемости могут быть пропуски занятий, непонятное объяснение преподавателя, неинтересная дисциплина, неуверенность в своих силах, усталость на занятиях и невозможность сосредоточиться, проблемы со здоровьем, конфликтные отношения с преподавателем, напряженные отношения в семье, группе и другие причины. При этом, анализируя опросник, преподаватель может критически оценить свою деятельность. Возможно, одной из причин может стать однообразие применяемых методов и приемов на занятиях.

Выставление оценки требует от преподавателя «мастерства педагогического воздействия», и пользоваться этим инструментом надо грамотно и добросовестно. Авторитет преподавателя во многом зависит от его объективности оценки знаний и умений студентов, так как косвенно этой оценкой он оценивает и свою педагогическую работу. Оценке подлежат основные виды учебной деятельности на уроке и дома: устные ответы, письменные работы, чтение, работа с учебником, дополнительной литературой и другими источниками знаний, подготовка и сообщение докладов, написание эссе. Использование мониторинга и диагностики качества знаний студентов позволяет убедить студентов в том, что они учатся не для отметок, а для получения знаний, развития мыслительной деятельности, раскрытия собственного потенциала. Мониторинг позволит повысить познавательную активность обучаемых, устранить психологические проблемы, обиды за плохую оценку, стабилизировать внимание на занятиях, сделать работу студентов целенаправленной и мотивированной.

Заключение. Подводя итоги, можно сказать, что использование мониторинга в работе преподавателей дает возможность повысить эффективность управления качеством образования, а также практически осмыслить вскрытые в

процессе мониторинговых исследований негативные (или позитивные) факты и факторы.

Учет результатов мониторинговых исследований, проводимых ежегодно, позволит своевременно вскрывать упущения в работе, прогнозировать дальнейшее развитие обучения. В условиях инновационной деятельности педагогический мониторинг может стать механизмом в системе учебно-воспитательного процесса, который будет способствовать стимулированию, развитию студентов, будет связан с предоставлением им большей свободы и ответственности. Показателем качества функционирования педагогической системы является в конечном счете успеваемость студентов.

Литература

1. Алексеев, Н. А. Личностно-ориентированное обучение / Н. А. Алексеев // Вопросы теории и практики. – Тюмень, 1997.
2. Строкова, Т. А. Мониторинг качества образования школьников / Т. А. Строкова // Педагогика. – № 7. – 2003.
3. Поташник, М. М. Управление качеством образования / М. М. Поташник // Знание. – М., 1991.
4. Селевко, Г. К. Современные образовательные технологии: пособие / Г. К. Селевко. – М.: Народное образование, 1998.

Поступила 02.04.2010

УДК 378.018.8:81'243

Г. Ф. Оболонина, ст. преподаватель (БГТУ)

ОБУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ

В последнее десятилетие первостепенное место в системе обучения иностранному языку студентов в высшей школе приобрел коммуникативный подход. В статье рассматривается вопрос обучения профессионально ориентированной коммуникации студентов неязыковых вузов. Уточняются такие задачи, как определение цели обучения иностранным языкам в техническом вузе, обоснование этапов обучения в соответствии с профессионализацией подготовки специалиста, разработка форм и методов контроля. В связи с тем, что развитие профессионально ориентированной коммуникации студентов тесно связано с развитием культурной и межкультурной коммуникаций, поднимается вопрос формирования общей культуры личности. Предлагаются некоторые подходы практического решения этой задачи.

The article considers the matter of communicative intercourse teaching. Special attention is paid to intercultural and professionally-oriented communication skills formation. Several approaches to practical solving of this problem are proposed. Related scientific and instructional directions are reviewed.

Введение. Методика преподавания иностранных языков находится в постоянном развитии. Об этом свидетельствует ее история. Диалектика была присуща всем аспектам обучения иностранному языку. Приоритетные позиции занимали время от времени то фонетика, то грамматика, то развитие устной речи. С точки зрения обучения коммуникации трудно выделить самую удачную методику. Практика показывает, что число выпускников, свободно говорящих на иностранном языке, невелико. Речь идет об обычных общеобразовательных школах и неязыковых университетах. В последнее время ученые работают над деятельностно-личностно-коммуникативным методом, технологией которого является обучение на основе общения. Е. И. Пассов, Г. А. Китайгородская, болгарский ученый Г. Лозанов предложили свои концептуальные положения коммуникативного метода. Например, общению следует обучать на базе лингвистической компетенции определенного уровня, речевая деятельность должна включать в себя лексику, грамматику и фонетику, важно использовать моделирующую ситуацию как единицу общения, учитывать личностную индивидуализацию.

Основная часть. Ученые и методисты оперируют понятиями «стратегическая и компенсаторная компетентность».

Стратегическая компетенция – это способность использовать адекватные ситуации общения, вербальные и невербальные коммуникативные стратегии в целях эффективной профессионально ориентированной коммуникации при дефиците языковых средств.

Компенсаторная компетентность предполагает овладение определенными компенсаторными умениями во всех видах речевой деятельности.

Воспринимать и понимать речь на слух начинается:

1) использовать полученную перед прослушиванием аудиотекста информацию (введение в ситуацию, пояснение, предварительные вопросы и др.);

2) прогнозировать содержание аудиотекста по заголовку, началу и концовке, ключевым словам;

3) использовать языковую и контекстуальную догадку для восстановления пробелов в содержании аудиотекста, высказывания;

4) игнорировать незнакомые слова, не влияющие на понимание основного содержания;

5) уточнять содержание высказывания собеседника с помощью мимики и жестов, вопросов, переспроса;

6) уточнять понимание содержания высказывания собеседника с помощью вопросов.

Читать – это:

– прогнозировать содержание по заголовку, подзаголовку текста, ключевым словам, средствам зрительной наглядности;

– использовать текстовые опоры различного вида (таблицы, графики, шрифтовые выделения);

– использовать языковую и контекстуальную догадку;

– игнорировать языковые и смысловые трудности, не влияющие на понимание основного содержания текста;

– применять одноязычные и двуязычные словари;

– использовать различные комментарии.

Говорить – это предполагает:

1) обращаться за помощью к собеседнику, используя переспрос и средства зрительной наглядности (карта, схема, расписание и др.);

2) уточнять содержание высказывания с помощью мимики и жестов;

3) использовать синонимичные средства и перифраз с целью уточнения, разъяснения.

В письменной речи необходимо использовать элементы текста в качестве содержательных и языковых опор; применять синонимичные средства и перифраз для выражения мысли [1].

В последнее десятилетие первостепенное место в системе обучения иностранному языку приобрел коммуникативный подход. Согласно этому подходу, главная цель – научить обучаемого иноязычному общению; сформировать высокий уровень профессиональной и общекультурной компетентности.

В техническом вузе подготовка специалистов с профессионально достаточным уровнем развития иноязычной компетенции проводится в соответствии с учебной программой и утвержденными учебными планами. При дефиците часов, тем не менее, необходимо решать многие вопросы.

Переход к многоуровневой подготовке кадров технического профиля, развитие международных связей предприятий и организаций, широкое использование зарубежной техники и технологий объективно требуют существенного улучшения качества образования студентов в области иностранных языков. Необходимость существенных изменений в содержании, структуре и методах обучения обусловлена также очевидным несоответствием уровня языковой и речевой компетенции выпускников технического вуза образовательным стандартам и программам, да и нуждам повседневной жизни и профессиональной деятельности.

Решению проблемы коренного улучшения изучения и преподавания иностранных языков может помочь реализация контекстного обучения, при котором формирование профессиональной компетенции инженера проходит в условиях интеграции учебной деятельности студентов по овладению иностранным языком с их будущей профессиональной деятельностью. Иностранный язык в этом случае выступает средством «решения задач и проблем в контексте и логике технологических процессов инженерного труда, возвращающихся во времени и пространстве в ситуациях иноязычного общения» [2].

Следовательно, при обучении иностранным языкам в технических вузах должна быть предоставлена возможность подготовки технических специалистов с профессионально достаточным уровнем развития иноязычной компетенции независимо от уровня их исходных знаний.

Для этого важно решить следующие задачи:

– определить современные требования к уровню иноязычной подготовки специалиста технического профиля, уточнить и обосновать цели и задачи обучения иностранным языкам в техническом вузе;

– конкретизировать специфику дидактических и методических принципов обучения, обосновать этапы обучения в соответствии с профессионализацией подготовки специалиста и рациональное соотношение обучения различным видам речевой деятельности на каждом этапе;

– уточнить принципы распределения языкового и текстового материала по этапам и провести отбор учебных материалов;

– выявить специфику использования упражнений для каждого этапа (типы упражнений, соотношение подготовительных и речевых упражнений в зависимости от этапа обучения);

– определить организационные формы обучения, разработать формы и методы контроля и экспериментально проверить эффективность курса [3].

Наряду с решением методических и педагогических проблем целесообразным был бы и ряд организационно-административных мер, обеспечивающих углубленную языковую подготовку студентов. При тесном сотрудничестве со спецкафедрами и конкретно с профессорами, владеющими иностранными языками, возможно чтение на иностранном языке лекции «Введение в специальность», что способствовало бы развитию у студентов слухового восприятия общенаучной и терминологической лексики. Неплохо было бы предусмотреть специальные часы для обязательной подготовки студентами аннотации и реферата по дипломным проектам на иностранном языке и консультаций с преподавателями кафедры иностранных языков.

Условия обучения в техническом вузе выдвигают необходимость разделения курса иностранного языка на этапы согласно основным фазам профессионализации обучения и уровням развития коммуникативной компетенции. Первый этап можно назвать корректирующим, или базовым, второй – профессионально ориентированным и третий – этапом специальной подготовки.

Учитывая, что исходный уровень языковой и речевой компетенции большинства абитуриентов технического вуза не соответствует программным требованиям средней общеобразовательной школы, невозможно на основе имеющихся у первокурсников знаний, умений и навыков в области иностранного языка перейти к основному курсу обучения в соответствии с программой высшего учебного заведения. Отсюда возникла необходимость систематизации знаний на I курсе. Спецификой профессионально ориентированного этапа должно быть развитие у студентов умений аудирования общенаучных и научно-популярных аутентичных текстов, предназначенных для восприятия на слух и графически. Для этого следует разра-

ботать систему упражнений по обучению студентов основным приемам работы с графическими и звучащими текстами и формированию умений монологического и диалогического высказывания. Это способствует достижению студентами более высокого уровня коммуникативной компетенции. Так, лучшие студенты БГТУ на II курсе свободно ведут студенческую научную конференцию, задают вопросы, поддерживают диалог с аудиторией.

Примером этапа специальной подготовки в нашем вузе можно считать работу кружков и факультатива.

Бывая за границей с ансамблем «Рунь», хочу отметить желание и умение наших студентов общаться. Причем они используют выученные в университете темы и много невербальных средств, получая массу удовольствия и удовлетворение от взаимопонимания.

Развитие профессионально ориентированной коммуникации студентов тесно связано с развитием культурной и межкультурной коммуникаций.

Так, на занятиях по иностранному языку студенты постигают культуру страны народа – носителя того или иного языка, в изучаемом в БГТУ курсе культурологии знакомятся с мировой культурой и воспитываются с детства на традициях национальной культуры. Такая поликультурная парадигма требует реализации в образовательном процессе, по меньшей мере, двух взаимосвязанных и взаимообусловленных подходов:

1) лингвоэтнологического, направленного на осознание студентами важности и необходимости родной культуры;

2) интерлингвокультурного, ориентированного на изучение и освоение традиций мировых культур и цивилизаций.

Для успешной межкультурной коммуникации, достижения взаимопонимания необходимо не только владение одинаковыми с собеседником языковыми средствами, но и общими фоновыми знаниями о мире. Рекомендуется соблюдать толерантность в общении, что предполагает уважение мнения собеседника, понимание и терпимое отношение к его точке зрения [4].

Объективным основанием существования межкультурной коммуникации являются различия между культурами, стремление понять эти различия и поведение их представителей. В процессе межкультурной коммуникации представитель той или иной культуры решает две задачи: во-первых, сохранения своей культурной идентичности и, во-вторых, включения в инородную культуру.

В связи с этим представляется, что основная задача формирования межкультурной коммуникации заключается в подготовке студентов к

усвоению особенностей национально-культурной специфики речевого (вербального и невербального) поведения носителей языка.

При таком подходе межкультурная коммуникация студентов рассматривается как процесс формирования общей культуры личности, представляющей собой совокупность теоретических знаний и практических умений и навыков, позволяющих ей результативно использовать свои психические, физические, личностные качества для эффективного решения задач коммуникации в инокультурной языковой среде.

Многие отечественные и зарубежные лингвисты, психологи и педагоги высказывают различные точки зрения на компоненты межкультурной коммуникации. Все компоненты коммуникации тесно взаимодействуют друг с другом, постоянно обогащаются по мере языкового развития личности и способствуют повышению эффективности процесса развития межкультурной коммуникации, а также целенаправленному формированию невербальных навыков общения у студентов.

Говоря о межкультурной коммуникации, необходимо отметить, что она предусматривает наличие вербального и невербального взаимодействия. Психологами установлено, что в процессе общения людей от 60 до 80% коммуникации осуществляется за счет невербальных средств выражения и только 20–40% информации передается с помощью вербальных средств.

Невербальные средства предполагают экспрессию, контакт глаз, статические и динамические прикосновения, выразительные движения, мимику, стук, похлопывание и др. [5].

Примером коммуникативного подхода в обучении иностранному языку могут послужить следующие занятия.

Так, при первом знакомстве с группой предлагается составить родословную своей семьи. Одним из видов работы является «Собеседование в Посольстве ФРГ». Для этого студенты получают настоящую анкету-заявление на выдачу Шенгенской визы. Преподаватель является «сотрудником Посольства», под его руководством заполняется анкета. Это своего рода работа над CV.

Завершая изучение темы «Belarus», готовится «пресс-конференция» с «министрами» разных ведомств. Назначаются «министры», студенты делятся на группы корреспондентов по профилю «министерств», готовят вопросы. Требования:

- вопросы должны быть конкретные;
- не должны повторяться;
- не ставить вопросов, требующих ответа ДА или НЕТ;
- некоторым вопросам должна предшествовать информация, которая требует расширения или уточнения;

– необходимо употребить следующие выражения (Seien Sie so lieb. Könnten Sie nicht antworten, sagen. Ich möchte präzisieren. Ja das finde ich gut. Wie bitte?)

Presskonferenz

K. Guten Tag. Ich bin Korrespondent der Zeitung «Die Welt». Ich interessiere mich für das politische Leben der Republik Belarus. Seien Sie so lieb Herr Minister, erzählen Sie davon bitte.

M. Die RB ist ein souveräner unabhängiger Staat mit eigener Verfassung, Flagge und Hymne. Kennen sie die Staatssymbole?

K. Ja, die Staatsflagge und das Staatswappen der RB sind ihre Symbole. Und was stellt die Staatsflagge dar?

M. Danke für diese Frage. Unsere Flagge hat zwei Streifen. Ein zwei Drittel der Breite oben ist rot und ein Drittel unten ist grün. Unsere Flagge hat auch das belarussische Nationalornament senkrecht.

K. Ja, das finde ich interessant. Ich sah schon das Staatswappen mit einem Landesgrenzenumriss in den goldenen Strahlen der Sonne, mit dem roten Stern, mit dem Kranz aus goldenen Ähren, Klee und Leinbluten.

M. Ich möchte präzisieren, daß der Präsident der Republik Staatsoberhaupt, Garant der Verfassung und der Zivielrechte ist.

K. Sagen Sie bitte, woraus besteht das Parlament?

M. Das Parlament heißt die Nationalversammlung. Es besteht aus 2 Kammern: der Repräsentantenkammer und dem Rat der Republik.

K. Danke schön. Ist der Repräsentantenkammer groß?

M. Sie zählt 110 Abgeordneten, die in allgemeiner, freier, gleicher, direkter und geheimer Wahl gewählt werden.

Большую возможность для коммуникации предлагает изучение темы «Die BSTU». В конце изучения перед контролем темы хороший результат дают интервью между студентами разных факультетов, университетов. Базовые вопросы лучше сделать одинаковыми, так как ответы на них являются частью темы. Вопросы можно составлять всей группой примерно такие:

1. Wann wurde die BSTU gegründet?
2. Wie hieß sie damals?
3. Warum mußte die Hochschule ihr Vorbereitungsprofil erweitern?
4. Wieviel Fakultäten gibt es hier jetzt?
5. Wer steht an der Spitze der Uni, der Fakultät?
6. Wie studiert man an der Uni?
7. Welche Fakultäten bilden Chemieingenieure?

8. Welche Fakultäten beschäftigen sich mit der Forstwirtschaft?

9. Wo sind die Absolventen tätig?

10. Welche Rolle spielt die BSTU in der Wirtschaft der Republik Belarus?

Развитием профессионально ориентированной компетентности можно считать работу над темой «Im Laboratorium» для студентов-химиков, итогом которой является обмен информацией о проведенных лабораторных работах. Рекомендуется учесть следующие моменты: тему, цель, оборудование, сырье, ход работы, результат.

Широкое поле деятельности для студентов-экономистов предлагает тема «Werbung». Хорошо идет диалог «реклама – антиреклама» на основе изученной темы и выбранных реклам в городе и по телевизору. Студенты сами готовят рекламы различных товаров и услуг и продвигают их на рынке.

Заключение. Итак, обучение профессионально ориентированной коммуникации с формированием стратегической и компенсаторной компетентности при обучении иностранным языкам в неязыковых вузах должно проводиться одновременно с развитием межкультурной коммуникации в соответствии с учебной программой и в сотрудничестве с другими кафедрами и требует серьезной систематической работы и высокого профессионализма от преподавателей кафедры иностранных языков.

Литература

1. Коньшева, А. В. Современные методы обучения иностранному языку / А. В. Коньшева. – Минск, 2004.
2. Игнатъева, Н. Ю. Формирование навыков невербального общения у студентов / Н. Ю. Игнатъева // Высшее образование сегодня. – 2009. – № 3. – С. 88–91.
3. Аркусова, И. В. О перспективных подходах к интенсификации обучения иностранному языку / И. В. Аркусова // Высшее образование сегодня. – 2009. – № 1. – С. 84–88.
4. Булатова, Д. В. Об опыте иноязычной подготовки студентов в техническом вузе / Д. В. Булатова, Ю. Е. Польский // Высшее образование сегодня. – 2008. – № 11. – С. 94–95.
5. Тахохов, Б. А. Поликультурная компетентность – фактор развития толерантности студентов / Б. А. Тахохов, Н. А. Богатых // Высшее образование сегодня. – 2008. – № 3. – С. 24–26.

Поступила 02.04.2010

УДК 378.091.26.01'31

Л. М. Прокопенко, преподаватель (БГТУ)

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ МОДУЛЬНО-РЕЙТИНГОВОГО ОБУЧЕНИЯ

В современной системе обучения модульно-рейтинговый контроль зарекомендовал себя как наиболее объективный и точный, исключающий случайности в оценивании. Это удобная в наглядности и гуманная система контроля. Самым большим ее преимуществом является тот факт, что данная система наиболее эффективно активизирует самостоятельную работу студентов в учебном процессе и стимулирует их познавательную деятельность. Это, естественно, отражается на качестве обучения в целом, поскольку такой контроль сильно стимулирует мотивацию. Каждый студент заинтересован набрать больше баллов и поэтому активно участвует во внеаудиторных мероприятиях.

This article is devoted to student's cognition in terms of module-rating control. It contains a detailed description of the control system mentioned above. It reveals the reasons for English studying motivation and helps to realize the mechanisms of student cognition activity. It's necessary to notice that module-rating system of control is of special interest for teachers and students as well. In addition, this system represents the methods of increasing studying quality. An important attention is paid to the student's independent work in the course of classes, researches and other activities. The article presents different examples of module-rating control system and regards different ways of using it. As a result it must be underlined that module-rating control system is worth to be designed and introduced in the teaching process by all teachers.

Введение. Технология модульного обучения сегодня является стандартом программы профессиональной подготовки студентов и актуальна во всех звеньях учреждений образования. Модульное формирование курса обучения предполагает возможность расширить долю практических занятий дополнительными, творческими, исследовательскими и другими видами учебной и внеучебной деятельности и, таким образом, удовлетворить потребности студентов в полноценной образовательной деятельности. Поскольку процесс обучения является двусторонним и предполагает обязательное присутствие отношений «преподаватель – студент», следует понимать, что любая работа призвана обеспечить одной стороне – студентам – возможность осуществления познавательной деятельности в обучении, а другой – преподавателям – управлять и контролировать этой деятельностью. Важным в условиях модульного обучения является то, что выполнение заданий (модулей) по освоению единиц учебного материала, которые соответствуют каждой изучаемой теме, происходит в процессе самостоятельной работы. Самостоятельная работа как основа модульной системы обучения представляет собой эффективный вид познавательной деятельности в рамках определенной задачи и результата ее выполнения. Модули объединяются в модульные блоки и включают не только выполнение отдельных, но и итоговых заданий. Каждый модуль и модульный блок разработан таким образом, чтобы студент мог выполнять задание в соответствии со своими способностями и в условиях полного доверия и объективного оценивания выполненных им заданий. Модульный подход в

обучении позволяет целенаправленно управлять учебно-методической работой, превращая ее в деловое сотрудничество студентов и преподавателя. Такая структура преподавания и обучения предполагает усиление мотивации. Студент сам заинтересован в получении информации, посещениях занятий и поэтапном контроле на пути к конечному результату.

Основная часть. Система модульного контроля знаний должна быть объективной и комфортной. Поэтому оценивание просто выполненного задания в баллах или оценка на экзамене является несовершенным критерием оценки всей работы студента, его трудозатрат и достижений, дисциплины, оперативности и других моральных факторов. Необходима система накопления оценок или баллов, которые отражали бы и качество знаний, и весь затраченный потенциал на их приобретение. Таким стимулятором систематической работы может быть рейтинговая система контроля. Рейтинг – это индивидуальный числовой показатель оценки знаний, умений и навыков, форма отчетности по каждому модулю, это также и оценка качества знаний и всей деятельности студента. Показатель рейтинга определяется суммой баллов оценок как за учебную, так и внеучебную деятельность. Одной из практических задач, решаемых рейтинговыми оценками, является повышение заинтересованности студента в результатах обучения. Это обусловлено принципами, на которых строится работа в условиях модульного обучения:

– элективность (свобода выбора действий) в порядке, темпе, способе и средствах выполнения заданий;

– индивидуализация и дифференциация учебного процесса;

– системность в построении и определении содержания и контроля;

– взаимодействие и взаимное общение между самими студентами и студентами и преподавателем;

– объективное, наглядное и гласное оценивание;

– гуманистическое отношение в обучении.

Повышение активизации познавательной деятельности студентов происходит, когда студент понимает, в какой срок и с какой оценкой будет оценена его работа при выполнении того или иного модуля. Контроль такой деятельности предполагает самооценку или контроль преподавателя. Самоконтроль эффективен, так как позволяет индивидуализировать не только деятельность, но и результат. Результатами успешного выполнения деятельности могут быть различные виды оценивания.

В случае традиционного контроля преподаватель не должен оставлять студентов без контроля. Его функцией становится взаимодействие с обучаемым, составление модулей, установка целей, помощь, предотвращение ошибок, организация всевозможных видов деятельности и оценивание этой деятельности. Современное понимание сути процесса обучения заключается прежде всего в том, что обучение – процесс субъективного взаимодействия педагога, студентов, а также студентов между собой. Данное взаимодействие базируется на общении. При общении происходит передача сути обучения и коллективный и индивидуальный контакт. Поэтому обучение можно определить как общение, в процессе которого усваивается определенная деятельность, ее результат. Общение является важным фактором активизации и интенсификации познавательной деятельности в условиях модульного обучения. Естественно, оно требует ответственности студентов за результат.

В основу модульной системы контроля знаний студентов положен принцип отчета по модулям и модульным блокам. Традиционные 10-балльные оценки не являются совершенными в осуществлении объективного контроля, так как не учитывают все проявленные достижения и затраченные усилия. Выполняя одну и ту же задачу, разные студенты проявляют разные трудозатраты, разную заинтересованность и отдачу. Одни просто избегают задолженности, другие участвуют в конференциях и олимпиадах, посещают научные кружки, готовят сообщения и рефераты. Внедрение модульно-рейтинговой системы контроля позволяет интенсифицировать учебную деятель-

ность и активизацию познавательной активности студентов.

Видами такого контроля могут быть:

1) устные ответы;

2) дидактические тесты;

3) контрольные задания (индивидуальные промежуточные и итоговые);

4) аттестация.

Примечание. Любой тест по модулю пишется один раз.

Каждому модулю присваивается свой рейтинг. По целям контроля рейтинг подразделяется на стартовый, технический, теоретический, творческий и суммарный. Стартовый рейтинг предназначен для оценки знаний в начале учебного цикла, проверки остаточного уровня знаний и умений. Он «настраивает» обучаемого на работу. Технический рейтинг складывается из текущих оценок на практических занятиях. Теоретический рейтинг набирается также на этапе промежуточного контроля, зачетах, коллоквиумах. Творческий рейтинг используется для оценки уровня творческого потенциала студента, его умения самостоятельно приобретать навыки в решении нестандартных задач, связанных с профилем будущей специальности. Итоговая оценка будет включать сумму рейтинговых баллов, полученных за текущую работу по каждому модулю, модульному блоку, за дополнительную работу и достижения, за экзамен, с обязательным учетом стартового рейтинга и, соответственно, с вычетом штрафного коэффициента. Согласно данной системе мониторинга, участвуют все виды деятельности: лексико-речевая с установленным объемом баллов, чтение, перевод, аудирование, письменные задания и т. д. Распределение объема баллов учитывает также тот факт, что текущий контроль дает 30–35% общей максимальной оценки в баллах, промежуточный – 20–25%, экзамен обычно не превышает 20% максимальной рейтинговой оценки. Все это заставляет студента повседневно учиться и исключает случайности при сдаче экзаменов [1].

Примером вычисления рейтинга по модулю «Лесобразующие деревья» по дисциплине «Английский язык» студента II курса факультета «Лесное хозяйство» преподавателем разрабатывается таблица со шкалой оценок (баллов) на 4 ч. Текущий контроль по данному модулю включает чтение, перевод двух текстов, пересказ одного с максимальной оценкой 10 баллов, написание проверочного грамматического теста по теме «Инфинитив» с 20-балльной оценкой за правильное выполнение каждого задания, подготовку реферата «Виды лесобразующих деревьев» с поощрением в 25 баллов, выполнение заданий компьютерной програм-

мы. Для проверки письменных переводов текстов на английском и других языках разработана также шкала оценок в 100 баллов.

Модульно-рейтинговая система повышает заинтересованность студентов за счет состязательного характера в оценивании. Стимулированием в таком случае является накопление оценок (баллов). Величины рейтинговых показателей заносятся в ранжирные списки, и соблюдаются все вышеперечисленные принципы. Такая система срабатывает как информация о работе студентов и как средство активизации их самостоятельной работы. Она направлена на осуществление главной цели – набрать максимальное количество баллов в семестре и году и активизирует познавательную и творческую работу студентов. Для активизации познавательной деятельности студентов в условиях модульно-рейтинговой системы рекомендуется:

- установить срок сдачи контрольной работы, теста или устного ответа;
- ознакомить с повышающими и понижающими коэффициентами;
- определить ритмичность оценивания;
- учитывать достижения и динамику в освоении программы и сверх учебного плана;
- стимулировать дополнительные факторы в освоении материала;
- руководить и помогать в планировании и осуществлении деятельности;
- обеспечить объективный контроль;
- поощрять творческую и научно-исследовательскую работу;
- соблюдать принцип равноуровневости и дифференцированности;
- ошибочные ответы не учитывать.

Заключение. Таким образом, рейтинговая система контроля является достаточно простой и удобной в практическом использовании. В совокупности с обучением в условиях модульной технологии студенты в лице преподавателя находят оптимальный выход в повыше-

нии качества управления всей своей самостоятельной работой и приобретают надежность в осуществлении объективного контроля за своей самостоятельной деятельностью. В то же время она открыта для дальнейшего совершенствования и развития. В условиях обучения с модульно-рейтинговым контролем студенты учатся и самоконтролю. Самым значимым в реализации внедрения данной системы является осуществление перехода парадигмы обучения в парадигму образования [2]. Из просто пассивных потребителей знаний студенты превращаются в активных, квалифицированных специалистов, способных к саморазвитию, самообразованию личностей. Основным направлением усовершенствования предлагаемой системы обучения и контроля выступает процесс развития рейтингового оценивания в оценку качества подготовки и поиск оптимальных путей получения этой подготовки. Необходимо также отметить, что важным в использовании и применении рейтинговой системы оценивания качества образовательного процесса является объединение задач по учебно-познавательной деятельности студентов и учебно-воспитательной работе преподавателей. Это позволит эффективно управлять учебно-воспитательным процессом, качественно отслеживать результативность обучения, в конечном счете повышать мотивацию к изучению иностранного языка.

Литература

1. Золотухин, Ю. П. Рейтинговая система: конструирование и практика применения / Ю. П. Золотухин, И. Б. Кряквина // Высшая школа. – 2003. – № 6. – С. 13–16.
2. Масло, И. М. Автоматизированная модульно-рейтинговая система контроля учебной деятельности / И. М. Масло, А. И. Гридюшко, Е. И. Сафанков // Высшая школа. – 2004. – № 2. – С. 29–32.

Поступила 02.04.2010

УДК 378.016:81'243'276'6:338.43

О. А. Рогова, ст. преподаватель (БГТУ)

О СОДЕРЖАНИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ТУРИЗМА И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Статья рассматривает проблемы содержания обучения иностранному языку студентов специальности «Туризм и природопользование», а также основные принципы и подходы к отбору содержания обучения. Сформулированы основные цели и задачи как общеязыковой, так и профессионально ориентированной подготовки будущих специалистов в сфере туризма и природопользования.

The article dwells upon some issues of contents of teaching foreign languages to future specialists in the field of tourism and nature management. The foreign language course currently includes both general and professional language training of students with different language proficiency hence a differentiated teaching approach is necessary. The principles of contents selecting are based on acmeological approach according to which the students must possess a set of competences such as cross-cultural, sociolinguistic, communicative, discursive, strategic, etc. Contextual approach is vital since it focuses on cognitive and emotional needs of future specialists in the field of tourism and nature management and a list of relevant topics is made on the basis of an integrative approach to the contents structure. Sociocultural approach which stipulates interaction and cooperation of different nations and cultures is also of importance.

Введение. Согласно принятой в настоящее время концепции образования, обучение иностранному языку в высшей школе определяется как процесс овладения средствами межнационального и межкультурного общения при реализации коммуникативных и познавательных потребностей специалиста. Расширение международных контактов в различных областях народного хозяйства, науки и культуры вызвало необходимость в специалистах, способных применять знания иностранного языка для решения профессиональных задач. В квалификационных характеристиках иностранный язык рассматривается как неотъемлемый гуманитарный компонент подготовки специалиста и как обязательный элемент непрерывного профессионального образования.

Основная часть. Межличностное профессиональное общение, представляя инструмент профессиональной деятельности специалистов по туризму и природопользованию, направляется на выполнение проекторочной, конструктивной, коммуникативной, организаторской и гностической функций. Основным видом деятельности специалистов по туризму является сервисная деятельность, содержание которой составляют обслуживание клиентов, в том числе иностранных, удовлетворение их социально-культурных потребностей, что возможно только в непосредственном общении с ними. Процесс оказания услуг в индустрии туризма – это особый род деятельности, для которой характерно партнерское взаимодействие производителя и потребителя.

В ходе профессиональной подготовки специалистов по туризму и природопользованию

возрастает значимость освоения иностранного языка, обостряется потребность в овладении им как средством международного и межнационального общения. Однако обозначилось противоречие между профессионально-квалификационными требованиями к уровню владения языком и традиционно сложившимся его результатом – невысоким знанием его студентами неязыковых вузов, для которых учебный предмет «Иностранный язык» не является профилирующим.

Согласно учебному плану специальности 1-89 02 02 «Туризм и природопользование», изучение иностранного языка студентами осуществляется в рамках трех курсов (иностраный язык, иностранный язык (практика устной речи) и деловой иностранный язык). Содержание данных курсов включает как общеязыковую, так и профессиональную подготовку будущих специалистов в сфере туризма и природопользования, имеющих различный уровень знаний, что делает целесообразным применение принципа дифференциации.

Общеязыковая подготовка специалистов по туризму и природопользованию направляется на предоставление учебной информации об основных аспектах языка (фонетика, лексика, грамматика, стилистика) и формирование навыков и умений, связанных с овладением четырьмя видами речевой деятельности (чтение, говорение, аудирование и письмо), обусловленными конкретной ситуацией общения. Основной задачей общеязыковой подготовки становится обучение иностранному языку как средству общения, что предполагает наличие у студентов определенного комплекса лингвистических

тических знаний и коммуникативных умений. Данный уровень соотносится с такой степенью сформированности коммуникативной компетентности, которая необходима для общения с деловыми партнерами при непосредственном контакте и по телефону, для участия в деловых переговорах с коллегами по фирме и понимания содержания деловых писем, реклам, объявлений, выставочных проспектов, каталогов, для составления простых коммерческих писем и заполнения формуляров, бланков, актов. В некоторых случаях данный уровень владения языком позволяет участвовать в переговорах с поддержкой переводчика.

Если общеязыковая подготовка нацелена на формирование общих умений по основным видам речевой деятельности, то профессионально ориентированная подготовка направляется на формирование профессионально значимых умений в результате овладения речевым этикетом устного и письменного общения (в том числе по телефону и Интернет), активной и терминологической лексикой по профилю специальности; лингвострановедческой лексикой, связанной с историей, культурой и спецификой бытового и делового этикета и невербального общения зарубежных стран-партнеров по туристскому бизнесу; грамматическими закономерностями [1].

Языковая личность может успешно функционировать при условии, когда у нее имеется для этого определенная *глобальная* компетенция, составляющими которой являются *лингвистическая*, *лингвострановедческая компетенция*, т. е. знание словарных единиц и владение определенными правилами, посредством которых эти единицы преобразуются в осмысленные высказывания, а также возможность понимать смысловые отрезки речи, организованные в соответствии с существующими нормами иностранного языка, и использовать их в том значении, в котором они употребляются носителями языка; *лингвистическая*, *лингвострановедческая компетенция* является основным компонентом *коммуникативной компетенции*, а *лингвострановедческая компетенция* предполагает наличие у студентов филологического кругозора, сформировавшегося на основе сравнения изучаемого иностранного языка с родным; *социолингвистическая (речевая) компетенция* предполагает умение использовать иностранный язык как средство общения в зависимости от условий коммуникативного акта; ведущими компонентами данной компетенции являются иноязычные речевые умения и навыки; *дискурсивная и стратегическая компетенция* означает умение понимать высказывания собеседников в значимых смысловых блоках,

планировать речевое поведение и передавать информацию, соотнося цели каждого речевого поступка с определенным содержанием, т. е. способность эффективно осуществлять иноязычную речевую деятельность с помощью адекватных вербальных средств общения; *дискурсивная компетенция* предполагает знание специфики письменных и устных текстов различных жанров и тактик речевого поведения в целях продуцирования таких текстов в их интерпретировании; *стратегическая же компетенция* позволяет обучающемуся компенсировать особыми невербальными средствами общения недостаточность знания языка; *социокультурная компетенция* предполагает социальную интеграцию личности в иную культуру, знакомство с социокультурным контекстом (в котором используется иностранный язык), релевантным для порождения и восприятия речи с точки зрения носителей языка, со спецификой социальных и культурных условностей, имеющих место в стране изучаемого языка; *социальная компетенция* проявляется в желании и умении вступать в коммуникативный акт с другими людьми, обусловленный наличием потребностей, мотивов, определенного отношения к будущим партнерам по коммуникации, а также собственной самооценкой; подобное умение вступать в коммуникативный акт требует от человека способности ориентироваться в социальной ситуации и управлять ею; *учебная компетенция* позволяет осуществлять с помощью иностранного языка самообразование и самосовершенствование, в том числе и во владении иностранным языком, а также удовлетворять познавательные интересы.

Содержание учебного предмета «Иностранный язык» включает в себя сферы коммуникативной деятельности, темы, ситуации и программы их развертывания, коммуникативные и социальные роли, речевые действия и речевой материал (тексты, речевые образцы и т. д.); языковой материал, правила его оформления и навыки оперирования им; комплекс специальных (речевых) умений, характеризующий уровень практического овладения иностранным языком как средством общения и познания; систему знаний национально-культурных особенностей и реалий страны изучаемого языка, минимум этикетно-узуальных форм речи и умение ими пользоваться в различных сферах речевого общения; общие учебные умения, рациональные приемы умственного труда, обеспечивающие культуру учебно-познавательной деятельности студентов по усвоению иностранного языка и по самосовершенствованию в нем [2].

Содержательный элемент системы формирования готовности к профессиональному

межличностному общению является базовым, он обуславливает преимущественное развитие ценностно-мотивационного и когнитивного компонентов готовности, результатом чего являются интерес к профессиональной деятельности, направленность на повышение уровня знаний, потребность будущих специалистов по туризму и природопользованию в знаниях иностранного языка. Совокупность лингвистических знаний, опыт речевой и творческой деятельности представляется динамически сверхзнаковым полем иностранного языка, образованным на основе интегративного, полевого, контекстного, компетентностного и социокультурного подходов.

Отбор содержания обучения иностранному языку осуществляется в соответствии с контекстным подходом, ориентирующим на познавательные и эмоциональные потребности специалистов по туризму и природопользованию, на стимулирование их личностной активности за счет создания целостного образа будущей профессиональной деятельности, протекающей в ситуациях взаимодействия и общения.

Иностранный язык как цель обучения и средство коммуникации, получения информации и самовыражения требует структурирования содержания обучения иностранному языку в соответствии с интегративным подходом. Интегративный подход позволяет объединить языковую и профессиональный материал в тематические разделы:

1. Туризм. История туризма. Виды туризма.
2. Туризм в Республике Беларусь и перспективы его развития.
3. Экологический туризм: определение, основные принципы и проблемы.
4. Состояние и перспективы развития экологического туризма в Республике Беларусь.
5. Общая характеристика флоры Республики Беларусь.
6. Общая характеристика фауны Республики Беларусь.
7. Ресурсы экологического туризма Республики Беларусь: флористические, фаунистические, этнографические, водные.
8. Развитие экологического туризма в разных странах мира.

Включение тематических разделов, направленных на развитие интересов, эмоциональной сферы, кругозора специалистов по туризму и природопользованию в их профессиональной области, соответствует тенденции непрерывного образования и укреплению межпредметных связей в рамках интегративного подхода, что

создает предпосылки для возникновения позитивных эмоций при овладении иностранным языком и способствует развитию ценностно-мотивационного компонента готовности к профессиональному межличностному общению специалистов по туризму [3].

В данном контексте нельзя не отметить также необходимость привнесения в процесс обучения знания региональной культуры, а также административно-географических регионов и ресурсов родной страны с точки зрения развития туристической, что, в свою очередь, объясняется развитием международных отношений, в частности межрегиональных официальных контактов на международном уровне.

Заключение. Готовность к профессиональному межличностному общению специалистов по туризму и природопользованию предполагает владение как вербальными, так и невербальными средствами коммуникации. Знание поведенческих норм представителей разных национальностей в значительной степени влияет на эффективность межкультурного взаимодействия. При сравнении культур обнаруживается тесная взаимосвязь процессов самопознания через саморефлексию, сравнение себя с другими, способность к эмпатии и саморегуляции, что обеспечивает развитие рефлексивного компонента готовности к профессиональному межличностному общению. Таким образом, отбор содержания предмета «Иностранный язык» осуществляется на основе социокультурного подхода, одним из принципов которого является обучение иноязычному общению в контексте диалога культур. Социокультурный подход обусловлен взаимопроникновением различных национальных культур, развитием телекоммуникационных технологий, характерных для информационного общества.

Литература

1. Козырева, М. П. Принципы отбора содержания обучения иностранному языку специалистов по сервису и туризму / М. П. Козырева // Вестник СамГУ. – 2008. – № 5/2 (64). – 354 с.
2. Плужник, И. Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов в процессе профессиональной подготовки / И. Л. Плужник. – М.: ИНИОН РАН, 2003. – 216 с.
3. Сафонова, В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций / В. В. Сафонова. – Воронеж: ИСТОКИ, 1996. – 237 с.

Поступила 02.04.2010

УДК 378.6.014.24

О. А. Рогова, ст. преподаватель (БГТУ);
Е. И. Янукович, ст. преподаватель (БГТУ)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ В МИРОВОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

В статье подчеркивается важность университетов как субъектов экономического прогресса государства в сфере подготовки квалифицированных кадров и развития научно-исследовательского потенциала. Немаловажную роль в данном процессе играет международное сотрудничество университетов с образовательными и исследовательскими организациями ближнего и дальнего зарубежья. Оно способствует повышению качества предоставляемых услуг и помогает интегрироваться в международное научно-образовательное пространство.

The article dwells upon the main role of universities that is obtaining, accumulating and transferring knowledge to the community. New ways of managing and interacting with foreign partners are considered. The article highlights the importance of inter-university cooperation for enlarging the number of students as well as integrating into the world educational community. The authors underline the role of the informational aspect of integration, i. e. databases of preferable research domains in all spheres of science, technical patents, developments, electronic libraries, etc. One of the priorities of the university development is training of foreign students according to the approved Program of educational service export. Here the problem of pedagogical support of foreign students is of great importance as it requires such an environment in which they could feel comfortable and safe.

Введение. Исторически основная роль университетов и вузов – получение, накопление и передача обществу знаний в условиях независимости от рыночной конъюнктуры при выборе направлений и тематики исследований. Однако экономическая ситуация в мире, реальная конкуренция между вузами ставит перед ними задачу более активного поиска и использования дополнительных внутренних резервов. Перед университетами поставлена качественно новая задача – стать локомотивом экономического прогресса государства посредством обеспечения экономики новой эпохи интеллектуальными высококвалифицированными кадрами и наращивания технологического инновационного потенциала.

Основная часть. Университеты, желающие повысить качество предоставляемых услуг и высшего образования в целом, начали искать новые пути эффективного управления и взаимодействия с внешними партнерами. Но поскольку в результате интегрирующейся мировой системы взаимовлияние и взаимозависимость между вузами и его партнерами, т. е. государством, бизнесом, другими вузами, неимоверно возросло, ни один университет не может развиваться и прогрессировать в одиночку. Вузам стало целесообразнее входить в различные объединения и ассоциации, в рамках которых можно взаимодействовать с другими вузами в деле усовершенствования качества образовательных программ и повышения конкурентоспособности.

Будучи составной частью определенного пространства, вузы имеют такие преимущества,

как возможность расширения и увеличения контингента своих студентов, что означает увеличение финансовых ресурсов не только университета, но и города, где он находится; осуществление более открытой, равноправной и активной политики в отношениях с зарубежными партнерами, что, в свою очередь, позволяет им стать более узнаваемыми, а их дипломы признаваемыми на более обширной территории. Очень эффективной и широко развитой формой сотрудничества являются программы академических и научных обменов и стажировок как студентов, так и преподавателей.

Возрастает роль вузов в качестве «лабораторий», где разрабатываются, апробируются и внедряются новые идеи и технологии в различных сферах экономики и где будущие кадры в ходе обучения должны приобретать такие навыки, как умение внедрять перспективные научно-исследовательские разработки, совершенствовать технические и технологические особенности современного производства, обеспечить инновационный аспект деятельности. Но не все вузы имеют необходимую техническую базу и педагогические кадры. Ни один университет вследствие дифференцированного развития науки в отдельных дисциплинах и ввиду расходов на науку, в особенности в экспериментальных дисциплинах, не имеет возможности обеспечить обучение в абсолютно всех направлениях. Каждый вуз склонен развивать, поддерживать и продвигать приоритетные для него направления исследований и образовательных программ в потенциальных областях науки, где он сможет занять ведущие позиции [1].

И вот тут межвузовское сотрудничество может сыграть важную роль, обеспечив необходимую платформу для обмена и предоставления своих материальных активов в виде лабораторий, технопарков, производственных цехов для реализации совместных программ и проектов, внедрения совместных разработок в реальном секторе экономики, определения потенциальных направлений с целью эффективного взаимодействия по проведению фундаментальных и прикладных исследований вузов и научно-исследовательских институтов, разработки механизмов вовлечения молодых исследователей в тематические исследования, проводимые кафедрами, факультетами и исследовательскими центрами вузов, что, в свою очередь, обеспечит нужную базу для получения практических знаний и, соответственно, конкурентоспособность выпускников и дипломов вузов. Очевидно, что репутация вуза зависит от академического и педагогического качества его учебных и образовательных программ.

Другим важным фактором в укреплении межвузовского сотрудничества в частности и развитии образовательного пространства в целом является информационный аспект интеграции. Перспективными мерами видятся создание периодически обновляемой единой информационной базы данных с указанием приоритетных направлений исследований во всех сферах науки, технических патентов, разработок, новых программ, совместных электронных библиотек, базы данных экспертов и специалистов с указанием их научных интересов и специализации и др.

Первостепенными приоритетами и принципами для вузов в укреплении сотрудничества видятся создание обширной межуниверситетской сети, которая является непосредственным инструментом в развитии сотрудничества; совместная разработка правил и принципов межвузовского сотрудничества; усовершенствование финансового аспекта взаимодействия с другими вузами; разработка общей системы оценки качества и др.

Несомненно, данные мероприятия требуют максимальных усилий, скоординированной деятельности, толерантности, консолидации потенциалов ученых и экспертов, но они вполне осуществимы.

Приоритетом развития современного образования большинства государств, включая Республику Беларусь, является международная интеграция образовательных систем, одним из направлений которой считается расширение подготовки иностранных специалистов. Согласно утвержденной и реализуемой в Респуб-

лике Беларусь Концепции развития экспорта образовательных услуг, в высших учебных заведениях страны должны создаваться максимально комфортные условия для обучения студентов из-за рубежа, которое сопряжено для данной категории студентов с целым рядом трудностей: незнакомый язык, культура, быт, традиции, система обучения и т. д. Основными целями и задачами здесь являются: содействие укреплению и углублению взаимопонимания между иностранными студентами образовательных учреждений Республики Беларусь, их общественными организациями и администрацией, органами управления образованием; содействие иностранным студентам в их профессиональной подготовке, представительстве и защита законных прав и интересов иностранных студентов, обучающихся в Республике Беларусь; содействие укреплению взаимопонимания и дружбы между народами. Все вышесказанное актуализирует проблему их педагогической поддержки.

Проблема педагогической поддержки личности как формы личностно ориентированного образования является одной из наиболее востребованных в современной науке и образовательной практике. Вместе с тем нужно заметить, что инновационные изменения меньше всего проникли в систему обучения иностранных студентов, оно остается более консервативным, чем другие его уровни и обучение других категорий граждан. Анализ научных исследований позволяет констатировать, что остается открытым вопрос, как реально поддерживать иностранных студентов, каковы условия, механизмы, средства их эффективной педагогической поддержки.

Главной целью педагогической поддержки является создание такой образовательной среды, в которой каждый иностранный студент чувствовал бы себя комфортно и защищено. В создании данных условий главную роль играет социальный компонент, являющийся системообразующим компонентом в системе педагогической поддержки.

Для рассмотрения технологии педагогической поддержки иностранных студентов можно выделить этапы вхождения иностранцев в неродную социокультурную среду. Целесообразно выделить в данном процессе четыре этапа: доконтактный, этап культурного шока, этап знакомства со средой и этап интеграции.

Иностранные студенты, приезжающие на учебу в нашу страну, должны адаптироваться не только к вузу, как белорусские студенты, не только к жизни в общежитии, но и к жизни в чужой стране. Эти условия адаптации оказываются для них зачастую экстремальными [2].

Иностранные студенты приезжают из разных стран мира, т. е. из разных климатических зон, являются представителями разных социумов с совершенно различными культурами, традициями, системами норм и ценностей. Кроме того, они, как и все люди, обладают индивидуально-психологическими особенностями, которые также могут проявляться в адаптационном процессе.

Иностранцы, приезжающие в другую страну, испытывают влияние климата, связанное со сменой климатических зон. К этому могут добавляться и воздействия неблагоприятных погодных условий.

Кроме физиологических факторов, не могут не оказывать влияния социальные факторы, т. е. новая, а скорее «чужая» социальная среда. Из опроса студентов известно, что некоторые студенты, если не все, испытывают после приезда «культурный шок». Возникает когнитивный диссонанс, если воспользоваться определением Л. Фестингера, между заочными представлениями учащихся о белорусской культуре и реальностью [3].

В целях оказания помощи иностранным студентам, магистрантам, аспирантам целесообразным является осуществление следующих мероприятий:

- информирование учащихся об их правах и обязанностях в период проживания в Республике Беларусь;

- информирование представительств зарубежных стран в Республике Беларусь, вузов, Министерства образования Республики Беларусь о проблеме иностранных учащихся в целях поиска совместных путей по их решению;

- содействие обеспечению благоприятных условий проживания иностранных учащихся совместно с вузами во время пребывания их в Республике Беларусь, а также оказание им психологической помощи;

- проведение совместно с Министерством образования Республики Беларусь, вузами, посольствами зарубежных стран, землячествами иностранных студентов, правоохранительными органами работы по профилактике правонарушений иностранных учащихся и усилению борьбы с распространением наркотиков и наркомагией в их среде, а также информированию иностранных учащихся о поведении в случае совершения в отношении их противоправных действий;

- отправка иностранных граждан, окончивших обучение или не имеющих возможности его продолжить, на родину;

- создание банка данных о студентах, их землячествах, государственных и общественных организациях и объединениях, а также проведение работы по координации осуществляемой ими деятельности;

- проработка совместно с вузами, государственными и общественными организациями вопросов, касающихся создания рабочих мест для иностранных студентов.

Заключение. Наряду с привлечением иностранных студентов к обучению в вузах Республики Беларусь, также растет популярность обучения в зарубежных университетах. В стране действуют филиалы российских вузов. По данным образовательных агентств, количество желающих получить знания в других странах с каждым годом возрастает в среднем на 14–15%. Расширение доступа в Интернет повышает доступность в Республике Беларусь зарубежных программ образования, в частности дистанционного обучения (например, программы Британского открытого университета и Университета Феникс). Международное сотрудничество в области качества образования имеет большое значение для Беларуси, поскольку позволит совместными усилиями защитить граждан страны от недобросовестных поставщиков образовательных услуг и обеспечить наиболее эффективное использование в стране интеллектуального потенциала белорусских граждан, получивших хорошее образование за границей, а также расширить экспорт собственных образовательных услуг.

Литература

1. Левко, А. И. Методология организации межинститутского социального взаимодействия / А. И. Левко // Мир технологий. – 2003. – № 4. – С. 84–115.

2. Berry, J. W. Immigration, acculturation and adaptation / J. W. Berry // Applied Psychology: an international review. – 1997. – Vol. 46. – P. 5–34.

3. Culture, communication and conflict: readings in intercultural relations / revised second edition / Edited by G. R. Weaver. – New York: Person Publishing, 2000.

Поступила 02.04.2010

УДК 378.017:34-057.875

Т. А. Сенькова, преподаватель (БГТУ)

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

В данной статье речь идет об одном из приоритетных направлений учебно-воспитательного процесса в вузе – правовом воспитании студентов. Указывается основная цель, критерии правового воспитания, а также показатели сформированности правовой культуры студентов. Речь идет также о важности наличия у выпускников определенной юридической подготовки, высокой правовой грамотности. Это является необходимым условием дальнейшей деятельности выпускников вуза, так как взаимодействие педагогической и юридической наук основывается на том, что идеалом поведения человека в обществе считается активное и сознательное исполнение им норм нравственности и права. Знание и правильное применение законов, особенно норм трудового права, чрезвычайно важно для поддержания здорового психологического климата в коллективе.

The article focuses on the legal education of students, a key priority of the educational and academic process at higher education institutions. The piece identifies the major goal of legal education, its criteria and indicators of students' legal culture. It also looks at the importance of legal training and a high level of legal literacy among university graduates who need them for further activities. The interaction between education and legal sciences pursues the goal of making consistent and conscientious compliance with ethical norms and laws an ideal behavior pattern in society. The knowledge and proper enforcement of laws, especially labor regulations, is extremely important for the maintenance of a healthy psychological environment among employees.

Введение. Современный этап развития образования характеризуется повышением роли его гуманистической и культурно-творческой составляющей. Возрастает доля гуманитарных знаний в подготовке специалиста, значимость его личностных качеств. Образование должно ориентироваться на обеспечение прав человека, приобщение его к общечеловеческим ценностям, уважение к чужим правам и взглядам. Задача формирования личности как сознательно активного субъекта всей социальной деятельности предопределяет интерес и к правовой культуре личности как одной из важнейших характеристик развития человека.

Еще одной чертой современного общественного устройства является развитие горизонтальных отношений, регулируемых нормами права и предполагающих взаимную юридическую и экономическую значимость участников этих отношений. Расширение все большего круга горизонтальных отношений в обществе предполагает, что для полноценного участия в них молодой специалист должен обладать правовой культурой, ясно сознавать социальную ценность права, его роль, уметь пользоваться им, поэтому правовое воспитание на современном этапе является одним из приоритетных направлений педагогической работы.

Основная часть. В задачах и содержании правового воспитания в вузе следует выделять общую и особенную части, которые призваны различить в данном процессе формирование правовых качеств студента как личности и гражданина и профессионально-правовых качеств его как будущего специалиста.

Правовое воспитание в педагогической литературе рассматривается, главным образом, в контексте гражданского воспитания и основывается на идее сознательного подчинения общественному благу [1].

Однако концептуальные положения, теоретические и прикладные аспекты нового подхода к правовому воспитанию, основанному на новых принципах и направлениях в развитии образования, разработаны недостаточно.

Процесс правового воспитания в вузе будет наиболее эффективен, если будет базироваться на теоретической модели процесса правового воспитания, разработанной на основе содержательной стратегии педагогического проектирования, а также если структура процесса правового воспитания студентов будет основана на выделении в нем двух частей: первая направляется на формирование правовых качеств студента как личности, гражданина, семьянина, а вторая – на формирование профессионально-правовых качеств, связанных с будущей специальностью.

Кроме того, формирование правовой культуры специалиста в учреждениях высшего технического образования будет успешным, если:

1) правовой потенциал дисциплин, изучающих различные аспекты жизни общества, направлен на раскрытие содержания основных прав и свобод личности, признание права в качестве нормативно закреплённой справедливости;

2) теоретические правовые положения дополняются сведениями о возможности их практического применения, и, таким образом, наглядное осознание ценности права интериорируется в личностно-значимых выводах;

3) отбор содержания правового воспитания, форм и средств его реализации учитывает насущные потребности жизни и интересы студентов;

4) будущие специалисты в ходе обучения успешно усваивают необходимые сведения, позволяющие им в дальнейшем с достаточной степенью компетентности моделировать свою правовую профессиональную и повседневную деятельность;

5) осуществляется включение студентов в активную правопознавательную и правоприменительную деятельность как в рамках учебного процесса, так и вне его;

6) взаимоотношения между преподавателем и студентами основываются на демократических гуманных принципах.

В условиях реорганизации системы образования правовое воспитание становится одним из приоритетных направлений в учебно-воспитательном процессе в вузе.

В педагогической литературе правовое воспитание рассматривается как органичная составная часть сначала политического, а затем гражданского воспитания. В частности, система правового воспитания проистекает из структуры правового сознания, элементами которого признаются:

- правовая грамотность;
- нравственно-правовые и политические чувства;
- правовое мышление;
- потребность в правопослушном поведении;
- воля, направленная на активное соблюдение правовых норм, борьбу против их нарушений.

Цель правового воспитания при этом определяется как формирование гражданина правового государства. Взаимодействие педагогической и юридической наук основывается на том, что идеалом поведения человека в правовом демократическом обществе является активное и сознательное исполнение им норм нравственности и права. Таким образом, рассматривая правовое воспитание как часть гражданского, в педагогической литературе подчеркивается также неразрывность и единство правового и нравственного воспитания [2].

Между тем образовательный процесс в технических вузах часто протекает в отрыве от правовой действительности и это неизбежно сказывается на уровне правовой культуры их выпускников. Из этого следует, что в настоящее время существует и все более углубляется противоречие между растущей общественной потребностью в высоком уровне правовой культуры специалиста и явной неполнотой его сформированности.

Компонентами целостного процесса формирования правовой культуры специалиста в

учреждении высшего технического образования являются:

1) целевой – призван формулировать основные цели функционирования данного процесса;

2) потребностно-мотивационный – создает побудительную и направляющую базу для процесса формирования правовой культуры студента;

3) содержательно-деятельностный – интегрирует требования повседневной правовой жизни, предстоящей профессиональной деятельности будущих специалистов;

4) контрольный – способствует анализу, учету и коррекции получаемых в процессе формирования правовой культуры результатов;

5) результативный – определяет требования к уровню правовой культуры, который является необходимым и достаточным для выпускника высшей технической школы и дает оценку работы по аналитическому и опытно-экспериментальному изучению формирования правовой культуры студента в высшем техническом учебном заведении.

Формирование правовой культуры студента высшего технического учебного заведения основывается на осознании культуры как процесса творческой деятельности и признании ее в качестве специфического способа человеческой деятельности, реализуемого в идеях культуроцентристской концепции образования, лично-деятельностного подхода, гуманизации и гуманитаризации образования [3].

Правовая культура специалиста с высшим техническим образованием – ценностное ядро общественной правовой культуры; степень и характер его правового развития, которое основано на определенном уровне позитивного правосознания, реализующегося в активном творческом правоприменении в сфере повседневной жизни, а также в области инженерной деятельности.

Критериями и показателями сформированности правовой культуры специалиста-выпускника высшего технического образовательного учреждения являются:

– когнитивный (уровень знания и понимания основных правовых понятий и норм);

– оценочный (адекватность оценки явлений правовой действительности с точки зрения законности, справедливости, целесообразности);

– эмоциональный (уровень способности испытывать положительные эмоции по поводу позитивных явлений правовой действительности и отрицательные – в связи с негативными);

– мотивационно-ценностный (уровень интериоризации нормативных предписаний в сферу личностных ценностей);

– волевой (уровень стремления и внутренней готовности личности к развитию правовой

культуры и способности проявить духовный иммунитет к совершению правонарушений);

– первично-практический (уровень развития умений и навыков студента по применению правовой терминологии и лексики в работе с юридической литературой, по теоретическому анализу правовой ситуации, составлению правовой документации);

– поведенческий (законность, активность, результативность, стереотипность деятельности по применению правовых норм).

Эффективное функционирование процесса формирования правовой культуры выпускника высшей технической школы обеспечивается совокупностью следующих условий:

1) использование потенциала вузовских дисциплин для изучения концептуальных правовых идей;

2) дополнение теоретических правовых положений сведениями о возможности их практического применения;

3) отбор содержания и опыта практической деятельности, обусловленных насущными потребностями жизни и интересами студента;

4) усвоение необходимых сведений, позволяющих будущим специалистам моделировать свою правовую профессиональную и повседневную деятельность;

5) включение студента в активную правопознавательную и правоприменительную деятельность учебно-воспитательного процесса;

6) организация обучения на вербально-деятельностной диалоговой основе, ориентированной на личностно-творческое развитие студента;

7) введение в учебный план вуза правовых спецкурсов в качестве компонента подготовки специалистов.

Нужно учитывать, что студент технического вуза не подготовлен к восприятию лекций на правовые темы, поэтому их следует излагать в доступной форме со ссылками на практические примеры, так как в этом случае излагаемый материал лучше усваивается. Наряду с этим преподаватель должен, не снижая научного уровня лекции, изложить в один-два часа большой круг вопросов (например, ос-

новные вопросы гражданского права, базовые понятия уголовного права).

Одна из форм внеаудиторной работы – связь вуза с юридическими правоохранительными учреждениями: прокуратурой, судом, милицией и адвокатурой. Это позволяет приглашать для лекций представителей этих правовых институтов.

Заключение. Сегодняшний студент – это завтрашний специалист народного хозяйства, организатор производства, который должен обладать не только общей правовой культурой, но и иметь определенную юридическую подготовку [4].

Знание и правильное применение законов, особенно норм трудового права, чрезвычайно важно для поддержания здорового психологического климата в коллективе, так как каждый руководитель решает не только чисто технические вопросы, но и вопросы взаимоотношения в коллективе, ежедневно принимает десятки решений, применяет к подчиненным меры поощрения и взыскания.

Незнание или неправильное применение закона приводит иногда к служебным конфликтам, вызывает текучесть кадров.

Диплом инженера – еще не аттестация на руководящую должность. Высокая правовая грамотность специалиста – необходимое условие для успешной работы в народном хозяйстве, поэтому правовое воспитание студентов должно стать неотъемлемой частью их специальной подготовки.

Литература

1. Кантиева, И. Г. Совершенствование процесса правового воспитания студентов неюридических специальностей в условиях вуза / И. Г. Кантиева. – Владикавказ, 2002.

2. Тугуз, С. Б. Проблемы формирования правовой культуры студентов / С. Б. Тугуз. – М., 2006.

3. Шумская, Л. И. Проблемы воспитания студенческой молодежи / Л. И. Шумская. – Минск, 2000.

4. Циприс, А. Г. Правовое воспитание студентов технических вузов / А. Г. Циприс. – Ленинград, 1978.

Поступила 02.04.2010

УДК 159.953

Т. А. Симонова, ст. преподаватель (БГТУ)

РОЛЬ ПАМЯТИ В ОБУЧЕНИИ

Данная статья посвящена проблеме памяти и ее роли в обучении. В центре внимания автора – память, которую он рассматривает как психический познавательный процесс, лежащий в основе способностей человека и являющийся условием успешного обучения, приобретения знаний, формирования умений, навыков. Без памяти невозможно нормальное функционирование ни личности, ни общества. В статье выявляются и анализируются следующие основные процессы памяти: запоминание, сохранение и воспроизведение; отмечается определяющая роль запоминания для качественного воспроизведения материала. Автор рассматривает виды памяти, выделяя их в зависимости от психологической активности, описывает принципы хорошей работы памяти. Приводятся рекомендации по успешному запоминанию, указываются те факторы, которые тормозят запоминание и пагубно влияют на работу памяти.

The article is devoted to the problem of memory and its role in learning. The author considers memory to be the mental informative process underlying abilities of the person and being condition of successful training, acquisition of knowledge, formation of abilities and skills. Without memory normal functioning of neither person nor a society is possible. The article gives the analysis of such basic processes of memory as storing, preservation and reproduction, the defining role of storing for qualitative reproduction of the material being noted. The article describes the kinds of memory in accordance with mental activity and dwells upon the principles of good work of memory and some methods of successful storing. The author reflects the things which interfere with storing and fatally influence memory work.

Введение. Проблема памяти всегда вызывала большой интерес, как в далекой древности, так и в наше время. Значительных успехов в этой области достигли древнегреческие философы, немецкий психолог Г. Эбингауз и французский психолог Т. Рибо. Из советских ученых следует отметить Б. В. Зейгарник и А. А. Смирнова.

Память – психический познавательный процесс, который лежит в основе способностей человека и является условием обучения, приобретения знаний, формирования умений, навыков. Без памяти невозможно нормальное функционирование ни личности, ни общества.

Истории известны примеры исключительной памяти. Наполеон имел великолепную память. Он знал многих солдат не только в лицо, но и помнил, кто из них храбр, а кто трусоват или любитель алкоголя. В молодости Наполеона посадили на гауптвахту, где ему попалась книга по римскому праву. Прочитав книгу, он мог цитировать ее спустя десятилетия. Удивительной памятью обладал брат Пушкина – Лев Сергеевич. По дороге в издательство А. С. Пушкин потерял пятую главу поэмы «Евгений Онегин», а ее черновик был уничтожен. О случившемся Александр Сергеевич сообщил брату. Вскоре он получил от Льва Сергеевича полный текст потерянной главы с точностью до запятой, хотя тот читал и видел ее всего один раз. Эти примеры подтверждают факт, что возможности памяти безграничны. Но для того, чтобы достичь хорошего функционирования памяти, нужно знать ее процессы и виды.

Основная часть. Существует три основных процесса памяти: запоминание, сохранение и

воспроизведение. Запоминание – процесс, в результате которого происходит закрепление нового путем связывания его с приобретенным ранее. Припомнить можно только то, что человек ранее запомнил. Чего не запомнил – того нет смысла и вспоминать. Успешнее заучивается то, что представляется более нужным – это то, что либо содействует, либо препятствует достижению цели.

Запоминание может быть произвольным и непроизвольным. Непроизвольное запоминание происходит без поставленной цели, специальных приемов и усилий. Большую роль здесь играет интерес и эмоции. Произвольное запоминание имеет место, когда человек ставит перед собой цель запомнить нужную информацию и использует волевые усилия, специальные приемы запоминания.

Почти всегда услышанный разговор или прочитанный рассказ мы не передаем дословно, а более или менее изменяем, некоторые слова заменяем синонимами, переставляем местами. Это объясняется тем, что мыслям какого-либо текста в сознании человека соответствуют другие – равноценные, что и объясняет трудности в дословном воспроизведении.

Замечено, что сходство мешает при заучивании. Американский психолог Мак Джеча после многочисленных исследований заключил, что последующее заучивание отрицательно отражается на припоминании сходного предыдущего материала, а выученный ранее материал сильно мешает заучиванию сходного с ним нового материала [1, с. 11].

Если студенты только что выучили тему «Великобритания», то превосходно удержат ее

в памяти. Но если за ней сразу следует тема «США», то обе они легко смешиваются.

В процессе функционирования памяти предполагается забывание. Часто забывание выступает в качестве защитного механизма, охраняющего нас от излишних переживаний. Забывание может быть полным или частичным, длительным или временным. Оно может быть обусловлено различными факторами. Первый и самый очевидный из них – время. Менее часа требуется, чтобы забыть половину механически заученного материала.

Многие жизненные психологические проблемы, казалось бы, связанные с памятью, на самом деле зависят не от памяти как таковой, а от возможности обеспечить длительное и устойчивое внимание человека к запоминаемому или припоминаемому материалу. Если удастся обратить внимание человека на что-либо, сосредоточить его внимание на этом, то существующий материал лучше запоминается и, следовательно, дольше сохраняется в памяти.

Исследования процесса сохранения (и забывания) информации показали, что информация, заложенная в память, с течением времени видоизменяется и реорганизуется. Припоминание – извлечение из памяти того, что в ней хранится. Бывает произвольное и произвольное припоминание.

По характеру психической активности выделяют словесно-логическую, образную, двигательную, эмоциональную память.

Словесно-логическая память – основа широты мышления, глубины эрудиции, образования в целом. Ее содержанием являются мысли, выраженные в словах.

Двигательная (кинестическая) память – запоминание и сохранение многообразных движений.

Эмоциональная память – это память на переживания, проявляемая в человеческих взаимоотношениях и запоминаемая без особого труда и на длительный срок.

Образная память проявляется в запоминании образов, представлений конкретных предметов, явлений. Она делится на зрительную, слуховую, осязательную, вкусовую и т. д.

В. Леви замечает: «Одни лучше запоминают, переписав, другие – услышав, третьи – увидев, четвертые – под тихую музыку, пятые – почесывая голову. Если вы еще не знаете индивидуальных особенностей своей памяти, надлежит перепробовать указанные способы» [2, с. 133].

Чистые виды памяти, в смысле безусловно доминирования одного из перечисленных, крайне редки. Типичными их смешениями являются: зрительно-двигательная, зрительно-слуховая, двигательно-слуховая.

В зависимости от времени прохождения материала по структурам памяти можно выделить следующие виды: мгновенную, кратковременную и долговременную память.

В мгновенной памяти удерживается довольно точная и полная картина мира, воспринимаемая органами чувств. Кратковременная память представляет собой не полное отображение событий, а непосредственную их интерпретацию. Делая усилие, можно удержать его в памяти на неопределенно долгое время. Долговременная память наиболее важная и сложная. Емкость ее практически безгранична.

Для успешного запоминания целесообразно обратить внимание на несколько основных принципов работы памяти. Принцип паузы дает время оценить обстановку и подумать. Пауза снижает возможность поспешных действий, заставляет сосредоточить внимание на нужном предмете. Принцип расслабления позволяет подавить беспокойство, которое препятствует концентрации внимания и блокирует механизмы памяти. Принцип осознания – это ключ к избирательному вниманию и наблюдению. Без них нельзя гарантировать последующее извлечение информации. Ассоциация образов (визуальная проработка) – это важный принцип, используемый всеми, кто помнит местонахождение различных предметов. Принцип личных комментариев (вербальная проработка) позволяет оставить яркий след в памяти. Принцип оценки материала с помощью категорий имеет отношение к способу хранения информации. Принцип просмотра и использования материала обеспечивает быстрое вспоминание. Для лучшей концентрации внимания нужно стараться заниматься только одним делом в определенный момент времени. Психологи отмечают, что при запоминании материала, лучше всего воспроизводятся его начало или конец («эффект края»), а установка на запоминание ведет к лучшему запоминанию. Одним из интересных эффектов памяти является явление реминисценции – улучшение со временем воспроизведения изученного материала без повторения. Простые события, которые производят на человека сильное впечатление, запоминаются сразу, прочно и надолго. Любое новое впечатление не остается в памяти изолированным. Память о событии меняется, так как вступает в связь с другими впечатлениями. Память связана с личностью человека, поэтому любые патологические изменения в личности сопровождаются нарушениями памяти. Она теряется по «сценарию»: сложное – простое, а восстанавливается: простое – сложное.

Следует соблюдать следующие способы рационального запоминания:

– установка на длительность и полное запоминание;

– необходимо отчетливо понимать заучиваемый материал, осознавать логические переходы и связь между его отдельными частями;

– важно гармонично согласовывать между собой получаемую информацию со старой;

– нужно привлекать эмоциональную память: например, нарисовать комические рисунки для скучного текста;

– следует выбрасывать ненужное и случайное, а сохранять полезное,

– при заучивании иностранных слов рекомендуется использовать их сходство с соответствующими русскими словами;

– если нужно запомнить обширный материал, целесообразно составить план, способствующий глубокому осмыслению материала. Исследования профессора А. А. Смирнова показали, что прочность запоминания с составлением плана почти вдвое больше, чем без него [2, с. 39];

– после того как материал проработан, его надо повторить, причем частями, а не целиком, что дает большую экономию времени и повышает качество усвоения;

– целесообразно распределять повторения во времени: повторить 2–3 раза, потом перерыв, заполненный посторонней деятельностью, а после вновь повторить 2–3 раза. Перед сном желательно еще раз повторить, потому что отдых коры головного мозга способствует лучшему запоминанию.

Французский психолог Т. Рибо высказал мысль, что «раньше забывается то, что было позже выучено». Из этого можно сделать вывод: только что выученный материал следует повторять чаще, чтобы он прочно закрепился в памяти.

Бессмысленное зазубривание материала не поможет нам с каждым днем легче заучивать новую информацию. Но систематические упражнения позволяют развить навыки рационального запоминания.

Наилучшим временем суток для сознательной работы памяти является промежуток от 10 до 12 часов, когда организм максимально устойчив к кислородному голоданию, а также после 20 часов.

Что тормозит запоминание?

Успешному запоминанию мешает возбуждение, раздражение, посторонние мысли. Провалы в памяти возникают, когда сильное волнение лишает их возможности концентрировать внимание: боязнь экзамена, публичного выступления, нервное истощение, сильный стресс. Этот порочный круг можно разорвать, переключив внимание на другой предмет или расслабившись.

Человек, находящийся в состоянии депрессии, должен прибегать к помощи таких грубых зрительных подсказок, как записки и таймеры, и пользоваться ими безо всяких колебаний.

На работу памяти пагубное влияние оказывают:

1) химические вещества и медицинские препараты, вызывающие состояние сонливости, успокаивающие средства и антигистаминные препараты;

2) злоупотребление снотворными и сердечными препаратами;

3) алкоголь снижает способность к обучению и замедляет мыслительные процессы, последствием алкогольного опьянения весьма долго сказываются на работе головного мозга;

4) у курильщиков ослаблена функция кратковременной памяти, поражены визуальная и вербальная виды памяти;

5) избыток кофеина в крови вызывает нервозность, возбудимость, злоупотребление табаком и кофе лишает человека возможности расслабиться.

Если что-то правильно заучивается, то оно впоследствии правильно и припоминается. Русский педагог и психолог К. Д. Ушинский писал: «Упорное припоминание есть труд, и труд иногда нелегкий, к которому должно приучать дитя понемногу, так как причиной забывчивости часто бывает леность вспомнить забытое, а от этого ускоряется дурная привычка небрежного обращения со следами наших воспоминаний. Вот почему учителя, нетерпеливо подсказывающие ребенку, как только он запнется, портят память “дитяти”. Нужно приучать себя самостоятельно стараться вспомнить забытое, не рассчитывая на записи и пособия. Не удалось вспомнить с первого раза – попытайся во второй раз, но каждую попытку нужно начинать заново» [3, с. 60].

Заключение. Итак, память – не обособленная способность человека; в явлениях памяти перед нами выступает вся личность. Поэтому невозможно придумать прием, с помощью которого удалось бы автоматически развить память, также как невозможно изобрести вечный двигатель. Совершенствование памяти зависит от общего развития и духовного роста человека.

Литература

1. Зубра, А. С. Культура умственного труда / А. С. Зубра. – Минск, 1997.
2. Иващенко, Ф. И. Задачи по общей, возрастной и педагогической психологии / Ф. И. Иващенко. – Минск, 1985.
3. Лурия, А. Р. Внимание и память / А. Р. Лурия. – М., 1975.

Поступила 02.04.2010

УДК 378.091.3:811'243

Д. В. Старченко, ст. преподаватель (БГТУ)

**ОСОБЕННОСТИ ГРУППОВОЙ РАБОТЫ
ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**

В статье освещаются приемы организации группового обучения в рамках технологии коллективного обучения на занятиях по иностранному языку. Автор рассматривает преимущества группового метода при организации работы со студентами, формы групповой работы и основные принципы построения занятий с использованием такой методики, а также характеризует типы заданий, которые подходят для групповой работы. Особо в статье подчеркивается изменение роли преподавателя. Подробно рассматривается заключительный процесс оценивания результатов групповой работы у студентов с разным уровнем языковой подготовки.

Interactive technologies and the technology of team teaching constitute an essential condition for successful learning of a foreign language. The group method forms the basis of these technologies. Group method is a pedagogical technique that shifts the role of instruction from the individual to a team, providing students with the opportunity to take a more active role in learning. On the basis of this approach lies a complex of reflexive and estimating procedures contributing to conceptual self-determination of the student in his future professional and social activity. The article explains how and why team teaching works and provides a comprehensive review of research material with practical applications and recommendations for tasks fitting this kind of work. The article pays special attention to the role of teacher in organization of the group work with students. The teacher should abandon the usual role and become an observer and consultant.

Введение. К популярным личностно ориентированным технологиям обучения относится технология коллективного взаимообучения: «организованный диалог», «сочетательный диалог», «коллективное взаимообучение», «коллективный способ обучения», «работа учащихся в парах сменного состава» [1].

Можно выделить следующие основные преимущества коллективных способов обучения:

1) в результате регулярно повторяющихся упражнений совершенствуются навыки логического мышления и понимания;

2) в процессе речи развиваются навыки мыслительности, включается работа памяти, идет мобилизация и актуализация предшествующего опыта и знаний;

3) каждый чувствует себя раскованно, работает в индивидуальном темпе;

4) повышается ответственность не только за свои успехи, но и за результаты коллективного труда;

5) отпадает необходимость в сдерживании темпа продвижения одних и в понукании других студентов, что позитивно сказывается на микроклимате в коллективе;

6) формируется адекватная самооценка личности, своих возможностей и способностей, достоинств и ограничений;

7) коллективно работающие студенты достигают лучших результатов в когнитивной сфере, так как при решении проблем и выполнении поставленных задач поощряются самостоятельное мышление и новые идеи;

8) обсуждение одной информации с несколькими сменными партнерами увеличивает число ассоциативных связей, а следовательно, обеспечивает более прочное усвоение.

При таком групповом обучении студенты приобретают и большую свободу действий. В группах создаются более благоприятные условия для равномерного продвижения с учетом уже индивидуальных особенностей студентов.

Основная часть. Существуют три критерия, по которым можно образовать группы:

- определенные признаки;
- собственные предпочтения;
- случайность.

Относительно первого варианта следует отметить, что преподаватель действует авторитарно, преодолевая внутреннее сопротивление студентов. Во втором варианте «группы друзей» могут создать проблему, если нужно работать с ориентацией на материал. Принцип случайности (по методу жребия) принимается студентами, и его преимуществом является относительно разнородный состав групп. Обычно группы студентов формируются преподавателем до занятия, разумеется, с учетом психологической совместимости. При этом в каждой группе должны быть студенты с разной степенью владения иностранным языком.

Если участники группы отвечают за все, может случиться так, что они не будут нести ответственности ни за что. Поэтому важно распределить функции среди членов группы. Состав группы можно сохранять в течение долгого времени, если нужно, чтобы каждый из участников группы опробовал на себе все роли.

Для хорошей групповой работы нужен план. Групповая работа – это макрометод, у нее есть внутренняя логика. Чтобы студенты осознанно подошли к своей работе, они должны ознакомиться с этой логикой. Поэтому необходимо представить важнейшие этапы такой работы.

Этап планирования: 1) распределение ролей; 2) постановка задач; 3) обсуждение образа действий; 4) установление срока.

Этап проведения: 1) незамедлительное выполнение работы; 2) взаимопомощь и консультации; 3) интенсивная работа; 4) периодическая проверка проделанной работы; 5) своевременная подготовка презентации.

Этап оценивания: 1) критическая оценка результатов работы; 2) критическое осмысление совместной работы; 3) планирование условий для следующей групповой работы.

Групповое обучение – основа проблемного обучения. Цель его состоит в том, чтобы сделать каждого студента индивидуально сильнее в его собственной позиции, развить определенные коммуникативные качества личности. Участники группы изучают вместе то, что они могут в последующем использовать индивидуально.

В результате исследования групповой работы были выявлены пять ключевых элементов, необходимых для ее организации: 1) позитивная взаимосвязь; 2) индивидуальная ответственность; 3) стимулирующее взаимодействие; 4) социальные навыки; 5) процесс групповой работы.

Для реализации взаимодействия в группе наиболее оптимальны группы из 4–5 участников. Характерной особенностью работы является перенос центра тяжести с обучения на учение как самостоятельную проработку и усвоение информации, овладение учебными умениями и навыками. Преподаватель оказывается уже не единственным и даже не основным источником информации, а прежде всего, организатором самостоятельной работы студентов и их консультантом.

Групповая работа подразделяется на два вида: дифференцированную и единую. При единой работе все группы выполняют одинаковые задания. При дифференцированной работе разные группы выполняют разные задания в рамках общей для всех участников темы.

Важно подчеркнуть, что изучение какой-нибудь программной темы не опирается целиком на групповую работу: всегда присутствуют и другие методы. Частота применения группового метода обучения зависит от многих условий. В первую очередь, следует иметь в виду характер учебного материала. К материалу и заданиям для групповой работы предъявляются следующие общие требования.

1. Задания должны подходить для групповой работы, т. е. способствовать возникновению различных мнений и являться основой для обсуждения. Они должны быть проблемными, создавать определенное познавательное затруднение, предоставлять возможность для активного использования имеющихся знаний и являться импульсом к творческому мышлению, поиску новых знаний и новых способов действия.

2. Задания должны иметь относительно высокую степень трудности.

3. Материал должен быть таким, чтобы его можно было разделить на относительно самостоятельные единицы, над которыми смогут работать разные группы или отдельные студенты в рамках одной группы. Важно, чтобы каждая группа воспринимала взаимосвязь своего задания с заданиями остальных групп. При изучении материала преподавателю следует заранее раскрыть перед студентами общую структуру и основные проблемы прорабатываемого материала. Таким образом, у студентов создается представление об изучаемой теме в целом и взаимосвязи отдельных групповых заданий.

4. Должен быть составлен список правил, с которым нужно ознакомить всех студентов, задействованных в работе.

5. Регулярно следует подводить промежуточные итоги проделанной работы и заниматься рефлексией. После определенных этапов работы участники группы оценивают ход процесса и подводят итоги [2].

Виды заданий, подходящих для групповой работы:

– суть которых заключается во взаимном контроле;

– требующие консультаций внутри группы. Могут быть выполнены группой студентов с разным уровнем языковой подготовки: например, пояснения «экспертов»;

– содержащие относительно большой объем информации. Не могут быть выполнены в процессе индивидуальной или парной работы;

– «мозговой штурм». Выполнение требует творчества и сбора большого количества идей;

– соревнование среди групп, которое должно стимулировать улучшение результатов;

– задания-«пазлы», в которых разрозненную информацию нужно собрать в единое целое;

– групповые ролевые игры.

Целью группового занятия является получение «языкового продукта» в ходе парной, групповой или проектной работы (с совместным разъяснением, планированием, обсуждением): модель, стенгазета, выставка, письмо читателя или листовка, участие в конкурсе, ролевая игра, сценическая игра, театральная постановка, экскурсия и т. д.

Общая система обучения предполагает и индивидуальную, и самостоятельную работу, и работу в разных группах, в том числе и в объединенных, особенно тогда, когда речь идет о работе над проектом.

Групповое обучение уместно применять не только на занятиях по формированию лексических и грамматических навыков, при работе с текстом, при изучении нового материала или при повторении и активизации уже пройденного, но

также и при обучении диалогической речи и общению на изучаемом языке.

Следует помнить, что способности к овладению иностранным языком у различных людей разные. Одни легко овладевают материалом и соответствующими речевыми умениями; другим, несмотря на большие усилия с их стороны, не удается добиться тех же результатов, как бы они не старались. Если при работе в группе будут оцениваться реальные результаты каждого, то никто не захочет работать вместе с теми, чьи знания ниже и кто не достигает желаемого результата за достаточно короткое время. В свою очередь, те студенты, которым иностранный язык не дается легко и быстро, закомплексуют. Поэтому очень важно в период взаимодействия студентов в группах оценивать не столько реальные результаты студента, слабо успевающего по иностранному языку, сколько усилия, которые он затрачивает на достижение необходимых результатов. В группе подобным студентам даются задания менее сложные для выполнения либо меньшие по объему. Но ему необходимо добиться полного осмысления этого материала. Здесь не стоит делать никаких скидок. Если в качестве итогового контроля предполагается тест на проверку понимания, преподаватель должен дифференцировать сложность и объем задания в зависимости от уровня обученности студентов. Например, если тест состоит из десяти заданий, то, чтобы получить наивысший балл, сильному студенту нужно выполнить все задания, менее успевающему – 8, а тому, кто послабее, – 6. Все баллы суммируются и группе выставляется средний балл за выполнение данного теста. Тогда, во-первых, любой студент в соответствии с его индивидуальными возможностями может принести своей группе одинаковое количество баллов и не будет ощущать себя худшим. Во-вторых, каждый участник группы заинтересован в лучшей подготовке к тесту, а значит, и в лучшем овладении материалом. Это и есть основной принцип группового метода обучения: берем ответственность на себя.

Личность преподавателя и его авторитет играют значительную роль в успехе занятия, построенного по принципу группового. Метод группового обучения пригоден только тогда, когда преподаватель имеет достаточно терпения и может стать сторонним наблюдателем. Этот метод требует, чтобы преподаватель отчасти отказался от своего авторитета, которым он структурирует, определяет и направляет все процессы в аудитории. Преподаватель должен, прежде всего, раздать точные и понятные задания и провести разъяснительную работу по их выполнению. Далее он становится консультантом и помощником. Сами студенты находятся в центре комму-

никации, разбираются с содержанием темы и берут на себя функции преподавателя. Преподаватель отходит на второй план, он вмешивается только тогда, когда это необходимо [3].

Группа исследователей из Нюрнберга дает следующие советы преподавателю во время групповой работы:

- после объяснения задачи отойти на второй план и наблюдать за группой издали;
- не ходить постоянно по аудитории;
- не мешать группе во время работы и избегать ненужных консультаций;
- не решать проблемы за студентов;
- помогать только в случае реальной необходимости [4].

Во время этапа рефлексии и оценки преподавателю следует:

- 1) обращать внимание на разнообразие форм презентации (стенгазета, презентация в формате MS PowerPoint, краткое сообщение, ролевая игра и т. д.);
- 2) интересоваться результатами, достигнутыми группой, а не каждым в отдельности (т. е. обращаться к группе, а не к отдельным студентам);
- 3) связать результаты в единое целое и подтвердить их;
- 4) стараться использовать при оценке коммуникативные приемы.

Заключение. Использование личностно ориентированных технологий позволяет каждому студенту принимать самое активное участие в познавательной деятельности на занятии, осмысливать новый материал с помощью своих одноклассников, самостоятельно применять полученные знания. Система зачетов в дополнение к системе оценки знаний, умений, навыков, принятых в технологии сотрудничества, позволяет систематически отслеживать темп продвижения каждого студента. Сам студент, принимая на себя ответственность за собственные успехи и успехи своих товарищей, получает возможность более свободно планировать свою деятельность.

Литература

1. Полат, Е. С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина. – М., 2008.
2. Коньшева, А. В. Современные методы обучения английскому языку / А. В. Коньшева. – Минск, 2003.
3. Gudjons, H. Handbuch Gruppenunterricht / H. Gudjons. – Beltz Verlag. Weinheim, Basel, Berlin, 2003.
4. Nürnberger Projektgruppe. Erfolgreicher Gruppenunterricht. Praktische Anregungen für den Schulalltag. – Stuttgart, 2001.

Поступила 02.04.2010

УДК 811.111'243:378.091.33

В. В. Царенкова, преподаватель (БГТУ); С. И. Шпановская, преподаватель (БГТУ)

ТЕХНОЛОГИЯ АДАПТИРУЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-РАЗВИВАЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

С позиций социально-развивающей образовательной парадигмы в статье проанализированы возможности технологии адаптирующего обучения и технологии интегрирующего обучения. Показано, что данные технологии направлены на восприятие и усвоение готовых форм социального опыта носителей языка, а также на интеграцию приобретенного социального опыта, его активное воспроизведение и использование для решения социально-коммуникативных задач.

Intensive progress in all fields of social life activity implies constant systemic improvement of education contents, forms and methods of its presentation. Capabilities of adjusting teaching technologies and integrating teaching technologies are analyzed in the article from positions of the social development education paradigm. It is demonstrated that these technologies are aimed at perception and learning of established forms of native speakers' social experience as well as at integration of the acquired social experience, its active reproduction and utilization for solution of social and communication tasks. The main advantage of the examined technology is the fact that it allows developing the capability of students for education in general, and ultimately it leads to self-organization, self-education, self-development. The article offers a classification of technologies and gives an account of methods of application of social development education in the educational process.

Введение. Смысл современного образования заключается не в изучении учебных предметов, а «в развитии личности предметами» [1] и вооружении ее таким образовательным потенциалом, который обеспечит возможность самостоятельного творческого развития, способность решать проблемы коммуникативного, нравственного, этического, социального и другого характера как в стенах вуза, так и за их пределами.

В истории педагогической мысли существуют несколько точек зрения на соотношение обучения и развития. Мы будем опираться на идеи Л. С. Выготского, который обосновал детерминированность развития процессом обучения, а в более широком смысле – образования. Обучение, воспитание и развитие – это взаимосвязанные, взаимообусловленные процессы. С. Л. Рубинштейн подчеркивал: «Ребенок развивается, воспитываясь и обучаясь, а не развивается, и воспитывается, и обучается. Это значит, воспитание и обучение включаются в самый процесс развития ребенка, а не надстраиваются лишь над ним» [1]. Из приведенных высказываний становится очевидным, что обучение и воспитание студента – это те условия, которые делают возможным развитие, точнее, саморазвитие личности. Последнее осуществляется в деятельности, управляемой системой мотивов, присущих данной личности.

Основная часть. В современном обществе особое внимание обращается на различные аспекты развития личности, способной «жить и творить в условиях постоянно меняющегося мира, быть конкурентоспособной, интегрироваться в мировое сообщество» [2]. Интеллектуальное, моральное, эстетическое, эмоциональное и другое развитие личности человека рассматривается

в широком социальном контексте. Все процессы развития личности реализуются в полной мере лишь в ходе социального развития, поскольку именно в социальном поведении человека проявляются его культурные, эстетические, моральные и интеллектуальные качества. Возникает необходимость обеспечить такое построение учебно-воспитательного процесса, которое предполагало бы постоянную потребность в реализации названных выше аспектов личности.

Для решения перечисленных задач и формирования социальной компетентности требуется такая организация педагогического процесса, при которой каждый из студентов осознает себя активным субъектом деятельности, чей творческий потенциал востребован окружающими. Это может быть достигнуто, если используемые приемы обучения иностранным языкам: 1) способны «погрузить» обучаемого в социальную среду, искусственную или естественную, обеспечить возможность выхода за границы учебной языковой среды; 2) могут обеспечить практическое применение полученных ранее знаний, навыков, умений в «социально-заостренных» проблемных ситуациях; 3) могут основываться на актуальном содержании, имеющем социальное звучание; 4) имеют «открытый» характер, поощряя различные подходы к решению проблем; 5) связаны с необходимостью аргументированной защиты своей позиции на основе собственного социального опыта; 6) стимулируют осмысление сформированных ранее социальных представлений и сравнение их с представлениями других людей; 7) обеспечивают опыт общения, взаимодействия и широкого поиска информации; 8) содержат элементы самоуправления, самоорганизации,

предполагают необходимость нести ответственность за коллективный результат Деятельности; 9) стимулируют коммуникативно-познавательную деятельность, активное межличностное общение как условие решения задач социального характера; 10) препятствуют «истощению» мотивации к изучению иностранного языка.

Под социальной компетенцией будем понимать желание и способность личности жить в мире, гармонии и согласии с другими людьми, которые могут отличаться по взглядам, привычкам, убеждениям и т. д., а также готовность и способность к эффективной деятельности в различных социально значимых ситуациях.

Использование новых, личностно развивающих технологий поможет преодолению обезличенности и удаленности образования от реальной жизни. В последние годы многие авторы связывают технологию со способами реализации личностно деятельностного подхода к обучению, что позволяет создавать условия для самостоятельного управления учебно-познавательным процессом со стороны обучаемого, реализации его креативных способностей (И. Л. Бим, И. А. Зимняя, Е. С. Полат и др.). Термин «технологии обучения» (или педагогические технологии) был введен для обозначения «совокупности приемов работы преподавателя (способов его научной организации труда), с помощью которых обеспечивается достижение поставленных на уроке целей обучения с наибольшей эффективностью за минимально возможный для их достижения период времени» [3]. Позднее термин стал пониматься более широко и использоваться для обозначения любого рационально организованного обучения. А. Н. Щукин выделяет следующие характеристики технологий обучения: результативность, экономичность, мотивированность. Личностно ориентированные технологии рассматривают как продуктивные, обеспечивающие самоопределение и самореализацию школьника как языковой личности в процессе овладения иностранным языком и его использования.

Предлагаемые нами технологии социально-развивающего обучения (ТСРО) иностранным языкам направлены на развитие творческой индивидуальности и интеллектуально-нравственной свободы личности. В данном контексте под ТСРО будем понимать совокупность приемов, позволяющих организовать процесс обучения в соответствии со сформулированными критериями и в целях создания оптимальных условий для развития у студентов опыта решения социально и личностно значимых проблем в контексте диалога культур. К основным характеристикам ТСРО в обучении иностранным

языкам следует отнести: коммуникативность; проблемность; соответствие характеру решаемых на данном возрастном этапе задач социального развития; направленность на постижение социальных закономерностей, расширение социального опыта; способность создавать обстановку сотрудничества, положительного эмоционального фона; результативность.

Предлагаемые нами ТСРО иностранным языкам основаны на логике социального развития студентов и включают следующие группы:

1. Технологии адаптирующего обучения:

– технологии, направленные на восприятие и усвоение готовых форм социального опыта носителей языка;

– технологии, ориентированные на игровое овладение социальными отношениями, одобряемыми формами поведения, общечеловеческими нравственными нормами.

2. Технологии интегрирующего обучения:

– технологии, направленные на активное овладение социальными отношениями в коллективе на основе сравнения двух культур;

– технологии, ориентированные на интеграцию приобретенного социального опыта, его активное воспроизведение и использование для решения социально-коммуникативных задач.

3. Технологии персонифицирующего обучения.

Последняя группа технологий открывает возможности для реализации индивидуальных качеств студентов, их собственных отношений, жизненных интересов и оценок. Сущностная специфика этой группы заключена в направленности на развитие творческой индивидуальности и интеллектуально-нравственной свободы личности, в совместном личностном росте обучаемых и обучающего.

Использование ТСРО позволяет формировать те общеучебные умения, которые имеют личностно формирующую направленность, например умение работать в группе, творчески решать социально-коммуникативные проблемы, добиваться позитивной самореализации. Создаются условия для вариативности и дифференциации обучения, усиливается мотивация учения, формируются такие черты, как социальная ответственность, коммуникативная состоятельность, стремление к познанию и самосовершенствованию, психолого-социальная адаптивность, толерантность. Использование ТСРО позволяет создавать ситуации, «проживая» которые учащийся в большей степени осознает себя как личность. Ситуация выбора, диалог, работа в парах, группах, командах, дискуссии, контакты с воображаемыми и реальными собеседниками-носителями иной лингвокультуры –

все это создает условия для формирования социально значимых качеств личности студентов и расширения их социального опыта. Создаются ситуации, благоприятные для формирования самосознания студентов: сознания тождественности (отличия себя от остального мира), сознания «Я» как субъекта деятельности, сознания собственных психических свойств, социально-нравственной самооценки. Становление личности осуществляется в ходе конкретной предметно-практической деятельности в различных видах общения.

Приведем примеры двух типов заданий, характеризующих ТСРО иностранным языкам на старшем этапе обучения.

Задания, направленные на развитие социально значимых качеств личности студентов, позволяют добиваться позитивной самореализации.

Задание 1.

Цели: способность к преодолению трудностей в нетиповых ситуациях общения; уверенность в своих силах.

Процедура.

T.: There are occasions in our lives when it is difficult to stand up for ourselves or for others: it is hard to put aside feeling timid and to risk what will happen. Think of a time when you overcame feeling timid.

Группа делится на 4–5 человек. Студенты по очереди предъявляют подготовленные в качестве домашнего задания ситуации, каждая из которых обсуждается в группе. По ходу обсуждения предлагается ответить на следующие вопросы:

Did your group tend to laugh while hearing these situations? If so, why?

When is it wise to put aside feeling timid and to act strongly?

What helped you to act strongly even though it was difficult in your situation?

Задание 2.

Цели: развитие умения осмысливать собственные устремления, принимать решения и нести ответственность за свои поступки.

Процедура.

T.: We often say: I should do this or I should do that. How many of our “shoulds” do we carry out?

Студенты получают задание написать длинный список того, что, как они думают, им следовало бы сделать. Ex.: I should study more. I should tidy up my room. I should eat foods that are better for me.

В группах студенты по очереди читают составленные ими списки дел. Далее им предлагается прочитать их еще раз, изменив интонацию и заменяя слово should на will. Они должны произносить утверждения так, чтобы стало

понятно: они уверены, что могут это сделать и обязательно сделают. Затем студенты сообщают группе, почувствовали ли они уверенность, силу, ответственность, когда говорили твердо и ответственно о своих планах.

Далее студенты получают задание назвать самое важное дело, которое они выполнят в ближайшую неделю. Преподаватель сообщает, что через неделю они должны отчитаться о проделанной работе в тех же группах.

Заключение. Таким образом, ТСРО иностранным языкам связаны с созданием условий для раскрытия и развития способностей студентов, позволяют учитывать особенности социального и культурного контекста жизнедеятельности, органично соединять социальное и личностное начала. Задания, включенные в предлагаемые нами технологии, характеризуются важнейшей отличительной чертой: они позволяют студенту реализовывать какие-либо из социально значимых качеств и обозначать свою нравственную позицию.

Вместе с тем важно отметить, что данные технологии не исключают традиционные приемы обучения. Трудно не согласиться с И. Я. Лернером, который писал: «... едва ли правомерно противопоставление двух типов обучения: проблемного и объяснительно-репродуктивного, о чем можно прочесть в печати. Ни одна из существующих концепций не доказала нецелесообразности предъявления части знаний в “готовом виде”. Важно и то и другое... Ни одна концепция не может претендовать на исключительное положение в системе развивающего обучения» [4].

Описанные выше технологии позволяют, с одной стороны, развивать коммуникативную компетентность школьников, с другой – избегать пагубной тенденции, которую А. А. Леонтьев обозначил как «социальную инфантилизацию юношей и девушек, часто уже сформировавшихся в психологических отношениях» [5].

Литература

1. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М., 1973.
2. Бим, И. Л. Модернизация структуры и содержания школьного образования / И. Л. Бим // Иностранные языки в школе. – 2005. – № 8.
3. Щукин, А. Н. Обучение иностранным языкам. Теория и практика / А. Н. Щукин. – М., 2006.
4. Лернер, И. Я. Развивающее обучение с дидактических позиций / И. Я. Лернер // Педагогика. – 1996. – № 2.
5. Леонтьев, А. А. Социальная психология в обучении иностранным языкам / А. А. Леонтьев // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 2.

Поступила 02.04.2010

УДК 378.662:81'276.6

Е. И. Янукович, ст. преподаватель (БГТУ)

**ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО
ЯЗЫКОВОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ**

В статье рассмотрены вопросы профессионально ориентированного языкового обучения студентов технических вузов, в частности, эффективность учебного процесса при заданном количестве часов, мотивация к обучению, учебные материалы, построение учебного процесса, средства обучения. Сформулированы принципы лично ориентированного обучения, которые реализуются в методике интегрированного коммуникативного подхода.

The article dwells upon the problems of field-specific linguistic education in higher technical schools, i. e. the efficiency of teaching process, motivation, teaching materials, the organization of teaching process, etc. The author underlines the importance of integrated communicative approach which is to form linguistic competence, sociolinguistic competence, discursive competence, etc. The author also points out the controversy which exists between the limited number of foreign language classes in higher technical schools and the problem of teaching foreign language as a means of efficient professional communication. The paper describes the concepts of teaching efficiency and intensification and key factors affecting them as well as main criteria of teaching process optimization and trends of improving quality of education.

Введение. Современное состояние высшего образования с наметившимися тенденциями в его развитии выдвигает новые требования к профессиональной подготовке выпускника и его личностным качествам. В числе значимых – глубокие профессиональные знания и умения, способность к гибкому их применению, инициативность, коммуникабельность, творческая активность, готовность к непрерывному саморазвитию. Конкурентоспособность современного специалиста определяется не только его высокой квалификацией в профессиональной сфере, но и готовностью решать профессиональные задачи в условиях иноязычной коммуникации. В связи с этим необходимо учитывать профессиональную специфику при изучении иностранного языка, а также нацеленность на реализацию задач будущей профессиональной деятельности выпускников. Таким образом, учебный предмет «Иностранный язык», будучи интегративным по своей цели и междисциплинарным по предметному содержанию, призван способствовать расширению образовательного кругозора обучающихся, социализации личности будущих специалистов, подготовке их к жизни в условиях многонационального и поликультурного мира.

В то время как прикладные науки ведут постоянный поиск путей совершенствования существующих технологий, педагогические – методов преподавания. Одной из центральных задач профессионального образования становится оптимизация учебного процесса. На протяжении долгого времени овладение различными видами перевода и усвоение профессиональной специальной лексики являлись целью обучения иностранным языкам в технических вузах. Сегодня, когда ориентация на обучение чтению литературы по специальности сменилась направленностью на обучение устной речи, данная проблема

приобретает особую актуальность. Современные потребности общества обусловили необходимость создания новых учебных комплексов, предназначенных для эффективного обучения будущих специалистов. К числу причин, вызвавших переход к обучению именно устной речи, относятся расширение международных контактов в научном мире, развитие средств коммуникации и компьютеризации, информационных технологий, изменение спроса на рынке труда, интеграция и развитие научных и культурных связей на общеевропейском уровне.

Основная часть. Развитие международных связей, взаимопроникновение культур, а также научно-техническое сотрудничество диктуют необходимость обратиться к проблеме формирования коммуникативных умений обучаемых. На современном этапе межкультурный, научный обмен и профессиональное взаимодействие способны осуществлять только специалисты, приобщенные к иноязычным культурам. Формирование коммуникативной компетенции происходит посредством изучения иностранных языков в ходе ознакомления с национальными особенностями, историей, социальными нормами поведения, принятыми в странах изучаемого языка, а также природой межкультурных конфликтов и способами их разрешения.

Роль иностранных языков как средств международной коммуникации будет только возрастать, становясь основным средством общения. Ведущими сферами общения в профессиональной деятельности выпускников технических вузов являются: беседа с использованием специальных технических терминов; делопроизводство и деловая переписка; составление и перевод технической документации с описанием функционирования и технического обслуживания различных устройств; беседа с ис-

пользованием деловой лексики и беседа на общие темы; составление факсов; участие в семинарах, конференциях и презентациях.

Эффективность учебного процесса при заданном количестве часов, отводимых на обучение, и известной категории обучаемых зависит от нескольких составляющих, включающих мотивацию к обучению, учебные материалы, построение учебного процесса или методика обучения, средства обучения и т. д. Сложность проблемы совершенствования обучения заключается в том, что для достижения наилучших результатов необходимо, чтобы все факторы, воздействующие на эффективность учебного процесса, были подобраны исходя из анализа их влияния на конечный результат обучения, и, соответственно, все они были бы действенными.

Основной целью обучения в вузе является подготовка студента к будущей профессиональной деятельности. Вследствие этого получаемое образование обязательно должно быть общим, охватывать многие отрасли знаний. Для того чтобы определиться с областью профессиональной деятельности, выпускнику вуза могут потребоваться годы. Многие за время трудовой деятельности не раз меняют специальность. Поэтому чем больше знаний в различных областях получает обучаемый, тем легче ему будет приспособиться к существующим социальным условиям. Следовательно, изучение иностранных языков расширяет возможности обучаемого, повышает его общественную значимость. Однако расширение научного кругозора и овладение знаниями в новых областях не должно происходить за счет ухудшения качества обучения основному, базовому предмету. Деятельность по изучению иностранного языка в процессе профессионального образования определяется целями обучения, т. е. знаниями, которые студент должен приобрести в результате обучения.

В целом, процесс получения образования можно охарактеризовать как тренировку мышления. Наравне с другими областями знаний, изучение иностранного языка приводит к активизации различных умственных процессов. Владение иностранным языком, даже на уровне средней школы, уже предполагает запоминание нескольких тысяч слов в пассивном словаре. Изучение грамматических конструкций развивает логическое мышление, изучение фонетики – органы артикуляции, упражнения на аудирование – способность к восприятию на слух и т. п. Изучение иностранного языка – это тренировка интеллекта, развитие умственных способностей [1].

Именно система формирования и развития способности общаться на иностранном языке играет важную роль в контексте личностно ориентированного обучения. Основные ее принципы реализуются в методике интегриро-

ванного коммуникативного подхода, ключевая задача которого состоит в формировании языковой компетенции (владение языковым материалом для его использования в виде речевых высказываний); социолингвистической компетенции (способность использовать языковые единицы в соответствии с ситуациями общения); дискурсивной компетенции (способность понимать и достигать связности в восприятии и порождении высказываний); «стратегической» компетенции (способность компенсировать вербальными и невербальными средствами недостатки во владении языком); социально-культурной компетенции (степень знакомства с социально-культурным контекстом функционирования языка); социальной компетенции (способность и готовность к общению с другими).

Особое значение приобретает проблема коммуникативной направленности учебных занятий, т. е. обучение иностранному языку как языку профессионального общения. Проблема, стоящая перед техническими вузами, заключается в том, что объем времени, отведенный на предмет «Иностранный язык», весьма незначителен, а задачи, стоящие перед студентами в современных условиях, все более усложняются и формулируются как овладение всеми видами речевой деятельности на основе профессиональной лексики, а также овладение навыками делового общения. Это требует особого подхода к самому процессу обучения и к конкретной его области: методике преподавания иностранного языка или «иностранного языка как языка профессионального общения» в техническом вузе, где студенты приобретают знания, умения и навыки своей будущей профессиональной деятельности, имея компетентностную мотивированность, заинтересованность в процессе обучения [2].

В поисках средств оптимизации процесса обучения иностранному языку для профессионального общения необходимо обращение к изучению потребностей учащихся, тех целей, которые они ставят себе, приступая к занятиям, т. е. для оптимальной организации речемыслительной деятельности важна мотивация. Мотив объясняет характер любого речевого действия, тогда как коммуникативное намерение выражает то, какую коммуникативную цель преследует говорящий, планируя ту или иную форму воздействия на слушающего. Под мотивацией обычно понимают систему побуждающих импульсов, направляющих учебную деятельность. Мотивация обучения может определяться внешними (узколичными) и внутренними мотивами. Внешние мотивы не связаны с содержанием учебного материала: мотив долга, обязанности (широкие социальные мотивы), мотив оценки, личного благополучия (узкосоциальные

мотивы), отсутствие желания учиться (отрицательные мотивы). Внутренние мотивы, напротив, связаны с содержанием учебного материала: мотивы познавательной деятельности, интереса к содержанию обучения (познавательные мотивы), мотивы овладения общими способами действий, выявление причинно-следственных связей в изучаемом учебном материале (учебно-познавательные мотивы).

Интерес к процессу обучения иностранным языкам держится на внутренних мотивах, которые исходят из самой иноязычной деятельности. Таким образом, в целях сохранения интереса к предмету преподаватель должен развивать у учащихся внутренние мотивы. При этом ключевыми и решающими параметрами считаются те, которые присущи конкретному студенту: личный опыт, контекст деятельности, интересы и склонности, эмоции и чувства, мировоззрение, статус в коллективе. Это позволяет вызвать у учащихся истинную мотивацию. В этом случае работает внутреннее побуждение; мотивация оказывается не привнесенной в обучение извне, не навязанной ему, а является прямым порождением самого метода обучения, развития межличностных отношений и создания на занятиях эмоционального благополучия, что, в свою очередь, обеспечит повышение эффективности обучения иноязычному общению. Таким образом, сама мотивация становится многогранной. В системе обучения иноязычной культуре возникают средства поддержания мотивации к познавательной, развивающей и воспитательной деятельности, что в конечном итоге вызывает у обучающегося коммуникативную мотивацию. Тем не менее в общей структуре мотивации доминирующим является основной мотив, определяющий учебную деятельность и формирование отношения к ней. Это познавательный мотив, так как в его основе заложено постоянное стремление к познанию; а также имеет место связь с содержательной и организационной стороной самой учебной деятельности [3].

Оптимизация обучения также тесно связана с понятиями эффективности и интенсификации обучения. Эффективность учебного процесса – это основная его характеристика, тем или иным способом показывающая, насколько реально полученный результат учебного процесса отличается от планируемого, интенционального (желаемого) результата. В условиях технических вузов повышение эффективности иноязычного образования невозможно без увеличения интенсификации обучения, представляющего собой повышение производительности учебного труда в единицу времени. Основными факторами увеличения интенсификации являются повышение целенаправленности обучения, усиление мотивации учения, повышение информативной емко-

сти содержания образования, внедрение инновационных технологий, что определяет в конечном счете оптимизацию образования. Под интенсификацией также понимается повышение эффективности обучения средствами, представляющимися наиболее выгодными для конкретных условий комплексом этих средств. При этом критериями оптимизации являются успешность овладения обучаемыми знаниями, навыками, умениями; степень соответствия результатов обучения требованиям программы обучения; степень соответствия результатов обучения максимальным возможностям каждого обучаемого; соответствие расходов времени и усилий преподавателя и обучаемого действующим нормативам. В качестве оптимизационного средства в условиях обучения иностранному языку в техническом вузе выступают образовательные технологии, интегрированные в общий комплекс учебно-методических мероприятий.

Задача подготовки квалифицированного специалиста по иностранному языку заключается в том, чтобы научить его читать и понимать оригинальный текст по специальности без словаря; извлекать информацию из прочитанного с целью практического ее использования (например, студентами при написании рефератов, курсовых и дипломных работ, для участия в семинарских занятиях и т. д.); составлять на русском языке аннотации и рефераты работ, прочитанных на иностранном языке; переводить специальные тексты с иностранного языка на русский с помощью словаря; вести беседу, принимать участие в дискуссиях по проблемам изучаемой специальности; воспринимать на слух иноязычную речь. В связи с этим студент должен овладеть языком специальности, т. е. изучить особенности научно-технического дискурса в целом и конкретной специальности в частности.

Одно из направлений повышения качества гуманитарного образования – взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности. На данный момент отсутствуют единые рекомендации по соотношению видов речевой деятельности при обучении студентов технических вузов. Поиск соотношения видов речевой деятельности, позволяющего достигать наилучших результатов при обучении иностранным языкам, остается одной из проблем взаимосвязанного обучения. Повышению результативности учебного процесса может способствовать выработка рекомендаций по соотношению видов речевой деятельности при организации учебного процесса, создание новых учебных комплексов, основой которых станут упражнения, направленные на обучение устной речи с привлечением как профессиональной, так и деловой тематики и терминологии.

Однако в настоящее время не существует ни общепринятых методов количественного опре-

деления данного соотношения, ни универсально-го критерия определения соотношения видов речевой деятельности, которые позволили бы значительно упростить выработку определения оптимального соотношения, а также унифицировать учебные пособия, используемые для одной и той же категории обучаемых.

Таким образом, изучение возможностей интенсификации обучения говорению на иностранном языке в процессе профессиональной подготовки студентов технических вузов на основе определения наиболее эффективного соотношения видов речевой деятельности, используемых при обучении, позволит повысить эффективность обучения говорению на иностранном языке в учебно-профессиональной сфере с опорой на соотношение аудирования, говорения, чтения и письма. Основными источниками для создания нового курса должны стать Интернет-сайты по различным специальностям, профессиональные форумы, электронные версии профессиональных конференций и презентаций, различные периодические издания, рекламные буклеты, статьи из периодической печати, образцы деловой документации на английском языке профильных совместных предприятий, видеоматериалы. Широкое использование элементов ролевых и деловых игр наряду с применением ТСО должно оптимизировать учебный процесс. Профессиональная направленность курса влияет на отбор содержания учебных занятий со студентами той или иной специальности.

Овладение профессионально ориентированной разговорной речью невозможно представить без приобретения навыков перевода отраслевой литературы, отобранной для той или иной специальности. Каждая специальность технического вуза требует отбора материала для формирования терминологического словаря студентов исходя из потребностей кафедры и требований, предъявляемых к специальным знаниям студентов старших курсов, аспирантов, бакалавров, магистров. В этом случае особое значение приобретают консультации с ведущими специалистами вуза, четкие формулировки и представления о тематике аудитивных текстов для чтения, обсуждения, понимания и использования в будущей инженерной деятельности выпускников. Это способствует становлению межпредметных связей и получению необходимых базовых знаний с одновременной отработкой правильного произношения и употребления отраслевой лексики под руководством преподавателя на занятиях.

Особое внимание при обучении деловому языку с элементами специализации должно уделяться письменной речи как способа формирования и формулирования мысли в письменных языковых знаках. На занятиях ино-

странного языка именно продуктивной стороне письма необходимо уделять больше внимания, так как данный вид деятельности развивает письменную коммуникативную компетенцию и формирует способности практически пользоваться иноязычным письмом как способом общения. Обучение письменной речи неразрывно связано с обучением другим видам речевой деятельности. Это сложный инструмент мышления, который стимулирует говорение, слушание и чтение на иностранном языке.

Поэтапное обучение профессионально ориентированному деловому иноязычному общению способствует формированию речемыслительной деятельности, развитию чувства языка и является составляющей профессиональной компетенции будущих специалистов. Достижение данной цели связано с решением следующих задач: отбор речевого и языкового материала; определение его объема и классификации по уровням; формулирование механизма овладения речью, в том числе и письменной, как одним из самых сложных видов речевой деятельности; разработка критериев и типа контроля; создание мультимедийных курсов с привлечением ТСО для самостоятельной работы обучаемых. Решение этих задач будет способствовать созданию учебно-методического комплекса для обучения иностранным языкам в техническом вузе.

Заключение. Таким образом, цели обучения иностранному языку при подготовке специалистов технических вузов определяются социальным заказом, т. е. требованиями, предъявляемыми обществом к выпускникам данных вузов. Непосредственные цели обучения определяются также и тем, какую роль владение иностранным языком играет в осуществлении профессиональной деятельности. Следовательно, цели обучения должны определяться таким образом, чтобы в результате образовательного процесса выпускник технического вуза не только обладал бы специальными знаниями, но и также был бы подготовлен к осуществлению профессиональной деятельности в более широком смысле.

Литература

1. Никитина, О. С. Обучение профессионально ориентированному деловому иноязычному общению в техническом ВУЗе / О. С. Никитина, О. С. Ноздрин // Инженерное образование. – 2006.
2. Зимняя, И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке / И. А. Зимняя. – М.: Просвещение, 1978.
3. Давыдов, В. В. Проблемы развивающего обучения / В. В. Давыдов. – М.: Академия, 2004.

Поступила 02.04.2010

РЕФЕРАТЫ

УДК 502.11:327

Полуян, И. В. **Политическая идеология** / И. В. Полуян // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 3–6.

Одной из отличительных особенностей современности является возрастание роли политики и идеологии в жизни общества и государства. Объективная основа такого явления – усложнение и углубление процессов общественного развития. Идеология и политика представляют собой определенный род деятельности в системе субъективно-объективных отношений и являются тесно взаимосвязанными, наиболее активными компонентами надстройки.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 316.455:316.32

Денисов, А. В. **Этноцентризм в политике Запада: негативные тенденции и пути их преодоления** / А. В. Денисов // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 7–9.

В статье анализируются элементы этноцентризма в политике западных государств в условиях постмодерна и глобализаций. Подчеркиваются негативные черты этноцентризма и предлагаются возможные пути их преодоления в условиях возвращения от однополярного посторения мировой организации к многополярному.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 502.12

Борисевич, А. Р. **Экологическое образование в контексте концепции устойчивого развития** / А. Р. Борисевич // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 10–14.

В статье рассматриваются основные направления становления и развития экологического образования как педагогической проблемы. Автор анализирует труды известных российских ученых И. Д. Зверева, А. Н. Захлебного, И. Т. Суравегиной, А. П. Сидельковского, Н. Н. Моисеева, А. Д. Урсула, которые внесли существенный вклад в разработку данной проблемы. Раскрывается концепция устойчивого развития, которую следует понимать как стратегию коэволюции общества и природы. В свете современных требований перед педагогом выдвигается задача формирования личности, обладающей независимостью в своих мнениях, поступках, строящей свои отношения с окружающей средой на основе понимания ее целостности, обладающей опережающим мышлением и ноосферным интеллектом. Раскрыт многовекторный характер понятия «экологическое образование и воспитание».

Библиогр. – 12 назв.

УДК 159.942.53-316.62

Александрович, А. П. **Психологические особенности личности террориста** / А. П. Александрович // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 15–19.

В данной статье отражаются некоторые особенности личности террориста. В частности, показаны три психологические модели личности: психопат-романтик, фрустрированный человек, человек из ущербной семьи. На основе научных исследований в статье дается сравнительная характеристика преступника и террориста, отчетливо выделяются шесть базовых качеств, таких, как 1) преданность своему делу; 2) готовность к самопожертвованию; 3) выдержанность, дисциплинированность; 4) «конспиративность»; 5) повинование; 6) коллективизм – способность поддерживать хорошие отношения со всеми членами своей боевой группы.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 930(043.3)

Сергеев, В. Н. **К вопросу о статусе концепта «историческая реконструкция»** / В. Н. Сергеев // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 20–23.

Статья посвящена детальному рассмотрению такого фундаментального понятия науки о прошлом, как «историческая реконструкция». Исследуется структура указанного феномена и выделяются такие его необходимые составляющие, как аксиоматика и гипотетика. Особое внимание уделяется взаимодействию этих элементов в процессе исторического исследования, а также тому вызову, который был брошен традиционному пониманию исторической реконструкции в связи с увеличением роли междисциплинарности в современной исторической науке. Рассматривается характер данного вызова и те проблемные области, которые он породил.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 94(476)«14/15»

Казаков, А. В. **Знать из русских земель на службе великим князьям литовским (80-е гг. XV – середины XVI в.)** / А. В. Казаков // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 24–27.

Статья посвящена вопросу государственной службы знати из русских земель в Великом княжестве Литовском в 80-е гг. XV – середине XVI в. Служба монарху наряду с имущественным положением и брачными отношениями с местной знатью является одним из важнейших показателей степени интегрированности эмигрантов в привилегированное сословие ВКЛ. Исследование основано на данных о государственной службе представителей княжеских фамилий и боярской аристократии, содержащихся в нарративных и документальных исторических источниках. Анализируется служба эмигрантов из русских земель великим князьям литовским в военной, дипломатической и административной (управленческой) сферах.

Библиогр. – 22 назв.

УДК 947.6.045

Доморад, А. А. **Эволюция прав шляхты Великого княжества Литовского в XVI в.** / А. А. Доморад // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 28–32.

В статье рассматриваются причины, ход и результаты эволюции прав шляхты в ВКЛ в XVI в. Представители высшего сословия настойчиво добивались расширения своих политических прав по примеру шляхты польской. Власти вынуждены были соглашаться с такими требованиями ввиду заинтересованности в военной шляхетской службе и тенденции по консолидации высшего сословия. В результате этих процессов беднейшая часть шляхты получила доступ к политической жизни посредством участия в местных соймках.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 930(476)«1850/19»-028.79

Крючек, П. С. **Прошлое Беларуси в трудах белорусских народников** / П. С. Крючек // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 33–35.

В статье раскрывается процесс зарождения белорусской исторической науки во второй половине XIX в. После подавления восстания 1863–1864 гг. в Беларуси усилилась политика русификации. В исторической науке господствовала теория «западноруссизма», сторонники которой не признавали существование самостоятельного белорусского этноса, а историю Беларуси рассматривали как часть истории России. В этих условиях белорусские народники были первыми, кто обратился к изучению истории своего народа и на основе анализа источников доказал его право на самостоятельное существование.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 94(476):37.091.12«18/19»

Острога, В. М. **Социальный статус преподавателей городских учебных заведений Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.** / В. М. Острога // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 36–40.

В статье автор рассматривает социальный статус преподавателей городских учебных заведений Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Подчеркивается, что правовое положение педагогов регулировала широкая нормативно-правовая база: законы, постановления, циркуляры и т. д. В определенной степени освещены проблемы подбора кадров, материальное положение преподавателей. Делается сравнительный анализ социального положения преподавателей сельских народных школ и уездных городских училищ, гимназий. Показаны некоторые положительные тенденции в реформировании системы народного образования после Февральской революции 1917 г.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 327.33(476)(091)

Райченко, А. А. **Влияние социально-экономической стратификации населения Беларуси в конце XIX – начале XX в. на процесс формирования белорусской нации** / А. А. Райченко // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 41–44.

В данной статье анализируется социальная стратификация населения Беларуси в конце XIX – начале XX в., что хронологически совпадает с переходом формирующейся белорусской нации в последнюю стадию этого процесса. Дается также краткий обзор экономического положения в 5 белорусских губерниях и делается попытка проследить влияние особенности последнего на процесс нациотворчества в Беларуси. Приводится авторское объяснение особенностей в процессе формирования белорусской нации, что проявилось в его относительном запаздывании по отношению к большинству соседних народов.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 323.28(476)

Козляков, В. Е. **Борьба самодержавных властей против террора оппозиционных партий в Беларуси накануне и в годы первой российской революции** / В. Е. Козляков // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 45–49.

В статье раскрывается сформированная накануне и в период первой российской революции система безопасности и политического сыска в Беларуси, призванная бороться с революционным движением, в том числе против террористических актов оппозиционных партий. Автор выделяет несколько направлений деятельности местных полицейских структур: наблюдение за настроениями населения и выявление подозреваемых в антисамодержавных действиях лиц; непосредственная работа с населением и попытки создания псевдореволюционных организаций, действовавших под контролем полицейских чинов; оперативно-розыскная деятельность полиции с целями упреждения террористических актов и поимки террористов; идеологическая работа, связанная с дискредитацией революционеров и усилением вероподданических чувств по отношению к царскому режиму.

Библиогр. – 14 назв.

УДК 94(476)«1917»

Рыженков, И. М. **Крестьянские организации в решении общественных и государственных проблем: по материалам белорусских губерний (март – июнь 1917 г.)** / И. М. Рыженков // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 50–53.

В статье рассматривается проблема места и роли крестьянских организаций в решении общественных и государственных задач Российского государства в период с марта по июнь 1917 г. Автор работы освещает данную тематику, используя материалы белорусских губерний, не занятых немецкими войсками. Раскрывает особенности процесса создания крестьянских организаций, а также их роль в кампании по пропаганде и защите нового демократического режима.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 94(476–25)«1917»:82–94

Семенчик, Н. Е. **События в Минске конца октября – начала ноября 1917 г. в освещении исторической литературы** / Н. Е. Семенчик // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 54–58.

В статье приводится обзор исторической литературы, посвященной проблеме Октябрьской революции. Дается характеристика политического положения в стране, в том числе Беларуси, накануне выборов в Учредительное собрание. Освещается деятельность Комитета спасения революции Западного фронта, созданного в связи с вооруженным восстанием петроградского гарнизона и отрядов рабочих против Временного правительства. Уточняется время и обстоятельства прихода к власти большевиков в Минске.

Библиогр. – 37 назв.

УДК 94(476):316.35«1917»

Дедюля, П. В. **Всебелорусский съезд 1917 года и интеллигенция** / П. В. Дедюля // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 59–61.

В статье раскрываются усилия интеллигенции Беларуси в суровых условиях Первой мировой войны, революционных событий 1917 г., направленные на строительство национального, демократического государства. 1872 делегата Всебелорусского съезда с необычным энтузиазмом, верой в лучшее будущее, преодолевая разногласия, почти единодушно высказались за создание белорусской державы, за решение трудных задач на этом пути. К сожалению, этот порыв белорусов не был поддержан большевиками.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 355.48(476)«1920»

Семенчик, Н. Е. **Идейно-политические мероприятия командования Западным фронтом по укреплению боеспособности красноармейцев в 1920 г.** / Н. Е. Семенчик // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 62–65.

В статье освещаются отдельные аспекты идейно-политической работы командования Западного фронта и органов Советской власти по укреплению боеспособности Красной Армии. Основная часть отводится характеристике мероприятий, осуществленных в прифронтовой зоне военным командованием совместно с местными революционными комитетами по идейному воспитанию бойцов Красной Армии, борьбе с дезертирством и оказанию помощи семьям красноармейцев.

Библиогр. – 35 назв.

УДК 908:06(476)«1920»

Денисов, А. В. **Направления деятельности национальных отделов при Центральном бюро краеведения в БССР в середине 1920-х гг.** / А. В. Денисов // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 66–68.

В статье затрагиваются аспекты деятельности национальных секций при Центральном бюро краеведения (Институт белорусской культуры) в 1920-х гг. в Советской Беларуси, их взаимодействие с национальными отделами в Институте и других исследовательских структурах. Данные структуры играли большую роль в краеведческом движении БССР в обозначенный период. В качестве конкретного примера взяты показатели работы еврейских секций и отделов как наиболее активных.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 37.014(476)«1920»

Коледа, И. В. **Становление системы образования и науки в БССР в 1920-е гг.** / И. В. Коледа // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 69–71.

В статье рассматривается такое направление политики белорусизации, осуществляемой в БССР в 1920-е гг., как реформирование сферы образования. В этой области государственной программой предусматривался перевод на белорусский язык системы школьного обучения, а также среднего и высшего образования, подготовка соответствующих кадров, создание необходимой научно-технической базы. Автор акцентирует внимание на тех мероприятиях, проведение которых способствовало решению поставленных задач, а также на проблемах и сложностях, возникших в ходе осуществления этой политики. Анализируются также результаты белорусизации школьной системы и отношение к проведению этой политики в обществе.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 070(091):947.6

Коваль, О. В. **Межвоенная эмиграция белорусского и украинского населения в Канаду** / О. В. Коваль // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 72–75.

В статье изучается основной центр межвоенной эмиграции белорусов и украинцев в североамериканском направлении. За период с 1918 по 1939 г. в Канаду выехали более 100 000 украинцев из Западной Украины и около 15 000 белорусов с территории Западной Беларуси. Правительство Канады оказывало непосредственное влияние на контингент эмигрантов и их численность при помощи законодательства страны. Особое внимание в статье уделено степени влияния украинской диаспоры на белорусскую эмиграцию в сельскохозяйственных колониях Канады. Автором использованы как белорусские, так и зарубежные публикации по данной тематике.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 070(091):947.6

Коваль, О. В. **Образовательные связи белорусской и украинской диаспоры в Чехословакии (1918–1939)** / О. В. Коваль // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 76–79.

Статья посвящена вопросам культурных, образовательных и политических контактов между белорусами и украинцами в межвоенной Чехословакии. Проведен анализ роли и влияния высших образовательных учреждений украинских эмигрантов на деятельность белорусской диаспоры. Подробно рассматриваются факультеты украинских университетов и институтов, уточняется количество белорусских студентов в данных заведениях, их источники финансирования и особенности работы.

Автор впервые вводит в научный оборот современные украинские исследования по деятельности диаспоры в Чехословакии в период с 1918 по 1939 г.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 94(476)«1939–1941»

Жарина, Л. В. **Белорусизация в западных областях Белоруссии в 1939–1941 гг.** / Л. В. Жарина // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 80–82.

После воссоединения Западной Белоруссии с Советской в западных областях начался процесс белорусизации. В данной статье нашли отражение такие ее направления, как кадровая политика, развитие системы образования, издательская деятельность, развитие культуры и искусства. Вместе с тем отмечены и допущенные искажения, необоснованные репрессии.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 94(476)«1941/1944»:332.012.34

Гребень, Е. А. **Городское коммунальное хозяйство Беларуси в годы нацистской оккупации** / Е. А. Гребень // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 83–86.

В статье рассматривается механизм функционирования городского коммунального хозяйства Беларуси в период нацистской оккупации. Реконструирована структура городского коммунального хозяйства, определены функции подразделений местной вспомогательной администрации, обеспечивавших функционирование этого хозяйства. Отмечается, что оккупационные власти сохранили довоенную структуру коммунального хозяйства.

Библиогр. – 15 назв.

УДК 9(476)-058.232.6«1966/1975»

Зайцева, Н. В. **Динамика развития системы оплаты труда колхозного крестьянства республики (1966–1975 гг.)** / Н. В. Зайцева // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. – С. 87–90.

Гарантированная оплата труда способствовала повышению трудовой активности колхозников и закреплению рабочей силы в сельскохозяйственном производстве. Существенной стороной гарантированной оплаты труда являлся ее устойчивый характер. Такая устойчивость достигалась тем, что заранее фиксированный уровень вознаграждения за труд на протяжении определенного отрезка времени оставался стабильным и устойчивым. Следовательно, исключалась случайность и непостоянство оплаты труда. Это порождало уверенность колхозника в том, что труд его обязательно и в равной степени будет вознагражден на протяжении всего года, что не могло не отразиться и на эффективности его работы. Однако высокая материальная заинтересованность колхозников в результатах деятельности могла быть обеспечена лишь путем значительного повышения уровня основной оплаты труда в сочетании с дополнительной и премиальной.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 745/749(091)(476)«19»

Наркевич, Н. И. **Становление национальной школы в декоративно-прикладном искусстве Беларуси (1969-е – середина 1970-х гг.)** / Н. И. Наркевич // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 91–95.

В статье раскрываются особенности становления национальной школы в декоративно-прикладном искусстве Беларуси (1960-е – середина 1970-х гг.), определяются трудности возрождения профессионального декоративно-прикладного искусства, связанные с подготовкой кадров и укреплением промышленной базы.

Возрождению и развитию традиционных народных промыслов способствовали реконструкция существующих и строительство новых предприятий художественных промыслов, деятельность Белорусского художественно-промышленного союза, художественных артелей. Автор акцентирует внимание на особенностях процесса возрождения белорусского гобелена во второй половине 1960-х гг., который связан с освоением новых художественных и пластических языков, обогащением технологических приемов, открытием в 1964 г. кафедры художественных тканей в Белорусском государственном театральном-художественном институте.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 377(476)«1976–1985»

Якуш, Н. М. **Политехнизация общеобразовательной школы Беларуси и трудовое воспитание учащейся молодежи в 1976–1985 гг.** / Н. М. Якуш // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 96–98.

В статье анализируются процессы приведения содержания профессионально-технического образования тружеников села в соответствие с уровнем механизации производства и проблема становления единого и непрерывного образования с учетом допрофессиональной и профессиональной подготовки механизаторов в сельской общеобразовательной школе.

В этой связи исследуется усовершенствование материально-технической базы средней школы, система профориентационной работы, формы и методы трудового обучения школьников.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 001.32:930(476)«1920/1991»

Острога, В. А. **Внутрисоюзные научные контакты белорусских исследователей в области истории нового и новейшего времени. 1920-е – 1991 гг.** / В. А. Острога // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 99–103.

В статье на базе анализа архивных документов рассматриваются контакты белорусских исследователей истории зарубежных стран нового и новейшего времени в рамках научного сотрудничества республик СССР. В центре внимания исследования – работа представителей академических научных учреждений и высших учебных заведений Советской Белоруссии, прежде всего Белорусского государственного университета с середины 1920-х до 1991 г. Подчеркивается, что ученые не всегда имели возможность реализовать свой научный потенциал в основном из-за недостаточного финансирования.

Библиогр. – 22 назв.

УДК 37.015.3:159.922.27

Иванова, Н. **Формирование у учащихся коммуникативно-речевых умений** / Н. Иванова // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 104–107.

В статье представлена система формирования коммуникативно-речевых умений учащихся на начальном этапе обучения. Рассматриваются методические приемы, направленные на формирование у обучаемых умений воспринимать и осмысливать литературные произведения, участвовать в обсуждении, высказывать собственные суждения, а также умения по идентификации, разграничению и правильному употребле-

нию языковых категорий в устной и письменной речи. Автор показывает, как из класса в класс развиваются эти умения. Приводятся примеры формирования умений при выполнении таких творческих заданий, как «Сочинение по пережитому», «Сочинение по наблюдению», «Сочинение по творческой задаче», «Рассказ по картинке» и др.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 378.015.3.005.32-057.873

Александрович, П. И. **Педагогическое общение преподавателя со студентами ВУЗа** / П. И. Александрович // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 108–111.

В данной статье раскрыто понятие педагогического общения, показаны особенности взаимоотношений преподавателя и студента, сформулированы основные средства повышения коммуникативности педагога. Обращено внимание на трудности, которые испытывает педагог в общении со студентами. Они связаны с неумением наладить контакт, управлять общением студентов на занятиях, выстраивать взаимоотношения и перестраивать их в зависимости от специфики педагогических задач. В статье отражается инициативность двух видов: 1) педагог открыто выступает как инициатор общения; 2) педагог выступает как скрытый инициатор деятельности, причем в этом случае у студентов создается впечатление, что инициаторами этой деятельности являются они сами. Выделены стили и динамика педагогического общения.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 504.3

Водопьянов, П. А. **Устойчивое развитие как теоретическая проблема современной науки** / П. А. Водопьянов // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 112–116.

В статье доказана несостоятельность сугубо потребительского вектора экономического развития, который привел к различного рода кризисным явлениям, обосновывается целесообразность утверждения биоантропоцентристской парадигмы, раскрывается содержание коэволюционной стратегии, нормативно определяющей процессы социальных и природных изменений и не допускающей разрушения природных экосистем.

Библиогр. – 1 назв.

УДК 130.1:37

Бурак, П. М. **Конституирование ноосферных критериев модернизации образования** / П. М. Бурак // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 117–119.

Статья представляет собой обобщение разработок автора по вопросам методологии познания становления и практики формирования ноосферы в проекции возможных изменений концептуальных подходов к образованию. Соответственно, в качестве ноосферных критериев модернизации образования выбраны актуальные философско-научные проблемы ноосферогенеза, которые обусловлены противоречивым единством естественно-исторического развития системной организации жизни и продолжающей данный процесс социальной деятельности по созданию человекомерной среды бытия.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 159.955:111.7

Пунченко, О. П. **Творчество как культурогенный феномен духовного бытия социума** / О. П. Пунченко // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 120–121.

В статье рассмотрены природные и культурные предпосылки становления творчества, проанализирована значимость рефлексивного мышления как специфическая особенность индивида. Кроме того, обосновано положение о том, что только в процессе творчества создается новая реальность и само общество.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 114.115-047.37

Лазаревич, Н. А. **Социально-биологические аспекты исследования пространства-времени** / Н. А. Лазаревич // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 122–125.

Рассмотрена трансформация классических представлений о пространстве и времени под влиянием биологической и социально-культурной эволюции. Изучены особенности биологического и социального пространства-времени. Раскрыты нетрадиционные пространственно-временные измерения явлений, обусловленных достижениями в области биомедицинских исследований.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 316.752:001.101:62

Кокорев, А. В. **Техническое знание в структуре духовных ценностей социума** / А. В. Кокорев // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 126–128.

В статье раскрывается содержание технического знания, рассмотрены основные этапы его становления, обоснована необходимость формирования новых методов обработки, передачи и хранения технического знания, проанализирована структура естественно-научной и технической теории.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 130.2

Сидоренко, И. Н. **Проблема языка в философии культуры В. Беньямина** / И. Н. Сидоренко // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 129–131.

Данная статья посвящена философии культуры немецкого философа-марксиста и культуролога В. Беньямина. Основная задача философии культуры заключается в критическом анализе современной культуры модерна, породившей тотальное отчуждение и покорение человека техникой, логическим следствием которого стали войны как самоистребление человечества. Одной из главных проблемных областей философии культуры В. Беньямина является тематика языка, выраженная, с одной стороны, неопределенностью разрыва между вещами и их смыслами, а с другой – проблемой «идеального языка», правомерности перевода и специфики литературной критики. В силу этого его философия превращается в «магическое чтение», задачей которого становится прояснение подлинного языка в литературном произведении.

Библиогр. – 1 назв.

УДК 378.014.5:62

Шилина, Н. Е. **Гуманизация инженерно-технического образования как актуальная проблема формирования социокультурной среды XXI века** / Н. Е. Шилина // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 132–135.

В статье раскрывается содержание гуманизации инженерно-технического образования, выявляются факторы, определяющие изменения социальной среды, в которой формируется личность нового типа. Кроме того, рассматриваются важнейшие методологические аспекты гуманизации высшего образования.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 32.001+304.42

Оришева, О. Ф. **«Политическое» и «социальное» в постмарксистской теории гегемонии** / О. Ф. Оришева // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 136–139.

Основная цель статьи состоит в том, чтобы проанализировать центральные положения постмарксистской социальной онтологии Э. Лакло и Ш. Муфф и на ее примере показать, что происходящий в современной социальной теории отказ от эссенциалистских и холистских трактовок общества приводит к радикальному переосмыслению роли и значения политики. В статье рассматриваются основные понятия концепции Э. Лакло и Ш. Муфф, такие как «общее поле дискурсивности», «логика различия», «логика эквивалентности», «узловая точка», «плавающее означающее», «антагонизм» и др. Особое внимание уделяется понятию гегемонии, которое в данной концепции обозначает универсальный политический механизм установления общества. Делается вывод о том, что основным следствием разработки постмарксистской социальной онтологии становится понимание политики как активности, первичной по отношению к любым социальным практикам и институтам.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 1:281.9(476)

Кожич, Н. М. **Особенности диалога православной церкви с другими конфессиями** / Н. М. Кожич // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 140–142.

В статье рассматривается специфика взаимоотношений Русской православной церкви с другими конфессиями. Анализируются факторы, которые способствовали возникновению и развитию межхристианских и интерконфессиональных контактов. Сделан вывод о том, что если в прошлом церковь строила свои отношения с иными конфессиями на основе идеи вероисповедного превосходства, то в настоящее время она признает необходимость диалога, основанного на принципе толерантности, для решения актуальных проблем современности.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 101:1:316

Подручный, М. В. **Методологические проблемы синтеза естественно-научного и социогуманитарного познания** / М. В. Подручный // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 143–146.

В статье рассмотрено взаимодействие понятий и принципов биологического эволюционизма с общекультурными идеями биосферы, ноосферы, коэволюции. Раскрыты мировоззренческие аспекты методологических

трансформаций современного биологического эволюционизма. Выявлен эвристический потенциал синергетического подхода к решению проблем глобального эволюционизма. Обоснован синтетический характер социобиологического знания, обозначены основные принципы традиционной социобиологии.

Библиогр. – 1 назв.

УДК 101.1:316.422.44

Денисенко, И. Д. **Проблемное поле социально-философских исследований в контексте современных трансформаций** / И. Д. Денисенко // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 147–149.

В статье раскрывается проблемное поле социально-философских исследований, обусловленное уточнением категориального аппарата исследований, установлением границ предметных полей наук, поиском теоретических оснований, интерпретирующих развитие социальных процессов; осуществлен анализ отношений между представителями социальной философии и социологии.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 577.1:1

Карканица, О. А. **Трансформация евгенической идеи оптимена в концепциях биоконсерватизма и трансгуманизма** / О. А. Карканица // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 150–153.

В данной статье анализируются содержательные трансформации евгенической идеи оптимена в концепциях биоконсерватизма и трансгуманизма, ориентированных на решение проблемы сохранения биологических основ человека. Автор приходит к выводу, что возможность экспликации спекулятивных интерпретаций идеи оптимена свидетельствует о том, что коллективное самопонимание выстраивается в контексте технократических установок, обуславливающих перманентное воспроизводство проблем, которые пытаются решить мировое сообщество. В частности, асимметрия в соотношении естественного и искусственного, являющаяся следствием атропотехнических проекций, не только не выступает источником беспокойства для сторонников трансгуманизма, но, более того, рассматривается ими как одна из важнейших предпосылок для пересмотра устоявшихся взглядов на природу человека.

Библиогр. – 1 назв.

УДК 130.2:2-42

Севостьянова, Н. Г. **Преференции и проблематизации нравственной ответственности** / Н. Г. Севостьянова // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 154–156.

В статье раскрыты нормативные и теоретические преференции нравственной ответственности наряду с их проблематизациями в культуре и философском дискурсе. Выявлены критические стороны нравственной ответственности в условиях общества постмодернити и новые аспекты изучения проблемы в контексте современного анализа противоречия должного и сущего. Показано безусловное регулятивное значение ответственности как обновленного категорического императива на всех уровнях бытия вне зависимости от ресурсов для выполнения этого насущного требования.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 316.354

Карпиевич, В. А. **Человеческий ресурс и его специфика в органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям** / В. А. Карпиевич // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 157–159.

В статье рассматривается проблема человеческого ресурса в производственных отношениях. Эта проблема также актуальна и для органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям. Активизация человеческого ресурса с помощью личной и коллективной заинтересованности требует весьма значительных финансовых вложений в социальную сферу и сферу образования. В условиях ограниченных материальных ресурсов необходимы нематериальные методы, которые бы максимально охватили все сферы жизнедеятельности организации.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 341-043.86

Бородко, Н. П. **Нюрнбергский процесс и прогрессивное развитие международного права** / Н. П. Бородко // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 160–162.

В статье на основе материалов Международного военного трибунала над главными военными преступниками Второй мировой войны дается общая характеристика состава международных преступлений, совершаемых гитлеровцами на оккупированных территориях. Освещается процесс формирования международного права, отмечаются основные направления его развития, подчеркивается международно-правовое значение

процесса. Автор приходит к выводу, что Нюрнбергский трибунал ознаменовал качественно новый этап в развитии норм международного права, принципов права.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 347.77:339.543

Бородко, Н. П. **Таможенная защита интеллектуальной собственности** / Н. П. Бородко // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 163–165.

Цель статьи – привлечь внимание к необходимости решения проблем трансграничных нарушений прав интеллектуальной собственности. В ней поставлена проблема отсутствия качественных механизмов защиты данного вида собственности от контрафактной продукции. Статья содержит рекомендации по совершенствованию национального законодательства в этой области.

УДК 342.9:343.351

Зенькович, В. А. **Административная ответственность за мелкое хищение и ее совершенствование** / В. А. Зенькович // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 166–168.

В статье проанализировано действующее законодательство Республики Беларусь об административных правонарушениях, предусматривающее ответственность за мелкое хищение. Внесено предложение о необходимости его совершенствования в части распространения в полном объеме требований статьи 2.8 КоАП, находящейся в Общей части настоящего кодекса, а также части второй статьи 10.5 КоАП, содержащей в своей конструкции такой квалифицирующий признак, как повторность.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 343.24-043.7

Максименко, Е. В. **Современные тенденции развития уголовного наказания** / Е. В. Максименко // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 169–172.

В статье затрагиваются вопросы уголовного наказания и современные тенденции его развития. Проводится анализ самого понятия наказания как регулятора поведения людей, вступающих в конфликт с законом, его назначения, целей применения с различных точек зрения. Рассматриваются как социальные, так и правовые аспекты применения уголовного наказания. Данные положения раскрываются с учетом современных тенденций, делаются выводы о направлениях совершенствования в данной сфере.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 346.245

Кирсанова, Г. Ж. **Правовое положение акций на рынке ценных бумаг** / Г. Ж. Кирсанова // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 173–175.

За последнее десятилетие в Республике Беларусь была проведена приватизация государственных предприятий и появились акционерные общества. Акции, которые были выпущены акционерными обществами, должны были сыграть значительную роль в оздоровлении экономики, но на практике этого не произошло. Одной из причин такого процесса является недооценка зарубежного опыта применения самих акций. В данной статье сделана попытка, анализ некоторых аспектов применения акций с учетом их правового положения на рынке ценных бумаг.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 378.06-057.875-058.833

Жуковская, Т. В. **Формирование культуры семейных отношений в студенческой среде** / Т. В. Жуковская // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 176–178.

В статье поднимаются вопросы формирования культуры семейных отношений в студенческой среде. Раскрывается системный и целенаправленный характер воспитательной работы кафедры белорусского языка по пропаганде семейных ценностей и профилактических мер по сохранению семьи. Делается вывод, что только единство действий образовательной и воспитательной системы, при которой студенты получают одинаковые представления и моральные установки, может дать положительный эффект.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 821.161.309:808.1«18»

Федорцова, Т. Н. **Мифологическая основа творчества белорусских романтиков XIX в.** / Т. Н. Федорцова // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 179–184.

В статье рассматриваются жанрово-стилистические особенности литературных произведений периода романтизма XIX ст. В частности, обращено внимание на особенности символики, архетипов и использование мифологем поэтами-романтиками А. Мицкевичем, Я. Чачотом, А. Петрашкевичем и другими представителями филоматской поэзии. Проведено сравнение изобразительных средств поэзии романтиков XIX и XX ст.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 811.161.1'243

Козлякова, Т. А. **Место устной научной речи в обучении русскому языку иностранных студентов** / Т. А. Козлякова // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 185–187.

В статье рассматриваются особенности формирования устной научной речи иностранных студентов. Отмечаются различия между диалогической и монологической формами речи. Описываются лингвистические и экстралингвистические особенности научного стиля. Выявляются схожие и отличительные черты устной научной речи с ее письменным вариантом и с устно-разговорной литературной речью обиходно-бытового характера. Подчеркивается, что специфика устной научной речи, своеобразие построения в ней языковых средств должны обязательно учитываться в практике преподавания русского языка как иностранного.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 008(476)«15/16»

Швед, Г. Ф. **Белорусское барокко** / Г. Ф. Швед // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 188–191.

Белорусское барокко, отличительный вариант европейского, имело значимые художественные ценности. Благодаря соединению книжных и фольклорных традиций, барокко стимулировало в Беларуси переход к новой литературе. По существу, это был первый «общенациональный стиль», потому что он охватывал все классы и сословия того времени, все виды белорусской культуры. Появились новые виды и жанры художественного творчества. Возникла совершенно иная точка зрения в отношении мироощущения и человека. Знание этого способствует развитию лингвокультуроведческой компетенции, расширению кругозора будущих специалистов.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 811.'38:821'0

Русак, О. В. **Стилистическая роль периода в языке художественной литературы (на материале прозы Янки Сипакова)** / О. В. Русак // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 192–194.

Статья посвящена анализу стилистического использования периода как типичного экспрессивного средства в прозе современного белорусского писателя Янки Сипакова. Отмечается, что стилистическая функция периода зависит от семантического наполнения конструкции и от контекста. Проиллюстрированы случаи употребления периода для повышения эмоциональности высказывания, для создания лирического, поэтического настроения, а также для актуализации замедленности или, наоборот, динамики событий.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 378.091.2.017:811.161.3

Кузьмич, О. А. **Из опыта сотрудничества кафедры белорусского языка с кафедрами технического профиля по вопросам патриотического воспитания** / О. А. Кузьмич // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 195–197.

Идеологическое и патриотическое воспитание в техническом вузе ставит перед кафедрами гуманитарного профиля особую задачу разработки эффективных форм воспитательной работы и ее координации на общеуниверситетском уровне. В данной статье анализируется опыт сотрудничества в этой области кафедры белорусского языка БГТУ с кафедрами технического профиля. Показаны основные подходы к воспитательной работе, их практическое воплощение, а также эффективность такого тесного сотрудничества подразделений университета.

УДК 811.161.3'06-043.86

Миксюк, Р. В. **О некоторых эволюционных процессах в современном белорусском языке** / Р. В. Миксюк // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 198–200.

В статье отражены эволюционные изменения в лексикологии и словообразовании современного белорусского языка за последние десятилетия XX и первое десятилетие XXI в. Указываются причины и пути изменения словарного состава белорусского языка, рассматриваются проблемы употребления заимствованной лексики. Отмечаются положительные и отрицательные стороны стилистического оформления терминологической и общеупотребительной лексики. Освещаются прогрессирующие словообразовательные процессы. Предлагаются пути выхода на новый уровень лингвистических исследований.

УДК 811.161.1'243'276.6:54(075.4)

Скоробогатая, Е. И. **Особенности структуры учебно-методического пособия «Русский язык. Научный стиль речи на материале текстов по химии»** / Е. И. Скоробогатая // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 201–203.

В статье анализируются особенности структуры учебно-методического пособия. Указаны цели и задачи пособия, дано описание разнообразных заданий – фонетических, лексических и грамматических. Приведены конструкции, типичные для научного стиля речи, а также методы и приемы, с помощью которых иностранные слушатели смогут зафиксировать эти конструкции на письме.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 378.017:17

Савицкая, Н. Е. **Некоторые аспекты духовно-морального воспитания** / Н. Е. Савицкая // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 204–206.

В статье рассматриваются такие понятия, как глобализация, мораль, нравственность, духовность, анализируются причины кризиса духовной культуры в современном мире, возможность манипулировать сознанием миллионов людей посредством Интернета и СМИ. Обращается внимание на необходимость выработки и сохранение ценностно-мировоззренческой безопасности, обеспечивающей нравственно-духовным воспитанием личности и являющейся сверхзадачей всего процесса образования и воспитания молодежи.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 378.091.33:81'243

Антонова, О. С. **Лингводидактическое тестирование как важнейший компонент управления качеством обучения иностранному языку** / О. С. Антонова // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 207–209.

В статье особое внимание уделено проблеме стандартизации образования в вузе, связанной с необходимостью объективной оценки уровня обученности студентов. Одним из способов получения такой информации служит педагогическое тестирование. Подробно рассмотрены основные функции тестирования, к которым относят обучающую, собственно контролирующую, диагностирующую, управленческую, мотивирующую, оценочную, воспитывающую, развивающую. В статье представлена полная классификация по целевым, функциональным, содержательным, а также по формальным признакам, разработанная российскими методистами-исследователями И. А. Рапопортом, Р. Сельг, И. Соттер. Приведены некоторые методические рекомендации по наиболее эффективному интегрированию данной классификации для разработки лексико-грамматических тестов как составной части модуля контроля в конце семестра и курса обучения на кафедре иностранных языков в БГТУ.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 378.091.33'.81'243'276.6

Коженец, Т. С. **Развитие иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов в условиях применения информационных технологий обучения** / Т. С. Коженец // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 210–212.

В статье рассматриваются проблемы формирования коммуникативной компетентности студентов с помощью использования новых информационных технологий. Автор раскрывает сущность понятия «профессиональная коммуникативная компетентность», ее значение для межкультурного взаимодействия будущих специалистов технического вуза в условиях международной интеграции. Подробно представляется структурно-содержательная модель данной компетентности, формулируются условия ее эффективного развития. Отдельное внимание уделяется принципам применения информационных технологий в процессе обучения иностранным языкам, среди них: принцип комплексности, системности, проблемности, познавательной направленности, интегративной целостности всех форм учебной деятельности. Характеризуются различные методы работы с использованием информационных технологий.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 811.112.2'373.613=111

Козловская, Н. А. **Англо-американские заимствования в лексике современного немецкого языка** / Н. А. Козловская // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 213–215.

За прошедшие более чем полвека в немецкой действительности произошли радикальные перемены: изменились политические условия носителей языка, наблюдаются значительные успехи экономики и совершенствование социальной системы. Все это в сочетании с общими для европейской культуры техническими и материальными новшествами не могло не сказаться на количественном росте современного словарного запаса, на формировании отдельных его участков. В статье указаны основные причины проникновения английских слов и выражений в немецкий язык и их благополучной адаптации, а также приведены определенные критерии, позволяющие снизить употребление в немецком языке англо-американской лексики.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 378.014.61

Кривоуск, Т. М. **Мониторинг как средство повышения качества знаний студентов и эффективности управления образовательным процессом** / Т. М. Кривоуск, О. В. Бобрицкая // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 216–218.

В настоящее время развитие общества предъявляет определенные требования к стандартам образования. Появляется необходимость в постоянном мониторинге обученности каждой группы и каждого студента с целью последующего внесения необходимых корректив в процесс обучения. Мониторинг может использоваться как средство повышения качества знаний студентов и эффективности управления образовательным процессом. Выделяют следующие методы мониторинга: опросные, тестирование и анализ результатов учебной деятельности. В статье описаны три формы мониторинга: стартовая диагностика, экспресс-диагностика и финальная диагностика. Учет результатов мониторинговых исследований, проводимых ежегодно, позволит своевременно вскрывать упущения в работе, прогнозировать дальнейшее развитие обучения.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 378.018.8:81'243

Оболонина, Г. Ф. **Обучение профессионально ориентированной коммуникации на занятиях по иностранному языку в неязыковых вузах** / Г. Ф. Оболонина // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 219–222.

В последнее десятилетие первостепенное место в системе обучения иностранному языку студентов в высшей школе приобрел коммуникативный подход. В статье рассматривается вопрос обучения профессионально ориентированной коммуникации студентов неязыковых вузов. Уточняются такие задачи, как определение цели обучения иностранным языкам в техническом вузе, обоснование этапов обучения в соответствии с профессионализацией подготовки специалиста, разработка форм и методов контроля. В связи с тем, что развитие профессионально ориентированной коммуникации студентов тесно связано с развитием культурной и межкультурной коммуникаций, поднимается вопрос формирования общей культуры личности. Предлагаются некоторые подходы практического решения этой задачи.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 378.091.26.01'31

Прокопенко, Л. М. **Формирование познавательной деятельности студентов в условиях модульно-рейтингового обучения** / Л. М. Прокопенко // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 223–225.

В современной системе обучения модульно-рейтинговый контроль зарекомендовал себя как наиболее объективный и точный, исключающий случайности в оценивании. Это удобная в наглядности и гуманная система контроля. Самым большим ее преимуществом является тот факт, что данная система наиболее эффективно активизирует самостоятельную работу студентов в учебном процессе и стимулирует их познавательную деятельность. Это, естественно, отражается на качестве обучения в целом, поскольку такой контроль сильно стимулирует мотивацию. Каждый студент заинтересован набрать больше баллов и поэтому активно участвует во внеаудиторных мероприятиях.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 378.016:81'243'276'6:338.43

Рогова, О. А. **О содержании обучения иностранному языку будущих специалистов в сфере туризма и природопользования** / О. А. Рогова // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 226–228.

Статья рассматривает проблемы содержания обучения иностранному языку студентов специальности «Туризм и природопользование», а также основные принципы и подходы к отбору содержания обучения. Кроме того, сформулированы основные цели и задачи как общеязыковой, так и профессионально ориентированной подготовки будущих специалистов в сфере туризма и природопользования.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 378.6.014.24

Рогова, О. А. **Международная деятельность университета как фактор интеграции в мировое образовательное пространство** / О. А. Рогова, Е. И. Янукович // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 229–231.

В статье подчеркивается важность университетов как субъектов экономического прогресса государства в сфере подготовки квалифицированных кадров и развития научно-исследовательского потенциала. Немаловажную роль в данном процессе играет международное сотрудничество университетов с образовательными и исследовательскими организациями ближнего и дальнего зарубежья. Оно способствует повышению качества предоставляемых услуг и помогает интегрироваться в международное научно-образовательное пространство.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 378.017:34-057.875

Сенькова, Т. А. **Правовое воспитание студентов технических вузов** / Т. А. Сенькова // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 232–234.

В данной статье речь идет об одном из приоритетных направлений учебно-воспитательного процесса в вузе – правовом воспитании студентов. Указывается основная цель, критерии правового воспитания, а также показатели сформированности правовой культуры студентов. Речь идет также о важности наличия у выпускников определенной юридической подготовки, высокой правовой грамотности, что является необходимым условием для дальнейшей деятельности выпускников вуза. Взаимодействие педагогической и юридической наук основывается на том, что идеалом поведения человека в обществе считается активное и сознательное исполнение им норм нравственности и права. Знание и правильное применение законов, особенно норм трудового права, чрезвычайно важно для поддержания здорового психологического климата в коллективе.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 159.953

Симонова, Т. А. **Роль памяти в обучении** / Т. А. Симонова // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 235–237.

Данная статья посвящена проблеме памяти и ее роли в обучении. В центре внимания автора – память, которую он рассматривает как психический познавательный процесс, лежащий в основе способностей человека и являющийся условием успешного обучения, приобретения знаний, формирования умений, навыков. Без памяти невозможно нормальное функционирование ни личности, ни общества. В статье выявляются и анализируются следующие основные процессы памяти: запоминание, сохранение и воспроизведение; отмечается определяющая роль запоминания для качественного воспроизведения материала. Автор рассматривает виды памяти, выделяя их в зависимости от психологической активности, описывает принципы хорошей работы памяти. Приводятся рекомендации по успешному запоминанию, указываются те факторы, которые тормозят запоминание и пагубно влияют на работу памяти.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 378.091.3:811'243

Старченко, Д. В. **Особенности групповой работы при обучении иностранному языку** / Д. В. Старченко // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 238–240.

В статье освещаются приемы организации группового обучения в рамках технологии коллективного обучения на занятиях по иностранному языку. Автор рассматривает преимущества группового метода при организации работы со студентами, формы групповой работы и основные принципы построения занятий с использованием такой методики, а также характеризует типы заданий, которые подходят для групповой работы. Задания должны быть проблемными, относительно сложными, состоять из самостоятельных частей. Автор статьи уделяет внимание правилам формирования малых групп студентов. Особо в статье подчеркивается изменение роли преподавателя. Подробно рассматривается заключительный процесс оценивания результатов групповой работы у студентов с разным уровнем языковой подготовки, а также формы презентаций результатов работы.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 811.111'243:378.091.33

Царенкова, В. В. **Технология адаптирующего социально-развивающего обучения иностранным языкам** / В. В. Царенкова, С. И. Шпановская // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 241–243.

Интенсивное развитие всех сфер жизнедеятельности общества предполагает постоянное системное совершенствование содержания образования, форм и методов его предъявления. С позиций социально-развивающей образовательной парадигмы в статье проанализированы возможности технологии адаптирующего обучения и технологии интегрирующего обучения. Показано, что данные технологии направлены на восприятие и усвоение готовых форм социального опыта носителей языка, а также на интеграцию приобретенного социального опыта, его активное воспроизведение и использование для решения социально-коммуникативных задач. В статье вводится ряд рабочих определений данного понятия, предлагается классификация технологий, приводится методика применения социально-развивающего обучения в образовательном процессе.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 378.662:81'276.6

Янукович, Е. И. **Оптимизация профессионально ориентированного языкового обучения студентов технических вузов** / Е. И. Янукович // Труды БГТУ. Сер. V, История, философия, филология. – 2010. – Вып. XVIII. – С. 244–247.

В статье рассмотрены вопросы профессионально ориентированного языкового обучения студентов технических вузов, в частности, эффективность учебного процесса при заданном количестве часов, мотивация к обучению, учебные материалы, построение учебного процесса, средства обучения. Сформулированы принципы личностно ориентированного обучения, которые реализуются в методике интегрированного коммуникативного подхода.

Библиогр. – 3 назв.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ.....	3
Полуян И. В. Политическая идеология	3
Денисов А. В. Этноцентризм в политике Запада: негативные тенденции и пути их преодоления	7
Борисевич А. Р. Экологическое образование в контексте концепции устойчивого развития	10
Александрович А. П. Психологические особенности личности террориста	15
Сергеев В. Н. К вопросу о статусе концепта «историческая реконструкция»	20
Козакоў А. У. Знаць з рускіх зямель на службе ў вялікіх князёў літоўскіх (80-я гг. XV – сярэдзіна XVI ст.)	24
Дамарад А. А. Эвалюцыя правоў шляхты Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст.	28
Кручак П. С. Мінулае Беларусі ў працах беларускіх народнікаў	33
Астрога В. М. Сацыяльны статус выкладчыкаў гарадскіх навучальных устаноў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.	36
Райчонак А. А. Уплыў сацыяльна-эканамічнай стратыфікацыі насельніцтва Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. на працэс фармавання беларускай нацыі	41
Козляков В. Е. Борьба самодержавных властей против террора оппозиционных партий в Беларуси накануне и в годы первой российской революции	45
Рыжанкоў І. М. Сялянскія арганізацыі ў вырашэнні грамадскіх і дзяржаўных праблем: па матэрыялах беларускіх губерняў (сакавік – чэрвень 1917 г.)	50
Сяменчык М. Я. Падзеі ў Мінску напрыканцы кастрычніка – пачатку лістапада 1917 г. у асвятленні гістарычнай літаратуры	54
Дзядзюля П. В. Усебеларускі з’езд 1917 года і інтэлігенцыя	59
Сяменчык М. Я. Ідэйна-палітычныя захады камандавання Заходнім фронтам па ўмацаванні баяздольнасці чырвонаармейцаў у 1920 г.	62
Дзянісаў А. У. Напрамкі дзейнасці нацыянальных аддзелаў пры Цэнтральным бюро краязнаўства ў БССР у сярэдзіне 1920-х гг.	66
Каляда І. У. Станаўленне сістэмы адукацыі і навукі ў БССР у 1920-я гг.	69
Коваль В. У. Міжваенная эміграцыя беларускага і ўкраінскага насельніцтва ў Канаду	72
Коваль В. У. Адукацыйныя сувязі беларускай і ўкраінскай дыяспары ў Чэхаславакіі (1918–1939)	76
Жарина Л. В. Белорусизация в западных областях Белоруссии в 1939–1941 гг.	80
Гребень Е. А. Городское коммунальное хозяйство Беларуси в годы нацистской оккупации	83
Зайцева Н. В. Динамика развития системы оплаты труда колхозного крестьянства республики (1966–1975 гг.)	87
Наркевіч Н. І. Станаўленне нацыянальнай школы ў дэкаратыўна-прыкладным мастацтве Беларусі (1960-я – сярэдзіна 1970-х гг.)	91
Якуш Н. М. Палітэхнізацыя агульнаадукацыйнай школы Беларусі і працоўнае выхаванне вучнёўскай моладзі ў 1976–1985 гг.	96
Астрога В. А. Внутрисоюзные научные контакты белорусских исследователей в области истории нового и новейшего времени. 1920-е – 1991 гг.	99
Иванова Н. Формирование у учащихся коммуникативно-речевых умений	104
Александрович П. И. Педагогическое общение преподавателя со студентами вуза	108

ФИЛОСОФИЯ.....	112
Водопьянов П. А. Устойчивое развитие как теоретическая проблема современной науки	112
Бурак П. М. Конституирование ноосферных критериев модернизации образования	117
Пунченко О. П. Творчество как культурогенный феномен духовного бытия социума	120
Лазаревич Н. А. Социально-биологические аспекты исследования пространства-времени	122
Кокорев А. В. Техническое знание в структуре духовных ценностей социума	126
Сидоренко И. Н. Проблема языка в философии культуры В. Беньямина	129
Шилина Н. Е. Гуманизация инженерно-технического образования как актуальная проблема формирования социокультурной среды XXI века	132
Оришева О. Ф. «Политическое» и «социальное» в постмарксистской теории гегемонии	136
Кожич Н. М. Особенности диалога православной церкви с другими конфессиями	140
Подручный М. В. Методологические проблемы синтеза естественно-научного и социогуманитарного познания	143
Денисенко И. Д. Проблемное поле социально-философских исследований в контексте современных трансформаций	147
Карканица О. А. Трансформация евгенической идеи оптимизма в концепциях биоконсерватизма и трансгуманизма	150
Севостьянова Н. Г. Преференции и проблематизации нравственной ответственности	154
Карпиевич В. А. Человеческий ресурс и его специфика в органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям	157
Бородко Н. П. Нюрнбергский процесс и прогрессивное развитие международного права	160
Бородко Н. П. Таможенная защита интеллектуальной собственности	163
Зенькович В. А. Административная ответственность за мелкое хищение и ее совершенствование	166
Максименко Е. В. Современные тенденции развития уголовного наказания	169
Кирсанова Г. Ж. Правовое положение акций на рынке ценных бумаг	173
ФИЛОЛОГИЯ	176
Жукоўская Т. У. Фармаванне культуры сямейных адносін у студэнцкім асяродку	176
Федарцова Т. М. Міфапаэтычная аснова творчасці беларускіх рамантыкаў XIX ст.	179
Козлякова Т. А. Место устной научной речи в обучении русскому языку иностранных студентов	185
Швед Г. Ф. Беларускае барока	188
Русак В. У. Стылістычная роля перыяду ў мове мастацкай літаратуры (на матэрыяле прозы Янкі Сіпакова)	192
Кузьміч В. А. З вопыту супрацоўніцтва кафедры беларускай мовы з кафедрамі тэхнічнага профілю па пытаннях патрыятычнага выхавання	195
Міксюк Р. В. Аб некаторых эвалюцыйных працэсах у сучаснай беларускай мове	198
Скоробогатая Е. И. Особенности структуры учебно-методического пособия «Русский язык. Научный стиль речи на материале текстов по химии»	201
Савіцкая Н. Я. Некаторыя аспекты духоўна-маральнага выхавання	204
Антонова О. С. Лингводидактическое тестирование как важнейший компонент управления качеством обучения иностранному языку	207
Коженец Т. С. Развитие иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности студентов в условиях применения информационных технологий обучения	210
Козловская Н. А. Англо-американские заимствования в лексике современного немецкого языка	213
Кривопук Т. М., Бобрицкая О. В. Мониторинг как средство повышения качества знаний студентов и эффективности управления образовательным процессом	216

Оболонина Г. Ф. Обучение профессионально ориентированной коммуникации на занятиях по иностранному языку в неязыковых вузах	219
Прокопенко Л. М. Формирование познавательной деятельности студентов в условиях модульно-рейтингового обучения	223
Рогова О. А. О содержании обучения иностранному языку будущих специалистов в сфере туризма и природопользования	226
Рогова О. А., Янукович Е. И. Международная деятельность университета как фактор интеграции в мировое образовательное пространство	229
Сенькова Т. А. Правовое воспитание студентов технических вузов	232
Симонова Т. А. Роль памяти в обучении	235
Старченко Д. В. Особенности групповой работы при обучении иностранному языку	238
Царенкова В. В., Шпановская С. И. Технология адаптирующего социально-развивающего обучения иностранным языкам	241
Янукович Е. И. Оптимизация профессионально ориентированного языкового обучения студентов технических вузов	244
РЕФЕРАТЫ	248

Научное издание

Труды Белорусского государственного
технологического университета

Серия V

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

Выпуск XVIII

Редактор *Е. И. Гоман*
Корректор *Е. С. Ватечкина*
Компьютерная верстка *О. Ю. Шантарович, О. В. Трусевич*

Подписано в печать 21.09.2010. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 32,4. Уч.-изд. л. 33,5.
Тираж 110 экз. Заказ .

Учреждение образования
«Белорусский государственный технологический университет».
220006. Минск, Свердлова, 13а.
Свидетельство № 1329 от 23.04.2010.

Отпечатано в Центре издательско-полиграфических
и информационных технологий учреждения образования
«Белорусский государственный технологический университет».
220006. Минск, Свердлова, 13а.
ЛИ № 02330/0549423 от 08.04.2009.
ЛП № 02330/0150477 от 16.01.2009.